
Буря мечей
том 1
Джордж Р.Р. Мартин
Иллюстрации Чарльза Весса
18+

Буря мечей. Том 1
Джордж Р. Р. Мартин

Аннотация
Джордж Р.Р. Мартин. Буря мечей. Том I
Пролог
Джейме
Кейтилин
Арья
Тирион
Давос
Санса
Джон
Дейенерис
Бран
Давос
Джейме
Тирион
Арья
Кейтилин
Джон
Санса
Арья
Сэмвел
Тирион

Кейтилин
Джейме
Арья
Дейенерис
Бран
Давос
Джон
Дейенерис
Санса
Арья
Джон
Джейме
Тирион
Сэмвел
Арья
Кейтилин
Давос
Джейме
Тирион
Арья
Бран
Джон

Аннотация

Сотрясается в борьбе Железный Трон Семи Королевств. Предают друг друга недавние союзники, злейшими врагами становятся добрые друзья.

В неприступном замке плетет сети изощренного заговора могущественная служительница Рглора, Владыки Света… В далеких, холодных землях собирает силы юный король Севера Робб из дома Старк…

Новые и новые воины сходятся под знаменами Дейенерис Бурерожденной, повелительницы последних оставшихся в мире драконов… Но ныне в разгорающийся пожар сражений вступают еще и Иные – армия живых мертвецов, коих не остановить ни властью оружия, ни властью магии.

Буря мечей грядет в Семи Королевствах – и многих сметет она… Перед вами – третья часть саги Джорджа Мартина с уникальными иллюстрациями американского художника Чарльза Весса.

Джордж Р.Р. Мартин
Буря мечей. Том I

Посвящается Филлис, побудившей меня ввести драконов

Mainstream

представляет

уникальное иллюстрированное издание

легендарного эпоса Джорджа Р.Р. Мартина

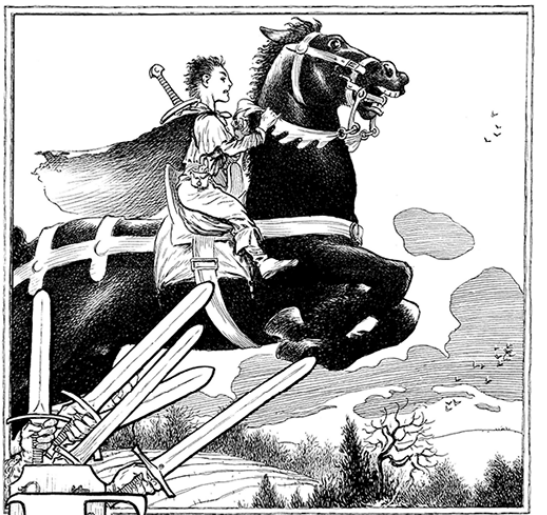
«ПЕСНЬ ЛЬДА И ПЛАМЕНИ»:

«Игра престолов» (*илл. Теда Нэсмита*)

«Битва королей» (*илл. Ричарда Хескокса*)

«Буря мечей» (*илл. Чарльза Весса*)

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН



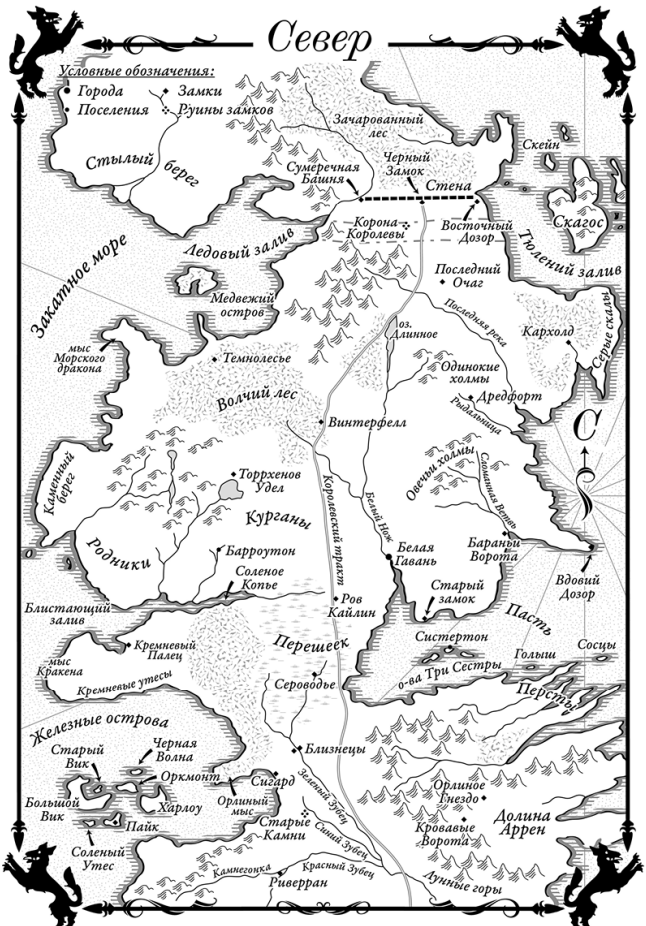
БУРЯ МЕЧЕЙ

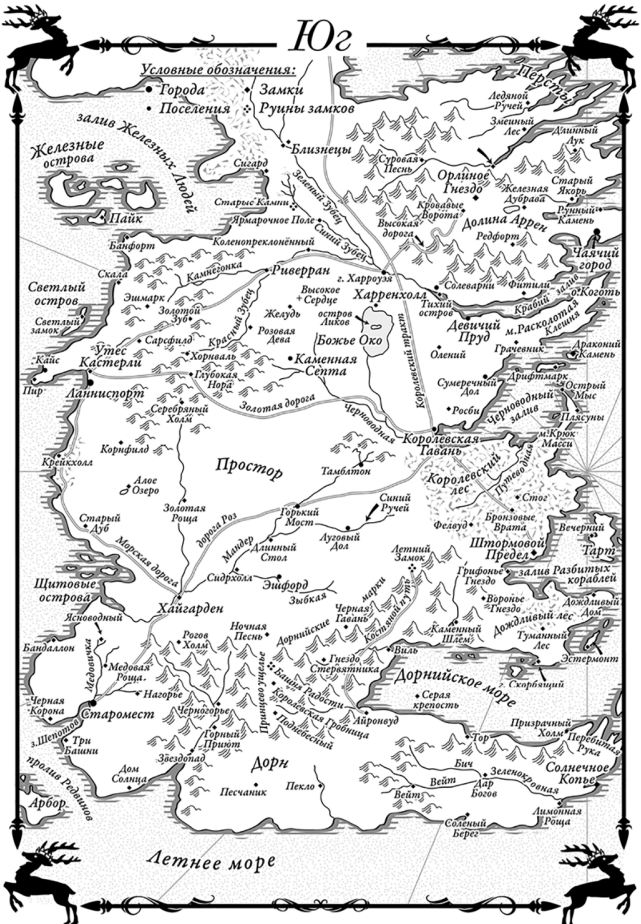
ИЛЛЮСТРАЦИИ ЧАРЛЬЗА ВЕССА

George R.R. Martin
A Storm of Swords. Volume One
Публикуется с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Andrew Nurnberg.
Иллюстрации публикуются с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera.
Издательство признательно Назиму Абдимомунову, Артуру Шафикову и сайту 7kingdoms.ru за помощь, оказанную при подготовке настоящего издания.

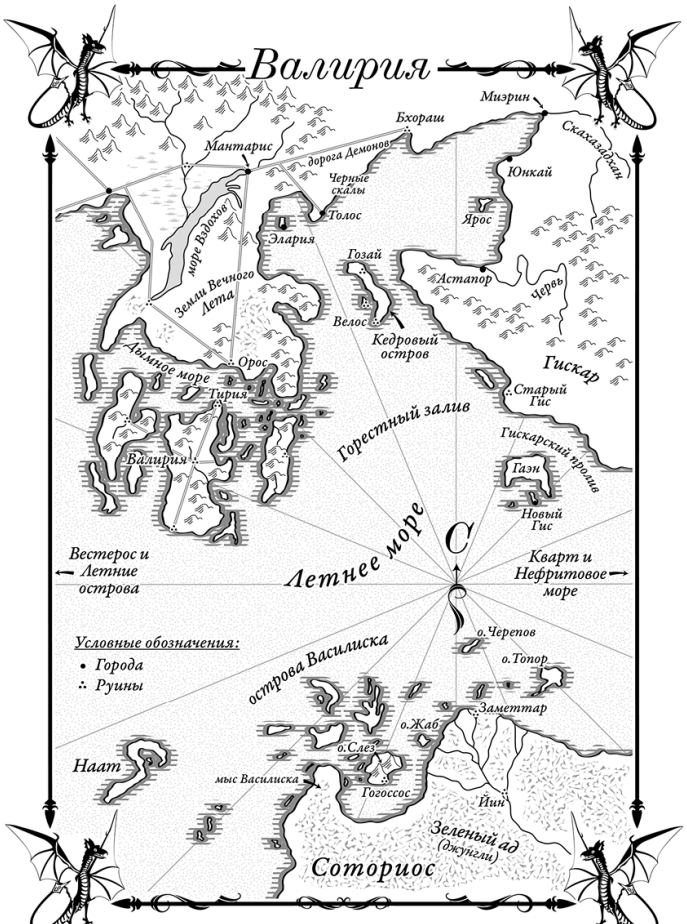
Copyright © George R.R. Martin, 2000
All artwork Copyright © Charles Vess, 2006. All Rights Reserved
© Н. И. Виленская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *


Север
Условные обозначения:
Города
Замки
Поселения
Руины замков
Стылый берег
Зачарованный лес
Сумеречная Башня
Черный Замок
Стена
Скейн
Скагос
Корона Королевы
Восточный Дозор
Тюлений залив
Ледовый залив
Закатное море
Последний Очаг
Медвежий остров
Последняя река
оз. Длинное
Кархолд
Серые скалы
мыс Морского дракона
Темнолесье
Одинокие холмы
Волчий лес
Дредфорт
Рыдалинца
Винтерфелл
Каменный берег
Торрхенов Удел
Овечьи холмы
Столетняя Ветвь
Королевский тракт
Белый Нож
Курганы
Родники
Барроутон
Соленое Копье
Белая Гавань
Бараньи Ворота
Вдовий Дозор
Старый замок
Ров Кайлин
Блистающий залив
Пасть
Кремневый Палец
мыс Кракена
Кремневые утесы
Перешеек
Систертон
Голыш
Сосцы
Сероводье
о-ва Три Сестры
Перстень
Железные острова
Старый Вик
Черная Волна
Оркмонт
Сигард
Близнецы
Зеленый Зубец
Большой Вик
Харлоу
Орлиный мыс
Пайк
Старые Камни
Синий Зубец
Орлиное Гнездо
Долина Аррен
Кровавые Ворота
Соленый Утес
Камнегорка
Красный Зубец
Риверран
Лунные горы


Юг
Условные обозначения:
Города
Замки
Поселения
Руины замков
Летнее море

За Стеной
Условные обозначения:
Поселения
Замки
Руины замков
Земли Вечной Зимы
С
Студеное море
Тенния
Молочная
Зачарованный лес
Суровый Дом
Оленья
Мыс Сторроде
Скейн
Клыки Мороза
Ледяной перевал
Кулак Первых Людей
замок Крастера
Белое Древо
Стена
Корона Королевы
Брандонов Дар
Скагос
Ледовый залив
Королевский тракт
Новый Дар
Тюлений залив
Сумеречная Башня
Белое дерево
Черный замок
Восточный Дозор у Моря
Теснина
Западный Дозор у Моста
Сторожевая Вышка
Серый Страж
Каменная Дверь
Морозный Холм
Ледовый Порог
Твердыня Ночи
Глубокое Озеро
Врата Королевы
Дубовый Щит у Пруда
Лесной Дозор
Соболий
Серебряный
Ключ
Бочонок
Факел
Зеленый Дозор


Валирия
Мизрин
Бхораш
Скихаддаран
Мантарис
дорога Демонов
Юнкай
Черные скалы
Ярос
Толос
Элария
море Вдохов
Земли Вечного Лета
Гозай
Астапор
Червь
Велос
Кедровый остров
Гискар
Аьмное море
Орос
Старый Гис
Тирия
Горестный залив
Гискарский пролив
Валирия
Гаэн
Новый Гис
С
Вестерос и Летние острова
Летнее море
Кварт и Нефритовое море
Условные обозначения:
Города
Руины
о.Черепов
острова Василиска
о.Топор
Заметтар
о.Жаб
о.Слез
Наат
мыс Василиска
Гогоссос
Йин
Зеленый ад (джунгли)
Сотриос

Мое повествование ведется от лица разных персонажей, которых порой разделяют сотни и тысячи миль. Период действия разных глав тоже различен: в одном случае это сутки, в другом — только час, в третьем — неделя, месяц или полгода. При такой структуре повествование не может быть строго последовательным, и важные события иногда происходят одновременно за тысячу лиг друг от друга.

Открыв настоящую книгу, читатель убедится, что первые главы «Бури мечей» не столько продолжают заключительные главы «Битвы королей», сколько накладываются на них. Я начинаю книгу рассказом о том, что происходило на Кулаке Первых Людей, в Риверрране, Харренхолле и на Трезубце во время битвы на Черноводной и сразу же после нее.

Джордж Мартин

Пролог

День был серый, стоял жестокий холод, и собаки не хотели брать след.

Большая черная сука, понюхав отпечатки медвежьих лап, поджала хвост и отошла к сбившейся в кучу стае. Собаки жались друг к дружке на берегу реки под натиском свирепого ветра. Этот ветер пробирал и Четта сквозь все слои черной шерсти и вареной кожи. Слишком холодно и для человека, и для зверя, но они тут, и деваться некуда. Четт скривил рот, прямо-таки чувствуя, как наливаются кровью прыщи на лице и шее. «Сидел бы я сейчас за Стеной, ухаживал за сраными воронами да разводил огонь для старого мейстера Эйемона». Это ублюдок Джон Сноу лишил его этой завидной доли — Сноу и его жирный дружок Сэм Тарли. Это из-за них он морозит себе яйца вместе

со сворой псов в самой чаще Зачарованного леса.

— Семь преисподних! — Он рванул поводки, призывая собак к порядку. — След, ублюдки. Это медведь — хотите мяса или нет? Искать! — Но гончие только еще плотнее сбились в кучу, поскуливая. Четт щелкнул над ними плеткой, и черная сука огрызнулась на него. — Собачатина в котле будет не хуже медвежатины, — заверил ее Четт, выдыхая пар при каждом слове.

Ларк Сестринец стоял, обхватив себя руками и засунув ладони под мышки. Он носил черные шерстяные перчатки, но всегда жаловался, что у него пальцы стынут.

— Слишком, мать его, холодно для охоты, — сказал он. — В жопу медведя. Не хватало еще обморозиться из-за него.

— Негоже возвращаться с пустыми руками, Ларк, — пробубнил Малыш Паул сквозь свои бурые кустистые баки. — Лорду-командующему это не понравится. — Под приплюснутым толстым носом этого крепыша выросла ледяная корка из замерзших соплей. Его огромный кулак в толстой меховой перчатке крепко сжимал копье.

— Да в жопу и этого Старого Медведя, — отрезал Сестринец, тощий, с острыми чертами лица и беспокойными глазами. — Мормонт помрет еще

до рассвета, забыл? Так не все ли равно, что он скажет?

Малыш заморгал своими черными глазками. «Может, он и впрямь забыл, — подумал Четт, — удивляться нечему при его-то уме».

— А зачем убивать Старого Медведя? Почему нельзя просто сбежать и не трогать его?

— Думаешь, он нас не тронет? — спросил Ларк. — Он отправит за нами погоню. Хочешь, чтобы на тебя охотились, дубина ты эдакая?

— Ну нет, этого я не хочу.

— Так стало быть, убьешь его, да?

— Угу. — Здоровяк стукнул древком копья по замерзшей земле. — Ясное дело, убью. Погоня нам ни к чему.

Ларк вынул руки из-под мышек и сказал Четту:

— Говорю тебе, надо *всех* офицеров перебить.

Четту обрыдло это слышать.

— Мы уж об этом не раз толковали. Надо убрать Старого Медведя, Блейна из Сумеречной Башни, а в придачу Граббса и Эйетана, раз уж им выпало в карауле стоять. Прикончим еще Дайвена и Баннена, чтобы нас не выследили, и сира Хрюшку из-за воронов. И все! Укокошим их тихо, во сне — ведь стоит кому-то завопить, и мы все пойдем

на корм червям. — Прыщи у Четта побагровели от злости. — Делай свое дело и проследи, чтобы твои родичи сделали свое. А ты, Паул, постарайся запомнить: *третья* стража, а не вторая.

— Третья, — согласно пробубнил тот сквозь бурую поросль и замерзшие сопли. — Мы с Мягколапым. Я помню, Четт.

Ночь будет безлунная, и они подтасовали смены так, что на карауле будут стоять восемь их людей и еще двое у лошадиного загона, лучшего случая не дождешься. К тому же, одичалые нагрянут со дня на день. Четт хотел оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем это случится. Он хотел жить.

Триста братьев Ночного Дозора выступили на север — двести из Черного Замка и сто из Сумеречной Башни. Самый большой поход на памяти ныне живущих, вобравший в себя почти треть всех сил Дозора. Они намеревались отыскать Бена Старка, сира Уэймара Ройса и других пропавших разведчиков, а также выяснить, почему одичалые покидают свои деревни. В итоге Старка и Ройса они так и не нашли, зато узнали, куда подевались одичалые — те ушли к ледяным высотам забытых богами Клыков Мороза. Вот и сидели бы себе там до скончания веков, прыщам

Четта от этого было бы ни холодно, ни жарко.

Но нет же, они спустились с гор и теперь шли вниз по Молочной.

Вот она, Молочная, прямо перед ним. Каменные берега покрыты льдом, бледные воды струятся от самых Клыков Мороза. Теперь оттуда потекли еще и одичалые с Мансом Налетчиком во главе. Три дня назад в лагерь, весь в мыле, вернулся Торен Смолвуд. Пока он докладывал Старому Медведю, что они обнаружили, его разведчик, Кедж Белоглазый, рассказал то же самое остальным.

— Они еще в предгорьях, но движутся вниз, — сказал он, грея руки над костром. — Впереди идет вшивая сука Харма Собачья Голова. Гоуди подкрался к самому ее лагерю и видел ее у костра. Этот дурень Тумберджон хотел снять ее из лука, но у Смолвуда хватило ума ему запретить.

— Можешь ты сказать, сколько их там? — сплюнув, спросил его Четт.

— Тьма-тьмущая. Тысяч двадцать или тридцать — мы их по головам не считали. У Хармы в авангарде пятьсот, и все конные.

Люди у костра переглянулись. Даже дюжину конных одичалых редко встретишь, а уж чтобы *пятьсот*?

— Смолвуд послал нас с Банненом в обход аван-

гарда взглянуть на главное войско, — продолжал Кедж. — Им конца нет. Ползут они медленно, как стынущая река, по четыре-пять миль в день, но не похоже, что они собираются вернуться в свои деревни. По большей части там женщины и дети. Еще и скотину с собой гонят, коз и овец. Даже зубры есть — эти тащат сани, а на санях-то шкуры, мясные туши, клетки с курами, бочонки с маслом, прялки, чего только нет. Мулы и лошади до того навьючены — как у них только хребты не ломаются, и бабы тоже.

— И они идут вдоль по Молочной? — спросил Ларк Сестринец.

— А я тебе о чем толкую?

Дорога вдоль Молочной приведет их к Кулаку Первых Людей, древнему укреплению, где стали лагерем братья Ночного Дозора. Всякий, у кого есть хоть капля рассудка, понял бы, что пора сворачиваться и мотать обратно к Стене. Старый Медведь укрепил Кулак кольями, нарыл вокруг ям и накидал шипов, но против такого войска это все бесполезно. Если они останутся здесь, одичалые их раздавят.

А Торен Смолвуд еще и атаковать надумал. Милашка Доннел Хилл, оруженосец сира Малладора Локка, сообщил, что позавчерашней ночью

Смолвуд явился к Локку в палатку. Сир Малладор держался того же мнения, что и старый сир Оттин Уитерс, и стоял за возвращение к Стене, но Смолвуд попытался его переубедить. «Этот самый Король за Стеной не ждет, что встретит нас так далеко на севере, — сказал он, по словам Милашки Доннела. — Все его хваленое войско — просто беспорядочная орда, где полно лишних ртов, не знающих, каким концом меч держать. Один-единственный удар вышибет из них всю охоту драться, и они уползут обратно в свои хибары еще на пятьдесят лет».

«Триста человек против тридцати тысяч!» На взгляд Четта это было чистой воды безумием, но еще безумнее было то, что сир Малладор дал себя уговорить, и они вдвоем со Смолвудом собрались уговаривать Старого Медведя. «Если мы будем медлить, то упустим свой случай навсегда», — твердил Смолвуд всем, кто соглашался его слушать. «Мы щит, оберегающий царство людей, — сказал ему сир Оттин Уитерс, — а щит без веской причины не бросают». На это Смолвуд ответил: «В бою самая надежная защита — это поскорее прикончить врага, а не прятаться за щитом».

Но командовали здесь не Смолвуд и не Уи-

терс, а лорд Мормонт, который ждал других разведчиков: Джармена Баквелла с Лестницы Гигантов и Куорена Полурукого и с ним Джона Сноу, пошедших через Воющий перевал. Баквелл и Полурукий запаздывали — скорее всего они уже мертвы. Четт воображал себе Сноу, синего и застывшего, на какой-нибудь голой вершине, с копьем одичалого в ублюдочьей заднице. Эта картина вызывала у него улыбку. «Хорошо бы и проклятого волка заодно убили».

— Нет тут медведя, — решил он внезапно. — След старый. Возвращаемся на Кулак. — Собаки чуть с ног его не сбили — им хотелось домой в лагерь не меньше, чем ему. Может, они думали, что их там накормят. Смех да и только. Четт их уже три дня не кормил, чтобы оголодали как следует. Ночью, прежде чем уйти, он напустит их на лошадей, которых, в свою очередь, отвяжут Милашка Доннел и Колченогий Карл. Озверевшие псы и перепуганные лошади начнут метаться по всему лагерю, прыгать через костры и загородки, топтать палатки. В такой неразберихе четырнадцати пропавших братьев хватятся разве что через несколько часов.

Ларк хотел, чтобы их было вдвое больше. Чего еще ждать от глупого Сестринца-рыбоеда? Шеп-

нешь словечко не в то ухо, и тебя мигом укоротят на голову. Четырнадцать — хорошее число, достаточно, чтобы сделать необходимое, и в то же время не так много, чтобы разболтать секрет. Почти всех их Четт отбирал сам. Малыша Паула тоже — он самый сильный парень на Стене, хотя и поворачивается с быстротой дохлой улитки. Однажды он сломал одичалому хребет, просто обняв его. Еще у них есть Нож, прозванный так в честь своего любимого оружия, и маленький серый человечек по кличке Мягколапый — в молодости он изнасиловал сотню женщин и хвастался, что ни одна его не видала и не слыхала, пока он не оказывался на ней.

Придумал все Четт как самый умный — не зря

же он добрых четыре года прослужил стюардом у старого мейстера Эйемона, пока этот ублюдок Джон Сноу не лишил его работы в пользу своего жирного дружка. Нынче ночью он непременно шепнет Сэму Тарли: передавай, мол, привет лорду Сноу, — а уж потом полоснет сира Хрюшку по горлу, чтобы добраться до крови через все слои сала. С воронами Четт обращаться умеет, и хлопот с ними будет не больше, чем с Тарли. Этого труса только ножом кольнуть — он сразу намочит штаны и будет молить, чтобы ему сохранили жизнь. «Пусть себе молит, это ему не поможет».

Перерезав ему глотку, Четт откроет клетки и распугает птиц, чтобы ни одна весть не дошла до Стены. Тем временем Малыш Паул и Мягколапый убьют Старого Медведя, Нож разделается с Блейном, Ларк и его двоюродные братья утихомирят следопытов Баннена и Дайвена, чтобы затруднить погоню. Еды у беглецов запасено на неделю, лошадей Милашка Доннел и Колченогий Карл будут держать наготове. После смерти Мормонта командование перейдет к сиру Оттину Уитерсу, старому, хворому и боязливому. «Этот побежит обратно к Стене еще до рассвета и не станет посылать лишних людей вдогонку за беглыми».

Собаки тянули поводки что есть мочи. Впереди

над верхушками леса торчал Кулак. День выдался такой пасмурный, что Старый Медведь велел зажечь факелы, и они пылали вдоль всей круговой стены, венчающей вершину каменного холма. Охотники перешли через ручей, где плавало ледяное сало.

— Мы с братьями пойдем к побережью, — сообщил Ларк Сестринец. — Построим лодку и поплывем домой к Трем Сестрам.

«Где все будут знать, что вы дезертиры, и отрубят вам ваши дурные головы», — добавил про себя Четт. Из Ночного Дозора, если ты уже принес присягу, обратной дороги нет. Дезертиров во всех Семи Королевствах хватают и предают казни.

Олло Культяпый собирается плыть в Тирош, где, по его словам, человеку не отрубают руки за честный воровской промысел и не посылают морозить сопли, если застукают в постели с женой рыцаря. Четт подумывал о том, чтобы отправиться с ним — вот только на их девчачьем языке он лопотать не умеет. И что ему делать в Тироше? Никаким ремеслом Четт не владеет. Вырос он на Ведьмином болоте, где отец всю свою жизнь обрабатывал чужие поля и ловил пиявок. Отец раздевался догола, оставляя только плотный кожаный лоскут между ног, и залезал по

шею в мутную воду, а выходил весь обвешанный пиявками. Четт иногда помогал обирать их. Одна как-то присосалась к ладони, и Четт с отвращением ее раздавил. Отец за это избил его в кровь. За дюжину пиявок мейстеры давали грош.

Пусть себе Ларк отправляется домой и проклятый тирошиец тоже — Четт сделает по-другому. Он вовсе не рвется увидеть снова Ведьмино болото, а вот Замок Крастера пришелся ему по душе. Крастер живет там как лорд — почему бы и Четту не поступить так же? Вот смеху-то будет: Четт, сын пиявочника, — лорд и владелец замка! Со своим знаменем: дюжина пиявок на розовом поле. И почему, собственно, только лорд? Может, он еще и королем будет. «Манс Налетчик тоже начинал в воронах. Я мог бы стать королем, как и он, и завести себе целую кучу жен». У Крастера их девятнадцать, не считая младших дочек, которых он еще не брал к себе в постель. Половина из них такие же старые и уродливые, как сам Крастер, но это ничего. Старухи у Четта будут работать — стряпать, убирать, дергать морковку и ходить за свиньями, а молодые будут спать с Четтом и рожать ему детей. Крастер не станет возражать после того, как Малыш Паул его обнимет.

Единственные женщины, с которыми Четт

имел дело, были шлюхи из Кротового Городка. В молодости деревенские девчонки, поглядев на его прыщи и жировые шишки, сразу нос воротили, а пуще всех эта потаскушка Бесса. Она ложилась со всеми парнями на Ведьмином болоте — что бы ей стоило и Четту тоже дать? Он все утро ухлопал, чтобы нарвать ей цветов — он слыхал, что она их любит, — а она только посмеялась над ним и сказала, что скорее ляжет в постель с пиявками его папаши, чем с ним. Когда он пырнул ее ножом, она перестала смеяться. Взгляд Бессы был так прекрасен, что он вытащил нож и воткнул в нее снова. Его поймали у Семи Ручьев, и старый лорд Уолдер Фрей даже суд назначить не потрудился. Послал одного из своих бастардов, Уолдера Риверса, и тот мигом наладил Четта на Стену под охраной черного вонючего дьявола Йорена. За один сладкий миг у него отняли целую жизнь.

Теперь он заберет ее обратно, и женщин Крастера в придачу. Этот старый одичалый кретин все делает правильно. «Если хочешь женщину в жены, бери ее, и никаких там цветочков, чтобы прикрыть ими свою прыщавую рожу». Больше Четт этой ошибки не повторит.

Все получится, в сотый раз говорил он себе. «Главное — уйти отсюда». Сир Оттин двинется на

юг к Сумеречной Башне — это самый короткий путь к Стене. Ему до беглецов никакого дела не будет: самому бы живым уйти. Торен Смолвуд, конечно, будет приставать к нему со своей атакой, но сир Оттин для этого слишком осторожен, и он старше по званию. «А впрочем, какое мне дело? Когда мы уберемся прочь, пусть себе атакуют сколько влезет. Если никто из них не вернется на Стену, нас вообще искать не будут — подумают, что мы погибли вместе со всеми». Эта новая мысль какое-то время занимала Четта. Но для того, чтобы командиром стал Смолвуд, пришлось бы убить еще сира Оттина и сира Малладора Локка, вокруг них и днем, и ночью полно народа… нет, риск слишком велик.

— Четт, — сказал Малыш Паул, шагая рядом по каменистой тропе среди страж-деревьев и сосен, — а птица как же?

— Какая на хрен птица? — Недоставало ему только разговоров с этим тупицей.

— Ворон Старого Медведя. Кто птицу-то кормить будет, если мы его убьем?

— Да кому она на хрен нужна? Прибей и ворона, если охота.

— Нет, совсем неохота. Но ведь он говорящий — возьмет да и расскажет про нас.

— У Малыша башка, как крепостная стена, — засмеялся Ларк.

— А ну заткнись, — угрожающе произнес тот.

— Паул, — вмешался Четт, пока великан не слишком распалился, — когда старика найдут в луже крови с перерезанной глоткой, то и без птицы поймут, что его убили.

— И то верно, — поразмыслив, согласился Паул. — Можно я тогда возьму птицу себе? Она мне нравится.

— Бери, — разрешил Четт, чтобы заткнуть его.

— Мы всегда сможем съесть его, если проголодаемся, — вставил Ларк.

— Попробуй только тронь моего ворона, Ларк, — снова набычился Паул. Из-за деревьев уже доносились голоса.

— Заткнитесь, вы оба. Мы почти на месте.

Они вышли из леса у западного склона и двинулись в обход к южному, более пологому. На опушке около дюжины человек упражнялись в стрельбе из лука, пуская стрелы в нарисованные на деревьях мишени.

— Глядите, — сказал Ларк. — Свинья с луком.

И впрямь, среди лучников был сам сир Хрюшка, отнявший у Четта место при мейстере Эйемоне. При одном взгляде на Сэма Тарли Четта обуяла

злость. Служба у мейстера Эйемона была лучшим, что он изведал в жизни. Слепой старец не отличался требовательностью, и для услуг ему хватало одного Клидаса. Четт только прибирался у воронов, разводил огонь и подавал еду… и мейстер ни разу его не ударил. «Этот жирный боров думает, что меня можно так запросто отпихнуть в сторону, только потому что он из благородных и умеет читать. Вот я и попрошу его прочесть, что написано на ноже, которым я вскрою его глотку».

— Вы ступайте, — сказал Четт своим, — а я погляжу. — Собаки тянули его за собой, воображая, что наверху их накормят. Четт пнул черную суку, чтобы угомонить их.

Толстяк возился с длинным луком ростом с него самого, сморщив от усердия свою круглую красную рожу. В земле перед ним торчали три стрелы. Тарли взял одну, натянул тетиву, долго целился и наконец выстрелил. Стрела ушла в лес, и Четт злорадно заржал.

— Теперь ее уж не найти, а виноват буду я, — пожаловался Эдд Толлетт, унылый оруженосец, известный всем как Скорбный Эдд. — Как что пропадет, все сразу на меня смотрят, с тех самых пор, как я коня потерял. А я разве виноват? Муд-

рено ли потерять белого коня, когда кругом снег?

— Ее ветром унесло, — сказал Гренн, еще один дружок лорда Сноу. — Держи лук ровно, Сэм.

— Он тяжелый, — сказал толстяк, однако взял вторую стрелу. Эта исчезла в ветвях футов на десять выше мишени.

— Мне сдается, ты сбил листок с этого дерева, — сказал Скорбный Эдд. — Осенью они и так падают почем зря — незачем им помогать. — Он вздохнул. — Все мы знаем, что бывает вслед за осенью. Боги, ну и замерз же я. Пускай последнюю стрелу, Сэмвел, а то у меня уже язык к нёбу примерзает.

Сир Хрюшка опустил лук, и Четту показалось, что он сейчас заревет.

— Это слишком сложно.

— Заряжай, тяни, пускай, — сказал Гренн. — Давай же.

Толстяк послушно выдернул из земли третью стрелу, пристроил ее на лук и выстрелил. Сделал он это быстро, не щуря глаз, как делал первые два раза. Стрела попала намалеванной углем фигуре в грудь.

— Попал, — изумленно молвил сир Хрюшка, глядя, как она дрожит в стволе. — Видел, Гренн? Эдд, смотри, я попал!

— Прямо промеж ребер, — подтвердил Гренн.

— Я его убил? — допытывался толстяк.

— Ты угодил бы в легкое, будь у него легкие, — пожал плечами Эдд, — но у деревьев их, как правило, нет. — Он взял у Сэма лук. — Скажу, однако, что я видал выстрелы и похуже. Мне самому такое не всегда удается.

Сир Хрюшка прямо сиял — можно было подумать, что он и впрямь невесть что сотворил. Но при виде Четта с собаками его улыбка увяла на корню.

— Ты попал в дерево, — сказал Четт. — Поглядим, что будет, как дело дойдет до ребят Манса Налетчика. Они-то не стоят на месте и не шуршат листочками. Они прут прямо на тебя и так вопят, что ты сразу штаны намочишь. Кто-нибудь засадит топор прямо между твоих поросячьих глазок, и последнее, что ты услышишь, будет треск твоего расколотого черепа.

Толстяк весь затрясся, и Скорбный Эдд положил руку ему на плечо.

— Брат, — проникновенно сказал он Четту, — если это приключилось с тобой, то почему и с Сэмвелом непременно должно приключиться?

— О чем ты толкуешь, Толлетт?

— Да о топоре, который раскроил тебе башку. Правда ли, что половина твоих мозгов тогда вы-

текла и собаки их слопали?

Здоровенный дубина Гренн заржал, и даже Тарли выдавил из себя улыбочку.

Четт пнул ближайшего пса, сгреб покрепче поводки и стал взбираться на холм. «Улыбайся себе на здоровье, сир Хрюшка. Поглядим, кто из нас посмеется нынче ночью». Жаль, что у него не будет времени убить заодно и Толлетта. «Ноющий болван с лошадиной мордой, вот он кто».

Подъем был крут даже с этой, самой отлогой стороны Кулака. Поначалу собаки гавкали и тащили его вверх, надеясь на кормежку. Он дал им отведать своего сапога и вытянул плеткой большого зверюгу, который на него рявкнул. Добравшись до лагеря, он привязал их и пошел докладываться.

— След там точно есть, Великан верно сказал, только собаки его не взяли, — сообщил он Мормонту перед его большим черным шатром. — Старый, поди, да притом у реки, вот запах и выветрился.

— Жаль, — проронил лорд-командующий, лысый, с косматой седой бородой. Голос у него был таким же усталым, как и взгляд. — Свежее мясо нам всем пошло бы на пользу. — Ворон у него на плече закивал и повторил:

— Мясо. Мясо. Мясо.

«Можно съесть этих поганых собак, — подумал Четт, но промолчал и добавил про себя, когда Старый Медведь его отпустил: — Этому я уж больше кланяться не буду». Ему показалось, что стало еще холоднее, хотя он мог бы поклясться, что это невозможно. Собаки на привязи скулили, сбившись в кучу, и Четту тоже захотелось к ним — погреться. Вместо этого он обмотал нижнюю часть лица черным шарфом, оставив только щель для рта. На ходу ему было теплее, и он обошел вокруг лагеря, заложив за щеку кислолист. Часовым он тоже дал пожевать и потолковал с ними. Среди дневных караульщиков его людей не было, однако не вредно было узнать, что у кого на уме.

На уме у всех большей частью был проклятый холод.

К вечеру ветер усилился и стал выть в трещинах кольцевой стены.

— Не выношу этого звука, — сказал маленький разведчик по прозвищу Великан. — Точно ребенок плачет, молока просит.

Закончив свой обход и вернувшись к собакам, Четт увидел поджидающего его Ларка.

— Офицеры опять собрались у Старого Медведя и спорят о чем-то с пеной у рта, — сказал тот.

— А чего им еще-то делать? Они все из благородных, кроме Блейна, и слова у них заместо выпивки.

Ларк подошел поближе.

— Баранья башка все толкует про птицу, — сказал он, убедившись, что поблизости никого нет. — Теперь он допытывается, запасли мы зерна для этой поганой твари или нет.

— Да ведь это ворон — он мертвечину клюет.

— Может, и его склюет? — ухмыльнулся Ларк.

«Или тебя». По мнению Четта, в силаче Пауле они нуждались больше, чем в Ларке.

— Ты за Малыша не беспокойся. Делай свое дело, а он сделает свое.

Сумерки уже заволокли лес, когда Четт, избавившись наконец от Сестринца, сел точить меч. В перчатках заниматься этим было трудновато, но снимать их Четт не желал. На таком холоде надо быть дураком, чтобы хвататься за сталь голыми руками — мигом кожу сорвешь.

На закате собаки стали скулить как одержимые. Он дал им воды и обругал их.

— Потерпите еще немного. Ночью будет чем полакомиться. — В воздухе уже пахло ужином.

Дайвен держал речь у костра, пока Четт получал у повара Хейк свою краюху хлеба и похлебку из бобов с салом.

— Больно уж тихо в лесу, — говорил старый следопыт. — Ни тебе лягушек у реки, ни сов по ночам. Никогда не слыхал, чтоб в лесу была такая гробовая тишина. Только деревья зловеще скрипят.

— Как твои зубы, — ввернул Хейк. Дайвен клацнул деревянными зубами.

— И волков не слыхать. Раньше были, а теперь

пропали. Куда они, по-вашему, подевались?

— Ушли туда, где потеплее, — сказал Четт.

Из дюжины братьев, сидящих у огня, четверо были его люди. Он оглядел их всех исподтишка, пока ел, проверяя, не дрогнул ли кто. Нож, вроде бы спокойный, точил кинжал, как делал каждый вечер, а Милашка Доннел трещал и отпускал шуточки. Белозубый, с пухлыми красными губами и спутанными желтыми локонами, небрежно спадающими на плечи, Доннел хвастался тем, что он бастард кого-то из Ланнистеров. Может, так оно и было. Четт недолюбливал смазливых парней, а заодно и бастардов, но на попятный Милашка Доннел идти как будто не собирался.

В лесовике, которого прозвали Пилой за громкий храп, Четт был не столь уверен. Тот ерзал так, будто боялся, что больше уж ему храпеть не придется, а с Меслином дело обстояло и того хуже. По лицу у него струился пот, несмотря на ледяной ветер, и крупные капли сверкали при свете костра. Меслин ничего не ел и таращился в свою плошку так, словно его мутило от одного запаха. «Надо бы за ним приглядеть», — подумал Четт.

— Все сюда! — заорали вдруг по всему лагерю. — Люди Ночного Дозора! Собирайтесь все сюда, к среднему костру!

Четт, нахмурившись, доел свою похлебку и пошел вслед за остальными.

Старый Медведь стоял у костра вместе со Смолвудом, Локком, Уитерсом и Блейном. На Мормонте был плащ из толстого черного меха. Ворон сидел у него на плече и чистил свои черные перья. «Добра не жди», — подумал Четт, втиснувшись между Бурым Бернарром и дозорным из Сумеречной Башни. Когда собрались все, кроме лесных караульщиков и часовых у стены, Мормонт прочистил горло, сплюнул, и плевок застыл, еще не долетев до земли.

— Братья, — начал он, — люди Ночного Дозора!

— *Братья!* — подхватил ворон. — *Братья! Братья!*

— Одичалые выступили в поход. Они спустились с гор и идут вниз вдоль Молочной. Торен полагает, что их авангард дойдет до нас дней через десять. Там вместе с Хармой Собачьей Головой идут самые опытные их бойцы. Такие же люди должны сопровождать самого Манса Налетчика, но в основном войске их не так много. У одичалых имеются волы, мулы и лошади, но тоже в достаточно малом количестве. Большей частью это войско пешее, плохо вооруженное и необученное. Да и то оружие, что у них есть,

почти все сделано из камня и кости, а не из стали. Они обременены женщинами, детьми, скотом и тащат с собой все свои пожитки. Короче говоря, они хоть и многочисленны, но уязвимы… а главное, *они не знают, что мы здесь*. По крайней мере мы за это молимся.

«Еще как знают, старый ты хрен, — подумал Четт. — Это ясно, как день. Куорен Полурукий не вернулся, так ведь? И Джармен Баквелл тоже. И если одичалые взяли кого-то живым, то уж точно развязали ему язык».

Смолвуд вышел вперед.

— Манс Налетчик собирается проломить Стену и дать бой Семи Королевствам. Но эта игра на двоих, а значит завтра мы дадим бой ему самому.

Среди собравшихся прошел ропот, и Старый Медведь сказал:

— На рассвете мы выступим все сообща. Мы двинемся на север и отклонимся на запад. Когда мы повернем, авангард Хармы уже пройдет мимо Кулака. В предгорьях Клыков Мороза полно узких извилистых долин, просто созданных для засад. Одичалые растянулись на много миль — мы нападем на них в нескольких местах сразу, и они будут клясться, что нас три тысячи, а не триста.

— Мы нанесем свой удар и уйдем, прежде чем

их конница соберется нам ответить. Если они пустятся за нами в погоню, — сказал Торен Смолвуд, — мы проведем их по кругу и ударим по колонне в другом месте. Будем жечь их повозки, разгонять их скот и убивать, сколько сможем. Манса тоже убьем, если попадется. В случае, если они разбегутся и вернутся в свои деревни, победа будет за нами. Если нет, мы будем преследовать их до самой Стены, и позаботимся, чтобы их путь был усеян трупами.

— Их там тысячи, — подал голос кто-то позади Четта.

— Мы все умрем, — поддержал зеленый от страха Меслин.

– *Умрем!* — завопил ворон Мормонта, хлопая крыльями. — *Умрем, умрем!*

— Многие умрут, — сказал Старый Медведь, — а возможно, и все до единого. Но, как сказал другой лорд-командующий тысячу лет назад, потому мы и носим черное. Вспомните вашу клятву, братья. Мы — мечи во тьме, дозорные на Стене…

— Огонь, отгоняющий холод. — Сир Малладор Локк обнажил свой длинный меч.

— Свет, приносящий зарю, — подхватили другие, и множество мечей вышло из ножен.

Почти триста клинков поднялось в воздух, и

столько же голосов загремело:

— Рог, пробуждающий спящих, щит, защищающий царство людей.

Четту ничего не оставалось, кроме как присоединить свой голос к общему хору. От их дыхания в воздухе стоял туман, и сталь отражала пламя костров. Ларк, Мягколапый и Милашка Доннел, к его удовольствию, произносили слова вместе со всеми, будто они такие же болваны, как и остальные. Это хорошо. Незачем привлекать к себе внимание, когда их час так близок.

Голоса смолкли, и вновь стал слышен ветер, воющий в трещинах стены. Огни костров дрожали и ежились, словно от холода. Ворон в наступившей тишине громко каркнул и еще раз сказал:

– Умрем.

«Умная птица», — подумал Четт. Офицеры отпустили их, наказав как следует поесть и хорошо выспаться ночью. Четт залез в свои шкуры рядом с собаками, думая о разных вещах, на которых они могли погореть. Вдруг из-за этой проклятой присяги кто-нибудь возьмет да передумает? Вдруг Малыш Паул опять все забудет и попытается убить Старого Медведя во вторую стражу вместо третьей? Вдруг Меслин сдрейфит, или кто-нибудь донесет, или…

Четт поймал себя на том, что прислушивается. Ветер и впрямь походил на плач ребенка. Кроме него, порой слышались голоса, лошадиное ржание, треск полена в костре. Больше ничего. Тихо.

Перед глазами всплыло лицо Бессы. «Не нож хотел я достать тогда, — мысленно говорил он ей. — Я нарвал тебе цветов, диких роз, ромашек и колокольчиков — все утро их собирал». Сердце у него стучало как барабан — того и гляди разбудит весь лагерь. Борода вокруг рта обросла сосульками. «Откуда взялись эти мысли насчет Бессы?» Прежде она всегда представлялась ему только умирающей. Что это с ним? Дышать трудно. Задремал он, что ли? Он встал на колени, и что-то мокрое задело его нос.

Падал снег.

Слезы полились у Четта из глаз, замерзая на щеках. «Это нечестно!» — хотелось крикнуть ему. Снег погубит весь его замысел. Вон как густо он валит — как они теперь найдут свои тайники с провизией и тропу, по которой собирались двигаться на восток? «Не понадобится ни Дайвена, ни Баннена, чтобы выследить нас по свежему снегу». Снег все засыплет, и лошадь может сломать ногу, споткнувшись о корень или провалившись в яму. «Пропали мы, — понял Четт. — Все кончилось,

не успев и начаться». Не будет сын пиявочника жить как лорд, не будет у него ни замка, ни жен, ни короны. Меч одичалого в брюхо да безымянная могила — вот и все, что его ждет. «Снег все у меня отнял… проклятый снег».

Все его беды от снега. От Сноу с его Хрюшкой.

Четт встал. Ноги у него застыли. Снег превращал далекие факелы в рыжие пятна. Точно рой бледных мух жалил его щеки. Снег сыпался на плечи, на голову, залетал в нос и в глаза. Четт, выругавшись, стряхнул с лица хлопья. «Ну, с сиром Хрюшкой по крайней мере я еще могу разделаться». Четт снова обмотался шарфом, нахлобучил пониже капюшон и зашагал к месту, где ночевал Сэм Тарли.

Из-за снегопада он чуть не заблудился между палаток, но потом все-таки вышел к уютному закутку, который толстяк соорудил себе между скалой и вороньими клетками. Тарли, закопавшийся в кучу одеял и шкур, смахивал на сугроб. Сталь прошелестела по кожаным ножнам тихо, как надежда, — это Четт вынул кинжал.

— Снег, — крикнул один из воронов, глядя сквозь прутья черными глазами.

— Сноу, — добавил другой. Четт тихо прокрался мимо них. Он зажмет левой рукой рот толстяку,

а потом…

Уууууууууууоооооооооооо.

Четт остановился на полушаге, подавив проклятие. Звук был слабый и далекий, но ошибки быть не могло: это трубил рог. «Только не сейчас. Мать вашу, НЕ СЕЙЧАС!» Старый Медведь разместил наблюдателей в лесу вокруг Кулака, чтобы они оповещали лагерь обо всех, кто приближается. «Как видно, это Джармен Баквелл вернулся с Лестницы Гигантов или Куорен Полурукий с Воющего перевала». Один сигнал рога означает, что братья возвращаются. Если это Полурукий, то, может, и Сноу тоже с ним, живой.

Заспанный Тарли сел и растерянно уставился на снежные хлопья. Вороны раскричались, собаки Четта подняли лай. «Теперь уж хренова половина лагеря проснулась, не иначе…» Четт, сжимая пальцами в перчатке рукоять ножа, ждал, когда умолкнет рог. И он умолк, но тут же затрубил опять, громче и дольше прежнего.

Уууууууууууууууууууоооооооооооооооооо.

— Боги, — сказал Тарли жалобно и привстал на колени, путаясь в плаще и одеялах. Откинув их в сторону, он нашарил висящую на камне кольчугу, напялил ее на себя и только тогда заметил Четта. — Два раза или один? — спросил он. — Мне

спросонья показалось, что два…

— Не показалось, — сказал Четт. — К оружию, враг близко. Где-то там дожидается топор, на котором написано «Хрюшка». Два раза — это одичалые, парень. — При виде этой перепуганной круглой рожи Четту стало смешно. — Провались они все в седьмое пекло. Паскуда Харма. Паскуда Манс. Паскуда Смолвуд — он сказал, что они доберутся до нас не раньше…

Уууууууууууууууоооооооооооооооооооо.

Звук длился и длился — казалось, что ему не будет конца. Вороны хлопали крыльями, кричали, порхали по клеткам и бились о прутья, а братья

Ночного Дозора поднимались, надевали доспехи, пристегивали мечи, вооружались топорами и луками. Сэмвел Тарли стоял, весь дрожа, белый, как вихрящийся вокруг снег.

— Три… — пропищал Сэмвел, — сигналов было три, я слышал. Такого не случалось уже сотни и тысячи лет. Три сигнала — это…

— …*Иные*. — У Четта вырвалось нечто среднее между смехом и рыданием. Его белье внезапно намокло, моча потекла по ноге, а от штанов повалил пар.

Джейме

Восточный ветер шевелил его спутанные волосы, легкий и душистый, как пальцы Серсеи. Пели птицы, и река несла подгоняемую веслами лодку навстречу бледно-розовой заре. Мир после долгого пребывания во мраке был так сладок, что у Джейме Ланнистера кружилась голова. «Я жив и пьян от света». Смех сорвался с его губ нежданно, как вспорхнувшая из травы перепелка.

— Тише, — хмуро буркнула женщина. Хмурость шла ее широкому простому лицу больше, чем улыбка — впрочем, Джейме еще ни разу не видел, как она улыбается. Он развлекался, представляя ее себе в шелковом платье Серсеи вместо кожаного камзола с заклепками. С тем же успехом можно нарядить в шелка корову.

Однако грести эта корова умела. Под ее домотканными бурыми бриджами скрывались дубовые икры, и мускулы на руках вздувались при каждом ударе весел. Она гребла уже половину ночи, но не выказывала усталости, чего нельзя было сказать о кузене Джейме сире Клеосе, сидевшем на другой паре весел. «По виду она крестьянка, здоровенная и сильная, но говорит как благородная дама, а на поясе у нее длинный меч и кинжал. Вот только умеет ли она ими пользоваться?» Джейме намеревался выяснить это, как только избавится от оков.

Его руки и лодыжки отягощали железные кандалы, соединенные цепью не более фута длиной. «Можно подумать, что слова Ланнистера вам недостаточно», — сострил он, когда его заковывали. Он был тогда пьян до изумления стараниями Кейтилин Старк и свой побег из Риверрана помнил только урывками. Были какие-то затруднения с тюремщиком, но женщина с мечом его угомонила. После этого они долго поднимались витками по бесконечной лестнице, ноги у него были как соломенные, и когда он в очередной раз споткнулся, женщине пришлось вести его под руку. Некоторое время спустя его завернули в дорожный плащ и пихнули на дно ялика. Он пом-

нил, как леди Кейтилин велела кому-то поднять решетку Водяных ворот. Тоном, не допускающим возражений, она заявила, что отправляет сира Клеоса Фрея обратно в Королевскую Гавань, чтобы предложить королеве новые условия мира.

Потом он, должно быть, задремал — вино нагоняло на него сон, и вытянуться во весь рост было приятно — в темнице он, закованный в цепи, такой роскоши не знал. Джейме давно научился дремать в седле во время похода, и спать в лодке было ничуть не труднее. «Тирион будет смеяться до колик, узнав, как я проспал собственный побег». Но теперь Джейме проснулся, и оковы его раздражали.

— Миледи, — сказал он, — если вы освободите меня от цепей, я сменю вас на веслах.

Она снова нахмурилась с нескрываемым подозрением, выставив свои лошадиные зубы.

— Ты останешься в оковах, Цареубийца.

— Хочешь махать веслами до самой Королевской Гавани, женщина?

— Я тебе не женщина. Меня зовут Бриенна.

— Тогда и меня зови сиром Джейме, а не Цареубийцей.

— Ты будешь отрицать, что убил короля?

— Нет, не буду. А ты хочешь отречься от своего

пола? Тогда развяжи свои бриджи и покажи, что там у тебя. Я попросил бы тебя расшнуровать корсаж, — с невинной улыбкой добавил Джейме, — но таким путем, похоже, мы ничего не докажем.

— Кузен, не будем забывать об учтивости, — суетливо вмешался сир Клеос.

«В этом кровь Ланнистеров жидковата». Клеос — сын его тетки Дженны и тупицы Эммона Фрея, который жил в страхе перед лордом Тайвином Ланнистером с того самого дня, как женился на его сестре. Когда лорд Уолдер Фрей в этой войне принял сторону Риверрана, сир Эммон сохранил верность супруге, а не отцу. По мнению Джейме, Утес Кастерли мало что на этом выиграл. Сир Клеос похож на хорька, дерется, как гусь, а мужества в нем, как в исключительно храброй овце. Леди Старк обещала освободить его, если он доставит Тириону ее послание, и он торжественно поклялся исполнить поручение.

Они все клялись почем зря там, в подземелье, а Джейме больше всех. Лишь такой ценой леди Кейтилин согласилась дать ему свободу. Она приставила острие меча большой женщины к его сердцу и сказала:

— Клянитесь никогда больше не поднимать

оружия против Старков и Талли. Клянитесь, что заставите вашего брата сдержать свое слово и вернуть мне дочерей целыми и невредимыми. Клянитесь в этом честью рыцаря, честью Ланнистера, честью королевского гвардейца. Клянитесь жизнью своей сестры, отца и сына, старыми богами и новыми. Тогда я отправлю вас обратно к вашей сестре, в случае же отказа пролью вашу кровь. — Меч кольнул Джейме, пройдя сквозь его лохмотья.

«Интересно, что бы сказал верховный септон относительно святости клятвы, которую человек дал пьяный, прикованный к стене и с мечом у груди?» Впрочем, Джейме мало заботился как об этом жирном мошеннике, так и о богах, которым тот будто бы служил. Он помнил, как леди Кейтилин пнула вонючую кадку в его темнице. Странно же она поступает, доверяя судьбу своих девочек человеку, чью честь ценит не выше дерьма. Хотя о доверии тут говорить не приходится. «Свои надежды она возлагает на Тириона, а не на меня».

— Возможно, она не так уж и глупа, — сказал он вслух.

— Не глупа и не глуха, — откликнулась его конвоирша, приняв это на свой счет. Джейме не воспользовался случаем — насмехаться над этим

созданием было так легко, что всякое удовольствие пропадало.

— Это я не вам. Я говорил с самим собой — приобрел эту привычку в темнице.

Она бросила на него хмурый взгляд и промолчала, продолжая усердно работать веслами. «Столь же быстра на язык, как и хороша собой».

— Судя по вашей речи, вы благородная дама.

— Мой отец — Сельвин Тарт, милостью богов лорд Вечернего замка. — Даже этим она поделилась неохотно.

— Тарт? Как же, помню. Есть такая скала в Узком море. Но Вечерний замок подчиняется Штормовому Пределу — отчего же вы служите Роббу из Винтерфелла?

— Я служу леди Кейтилин, а не ему. Она приказала мне доставить тебя к твоему брату Тириону в Королевскую Гавань, а не лясы с тобой точить, так что помолчи.

— Я уже намолчался, женщина.

— Ну так говори с сиром Клеосом. Мне не о чем разговаривать с чудовищами.

— А тут водятся чудовища? — вскричал Джейме. — Где же они — под водой? Или прячутся в ивах? А у меня даже меча нет!

— Человек, который совратил сестру, убил

своего короля и бросил невинное дитя с башни, другого имени не заслуживает.

«Далось им это невинное дитя! Мерзкий мальчишка за нами шпионил». Джейме хотелось одного: побыть часок наедине с Серсеей. Путешествие на север было для него сплошной пыткой: он видел ее, но не мог к ней притронуться и знал, что Роберт, напившись, каждую ночь забирается к ней в постель в ее большом скрипучем фургоне. Тирион развлекал брата как мог, но мало преуспел в этом.

— Выбирай слова, когда говоришь о Серсее, женщина, — предупредил Джейме.

— Меня зовут Бриенна, а не *женщина*.

— Не все ли тебе равно, как чудовище тебя называет?

— Меня зовут Бриенна, — упрямо, как ослица, повторила она.

— Леди Бриенна? — Она так смутилась, что Джейме сразу угадал ее слабую струнку. — Или «сир Бриенн» вам больше по вкусу? Увы. Можно нарядить корову в накрупник, кринет и наголовник и покрыть ее шелковой попоной, но боевым скакуном она от этого не станет.

— Пожалуйста, кузен, воздержись от грубостей. — Под плащом на сире Клеосе был камзол с

двумя башнями Фреев и золотым львом Ланнистеров. — Перед нами долгий путь, и нам незачем ссориться.

— При ссорах я пускаю в дело меч, кузен. Сейчас я беседую с дамой, только и всего. Скажи-ка девка, у Тартов все женщины такие страшные. Жаль мне в таком случае ваших мужчин. Может, они вообще не знают, что такое настоящая женщина, сидя на своей скале?

— Тарт — красивое место, — проворчала она, не прекращая грести. — Его называют Сапфировым островом. Советую замолчать, чудовище, не то я заткну тебе рот.

— Вот видишь, кузен, — она тоже грубит. Впрочем, стержень в ней есть, отдаю ей должное. Немногие мужчины осмеливались обзывать меня чудовищем в лицо. — «Хотя за спиной у меня наверняка не стеснялись в выражениях».

Сир Клеос сконфуженно кашлянул.

— Леди Бриенна, без сомнения, понабралась лживых слухов от Кейтилин Старк. Эти Старки потеряли надежду победить вас в бою, сир, и потому пускают в ход ядовитые слова.

«Меня-то как раз победили в бою, бесхребетный ты дуралей, — подумал Джейме и многозначительно улыбнулся. Из такой улыбки собеседник

может извлечь все, что ему угодно. — Любопытно знать, верит сам Клеос в это свое дерьмо или просто заискивает? Кто перед нами, честный болван или подлиза?»

Сир Клеос между тем нес свое:

— Человек, способный поверить, что рыцарь Королевской Гвардии может обидеть ребенка, не знает, что такое честь.

«Значит, подлиза». Джейме уже и сам был не рад, что сбросил тогда с башни Брандона Старка. Мальчик в итоге остался жив, и Серсея не давала брату покоя.

— Ему всего семь лет, Джейме. Даже если он понял то, что видел, мы могли бы пригрозить ему и заставить молчать.

— Я не думал, что ты…

— Ты никогда не думаешь. Если мальчик очнется и расскажет отцу, что он видел…

— Если, если… — Он посадил ее к себе на колени. — Если он очнется, мы скажем, что он *лжет*, что ему это пригрезилось, а в самом худшем случае мне придется убить Неда Старка.

— Тогда представь, что сделает *Роберт*.

— Пусть Роберт делает, что хочет. В крайнем случае я объявлю ему войну, которую певцы назовут Войной за лоно Серсеи.

— Пусти меня, Джейме! — вскричала она, вырываясь.

Вместо этого он ее поцеловал. Какой-то миг она еще противилась, но потом ее губы раскрылись. Ему запомнился вкус вина и гвоздики на ее языке. По ее телу прошла дрожь. Он рванул ее шелковый корсаж, обнажив ее груди, и маленький Старк на время был забыт.

Неужели Серсея позднее вспомнила о нем и наняла человека, о котором говорила леди Кейтилин, чтобы мальчик уж никогда не очнулся? «Если бы она хотела его смерти, она бы послала меня. Непохоже это на Серсею — полагаться на какого-то наемника, который, как и следовало ожидать, запорол все дело».

Ниже по течению восходящее солнце зажгло колеблемую ветром реку. Красный, глинистый южный берег был гладок, как наезженная дорога. С него в реку стекали большие и малые ручьи, и гниющие древесные стволы плавали у его кромки. На северном высились двадцатифутовые утесы, поросшие буком, дубняком и каштаном. Впереди показалась сторожевая башня, растущая с каждым ударом весел. Джейме задолго до того, как они поравнялись с ней, понял, что она заброшена — ее обветшалые стены обросли

вьющимися розами.

Ветер переменился, и сир Клеос помог женщине поставить парус — треугольный, в красную и голубую полоску. Цвета Талли — наживут они с ними хлопот, если встретят на реке какой-нибудь ланнистерский отряд, но другого паруса все равно нет. Бриенна села к рулю, Джейме, гремя цепями, выдвинул шверцы, и они поплыли уже быстрее, подгоняемые ветром наряду с течением.

— Наш путь был бы намного короче, если бы ты отвезла меня к отцу, а не к брату, — заметил Джейме.

— Дочери леди Кейтилин находятся в Королевской Гавани. Я вернусь вместе с ними или не вернусь вовсе.

— Кузен, одолжи мне свой нож, — попросил Джейме.

— Ну уж нет, — насторожилась женщина. — Никакого оружия ты не получишь. «Она боится меня, даже скованного».

— Тогда тебе, Клеос, придется самому меня побрить. Только голову — бороду оставь.

— Ты хочешь, чтобы я обрил тебя наголо?

— Все знают Джейме Ланнистера как безбородого рыцаря с длинными золотыми волосами. Лысый с грязной желтой бородой может проскользнуть незамеченным. Я предпочитаю быть неузнанным, пока нахожусь в кандалах.

Острота кинжала оставляла желать лучшего. Клеос отважно резал и пилил спутанные пряди, кидая волосы за борт. Золотые локоны плавали по реке, постепенно уходя за корму. По шее поползла вошь. Джейме поймал ее и раздавил на ногте большого пальца. Сир Клеос собрал и утопил еще нескольких, гулявших по оголившемуся черепу. Джейме смочил голову, Клеос окунул в воду нож и соскоблил остатки желтой щетины, а потом подровнял кузену бороду.

В воде отразился человек, незнакомый Джейме — не только лысый, но и состарившийся в тюрьме лет на пять, с похудевшим лицом, впалыми глазами и новоприобретенными морщинами. «Теперь я совсем не похож на Серсею. Она будет

в бешенстве».

К полудню сир Клеос заснул. Его храп напоминал брачную песню селезня. Джейме смотрел на проплывающий мимо мир — после тюрьмы каждая скала и каждое дерево казались ему чудом.

На берегу попадались хибарки на сваях, похожие на журавлей, но жителей не было видно. Птицы кричали на деревьях, кружили над рекой, и в воде порой мелькала серебристая рыба. «Форель Талли. Это дурной знак», — подумал Джейме, но потом увидел нечто худшее — очередное плавучее бревно оказалось мертвецом, обескровленным и распухшим. Его плащ зацепился за корни упавшего дерева — багряный цвет Ланнистеров, его ни с чем нельзя спутать. Может, это труп человека, которого Джейме знал?

Водные зубцы Трезубца — самый легкий путь для перевозки товаров и людей через речные земли. В мирное время им то и дело встречались бы рыбачьи челноки, баржи с зерном, идущие на шестах по течению, плавучие лавки, продающие иголки и ткани — может, попался бы даже ярко расписанный скомороший баркас с клетчатыми парусами ста разных цветов, неспешно плывущий от деревни к деревне, от замка к замку.

Но война сделала свое дело. Во встречных де-

ревнях не осталось больше поселян. О рыбаках напоминали только пустые изорванные сети, свисающие кое-где с прибрежных корней. Девушка, поившая в реке лошадь, ускакала прочь, увидев вдали их парус. Около дюжины крестьян, вскапывавших поле около сгоревшей башни, проводили лодку тупыми взглядами и вернулись к работе, решив, что она не представляет для них угрозы.

Красный Зубец, широкий и медленный, петляющий среди множества лесистых островов, то и дело перегораживали песчаные мели, таящиеся под самой водой, но Бриенна своим наметанным глазом каждый раз выбирала обходной путь. Когда Джейме похвалил ее за отменное знание реки, она подозрительно глянула на него и сказала:

— Я эту реку не знаю. Я выросла на острове и научилась управляться с веслами и парусом еще до того, как впервые села на коня.

Сир Клеос сел и протер глаза.

— Боги, как руки болят. Хоть бы ветер продержался подольше. Чую дождь, — объявил он, понюхав воздух.

Хорошо бы. Подземелья Риверрана — не самое чистое место в Семи Королевствах, и Джейме чувствовал, что от него разит, как от залежалого

сыра.

Клеос прищурился, глядя вниз по течению.

— Смотрите, дым.

Тонкий серый палец манил их к себе, торча в нескольких милях впереди над южным берегом. Внизу Джейме различил обгорелый остов большого дома и живой дуб с развешанными на нем мертвыми женщинами.

Вороны едва начали клевать трупы. Тонкие веревки глубоко врезались в мягкие шеи, ветер раскачивал и крутил тела.

— Это не по-рыцарски, — сказала Бриенна, когда они подплыли поближе. — Ни один настоящий рыцарь не будет потворствовать подобным зверствам.

— Настоящие рыцари видят еще и не такое, когда выступают на войну, женщина. И делают еще и не то.

Бриенна повернула руль к берегу.

— Я не позволю, чтобы невинные жертвы стали пищей для ворон.

— Бессердечная. Воронам тоже кормиться надо. Оставайся на реке и оставь мертвых в покое.

Они причалили немного выше того места, где высокий дуб склонялся над рекой. Бриенна спустила парус, и Джейме неуклюже вылез из

лодки. Красный Зубец набрался ему в сапоги и промочил рваные бриджи. Смеясь, он опустился на колени, окунул голову в воду и потряс ею. Когда он отмыл свои покрытые грязью руки, они оказались тоньше и бледнее, чем ему помнилось. Ноги тоже исхудали и держали его не совсем твердо. «Долго же я просидел в этой проклятой темнице Хостера Талли».

Бриенна и Клеос вытащили лодку на берег. Тела висели у них над головами, точно зреющие в саду смерти зловещие плоды.

— Кому-то из нас придется их срезать, — сказала женщина.

— Я полезу. — Джейме вышел из воды, гремя цепями. — Только кандалы сними.

Женщина смотрела вверх, на одну из повешенных. Джейме подошел к ней мелкими шажками — шагать шире не позволяла цепь, соединявшая ножные кандалы с ручными. Он улыбнулся, разглядев на шее трупа, висевшего выше других, грубо намалеванную табличку. *«Они спали со львами»*, — гласила надпись.

— О да, женщина, с ними поступили не по-рыцарски — только ваши, а не наши. Хотел бы я знать, кто эти красотки?

— Трактирные девки, — сказал Клеос Фрей. — Я

вспомнил: тут раньше была таверна. Кое-кто из моих парней провел здесь ночь, когда мы возвращались в Ривердан. — От здания не осталось ничего, кроме каменного фундамента и кучи обугленных стропил. Пепел еще дымился.

Шлюх Джейме оставлял на долю своего брата Тириона — единственной женщиной, которую когда-либо желал он сам, была Серсея.

— Как видно, эти девушки ублажали солдат моего лорда-отца. И заодно, наверно, подавали им еду и питье. Свои ошейники они заработали поцелуем и чашей эля. — Джейме бросил взгляд вверх и вниз по течению, желая удостовериться, что они одни. — Это земля Бракенов, вот лорд Джонос, видимо, и приказал их повесить. Отец сжег его замок, и он, боюсь, не слишком нас любит.

— Это мог быть и Марк Пайпер, — заметил Клеос. — Или этот неуловимый Берик Дондаррион, хотя он, как я слышал, убивает только солдат. Или шайка северян Русе Болтона.

— Болтона отец разбил на Зеленом Зубце.

— Разбил, да не наголову. Он снова двинулся на юг, когда лорд Тайвин выступил к речным бродам. В Риверране говорят, что он отбил Харренхолл у сира Амори Лорха.

Джейме эта новость очень не понравилась.

— Бриенна, — сказал он, назвав ее по имени в надежде, что она его выслушает, — если лорд Болтон держит Харренхолл, то и Трезубец, и Королевский тракт скорее всего находятся под наблюдением.

Ему показалось, что он уловил неуверенность в ее больших голубых глазах.

— Вы под моей защитой. Им придется убить меня.

— Не думаю, что это вызовет у них затруднения.

— Боец из меня не хуже, чем из тебя, — заявила она. — Я была одним из семерых гвардейцев короля Ренли. Своими руками он накинул на меня полосатый плащ своей Радужной Гвардии.

– *Радужная* Гвардия? Ты и еще шесть девиц, что ли? Один певец сказал, что в шелках все девы прекрасны, — но он, видимо, не встречался с тобой.

Женщина залилась краской.

— Надо вырыть могилы, — сказала она и полезла на дерево.

Нижние ветки дуба давали хорошую опору для ног. Бриенна расхаживала по ним среди листвы и резала своим кинжалом веревки. Над трупами вились мухи, и смрад становился сильнее с каж-

дым упавшим телом.

— Слишком много чести для шлюх, — кисло произнес Клеос. — И чем мы будем копать? Лопат у нас нет, а свой меч я портить не стану…

Бриенна внезапно спрыгнула вниз.

— К лодке, быстро. Парус на реке.

Они спешили, как могли, но Джейме передвигался с большим трудом, и в лодку его втащил Клеос. Бриенна оттолкнулась веслом и торопливо поставила парус.

— Сир Клеос, надо, чтобы и вы тоже гребли.

Он сел на весла, и лодка понеслась по воде еще быстрее, чем раньше — влекомая течением, ветром и веслами. Джейме, глядя вверх по течению, видел только верхушку чужого паруса. Из-за извивов Красного Зубца казалось, будто он движется через поля на север, в то время как они плыли на юг, но Джейме понимал, что это просто обман зрения. Заслонив глаза руками, он пригляделся и объявил:

— Глинисто-красный и бледно-голубой.

Бриенна беззвучно шевельнула своим большим ртом, точно корова, жующая жвачку.

— Быстрее, сир.

Сгоревшая таверна исчезла позади и парус тоже, но это еще ничего не значило. Как только

преследователи выйдут из-за поворота, они покажутся снова.

— Будем надеяться, что благородные Талли остановятся, чтобы похоронить шлюх. — Вернуться в темницу Джейме вовсе не улыбалось. «Тирион придумал бы какую-нибудь хитрость, но мне на ум приходит только встретить врага с мечом в руке».

Почти час они играли с погоней в прятки, поворачивая и шныряя между островами. Они уже начали надеяться, что им удалось уйти, но тут парус появился опять.

— Иные их побери. — Клеос задержал весла над водой и вытер потный лоб.

– *Греби!!!* — сказала Бриенна.

— Это речная галея, — сообщил Джейме. Судно, догонявшее их, росло на глазах. — Девять весел с каждой стороны — стало быть, восемнадцать человек. Даже больше, если они взяли воинов помимо гребцов. И парус у них больше нашего. Нам не уйти.

Клеос замер на веслах.

— Восемнадцать, говоришь?

— По шестеро на брата. Я бы и восьмерых взял на себя, если б не мои браслеты. — Джейме показал запястья. — Не будет ли леди Бриенна столь

любезна снять их с меня?

Она молчала, вкладывая все свои силы в гребли.

— Мы опережаем их на полночи, — сказал Джейме. — Они гребут с самого рассвета, давая отдых каждой паре весел попеременно. Теперь они должны уже порядком притомиться. Вид нашего паруса на время придал им сил, но это ненадолго, мы можем перебить у них немало народу.

— Но ведь их *восемнадцать* человек! — воскликнул Клеос.

— Это по меньшей мере. Скорее всего двадцать или двадцать пять.

— Мы не сможем побить восемнадцать бойцов, — застонав, сказал кузен.

— А разве я говорю, что сможем? Лучшее, на что мы можем надеяться, — это умереть с оружием в руках. — Джейме Ланнистер говорил совершенно искренне — смерти он никогда не боялся.

Бриенна бросила грести. Ее соломенные волосы прилипли ко лбу, и свирепая гримаса делала лицо еще безобразнее.

— Вы под моей защитой, — низким, почти рычащим голосом проговорила она.

Джейме не сдержал смеха. «Прямо-таки Пес с титьками — то есть была бы, будь у нее титьки».

— Ну так защищай меня, женщина, — или освободи, чтобы я мог сам себя защитить.

Галея скользила по реке, как большая деревянная стрекоза. Весла бешено месили воду, взбивая белую пену. Она приближалась, и на палубе у нее толпились люди. В руках у них блестела сталь, и луки Джейме тоже разглядел. «Лучники». Он ненавидел лучников.

На носу галеи стоял коренастый лысый человек с кустистыми седыми бровями и мощными ручищами. Поверх кольчуги на нем был грязный белый камзол с вышитой на нем бледно-зеленой плакучей ивой, а застежкой для плаща служила серебряная форель. Капитан ривердранской гвардии, сир Робин Ригер. В свое время он считался отменным бойцом, но время это давно прошло. Он ровесник Хостеру Талли и состарился вместе со своим лордом.

Когда между лодками осталось не более пятидесяти ярдов, Джейме сложил руки ковшом у рта и прокричал:

— Хотите пожелать мне доброго пути, сир Робин?

— Хочу вернуть тебя назад, Цареубийца! — проревел Ригер. — Куда это ты подевал свои золотые кудри?

— Надеялся ослепить врагов блеском своей лысины. Вам такое удавалось.

Сир Робин не оценил шутку. Расстояние между лодками сократилось до сорока ярдов.

— Бросайте весла и оружие в реку, и вам не причинят вреда.

Клеос обернулся назад.

— Джейме, скажи ему, что нас освободила леди Кейтилин… для обмена пленными, на законном основании.

Джейме сказал, хотя и не видел в этом проку.

— Кейтилин Старк не командует в Ривер-ране, — прокричал в ответ сир Робин. Четверо лучников заняли позицию по обе стороны от него — двое на коленях, двое во весь рост. — Бросайте мечи в воду.

— У меня нет меча, — крикнул Джейме, — а будь он при мне, я воткнул бы его тебе в брюхо и отрезал яйца четверым твоим трусам.

Ответом послужили пущенные залпом стрелы. Одна вонзилась в мачту, две проткнули парус, четвертая прошла на фут от Джейме.

Впереди Красный Зубец закладывал очередную широкую петлю. Бриенна направила лодку наискосок через поворот. Рей переместился, и парус щелкнул, наполнившись ветром. Середину

реки занимал большой остров. Главное русло обтекало его справа, а слева, между островом и утесами северного берега, лежала узкая протока. Бриенна переложила руль, и ялик вильнул налево, полоща парусом. Джейме взглянул ей в лицо. «А у нее красивые глаза, — подумал он, — и она спокойна». Он умел читать по глазам и знал, как выглядит страх. В Бриенне угадывалась решимость, а не отчаяние.

Галея, в тридцати ярдах за ними, вошла в поворот.

— Сир Клеос, держите руль, — скомандовала женщина. — Цареубийца, бери весло — будешь отталкиваться от камней.

— Как прикажет моя госпожа. — Весло не меч, но его лопастью можно разбить человеку голову, если хорошо размахнуться, а рукоятью отразить удар.

Клеос сунул ему весло и перелез на корму. Они миновали верхнюю оконечность острова и резко свернули в протоку. Лодка накренилась, плеснув водой на утес. Остров густо зарос ивняком, дубами и высокими соснами, которые бросали тень через бурный поток, скрывая коряги и воронки. Слева поднимался отвесный утес, и вода кипела вокруг валунов и обломков скал у его подножия.

Они нырнули из солнца в тень, спрятавшись от галеи между зеленой древесной стеной и серым утесом. «Хоть от стрел немного передохнем», — подумал Джейме, отталкиваясь от полузатопленного валуна.

Лодка качнулась, и послышался тихий всплеск. Оглянувшись, Джейме увидел, что Бриенна исчезла. Миг спустя он увидел ее опять — она вылезала из воды у подножия утеса. Пройдя по мелководью, она перебралась через каменную осыпь и стала карабкаться вверх. Клеос ахнул, разинув рот — дурак дураком.

— Не пяль на нее глаза, — гаркнул Джейме кузену. — Правь.

Парус уже мелькал за деревьями, и вскоре галея появилась в устье протоки, в двадцати пяти ярдах от них. Ее нос описал дугу, совершая поворот, и оттуда слетело полдюжины стрел, но все они прошли мимо. Ход обеих лодок мешал лучникам целиться, но Джейме знал, что скоро они приноровятся. Бриенна, цепляясь за выступы и трещины, взобралась до половины утеса. «Ригер уж точно ее увидит и прикажет лучникам сбить женщину». Джейме решил сыграть на гордости старика — авось она затмит ему мозги.

— Сир Робин, — закричал он, — послушайте,

что я скажу.

Сир Робин поднял руку, и стрелки опустили луки.

— Говори, Цареубийца, да побыстрее.

Ялик обогнул россыпь камней, и Джейме крикнул:

— Я знаю лучший способ уладить дело — поединок между вами и мной.

— Я не вчера родился, Ланнистер.

— Верно, но сегодня вы можете умереть. — Джейме поднял руки, показывая Ригеру свои кандалы. — Я буду драться в цепях, чего вам бояться?

— Я тебя не боюсь, сир. Будь на то моя воля, я бы ничего лучшего не желал, но мне приказано доставить тебя живым, если будет возможно. Лучники! Заряжай — тяни — пуска-ай…

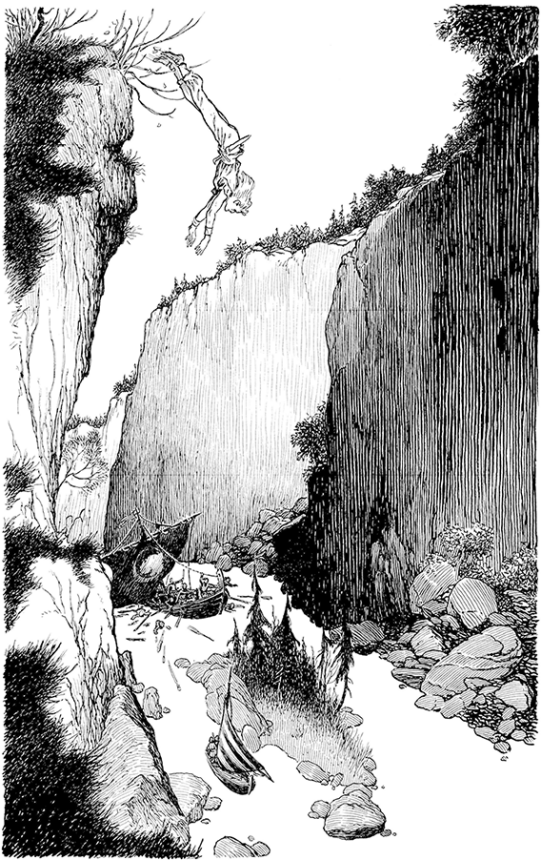
Их разделяло теперь меньше двадцати ярдов, и лучники вряд ли могли промахнуться, но как только они подняли свои длинные луки, на них обрушился сверху каменный град. Мелкие камни, стуча по палубе и по шлемам, сыпались в воду. Те, кто успел сообразить, в чем дело, задрали головы, и тут от верхушки утеса отделился валун с корову величиной. Сир Робин испуганно вскрикнул. Камень, кувыркаясь в воздухе, задел за выступ

утеса и, разломившись надвое, обрушился на них. Более крупный кусок сокрушил мачту вместе с парусом, скинул за борт двух лучников и сломал ногу гребцу. Быстрота, с которой галея стала наполняться водой, позволяла предположить, что второй обломок пробил ей корпус, лучники барахтались в реке под громкие вопли гребца, плавать они, по всей видимости, не умели. Джейме расхохотался.

Когда лодка вышла из протоки, галея пошла ко дну среди водоворотов и коряг, и Джейме Ланнистер решил, что боги на его стороне. Сиру Робину с его проклятущими лучниками придется тащиться в Ривердан пешком, и к тому же он избавился от этой уродливой девахи, лучшего и желать нельзя. «Вот только от цепей освободиться…»

Он поднял голову, услышав оклик Клеоса. Бриенна шла по скалистому берегу, намного опередив их, — она срезала угол, пока они огибали очередной мыс. Когда она нырнула со скалы в воду, у нее это вышло почти грациозно. Нехорошо было бы надеяться, что она расшибет себе голову о камень. Клеос направил лодку к ней. Хорошо, что весло все еще в руках у Джейме. «Размахнуться как следует, когда она подплывет, — и я избавлюсь от нее навсегда».

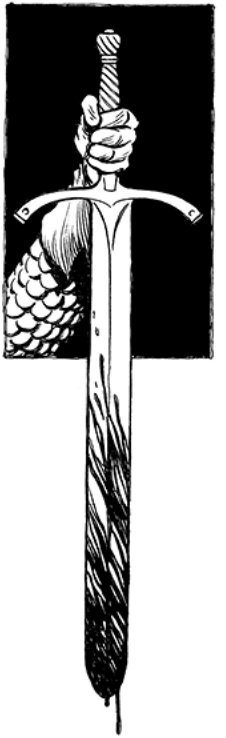
Вместо этого он неожиданно для себя протянул ей весло. Бриенна ухватилась за него, и Джейме втянул ее в лодку. Вода текла с нее ручьями. «Мокрая она еще безобразнее — кто бы мог подумать, что такое возможно?»



— Ну и дура же ты, женщина, — сказал он ей. — А если б мы уплыли без тебя? Или ты полагалась на мою благодарность?

— В твоей благодарности я не нуждаюсь, Цареубийца. Я дала клятву доставить тебя в Королевскую Гавань.

— И всерьез намерена ее сдержать? — Джейме ослепительно улыбнулся. — Чудеса, да и только.



Кейтилин

Сир Десмонд Грелл служил дому Талли всю свою жизнь. Он был оруженосцем, когда Кейтилин появилась на свет, рыцарем, когда она училась ходить, ездить верхом и плавать, а ко дню ее свадьбы стал мастером над оружием. Он видел, как Котенок лорда Хостера становится взрослой девушкой и супругой знатного лорда. «А теперь ему довелось увидеть, как я стала изменницей».

Ее брат Эдмар, выступив в поход, назначил сира Десмонда кастеляном замка, и судить Кейтилин за ее преступление тоже входило в его обязанности. Для храбрости он прихватил с собой отцовского управляющего, унылого Утерайдса Уэйна. Теперь они оба стояли и смотрели на нее

— дородный, краснолицый, сконфуженный сир Десмонд и серьезный, худой, меланхолический Уэйн. Каждый ждал, чтобы заговорил другой. «Они всю жизнь посвятили моему отцу, а я в награду покрыла их позором», — устало подумала Кейтилин.

— Ваши сыновья, — сказал наконец сир Десмонд. — Мейстер Виман рассказал нам. Бедные дети. Это ужасно. Ужасно. И все же…

— Мы разделяем ваше горе, миледи, — сказал Уэйн. — Весь Ривердан скорбит вместе с вами, но…

— Должно быть, подобные вести лишили вас рассудка, — прервал его сир Десмонд. — Вас можно понять — такое горе сведет с ума любую мать. Вы не знали…

— Знала, — твердо ответила Кейтилин. — Я прекрасно понимала, что делаю, и знала, что это измена. Если вы меня не накажете, люди сочтут, что я действовала в сговоре с вами. Между тем вина моя и только моя, и отвечать я должна одна. Наденьте на меня опроставшиеся цепи Цареубийцы, если посчитаете нужным, и я приму эти оковы с гордостью.

— Заковать? — Одно это слово повергло бедного сира Десмонда в ужас. — Мать короля, дочь моего

лорда? Невозможно.

— Быть может, — вставил управляющий, — миледи согласится не покидать своих покоев до возвращения сира Эдмара. Побудет в уединении, молясь за своих убиенных сыновей?

— Да, заточение, — подтвердил сир Десмонд. — Заточение в башне — это вполне приличествует случаю.

— Если я должна находиться в заточении, то заточите меня в покоях отца, чтобы я провела с ним его последние дни.

— Прекрасно, — поразмыслив, сказал сир Десмонд. — У вас не будет недостатка в удобствах и учтивом обхождении, однако выходить вам нельзя. Септу вы можете посещать, когда необходимо, но все остальное время должны проводить в покоях лорда Хостера вплоть до возвращения лорда Эдмара.

— Как скажете. — Брат ее не может называться лордом, пока отец жив, но Кейтилин не стала поправлять старика. — Приставьте ко мне стражу, если нужно, но я даю слово, что не стану пытаться бежать.

Сир Десмонд кивнул и вышел, явно радуясь, что покончил со своей неприятной задачей, но печальный Утерайдс Уэйн задержался еще

ненадолго.

— Вы допустили тяжкую провинность, миледи, и притом напрасно. Сир Десмонд послал сира Робина привезти назад Цареубийцу… или, на худой конец, его голову.

Кейтилин ничего иного и не ждала. «Да придаст Воин силы твоей деснице, Бриенна». Она сама сделала все, что могла, и ей оставалось только надеяться.

Ее вещи перенесли в отцовскую опочивальню, где стояла большая кровать под балдахином, в которой Кейтилин родилась, со столбиками в виде прыгающих форелей. Сам отец лежал теперь на полпролета ниже, в своей горнице, лицом к треугольному балкону, выходящему на его любимые реки.

Лорд Хостер спал, когда Кейтилин вошла к нему. Она постояла на балконе, опершись рукой на каменные перила. Быстрая Камнегонка под самым замком впадала в спокойный Красный Зубец, и видно было далеко по его течению. «Если с востока покажется полосатый парус — значит сир Робин возвращается». Сейчас река была пуста. Кейтилин, возблагодарив за это богов, вернулась в комнату и села рядом с отцом.

Неизвестно, сознает ли лорд Хостер, что она

здесь, и находит ли он в этом какое-то утешение, но ей хорошо подле него. «Что сказал бы ты, узнав о моем преступлении, отец? Сделал бы ты то же самое, если бы в руки врага попали мы с Лизой? Или ты тоже осудил бы меня, сочтя обезумевшей от горя матерью?»

В этой комнате стоял запах смерти — сладковатый, тяжелый и прилипчивый. Он напоминал ей о сыновьях, которых она потеряла, о милом Бране и малютке Риконе, убитых Теоном Грейджоем, бывшим воспитанником Неда. По Неду она горевала до сих пор и всегда будет горевать, но отнять у нее еще и детей…

— Это чудовищно — потерять ребенка, — прошептала она — больше себе, чем отцу.

Лорд Хостер открыл глаза и прошелестел:

— Гвоздика…

Он не узнал ее. Кейтилин уже привыкла, что он принимает ее то за мать, то за сестру Лизу, но имени «Гвоздика» она еще не слыхала.

— Я Кейтилин. Твой Котенок, отец.

— Прости меня… за эту кровь… прошу тебя, Гвоздика…

Неужели в жизни отца была еще какая-то женщина? Какая-нибудь деревенская девушка, с которой он дурно поступил в молодости? «Или

служанка, с которой он утешался после смерти матери?» Странная мысль и тревожная. Кейтилин показалось вдруг, что она совсем не знает своего отца.

— Кто эта Гвоздика, милорд? Хочешь, я пошлю за ней? Где я могу ее найти? Она жива?

— Нет… — простонал лорд Хостер, ощупью ища ее руку. — У тебя будут другие… славные детки, и притом законные.

«Другие? Наверно, он забыл, что Неда больше нет? С кем он теперь говорит — все с той же Гвоздикой, со мной, или с Лизой, или с матерью?»

Отец закашлялся, сжав ее руку. Изо рта у него проступила кровь.

— Будь хорошей женой, и боги даруют тебе сыновей… законных сыновей… а-ах. — Ногти отца судорожно впились в ладонь Кейтилин, и у него вырвался глухой крик.

Явился мейстер Виман с очередной долей макового молока, и вскоре лорд Хостер Талли снова погрузился в тяжелый сон.

— Он спрашивал о какой-то женщине, — сказала Кет. — О Гвоздике.

— О Гвоздике? — недоумевающе повторил мейстер.

— Вы никого не знаете с таким именем? Слу-

жанку или женщину из ближней деревни? Может быть, это кто-то из его прошлого? — Кейтилин очень долго не было в Ривердане.

— Нет, миледи, но я поспрашиваю, если хотите. Утерайдс Уэйн должен знать, служила ли такая в Ривердане. Гвоздика, говорите? В простонародье любят давать девочкам имена цветов и трав. Помню одну вдову — она приходила в замок брать башмаки в починку, и ее, кажется, звали как раз Гвоздикой. Или Голубикой? Как-то похоже. Я, правда, давно уже ее не видел…

— Ее звали Фиалкой, — сказала Кейтилин, ко-

торая хорошо помнила эту старушку.

— В самом деле? — сконфузился мейстер. — Простите, леди Кейтилин, но я должен покинуть вас. Сир Десмонд разрешил говорить с вами лишь о самых необходимых вещах.

— Что ж, не будем нарушать его распоряжений. — Кейтилин не винила сира Десмонда — она лишила его повода доверять ей, и он, естественно, боится, как бы она, воспользовавшись преданностью кого-нибудь из ривервранцев, которую те по-прежнему питают к дочери своего лорда, не учинила новую каверзу. «Зато от войны я теперь, хотя бы на время, избавлена».

Мейстер ушел, и она, накинув шерстяной плащ, снова вышла на балкон. Солнце отражалось и дробилось в реках, текущих мимо замка. Кейтилин, заслонив глаза от его блеска, искала вдали парус. Она боялась увидеть его, но паруса не было, а значит, она еще могла надеяться.

Весь день и часть ночи она следила за рекой, пока ее ноги не устали стоять. Под вечер в замок прилетел ворон. Хлопая крыльями, он опустился на вышку. «Черные крылья, черные вести», — подумала она, вспоминая последнего ворона и страшное послание, которое он принес.

Мейстер Виман вернулся к ночи обиходить

лорда Хостера и принес ей скромный ужин из хлеба, сыра и вареной говядины с хреном.

— Я говорил с Утерайдсом, миледи. Он совершенно уверен, что ни одна женщина по имени Гвоздика при нем в замке не служила.

— Я видела, как прилетел ворон. Джейме схвачен? — «Или убит, упасите боги?»

— Нет, миледи, о Цареубийце мы известий не получали.

— Значит, произошло еще одно сражение? Что-то неблагополучно у Эдмара? Или у Робба? Будьте милосердны, рассейте мой страх.

— Миледи, я не должен… — Виман огляделся, будто проверяя, нет ли кого поблизости. — Лорд Тайвин ушел с речных земель, и на бродах все спокойно.

— Кто же тогда прислал ворона?

— Он прилетел с запада, — сказал мейстер, возясь с постелью лорда Хостера и не поднимая на нее глаз.

— С вестями от Робба?

— Да, миледи, — помедлив, признался мейстер.

— Значит, что-то случилось. — Она поняла это по его поведению. Мейстер что-то скрывал от нее. — С Роббом несчастье? Он ранен? — «Только

не убит, о боги, не говори мне, что он убит».

— Его милость получил рану при штурме Скалы, — все так же уклончиво ответил мейстер, — но пишет, что беспокоиться не о чем и что он надеется вскоре вернуться.

— Куда он ранен? Насколько это серьезно?

— Он пишет, что беспокоиться не о чем.

— Меня любая его рана беспокоит. О нем есть кому позаботиться?

— Уверен в этом. Мейстер Скалы, безусловно, займется им.

— Так куда же он ранен?

— Миледи, я сожалею, но мне запрещено разговаривать с вами. — Виман, собрав свои снадобья, торопливо вышел, и Кейтилин снова осталась наедине с отцом. Маковое молоко делало свое дело, и лорд Хостер погружался в долгий сон. Струйка слюны стекала из его раскрытого рта на подушку. Кейтилин осторожно вытерла ее полотняным платком. От ее прикосновения лорд Хостер застонал и проговорил так тихо, что она едва расслышала его:

— Прости меня… Гвоздика… кровь… кровь… да помилуют нас боги…

Эти слова взволновали ее до глубины души, хотя она не понимала их смысла. Кровь? Почему

он то и дело говорит о крови? «Кто эта женщина, отец, и что ты ей сделал, если так молишь ее о прощении?»

В ту ночь Кейтилин спала плохо, преследуемая бессвязными снами о своих детях, пропавших и мертвых. Задолго до рассвета она проснулась окончательно, слыша эхо отцовских слов. «Славные детки, притом законные… к чему он это сказал? Быть может, он прижил с этой Гвоздикой бастарда?» Кейтилин не могла в это поверить. Ее брат Эдмар — другое дело; она не удивилась бы, узнав, что у него целая дюжина бастардов. Но отец, лорд Хостер Талли? Немыслимо.

«А что, если Гвоздикой он звал Лизу, как меня — Котенком?» Лорд Хостер и прежде не раз принимал ее за сестру. «У тебя будут другие, — сказал он, — славные детки и притом законные». У Лизы было пять выкидышей — два в Гнезде, три в Королевской Гавани, но в Ривеpране, у лорда Хостера, ни одного. «Если только… если только она не была беременна в тот первый раз».

Их, двух сестер, обвенчали в один и тот же день, и их мужья, оставив их на попечении отца, уехали, чтобы поддержать восстание Роберта Баратеона. У них обеих лунные кровотечения не пришли в срок, и Лиза весело болтала об их

будущих сыновьях. «Твой будет наследником Винтерфелла, а мой — Орлиного Гнезда. И они, конечно, будут закадычными друзьями, как твой Нед и лорд Роберт. Скорее родными братьями, чем двоюродными — я наперед знаю». «Она была так счастлива тогда…»

Но оказалось, что у нее лунные кровотечения просто запоздали, и вся ее радость угасла. Кейтилин всегда думала, что они запоздали — но если Лиза в самом деле была беременна…

Кейтилин вспомнила, как она впервые дала сестре подержать Робба, крошечного, красного, орущего, но уже тогда крепкого и полного жизни. Лиза, взяв ребенка на руки, тут же залилась слезами, сунула его обратно Кейтилин и убежала.

«Если она тогда потеряла ребенка, это объясняет слова отца и еще многое помимо них…» Брак Лизы с лордом Арреном был заключен поспешно, и Джон уже тогда был стар, старше, чем их отец. «Старик, не имеющий наследника». Две первые жены оставили его бездетным, сын его брата погиб вместе с Брандоном Старком в Королевской Гавани, его отважный кузен — в Колокольной битве. Ему нужна была молодая жена, чтобы продолжить род Арренов… *молодая жена, заведомо способная к деторождению.*

Кейтилин встала, накинула халат и спустилась в темную горницу к отцу. Чувство беспомощного страха наполняло ее.

— Отец, — сказала она, — я знаю теперь, что ты сделал. — Теперь она уже не та вчерашняя невеста с полной радужных мечтаний головой. Она вдова, изменница, скорбящая мать, умудренная в делах этого мира. — Ты заставил его взять ее замуж. Лиза была ценой, которую Джон Аррен заплатил за мечи и копья дома Талли.

Неудивительно, что сестра в своем браке не знала любви. Аррены горды и щепетильно относятся к своей чести. Лорд Джон женился на Лизе, чтобы обеспечить мятежникам поддержку Талли и, возможно, получить сына, но вряд ли мог полюбить женщину, которая легла в его постель опороченная и против своей воли. Он, несомненно, был добр к ней и обязателен, но Лизе недоставало тепла.

После завтрака Кейтилин попросила перо и бумагу и села писать сестре в Долину Аррен. С трудом подбирая слова, она уведомила Лизу о судьбе Брана и Рикона, но основная часть письма касалась отца.

«Теперь, когда его дни сочтены, все его мысли отданы злу, которое он тебе причинил. Мейстер

Виман говорит, что не смеет делать маковое молоко более крепким. Пришло время отцу сложить свой меч и щит. Время отдохнуть от трудов. Но он упорно борется, не желая сдаться, и я думаю, что причина этому — ты. Он нуждается в твоем прощении. Я знаю, что из-за войны дорога из Гнезда в Ривердран стала опасной, но сильный рыцарский эскорт, уж верно, сможет проводить тебя через Лунные горы — сто человек или тысяча. А если уж ты не сможешь приехать, то хотя бы напиши ему. Несколько слов любви, чтобы он отошел с миром. Напиши что хочешь, а я прочту это ему и облегчу ему дорогу».

Отложив перо и попросив воск для печати, Кейтилин подумала, что запоздала с письмом. Мейстер Виман не верил, что лорд Хостер дождется ворона — пока тот слетает в Гнездо и обратно. «Впрочем, мейстер давно уже говорит то же самое…» Мужчины Талли легко не сдаются, каков бы ни был перевес другой стороны. Передав пергамент мейстеру, Кейтилин пошла в септу, где поставила свечу Небесному Отцу за своего отца, и Старице, которая выпустила в мир первого ворона, приоткрыв дверь царства смерти, и Матери — за Лизу и всех детей, которых они обе потеряли.

В тот же день, сидя у постели лорда Хостера с книгой и сызнова перечитывая одно и то же место, она услышала громкие голоса и звук трубы. «Сир Робин», — вздрогнув, подумала она и вышла на балкон. На реке она ничего не увидела, но по-прежнему слышала голоса, конский топот, лязг доспехов и порой громкое «ура». Кейтилин поднялась по винтовой лестнице на крышу замка — этого сир Десмонд ей не запрещал.

Звуки доносились с дальней стороны замка, от главных ворот. У воротной решетки, поднимавшейся рывками и толчками, собралась небольшая толпа, а в поле за воротами виднелись несколько сотен всадников. Ветер раздул их знамена, и Кейтилин испустила вздох облегчения при виде форели Риверрана. «Эдмар».

К ней он соизволил прийти лишь два часа спустя. Замок к тому времени гудел от радости — воины обнимали своих жен и детей. С вышки слетели и отправились в полет трое воронов. Кейтилин следила за ними с отцовского балкона. Она вымыла голову, переоделась и приготовилась выслушать упреки брата… однако ожидание давалось ей нелегко.

Услышав наконец шум за дверью, она села и сложила руки на коленях. Сапоги, поножи и

камзол Эдмара забрызгала засохшая красная грязь. В нем трудно было признать победителя. Он отощал, был бледен, зарос бородой, и глаза у него лихорадочно блестели.

— Эдмар, — с беспокойством сказала Кейтилин, — у тебя плохой вид. Случилось что-нибудь? Ланнистеры перешли реку?

— Их я отбросил назад — лорда Тайвина, и Грегора Клигана, и Аддама Марбранда. Но Станнис… — Эдмар скорчил гримасу.

— Что Станнис?

— Он проиграл битву при Королевской Гавани, — сокрушенно произнес Эдмар. — Флот его сожжен, армия разбита.

Победа Ланнистеров была дурной вестью, но Кейтилин не разделяла огорчения своего брата. Ей все еще снилась тень, явившаяся в шатре Ренли, и кровь, хлынувшая сквозь стальной ворот королевских доспехов.

— Станнис нам не более друг, чем лорд Тайвин.

— Ты не понимаешь. Хайгарден теперь переметнулся к Джоффри, и Дорн тоже. Весь юг. — Эдмар поджал губы. — А ты не нашла ничего лучшего, как отпустить Цареубийцу, не имея на то никакого права.

— За мной право матери. — Ее голос звучал спокойно, хотя известие о Хайгардене наносило суровый удар надеждам Робба. Она просто не могла думать об этом сейчас.

— Ты не имела права, — повторил Эдмар. — Он был пленником Робба, твоего короля, и Робб поручил мне охранять его.

— Теперь его будет охранять Бриенна. Она поклялась в этом на своем мече.

— Та *женщина*?

— Она доставит Джейме в Королевскую Гавань и привезет нам обратно Арью и Сансу.

— Серсея их ни за что не отдаст.

— Тирион отдаст. Он поклялся перед всем двором, что сделает это, и Джейме тоже дал мне клятву.

— Слово Джейме ничего не стоит. Что до Беса, то его, говорят, в битве рубанули топором по башке. Он помрет еще до того, как твоя Бриенна доедет до Королевской Гавани, если она вообще доедет.

— Умрет? — «Могут ли боги быть столь безжалостны?» Она заставила Джейме поклясться раз сто, но свои надежды возлагала больше на обещание, данное его братом.

Эдмар остался глух к ее горю.

— Джейме был под моей опекой, и я верну его.

Я уже послал воронов…

— Сколько? И куда?

— Трех, чтобы лорд Болтон наверняка получил мое послание. Как бы они ни ехали, по реке или по дороге, Харренхолла все равно не минуют.

— Харренхолл… — От одного этого слова в комнате потемнело. — Эдмар, понимаешь ли ты, что натворил? — севшим от ужаса голосом спросила Кейтилин.

— Не бойся. О тебе я не упомянул. Написал, что Джейме совершил побег, и пообещал тысячу драконов за его пленение.

«Еще того хуже, — в отчаянии подумала Кейтилин. — Экий дурак мой братец». Непрошеные слезы выступили у нее на глазах.

— Если это был побег, а не обмен пленными, — тихо выговорила она, — зачем Ланнистерам отдавать моих дочек Бриенне?

— До этого все равно не дойдет. Цареубийцу вернут сюда — я об этом позаботился.

— Твоими заботами я больше никогда не увижу своих дочерей. Бриенна могла бы довезти его до Королевской Гавани… *пока за ними не было охоты.* А теперь… — Кейтилин не могла больше говорить. — Оставь меня, Эдмар. — Она не имела права приказывать брату здесь, в замке, кото-

рый скоро будет принадлежать ему, но ее тон не допускал возражений. — Оставь меня с отцом и моим горем. Больше мне нечего тебе сказать. Уходи. — Ей хотелось одного: лечь, закрыть глаза, уснуть и, если посчастливится, не видеть снов.

Арья

Небо было черно, как оставшиеся позади стены Харренхолла. Тихий ровный дождь глушил стук копыт и стекал по лицам.

Они ехали на север от озера. Изрытая проселочная дорога привела их через разоренные поля в лес, где журчали ручьи. Арья двигалась впереди, безрассудно погоняя свою краденую лошадь, пока не оказалась в гуще деревьев. Пирожок и Дженри поспевали за ней, как могли. Вдалеке выли волки и слышалось тяжелое дыхание Пирожка. Никто не разговаривал. Время от времени Арья оглядывалась через плечо, проверяя, не отстали ли мальчишки и нет ли за ними погони.

Погоня будет непременно, не сейчас, так потом. Она увела трех лошадей из конюшни, украла

карту и кинжал из горницы самого Русе Болтона и убила часового у калитки. Перерезала ему горло, когда он встал на колени, чтобы подобрать стертую железную монетку, которую дал ей Якен Хгар. Скоро кто-нибудь найдет его в луже крови, и поднимется крик. Лорда Болтона разбудят, Харренхолл обыщут от крыш до подвалов и обнаружат, что у лорда пропали кинжал и карта, из оружейной — несколько мечей, из кухни — хлеб и сыр, а еще пекаренок, кузнечный подмастерье и чашница по имени Нэн, или Ласка, или Арри — смотря кого спросишь.

Сам лорд Дредфорта за ними не погонится. Русе Болтон так и будет лежать в постели, обложившись пиявками, и полушепотом отдавать приказания. Погоню, наверно, возглавит Уолтон, прозванный «Железные Икры» из-за поножей, которые он всегда носит на своих длинных ногах. А может, это будет шепелявый Варго Хоут со своими наемниками. Они себя именуют Бравыми Ребятами, а другие зовут их Кровавыми Скоморохами (только не в лицо), а иногда Ногорезами, потому что лорд Варго любит рубить неугодным ему людям руки и ноги.

«Если нас поймают, он и с нами то же самое сделает, — думала Арья, — а потом Русе Болтон

сдерет с нас кожу». Она так и осталась в своем пажеском костюме с гербом лорда Болтона на груди, ободранным человеком Дредфорта.

Каждый раз, оглядываясь, она ожидала увидеть факелы, льющиеся из далеких ворот Харренхолла или мечущиеся по гребню огромных замковых стен. Но ничего такого не случилось. Харренхолл, так и не пробудившись, скрылся за деревьями и растаял во тьме.

Перебравшись через первый ручей, Арья съехала с дороги, проделала с четверть мили прямо по воде и лишь потом выбралась на каменистый берег. Если за ними погнали собак, это может сбить их со следа. На дороге оставаться нельзя. «По дороге теперь рыщет смерть, — сказала она себе. — И по этой, и по всем остальным».

Джендри и Пирожок молча следовали за ней. Все-таки, карта была у нее, и Пирожок, пожалуй, боялся ее не меньше, чем возможной погони. Он видел убитого ею часового. «Вот и хорошо, пусть боится — тогда он будет меня слушаться и никакой глупости авось не отмочит».

Сама она не слишком боялась, но понимала, что это неправильно. Ей ведь всего-навсего десять лет. Едет худышка-девчонка на краденой лошади, и впереди у нее темный лес, а позади

— страшные дядьки, которым неймется отрубить ей ноги. Но почему-то теперь она чувствовала себя спокойнее, чем когда-либо в Харренхолле. Дождь успел смыть с ее рук кровь часового, за спиной у нее висит меч, волки рыщут во тьме, как легкие серые тени, и Арье Старк не страшно.

— Страх ранит глубже меча, — повторила она шепотом слова Сирио Фореля, а потом сказала слова Якена Хгара: — *Валар моргулис*.

Дождь перестал, пошел снова, опять перестал и пошел снова, но их плащи хорошо защищали от воды. Арья продолжала ехать медленным, ровным шагом. В лесу слишком темно, чтобы гнать быстрее, из мальчишек наездники никудышные, а в мягкой земле то и дело попадаются корни и камни. Они пересекли еще одну дорогу с глубокими, полными воды колеями, но Арья и по ней не поехала. Она вела свой отряд вверх и вниз по невысоким холмам, через заросли крапивы и ежевики, по узким овражкам, где мокрые ветки хлестали их по лицу.

Кобыла Джендри однажды поскользнулась в грязи, присела на круп и скинула парня, но ни лошадь, ни всадник не пострадали, и Джендри со своим упрямым видом снова взобрался в седло. Вскоре после этого им встретились трое волков,

пожирающих тушу молодого оленя. Конь Пирожка, учуяв их, испугался и понес. Двое волков тоже убежали, но третий поднял голову и оскалил зубы, приготовясь защищать свою добычу.

— Назад, — сказала Арья Джендри. — Медленно, чтобы его не спугнуть. — Они отступали, пока волк и его добыча не скрылись из виду, и только тогда поехали искать Пирожка, который отчаянно цеплялся за седло, пока конь носил его между стволами.

Позже они проехали через сожженную дерев-

ню, пробираясь между остовами обугленных хижин и трупами висящих на яблонях людей. Пирожок, увидев повешенных, принялся шепотом молиться милосердной Матери, повторяя свою молитву снова и снова. Арья, глядя на исклеванных мертвецов в мокрых лохмотьях, прочла свою молитву: «Сир Грегор, Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес. Сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея». Закончив словами *«валар моргулис»*, она потрогала спрятанную в поясе монетку Якена и сорвала с увешанного мертвецами дерева яблоко. Оно было переспелое и кашистое, но Арья съела его прямо с червяками.

В тот день, можно сказать, так и не рассвело. Небо вокруг медленно светлело, но солнце не показывалось. Черное стало серым, и краски робко возвращались в мир. Гвардейские сосны оделись в темную зелень, лиственные деревья — в рыжину и блеклое золото. Они остановились напоить лошадей и наскоро поели, разломив украденную Пирожком хлебную ковригу и передавая друг другу ломти твердого желтого сыра.

— Ты хоть знаешь, куда мы едем? — спросил Джендри.

— На север, — сказала Арья.

Пирожок неуверенно поглядел вокруг.

— А где он, север?

— Вон там. — Она ткнула в нужную сторону куском сыра.

— Так ведь солнца-то нет — откуда ты знаешь?

— По мху. Видишь, он растет на одной стороне деревьев? Там юг.

— А зачем нам на север? — допытывался Дженри.

— Там течет Трезубец. — Арья развернула карту и показала им. — Видите? Когда мы доберемся до него, нам надо будет просто ехать вверх по течению до самого Риверрана, вот сюда. — Она провела пальцем по карте. — Это далеко, но мы не заблудимся, если будем держаться реки.

— Где тут Ривервран? — спросил Пирожок, пяля глаза на карту.

Замок, изображенный в виде башни, помещался в развилке между двумя синими линиями, Камнегонкой и Красным Зубцом.

— Вот он, — показала пальцем Арья. — Видишь, написано: *Ривервран*.

— Так ты, значит, читать умеешь? — спросил Пирожок с таким почтением, как будто она сказала, что умеет ходить по воде.

Арья кивнула.

— Доехав до Риверрана, мы будем в безопасности.

— Правда? Почему?

«Потому что Риверран — замок моего деда, и мой брат Робб тоже будет там», — хотелось сказать Арье, но она прикусила губу и скатала карту.

— Да так. Но сначала надо туда попасть. — Она села в седло первая. Она чувствовала себя не совсем хорошо, скрывая от Пирожка правду, но боялась доверить ему свой секрет. Джендри знает, но он — другое дело. У него есть свой секрет, хотя Джендри, похоже, сам не знает, в чем он состоит.

Днем Арья прибавила ходу и ехала рысью, сколько было можно, а иногда даже в галоп переходила, видя впереди ровное поле. Это, впрочем, случалось нечасто — местность становилась все более холмистой. Холмы не отличались ни высотой, ни крутизной, но им просто не было конца, и путникам уже надоело то подниматься, то спускаться. Они совсем запутались в ручьях и мелких лесистых долинах, где деревья смыкались над головой.

Арья, посылая Пирожка и Джендри вперед, сама то и дело возвращалась, чтобы замести следы, и все время слушала, нет ли за ними погони.

«Слишком медленно, — думала она, покусывая губы, — мы плетемся слишком медленно, так нас точно поймают». Однажды, с вершины очередного холма, она заметила какие-то темные фигуры, пересекающие ручей позади, и на миг в испуге приняла их за всадников Русе Болтона, но, присмотревшись как следует, поняла, что это стая волков. Она сложила руки вокруг рта и провыла им: «*Аоооооо, аоооооооо*». Самый крупный волк задрал голову, и его ответный вой заставил Арью содрогнуться.

К полудню Пирожок начал ныть, заявляя, что у него вся задница отбита и ляжки стерты, да и поспать бы не мешало.

— Я так устал, что сейчас с лошади свалюсь.

— Как по-твоему, — спросила Арья у Джендри, — если он свалится, кто его первый найдет — волки или Скоморохи?

— Волки, — сказал Джендри. — У них чутье лучше.

Пирожок открыл рот, закрыл его снова и раздумал падать с коня. Дождь зарядил снова, а солнца они за весь день не видели ни разу. Похолодало, и белый туман пополз между соснами на голые сожженные поля.

Джендри приходилось почти так же худо, как

и Пирожку, но он был слишком упрям, чтобы жаловаться. Сидя мешком в седле, он очень решительно смотрел вперед из-под шапки лохматых черных волос, но Арья-то видела, что он не наездник. «Надо было подумать об этом загодя». Сама она ездила верхом, сколько себя помнила, сначала на пони, потом на больших лошадях, но Джендри с Пирожком выросли в городе, а в городах простой народ ходит пешком. Йорен, забрав их из Королевской Гавани, дал им ослов, но трусить на ослике, да еще по Королевскому тракту, да еще за повозкой — это одно дело, а ехать на охотничьей лошади по диким лесам и сожженным полям — совсем другое.

Арья знала, что одна двигалась бы гораздо быстрее, но не могла же она их бросить. Они ее стая, ее друзья, единственные друзья, которые у нее остались, и без нее они спокойно сидели бы себе в Харренхолле. Джендри потел бы в своей кузнице, а Пирожок — на кухне. «Если Скоморохи нас поймают, — думала она, — я скажу им, что я дочь Неда Старка и сестра Короля Севера. Прикажу им отвезти меня к брату и не трогать Пирожка и Джендри». Они, конечно, могут ей не поверить, и если бы даже поверили… Лорд Болтон — знаменосец ее брата, и все равно она его боится. «Не

дамся я им, — безмолвно поклялась она, нащупав за плечом рукоять меча, который украл для нее Джендри. — Не дамся».

В тот же день они выехали из леса к какой-то реке, и Пирожок завопил от восторга:

— Трезубец! Теперь нам только и надо, что ехать вверх по течению, как ты говорила. Мы почти на месте!

Арья закусила губу.

— Не думаю, что это Трезубец. — Речка раздулась от дождя, но все равно оставалась не шире тридцати футов — Трезубец запомнился ей гораздо более широким. — Эта речка слишком узкая, да и рано еще для него.

— Ничего не рано, — возразил Пирожок. — Мы весь день едем почти что без передышки. Наверно, уже много отмахали.

— Давайте-ка взглянем на карту еще раз, — сказал Джендри.

Арья спешилась и развернула пергамент. По нему струйками стекал дождь.

— Думаю, мы где-то здесь, — показала она. Мальчишки смотрели из-за ее плеч.

— По-твоему, мы совсем не продвинулись? — возмутился Пирожок. — Вот же он, Харренхолл, совсем рядом с твоим пальцем. Мы ведь целый

день ехали!

— До Трезубца еще много миль. Несколько дней ехать надо. Это какая-то другая река, одна из этих. — Арья показала на карте несколько тонких синих линий, у каждой из которых значилось свое название. — Дарри, Яблочная, Девичья… а может, вот эта, Малая Ивовая.

Пирожок перевел взгляд с карты на реку.

— Она не такая маленькая, как тут нарисовано.

— Эта речка на карте впадает в другую, смотри, — заметил Джендри.

— Да, в Большую Ивовую.

— Ну да, а Большая Ивовая впадает в Трезубец, стало быть, нам надо ехать вниз по течению, а не вверх. Но если эта речка — не Малая Ивовая, а вот эта…

— Быстринка.

— ...то она делает петлю и бежит обратно к озеру и Харренхоллу.

– *Ну уж нет!* — выпучил глаза Пирожок. — Тогда нас точно убьют.

— Надо узнать, что это за река, — самым упрямым из своих голосов заявил Джендри.

— Как узнать-то? — На карте все названия обозначены, но на берегу речки не написано ничего. — Мы не поедем ни вверх, ни вниз по течению. Переправимся на тот берег и будем ехать на север, как и ехали.

— А лошади умеют плавать? — спросил Пирожок. — Мне сдается, тут глубоко, Арри. Вдруг в воде змеи есть?

— Ты уверена, что мы едем на север? — засомневался Джендри. — Из-за этих холмов мы могли заблудиться…

— Мох на деревьях…

— Вон на том, — перебил Джендри, — мох растет с трех сторон, а на другом мха и вовсе нет. Может, мы заблудились и едем по кругу.

— Может, и так, — сказала Арья, — но я все равно переправлюсь через реку, а вы оставайтесь, если хотите. — Она снова села верхом, не глядя на них. Не хотят с ней ехать — пусть тогда сами ищут Ривердан, если их раньше не найдут Скоморохи.

Ей пришлось проехать добрых полмили вдоль берега, пока она не нашла что-то вроде брода, но ее кобыла все равно заартачилась, не желая идти в реку. Бурая речка с неизвестным названием бежала быстро, и когда Арья с грехом пополам добралась до ее середины, лошади стало по брюхо. Вода набралась Арье в сапоги, но она сжала бока лошади каблуками и выбралась на тот берег. Позади слышался плеск и тревожное ржание. «Все-таки едут за мной. Вот и хорошо». Она оглянулась и увидела, как они, все мокрые, вылезли на берег.

— Это не Трезубец, — сказала она им. — Точно не он.

Следующая речка была мельче и легче для переправы. Арья заявила, что и это тоже не Трезубец, и никто больше не спорил с ней, когда она двинулась вброд.

Начинало смеркаться, когда они снова остановились дать отдых лошадям и закусить хлебом и сыром.

— Мне холодно, и я весь мокрый, — пожаловался Пирожок. — Теперь уж мы далеко отъехали от Харренхолла — можно костер развести…

– *НЕТ!* — в один голос вскричали Арья и Джендри, и Пирожок притих. Арья покосилась на Джендри. С Джоном в Винтерфелле они тоже часто произносили что-то вот так, вместе. Из всех своих братьев она больше всего скучала по Джону Сноу.

— Ну хоть поспать-то можно? — спросил Пирожок. — Я страх как устал, Арри, и задница болит. Там, наверно, уже мозоли.

— Вот поймают тебя — еще не так отделают. Надо ехать дальше. *Надо*.

— Но ведь уже почти темно, и даже луны не видно.

— Садись на лошадь.

Медленным шагом они поплелись дальше. Кругом делалось все темнее. Арья сама устала до

предела, и спать ей хотелось не меньше, чем Пирожку, но она знала, что спать нельзя. Заснешь, а потом откроешь глаза и увидишь, что над тобой стоит Варго Хоут с Шагвеллом-Дураком, Верным Урсвиком, Роржем, Кусакой, септоном Уттом и прочими страшилищами.

Но мерный шаг лошади убаюкивал ее, и веки тяжелели. Арья позволила им закрыться на долю мгновения и снова раскрыла во всю ширину. «Нельзя спать, — безмолвно кричала она про себя, — нельзя, нельзя». Она протерла глаза костяшками пальцев, крепко сжала поводья и пустила лошадь рысью. Но и ее, и лошади хватило ненадолго — скоро они опять перешли на шаг, и Арья снова закрыла глаза, и на этот раз они открылись уже не так быстро.

Когда это случилось, она увидела, что лошадь стоит на месте и щиплет траву, а Джендри трясет ее за руку.

— Ты спишь на ходу, — сказал он.

— Просто даю глазам отдых.

— Что-то долго они у тебя отдыхают. Твоя лошадь шла по кругу, а потом встала, и тут только я понял, что ты спишь. С Пирожком еще хуже — он наткнулся на ветку, и его вышибло из седла. Надо было слышать, как он заорал, но тебя и это не

разбудило. Тебе нужно поспать как следует.

— Я могу ехать столько же, сколько и ты. — Она зевнула.

— Врешь. Поезжай себе, если ума нет, а с меня хватит. Я буду сторожить первым — ложись и спи.

— А Пирожок где?

Джендри показал рукой в сторону. Пирожок уже свернулся на куче сырых листьев, накрывшись своим плащом, и похрапывал. В кулаке он зажал большой ломоть сыра, но так и уснул, не доев его.

Арья поняла, что спорить бесполезно. Джендри прав. Скоморохам ведь тоже надо спать — ей, во всяком случае, хотелось верить в это. Она так устала, что даже с лошади слезла еле-еле, но все-таки не забыла спутать кобыле ноги, прежде чем устроиться под буком. Земля была твердая и сырая. Долго ли еще ей придется обходиться без постели, без горячей еды и тепла. Перед тем как уснуть, она еще успела вытащить меч из ножен и положила его рядом с собой.

— Сир Грегор, — шептала она, засыпая, — Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун… Пес…

Ей стали сниться красные, свирепые сны. Там были Скоморохи, не меньше четырех: бледный

лисниец и черный уроженец Иба с топором, покрытый шрамами дотракийский табунщик Игго и дорниец, имени которого она не знала. Они ехали сквозь струи дождя в ржавеющих кольчугах и мокрой коже, и мечи с топорами побрякивали у их седел. Они думали, что охотятся за ней — Арья знала это с той твердой уверенностью, которую чувствуешь во сне, — но на самом деле это она охотилась за ними.

Во сне она была не девочкой, а волчицей, огромной и могучей, и когда она выскочила перед ними из леса, оскалила зубы и тихо, рокочуще зарычала, ее обдало едким запахом страха — и лошадиного, и человечьего. Конь лиснийца взвился на дыбы и заржал в ужасе, всадники закричали что-то на человеческом языке, но сделать ничего не успели: из дождя и мрака выскочили другие волки, целая стая, тощие, мокрые и тихие.

Бой был коротким, но кровавым. Косматый упал, схватившись за топор, смуглый умер, натягивая лук, бледный попытался бежать. Но ее братья и сестры догнали его, окружили со всех сторон, хватая за ноги его коня, и перегрызли глотку упавшему наземь седоку.

Только человек с колокольцами показал себя молодцом. Его конь лягнул в голову одну из ее

сестер, а сам он чуть ли не пополам разрубил другого волка своим кривым серебряным когтем, и его колокольчики звенели.

Она, охваченная яростью, прыгнула ему на спину и вышибла его головой вперед из седла. При падении ее челюсти сомкнулись на его руке, зубы пронзили кожаный рукав, шерсть и мягкое мясо. Они ударились оземь, и она свирепо мотнула головой, оторвав руку от плеча, ликуя, она принялась трясти ею туда-сюда, разбрызгивая теплые красные капли среди холодных, черных дождевых струй.

Тирион

Он проснулся от скрипа старых железных петель и сам проскрипел:

— Кто там? — Хорошо, что хотя бы голос вернулся к нему, даже такой слабый и хриплый. Лихорадка все еще трепала его, и Тирион не знал, который теперь час. Сколько он проспал на этот раз? Какая слабость, будь она проклята, какая мерзкая слабость. — Кто? — повторил он погромче. В открытую дверь проникал свет от факела, но в комнате горел только огарок свечи рядом с постелью.

Увидев направляющуюся к нему фигуру, Тирион вздрогнул. Здесь, в крепости Мейегора, все слуги получают жалованье от королевы, и любой посетитель может оказаться еще одним наем-

ником Серсеи, посланным довершить начатую сиром Мендоном работу.

Гость, выйдя на свет, внимательно посмотрел на бледное лицо карлика и усмехнулся.

— Ты, видать, порезался, когда брился?

Тирион потрогал глубокий шрам, бегущий от брови до самой челюсти через то, что осталось от его носа. Рубец все еще оставался сырым и теплым на ощупь.

— Угу. Очень уж бритва острая попалась.

Бронн вымыл и зачесал назад свои угольно-черные волосы. На нем были высокие сапоги из мягкой, хорошо выделанной кожи, широкий пояс с серебряными вставками, плечи покрывал плащ из бледно-зеленого шелка. На темно-сером шерстяном дублете была вышита наискосок ярко-зеленая пылающая цепь.

— Где ты был? — спросил его Тирион. — Я посылал за тобой еще пару недель назад.

— Ну нет, не больше четырех дней, — ответил наемник, — и я был здесь уже дважды, но ты лежал как мертвый.

— И все же я жив, вопреки стараниям моей дражайшей сестрицы. — Этого, пожалуй, не следовало говорить вслух, но Тириону было уже все равно. За попыткой сира Мендона убить его

стояла Серсея, он это нутром чуял. — Что это за пакость такая у тебя на груди?

— Моя рыцарская эмблема, — ухмыльнулся Бронн. — Горящая зеленая цепь на дымчато-сером поле. Милостью твоего лорда-отца я теперь Бронн Черноводный — не забывай об этом, Бес.

Тирион уперся руками в перину и приподнялся, опершись спиной на подушки.

— А ведь это я обещал сделать тебя рыцарем, помнишь? — Выражение *«милостью твоего лорда-отца»* крепко не понравилось Тириону. Лорд Тайвин даром времени не теряет. Смысл того, что он убрал сына из башни Десницы и занял ее сам, всякому понятен, а вот и еще одно послание в том же духе. — Я потерял половину носа, а ты приобрел рыцарское звание. Богам за многое придется ответить, — угрюмо произнес он. — Отец сам тебя посвятил?

— Нет. Нас всех, уцелевших в бою у заградительных башен, помазал верховный септон, а в рыцари посвятили королевские гвардейцы. Полдня на это ухлопали — ведь Белых Мечей всего трое осталось.

— Сир Мендон погиб в бою, я знаю. — «Под скинул его в реку за мгновение до того, как этот ублюдок чуть было не проткнул мечом мое серд-

це». — Кого еще недостает?

— Пса. Этот жив, просто сбежал. Золотые плащи говорят, что он струсил, и ты возглавил вылазку вместо него.

«Не самая лучшая моя мысль». Тирион нахмурился, заставив натянуться свежий рубец, и указал Бронну на стул.

— Моя сестра, как видно, думает, что я гриб. Держит меня в темноте и пичкает дерьмом. Под славный малый, но язык у него завязан узлом величиной с Утес Кастерли, и я не верю половине того, что он мне рассказывает. Я послал его за сиром Джаселином, а он вернулся и сказал, что тот мертв.

— Верно, мертв, как и тысячи других.

— Как он умер? — Тириону сразу стало хуже.

— В бою. Твоя сестра, как я слышал, велела Кеттлблэкам вернуть короля в Красный Замок. Когда золотые плащи увидели, что он уезжает, половина из них решила последовать за ним. Железнорукий загородил им дорогу и попытался загнать их обратно на стены. Говорят, он честил их почем зря и ему это почти удалось, но тут кто-то пустил стрелу ему в затылок. После этого он стал уже не так страшен, поэтому его стащили с коня и прикончили.

«Еще один должок на счету Серсеи».

— Моему племяннику грозила какая-то опасность?

— Не больше, чем другим, и меньше, чем многим.

— Он как-то пострадал? Получил рану? Наколол палец, повредил ноготь, уронил волосок с головы?

— Ничего такого, насколько я слышал.

— Я предупреждал Серсею, что это может случиться. Кто теперь командует золотыми плащами?

— Твой лорд-отец поставил над ними одного из своих западных рыцарей, некоего Аддама Марбранда.

При других обстоятельствах золотые плащи возмутились бы, что их командиром назначили чужака, но сир Аддам — достойный выбор. Он, как и Джейме, из тех, кому люди охотно подчиняются. «Итак, городскую стражу я потерял».

— Еще я велел Поду отыскать Шаггу, но ему и тут не повезло.

— Каменные Вороны все еще в Королевском лесу — Шагге, видать, приглянулось это место. Обгорелых Тиметт увел домой со всей добычей, которую они взяли в лагере Станниса после боя.

Челла как-то утром объявилась вместе с дюжиной Черноухих у Речных ворот, но красные плащи твоего отца прогнали их, а горожане потешались над ними и закидали навозом.

«Неблагодарные! Черноухие умирали за них». Пока Тирион лежал здесь одурманенный, родня выдергивала ему когти один за другим.

— Я хочу, чтобы ты пошел к моей сестре. Ее ненаглядный сынок вышел из боя без единой царапины, и заложники ей больше не нужны. Она клялась освободить Алаяйю, как только…

— Она и освободила — тому уж дней восемь, только сначала высекла.

Тирион взгромоздился повыше, не обращая внимания на резкую боль в плече.

– *Высекла?*

— Ее привязали к столбу на дворе и отхлестали плетьми, а потом выкинули за ворота, голую и всю в крови.

«Она училась грамоте», — ни с того ни с сего подумал Тирион. Шрам на лице натянулся, и ему показалось, что голова у него сейчас лопнет от ярости. Алаяйя, конечно, шлюха, но таких славных, храбрых и невинных девушек ему редко доводилось встречать. Он ни разу к ней не притронулся — она служила всего лишь прикрытием

для Шаи, а он в своей беспечности не подумал о том, чего эта роль может ей стоить.

— Я обещал сестре, что поступлю с Томменом так же, как она с Алаяйей. — Тирион чувствовал, что его вот-вот вырвет. — Но не могу же я сечь плетьми восьмилетнего мальчонку! — «Однако, если я этого не сделаю, победа окажется за Серсеей».

— Томмен больше не твой, — отрезал Бронн. — Королева, узнав о смерти Железной Руки, послала за ним Кеттлблэков, а в Росби ни у кого не хватило духу им воспротивиться.

Еще один удар — но это, возможно, и к лучшему, признался себе Тирион. Томмена он любил.

— Предполагалось, что Кеттлблэки должны служить нам, — с немалым раздражением напомнил он Бронну.

— Они и служили, пока я давал им два твоих медяка против одного, полученного от королевы, но теперь она подняла цену. Осни и Осфрида после битвы посвятили в рыцари, как и меня. Одни боги знают, за что — их-то в бою никто не видал.

«Мои наемники предают меня, моих друзей бьют плетьми и срамят, а я лежу здесь и гнию, — думал Тирион. — Я думал, что выиграл эту треклятую битву — вот, значит, каков он, вкус

триумфа».

— Правда ли, что Станниса обратил в бегство призрак Ренли?

Бронн слегка улыбнулся.

— Мы от заградительных башен видели только, как знамена летят в грязь, а люди бросают свои копья и бегут, но в харчевнях и борделях многие говорят, будто своими глазами видели, как лорд Ренли убил того или этого. Большая часть войска Станниса с самого начала принадлежала Ренли, и они тут же переметнулись обратно, как только он явился перед ними в своих зеленых доспехах.

После всех принятых им мер, после вылазки и корабельного моста, после того, как ему располосовали лицо, Тириона затмил мертвец. «Если, конечно, Ренли в самом деле умер». Еще одно дело, требующее расследования.

— Как Станнису удалось уйти?

— Его лисниец держал свои галеи в заливе, за твоей цепью. Когда битва приняла дурной оборот, они причалили к берегу и взяли на борт сколько смогли. Люди рубились между собой, чтобы попасть на суда.

— А Робб Старк что поделывает?

— Часть его волков пробивается к Синему Долу. Твой отец послал лорда Тарли разобраться с ними,

и я думаю, не отправиться ли и мне туда. Говорят, он хороший вояка и добычу не зажимает.

Возможность потерять еще и Бронна была последней соломинкой.

— Ну уж нет. Твое место здесь. Ты капитан гвардии десницы.

— Ты больше не десница, — резко напомнил Бронн. — Десница теперь твой отец, и у него своя гвардия, будь ей неладно.

— А куда подевались те, которых ты нанимал от моего имени?

— Одни погибли у башен, другим твой дядя сир Киван заплатил и велел убираться прочь.

— Как это любезно с его стороны, — ядовитым тоном произнес Тирион. — Выходит, ты потерял свой вкус к золоту?

— Хрена с два.

— Это хорошо, поскольку ты мне еще нужен. Что тебе известно о сире Мендоне Муре?

— Мне известно, что он утоп, — засмеялся Бронн.

— Я перед ним в большом долгу и не знаю, как расплатиться. — Тирион потрогал свой шрам. — По правде сказать, я почти ничего о нем не знаю.

— У него были рыбьи глаза, и он носил белый плащ — что тебе еще надо знать?

— Все — для начала. — Тириону нужны были доказательства того, что сир Мендон служил Серсее, но он не осмеливался высказать это вслух. В Красном Замке лучше держать язык за зубами. В здешних стенах водятся крысы, и маленькие, но болтливые пташки, и пауки. — Помоги-ка мне встать, — сказал он, борясь с простынями. — Пора нанести визит батюшке, а заодно и на людях показаться.

— Да уж, им будет на что посмотреть.

— Что такое недостающая половина носа на таком лице, как мое? Кстати о красоте: Маргери Тирелл уже в Королевской Гавани?

— Нет, но скоро прибудет, и город с ума сходит от любви к ней. Тиреллы подвезли из Хайгардена провизию и раздают даром от ее имени — сотни возов каждый день. Тысячи людей Тирелла расхаживают повсюду с золотыми розами на дублетах, и никто из них не платит за вино. А бабы, будь они мужними женами, вдовами или шлюхами, готовы все отдать первому встречному парнишке с розанчиком.

«Они наплевали на меня и ставят выпивку Тиреллам». Тирион соскользнул с кровати на пол. Ноги подогнулись под ним, комната закружилась колесом, и ему пришлось схватиться за руку

Бронна, чтобы не шлепнуться носом в тростник.

– *Под!* — заорал он. — Подрик Пейн! Где тебя носит, ради седьмого пекла! — Боль глодала его, как беззубая собака. Тирион ненавидел слабость, особенно в себе самом. Она унижала его, а унижение порождало в нем гнев. — Под, *бегом сюда!*

Мальчик действительно влетел в комнату бегом и разинул рот, увидев, что Тирион стоит, держась за руку Бронна.

— Милорд… Вы встали… Это самое… может, вам вина? Сонного? Или мейстера привести? Он сказал, вам надо лежать.

— Хватит, належался. Подай мне чистые вещи.

— Вещи?

Как мог этот парень быть таким находчивым в бою и таким бестолковым во всем остальном?

— Одежду, — повторил он. — Рубашку, дублет, бриджи, чулки. Мне. Чтобы одеться. И чтобы выйти из этой проклятой тюрьмы.

Одевался он с помощью их двоих. Каким бы страшным ни выглядело его лицо, самая тяжелая рана находилась чуть ниже плеча, под мышкой, куда стрела вдавила звенья его кольчуги. Кровь и гной еще сочились из багровой мякоти, когда мейстер Френкен менял ему повязку, и каждое движение пронизывало Тириона острой болью.

В конце концов он сдался, ограничившись бриджами и просторным халатом. Бронн натянул ему на ноги сапоги, а Под пошел искать палку, на которую он мог бы опираться. Чтобы подкрепить себя, Тирион выпил чашу сонного вина, подслащенного медом и содержащего ровно столько макового зелья, чтобы какое-то время выносить боль от ран.

Голова у него все-таки кружилась, когда он поднял щеколду, а ноги от спуска по винтовой лестнице начали трястись. Одной рукой он держался за палку, другой за плечо Пода. Служанка, поднимавшаяся им навстречу, уставилась на него белыми глазами, точно привидение увидела. «Карлик восстал из мертвых, став еще безобразнее, чем был. Беги расскажи об этом своим подружкам».

Крепость Мейегора была древней твердыней, замком внутри замка. Ее окружал глубокий сухой ров, утыканный пиками. Подъемный мост через него был поднят на ночь, и рядом стоял на часах сир Меррин Трант в светлых доспехах и белом плаще.

— Опустите мост, — приказал ему Тирион.

— Королева распорядилась поднимать его на ночь. — Сир Меррин всегда был орудием в руках

Серсеи».

— Королева спит, а у меня есть дело к моему отцу.

Имя лорда Тайвина, видимо, служило здесь волшебным словом. Сир Меррин отдал команду, и мост опустили. На той стороне рва нес караул другой королевский гвардеец — сир Осмунд Кеттлблэк. Он изобразил на лице улыбку, увидев ковыляющего к нему Тириона.

— Милорду стало лучше?

— Намного. Когда там у нас следующее сражение? Просто дождаться не могу.

Однако, дойдя до витой наружной лестницы, Тирион совсем выдохся и признался себе, что самостоятельно ему ни за что ее не одолеть. Спрятав достоинство в карман, он попросил Бронна отнести его наверх, надеясь вопреки всякой надежде, что в этот час их никто не увидит и не разнесет по всему замку, что карлика носят, как младенца.

Внешний двор занимали десятки шатров и павильонов.

— Люди Тирелла, — пояснил Подрик, пока они пробирались через лабиринт из шелка и холста. — Места всем не хватает. Ну, в замке. Некоторые сняли комнаты. В городе. Ну, в го-

стиницах всяких. Это они дожидаются свадьбы. Свадьбы короля. Короля Джоффри.

— Даже рычащие хорьки мне не помешают. — У свадеб есть одно преимущество перед битвами: там тебе вряд ли отрубят нос.

В закрытых ставнями окнах башни Десницы

еще виднелся тусклый свет. Часовые у дверей имели на себе багряные плащи и львиные шлемы отцовской гвардии. Тирион знал обоих, и они пропустили его беспрепятственно, хотя и старались, как он заметил, не смотреть подолгу на его лицо.

Внутри им встретился сир Аддам Марбранд — он спускался по лестнице в нарядном черном панцире и парчовом плаще офицера городской стражи.

— Рад видеть вас снова на ногах, милорд. Я слышал…

— …что для кого-то уже вырыли маленькую могилку? Я тоже слышал, а при таких обстоятельствах лучше встать. Узнал я также, что вы теперь командуете городской стражей. Что вам предложить — поздравления или соболезнования?

— Боюсь, и то и другое, — улыбнулся сир Аддам. — После всех потерь и дезертирства у меня осталось около четырех тысяч четырехсот человек. Только боги да Мизинец знают, из каких средств платить им жалованье, но ваша сестра запретила мне сокращать их число.

«Ты все еще неспокойна, Серсея? Битва окончена, и золотые плащи тебе теперь не помогут».

— Вы идете от моего отца? — спросил Тирион.

— Да, и должен сказать, что оставил его не в лучшем настроении. Лорд Тайвин считает, что четырех тысяч четырехсот стражников более чем достаточно для розысков одного пропавшего оруженосца, однако ваш кузен Тирек до сих пор не найден.

Тирек — сын его покойного дяди Тигетта, мальчик тринадцати лет. Он пропал во время бунта, вскоре после своей свадьбы с леди Эрмесандой, грудным младенцем, случайно оказавшейся единственной наследницей дома Хейфордов. «Скорее всего это единственная девица в истории Семи Королевств, овдовевшая еще до того, как ее отняли от груди».

— Я тоже не сумел найти его, — признался Тирион.

— Да он давно червей кормит, — со свойственным ему тактом заявил Бронн. — Железнорукий его обыскался, и евнух тряс своим кошельком почем зря, но им повезло не больше, чем нам. Бросьте вы эту затею, сир.

Сир Аддам бросил на наемника неприязненный взгляд.

— Лорд Тайвин упорен, когда дело касается его крови. Он найдет парня живого или мертвого, и я намерен способствовать ему в этом. Вы найдете

вашего отца в его горнице, — добавил он, обращаясь к Тириону.

«В моей горнице», — подумал тот.

— Да-да, я знаю дорогу.

Ему снова предстояло подняться по лестнице, но на сей раз он взбирался сам, опираясь на плечо Пода. Бронн открыл перед ним дверь. Лорд Тайвин Ланнистер сидел под окном и писал при свете масляной лампы. Он поднял глаза на звук открывшейся двери.

— Тирион, — произнес он спокойно и отложил перо.

— Рад, что вы меня еще помните, милорд. — Тирион отпустил Пода и с помощью палки заковылял через комнату. «Что-то здесь неладно», — сразу понял он.

— Сир Бронн, Подрик, — сказал лорд Тайвин, — я попрошу вас подождать за дверью, пока мы не закончим.

Бронн ответил деснице весьма наглым взгля-

дом, однако поклонился и вышел, а Под за ним. Тяжелая дверь захлопнулась, и Тирион Ланнистер остался наедине с отцом. Несмотря на закрытые на ночь ставни, в комнате веяло холодом. «Любопытно знать, что наговорила ему Серсея?»

Статью лорд Утеса Кастерли мог поспорить с человеком на двадцать лет моложе его и был даже красив на свой суровый лад. Густые светлые бакенбарды обрамляли чеканное лицо, лысую голову и твердый рот. На шее у него висела цепь из золотых рук, каждая из которых обхватывала запястье другой.

— Красивая цепь, — сказал Тирион, добавив про себя: «Мне она больше шла». Лорд Тайвин оставил шпильку без ответа.

— Сядь-ка лучше. Разумно ли ты поступил, встав с постели?

— Моя постель мне опостылела. — Тирион знал, как отец презирает всякую слабость. Он взобрался на ближайший стул. — Славные у вас покои. А меня, умирающего, поверите ли, перенесли в какую-то темную дыру в крепости Мейегора.

— Красный Замок переполнен свадебными гостями. Как только они разъедутся, мы найдем тебе более пристойное помещение.

— Мне и тут было неплохо. Вы уже назначили день этой замечательной свадьбы?

— Джоффри и Маргери поженятся в первый день нового года, который на сей раз совпадает также с началом нового века. Брачная церемония возвестит зарю новой эпохи.

«Эпохи Ланнистеров», — подумал Тирион.

— Вот досада, боюсь, что у меня на этот день другие планы.

— Зачем ты, собственно, пришел — пожаловаться на свою комнату и попотчевать меня своими шуточками? Мне нужно закончить важные письма.

— Не сомневаюсь в их важности.

— Одни битвы выигрываются копьями и мечами, другие — перьями и воронами. Избавь меня от завуалированных упреков, Тирион. Когда ты был при смерти, я навещал тебя так часто, как только позволял мейстер Баллабар. — Лорд Тайвин сложил пальцы домиком. — Зачем ты, кстати, прогнал его?

— Мейстер Френкен не столь упорно старается держать меня в бесчувственном состоянии, — пожал плечами Тирион.

— Баллабар приехал в город со свитой лорда Редвина. Он считается хорошим целителем. Серсея

по доброте своей попросила его заняться тобой. Она боялась за твою жизнь.

«Боялась, что я сохраню ее, следовало бы сказать».

— Несомненно, именно по этой причине она ни разу не навестила меня.

— Не дерзи. Серсея должна готовить королевскую свадьбу, я — вести войну, а ты уже недели две как вне опасности. — Лорд Тайвин вгляделся немигающими светлыми глазами в изуродованное лицо сына. — Хотя рана у тебя, должен признать, страшная. Что за безумие тебя обуяло?

— Враг бил в городские ворота тараном. Если б вылазкой командовал Джейме, вы назвали бы это доблестью.

— У Джейме хватило бы ума не снимать шлем во время боя. Надеюсь, ты убил того, кто нанес тебе этот удар?

— О да, негодяй мертв. — Хотя это заслуга Подрика Пейна: он спихнул сира Мендона в реку, и тот пошел ко дну под тяжестью своих доспехов. — Смерть врага — это неиссякаемая радость, — произнес Тирион с воодушевлением, хотя его настоящим врагом был не сир Мендон. У рыцаря не было причин его убивать. — «Он был всего лишь орудием, и, кажется, я знаю, чья

рука им орудовала, кто велел позаботиться о том, чтобы я не вышел из боя живым». Но без доказательств лорд Тайвин его и слушать не станет. — Что вас удерживает в городе, отец? Разве вы не должны сражаться с лордом Станнисом, с Роббом Старком или еще с кем-нибудь? — «И чем скорее ты отправишься воевать, тем лучше».

— Пока лорд Редвин не подтянет свой флот, у нас не хватит кораблей, чтобы штурмовать Драконий Камень. Да это и не к спеху. Солнце Станниса Баратеона закатилось над Черноводной. Что до Старка, то сам мальчуган еще на западе, но большое войско северян под началом Хелмана Толхарта и Робетта Гловера идет на Синий Дол. Я послал лорда Тарли им навстречу, а сир Грегор едет вверх по Королевскому тракту, чтобы отрезать им путь к отступлению. Толхарт и Гловер окажутся между ними с одной третью сил Старка.

— Синий Дол? — Там нет ничего, что стоило бы такого риска. Неужели Молодой Волк наконец совершил промах?

— Тебе не нужно об этом беспокоиться. Ты бледен, как смерть, и сквозь повязку у тебя проступает кровь. Говори, зачем пришел, и возвращайся в постель.

— Зачем я пришел? — Горло у Тириона пересохло и сжалось. «В самом деле, зачем? За тем, чего ты не можешь дать мне, отец». — Под говорит, что Мизинца сделали лордом Харренхолла.

— Это просто титул, ибо замок держит Русе Болтон от имени Робба Старка, но лорд Бейлиш сам того пожелал. Он сослужил нам хорошую службу в деле брачного союза с Тиреллами, а Ланнистеры платят свои долги.

Брачный союз с Тиреллами, собственно говоря, задумал Тирион, но говорить об этом сейчас было бы дурным тоном.

— Этот титул не так пуст, как вы думаете, — заметил он. — Мизинец ничего не делает без веской причины. Но будь по-вашему. Вы, кажется, сказали что-то насчет уплаты долгов?

— И ты тоже хочешь получить свою награду, не так ли? Прекрасно. Чего ты хочешь? Земли, замок, какой-нибудь пост?

— Для начала хватило бы и простой благодарности.

Лорд Тайвин уставился на него не мигая.

— Обезьяны и скоморохи любят, когда им рукоплещут. Эйерис, впрочем, тоже любил. Ты делал то, что тебе было велено, и делал это насколько мог хорошо, я уверен. Никто не отрицает, что ты

сыграл полезную роль.

— Полезную роль? — Как ни мало осталось у Тириона от ноздрей, в этот миг они раздулись. — Мне сдается, это я спас твой паршивый город.

— Большинство полагает, что это мой удар по флангу лорда Станниса изменил ход битвы. Лорды Тирелл, Рован, Редвин и Тарли тоже сражались отважно, и мне сказали, что это твоя сестра Серсея приказала пиромантам изготовить потребное количество дикого огня, который уничтожил флот Баратеона.

— А я, стало быть, все это время дергал волосы из носа, так? — Тирион не смог сдержать своего ожесточения.

— Твоя цепь — это славная выдумка, имевшая решающее значение для нашей победы. Ты это хотел услышать? Говорят, и за союз с Дорном нам тоже следует благодарить тебя. Тебе, наверно, приятно будет узнать, что Мирцелла благополучно прибыла в Солнечное Копье. Сир Арис Окхарт пишет, что она очень подружилась с принцессой Арианной и что принц Тристан очарован ею. Я не в восторге от того, что дом Мартеллов получил заложницу, но без этого, видимо, нельзя было обойтись.

— У нас тоже будет заложник, — сказал Тири-

он. — Договор предусматривает также место в королевском совете — и если принц Доран, явившись занять его, не приведет с собой армию, он окажется в нашей власти.

— К сожалению, Мартелл потребует от нас не только места в совете. Ты обещал ему еще и возмездие.

— Я обещал ему справедливость.

— Называй как хочешь — все равно без крови не обойдется.

— Ну, этого добра всегда в избытке. В битве я скакал по колено в крови. — Тирион без стеснения перешел к сути дела. — Или Грегор Клиган так дорог вам, что вы не в силах с ним расстаться?

— У сира Грегора свое назначение, как и у его брата. Каждый лорд время от времени нуждается в хищных зверях… ты тоже, видимо, это усвоил, судя по сиру Бронну и твоим дикарям.

Тирион представил себе Тиметта с выжженным глазом, Шаггу с его топором, Челлу в ожерелье из высушенных ушей и, конечно, Бронна.

— В лесу зверей полным-полно, — заметил он, — и в городских переулках тоже.

— И то верно. Возможно, другие псы окажутся не хуже. Я подумаю над этим. Если у тебя все…

— То вас ждут важные письма. — Тирион встал

на свои нестойкие ноги, зажмурился, перебарывая головокружение, и сделал шаг к двери. После он сожалел о том, что не сделал второго и третьего шага. Но он не сделал их, а обернулся и сказал: — Вы спрашивали, чего я хочу? Я скажу вам. Я хочу то, что принадлежит мне по праву: Утес Кастерли.

Рот отца сжался в твердую линию.

— Наследие твоего брата?

— Рыцарям Королевской Гвардии запрещено жениться, иметь детей и владеть землей — вам это известно не хуже, чем мне. В тот день, когда Джейме надел белый плащ, он отказался от своих прав на Утес Кастерли, но вы так и не пожелали этого признать. А пора бы. Я хочу, чтобы вы перед всей страной провозгласили меня своим сыном и законным наследником.

На Тириона смотрели бледно-зеленые с золотыми искрами глаза, красивые и беспощадные.

— Утес Кастерли? — холодным мертвым голосом произнес лорд Тайвин, а затем добавил: — Никогда.

Это слово повисло между ними, тяжелое, острое, жгучее.

«Я знал ответ еще до того, как спросил, — думал Тирион. — Восемнадцать лет, как Джейме

вступил в Королевскую Гвардию, а я ни разу не заговаривал об этом. Должно быть, я знал — знал с самого начала».

— Почему? — через силу выговорил он, хотя и знал, что пожалеет о своем вопросе.

— Ты еще спрашиваешь? Ты, убивший свою мать при появлении на свет? Ты, исковерканное, непокорное, злобное существо, полное зависти, похоти и низкого коварства? По человеческим законам ты имеешь право носить мое имя и мои цвета, поскольку я не могу доказать, что ты не моя кровь. Боги, чтобы научить меня смирению, обрекли меня смотреть, как ты носишь на себе гордого льва, эмблему моего отца, деда и прадеда. Но ни боги, ни люди не заставят меня отдать тебе Утес Кастерли, чтобы ты превратил его в бордель.

– *Бордель?* — Вот оно что. Теперь Тирион понял, откуда ветер дует. Он стиснул зубы и сказал: — Серсея рассказала вам об Алаяйе.

— Так ее зовут? Честно сказать, я уже и не помню имена всех твоих шлюх. Как звали ту, на которой ты женился мальчишкой?

— Тиша, — с вызовом произнес Тирион.

— А ту, лагерную, на Зеленом Зубце?

— Вам-то что за дело? — Тирион даже имени

Шаи не хотел при нем называть.

— Мне до них дела нет, как и до того, будут они жить или подохнут.

— Это вы приказали высечь Алаяйю. — В тоне Тириона не было вопроса.

— Твоя сестра рассказала мне, как ты угрожал моим внукам. — Голос лорда Тайвина стал холоднее льда. — Быть может, она солгала?

Тирион не стал отпираться.

— Да, я угрожал ей, чтобы защитить Алаяйю и помешать Кеттлблэкам дурно обращаться с этой девушкой.

— Желая уберечь шлюху, ты угрожал своему собственному дому и своим родным? Я верно тебя понял?

— Вы сами учили меня, что умелая угроза бывает порой красноречивее удара. На Джоффри, не скрою, у меня руки чесались тысячу раз. Если вам опять захочется высечь кого-то, начните с него. Но Томмен… с чего бы я стал трогать Томмена? Он хороший мальчонка и родня мне.

— Твоя мать тебе тоже была не чужая. — Лорд Тайвин встал, возвышаясь над своим карликом-сыном. — Возвращайся в постель, Тирион, и не говори мне больше о своих правах на Утес Кастерли. Ты получишь свою награду — ту, которую я

сочту приличной твоим заслугам и положению. Но запомни: больше дом Ланнистеров я тебе бесчестить не позволю. Со шлюхами покончено. Следующую, кого я застану в твоей постели, я повешу.

Давос

Он долго смотрел на приближающийся парус, решая, жить ему или умереть.

Умереть было бы проще. Для этого только и требовалось заползти обратно в свою пещеру и дать кораблю пройти мимо — тогда смерть сама нашла бы его. Его давно уже сжигала лихорадка, исторгая из кишок бурую жижу и посылая ему трясучие, бредовые сны. Каждое утро он просыпался слабее, чем был, и говорил себе: «Ничего, теперь уж недолго осталось».

А если лихорадка его не убьет, то жажда доконает наверняка. Здесь не было пресной воды, только случайные дожди порой заполняли впадины в камне. Три дня назад (или четыре? На этой скале он потерял счет дням) все эти лужицы пересохли,

и вид зыблющегося вокруг зеленовато-серого моря стал почти невыносимым искушением. Он знал, что стоит только начать пить морскую воду, и конец не заставит себя ждать, но с трудом удерживался от этого первого глотка, так иссохло у него в горле. Его спас внезапно налетевший шквал. К тому времени он так ослабел, что мог только лежать под дождем, зажмурив глаза, раскрыв рот и предоставляя воде орошать его потрескавшиеся губы и распухший язык. После этого он немного окреп, а все впадины и трещины острова снова наполнились жизнью.

Но это было три дня назад (или четыре). С тех пор почти вся вода, которую он не успел выпить, испарилась. Завтра ему снова придется лизать ил и мокрые холодные камни на дне впадин.

А если ни жажде, ни лихорадке не удастся его уморить, это сделает голод. Его остров — это голый каменный шпиль, торчащий среди Черноводного залива. Во время отлива он находил порой на каменной отмели, куда его выбросило после битвы, крошечных крабов. Они больно щипали его за пальцы, пока он не разбивал их о камень и не высасывал скудные крохи мяса из их скорлупок.

Но когда прилив заливал отмель, Давосу при-

ходилось взбираться наверх, чтобы его опять не смыло в море. Во время прилива над водой выступала только верхушка скалы высотой в пятнадцать футов, а когда в заливе поднималась волна, брызги взлетали еще выше, и ему не удавалось остаться сухим даже в пещере (которая была, собственно говоря, просто мелкой выемкой под каменным козырьком). На камне не росло ничего, кроме лишайника, и даже морские птицы избегали этого места. Чайки время от времени садились на верхушку шпиля, и Давос пытался поймать их, но они улетали, не давая ему приблизиться. Он кидал в них камнями, но для хорошего броска у него не хватало сил, и даже когда его камень попадал в цель, чайка только возмущенно вскрикивала и поднималась в воздух.

Со своего острова он видел и другие скалы, далекие каменные шпили выше, чем его собственный. Ближайший поднимался на добрых сорок футов над водой, хотя на таком расстоянии Давос не мог судить наверняка. Над ним чайки кружили постоянно, и Давос подумывал, не переплыть ли ему туда, чтобы пограбить их гнезда. Но вода здесь была холодная, течение сильное и коварное, и он понимал, что ему не доплыть. С тем же успехом можно пить морскую воду — так

и так пропадать.

По прошлым годам он помнил, что осень в Узком море часто бывает дождливой. Днем, пока солнце светило, было еще терпимо, однако ночи становились все холоднее, и порывистый ветер часто пролетал над заливом, гоня перед собой белые гребни, а Давос трясся, промокший насквозь. Лихорадочный жар и сырой холод чередовались попеременно, и с некоторого времени Давоса стал мучить раздирающий грудь кашель.

Иного пристанища, кроме мелкой пещерки, у него не было. В отлив на берег часто выносило плавник и обгоревшие обломки кораблей, но ему нечем было высечь огонь. Однажды он с отчаяния попробовал потереть друг о друга две деревяшки, но они были гнилые, и он только мозоли себе натер. Одежда на нем почти не просыхала, один сапог потерялся где-то в море.

Жажда, голод и непогода оставались при нем неотступно, и со временем он стал думать о них как о друзьях. Скоро не один, так другой друг сжалится над ним и прекратит его мучения. А может, он просто однажды войдет в воду и поплывет к берегу, который лежит где-то на севере, за пределами его зрения. Больной и ослабевший, он, конечно, туда не доплывет, но это не имеет

значения. Давос всю жизнь был моряком и знал, что умрет в море. «Подводные боги меня заждались, — сказал он себе. — Давно пора отправиться к ним».

Но теперь перед ним появился парус — сперва в виде пятнышка на горизонте, потом растущий на глазах. «Корабль здесь, где никакого корабля быть не должно». Давос примерно знал, где находится его скала: в целом ряду других, встающих со дна Черноводного залива. Самая высокая из них насчитывает сто футов во время прилива, высота других разнится от тридцати до шестидесяти футов. Моряки называют их копьями морского короля и знают, что на каждое копье, торчащее над морем, приходится дюжина других, предательски таящихся под водой. Любой капитан в здравом рассудке обходит их стороной.

Давос смотрел своими красными, воспаленными глазами, как приближается к нему парус, и старался расслышать гул надувающего полотно ветра. Корабль шел сюда. Если он не изменит курс, то пройдет на расстоянии окрика от жалкого убежища Давоса. Это может спасти Давосу жизнь — если он захочет. Он еще не решил, как ему быть.

«Для чего мне жить? — думал он, и слезы засти-

лали ему глаза. — Для чего, о боги? Ведь сыновья мои мертвы: Дейл и Аллард, Марик и Маттос, а возможно, и Деван тоже. Пристало ли отцу жить, когда не стало стольких его сильных, молодых сыновей? Что может оправдать его жизнь? Я — сухая скорлупа дохлого краба. Неужели боги этого не знают?»

Они шли вверх по Черноводной под знаменами с изображением огненного сердца Владыки Света. Давос на «Черной Бете» находился во второй линии боевого порядка, между «Духом» Дейла и «Леди Марией» Алларда. Марик, его третий сын, был мастером над гребцами на «Ярости» в середине первой линии, Маттос служил помощником на корабле отца. Под стенами Красного Замка корабли Станниса Баратеона вступили в бой с уступающим им численностью флотом малолетнего короля Джоффри, и река огласилась гулом летящих стрел и треском железных таранов, ломающих весла и борта.

Вслед за этим раздался рев, словно исторгнутый из пасти некоего чудовища, и все вокруг вспыхнуло зеленым пламенем. Дикий огонь, пиромантова моча, изумрудный демон. Маттос стоял рядом с отцом на палубе «Черной Беты», когда корабль словно приподняло над водой.

Давос оказался в реке, и течение крутило его и несло вниз. Выше по реке огонь поднимался на пятьдесят футов, стремясь в небеса. Давос видел, как горят «Черная Бета», и «Ярость», и еще дюжина кораблей, видел, как охваченные пламенем люди прыгают в воду и тонут. «Дух» и «Леди Мария» исчезли — затонули, развалились на куски либо скрылись за пеленой дикого огня, но Давосу некогда было высматривать их: устье реки приближалось, а поперек устья Ланнистеры натянули огромную железную цепь. От берега до берега тянулись горящие корабли, и дикий огонь плясал между ними. От этого зрелища у Давоса на миг остановилось сердце; он до сих пор помнил треск огня, шипение пара, вопли умирающих и страшный жар, бьющий ему в лицо толчками, пока течение несло его прямо в преисподнюю.

Все, что требовалось от него тогда, — это ничего не делать. Еще несколько мгновений — и он упокоился бы вместе со своими сыновьями в прохладном зеленом иле на дне залива, и рыбы объедали бы его лицо.

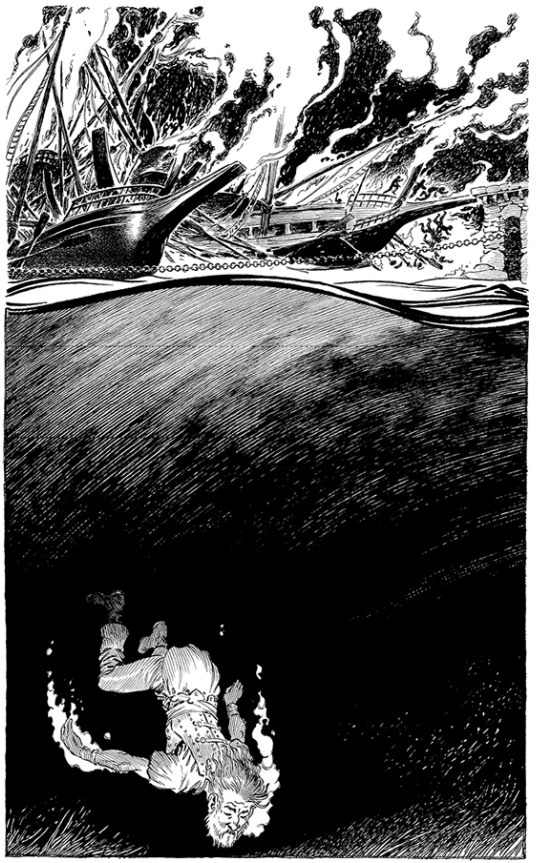
Вместо этого он набрал воздуху и нырнул, стремясь к речному дну. Его единственной надеждой было проплыть под цепью, горящими кораблями и пляшущим на воде диким огнем, проплыть и

вынырнуть уже в заливе. Давос всегда был хорошим пловцом, и в тот день он не надел на себя никакой брони, кроме шлема, который потерял вместе с «Черной Бетой». Рассекая зеленую мглу, он видел, как тонут другие, которых тянули на дно их кольчуги и доспехи. Давос плыл мимо них, работая ногами изо всех оставшихся у него сил, подчиняясь воле течения, и вода наполняла его глаза. Он погружался все глубже и глубже, и ему становилось все труднее сдерживать дыхание. Он помнил, как увидел дно, мягкое и расплывчатое, и как столб пузырьков вырвался у него изо рта. Что-то задело его ногу — рыба, коряга или утопленник.

Он начинал уже задыхаться, но боялся всплыть, не зная, оставил цепь позади или нет. Если он всплывет под днищем одного из кораблей, ему конец, а плавучий остров дикого огня сразу испепелит ему легкие. Давос перевернулся в воде, чтобы взглянуть наверх, но не увидел ничего, кроме зеленой тьмы, а слишком резкий поворот сбил его с толку, и он перестал понимать, где верх, а где низ. Им овладела паника. Он оттолкнулся руками от дна и поднял облако ила, окончательно ослепившее его. Грудь сдавливало все сильнее. Он барахтался, крутясь, страдая от удушья, он

бился и метался в речной грязи, пока силы его не оставили. Он раскрыл рот в безмолвном крике. Соленая вода хлынула внутрь, и Давос Сиворт понял, что тонет.

Когда он снова пришел в себя, светило солнце, а он лежал на берегу под голым каменным шпилем. Кругом простирался пустой залив. Рядом с собой он увидел сломанную мачту со сгоревшим парусом и чей-то раздутый труп. Мачту, парус и мертвеца смыло следующим приливом, и Давос остался один на скале, среди копий морского короля.



За долгие годы своего контрабандного промысла он изучил воды вокруг Королевской Гавани лучше любого из домов, которые у него были, и знал, что его убежище — всего лишь точка на морских картах, и значится она в таком месте, которого чураются все честные моряки… хотя сам Давос и проходил здесь пару раз в былые времена, чтобы остаться незамеченным. «Когда меня найдут здесь мертвым, если вообще найдут, то эту скалу, возможно, назовут в мою честь. Луковая скала, к примеру, — она станет моим памятником и фамильным наделом». Большего он не заслуживает. Отец оберегает своих детей, так учат септоны, а он послал своих сыновей в огонь. Дейл никогда не подарит своей жене ребенка, о котором они молились, девушки Алларда — одна в Королевской Гавани, другая в Браавосе, третья в Староместе — выплачут себе глаза, Маттос никогда не станет капитаном на собственном корабле, как ему мечталось, Марику никогда не бывать рыцарем.

«Как мне жить теперь, когда они все умерли? А с ними вместе множество храбрых рыцарей и знатных лордов — славных людей и благородных, мне не чета. Забирайся в свою пещеру, Давос. Спрячься там, дай кораблю пройти мимо,

и больше тебя уже никто не побеспокоит. Усни на своей каменной постели, и пусть чайки выклюют тебе глаза, а крабы съедят твое мясо. Ты сам съел их достаточно и теперь в долгу у них. Спрячься, контрабандист. Спрячься, угомонись и умри».

Парус был совсем близко. Скоро корабль пройдет мимо, и он сможет умереть спокойно.

Давос поднял руку к горлу, нащупывая маленький кожаный кисет, который всегда носил на шее. В ней лежали кости четырех его пальцев, которые его король обрубил в тот день, когда посвятил Давоса в рыцари. Его удача. Укороченные пальцы обшарили грудь, но ничего не нашли. Кисет пропал. Станнис никогда не мог понять, зачем Давос таскает с собой эти кости. «Чтобы всегда помнить о правосудии моего короля», — прошептал Луковый Рыцарь потрескавшимися губами. Теперь их больше нет. «Огонь отнял у меня не только сыновей, но и удачу». Ему до сих пор снилась горящая река и демоны, пляшущие над ней с огненными бичами, и люди, превращающиеся под их ударами в головешки.

— Смилуйся, Матерь, — стал молиться Давос. — Помилуй меня, всеблагая, помилуй нас всех. Я потерял свою удачу и своих сыновей. — Он плакал навзрыд, и слезы катились у него по ще-

кам. — Это все огонь… огонь…

Быть может, это ветер налетел на скалу или волна набежала на берег, но Давос Сиворт услышал ее ответ. «Ты сам его призвал, — прошелестела она тихо и печально, как гул моря из морской раковины. — Ты сжег нас… сжег нас… сжег нас-с-с».

— Это сделала *она*! — вскричал Давос. — Матерь, не оставляй нас. Это она сожгла тебя, красная женщина, Мелисандра! — Он снова видел перед собой жрицу, ее красные глаза, ее длинные медно-красные волосы, ее красное платье, колеблющееся на ходу, как пламя, шуршащее шелком и атласом. Она приехала на Драконий Камень с востока, из Асшая, и навязала своего чужеземного бога королеве Селисе и ее людям, а потом и самому королю, Станнису Баратеону. Король дошел до того, что поместил на своих знаменах огненное сердце Рглора, Владыки Света, Бога Пламени и Теней. А еще он, по настоянию Мелисандры, вытащил Семерых из их септы и сжег их перед воротами замка, и богорощу в Штормовом Пределе тоже спалил — всю, даже сердце-дерево, огромное белое чардрево с вырезанным на нем скорбным ликом.

— Это ее рук дело, — уже тише повторил Давос. «Ее и твоих тоже, Луковый Рыцарь. Это ты отвез

ее на лодке в Штормовой Предел глухой ночью, чтобы она родила свое дитя тени. Ты тоже виновен. Ты повесил ее флаг у себя на мачте. Ты смотрел, как жгли Семерых на Драконьем Камне, и не сказал ни слова. Она предала огню справедливость Отца, и милосердие Матери, и мудрость Старицы, Кузнеца и Неведомого, Деву и Воина, она сожгла их всех во славу своего жестокого бога, а ты стоял и помалкивал. Даже когда она убила мейстера Крессена, ты не сделал ничего».

Парус, в сотне ярдах от него, быстро двигался через залив. Еще несколько мгновений — и он, миновав остров, начнет удаляться.

Сир Давос Сиворт полез на свою скалу.

Он цеплялся за нее дрожащими руками, и лихорадка стучала молотками у него в голове. Дважды его искалеченные пальцы сорвались с мокрого камня, и он чуть не упал, но как-то удержался. Если он упадет, ему конец, а он должен жить. Хотя бы немного, но должен. Есть одно дело, которое он должен совершить.

Верхушка скалы была слишком мала, чтобы стать на ней во весь рост при его теперешней слабости, поэтому он присел и замахал своими исхудалыми руками.

— Эй, на корабле, — заорал он под ветер, — сюда,

сюда! — Сверху он видел гораздо яснее полосатый корпус, бронзовую фигуру на носу, наполненный ветром парус. На борту значилось название корабля, но читать Давос так и не научился. — Эй, на корабле, — закричал он опять, — помогите, ПОМОГИТЕ!

Матрос на баке увидел Давоса и показал на него рукой. Другие тоже собрались у планшира, глядя на скалу. Вскоре после этого галея спустила парус, опустила весла на воду и пошла к острову. Она была слишком велика, чтобы причалить к самому берегу, и спустила шлюпку в тридцати ярдах от скалы. Давос, уцепившись за камень, смотрел, как она подходит. Четверо сидели на веслах, пятый на носу.

— Эй ты, на скале, — крикнул этот пятый, оказавшись в нескольких футах от Давоса, — ты кто?

«Контрабандист, вылезший из грязи в князи, — подумал Давос, — дурак, который отрекся от своих богов из любви к своему королю».

— Я… — В глотке у него пересохло, и он разучился говорить. Странно было выговаривать слова и еще более странно их слышать. — Я участвовал в битве. Был капитаном… рыцарем. Я был рыцарем.

— А какому королю вы служили, сир? — спросил человек.

Давос внезапно смекнул, что галея может принадлежать и Джоффри. Если он назовет не то имя, его бросят тут на погибель. Впрочем, нет — корпус у нее полосатый, это лиснийское судно, корабль Салладора Саана. Это Матерь в своем милосердии послала его сюда. У Матери есть к нему поручение. «Станнис жив, — понял Давос, — и у меня по-прежнему есть король. И младшие сыновья, и жена, верная и любящая». Как он мог забыть о них? Поистине милосердие Матери не знает предела.

— Станнису, — крикнул Давос лиснийцу. — Я служу королю Станнису.

— Да, сир. Мы тоже.

Санса

Приглашение казалось совершенно невинным, но каждый раз, когда Санса перечитывала его, в животе у нее все сжималось. «Теперь королевой будет она, красивая, богатая и всеми любимая, — зачем ей нужно ужинать с дочерью изменника?» Возможно, из любопытства; возможно, Маргери Тирелл хочет своими глазами увидеть соперницу, которую победила. «Может, она невзлюбила меня с самого начала? Может, она думает, что я затаила обиду на нее?»

Санса видела из замка, как Маргери со своей свитой поднимается на холм Эйегона. Джоффри встречал свою новую невесту у городских Королевских ворот, чтобы с почетом ввести ее в город, и они ехали бок о бок посреди ликующих толп,

Джофф — в сверкающих золоченых доспехах, а девица Тирелл — в зеленом платье и плаще из осенних цветов. Ей шестнадцать лет, у нее карие глаза и каштановые волосы, она стройна и прекрасна. Люди выкликали ее имя, протягивали ей детей для благословения, бросали цветы под копыта ее коня… Ее мать и бабушка ехали следом в высокой карете со стенками в виде переплетенных роз, сияющих позолотой, и народ их тоже приветствовал.

«Те же самые люди, которые стащили меня с коня и убили бы, если б не Пес». А ведь Санса не сделала ничего, что могло бы вызвать ненависть народа, как и Маргери Тирелл не сделала ничего, чтобы заслужить его любовь. «Может, она хочет, чтобы я тоже ее полюбила?» Санса вновь и вновь разглядывала приглашение, написанное, вероятнее всего, собственной рукой Маргери. «Может, она хочет получить мое благословение?» Любопытно, знает ли Джоффри об этом ужине. Эта затея вполне могла принадлежать ему, и мысль об этом внушала Сансе страх. Если пригласить ее придумал Джофф, за этим наверняка таится какая-то жестокая шутка с целью посрамить ее в глазах новой королевской невесты. Вдруг он снова прикажет своим гвардейцам раздеть ее до-

гола? В последний раз Джоффу помешал его дядя Тирион, но теперь Бес ее не спасет. «Те же самые люди, которые стащили меня с коня и убили бы, если б не Пес».

«Да и никто не спасет, кроме моего Флориана». Сир Донтос обещал устроить ей побег, но произойдет это только в ночь свадьбы Джоффри. Верный рыцарь, превращенный в шута, заверил ее, что он все продумал, но до тех пор надо терпеть — терпеть и считать дни.

«И ужинать с моей преемницей».

Возможно, она несправедлива к Маргери Тирелл. Возможно, приглашение — просто проявление доброты и учтивости с ее стороны. «Это может быть просто ужином, ничего более». Но это Красный Замок, это Королевская Гавань, это двор короля Джоффри, и если Санса Старк чему-то здесь и научилась, то это недоверию.

Однако приглашение все равно придется принять. Она теперь никто, отставленная невеста, дочь изменника и сестра мятежного лорда. Разве может она отказать будущей королеве?

«Жаль, что Пса теперь нет в замке». В ночь битвы Сандор Клиган пришел за ней, чтобы увести ее из города, но Санса не согласилась. Иногда, лежа ночью без сна, она думала, правильно ли

тогда поступила. Его испачканный белый плащ она спрятала в кедровый сундук под шелковыми летними платьями, сама не зная зачем. Она слышала, что Пес струсил и так напился в разгаре битвы, что Бесу пришлось принять на себя командование его людьми. Но Санса, зная тайну его обожженного лица, понимала Клигана. Он боится только огня, а в ту ночь на реке бушевал дикий огонь, выбрасывая зеленые языки высоко в воздух. Сансе даже в замке было страшно, а уж снаружи… даже вообразить трудно.

Санса со вздохом взяла перо и написала Маргери учтивый, выражающий согласие ответ.

В назначенный вечер за ней пришел другой королевский гвардеец, столь же не похожий на Сандора Клигана, как… как цветок на пса. При виде сира Лораса Тирелла, возникшего у нее на пороге, сердце Сансы забилось чуточку быстрее. Она оказалась так близко рядом с ним впервые после его возвращения в Королевскую Гавань. Он командовал авангардом в войске своего отца.

Санса не сразу нашла, что ему сказать, и наконец проговорила:

— Сир Лорас, вы… вы очень красивы.

Он бросил на нее озадаченный взгляд.

— Миледи слишком добра и слишком прекрас-

на. Моя сестра с нетерпением ожидает вас.

— Я так рада, что мы наконец увидимся.

— И Маргери тоже, и моя леди-бабушка. — Он взял Сансу за руку и повел к лестнице.

— Ваша бабушка? — Сансе было трудно идти, говорить и думать одновременно, да еще когда сир Лорас держит ее за руку. Она чувствовала тепло его пальцев сквозь шелковый рукав.

— Леди Оленна. Она тоже будет ужинать с вами.

— О-о. — «Я говорю с ним, и он прикасается ко мне, и ведет меня за руку». — Ее еще называют Королевой Шипов, правда?

— Да. — Сир Лорас засмеялся, и она подумала: какой у него славный смех. — Но советую вам не упоминать об этом прозвище в ее присутствии, если не хотите уколоться.

Санса покраснела. Даже дурак понял бы, что ни одной женщине не понравится, если ее будут звать Королевой Шипов. «Неужели я в самом деле так глупа, как утверждает Серсея Ланнистер?» Санса в отчаянии стала думать, какую бы умную и приятную вещь ему сказать, но в голову, как назло, ничего не приходило. Она чуть не сказала, что он очень красив, но вспомнила, что уже говорила это.

Но он и правда красив. Со времени их первой встречи он как будто стал выше ростом, но остался таким же стройным и грациозным, и Санса ни у одного юноши не видела таких чудесных глаз. «Впрочем, он уже не юноша — он взрослый мужчина и рыцарь Королевской Гвардии». По ее мнению, белое шло ему даже больше, чем зелень и золото дома Тиреллов. Единственным цветным предметом в его одежде была застегивающая плащ пряжка, хайгарденская роза из мягкого желтого золота в венке из зеленых нефритовых листьев.

Сир Бейлон Сванн открыл перед ними дверь крепости Мейегора. Он тоже весь в белом, но ему это далеко не так к лицу, как сиру Лорасу. За сухим рвом два десятка человек упражнялись в фехтовании с мечами и щитами. Внешний двор отдали под палатки и павильоны многочисленным гостям, и местом для учебных боев стали маленькие внутренние дворики. Сир Таллад с нарисованными на щите глазами теснил одного из близнецов Редвинов. Тучный сир Кеннос из Кайса, пыхтящий при каждом взмахе своего меча, довольно стойко оборонялся от Осни Кеттлблэка, зато брат Осни сир Осфрид лупил почем зря похожего на лягушку оруженосца Морроса Слинта.

Мечи у них, конечно, тупые, но к завтрашнему дню Слинт будет весь в синяках. Санса поморщилась, глядя на них. «Только-только успели похоронить тех, кто пал в недавней битве, а они уже готовятся к следующей».

В углу двора одинокий рыцарь с парой золотых роз на щите отбивался сразу от трех противников. На глазах у Сансы он нанес одному из них удар в голову, и тот повалился без чувств.

— Это ваш брат? — спросила Санса.

— Да, миледи. В учебных боях Гарлан часто сражается сразу с тремя или даже с четырьмя. Он говорит, что в бою ты редко оказываешься с кем-то один на один, поэтому надо быть готовым ко всему.

— Должно быть, он очень храбр.

— Он славный рыцарь и бьется на мечах лучше меня, зато я лучше владею копьем.

— Я помню. В поединке вы были великолепны.

— Миледи очень любезна. Вы имели случай видеть мой поединок?

— Да, на турнире в честь десницы — разве вы не помните? Вы скакали на белом коне, в доспехах с узором из ста разных цветов. Вы подарили мне розу — *красную* розу, хотя другим девушкам бросали белые. — Санса покраснела, сказав это. — Вы

сказали, что ни одна победа не может быть и вполовину так прекрасна, как я.

Сир Лорас скромно улыбнулся.

— Я всего лишь сказал правду. Это увидел бы всякий, у кого есть глаза.

«Он не помнит меня, — поняла Санса. — Он только старается быть любезным, а сам не помнит ни меня, ни розы, ни всего остального». Напрасно она думала, что в этом есть какой-то смысл — нет, не какой-то, а вполне определенный. Ведь роза была красная, а не белая.

— Это было после того, как вы выбили из седла сира Робара Ройса, — в отчаянии произнесла она.

Он отпустил ее руку.

— Я убил Робара у Штормового Предела, миледи. — Это не было похвальбой — в его голосе звучала печаль.

«Его и еще одного рыцаря Радужной Гвардии Ренли, точно». Санса слышала, как судачат об этом женщины у колодца, но забыла на мгновенье.

— Это случилось, когда был убит лорд Ренли, верно? Какой удар для вашей бедной сестры.

— Для Маргери? Да, конечно. Впрочем, она была тогда у Горького моста и ничего не видела.

— Все равно, когда ей сказали…

Сир Лорас провел рукой по рукояти своего меча, обтянутой белой кожей, с эфесом в виде алебастровой розы.

— Ренли мертв и Робар тоже. Зачем о них вспоминать?

Резкость его тона ошеломила ее.

— Я… я не хотела вас обидеть, милорд.

— Вы и не обидели бы, леди Санса. — Но в его голосе больше не было тепла, и он не стал больше брать ее за руку.

По наружной лестнице они поднимались молча.

«Ну зачем меня угораздило упомянуть о сире Робаре? Теперь я все испортила, я разозлила его». Ей хотелось сказать что-нибудь, чтобы поправить дело, но все приходившие в голову слова казались ей неуклюжими и вялыми. «Помолчи, не то сделаешь еще хуже», — сказала она себе.

Лорда Мейса с его свитой поместили за королевской септой, в длинном здании под сланцевой крышей, прозванном Девичьим Склепом после того, как король Бейелор Благословенный заточил там своих сестер, дабы их вид не внушал ему плотских помыслов. У высоких резных дверей стояли двое часовых в золоченых полушлемах и

зеленых плащах с каймой из золотистого атласа, с розой Хайгардена на груди. Оба были молодцы семи футов ростом, широкие в плечах, узкие в поясе, с великолепными мускулами. Лицом они походили друг на друга как две капли воды — те же крепкие челюсти, синие глаза и густые рыжие усы.

— Кто это? — спросила она сира Лораса, забыв на миг о своем конфузе.

— Личная стража моей бабушки. Их зовут Эррик и Аррик, но бабушка не может их различить и поэтому называет Левый и Правый.

Левый и Правый отворили двери, и Маргери Тирелл сама сбежала по короткой лестнице навстречу вошедшим.

— Леди Санса, как я рада, что вы пришли. Добро пожаловать.

Санса опустилась на колени перед будущей королевой.

— Ваша милость оказывает мне великую честь.

— Пожалуйста, встаньте. И зовите меня просто Маргери. Лорас, помоги леди Сансе подняться. Можно, я тоже буду звать вас Сансой?

— Как вам будет угодно.

Сир Лорас помог Сансе встать. Маргери отпу-

стила его, чмокнув в щеку, и взяла Сансу за руку.

— Пойдемте. Бабушка ждет нас, а она не самая терпеливая из дам.

В камине трещал огонь, пол был усыпан душистым свежим тростником. Вокруг длинного стола на козлах сидело около дюжины женщин.

Санса узнала только высокую, статную супругу лорда Тирелла, леди Алерию, с высоко уложенной и украшенной драгоценностями серебряной косой.

Маргери представила ей остальных. Три ее кузины, Мегга, Элла и Элинор, были примерно одного с Сансой возраста. Пышнотелая леди Янна, сестра лорда Тирелла, состояла в браке с одним из Фоссовеев Зеленого Яблока, хрупкая, с блестящими глазами леди Леонетта, тоже из Фоссовеев, была женой сира Гарлана. Септа Несторика, рябая и дурная собой, искупала недостаток красоты веселым нравом, бледная томная леди Грейсфорд ожидала ребенка, маленькая леди Бульвер сама была ребенком не старше восьми лет. «Мерри» следовало называть озорную пухленькую Мередит Крейн, но отнюдь не леди Мерривезер, пылкую черноглазую мирийскую красавицу.

В конце концов Сансу подвели к высохшей, белоголовой, похожей на куклу старушке, сидящей

во главе стола.

— Имею честь представить вам мою бабушку леди Оленну, вдову лорда Лютора Тирелла, память о котором всегда живет в наших сердцах.

От старушки пахло розовой водой. «Какая она маленькая», — подумала Санса. Было совсем непохоже, что у нее колючий нрав.

— Поцелуй меня, дитя. — Леди Оленна взяла руку Сансы своей, мягкой и покрытой коричневыми пятнами. — Ты очень добра, что согласилась поужинать со мной и моим курятником.

Санса послушно поцеловала ее в щеку.

— Это вы проявили доброту, пригласив меня, миледи.

— Я знавала твоего деда, лорда Рикарда, хотя и не слишком близко.

— Он умер еще до моего рождения.

— Я знаю, дитя. Говорят, и твой дед Талли тоже при смерти. Лорд Хостер — тебе ведь сказали об этом? Что ж, он уже старик, хотя и не так стар, как я. Но в конце концов ночь настает для всех нас, а для некоторых слишком скоро. Ты почувствовала это сильнее многих других, бедное дитя. На твою долю пришлось много горя. Мы все скорбим о твоих утратах. — Санса посмотрела на Маргери.

— А меня глубоко опечалила весть о смерти

лорда Ренли. Он был настоящим рыцарем.

— Я признательна вам за сочувствие, — сказала Маргери, а леди Оленна фыркнула.

— О да, рыцарь, и любезник, и большой чистюля. Мылся без конца, умел одеваться и улыбаться и почему-то думал, что все это делает его королем. У Баратеонов вечно странные мысли в голове — это, наверно, от таргариеновской крови. Меня хотели когда-то выдать за Таргариена, но я это мигом пресекла.

— Ренли был отважен и добр, бабушка, — сказала Маргери. — Отец любил его и Лорас тоже.

— Лорас молод, — отрезала леди Оленна. — Он хорошо умеет вышибать людей палкой из седла, но это еще не делает его умным. Что до твоего отца, то жаль, что я не крестьянка и у меня нет большой поварешки — авось я вбила бы немного разума ему в голову.

– *Матушка*, — с укором молвила леди Алерия.

— Не надо говорить со мной таким тоном, Алерия, и не называй меня матушкой. Если бы я родила тебя на свет, я бы об этом помнила, но меня следует винить только за твоего мужа, лорда-олуха Хайгарденского.

— Бабушка, выбирайте слова, — взмолилась Маргери. — Что Санса о нас подумает?

— Подумает, что мы не лишены рассудка — по крайней мере одна из нас. Я говорила им, что это измена, — продолжала старушка, обращаясь к Сансе, — ведь у Роберта двое сыновей, и у Ренли есть старший брат — как он может претендовать на этот безобразный железный стул? А сын мне — ш-ш, разве вы не хотите, чтобы ваша душечка стала королевой? Вы, Старки, когда-то были королями, и Аррены тоже, и Ланнистеры, и даже Баратеоны, по женской линии, но Тирреллы выше управляющих не поднимались, пока Эйегон Завоеватель не испек законного короля Простора на Огненном Поле. Даже наши права на Хайгарден, надо признаться, не бесспорны, как всегда заявляли эти страшилы, Флоренты. Какая разница, спросишь ты, — и верно, никакой, разве что для таких олухов, как мой сын. Мысль о том, что его внук может когда-нибудь усесться на Железный Трон, заставляет его пыжиться, словно… как бишь ее? Маргери, ты у нас умница — скажи своей выжившей из ума бабке, как называется та рыба с Летних островов, которая раздувается вдесятеро против своей величины, если ее тронуть.

— Дутая рыба, бабушка.

— Ну еще бы. У этих островитян нет никакого воображения. Моему сыну следовало бы взять

своей эмблемой эту дутую рыбу. Увенчал бы ее короной, как Баратеоны своего оленя, — возможно, это осчастливило бы его. По мне, так нам надо было держаться подальше от всей этой кровавой каши, но когда корову уже подоили, сливки обратно в вымя не вернешь. Как только лорд Дутая Рыба надел эту корону на голову Ренли, мы увязли по уши, и теперь приходится выбираться. А ты что на это скажешь, Санса?

Санса открыла рот и закрыла опять, сама себя чувствуя дутой рыбой.

— Тиреллы ведут свой род от Гарта Зеленой Руки, — только и пришло ей в голову.

Королева Шипов снова фыркнула.

— Так же, как Флоренты, Рованы, Окхарты и половина других южных домов. Гарт бросал свое семя в плодородную почву. Думаю, у него не только руки были зеленые.

— Санса, — вмешалась леди Алерия, — вы, должно быть, проголодались. Не хотите ли отведать свинины и лимонных пирожных?

— Лимонные пирожные — мои любимые, — призналась Санса.

— Нам так и сказали. — Леди Оленна, видимо, не собиралась позволять заткнуть себе рот. — Этот Варис, кажется, полагает, что мы должны

быть благодарны ему за сведения, которые он доставляет. Никогда не могла понять, зачем существуют евнухи. Если взять мужчину и отрезать все полезное, что получится? Алерия, прикажи подавать еду — голодом ты нас, что ли, уморить хочешь? Садись рядом со мной, Санса. Со мной куда менее скучно, чем с ними со всеми. Надеюсь, дураки тебе по душе?

Санса расправила юбки и села.

— Дураки, миледи? Вы имеете в виду шутов?

— Ну да — а ты думала, о ком я? О моем сыне? Или об этих прелестных дамах? Нет, не красней — от этого ты со своими волосами становишься похожа на гранат. Все мужчины, по правде говоря, дураки, но шуты забавнее тех, кто носит короны. Маргери, дитя мое, позови Маслобоя — посмотрим, не заставит ли он леди Сансу улыбнуться. А вы все садитесь — или я каждый шаг должна вам подсказывать? Санса может подумать, что мою внучку окружают одни овцы.

Маслобой явился еще до того, как начали подавать, весь в зеленых и желтых перьях и с пышным гребнем на голове. Невероятно толстый, в три раза больше Лунатика величиной, он вкатился в зал колесом, прыгнул на стол и положил прямо перед Сансой огромнейшее яйцо.

— Разбейте его, миледи. — Санса разбила, и из яйца выскочила целая дюжина цыплят, которые разбежались во все стороны. — *Держи их!* — завопил Маслобой. Маленькая леди Бульвер схватила одного и подала ему, а шут запрокинул голову, разинул свой огромный рот и запихнул туда цыпленка целиком. Потом он рыгнул, и из носа у него полетели желтые перышки. Леди Бульвер расплакалась, но ее слезы тут же сменились восторженным визгом: цыпленок вылез из рукава ее платья и побежал по руке.

Слуги внесли суп с зеленым луком и грибами, Маслобой начал жонглировать, а леди Оленна, поставив локти на стол, подалась к Сансе.

— Ты ведь знаешь моего сына? Лорда Дутую Рыбу из Хайгардена?

— Он великий лорд, — учтиво ответила Санса.

— Великий олух. И отец его, мой муж, покойный лорд Лютор, тоже был олухом. О, я любила его, не пойми меня неправильно. Он был добрый и в постели неплох, но все равно дурак набитый. Умудрился свалиться с утеса вместе с конем во время соколиной охоты. Говорят, смотрел только на небо и не видел, куда конь его несет. А теперь мой олух-сын делает то же самое, только вместо коня под ним лев. Взобраться на льва легко, а вот

попробуй с него слезть. Я его предупреждала, а он только ухмыляется. Если у тебя будет сын, Санса, бей его почаще, чтобы научился тебя слушаться. У меня он единственный мальчик, и я его почти совсем не била, вот он и слушает больше Маслобоя, чем меня. Я говорю ему, что лев — это не котенок, а он мне все «ш-ш» да «ш-ш». Слишком уж много шиканья в этом государстве, если хотите знать. Все эти короли поступили бы гораздо умнее, если бы отложили свои мечи и прислушались к своим матерям.

Санса поймала себя на том, что рот у нее снова открыт, и отправила туда ложку супа. Леди Алерия и другие тем временем хихикали, глядя, как Маслобой балансирует с апельсинами на голове, локтях и своем необъятном заду.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне правду об этом короле-мальчишке, — внезапно молвила леди Оленна. — О Джоффри.

Санса стиснула в пальцах ложку. «Правду? Нет, я не могу. Пожалуйста, не спрашивайте меня».

— Я… Я…

— Ты, ты. Кому же лучше знать? Держится он, в общем, по-королевски, надо отдать ему должное. Немножко самовлюблен, но это в нем ланнистерская кровь сказывается. Однако до нас

дошли кое-какие тревожные слухи. Есть в них правда или нет? Он в самом деле дурно с тобой обращался?

Санса затравленно огляделась. Маслобой засунул в рот целый апельсин, разжевал его, проглотил, хлопнул себя по щеке, и у него из носа вылетели семечки. Женщины смеялись, слуги сновали туда-сюда, и стук ложек отзывался эхом в Девичьем Склепе. Один цыпленок вскочил обратно на стол и забрался в суп леди Грейсфорд. Никто как будто не обращал внимания на их разговор, но Санса все равно боялась.

Терпение леди Оленны истощилось.

— Чего ты пялишь глаза на Маслобоя? Я задала тебе вопрос и жду ответа. Или Ланнистеры тебя языка лишили?

Сир Донтос предупреждал ее, что говорить откровенно можно только в богороще.

— Джофф… король Джоффри… его милость очень хорош собой и… храбр как лев.

— Ну да, каждый Ланнистер — лев, а когда Тирелл пускает ветры, пахнет розами, — раздраженно проворчала старушка. — Но насколько он добр и умен? Мягкий ли у него нрав? Заботлив ли он? Ведет ли себя по-рыцарски, как подобает королю? Насколько он рыцарь? Будет ли он любить

Маргери, лелеять ее и беречь ее честь, как свою?

— Да, конечно, — солгала Санса. — Он очень… очень мил.

— Ты это уже говорила. Знаешь, дитя мое, кое-кто утверждает, будто ты такая же дурочка, как наш Маслобой, и я начинаю этому верить. *Мил!* Я хочу надеяться, что внушила моей Маргери, чего стоит эта милота. Ослиного рева она не стоит. Эйерион Огненный тоже был красавцем, и это не мешало ему быть чудовищем. Вопрос в том, кто такой Джоффри. — Старая леди дернула за рукав шедшего мимо слугу. — Я не люблю лук. Унеси этот суп и принеси мне сыру.

— Сыр подадут после сладкого, миледи.

— Его подадут, когда я захочу, а я хочу сейчас. — Старушка снова повернулась к Сансе. — Может, ты боишься, дитя? Не бойся — ведь тут одни женщины. Скажи мне правду — тебе ничего за это не будет.

— Мой отец всегда говорил правду. — Санса сказала это тихо, но слова все равно дались ей с трудом.

— Да, лорд Эддард имел такую репутацию, но его объявили изменником и сняли с него голову. — Глаза старухи пронизывали Сансу, острые

и блестящие, как острия мечей.

— Джоффри. Это сделал Джоффри. Он обещал мне быть милосердным, а сам отрубил голову моему отцу. Он сказал, что это и есть милосердие, и повел меня на стену, чтобы показать мне голову отца. Он хотел, чтобы я плакала, но… — Санса осеклась и прикрыла рот рукой. «Что я говорю, боги праведные, они узнают, они услышат, кто-нибудь донесет на меня».

— Продолжайте. — Это сказала Маргери, будущая королева Джоффри. Санса не знала, много ли та слышала из ее слов.

— Не могу. — «Вдруг она ему скажет? Тогда уж он точно убьет меня. Или отдаст сиру Илину». — Я не хотела… мой отец был изменником, и брат мой изменник, и во мне течет их черная кровь. Пожалуйста, не принуждайте меня говорить.

— Успокойся, дитя мое, — властно молвила Королева Шипов.

— Она в ужасе, бабушка, — взгляните на нее.

– *Эй, дурак!* — крикнула старушка. — Спой-ка нам песню, да подлиннее. «Медведь и прекрасная дева» подойдет в самый раз.

— Еще как подойдет! — согласился шут. — Прикажете петь, стоя на голове, миледи?

— А что, от этого песня будет лучше звучать?

— Нет.

— Тогда пой, стоя на ногах, не то с тебя шапка свалится, а голову ты, сколько я помню, отродясь не мыл.

— Как прикажете, миледи. — Маслобой низко поклонился, громогласно рыгнул, выпятил живот и заревел: — *«Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с мохнатою шкурой!»*

Леди Оленна нагнулась к Сансе.

— Я, еще будучи моложе тебя, знала, что в Красном Замке стены имеют уши. Прекрасно — пусть они слушают песню, а мы тем временем посплетничаем.

— Но Варис… он всегда все знает…

– *Громче пой!* — крикнула Королева Шипов Маслобою. — Ты же знаешь, как я туга на ухо. Нечего шептать, я не за шепот тебе плачу. *Пой!*

— МЕДВЕДЬ, МЕДВЕДЬ! — грянул Маслобой, и его громовой бас эхом отразился от стропил. — ОДНАЖДЫ НА ЯРМАРКУ ДВИНУЛСЯ ЛЮД, ПОДАЛСЯ ВЕСЬ ЛЮД И МЕДВЕДЯ ЗОВУТ!

— В наших хайгарденских цветниках водятся пауки, — улыбнулась старушка. — Пока они никому не мешают, мы позволяем им ткать свою паутину, но когда они попадаются на дороге, их раздавливают ногой. — Она похлопала Сансу

по руке. — Ну, дитя, теперь правду. Что он за человек, этот Джоффри, Баратеон по имени, но Ланнистер с виду?

— ПРОХОЖИМ, ПРОЕЗЖИМ — ВСЕМ ЛЮБО ГЛЯДЕТЬ, КАК ПЛЯШУТ ТРИ ПАРНЯ, КОЗЕЛ И МЕДВЕДЬ!

У Сансы сердце подступило к горлу. Королева Шипов придвинулась так близко, что она чувствовала ее по-старчески кисловатое дыхание. Костлявые пальцы впились Сансе в запястье. Маргери по другую сторону тоже вся обратилась в слух. Сансу пронизала дрожь.

— Он чудовище, — прошептала она, еле разбирая собственные слова. — Он оболгал сына мясника и заставил батюшку убить мою волчицу. Когда я вызывала его недовольство, он приказывал своим гвардейцам бить меня. Он зол и жесток, миледи. И королева такая же.

Леди Оленна и ее внучка переглянулись.

— Вот как, — сказала старушка. — Жаль.

«О боги, — в ужасе подумала Санса. — Если Маргери откажется за него выйти, Джофф поймет, что это из-за меня».

— Пожалуйста, — выпалила она, — не отменяйте свадьбу…

— Можешь быть спокойна. Лорд Дутая Рыба

вбил себе в голову, что Маргери будет королевой, а слово Тирелла стоит дороже, чем все золото Утеса Кастерли. Так по крайней мере было в мое время. Но все равно спасибо тебе за правду, дитя.

— ВЕРТЕЛИСЬ, КРУТИЛИСЬ, ПЛЯСАЛИ, СКАКАЛИ И ДОРОГУ НА ЯРМАРКУ ТАК СКОРОТАЛИ! — ревел, притопывая ногами, Маслобой.

— Санса, не хочешь ли ты побывать в Хайгардене? — Улыбаясь, Маргери Тирелл становилась очень похожей на своего брата Лораса. — Сейчас там цветут осенние цветы, там рощи и фонтаны, тенистые беседки и мраморные колоннады. При дворе моего лорда-отца всегда бывают певцы получше нашего Маслобоя, и волынщики, и скрипачи, и арфисты. У нас лучшие в стране кони и есть лодки, на которых катаются по Мандеру. Умеешь ты охотиться с соколами, Санса?

— Немного.

— ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА НАВСТРЕЧУ ИДЕТ, И ПЫШНЫЕ КУДРИ ЕЕ СЛОВНО МЕД!

— Ты полюбишь Хайгарден так же, как я люблю, я знаю. — Маргери отвела с лица Сансы выбившуюся прядку волос. — Увидев его, ты уже не захочешь уезжать оттуда. А может быть, тебе и не придется.

— Погоди, дитя, — прервала внучку леди

Оленна. — Санса еще не сказала, хочет ли она побывать у нас.

— Очень хочу. — Хайгарден представлялся Сансе местом, о котором она всегда мечтала, волшебным дворцом, который она когда-то надеялась найти в Королевской Гавани.

— ТУТ НОСОМ ЗАДЕРГАЛ КРАСАВЕЦ НАШ БУРЫЙ, СТРАШНЫЙ, БОЛЬШОЙ И С МОХНАТОЮ ШКУРОЙ!

— Но королева ни за что меня не отпустит…

— Отпустит. Без Хайгардена Ланнистерам Джоффри на троне не удержать. Если мой сын, лорд-олух, попросит ее, ей придется дать разрешение.

— А он попросит?

— Куда он денется? — фыркнула леди Оленна. — Конечно, о нашей истинной цели ему знать незачем.

— АХ, БЕДНАЯ ДЕВА, УВЫ ЕЙ И АХ! УЧУЯЛ ОН МЕД У НЕЕ В ВОЛОСАХ!

Санса наморщила лоб.

— Истинной цели, миледи?

— Да, дитя мое. Я хочу выдать тебя замуж за моего внука.

«За сира Лораса! О-о!» У Сансы перехватило дыхание. Ей вспомнилось, как он, в своих сверка-

ющих сапфировых доспехах, бросил ей розу. Как прекрасен он в белом шелковом плаще, как чист и невинен. Как в углах его рта появляются ямочки, когда он улыбается. Чудесный звук его смеха, тепло его ладони. Она могла только воображать, каково будет коснуться гладкой кожи у него под рубашкой, встать на цыпочки и поцеловать его, запустить пальцы в его густые каштановые кудри и утонуть в его карих глазах. Санса зарделась до самых корней волос.

— ПРИСТАЛО ЛИ ДЕВЕ ПОДОЛОМ ВЕРТЕТЬ? НЕ СТАНУ ПЛЯСАТЬ Я С ТОБОЮ, МЕДВЕДЬ!

— Ты хочешь этого, Санса? — спросила Маргери. — У меня никогда не было сестры, только братья. Соглашайся, пожалуйста, скажи, что хочешь выйти за моего брата.

— Да, хочу, — пролепетала Санса. — Хочу больше всего на свете. Выйти за сира Лораса и любить его…

– *Лорас?* — раздраженно повторила старая леди. — Не будь дурочкой, дитя мое. Рыцарю Королевской Гвардии нельзя жениться — разве в Винтерфелле тебя этому не учили? Речь идет о моем внуке Уилласе. Он, правда, немного староват для тебя, но все равно славный мальчик. Вот уж кто у нас не олух — и притом он наследник

Хайгардена.

У Сансы закружилась голова. Только что она была полна мечтами о Лорасе, и вдруг их так жестоко отняли у нее. «Уиллас? Кто такой Уиллас?»

— Я… — оцепенело произнесла она. «Учтивость — доспехи дамы. Нельзя обижать их — надо тщательно выбирать слова». — Я не имею удовольствия быть знакомой с сиром Уилласом, миледи. Он… столь же прославленный рыцарь, как его братья?

— СХВАТИЛ ОН ЕЕ И ДАВАЙ ВЕРТЕТЬ! МЕДВЕДЬ, МЕДВЕДЬ, КОСОЛАПЫЙ МЕДВЕДЬ!

— Нет, — сказала Маргери. — Он не давал рыцарского обета.

— Скажи девочке правду, — нахмурилась ее бабушка. — Наш бедный мальчик — калека.

— Несчастье случилось на его первом турнире, когда он был еще оруженосцем, — объяснила Маргери. — Его конь упал и раздробил ему ногу.

— Всему виной этот змей — дорниец, Оберин Мартелл. И мейстер тоже.

— МНЕ ГРЕЗИЛСЯ РЫЦАРЬ, А ТЫ КОСМАТЫЙ, БУРЫЙ, И СТРАШНЫЙ, И КОСОЛАПЫЙ!

— У брата больная нога, но сердце доброе, — сказала Маргери. — Он читал мне, когда я была маленькая, и рисовал мне звезды. Ты его полю-

бишь, как любим мы, Санса.

— ОНА И БРЫКАЛАСЬ, ОНА И ВИЗЖАЛА, НО ВСЕ Ж ОТ МЕДВЕДЯ НЕ УБЕЖАЛА. ПЛЯСАЛ С НЕЮ БУШИ ВЕСЬ ДЕНЬ НАПРОЛЕТ И С ПЫШНЫХ КУДРЕЙ ЕЕ СЛИЗЫВАЛ МЕД!

— Когда я смогу с ним встретиться? — в замешательстве спросила Санса.

— Скоро, — заверила ее Маргери. — Когда приедешь в Хайгарден после нашей с Джоффом свадьбы. Бабушка отвезет тебя туда.

— Отвезу, — подтвердила старушка, трепля Сансу по руке и улыбаясь всем своим сморщенным личиком. — Непременно отвезу.

— КРИЧИТ ОНА: МИЛЫЙ ТЫ МОЙ, КОСМАТЫЙ, МОЙ РАСЧУДЕСНЫЙ МЕДВЕДЬ КОСОЛАПЫЙ! НА ПАРОЧКУ ЭТУ ВСЕМ ЛЮБО ГЛЯДЕТЬ: ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА И БУРЫЙ МЕДВЕДЬ! — Маслобой проревел заключительные строки, перекувыркнулся в воздухе и прыгнул на обе ноги с таким грохотом, что задребезжали винные чаши на столе. Женщины смеялись и хлопали в ладоши.

— Я думала, эта ужасная песня никогда не кончится, — сказала Королева Шипов. — А вот и мой сыр несут.

Джон

В сером, окутанном сумраком мире пахло сосной, мхом и холодом. Бледный туман поднимался от черной земли, пока всадники пробирались между камней и кривых деревьев вниз, к манящим кострам, разбросанным по дну речной долины. Огней было больше, чем Джон Сноу мог сосчитать — сотни и тысячи, словно вторая, огненная, река разлилась вдоль берегов и белых вод Молочной. Джон разжал и снова сжал пальцы правой руки.

Они спускались с холмов без знамен и труб. Тишину нарушали только далекий лепет реки, стук копыт да лязг костяных доспехов Гремучей Рубашки. Вверху на широких серо-голубых крыльях парил орел, внизу двигались лошади с

седоками, собаки и один белый лютоволк.

Со склона, потревоженный копытом, сорвался камень, и Призрак повернул голову на неожиданный звук. Весь день он держался от всадников на расстоянии, по своей привычке, но, когда над гвардейскими соснами поднялась луна, прибежал, светя своими красными глазами. Собаки встретили его рычанием и неистовым лаем, как всегда, но лютоволк не обращал на них внимания. Шесть дней назад самый крупный пес напал на него сзади, когда одичалые остановились на ночлег, но Призрак повернулся, лязгнул зубами, и пес отлетел прочь с окровавленной ляжкой. С тех пор вся свора держалась от волка подальше.

Конь Джона тихо заржал, но Джон успокоил его лаской и тихими словами, жаль, что нельзя с такой же легкостью заговорить собственные страхи. Он одет в черное, цвет Ночного Дозора, но со всех сторон его окружают враги. «Одичалые, и я один из них». На Игритт надет плащ Куорена Полурукого, его кольчуга досталась Леналу, перчатки — здоровенной копейщице Рагвил, сапоги — одному из лучников. Шлем выиграл коротышка по имени Рик Длинное Копье, но он не сумел приладить его на свою узкую голову и отдал Игритт. А Гремучая Рубашка везет в мешке кости

Полурукого вместе с окровавленной головой Эббена. Еще совсем недавно Джон отправился с ними в разведку на Воющий перевал. «Теперь все они мертвы, кроме меня, и я тоже все равно что умер».

Впереди него ехал Рик, позади Игритт. Костяной Лорд приказал им охранять его. «Если ворона улетит, я и ваши кости выварю в котле», — посулил он им перед отъездом, улыбаясь сквозь кривые зубы великанского черепа, служившего ему шлемом. «Раз ты такой умный, стереги его сам, — огрызнулась Игритт. — А если хочешь, чтоб это делали мы, оставь нас в покое».

Да уж, поистине вольный народ. Гремучая Рубашка — их вожак, но никто из них, отвечая ему, за словом в карман не лезет.

Костяной Лорд пригвоздил Джона недружелюбным взглядом.

— Их ты, может, и провел, ворона, но Манса не проведешь. Он только глянет на тебя и сразу узнает, что ты врешь. Когда это случится, я сделаю плащ из твоего волка, а потом вскрою твой мягкий ребячий животик и зашью туда ласку.

Джон сжал руку, разминая обожженные пальцы, но Рик только посмеялся.

— Где ты возьмешь ласку в снегу-то?

В первую ночь, после целого дня езды, они разбили лагерь в мелкой каменной чаше на вершине безымянной горы. Тогда и пошел снег, заставив всех сбиться поближе к костру. Джон смотрел, как тают снежинки, падая в огонь. Он промерз до костей, несмотря на многочисленные слои шерсти, меха и кожи. Игритт, поев, села рядом с ним. Она надвинула капюшон пониже и сунула руки в рукава.

— Когда Манс услышит, как ты разделался с Полуруким, он тебя сразу примет, — сказала она.

— За кого он меня примет?

— За одного из нас, — фыркнула она. — Думаешь, ты первая ворона, которая перелетает через Стену? В душе вы все хотели бы улететь на волю.

— А когда и я стану вольным, — спросил ее Джон, — буду я волен уйти?

— Ясное дело. — Улыбка у нее была славная, несмотря на неровные зубы. — А мы будем вольны тебя убить. Воля — штука опасная, но со временем ты привыкаешь к ее вкусу. — Она положила руку в перчатке на его ногу повыше колена. — Вот увидишь.

«Да, я увижу, — подумал Джон. — Увижу, услышу, узнаю, а когда накоплю побольше знаний, двинусь обратно к Стене». Для одичалых он

клятвопреступник, но в душе остается братом Ночного Дозора, исполняющим последний долг, который возложил на него Куорен Полурукий. «Перед тем, как я его убил».

Спустившись, они выехали к ручью, впадающему в Молочную. Его каменистое русло затянулось льдом, но слышно было, как журчит внизу вода. Вслед за Гремучей Рубашкой они переехали на тот берег, ломая тонкий ледок.

Там их встретили дозорные Манса Налетчика. Джон оценил их с первого взгляда: восемь конных, мужчин и женщин, в шкурах и вареной коже, лишь кое на ком заметны шлем или кольчуга. Вооружены они копьями и обоженными пиками — только у вожака, рыхлого белокурого человека с водянистыми глазами, имеется большой серп из остро отточенной стали. Плакальщик, сразу догадался Джон. Среди черных братьев о нем ходят легенды. Знаменитый разбойник вроде Гремучей Рубашки, Хармы Собачьей Головы и Алфина Убийцы Ворон.

— Здорово, Костяной Лорд. — Плакальщик смерил взглядом Джона и его волка. — А это кто?

— Перелетная ворона, — сказал Гремучая Рубашка, который предпочитал, чтобы его называли Костяным Лордом, поскольку он носил

доспехи из костей. — Он боится, как бы я и его кости не взял себе заодно с мослами Полурукого. — Он потряс мешком со своими трофеями.

— Это он убил Полурукого, — сказал Рик Длинное Копье. — Он и его волк.

— И Орелла прикончил, — добавил Гремучая Рубашка.

— Этот парень варг или вроде того, — вставила копьеносица Рагвил. — А его волк вырвал кусок мяса из ноги Полурукого.

Плакальщик еще более пристально посмотрел на Джона своими красными слезящимися глазами.

— Вон как? Да, он волчьей породы, я вижу. Ведите его к Мансу — может, тот его и оставит. — Он развернул коня и поскакал прочь, а его люди устремились за ним.

Тяжелый сырой ветер сопровождал их, пока они ехали гуськом через речной лагерь. Призрак бежал рядом с Джоном, но собаки, всполошенные его запахом, напирали со всех сторон, рыча и лая. Ленал прикрикнул на них, но это не помогло.

— Твой зверь им не шибко полюбился, — сказал Рик Джону.

— Они собаки, а он волк, — ответил Джон. — Они знают, что он не их породы. — «А я — не

вашей». Но он должен помнить о долге, который возложил на него Куорен Полурукий, когда они сидели у своего последнего костра: сыграть роль предателя и разузнать, что нужно было одичалым на голых холодных высотах Клыков Мороза. «Там таится некая сила», — сказал Куорен Старому Медведю. Он погиб, так и не узнав, в чем она заключается и нашел ли что-нибудь Манс Налетчик после своих раскопок в горах.

Вдоль реки, между телегами и санями, горели костры. Одни одичалые поставили палатки из шкур и свалянной шерсти, другие на скорую руку сооружали шалаши или спали под своими повозками. Один человек обжигал на костре длинные деревянные копья и складывал их в кучу. Двое молодых бородатых парней в вареной коже бились на шестах, перескакивая через огонь и ухая при каждом ударе. Около дюжины женщин, сидя кружком, оперяли стрелы.

«Стрелы для моих братьев, — подумал Джон. — Для людей моего отца, для жителей Винтерфелла, Темнолесья и Последнего Очага. Стрелы для Севера».

Однако не все, что он видел, напоминало о войне. Женщины плясали у костров, плакал грудной младенец, перед конем Джона бежал весь

закутанный в меха запыхавшийся мальчуган. Овцы и козы бродили без привязи, волы рыли копытами речной берег, отыскивая траву. От одного костра пахло жареной бараниной, над другим на деревянном вертеле поворачивали кабанью тушу.

На открытом месте, окруженном высокими гвардейскими соснами, Гремучая Рубашка спешился.

— Станем тут, — сказал он Леналу, Рагвил и остальным. — Покормите сперва лошадей, потом собак, потом сами поешьте. Игритт, Длинное Копье, ведите ворону к Мансу, пусть сам поглядит. Брюхо мы этой птице всегда успеем вспороть, если что не так.

Оставшуюся часть пути они проделали пешком, идя мимо новых костров и палаток. Призрак бежал за ними по пятам. Джон никогда еще не видел столько одичалых и не думал, чтобы кто-то другой видел. «Их лагерю просто конца нет — но это скорее сто лагерей, чем один, и каждый из них уязвимее другого». Одичалые растянулись на много лиг, а настоящей обороны у них нет — ни ям, ни кольев, только маленькие дозорные отряды разъезжают вокруг колонны. Каждый клан или деревня останавливаются, где хотят, как

только увидят, что другие тоже остановились, или просто найдут подходящее место. Одно слово, вольный народ. Если бы братья Джона застали бы их вот так, на ночлеге, многие бы поплатились за эту волю собственной жизнью. Одичалых много, но Ночной Дозор силен дисциплиной, а в бою дисциплина побивает численность в девяти случаях из десяти, как говорил Джону отец.

Королевский шатер он узнал сразу — тот был втрое больше всех остальных, и оттуда слышалась музыка. Как и многие другие палатки, шатер был составлен из сшитых мехом наружу шкур, но у Манса это были шкуры белых медведей. Верхушку венчала пара огромных рогов гигантского лося, одного из тех, что во времена Первых Людей свободно разгуливали по Семи Королевствам.

Здесь по крайней мере имелась охрана — двое часовых стояли у входа в шатер, опершись на длинные копья, с круглыми кожаными щитами, пристегнутыми к рукам. Увидев Призрака, один из них взял копье наперевес и сказал:

— Зверь пусть остается снаружи.

— Призрак, ждать, — приказал Джон, и волк сел.

— Постереги его, Длинное Копье. — Гремучая Рубашка откинул входное полотнище и сделал

знак Джону и Игритт пройти внутрь.

В шатре было жарко и дымно. Во всех четырех углах стояли ведра с горящим торфом, дававшие тусклый красный свет. Пол тоже устилали шкуры. Джон чувствовал себя бесконечно одиноким, стоя здесь в своей черной одежде и ожидая милости от перебежчика, именующего себя Королем за Стеной. Когда его глаза привыкли к дымному красному сумраку, он разглядел шестерых человек, ни один из которых не обращал на него никакого внимания. Темноволосый молодой человек и красивая белокурая женщина распивали вместе рог с медом. Другая женщина, беременная, поджаривала на жаровне кур. Мужчина с проседью в волосах, в потрепанном черном с красным плаще, сидел на подушке, играл на лютне и пел:

У дорнийца жена хороша и нежна,

Поцелуй ее сладок, как мед,

Но дорнийский клинок и остер, и жесток,

И без промаха сталь его бьет.

Джон знал эту песню, но странно было слышать ее здесь, в убогом шатре из шкур, за Стеной, за десять тысяч лиг от красных гор и теплых ветров Дорна.

Гремучая Рубашка, ожидая конца песни, снял свой желтый костяной шлем. Под своими доспехами из костей и кож он был совсем невелик, и лицо под великанским черепом было самое обыкновенное — худое и желтое, с маленьким подбородком и жидкими усиками. Глаза сидели близко, одна бровь перечеркивала лоб, темные волосы за острым вдовьим мыском начинали редеть.

Голос милой дорнийки звенит, как ручей,
В благовонной купальне ее,
Но клинок ее мужа целует больней,
И смертельно его острие.

У жаровни сидел на табурете низкий, но необычайно плечистый человек и ел с вертела жареную курицу. Жир стекал по его подбородку на белоснежную бороду, но лицо выражало блаженство. На его ручищах красовались толстые золотые браслеты, покрытые рунами, грудь обтягивала тяжелая черная кольчуга, не иначе как снятая с убитого разведчика. В нескольких футах от него стоял, хмуро рассматривая карту, более высокий и худощавый человек в кожаной рубахе с нашитой на нее бронзовой чешуей. За спиной у него в

кожаных ножнах висел большой двуручный меч. Он был прям, как копье, весь из жил и мускулов, чисто выбрит, лыс, с сильным носом и глубоко посаженными серыми глазами. Он мог бы сойти за красивого мужчину, будь у него уши, но они отсутствовали — то ли отмороженные, то ли отсеченные вражеским ножом. Из-за этого его голова казалась узкой и остроконечной.

И белобородый, и лысый были воинами — Джон понял это с одного взгляда. «И куда более опасными, чем Гремучая Рубашка. Который же из них Манс?»

Он лежал на земле в наползающей мгле,

Умирая от ран роковых,

И промолвил он вдруг для стоящих вокруг

В тихой горести братьев своих:

– Братья, вышел мой срок, мой конец недалек,

Не дожить мне до нового дня,

Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,

Коль дорнийка любила меня.

Когда последние строки «Дорнийской жены» отзвучали, лысый поднял глаза от карты и окинул сердитым взглядом Гремучую Рубашку и Игритт с Джоном посередине.

— Это что такое? Ворона?

— Черный бастард, который выпустил кишки Ореллу, — сказал Гремучая Рубашка. — Он еще и варг вдобавок.

— Надо было их всех убить.

— Он перешел к нам, — объяснила Игритт. — И убил Куорена Полурукого собственной рукой.

— Этот *парнишка*? — Новость явно разгневала безухого. — Полурукого следовало оставить мне. Как тебя звать, ворона?

— Джон Сноу, ваша милость. — Может, ему и колено следует преклонить?

— Ваша милость? — Безухий посмотрел на белобородого. — Гляди, он меня за короля принимает.

Белобородый заржал так, что куски куриного мяса полетели во все стороны, и вытер своей громадной ручищей жирные губы.

— Парень, должно быть, слепой. Слыханное ли дело — король без ушей? Да у него корона на шею сползла бы. Хар-р! — Здоровяк, ухмыляясь, вытер пальцы о штаны. — Закрой клюв, ворона,

и повернись — авось найдешь того, кого ищешь.

Джон повернулся.

— Манс — это я, — сказал певец, встав и отложив свою лютню. — А ты бастард Неда Старка, Сноу из Винтерфелла.

Джон не сразу обрел дар речи.

— Но откуда… откуда вы знаете…

— Это после. Как тебе понравилась моя песня?

— Хорошая песня. Я ее и раньше слышал.

– *«Но хочу я сказать: мне не жаль умирать, коль дорнийка любила меня»*, — повторил Король за Стеной. — Скажи, правду ли говорит мой Костяной Лорд? Ты в самом деле убил моего старого приятеля Полурукого?

— Да. — «Хотя это больше его заслуга, чем моя».

— Сумеречной Башне никогда уже не видать такого воина, — с грустью произнес король. — Куорен был моим врагом, но и братом тоже — когда-то. Как же мне быть с тобой, Джон Сноу? Благодарить тебя или проклинать? — спросил он с насмешливой улыбкой.

Король за Стеной совсем не походил на короля, и на одичалого тоже. Среднего роста, стройный, с резкими чертами лица, с проницательными карими глазами, с сильной проседью в длинных

каштановых волосах. Ни короны, ни золотых колец, ни драгоценностей, даже серебряных украшений на нем нет. Шерсть, кожа да потрепанный плащ из черной шерсти с прорехами, зашитыми выцветшим красным шелком.

— Можете поблагодарить меня за то, что я убил вашего врага, — сказал наконец Джон, — и проклясть за то, что я убил вашего друга.

– *Хар-р!* — прогремел бородач. — Хорошо сказано!

— Согласен. — Манс поманил Джона к себе. — Если ты хочешь примкнуть к нам, тебе следует с нами познакомиться. Тот, кого ты принял за меня, — это Стир, магнар теннов. «Магнар» на древнем языке значит «лорд». — Безухий бросил на Джона холодный взгляд, а Манс между тем продолжал: — Этот свирепый пожиратель кур — мой верный Тормунд. Женщина…

— Погоди, — прервал его бородач. — Ты назвал титул Стира, назови и мой.

— Как скажешь, — засмеялся Манс Налетчик. — Джон Сноу, ты видишь перед собой Тормунда Великанью Смерть, он же Краснобай, он же Трубящий в Рог, он же Ледолом, а также Громовой Кулак, Медвежий Муж, Медовый Король Красных Палат, Собеседник Богов и Отец Тысяч.

— Вот это уже больше похоже на правду. Рад познакомиться, Джон Сноу. Против варгов я ничего не имею, хотя Старков не жалую.

— Эта славная женщина у жаровни — Далла, — продолжал Манс Налетчик. — Беременная женщина застенчиво улыбнулась Джону. — Обращайся с ней как с королевой, ибо она носит моего ребенка. Эта красавица — ее сестра Вель, а рядом с ней молодой Ярл, ее новая забава.

— Ничьей забавой не бывал и не буду, — огрызнулся Ярл.

— Зато с Вель позабавиться не прочь, а, парень? — хохотнул Тормунд.

— Ну вот и все мы тут, Джон Сноу, — сказал Манс. — Король за Стеной и его двор во всей своей красе. А теперь о тебе. Откуда ты?

— Из Винтерфелла, а после жил в Черном Замке.

— Но что привело тебя на Молочную, столь далеко от родных очагов? — Манс, не дожидаясь ответа, обратился к Гремучей Рубашке: — Сколько их было?

— Пятеро. Трое мертвы, четвертый перед тобой, пятый ушел в горы, где кони проехать не могли.

Манс снова перевел взгляд на Джона.

— Только пятеро? Или тут ошиваются и другие

твои братья?

— Нас было четверо с Полуруким во главе. Куорен один стоил двадцати.

— Так думали многие, — улыбнулся Манс. — И все же… парень из Черного Замка с разведчиками из Сумеречной Башни? Как это вышло?

Джон приготовил ответ заранее.

— Лорд-командующий послал меня к Полурукому на выучку, а тот взял меня в разведку.

— В разведку, говоришь? — нахмурился магнар Стир. — Что было воронам разведывать на Воющем перевале?

— Деревни были покинуты, — не погрешив против правды, ответил Джон, — как будто весь вольный народ исчез куда-то.

— Верно, исчез, — сказал Манс, — и это случилось не с одним только вольным народом. Кто сказал вам, где нас искать, Джон Сноу?

— Если это не Крастер, то я робкая дева, — хмыкнул Тормунд. — Говорил я тебе, Манс, что его надо сделать на голову короче.

— Тормунд, ты бы думал, прежде чем говорить, — с раздражением бросил ему Манс. — Я знаю, что это Крастер. Я спросил об этом Джона, чтобы посмотреть, скажет он правду или нет.

— Хар-р, — сплюнул Тормунд. — Опять вля-

пался. Вот, парень, — с ухмылкой сказал он Джону, — потому он и король, а я нет. Я могу побить, перепить и перепеть его, и член у меня в три раза длиннее, зато Манс хитрый. Ты ж знаешь, он сам вырос у ворон, а ворона — башковитая птица.

— Я хочу поговорить с парнем наедине, Костяной Лорд, — сказал Манс. — Оставьте нас, все вы.

— Как, и я тоже? — вскричал Тормунд.

— Ты в первую очередь.

— Я не ем в тех чертогах, где мне не рады. Пошли отсюда, курочки. — Тормунд прихватил еще одну курицу с жаровни, сунул ее в карман на подкладке своего плаща, сказал «Хар-р» и вышел, облизывая пальцы. Все остальные, кроме Даллы, последовали за ним.

— Можешь сесть, если хочешь, — сказал Манс, когда они ушли. — Ты голоден? Двух птиц Тормунд нам все-таки оставил.

— Я охотно поем, ваша милость, благодарю вас.

— Ваша милость? — улыбнулся король. — От вольного народа такое обращение не часто услышишь. Для них я Манс. Меду хочешь?

— Спасибо, с удовольствием.

Король сам налил ему рог, а Далла разрезала аппетитно поджаренную курицу и подала каж-

дому половину. Джон снял перчатки и стал есть прямо руками, обгладывая каждую косточку.

— Тормунд верно говорит, — сказал Манс, разламывая хлебную ковригу. — Черная ворона — хитрая птица, но я и сам был вороной, когда ты был не больше младенца в животе у Даллы, поэтому лучше со мной не хитри.

— Как скажете, ваше… Манс.

— Ну-ну, — засмеялся король. — Я обещал сказать тебе, откуда тебя знаю. Ты как, еще не догадался?

Джон покачал головой.

— Наверно, Гремучая Рубашка послал вам весть?

— Это как же, с ветром, что ли? У нас ученых воронов нет. Я знаю тебя в лицо. Я видел тебя прежде — дважды.

На первый взгляд это не имело смысла, но Джон поразмыслил, и перед ним забрезжил свет.

— Когда вы были братом Дозора…

— Верно! Это был первый раз. Ты тогда был мальцом, а я, весь в черном, в числе дюжины других сопровождал старого лорда-командующего Кворгила в Винтерфелл к твоему отцу. Я прохаживался по стене, окружавшей двор, и наткнулся на тебя и твоего брата Робба. Ночью выпал снег, и вы нагородили над воротами целую снежную гору и ждали, когда кто-нибудь пройдет.

— Я помню, — засмеялся удивленный Джон. Молодой черный брат на стене, ну да… — Вы пообещали, что никому не скажете.

— И сдержал слово — по крайней мере в тот раз.

— Снег мы скинули на Толстого Тома, самого неповоротливого из отцовских стражников. — После Том долго гонялся за ними по двору, и все трое раскраснелись, как осенние яблоки. — Но вы сказали, что видели меня дважды. Когда же это было во второй раз?

— Когда король Роберт приехал в Винтерфелл,

чтобы сделать твоего отца десницей, — небрежно промолвил Король за Стеной. Джон изумленно раскрыл глаза.

— Не может быть.

— Может. Узнав, что король приезжает, твой отец послал весть своему брату Бенджену на Стену, чтобы тот тоже приехал на пир. Черные братья общаются с вольным народом больше, чем ты думаешь, поэтому вскоре эта весть дошла и до меня. Против такого случая устоять я не мог. В лицо меня твой дядя не знал, так что с этой стороны я ничего не опасался, а отец твой вряд ли мог запомнить молодую ворону, виденную им столько лет назад. Я хотел поглядеть на этого Роберта своими глазами, как король на короля, а заодно прикинуть, чего стоит твой дядя Бенджен. Он тогда был первым разведчиком и бичом моего народа. Я оседлал самого резвого своего коня и отправился в путь.

— А как же Стена?

— Стена может остановить армию, но не одного человека. Я взял лютню и мешок с серебром, взобрался по льду около Бочонка, прошел пешком несколько лиг на юг от Нового Дара и купил себе другую лошадь. Если брать в целом, я двигался быстрее, чем Роберт, которого задерживала

громоздкая колымага, где ехала его королева. В одном дне к югу от Винтерфелла я нагнал его и примкнул к его свите. Вольные всадники и межевые рыцари всегда увязываются за королевскими процессиями в надежде поступить к королю на службу, а моя лютня обеспечила мне хороший прием. — Манс засмеялся. — Я знаю все похабные песни, когда-либо сочинявшиеся к северу и к югу от Стены. Ну и вот. В ночь, когда твой отец задавал пир Роберту, я сидел на задах его чертога вместе с другими вольными всадниками и слушал, как Орланд из Староместа играет на высокой арфе и поет о покоящихся в море королях. Я отведал мясо и мед твоего отца, поглядел на Цареубийцу и Беса… а еще видел мельком детей лорда Эддарда и волчат, бегавших за ними по пятам.

— Баэль-Бард, — сказал Джон, вспомнив сказку, которую рассказала ему Игритт на Воющем перевале в ночь, когда он чуть ее не убил.

— Если бы. Не стану отрицать, что подвиг Баэля меня вдохновлял, но я, насколько помню, ни одной твоей сестры не похитил. Баэль сам сочинял свои песни и проживал их. Я пою лишь то, что сложили люди получше меня. Еще меду?

— Нет, благодарю. А что, если бы вас обнаружили… схватили…

— Тогда твой отец отрубил бы мне голову, — пожал плечами король. — Впрочем, я ел под его кровом, и меня защищали законы гостеприимства, древние, как Первые Люди, и священные, как сердце-дерево. — Он показал на стол, за которым они сидели, на разломленный хлеб и куриные кости. — Теперь ты мой гость, а значит, я не причиню тебе зла… по крайней мере этой ночью. Поэтому скажи мне правду, Джон Сноу. Кто ты — трус, вывернувший наизнанку свой плащ со страха, или какая-то другая причина привела тебя в мой шатер?

Несмотря на все законы гостеприимства, Джон Сноу знал, что ступает по тонкому льду. Один неверный шаг — и он провалится в воду, холод которой останавливает сердце. «Хорошенько взвешивай каждое слово», — сказал он себе, и хлебнул меду, чтобы выиграть время. Потом положил рог на стол и сказал:

— Скажите мне, почему вы сами вывернули свой плащ, и я скажу, почему вывернул свой.

Манс улыбнулся, как и надеялся Джон. Король явно любил послушать собственный голос.

— Ты, конечно, наслушался историй о моем дезертирстве.

— Одни говорят, что вы сделали это ради коро-

ны, другие — что ради женщины, третьи — что в вас течет кровь одичалых.

— Кровь одичалых — это кровь Первых Людей, та же, что течет в жилах Старков. Что до короны, где ты ее видишь?

— Я вижу женщину. — Джон взглянул на Далу.

Манс взял ее за руку и привлек к себе.

— Моя леди тут ни при чем. Я встретил ее на обратном пути из замка твоего отца. Полурукий был вытесан из старого дуба, но я живой человек и не могу устоять перед женскими чарами… как и три четверти Ночного Дозора. Среди носящих черное есть такие, у кого женщин было вдесятеро больше, чем у меня, бедного короля. Попробуй угадать еще раз, Джон Сноу.

— Полурукий говорил, что вы страстно любили музыку одичалых…

— Верно, любил. И сейчас люблю. Это уже теплее, но не совсем горячо. — Манс встал, расстегнул свой плащ и бросил его на скамью. — Все произошло из-за него.

— Из-за плаща?

— Черный шерстяной плащ брата Ночного Дозора. Однажды в разведке нам встретился прекрасный большой лось. Когда мы стали его

свежевать, запах крови выманил из логова сумеречного кота. Я прогнал его, но он успел изорвать мой плащ в клочья. Здесь, здесь и здесь — видишь? Кроме того, он разодрал мне руку и спину, из меня хлестало хуже, чем из лося. Братья, боясь, что я умру еще до того, как меня доставят к мейстеру Маллину в Сумеречную Башню, отвезли меня в деревню одичалых, где, по нашим сведениям, жила знахарка. Там мы узнали, что старушка умерла, но ее дочь позаботилась обо мне. Она промыла и зашила мои раны, а потом кормила меня овсянкой и отварами, пока я не окреп настолько, чтобы сесть на коня. Заодно она и мой плащ зашила, использовав красный асшайский шелк, который еще ее бабка нашла в выброшенном на Стылый Берег разбитом корабле. Это было самым большим ее сокровищем и ее подарком мне. — Манс снова накинул плащ себе на плечи. — Но в Сумеречной Башне мне выдали новый, сплошь черный, на черной подкладке, под цвет моим черным штанам, черным сапогам, черному дублету и черной кольчуге. В новом плаще не было прорех… и красных заплаток, конечно, тоже. Братья Ночного Дозора одеваются в *черное*, сурово напомнил мне сир Денис Маллистер — точно я мог об этом забыть. А мой старый

плащ, сказал он, пойдет в огонь.

Я ушел на следующее утро… ушел туда, где поцелуй не считают преступлением и где человек может носить плащ, какой захочет. — Манс застегнул пряжку на груди и снова сел. — А ты, Джон Сноу?

Джон снова глотнул меда. «Есть только одно, во что Манс может поверить».

— Вы говорите, что были в Винтерфелле, когда мой отец давал пир королю Роберту.

— Верно, был.

— Значит, вы видели всех нас. Принцев Джоффри и Томмена, принцессу Мирцеллу, моих братьев Робба, Брана и Рикона, сестер Арью и Сансу. Вы видели, как они прошли по среднему проходу под устремленными на них взорами и заняли места под самым помостом, где сидели король с королевой.

— Да, я помню.

— А видели вы, где сидел я, Манс? — Джон подался вперед. — Видели, где поместили бастарда?

Манс Налетчик устремил на Джона долгий внимательный взгляд.

— Думаю, тебе надо будет подобрать новый плащ, — сказал наконец король и протянул Джо-

ну руку.

Дейенерис

Над тихой голубой водой разносился мерный бой барабанов и тихий шорох корабельных весел. Большая барка, скрипя, тащилась на толстых канатах за двумя галеями. Паруса «Балериона» праздно обвисли на мачтах. Но все равно Дейенерис Таргариен, стоя на баке и глядя, как ее драконы гоняются друг за дружкой в безоблачном небе, никогда еще на своей памяти не была так счастлива.

Ее дотракийцы называли море «дурной водой», не доверяя влаге, которую не могут пить лошади. Когда корабли подняли якоря в Кварте, можно было подумать, что они отплывают в преисподнюю, а не в Пентос. Ее молодые храбрые кровные всадники смотрели на удаляющийся

берег выпученными белыми глазами. Каждый из них старался не выказывать страха перед двумя другими, зато служанки Ирри и Чхику отчаянно цеплялись за поручни и изливали за борт содержимое желудков даже при малейшей качке. Остальной крошечный кхаласар Дени сидел в трюмах, предпочитая общество своих беспокойных коней страшному безбрежному миру вокруг корабля. На шестой день путешествия внезапно налетел шквал, и Дени слышала через люки, как бьются и ржут лошади и молятся дрожащими голосами люди при каждом крене «Балериона».

Ее саму никакой шквал напугать не мог. Ее прозвали «Дейенерис Бурерожденная», ибо она явилась в этот мир на далеком Драконьем Камне во время самого сильного шторма в истории Вестероса; он посшибал со стен замка каменных горгулий и разнес в щепки флот ее отца.

В Узком море часто бывают штормы, а Дени в детстве пересекла его с полсотни раз, убегая из одного вольного города в другой от наемных убийц узурпатора. Она любила море, и свежий соленый воздух, и безмерность горизонтов, ограниченных только лазурным сводом неба. В море она чувствовала себя маленькой, однако свободной. Она любила дельфинов, сопровождавших иногда

«Балерион» и сверкавших в воде серебряными копьями, любила мелькавших в воздухе летучих рыб. Даже матросы с их песнями и россказнями были милы ей. Однажды на пути в Браавос, глядя, как они спускают большой зеленый парус в преддверии шторма, она подумала даже, как хорошо было бы самой стать моряком. Но когда она рассказала об этом брату, он так оттаскал ее за волосы, что она расплакалась. «В тебе течет кровь дракона! — орал он при этом. — *Дракона*, а не какой-то вонючей рыбы».

«В этом он был столь же глуп, как и во многом другом, — думала Дени. — Будь он умнее и терпеливее, он сам плыл бы сейчас на запад, чтобы занять трон, принадлежащий ему по праву». Она хорошо понимала теперь всю степень глупости и порочности Визериса, но все равно порой по нему скучала. Не по тому слабому и жестокому человеку, каким он стал впоследствии, а по брату, к которому она забиралась в постель, по мальчику, который рассказывал ей о Семи Королевствах и говорил, как изменится их жизнь, когда он вернет себе корону.

К ней подошел капитан.

— Жаль, что «Балерион» не умеет летать, как его тезка, ваша милость, — сказал он на ломаном

валирийском с сильным пентоским акцентом. — Тогда нам не понадобились бы ни весла, ни канаты и не пришлось бы молиться о ветре.

— Вы правы, капитан, — ответила Дени с улыбкой, радуясь, что завоевала доверие этого человека. Капитан Гролео, коренной пентошиец, как и его хозяин Иллирио Мопатис, всполошился, как старая дева, узнав, что повезет трех драконов на своем корабле. Полсотни ведер с морской водой все еще висели вдоль бортов на случай пожара. Поначалу Гролео настаивал на том, чтобы драконов держали в клетке, и Дени уступила ему, но дети были так несчастны, что она передумала и добилась их освобождения.

Теперь и сам капитан радовался этому. Пожар случился только один, совсем маленький, и его легко потушили, зато на «Балерионе» сильно поубавилось крыс против того времени, когда он еще плавал под названием «Садулеон». А матросы, на первых порах одолеваемые страхом не менее, чем любопытством, стали питать немалую гордость за «своих» драконов. Все на судне, от капитана до юнги, любили следить за их полетом, но никому это не приносило такой радости, как Дени.

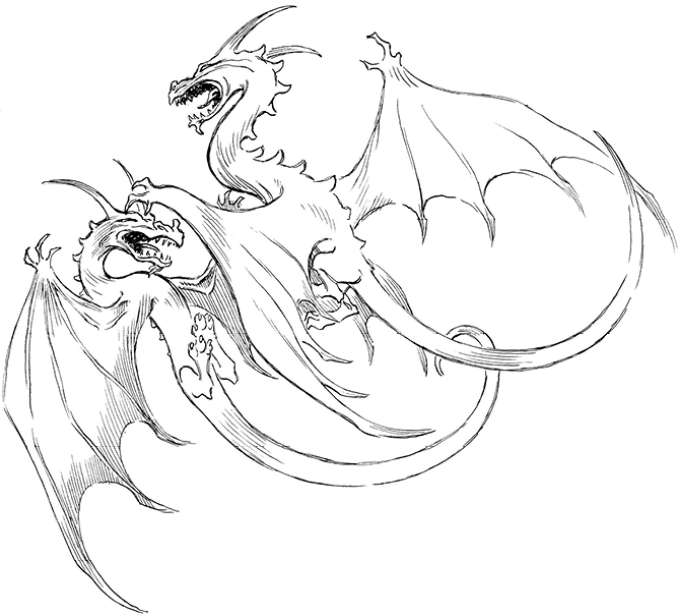
«Они мои дети — единственные, которые у меня

когда-либо будут, если мейега сказала правду».

У Визериона чешуя цвета свежих сливок, а рожки, маховые кости и хребет — из темного, сверкающего на солнце золота. Рейегаль сделан из летней зелени и осенней бронзы. Они парили над кораблем широкими кругами, поднимаясь все выше и выше, и каждый старался перещеголять другого.

Дени знала теперь, что драконы предпочитают всегда нападать сверху. И тот и другой, оказавшись между своим братом и солнцем, тут же складывал крылья, с криком кидался вниз, и оба падали, кувыркаясь, свившись в чешуйчатый клубок, лязгая зубами и молотя хвостами. Увидев это впервые, Дени испугалась, что они убьют друг друга, но они просто играли. Плюхнувшись в море, они сразу расцеплялись и опять взмывали вверх с шипением и криками, а соленая вода, дымясь, испарялась с их крыльев. Дрогона видно не было — он охотился, либо далеко опережая судно, либо отстав от него на несколько миль.

Он всегда голоден, ее Дрогон, и быстро растет. «Еще год-другой, и я смогу сесть на него верхом. Тогда мне больше не понадобятся корабли, чтобы пересекать великие соленые воды».



Но до этого еще далеко. Рейегаль и Визерион теперь величиной с мелких собак, Дрогон ненамного больше, и любая собака наверняка

перевесила бы их: они все состоят из шеи, крыльев и хвоста и на вес гораздо легче, чем на вид. И поэтому Дейенерис Таргариен, чтобы попасть домой, должна пока полагаться на дерево, ветер и парусину.

Дерево и парусина служат ей исправно, а вот непостоянный ветер оказался предателем. Шесть дней и шесть ночей они остаются в полосе штиля, теперь идет седьмой, а в воздухе по-прежнему ни ветерка. К счастью, два корабля из трех, посланных ей магистром Иллирио, — это торговые галеи. У каждой на борту двести весел и команда сильных гребцов. Барка «Балерион» — иное дело: это громоздкая широкобортная лохань с громадными трюмами и большими парусами, беспомощная в безветренную погоду. «Вхагар» и «Мираксес» тащат ее на буксире, и все они при этом еле-еле ползут. Все три корабля везут тяжелый груз помимо находящихся на борту людей и коней.

— Я не вижу Дрогона, — сказал сир Джорах Мормонт, подойдя к ней. — Может, он опять заблудился?

— Скорее это мы заблудились, сир. Это черепашье плавание Дрогону по вкусу не больше, чем мне. — Ее черный дракон, смелее, чем двое

других, первым попробовал свои крылья над водой, первым стал перелетать с корабля на корабль, первым заблудился в облаке… и первым убил. Он поражает своим огнем летучих рыб, как только они выпрыгивают из воды, хватает их и проглатывает.

— Ты не знаешь, какой величины он будет, когда вырастет? — спросила Дени.

— В Семи Королевствах рассказывают о драконах столь огромных, что они выхватывали гигантских кракенов[1] из моря.

— Вот бы посмотреть, — засмеялась Дени.

— Это ведь только сказки, кхалиси, — ответил рыцарь-изгнанник. — Я слышал также о старых и мудрых драконах, которые жили тысячу лет.

— А сколько они обыкновенно живут? — Визерион пролетел над самым кораблем, медленно работая крыльями и шевеля поникшие паруса.

— Во много раз дольше человека, если, конечно, верить песням… — пожал плечами сир Джорах. — Но в Семи Королевствах лучше всего известны драконы дома Таргариенов. Их выращивали для войны, на войне они и погибли. Дракона убить нелегко, но все-таки возможно.

---

[1] Примечания: 1

Кракен — гигантский кальмар. — *Примеч. пер.*

Белобородый, стоявший у носовой фигуры, опираясь на свой высокий посох, обернулся к ним и сказал:

— Балериону Черному Ужасу было двести лет, когда он умер — это случилось в царствование Джейехейриса Умиротворителя. Он был так велик, что мог проглотить зубра целиком. Дракон никогда не перестает расти, ваша милость, пока у него есть пища и воля.

Этого человека зовут Арстан, но Бельвас Силач прозвал его Белобородым, и теперь так называют его почти все. Он выше сира Джораха, хотя и не так крепок, у него бледно-голубые глаза и длинная борода, белая как снег и тонкая как шелк.

— Воля? — заинтересовалась Дени. — В каком смысле?

— Ваши предки построили в Королевской Гавани для своих драконов огромный, покрытый куполом замок, который назывался Драконьим Логовом. Он все еще стоит на холме Рейенис, но теперь это только руины. Там в стародавние времена и жили королевские драконы. Логово было столь просторным, что в его железные двери могли проехать в ряд тридцать конных рыцарей. Но при всем при том было замечено, что ни один из этих драконов не дорос до своих прародите-

лей. Мейстеры говорят, что виной этому стены и потолок.

— Если бы стены могли сдерживать наш рост, все крестьяне были бы карликами, а короли великанами, — заметил сир Джорах. — Но я встречал великанов в хижинах и карликов в замках.

— Люди — это люди, а драконы — это драконы.

— Экая глубина мысли, — фыркнул сир Джорах. Рыцарь невзлюбил старика с самого начала и ничуть этого не скрывал. — Что ты можешь знать о драконах?

— Я знаю не так уж много, это так. Но я служил в Королевской Гавани, когда на Железном Троне сидел король Эйерис, и не раз проходил под драконьими черепами, украшавшими стены тронного зала.

— Визерис рассказывал мне об этих черепах, — сказала Дени. — Узурпатор снял их и спрятал куда-то — он не мог вынести того, как они смотрят на него, сидящего на украденном троне. — Она сделала Белобородому знак подойти поближе. — Скажи, ты знал моего отца? — Король Эйерис II не дожил до рождения своей дочери.

— Да, я имел эту великую честь, ваша милость.

— Как по-твоему, он был хороший человек, добрый?

Белобородый очень старался скрыть свои чувства, но они ясно отражались у него на лице.

— Его милость… часто бывал приветлив.

— Часто, но не всегда? — улыбнулась Дени.

— Он мог быть очень суров с теми, кого считал своими врагами.

— Умный человек не станет делать короля своим врагом. Ты знал и моего брата, Рейегара?

— У нас говорили, что принца Рейегара по-настоящему никто не знает. Но мне посчастливилось видеть его на турнире, и я нередко слышал, как он играет на своей арфе с серебряными струнами.

— Слышал заодно с тысячью других на каком-нибудь празднике урожая, — ввернул сир Джорах. — В следующий раз ты будешь утверждать, что был у него оруженосцем.

— Нет, сир, не буду. Оруженосцем принца Рейегара был Майлс Мутон, а после него Рикард Лонмаут. Когда они получили свои шпоры, он сам посвятил их в рыцари, и они были с ним неразлучны. Принц дорожил также молодым лордом Коннингтоном, но самым близким его другом был Эртур Дейн.

— Меч Зари, — восторженно молвила Дени. — Визерис говорил мне о его чудодейственном

белом клинке. По его словам, один только сир Эртур во всем государстве мог соперничать с нашим братом.

Белобородый почтительно склонил голову.

— Мне не пристало оспаривать слова принца Визериса.

— Не принца — короля. Он был королем, хотя и не царствовал. Визерис Третий. Но почему «оспаривать»? — Она ожидала не такого ответа. — Сир Джорах как-то назвал Рейегара последним драконом — значит, он уж, наверное, был непревзойденным воином?

— Ваша милость, принц Драконьего Камня в самом деле был превосходным воином, но…

— Продолжай, — настояла она. — Со мной ты можешь говорить откровенно.

— Как прикажете. — Старик оперся на посох, наморщив лоб. — Непревзойденный воин — красивые слова, ваша милость, но словами битв не выигрывают.

— Битвы выигрывают мечами, — вмешался сир Джорах, — а меч принц Рейегар умел держать.

— Это так, сир, однако… Я видел сотню турниров и больше войн, чем мог бы желать, и как бы силен, проворен или искусен ни был тот или иной рыцарь, всегда найдутся другие под стать

ему. Рыцарь выигрывает один турнир и терпит поражение в самом начале другого. Поскользнется на траве или съест что-нибудь не то за ужином накануне. На победу может повлиять что угодно: перемена ветра, — старик взглянул на сира Джораха, — или повязанный на руку знак отличия дамы.

Мормонт помрачнел.

— Поосторожнее со словами, старик.

Дени поняла, что Арстан видел сира Джораха на турнире в Ланниспорте. Тот сражался тогда с повязанной на руке лентой и завоевал не только победу, но и даму, Линессу из дома Хайтауэров, высокородную и прекрасную. Она стала его второй женой, но впоследствии разорила его и бросила. Он до сих пор вспоминал о ней с горечью.

— Не сердись, мой рыцарь. — Дени коснулась руки Джораха. — Арстан не хотел тебя обидеть, я уверена.

— Как вам угодно, кхалиси, — проворчал он.

— Я мало что знаю о Рейегаре, — сказала Дени Арстану. — Только то, что рассказывал Визерис, а он был ребенком, когда наш брат погиб. Каким он был на самом деле?

— Прежде всего одаренным, — подумав немно-

го, сказал старик. — Решительным, целеустремленным, с сильным чувством долга. О нем рассказывают одну историю… сир Джорах тоже должен ее знать.

— Я хочу услышать ее от тебя.

— Как угодно. В детстве принц Рейегар был заядлым книгочеем. Он научился читать так рано, что все говорили, будто королева Рейелла не иначе как проглотила пару книг и свечку, когда носила его. Принц не любил играть с другими детьми. Мейстеры превозносили его ум, но рыцари его отца невесело пошучивали, говоря, что Бейелор Благословенный возродился снова. Но однажды принц вычитал в своих пергаментах нечто, вызвавшее в нем коренную перемену. Никто не знает, что это было, но как-то утром мальчик появился на дворе, где рыцари облачались в доспехи, подошел к сиру Виллему Дарри, мастеру над оружием, и сказал: «Мне понадобятся доспехи и меч. Видимо, я должен стать воином».

— И стал! — с восторгом воскликнула Дени.

— О да. Прошу прощения, ваша милость, — с поклоном сказал Белобородый. — К нашему разговору о воинах будто нарочно явился Бельвас Силач, и я должен позаботиться о нем.

Дени обернулась. В самом деле — евнух ловко,

несмотря на свою тучность, вылез из трюма посреди корабля. Бельвас мал ростом, но широк, добрых пятнадцать стоунов жира и мускулов, мощное коричневое брюхо перечеркнуто поблекшими белыми шрамами. На нем мешковатые штаны с желтым шелковым кушаком и до смешного маленькая кожаная безрукавка с железными заклепками.

— Бельвас Силач проголодался! — громогласно заявил он, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Бельвасу Силачу надо поесть! Эй, Белобородый, тащи еду Силачу Бельвасу! — прокричал он, заметив Арстана на баке.

— Можешь идти, — сказала Дени оруженосцу. Он снова поклонился и поспешил к человеку, которому служил.

Сир Джорах с хмурым выражением на своем простом, честном лице посмотрел ему вслед. Его, высокого, плечистого, с сильной челюстью, нельзя назвать красавцем, но более верного друга у Дени еще не было.

— Я бы посоветовал вам не принимать за чистую монету слова этого старика, — сказал он, когда Арстан отошел подальше.

— Королева должна выслушивать всех, — заметила Дени. — Знатных и простых, сильных и

слабых, благородных и корыстных. Один голос может солгать, но из множества всегда добывается истина. — Она прочла это в одной книге.

— Выслушайте тогда и меня, ваша милость, — сказал изгнанник. — Арстан Белобородый вас обманывает. Он слишком стар для оруженосца и слишком красноречив, чтобы служить этому тупице-евнуху.

Дени не могла не признать, что это действительно странно. Бельвас Силач — бывший раб, выросший и обученный в бойцовых ямах Миэрина. Магистр Иллирио послал его охранять ее — так по крайней мере говорит сам Бельвас. Она и правда нуждается в охране. Узурпатор на Железном Троне обещал земли и титул лорда тому, кто убьет ее. Однажды ей уже подсунули чашу отравленного вина, и чем ближе она к Вестеросу, тем вероятнее новое покушение. А в Кварте колдун Пиат Прей подослал к ней Жалостливого, чтобы отомстить за Бессмертных, которых она сожгла в их Доме Праха. Говорят, что колдуны никогда не забывают сделанного им зла, а Жалостливые никогда не терпят неудач в своем ремесле. Многие дотракийцы тоже настроены против нее. Бывшие ко, старшины, кхала Дрого теперь водят свои кхаласары, и никто из них не

поколеблется напасть на ее маленький караван, перебить или взять в рабство ее людей, а ее, Дени, увезти обратно в Ваэс Дотрак, чтобы она, как ей и положено, доживала свой век среди старух дош кхалина. Она надеялась, что хотя бы Ксаро Ксоан Даксос ей не враг, но этот квартийский купец положил глаз на ее драконов. И есть еще Куэйта из Края Теней, странная женщина в красной лакированной маске со своими загадочными советами. Кто она — тоже враг или опасный друг? Дени не знала ответа.

«Сир Джорах спас меня от отравителя, а Арстан Белобородый — от мантикора. Возможно, в следующий раз меня спасет Бельвас». Он могуч, ручищи у него, как молодые деревца, а за поясом большой кривой аракх, такой острый, что Бельвас мог бы им бриться, будь на его гладких коричневых щеках хоть какая-нибудь растительность. «Но при этом он — большой ребенок, и как защитник оставляет желать лучшего. К счастью, у меня есть сир Джорах и мои кровные всадники. И драконы — о них тоже нельзя забывать». Со временем драконы станут самой надежной ее охраной, как для Эйегона Завоевателя и его сестер триста лет назад. Но теперь они скорее угроза, нежели защита. Во всем мире существует

только трое живых драконов, и они принадлежат ей. На них дивуются, они внушают ужас, и цены им нет.

Она обдумывала, что ей сказать дальше, когда в затылок ей подул прохладный бриз, шевельнув прядку серебристо-золотых волос на лбу. Снасти заскрипели, паруса затрепетали, и матросы подняли крик:

— Ветер! Ветер возвращается!

На глазах у Дени паруса «Балериона» надулись, снасти загудели — эту сладостную песнь никто не слышал целых шесть долгих суток. Капитан Гролео бросился на корму, выкрикивая команды. Пентошийцы с радостными криками полезли на мачты. Даже Силач Бельвас взревел и пустился в пляс.

— Боги милостивы к нам! — сказала Дени. — Видишь, Джорах? Мы опять плывем.

— Плывем, только вот куда, моя королева?

Ветер дул весь день — сначала ровный, с востока, потом порывистый. Закат был красен. «От Вестероса меня все еще отделяет полмира, — напомнила себе Дени, — но с каждым часом я приближаюсь к нему». Что-то она почувствует, впервые увидев издали землю, которой ей суждено править? «Должно быть, это будет самый

прекрасный из всех берегов — как же иначе?»

Ночью, когда «Балерион» шел вперед во мраке, а Дени сидела, поджав ноги, на своей койке в капитанской каюте и кормила драконов (капитан Гролео в начале плавания любезно заявил ей, что даже на море королевы имеют преимущество перед капитанами), в ее дверь громко постучали.

Ирри спала на полу в ногах койки (постель была слишком узка для троих, и нынче мягкую перину со своей кхалиси делила Чхику), но на стук поднялась и пошла открывать. Дени завернулась под мышками в одеяло. Она была нагая и никого не ждала в такой час.

— Входи, — сказала она, увидев снаружи, под качающимся фонарем, сира Джораха.

Рыцарь нагнул голову и вошел.

— Ваша милость, извините, что я потревожил ваш сон.

— Я еще не спала, сир. Входи и посмотри. — Она взяла кусок солонины из миски у себя на коленях и подняла так, чтобы драконы видели. Все трое жадно уставились на мясо. Рейегаль растопырил зеленые крылья, всколыхнув воздух, шея Визериона закачалась туда-сюда, как белая змея, следуя за движением руки Дени. — Дрогон, — тихо сказала она, — *дракарис*. — И подбросила мясо

в воздух.

Дрогон быстрее, чем атакующая кобра, выбросил из пасти струю оранжево-ало-черного пламени и спалил мясо на лету. Когда он ухватил кусок своими острыми черными зубами, Рейегаль сунулся к нему головой, как бы намереваясь отнять у брата добычу, но Дрогон, мигом проглотив мясо, издал пронзительный вопль, и более мелкий зеленый дракон только зашипел с досады.

— Рейегаль, перестань, — раздраженно сказала Дени, хлопнув его по голове. — Я тебе только что скормила кусок, не будь жадиной. Видишь, — улыбнулась она Джораху, — мне больше не надо поджаривать им мясо на жаровне.

— Да, вижу. *Дракарис?*

При этом слове все драконы повернули головы к нему, и Визерион изрыгнул бледно-золотое пламя, заставив рыцаря попятиться. Дени хихикнула.

— Поосторожнее с этим словом, сир, не то они спалят тебе бороду. По-валирийски это значит «драконий огонь». Я нарочно выбрала такую команду, чтобы никто не мог произнести ее случайно.

Мормонт кивнул и спросил:

— Ваша милость, могу ли я поговорить с вами наедине?

— Конечно. Ирри, оставь нас ненадолго. — Дени потрясла за голое плечо спящую Чхику. — Ты тоже выйди, милая. Сиру Джораху надо поговорить со мной.

— Иду, кхалиси. — Чхику скатилась с койки нагишом, зевая во весь рот, со спутанной черной гривой, быстро оделась и вышла за Ирри.

Когда дверь закрылась, Дени отдала драконам всю миску с солониной, предоставив им драться над ней, и хлопнула по койке рядом с собой.

— Садись, добрый сир, и расскажи, что тебя тревожит.

— Меня тревожат три вещи, — сказал сир Джорах, присаживаясь. — Силач Бельвас, Арстан Белобородый и Иллирио Мопатис, пославший их.

«Опять?» Дени подтянула одеяло повыше и перекинула один конец через плечо.

— Почему?

— Колдуны Кварта сказали, что вам предстоит пережить три измены, — напомнил ей рыцарь-изгнанник.

Визерион и Рейегаль кусали и царапали друг друга.

— Одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви. — Дени хорошо это помнила. — Первая, из-за крови — это Мирри Маз Дуур.

— Значит, две еще впереди — и вот появляются эти двое. Это тревожит меня, не скрою. Не забудьте, Роберт обещал сделать лордом того, кто вас убьет.

Дени наклонилась вперед и дернула Визериона за хвост, чтобы оттащить от зеленого брата. Одеяло сползло, обнажив грудь, и она поспешно поправила его.

— Узурпатор мертв.

— Но вместо него правит его сын. — Темные глаза сира Джораха встретились с ее взглядом. — Хороший сын платит долги своего отца — даже кровные.

— Допустим, юный Джоффри тоже захочет моей смерти — если вспомнит, что я еще жива. Но при чем тут Арстан и Бельвас? У старика даже меча нет, сам знаешь.

— Да, но я видел также, как ловко он орудует этим своим посохом. Помните, как он убил того мантикора в Кварте? С тем же успехом он мог раздавить вам горло.

— Однако не раздавил. Я должна была погибнуть от жала мантикора, но Арстан спас меня.

— Кхалиси, а не приходило ли вам в голову, что они оба могли сговориться с убийцей, чтобы завоевать ваше доверие?

Дрогон, услышав ее внезапный смех, зашипел, а Визерион взлетел на свой насест над круглым окном каюты.

— В таком случае их заговор удался.

Рыцарь не улыбнулся в ответ на ее веселье.

— Это корабли Иллирио, капитаны Иллирио, матросы Иллирио… и Бельвас с Арстаном тоже его люди, а не ваши.

— Магистр Иллирио всегда защищал меня. Бельвас говорит, что он плакал, узнав о смерти моего брата.

— Да, только что он при этом оплакивал — Визериса или планы, которые строил на его счет?

— Ему нет нужды менять свои планы. Магистр Иллирио — друг дома Таргариенов, и он богат…

— Он не родился богачом, а в этом мире, как я узнал на своем веку, добрыми делами богатства не наживешь. Колдуны сказали, что вторая измена будет из-за золота, а что Иллирио Мопатис любит больше, чем золото?

— Свою шкуру. — Дрогон беспокойно закопошился и дохнул паром. — Мирри Маз Дуур предала меня, и я сожгла ее за это.

— Мирри Маз Дуур была в вашей власти, а в Пентосе вы окажетесь во власти Иллирио. Я хорошо знаю магистра — он человек скользкий и умный…

— Я нуждаюсь в умных людях, если хочу завоевать Железный Трон.

— Виноторговец, который пытался вас отравить, тоже был умен, — заметил сир Джорах. — Умные люди вынашивают честолюбивые планы.

Дени подняла колени под одеялом.

— Ты будешь защищать меня. Ты и мои кровные всадники.

— Четверо человек? Кхалиси, вы полагаете, что хорошо знаете Иллирио Мопатиса, но при этом упорно окружаете себя людьми, которых вы не знаете, вроде этого надутого евнуха и самого

старого на свете оруженосца. Вспомните уроки Пиата Прея и Ксаро Ксоана Даксоса.

«Он желает мне добра, — сказала себе Дени. — Все, что он делает, он делает из любви».

— Мне кажется, что королева, которая никому не доверяет, столь же глупа, как королева, доверяющая всем и каждому. Каждый новый человек, которого я беру к себе на службу, — это риск, я знаю, но как я могу завоевать Семь Королевств без риска? Разве возможно сделать это с помощью одного рыцаря-изгнанника и трех дотракийцев?

Он упрямо стиснул челюсти.

— Ваш путь опасен, отрицать не стану. Но если вы будете слепо доверяться каждому лжецу и интригану, который вам попадается на этом пути, вас постигнет участь вашего брата.

Его настойчивость рассердила Дени. «Обращается со мной, как с ребенком».

— У Бельваса хитрости недостанет, даже чтобы добыть себе завтрак. И в чем, собственно, солгал мне Арстан Белобородый?

— Он не тот, за кого себя выдает. И говорит с вами более смело, чем пристало оруженосцу.

— Он говорил откровенно по моему же приказу. Он знал моего брата…

— Вашего брата знали очень многие. Ваша

милость, в Вестеросе лорд-командующий Королевской Гвардией заседает в малом совете и служит своему королю не только мечом, но и умом. Если я первый рыцарь вашей гвардии, умоляю вас, выслушайте меня. Я хочу представить вам свой план.

— Что за план? Говори.

— Иллирио Мопатис хочет, чтобы вы вернулись в Пентос, под его кров. Очень хорошо, возвращайтесь… но лишь когда сами захотите, и не одна. Проверим, насколько преданны и послушны ваши новые подданные. Прикажите Гролео изменить курс и идти в Залив Работорговцев.

Дени все это совсем не понравилось. То, что она слышала о невольничьих рынках в больших работорговческих городах Юнкае, Миэрине и Астапоре, вызывало у нее страх.

— Что мне там делать?

— Покупать себе армию. Если Силач Бельвас вам так по душе, в бойцовых ямах Миэрина вы сможете купить сотни таких, как он… но я на вашем месте направил бы свои паруса к Астапору. В Астапоре можно купить Безупречных.

— Рабов в остроконечных бронзовых шлемах? — Дени видела стражников из числа Безупречных в Вольных городах — они стояли у

дверей магистров, архонтов и династов. — Зачем они мне? Они даже верхом не ездят и почти все толстые.

— Безупречные, которых вы видели в Пентосе и Мире, — это домашняя стража. Такая служба изнеживает, а евнухи изначально склонны к полноте. Из всех пороков им остался только один — чревоугодие. Судить о Безупречных по нескольким старым домашним рабам — все равно что судить обо всех оруженосцах по Арстану Белобородому, ваша милость. Известна ли вам история о трех тысячах Квохора?

— Нет. — Дени поправила сползшее с плеча одеяло.

— Это произошло около четырехсот лет назад, когда дотракийцы впервые нагрянули с востока, грабя и сжигая все города на своем пути, большие и малые. Вел их кхал по имени Теммо, и его кхаласар, не столь большой, как у Дрого, был все же довольно велик — тысяч пятьдесят, не меньше. И у половины воинов в косах звенели колокольчики.

Квохорцы, зная об их приближении, укрепили свои стены, удвоили городскую стражу и приняли на службу два отряда наемников: Яркознаменных и Младших Сынов. А затем, так, на всякий

случай, послали человека в Астапор купить три тысячи Безупречных. Но переход от одного города до другого долог, и воины еще на подступах к Квохору увидели вдали клубы дыма и пыли и услышали шум битвы.

Когда они подошли к городу, солнце уже закатилось, и в поле за городскими стенами воронье и волки пожирали то, что осталось от квохорской тяжелой кавалерии. Яркознаменные и Младшие Сыны ударились в бегство, как поступают все наемники в безнадежных случаях. Дотракийцы с наступлением ночи отошли в свой лагерь, где предавались пирам и пляскам, но никто не сомневался, что наутро они вернутся, проломят городские ворота, возьмут стены и начнут грабить, насиловать и угонять в рабство.

Но когда рассвело и Теммо со своими кровными всадниками вывел кхаласар из лагеря, они увидели перед воротами три тысячи Безупречных под знаменем Черного Козла. Столь малое войско можно было спокойно обойти с флангов, однако вы знаете дотракийцев. Воины у ворот были пешие, а пеших коннице полагается растоптать.

Дотракийцы бросились в атаку, а Безупречные сомкнули щиты, опустили копья и устояли перед двадцатью тысячами вопящих наездников с ко-

локольцами в волосах.

Восемнадцать раз дотракийцы ходили в атаку и всякий раз разбивались об эти щиты и копья, словно волны о скалистый берег. Трижды Теммо высылал вперед своих лучников, и стрелы сыпались на Безупречных градом, но те лишь поднимали щиты над головой, пока стрелы не проносились мимо. В конце концов у них осталось только шестьсот человек… но дотракийцев полегло более двенадцати тысяч, в том числе кхал Теммо, его кровные всадники, его ко и все его сыновья. Утром четвертого дня новый кхал провел уцелевших перед городскими воротами торжественным маршем, и каждый воин срезал свою косу и бросал ее к ногам Безупречных.

С тех пор городская стража Квохора набирается только из этих солдат, и у каждого на копье висит коса из человеческих волос.

Вот что вы можете приобрести в Астапоре, ваша милость. Бросьте якорь там и продолжайте путь в Пентос по суше. Это займет у вас несколько больше времени, верно… но когда вы преломите хлеб с магистром Иллирио, за вами будет тысяча мечей, а не четыре.

«В этом есть правда, — подумала Дени, — но…»

— На что я куплю тысячу рабов? Единственная

моя ценность — это корона, подаренная мне Турмалиновым Братством.

— Драконы будут в Астапоре не меньшим чудом, чем в Кварте. Тамошние работорговцы, возможно, осыплют вас дарами, как квартийцы. Если же этого не случится… то три этих корабля везут не только ваших дотракийцев и их коней. В Кварте они загрузили множество товаров. Я сам видел в трюмах шелк и тигровые шкуры, янтарь и нефрит, шафран, мирру… рабы дешевы, ваша милость, а тигровые шкуры дороги.

— Шкуры принадлежат Иллирио, — возразила она.

— Иллирио — друг дома Таргариенов.

— Тем больше причин не присваивать его имущество.

— На что нужны богатые друзья, если они не предоставляют свои богатства в ваше распоряжение, моя королева? Если магистр Иллирио вам откажет, значит он такой же, как Ксаро Ксоан Даксос, только с четырьмя подбородками. Если же он искренне предан вашему делу, то не станет сердиться на вас из-за каких-то трех кораблей. Если его тигровые шкуры помогут заложить основу вашего войска, их нельзя употребить с большей пользой.

«Да, это верно». Дени чувствовала, как растет ее волнение.

— Столь долгий переход по суше может быть опасен…

— В море тоже немало опасностей. Пираты постоянно рыщут вокруг южного торгового пути, а в Дымном море к северу от Валирии водятся демоны. Следующий шторм может потопить нас или разметать, кракен может утащить нас на дно… или мы снова окажемся в полосе штиля и умрем от жажды, дожидаясь ветра. На суше, конечно, свои опасности, моя королева, но их не больше, чем в море.

— А что, если капитан Гролео откажется изменить курс? И как поведут себя Арстан и Бельвас?

— Мне думается, теперь самое время это выяснить. — Сир Джорах встал.

— Да. Так я и сделаю! — Дени отбросила одеяло и спрыгнула с койки. — Сейчас же позову капитана и прикажу ему идти в Астапор. — Она откинула крышку сундука и схватила первое, что попалось под руку — шаровары из песчаного шелка. — Подай мне мой пояс с медальонами, — бросила она Джораху, натягивая их. — И мою безрукавку… — Она обернулась к нему и почувствовала на талии его руки.

— О-о, — только и успела вымолвить Дени, прежде чем он притянул ее к себе и его губы прижались к ее губам. От него пахло потом, солью и кожей, и железные заклепки на его кафтане вдавились в ее обнаженную грудь, так крепко он прижал ее к себе. Одной рукой он держал ее за плечо, другая скользнула вниз по ее спине, и ее рот раскрылся под напором его языка, хотя она совсем не хотела его открывать. «Борода у него колючая, — подумалось ей, — но поцелуй его сладок». Дотракийцы не носят бород, у них только усы, а она до сих пор целовалась только с кхалом Дрого. Он не должен был делать этого. Я не его женщина, я его королева.

Дени не знала, сколько длился этот поцелуй, но наконец и он закончился. Сир Джорах отпустил ее, и она отпрянула назад.

— Ты… ты не должен был…

— Я не должен был ждать так долго. Мне надо было поцеловать вас еще в Кварте, в Ваэс Толорро, в красной пустыне. Я должен был целовать вас ежедневно и еженощно. Вы созданы для поцелуев, частых и глубоких.

Он смотрел на ее груди, и Дени прикрыла их руками, боясь, что соски ее выдадут.

— Я… это неподобающе. Я твоя королева.

— Да, моя королева, и самая желанная, и храбрая, и прекрасная женщина, которую я знал. Дейенерис…

— *Ваша милость!*

— Ваша милость, — уступил он, — помните, что *у дракона три головы.* Вы пытались разгадать эти слова с тех самых пор, как услышали их в Доме Праха. Так вот: на Балерионе, Мираксесе и Вхагаре ездили верхом Эйегон, Рейенис и Висенья. Трехглавый дракон дома Таргариенов — это три дракона и *трое всадников.*

— Да, но мои братья мертвы.

— Рейенис и Висенья были не только сестрами Эйегона, но и женами. У вас нет братьев, но вы можете взять себе двух мужей. И скажу по чести, Дейенерис: нет на свете мужчины, который был бы хоть наполовину предан вам так, как я.

Бран

Гряда резко вырастала из земли — длинная каменная складка, похожая на коготь. Внизу на ее склонах росли сосны, боярышник и ясень, но выше шел голый камень, и гряда четко вырисовывалась на пасмурном небе.

Он почувствовал, что эти камни зовут его, и помчался вверх, все быстрее и выше, пожирая подъем своими сильными лапами. Птицы вспархивали с ветвей у него над головой и с шумом взлетали в небо. Он слышал вздохи ветра в листве, стрекот белок, даже звук падения сосновой шишки, и запахи вокруг сливались в песнь доброго зеленого мира.

Раскидывая лапами гравий, он преодолел последние несколько шагов и встал на вершине.

Солнце, огромное и красное, висело над высокими соснами, а под ним, сколько видел глаз и чуял нос, тянулись леса и холмы. Высоко вверху кружил ястреб, темный на розовом небе.

«Принц». Человечье слово возникло у него в голове неожиданно, но он знал, что оно правильное. «Принц зелени, принц Волчьего леса». Он силен, проворен, свиреп, и все, что обитает в этом добром зеленом мире, боится его.

Далеко внизу, под деревьями, что-то двигалось. Серое пятно мелькнуло и пропало снова, но он успел насторожить уши. Там, вдоль быстрого зеленого ручья, снова что-то проскочило. «Волки», — понял он. Его мелкие родичи гонят какую-то дичь. Теперь принц рассмотрел их получше — тени на быстрых серых лапах. — Стая».

У него тоже раньше была своя стая. Их пятеро и шестой, который держался в стороне. Где-то внутри у него звучали имена, которыми называли их люди, чтобы отличить одного от другого, но он их различал не по звукам, а по запаху. Все его братья и сестры пахли похоже, стаей, но и по-своему тоже.

Сердитый брат с горящими зелеными глазами и теперь где-то близко — принц знал это, хотя давно уже не видел его. Но с каждым заходом

солнца он все больше отдаляется, и он последний. Всех остальных разметало, как листья на ветру.

Иногда он чувствовал, будто они по-прежнему с ним, только прячутся за валунами и стволами деревьев. Он не чуял их, не слышал по ночам их воя, но чувствовал их присутствие у себя за спиной… всех, кроме сестры, которую они потеряли. Его хвост опускался, когда он вспоминал о ней. «Теперь нас только четверо. Четверо и еще один, белый, не имеющий голоса».

Эти леса принадлежали им: заснеженные склоны и каменные холмы, большие зеленые сосны и покрытые позолотой дубы, быстрые ручьи и обрамленные инеем голубые озера. Но сестра покинула лес и ушла в человечьи жилища, где правят другие охотники и откуда нелегко выбраться обратно. Принц помнил, как это трудно.

Ветер внезапно переменился.

«Олень, и страх, и кровь». Запах добычи пробудил в нем голод. Он принюхался и побежал по верху гряды, слегка разжав челюсти. Обратный склон был круче того, по которому он поднимался, но он уверенно перескакивал через камни, и корни, и гнилые листья. Запах манил его, заставляя бежать вниз еще быстрее.

Когда он добежал, олень уже испускал дух,

окруженный восемью его мелкими серыми родичами. Вожаки уже начали есть — сначала волк, за ним его волчица; они поочередно отрывали куски от красного подбрюшья оленя. Остальные терпеливо ждали, все, кроме хвостового, который описывал круги чуть поодаль от других, поджав собственный хвост. Он будет есть последним, довольствуясь тем, что оставит ему стая.

Принц находился с подветренной стороны, и они его не почуяли, пока он не перескочил через поваленное дерево в шести прыжках от них. Хвостовой, заметив его первым, жалобно заскулил и шмыгнул прочь. Другие волки, обернувшись на этот звук, оскалили зубы и зарычали — все, кроме пары вожаков.

Лютоволк ответил низким предупреждающим рыком и тоже показал зубы. Он был крупнее своих родичей — вдвое больше тощего хвостового и в полтора — вожаков. Он прыгнул прямо в середину стаи, и трое волков, попятившись, скрылись в подлеске. Еще один бросился на него, лязгая зубами. Принц, открыто встретив атаку, сомкнул челюсти на ноге волка и отшвырнул его прочь, визжащего и охромевшего.

Между ним и добычей остался только вожак, большой серый волк с окровавленной после

кормежки мордой. На морде была заметна еще и седина, говорившая о том, что волк уже стар. Из полуоткрытой пасти стекала красная слюна.

«Он совсем не боится, — подумал принц, — как и я. Это будет хороший бой». Они устремились навстречу друг другу.

Они бились долго, перекатываясь через корни, камни и оленьи потроха, терзая один другого зубами и когтями. Расцеплялись, описывали круг и снова кидались в драку. Принц был крупнее и намного сильнее, но у его родича имелась стая. Волчица кружила рядом с ними, нюхая воздух и рыча, и становилась против принца всякий раз, когда ее волк отскакивал прочь окровавленный. Другие волки тоже встревали, норовя куснуть принца за ногу или за ухо, когда он отворачивался. Один разозлил его так, что принц молниеносно повернулся и разорвал ему горло. После этого прочие стали держаться на расстоянии.

И когда последний красный отблеск заката померк в зеленой с золотом листве, старый волк устало лег на спину, горлом и брюхом кверху. Это значило, что он сдается.

Принц понюхал его и слизнул кровь с его шерсти. Старый волк заскулил, и лютоволк отвернулся. Он сильно проголодался, и добыча

ждала его.

— Ходор.

Услышав этот неожиданный звук, он остановился и зарычал. Волки смотрели на него зелеными и желтыми глазами, горящими последним светом дня. Никто из них не слышал того, что услышал он. Этот ветер дул только ему в уши. Он вцепился в брюхо оленя и оторвал кусок.

— Ходор, ходор.

«Нет, — подумал он. — Нет, не хочу». Эта мысль принадлежала уже мальчику, а не волку. Лес вокруг начал меркнуть — остались только тени деревьев и горящие глаза его родичей. Сквозь них и за ними он видел ухмыляющееся человечье лицо и каменный погреб с обросшими селитрой стенами. Густой теплый вкус крови на языке исчезал. «Нет, нет, не надо. Я хочу есть. Я хочу… Я…»

— Ходор, ходор, ходор, ходор, — распевал Ходор, легонько тряся его за плечи и раскачиваясь взад-вперед. Ходор всегда старается быть осторожным, но в нем семь футов росту, и он сам не сознает своей силы — вот и теперь от его тряски зубы Брана выбивали дробь.

– *Нет!* — крикнул он сердито. — Перестань, Ходор. Я здесь, я уже здесь.

Ходор с ошарашенным видом остановился.

— Ходор?

Лес и волки пропали. Бран снова вернулся в сырой подвал старой сторожевой башни, заброшенной, наверно, пару тысяч лет назад. От самой башни почти ничего не осталось, и даже упавшие с нее камни так обросли мхом и плющом, что их и за несколько шагов не было видно. Бран прозвал ее «Башней-Развалюхой», но дорогу в подвал нашла Мира.

— Тебя не было слишком долго. — Жойену Риду тринадцать, он всего на четыре года старше Брана и ненамного выше, всего на каких-то два или три дюйма, но говорит он важно и степенно, как человек намного старше и умнее его. В Винтерфелле старая Нэн прозвала его «маленьким дедушкой».

— Я хотел поесть, — хмуро ответил Бран.

— Мира скоро вернется и принесет нам ужин.

— От лягушек меня уже тошнит. — Мира — болотная жительница с Перешейка, и ее, конечно, нельзя винить за то, что она все время ловит лягушек, но все-таки… — Я хотел поесть оленины. — Он вспомнил на миг вкус крови и славного сырого мяса, и его рот наполнился слюной. «Я дрался за это мясо. И победил».

— Ты пометил деревья?

Бран вспыхнул. Жойен всегда просит его делать разные вещи, когда он открывает свой третий глаз и оказывается в шкуре Лета. Содрать когтями кору с дерева, поймать кролика и принести его в зубах нетронутым, выложить камешки в ряд. Глупости всякие.

— Забыл, — сказал Бран.

— Ты всегда забываешь.

Это правда. Он хочет сделать то, о чем просит Жойен, но как только он становится волком, все это утрачивает всякий смысл. Столько надо увидеть, столько обнюхать — весь зеленый мир, созданный для охоты, лежит перед ним. А еще он может бегать! Ничего нет лучше бега — разве что погоня за дичью.

— Я был принцем, Жойен. Лесным принцем.

— Ты и так принц, — напомнил ему Жойен. — Ты ведь помнишь об этом, не так ли? Скажи мне, кто ты.

— Сам знаешь. — Жойен его друг и учитель, но иногда Брану хочется его стукнуть.

— Я хочу, чтобы ты сказал эти слова. Скажи, кто ты.

— Бран, — угрюмо пробубнил он. «Бран Сломанный». — Брандон Старк. — «Маленький

калека». — Принц Винтерфелла. — Но Винтерфелл сожжен и разрушен, его жители угнаны или убиты. В оранжереях не осталось стекол, и горячая вода струится по зияющим трещинами стенам, испаряясь на солнце. «Можно ли быть принцем замка, которого ты, вероятно, никогда больше не увидишь?»

— А кто такой Лето? — не унимался Жойен.

— Мой лютоволк. — Бран улыбнулся. — Принц леса.

— Мальчик Бран и волк Лето. Выходит, вас

двое?

— Двое, — вздохнул Бран, — но мы одно. — Он ненавидел Жойена, когда тот приставал к нему с этими глупостями. «В Винтерфелле он хотел, чтобы я видел волчьи сны, а теперь, когда я научился, все время отзывает меня назад».

— Помни, об этом, Бран. Помни, кто ты на самом деле, иначе волк поглотит тебя. Когда вы соединяетесь, недостаточно просто бегать, охотиться и выть в шкуре Лета.

«Мне достаточно, — сказал про себя Бран. Шкура Лета нравилась ему больше, чем собственная. — Что толку быть оборотнем, если нельзя носить шкуру, которая тебе нравится?»

— Запомни это, хорошо? И в следующий раз пометь дерево. Любое дерево, все равно какое — главное, сделай это.

— Ладно, запомню. Если хочешь, я сделаю это прямо сейчас. На этот раз я точно не забуду. — «Но сначала съем своего оленя и еще немного подерусь с этими мелкими волками».

— Нет уж, останься и поешь сам, как человек. Варг не может прожить тем, что ест его зверь.

«Ты-то откуда знаешь? — возмущенно подумал Бран. — Ты варгом никогда не был».

Ходор внезапно вскочил, стукнувшись головой

о низкий потолок, и с воплем «ХОДОР» ринулся к двери. Дверь открылась перед самым его носом, и в их убежище вошла Мира.

— Ходор, ходор, — с ухмылкой бубнил здоровенный конюх.

Мире Рид уже шестнадцать, она взрослая женщина, но ростом не выше своего брата. Бран как-то спросил ее, почему она так и не выросла, а она сказала, что болотные жители все маленькие. С каштановыми волосами, зеленоглазая и плоская, как мальчишка, она двигалась с гибкой грацией, которой Бран мог только завидовать. У нее есть длинный острый кинжал, но излюбленное ее оружие — это тонкая лягушачья острога с тремя зубцами и веревочная сеть.

— Ну, кто тут голодный? — воскликнула она, показывая им свой улов: две мелкие серебристые форели и шесть толстых зеленых лягушек.

— Я, — сказал Бран. «Только лягушек твоих не хочу». — В Винтерфелле, еще до того, как началось плохое, Уолдеры говорили, что у того, кто ест лягушек, зубы делаются зеленые и под мышками растет мох. — Живы ли они, Уолдеры? Он не видел их тел в Винтерфелле… но мертвых было очень много, а внутрь замка они не заходили.

— Придется тогда тебя покормить. Поможешь

мне почистить улов, Бран?

Он кивнул. На Миру трудно дуться. Она куда веселее, чем ее брат, и всегда знает, как заставить Брана улыбнуться. Ее нельзя испугать и рассердить тоже нельзя. «Ну, разве что Жойену это иногда удается…» Жойен Рид кого хочешь может напугать. Он весь одет в зеленое, и глаза у него, как мох, и он видит зеленые сны. Что Жойену приснится, всегда сбывается. «Правда, ему как-то приснилось, что я умер, а я жив». Но и мертв тоже, на свой лад.

Жойен послал Ходора за дровами и развел маленький костер, пока Бран и Мира чистили рыбу и лягушек. Котелком им служил Мирин шлем. Они резали улов на маленькие кусочки, заливали водой и добавляли собранный Ходором дикий лук. Получалась лягушачья похлебка. Не так вкусно, как оленина, но тоже ничего, решил Бран за едой.

— Спасибо, миледи Мира, — сказал он.

— Рада служить вам, ваше высочество.

— Хорошо бы завтра двинуться дальше, — сказал Жойен.

Бран заметил, как напряглась Мира.

— Ты видел зеленый сон?

— Нет, — честно признался Жойен.

— К чему нам тогда уходить? Развалюха — хорошее место. Селений поблизости нет, в лесу полно дичи, в ручьях и озерах много рыбы и лягушек — и здесь нас никто не найдет.

— Не здесь мы должны быть.

— Зато здесь безопасно.

— Да, пожалуй, но надолго ли? В Винтерфелле произошло сражение — мы видели убитых. А сражение — это война. Если сюда вдруг нагрянет какая-то армия…

— Это может быть армия Робба, — сказал Бран. — Робб скоро вернется с юга, я знаю. Вернется со всеми своими знаменами и прогонит островитян прочь.

— Ваш мейстер перед смертью ничего не сказал о Роббе, — напомнил ему Жойен. — Он сказал, что на Каменном Берегу островитяне, а на востоке — Болтонский Бастард. Ров Кайлин и Темнолесье пали, наследник Сервина убит, кастелян Торрхенова Удела — тоже. Война повсюду, сказал он, и сосед воюет с соседом.

— Все это мы уже много раз пережевывали, — сказала Мира. — Ты хочешь идти к Стене и своей трехглазой вороне. Это понятно, но до Стены далеко, а у Брана, если не считать Ходора, ног нет. Будь у нас лошади…

— Будь мы орлами, мы могли бы летать, — огрызнулся Жойен, — но крыльев у нас нет и лошадей тоже.

— Лошадей можно достать, — возразила Мира. — Даже в самой глуши Волчьего леса живут лесники, издольщики, охотники, и у кого-нибудь непременно найдутся лошади.

— Хорошо, а дальше? Прикажешь их красть? Недоставало еще, чтобы за нами начали охоту.

— Лошадей можно купить или обменять на что-то.

— Посмотри на нас, Мира. Мальчик-калека с лютоволком, дурачок огромного роста и двое болотных жителей в тысяче лиг от Перешейка. Нас тут же узнают, и пойдут слухи. Пока Бран остается мертвым, ему ничего не грозит. Живой он становится добычей для всякого, кто захочет умертвить его окончательно. — Жойен поворошил палкой в костре. — Там, где-то на севере, нас ждет трехглазая ворона. Бран нуждается в учителе более мудром, чем я.

— Но как мы туда доберемся, Жойен? — спросила его сестра. — *Как?*

— Пешком. Шаг за шагом.

— Мы целую вечность путешествовали из Сероводья в Винтерфелл, притом верхом. А ты хочешь,

чтобы мы проделали еще более длинную дорогу пешком, не зная даже, где она кончается. Ты говоришь «за Стеной». Я там никогда не бывала, как и ты, но знаю, что край за Стеной очень велик. И сколько там этих трехглазых ворон — много или только одна? Как мы найдем ее?

— Быть может, она сама найдет нас.

Мира еще не успела подыскать ответа, когда они услышали звук, похожий на далекий волчий вой.

— Лето? — спросил Жойен, прислушиваясь.

— Нет. — Бран знал своего волка по голосу.

— Ты уверен? — настаивал «маленький дедушка».

— Уверен. — Лето нынче ушел далеко и до рассвета не вернется. «Хоть Жойен и видит зеленые сны, но волка от лютоволка отличить не может». Почему они, собственно, так слушаются Жойена? Он не принц, как Бран, не большой и не сильный, как Ходор, не такой хороший охотник, как Мира, но почему-то именно Жойен всегда говорит, что делать дальше. — Нам надо украсть лошадей, как хочет Мира, — сказал Бран, — и ехать к Амберам в Последний Очаг. Или лодку украсть и доплыть по Белому Ножу до Белой Гавани. Там правит толстый лорд Мандерли, и он обходился со мной

очень приветливо на празднике урожая. Он хотел строить корабли. Может, он уже построил несколько штук — тогда мы поплыли бы в Ривердран и привезли Робба домой со всем его войском. И уже все равно будет, если все узнают, что я жив. Робб нас никому не даст в обиду.

— Ходор! — промолвил конюх. — Ходор, ходор.

Но, видимо, замысел Брана пришелся по вкусу только ему. Мира в ответ только улыбнулась, а Жойен нахмурился. Они никогда не делают того, что хочет он, хотя он Старк и принц к тому же, а Риды с Перешейка — знаменосцы Старков.

— Хоооодор, — завел Ходор, раскачиваясь, — хоооооодор, хоооооодор, хоДОР, хоДОР, хоДОР. — Иногда на него находит, и он может на разные лады повторять свое имя без конца, а иногда сидит тихо, точно его здесь и нет. С Ходором ничего нельзя знать заранее. — *ХОДОР, ХОДОР, ХОДОР!*

«Так просто он не уймется», — понял Бран.

— Ходор, — сказал он, — ты бы вышел и поупражнялся со своим мечом.

Конюх, наверно, совсем забыл про меч, но теперь вспомнил и, буркнув «Ходор», пошел за ним. Они взяли три меча в крипте Винтерфелла, где Бран и его брат Рикон скрывались от людей Теона Грейджоя. Бран выбрал меч своего дяди

Брандона, Мира взяла свой с коленей его деда лорда Рикарда. Меч Ходора гораздо старше, он просто огромен и за несколько веков затупился и покрылся ржавчиной. Ходор может махать им часами. У башни есть гнилое дерево, которое он уже наполовину порубил в щепки.

Они даже сквозь стены продолжали слышать, как он ревет «ХОДОР!» и рубит свое дерево. К счастью, Волчий лес велик, и вряд ли кто-нибудь другой его услышит.

— Жойен, почему ты заговорил об учителе? — спросил Бран. — Мой учитель — ты. Я, правда, так и не пометил дерево, но в другой раз обязательно помечу. Мой третий глаз открылся, как ты хотел…

— Так широко открылся, что ты, я боюсь, можешь провалиться в него и всю оставшуюся жизнь блуждать волком по лесу.

— Этого не случится, я обещаю.

— Мальчик обещает, но запомнит ли волк его обещание? Ты бегаешь с Летом, охотишься с ним, убиваешь с ним… и подчиняешься его воле больше, чем он твоей.

— Я просто забываю, вот и все. Мне ведь только девять. Я стану лучше, когда вырасту. Даже Флориан-Дурак и принц Эйемон, Рыцарь-Дракон, в

девять лет еще не были великими рыцарями.

— Это правда и было бы даже умно, будь дни по-прежнему длинными, но они становятся все короче. Ты летнее дитя, я знаю. Назови мне девиз дома Старков.

– *«Зима близко»*. — От одних этих слов на Брана повеяло холодом.

Жойен важно кивнул.

— Мне приснился крылатый волк, прикованный к земле каменными цепями, и я приехал в Винтерфелл, чтобы освободить его. Теперь цепи спали с тебя, но ты все еще не летаешь.

— Ну так научи меня. — Бран по-прежнему боялся трехглазой вороны, которая посещала порой его сны, и долбила его клювом между глаз, и приказывала ему лететь. — Ты ведь древовидец.

— Нет — просто мальчик, который видит сны. Древовидцы умели не только это. Они, как и ты, были варгами, и самые сильные из них могли влезать в шкуру любого зверя, что летает, плавает или ползает; могли смотреть глазами чардрев и видеть истину за пределами этого мира. У богов даров много, Бран. Сестра моя — охотница. Ей дано быстро бегать и стоять так тихо, что ее совсем не слышно. У нее острый глаз, острый слух, она искусно владеет острогой и сетью. Она умеет

дышать сквозь речной ил и прыгать с дерева на дерево. Я ничего этого не умею, и ты тоже. Мне боги дали зеленые сны, а тебе… ты можешь намного превзойти меня, Бран. Ты крылатый волк, и никто не знает, как далеко и как высоко ты способен летать… если тебя кто-нибудь этому научит. Как я могу помочь тебе овладеть даром, который мне непонятен? У нас на Перешейке помнят Первых Людей и Детей Леса, которые были их друзьями… но многое забыто напрочь, и многого мы не узнаем никогда.

— Если мы останемся здесь и никого не потревожим, — сказала Мира, взяв Брана за руку, — ты будешь в безопасности до конца войны, но научиться сможешь только тому, чему способен научить тебя брат — а ты слышал, что он сказал. Если мы уйдем отсюда, чтобы поискать пристанища в Последнем Очаге или за Стеной, нас могут схватить. Ты только мальчик, я знаю, но еще и наш принц, сын нашего лорда и наследник нашего короля. Мы поклялись тебе в верности землей и водой, бронзой и железом, льдом и огнем. Дар твой, Бран, и риск тоже твой. Поэтому выбор, мне думается, тоже должен быть за тобой. Мы твои слуги — приказывай. По крайней мере в этом случае, — усмехнулась она.

— И вы сделаете, как я скажу? Правда?

— Правда, мой принц, так что подумай как следует.

Бран попытался рассуждать так, как, возможно, рассуждал бы отец. Дядья Большого Джона Амбера, Хозер Смерть Шлюхам и Морс Воронье Мясо, — люди буйные, но вроде бы преданные. И Карстарки тоже. Кархолд — сильный замок, отец всегда так говорил. «У Амберов или Карстарков мы будем в безопасности…»

Они могут также отправиться на юг, к лорду Мандерли. В Винтерфелле тот много смеялся и никогда не смотрел на Брана жалостливо, как другие лорды. Замок Сервин ближе, чем Белая Гавань, но мейстер Ловин сказал, что Клей Сервин убит. «Быть может, Амберы, Карстарки и Мандерли тоже мертвы».

Можно еще остаться здесь, в Развалюхе, — тогда их никто не найдет, и он останется жив. «И останусь калекой».

Бран поймал себя на том, что плачет. *«Глупый сопляк»*, — сказал себе он. Куда бы он ни отправился, в Кархолд, Белую Гавань или Сероводье, он все равно будет калекой. Он сжал кулаки и сказал:

— Я хочу летать. Прошу, отведите меня к во-

роне.

Давос

Когда он поднялся на палубу, позади таял длинный мыс Дрифтмарка, а впереди вставал из моря Драконий Камень. Бледно-серая струйка дыма поднималась в небо с вершины его горы. «Драконова гора нынче утром неспокойна, — подумал Давос, — если это не костер, на котором Мелисандра сжигает кого-то еще».

Мелисандра не покидала его мыслей, пока «Плясунья Шайяла» шла через Черноводный залив и Глотку, лавируя против встречного ветра. Огонь, горящий на сторожевой башне Острого мыса на конце Крюка Масси, напомнил ему рубин у нее на шее, а красные облака на утренней и вечерней заре вызывали в памяти шелк и атлас ее платьев.

Она ждет его на Драконьем Камне во всей своей красе и силе, со своим богом, своими тенями и его королем. Давос всегда думал, что красная жрица предана Станнису, но теперь переменил свое мнение. «Она сломала его, как ломает человек норовистого коня. Чтобы взнуздать его и скакать на нем к власти, она предала огню моих сыновей. Я вырежу живое сердце у нее из груди и посмотрю, как оно горит». Он коснулся рукояти длинного красивого лиснийского кинжала, который подарил ему капитан.

Капитан был очень добр к нему. Зовут его Хоран Сатмантес, и он лисниец, как и Салладор Саан, которому принадлежит этот корабль. У него светло-голубые глаза, часто встречающиеся в Лисе, костистое обветренное лицо, и он уже много лет занимается торговлей с Семью Королевствами. Узнав, что человек, подобранный им, — знаменитый Луковый Рыцарь, он уступил Давосу свою каюту, снабдил его своей одеждой и парой новых сапог, которые пришлись почти впору. Он настаивал, чтобы Давос и ел за его столом, но это ни к чему хорошему не привело. Желудок Давоса не мог переварить устриц, угрей и прочих изысканных блюд, любимых капитаном, и после их первой трапезы он провел остаток дня у борта,

свешиваясь за него то одним концом, то другим.

С каждым ударом весел Драконий Камень становился все больше. Давос уже видел очертания горы и большую черную цитадель у нее на склоне, с горгульями и драконьими башнями. Бронзовая фигура на носу «Плясуньи Шайялы» резала волны, взмахивая солеными пенными крыльями. Давос привалился к планширу, радуясь, что может на что-то опереться. Пережитые им испытания ослабили его. Если он слишком долго стоял, ноги начинали трястись, и на него часто нападали приступы кашля, после которых он выплевывал кровавые сгустки. «Это ничего, — говорил он себе. — Боги не для того провели меня через огонь и воду, чтобы после уморить кашлем».

Слушая, как стучит барабан гребного мастера, гудит парус и поскрипывают весла, он возвращался во времена своей молодости, когда те же звуки каким-нибудь туманным утром вселяли в его сердце страх. Они возвещали о приближении морской стражи старого сира Тристимуна, а морская стража несла смерть контрабандистам, когда на Железном Троне сидел Эйерис Таргариен.

«Но это было в другой жизни. До лукового корабля, до Штормового Предела, до того, как Станнис

укоротил мне пальцы. До войны и красной кометы, до того, как я стал Сивортом и рыцарем. Я был другим человеком в те дни, до того, как лорд Станнис возвысил меня».

Капитан Хоран рассказал ему о крушении надежд Станниса в ночь, когда горела река. Ланнистеры обошли его с фланга, а переменчивые знаменосцы в час наибольшей нужды стали покидать его сотнями. «Там видели тень короля Ренли, — сказал капитан, — он рубил направо и налево, возглавляя авангард львиного лорда. Говорят, его зеленые доспехи от дикого огня сияли призрачным светом, а оленьи рога на шлеме горели золотом».

«Тень Ренли». А вдруг и тени сыновей Давоса тоже вернутся в этот мир? Он слишком много повидал в море, чтобы утверждать, что призраков не существует.

— Неужели никто не остался верен ему? — спросил Давос.

— Лишь немногие — в основном это родственники королевы. Мы взяли на борт многих с лисой и цветами, но еще больше народу под всевозможными эмблемами осталось на берегу. Лорд Флорент теперь десница короля.

Гора, увенчанная бледным дымом, приближа-

лась. Парус пел, барабан бил, весла работали в лад, и вскоре перед ними открылось устье гавани. «Как пусто», — подумал Давос, помнивший, сколько кораблей теснилось прежде у каждого причала и покачивалось за волнорезом. Флагман Салладора Саана «Валирийка» стоял у набережной, где прежде помещалась «Ярость» и ее сестры. Корпуса соседних кораблей тоже пестрели лиснийскими полосками. Давос тщетно искал «Леди Марию» или «Духа».

Войдя в гавань, они спустили парус и подошли к причалу на веслах.

— Мой принц захочет повидать вас немедленно, — сказал капитан, пока матросы закрепляли концы.

На Давоса напал кашель. Он схватился за борт и сплюнул в море.

— Король, — просипел он. — Я должен видеть короля. — «Где король, там будет и Мелисандра».

— Король никого не принимает, — твердо ответил капитан. — Салладор Саан вам все расскажет. Сначала к нему.

Давос, слишком слабый, чтобы противоречить, ограничился кивком.

На борту «Валирийки» Салладора не оказалось. Они нашли его за четверть мили от нее, в трюме

пузатой пентошийской барки под названием «Богатый урожай», где он с двумя евнухами пересчитывал груз. Один евнух держал фонарь, другой восковую табличку и стилос.

— Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, — бубнил старый пират, когда Давос с капитаном вошли в трюм. Сегодня он был в винно-красном камзоле и высоких сапогах из выбеленной кожи с серебряным тиснением. Раскупорив один из сосудов, он понюхал, чихнул и сказал: — Грубый помол, второсортный — мой нос не проведешь. В накладной значатся сорок три сосуда — куда же, любопытно знать, подевались остальные? Эти пентошийцы думают, что я считать не умею? — Тут он увидел Давоса и осекся. — Что это так глаза щиплет — перец или слезы? Неужто передо мной Луковый Рыцарь? Нет, быть не может — все сходятся на том, что мой друг Давос погиб на горящей реке. Зачем же его призрак тревожит меня?

— Я не призрак, Салла.

— Да ну? Мой Луковый Рыцарь никогда не был таким тощим и бледным, как ты. — Тут Салладор Саан, пробравшись между грудами пряностей и рулонами тканей, стиснул Давоса в объятиях и расцеловал трижды, в щеки и в лоб. — Но ты еще

теплый, сир, и я слышу, как стучит твое сердце. Так это правда? Море проглотило тебя, но выплюнуло обратно.

Давосу вспомнился Пестряк, полоумный шут принцессы Ширен. Он тоже побывал в морской пучине и вышел оттуда безумным. «Может, и я лишился разума?» Кашлянув в перчатку, он сказал:

— Я проплыл под цепью, и меня выбросило на копье сардиньего короля. Там бы я и помер, если б не «Плясунья Шайяла».

Салладор обнял за плечи своего капитана.

— Молодец, Хоран. Мне сдается, ты получишь щедрую награду. Мейзо Мар, будь хорошим евнухом и проводи моего друга Давоса в хозяйскую каюту. Да принеси ему горячего вина с гвоздикой — не нравится мне этот кашель. Лимон тоже туда выжми. Подай еще белый сыр и миску тех зеленых оливок, которые мы только что считали. Я сейчас приду к тебе, Давос, только поговорю с нашим славным капитаном. Ты извинишь меня, я знаю. Смотри только не съешь все оливки, не то я рассержусь!

Давос вместе со старшим из двух евнухов проследовал в большую, богато обставленную каюту на корме. Ковры здесь были мягкими, окна цвет-

ными, а в каждом из глубоких кожаных кресел могли поместиться трое Давосов. Вскоре явились сыр, оливки и чаша горячего красного вина. Давос взял ее в руки и с благодарностью отпил глоток. По груди распространилось упоительное тепло.

Немного времени спустя появился и Салладор Саан.

— Извини за вино, дружище. Эти пентошийцы пили бы собственную мочу, будь она красная.

— Оно хорошо для груди. Моя матушка говаривала, что горячее вино помогает лучше всякого компресса.

— Компрессы тебе тоже понадобятся. Значит, ты все это время просидел на копье? Подумать только. Как ты находишь это превосходное кресло? Зад у него будь здоров, верно?

— У кого? — спросил Давос, попивая свое вино.

— У Иллирио Мопатиса. Кит с бакенбардами, право слово. Кресла делались по его мерке, хотя он нечасто вылезает из Пентоса. Толстяки любят сидеть с удобствами — впрочем, собственная подушка всегда при них.

— Как это ты оказался на пентошийском судне? Никак снова пиратом заделался, милорд? — Давос отставил пустую чашу.

— Низкая клевета. Кто претерпел от пиратов

больше Салладора Саана? Я беру лишь то, что принадлежит мне по праву. Мне много задолжали, очень много, но мыслю я трезво, поэтому вместо золота взял пергамент, совсем свеженький. На нем имя и печать лорда Алестера Флорента, десницы короля. Теперь я — лорд Черноводного залива, и ни одно судно не смеет бороздить мои благородные воды без моего благородного разрешения. А если эти разбойники пытаются проскочить ночью, чтобы не платить мне законной пошлины, то они ничем не лучше контрабандистов, и я имею полное право взять себе их суда. Но пальцев я никому не рублю, — со смехом заметил Салладор. — На что мне их пальцы? Я беру только корабли, груз и выкуп — в разумных пределах. — Он бросил на Давоса острый взгляд. — А ты, дружище, плох. Этот кашель, и кости под кожей выпирают. Зато твоего мешочка с костями я что-то не вижу.

Рука Давоса по привычке потянулась к отсутствующей ладанке.

— Я потерял их на реке. — «А с ними и удачу».

— Там творилось что-то ужасное, — посерьезнел Салладор. — Даже из залива страшно было смотреть.

Давос закашлялся, сплюнул и снова закаш-

лялся.

— Я видел, как горели «Черная Бета» и «Ярость», — хрипло выговорил он наконец. — Вышло ли хоть сколько-нибудь наших кораблей из огня? — Частью души он все еще надеялся.

— «Лорд Стеффон», «Дженна-оборванка», «Быстрый меч», «Веселый лорд» и еще несколько оказались выше пиромантовой мочи. Они не сгорели, но и уйти не смогли, поскольку цепь уже подняли. Некоторые сдались, но большинство двинулось на веслах вверх по Черноводной, подальше от боя, и там моряки затопили их, чтобы они не достались Ланнистерам. Я слышал, будто «Дженна-оборванка» и «Веселый лорд» все еще пиратствуют на реке, но кто знает, правда ли это.

— Что «Леди Мария»? И «Дух»?

Салладор Саан сжал плечо Давоса.

— Нет. Они не спаслись. Я сожалею, дружище. Твои Дейл и Аллард были хорошие ребята. Могу, однако, тебя утешить — твой юный Деван был среди тех, кого мы подобрали в конце битвы. Говорят, храбрый мальчонка не отходил от короля.

У Давоса даже голова закружилась от облегчения. Он боялся спрашивать о Деване.

— Хвала милосердной Матери. Я должен уви-

деть его, Салла.

— Конечно. И я думаю, ты захочешь сплавать на мыс Гнева, чтобы повидать жену и двух младших. Ты должен получить новый корабль.

— Его милость даст мне его.

— У его милости кораблей не осталось, зато у Салладора Саана их много. Королевские суда сгорели на реке, а мои нет. Ты получишь корабль, дружище, и будешь моим капитаном, так ведь? Будешь ходить между Браавосом, Миром и Волантисом темной ночью, невидимый, и воз-

вращаться ко мне с шелком и пряностями. Наши кошельки лопнут от золота.

— Ты очень добр, Салла, но я обязался служить моему королю, а не твоему кошельку. Война продолжается, и Станнис остается законным наследником престола по всем законам Семи Королевств.

— Что проку в законах, когда корабли сожжены. И своего короля, боюсь, ты найдешь сильно изменившимся. С самой битвы он никого не хочет видеть и не выходит из своего Каменного Барабана. Всеми делами занимается королева со своим дядей Алестером, который именует себя десницей. Королева вручила ему королевскую печать, которую он ставит на все бумаги — вот и на мой пергамент тоже. Только вот королевство, которым они правят, маленькое, бедное и скалистое. В нем нет золота — даже такой малости, чтобы уплатить долг верному Салладору Саану, из рыцарей остались лишь те, кого мы приняли на борт, а из кораблей — только мой маленький храбрый флот.

Давос скрючился в приступе кашля. Салладор хотел помочь ему, но он махнул рукой и вскоре оправился.

— То есть как это — никого не хочет видеть? —

просипел он. Собственный голос показался ему слабым и хриплым, и каюта на миг поплыла перед глазами.

— Никого, кроме нее. — Давосу не нужно было спрашивать, о ком Салладор говорит. — Дружище, ты себя изнуряешь. Тебе требуется постель, а не Салладор Саан. Постель, теплые одеяла, горячий компресс на грудь и побольше вина с гвоздикой.

— Ничего, — тряхнул головой Давос. — Рассказывай, Салла, я должен знать. Никого, кроме Мелисандры?

Лисниец с сомнением посмотрел на него и неохотно продолжил:

— Всех остальных стража отсылает прочь, даже королеву и маленькую принцессу. Слуги приносят еду, но к ней никто не прикасается. — Он подался вперед и понизил голос. — Я слышал странные разговоры о голодном огне в чреве горы и о том, как Станнис с красной женщиной спускаются туда вместе поглядеть на пламя. Там будто бы есть шахты и тайные лестницы, ведущие в самое пекло, где только она может бывать безнаказанно. Немудрено, что старик после этаких ужасов есть не может.

«Мелисандра». Давоса пробрала дрожь.

— Это все красная женщина сделала. Она наслала огонь, пожравший нас, в наказание за то, что Станнис отправил ее восвояси, и чтобы доказать ему, что без ее чар ему нечего надеяться на победу.

Салладор взял из миски сочную оливку.

— Ты не первый, кто это говорит, дружище, но на твоем месте я не стал бы говорить такое вслух. Драконий Камень прямо кишит людьми королевы, у которых слух острый, а ножи еще острее. — Он сунул оливку в рот.

— У меня у самого есть нож — мне его капитан Хоран подарил. — Давос вынул кинжал и положил его на стол. — Нож, чтобы вырезать у Мелисандры сердце. Если у нее оно есть.

Салладор выплюнул косточку.

— Давос, дорогой мой Давос, не говори таких вещей даже в шутку.

— Это не шутка. Я намерен убить ее. — «Если ее можно убить обыкновенным человеческим оружием». Давос сомневался в этом. Он видел, как старый мейстер Крессен влил яд в ее вино, собственными глазами видел, но когда они оба, мейстер и женщина, выпили из отравленной чаши, мейстер умер, а красная жрица — нет. «Однако нож в сердце… даже демонов можно убить

холодным железом, так поется в песнях».

— Опасные это разговоры, дружище. Мне думается, ты все еще болен морем, и мозги у тебя запеклись от жара. Ложись-ка ты в постель и отдыхай, пока не окрепнешь.

«Или пока моя решимость не ослабнет». Давос встал. Он действительно чувствовал жар и головокружение, но это пустяки.

— Ты старый предатель и негодяй, Салладор Саан, и все же ты мой друг.

Лисниец погладил свою заостренную серебристую бороду.

— Ну вот и останься со своим добрым другом.

— Нет, я пойду. — Давос закашлялся.

— Куда ты пойдешь? Посмотри на себя! Кашляешь, весь дрожишь, сам тощий и хилый. Куда тебя несет?

— В замок. Моя постель там, и сын мой тоже.

— И красная женщина, — с подозрением молвил Салладор. — Она тоже в замке.

— И она. — Давос спрятал кинжал обратно в ножны.

— Ты, контрабандист луковый, что ты смыслишь в тайных убийствах? Ты же болен, ты даже кинжал свой не удержишь, знаешь, что с тобой сделают, если схватят? Пока вы горели там, на

реке, королева сжигала изменников тут. «Слуги тьмы», называла она этих бедолаг, а красная женщина пела, когда горели костры.

Давоса это не удивило — ему казалось, что он знал это заранее.

— Она взяла из темниц лорда Сангласса, — предположил он, — и сыновей Хуберта Рамбтона.

— Вот именно, и сожгла их, и тебя тоже сожжет. Если ты убьешь красную женщину, тебя сожгут ради возмездия, а если тебе не удастся ее убить, тебя сожгут за попытку убийства. Она будет петь, а ты будешь вопить, пока не умрешь. А ведь ты только-только вернулся к жизни!

— Я для того и вернулся, чтобы сделать это. Положить конец Мелисандре из Асшая и всем ее козням. Зачем еще, по-твоему, море выплюнуло меня обратно? Ты знаешь Черноводный залив не хуже меня, Салла. Ни один капитан с головой на плечах не поведет свой корабль через копья морского короля, рискуя пропороть себе днище. «Плясунья Шайяла» не должна была там появиться.

— Это ветер, — громко заявил Салладор, — противный ветер, только и всего. Он загнал ее слишком далеко на юг.

— А кто его послал, этот ветер? Салла, Матерь

говорила со мной.

— Твоя мать умерла, — заморгал лисниец.

– *Небесная* Матерь. Она даровала мне семерых сыновей, а я позволил сжечь ее. Она говорила со мной. Мы сами призвали огонь, сказала она. И тени тоже. Я отвез Мелисандру на лодке в подземелье Штормового Предела и видел ужас, который она родила там. — Он до сих пор видел в страшных снах, как тень, цепляясь черными руками за ляжки жрицы, вылезает из ее раздутого чрева. — Она убила Крессена, и лорда Ренли, и отважного человека по имени Кортни Пенроз, и сыновей моих тоже убила. Давно пора, чтобы кто-нибудь убил ее.

— Вот именно, *«кто-нибудь»* — только не ты. Ты слаб, как ребенок, и воин из тебя плохой. Останься, очень тебя прошу; мы поговорим, ты съешь что-нибудь, а потом мы, глядишь, поплывем в Браавос и наймем для этой цели Безликого, так ведь? Но ты сейчас должен сесть на место и поесть.

«Он делает все еще более трудным, — устало подумал Давос, — хотя дело с самого начала было труднее некуда».

— Месть сидит у меня в животе, Салла, и не оставляет места для еды. Отпусти меня. Ради

нашей дружбы, пожелай мне удачи и дай мне уйти.

Салладор встал.

— Ты плохой друг, вот что. Когда ты умрешь, кто повезет твои кости и пепел твоей леди-жене, кто скажет ей, что она потеряла мужа и четырех сыновей? Бедный старый Салладор Саан, кто же еще. Но будь по-твоему, храбрый сир рыцарь, ступай, коли в могилу не терпится. Я соберу твои кости и раздам сыновьям, которые у тебя еще остались, — пусть носят в мешочках у себя на шее. — Он сердито махнул на Давоса унизанной перстнями рукой. — Ступай, ступай, ступай.

Давосу не хотелось уходить от него так.

— Салла…

— Сказано, ступай. Или оставайся, но если уж идешь, то иди.

И Давос ушел.

Путь от «Богатого урожая» к воротам замка был долгим и одиноким. Портовые улочки, где прежде кишели солдаты, матросы и простой люд, опустели. Там, где раньше под ноги подворачивались визжащие свиньи и голые ребятишки, шмыгали крысы. Ноги у Давоса были как кисель, и кашель трижды вынуждал его останавливаться и отдыхать. Никто не пришел ему на помощь и

даже не выглянул в окошко, чтобы посмотреть, в чем дело. Окна и двери стояли запертые, и больше половины домов были отмечены знаками траура. «На Черноводную отплыли тысячи, а вернулись сотни, — думал Давос. — Не один я потерял сыновей. Да помилует Матерь всех павших».

Дойдя до ворот замка, он и их нашел запертыми. Давос застучал кулаком в утыканное железными заклепками дерево. Ему никто не отвечал, но он стучал снова и снова. Наконец наверху, между двумя горгульями, появился человек с арбалетом.

— Кто там?

Давос задрал голову и сложил руки около рта.

— Сир Давос Сиворт к его милости.

— Пьян ты, что ли? Ступай прочь и перестань дубасить в ворота.

Ну что ж, Салладор его предупреждал. Давос попробовал по-другому.

— Пошлите тогда за моим сыном. Это Деван, королевский оруженосец.

— Кто ты, говоришь, такой? — нахмурился стражник.

— Давос, Луковый Рыцарь.

Голова стражника исчезла, но вскоре вернулась.

— Убирайся, Луковый Рыцарь погиб на реке. Его корабль сгорел.

— Корабль сгорел, но я жив и стою перед тобой. Капитан ворот все еще Джейт?

— Кто?

— Джейт Блэкберри. Он меня знает.

— Не знаю такого. Его и в живых небось нет.

— Ну а лорд Читтеринг?

— Этого знаю. Он сгорел на Черноводной.

— Уилл Крючок? Хал-Боров?

— Все мертвы, — сказал часовой, но его явно одолело сомнение. — Подожди-ка, — промолвил он и снова исчез.

Давос стал ждать. Никого не осталось, тупо думал он, вспоминая белое брюхо Хала, вечно выпиравшее из его засаленного дублета, и длинный след от рыболовного крючка на лице Уилла, и то, как Джейт снимал шапку перед всеми женщинами, пятилетними и пятидесятилетними, высокородными и простыми. Они утонули или сгорели, вместе с его сыновьями и тысячью других, отправились завоевывать престол в преисподнюю.

Стражник вернулся и сказал:

— Идите к калитке, вас пропустят.

Давос повиновался. Стражники, впустившие

его, были ему незнакомы. Вооруженные копьями, они носили на груди лису в цветочном венке, эмблему дома Флорентов. Давоса провели не к Каменному Барабану, как он ожидал, а под арку Драконова Хвоста, в Сад Эйегона, и сержант велел ему подождать здесь.

— Его милости известно, что я вернулся? — спросил Давос.

— Откуда, на хрен, я могу знать? Сказано — ждите. — И караул удалился.

В Саду Эйегона приятно пахло сосной и повсюду стояли высокие темные деревья. Сад окружали высокие колючие изгороди, в нем цвели дикие розы, а на заболоченном клочке земли росла клюква.

Давос не мог взять в толк, зачем его сюда привели.

Потом он услышал перезвон колокольчиков, детский смех, и из кустов вдруг выскочил шут Пестряк. Он мчался что есть мочи, а за ним гналась принцесса Ширен.

— Ну-ка вернись, Пеструшка, — кричала она. — Вернись сейчас же.

Увидев Давоса, дурак встал как вкопанный, и колокольчики на его жестяной шапке с оленьими рогами прозвенели: *динь-дон, клинь-клон.*

Перескакивая с ноги на ногу, он запел:

— «Кровь дурака, и кровь короля, кровь на брачном ложе, но в темнице жених, и все гости его в цепях оказались тоже». — Ширен совсем было догнала его, но в последнее мгновение он перескочил через высокий папоротник и исчез между деревьями. Принцесса помчалась за ним. Это зрелище вызвало у Давоса улыбку.

Он откашливался в перчатку, когда сквозь изгородь проскочила еще одна маленькая фигурка, врезалась прямо в него и сбила его с ног.

Мальчик тоже упал, но тут же вскочил.

— Ты что здесь делаешь? — осведомился он, отряхиваясь. Угольно-черные волосы падали ему на плечи, но глаза, как ни странно, были голубые. — Ты не должен загораживать мне дорогу, когда я бегу.

— Верно, не должен. — Давос привстал на колени и скрючился в новом приступе кашля.

— Ты нездоров? — Мальчик взял его за руку и помог подняться. — Может, мейстера позвать?

— Ничего. Это просто кашель. Скоро пройдет.

— Мы играем в дев и чудовищ, — сообщил мальчик. — Я изображаю чудовище. Детская забава, но моей кузине нравится. Тебя как зовут?

— Сир Давос Сиворт.

Мальчик смерил его недоверчивым взглядом.

— Вы уверены? Вид у вас не очень-то рыцарский.

— Я Луковый Рыцарь, милорд.

Синие глаза моргнули.

— Который плавал на черном корабле?

— Вы знаете эту историю?

— Вы привезли дяде Станнису рыбу еще до моего рождения, когда лорд Тирелл держал его в осаде. — Мальчик вытянулся во весь свой рост и представился: — Я Эдрик Шторм, сын короля Роберта.

— Оно и видно. — Давос понял это почти сразу. Уши у парня оттопырены, как у Флорента, но волосы, глаза, челюсть, скулы — все это баратеоновское.

— Вы знали моего отца?

— Я видел его много раз, бывая с вашим дядей при дворе, но мы ни разу не разговаривали.

— Отец научил меня сражаться, — гордо заявил Эдрик. — Он навещал меня почти каждый год, и мы иногда устраивали учебные бои. В мои последние именины он прислал мне боевой молот, совсем как у него, только поменьше. Но мне велели оставить его в Штормовом Пределе. Это правда, что дядя Станнис отрубил вам пальцы?

— Только последний сустав. Пальцы остались при мне, просто стали короче.

— Покажите.

Давос снял перчатку, и мальчик внимательно осмотрел его руку.

— А большой палец он не стал рубить?

— Нет. — Давос закашлялся. — Его он оставил в целости.

— Ему совсем не следовало рубить вам пальцы, — рассудительно заметил мальчишка. — Это нехорошо.

— Я был контрабандистом.

— Но ведь именно поэтому вы сумели привезти ему рыбу и лук.

— За лук лорд Станнис посвятил меня в рыцари, а за контрабанду урезал мне пальцы. — Давос снова надел перчатку.

— Мой отец не стал бы трогать ваши пальцы.

— Вам виднее, милорд. — «Роберт был не такой, как Станнис, это верно. Мальчик похож на него. А еще на Ренли». Эта мысль вызвала у Давоса беспокойство.

Эдрик хотел сказать еще что-то, но тут они услышали шаги. Сир Акселл Флорент шел к ним по садовой дорожке с дюжиной стражников в стеганых кафтанах, с огненным сердцем Владыки Света на груди. «Люди королевы», — подумал Давос, и на него снова напал кашель.

Сир Акселл коренаст и мускулист, с мощными

руками, грудь у него колесом и ноги тоже, а из ушей растут волосы. Он приходился королеве дядей и уже лет десять служил кастеляном Драконьего Камня. С Давосом он всегда обращался учтиво, зная, что тот пользуется расположением лорда Станниса. Но теперь в его голосе не было ни учтивости, ни тепла.

— Я думал, вы утонули, сир Давос. Как вам удалось спастись?

— Лук не тонет, сир. Вы пришли отвести меня к королю?

— Я пришел отвести вас в темницу. — Сир Акселл сделал знак своим людям. — Взять его. И отберите у него кинжал — он хотел убить им нашу госпожу.

Джейме

Джейме заметил гостиницу первым. Она приютилась в излучине южного берега, и два ее длинных низких крыла тянулись вдоль реки, как будто открывая объятия плывущим вниз путникам. Нижний этаж был из серого камня, верхний из побеленного дерева, крыша грифельная. Джейме разглядел и конюшню, и беседку, увитую виноградной лозой.

— Дым из труб не идет, — сказал он, — и света в окнах нет.

— Гостиница была еще открыта, когда я проезжал здесь в последний раз, — вспомнил Клеос Фрей. — Тут варят отменный эль. Может быть, в погребе еще что-нибудь сохранилось.

— Тут могут быть люди, — сказала Бриенна. —

Как живые, так и мертвые.

— Ведь ты же не боишься мертвецов, женщина? — спросил Джейме.

Она бросила на него сердитый взгляд:

— Меня зовут…

— Знаю, Бриенна. Разве тебе не хочется поспать в мягкой постели, Бриенна? Здесь безопаснее, чем на реке, к тому же не худо было бы выяснить, что здесь случилось.

Она не ответила, но миг спустя налегла на руль и направила лодку к ветхому деревянному причалу. Сир Клеос спустил парус, а когда они ткнулись носом в причал, вылез и привязал лодку. Джейме в цепях неуклюже выкарабкался вслед за ним.

В конце причала на железном шесте висела облупленная вывеска. Она изображала некоего коленопреклоненного короля — он сложил руки, как бы принося клятву верности. Джейме посмотрел на нее и засмеялся.

— Лучшего приюта мы не могли найти.

— Это что, какое-то особенное место? — с подозрением спросила женщина.

— Это гостиница «Коленопреклонённый», миледи, — ответил ей Клеос. — Она стоит на том самом месте, где последний Король Севера преклонил колени перед Эйегоном Завоевателем в

знак того, что сдается. Он, полагаю, и нарисован на вывеске.

— После поражения двух королей на Огненном Поле Торрхен повел своих людей на юг, — подхватил Джейме, — но, увидев Эйегонова дракона и величину его войска, он проявил благоразумие и склонил свои обмороженные колени. — Он остановился, услышав ржание. — По крайней мере одна лошадь в конюшне есть. — «А больше мне и не нужно, чтобы оставить женщину позади». — Давайте-ка поглядим, кто есть дома. — Джейме не стал дожидаться ответа и, позвякивая цепями, прошел по причалу, толкнул дверь плечом, та распахнулась… и Джейме увидел заряженный арбалет, направленный ему прямо в лицо. Держал его крепкий парнишка лет пятнадцати.

— Лев, волк или рыба? — осведомился стрелок.

— Мы надеялись на каплуна, — сказал Джейме, слыша, что его спутники вошли вслед за ним. — Арбалет — оружие трусов.

— Это не помешает мне пустить стрелу тебе в сердце.

— Возможно. Но прежде чем ты успеешь зарядить его снова, мой кузен выпустит твои кишки на пол.

— Не надо пугать парня, — сказал сир Клеос.

— Мы ничего тебе не сделаем, — сказала женщина. — И у нас есть деньги, чтобы заплатить за еду и питье. — Она выудила из кошелька серебряную монету. Парень бросил подозрительный взгляд на нее и на кандалы Джейме.

— Почему он у вас в оковах?

— Убивал арбалетчиков, — сказал Джейме. — У тебя эль есть?

— Есть. — Парень опустил арбалет на дюйм. — Расстегните пояса и сбросьте их на пол — тогда вас, может, и накормят. — Он подобрался боком к окну с толстыми, ромбом, стеклами и выглянул наружу, удостоверившись, что больше гостей не будет. — У вас на лодке парус Талли.

— Мы плывем из Риверрана. — Бриенна расстегнула пояс с оружием, и он звякнул об пол. Сир Клеос последовал ее примеру.

Из погреба вылез мужчина с желтым рябым лицом, с мясницким тесаком в руках.

— Вас трое? Есть конина — на троих как раз хватит. Кляча была старая и жилистая, но мясо еще свежее.

— А хлеб? — спросила Бриенна.

— Сухари и черствые овсяные лепешки.

— Вот честное заведение, — усмехнулся Джейме. — Все трактирщики подают черствый хлеб

и жесткое мясо, но не все открыто в этом признаются.

— А я и не трактирщик. Хозяина я похоронил на заднем дворе, и женщин его тоже.

— Это ты их убил?

— Стал бы я говорить про них в таком разе. — Мужчина сплюнул. — Скорее всего это сделали волки либо львы — какая разница? Мы с женой нашли их уже мертвыми и так понимаем, что дом теперь наш.

— А где же твоя жена? — спросил Клеос.

— Зачем это она вам понадобилась? — подозрительно прищурился мужчина. — Нет ее тут… и вас тоже не будет, коли ваше серебро окажется фальшивым.

Бриенна бросила ему монету. Он поймал ее на лету, попробовал на зуб и спрятал.

— У нее еще есть, — сообщил парень с арбалетом.

— Вот и ладно. Ступай, мальчик, вниз и принеси мне луку.

Парень вскинул арбалет на плечо, окинул гостей угрюмым взглядом и скрылся в погребе.

— Сын твой? — спросил Клеос.

— Просто мальчик, которого мы с женой приютили. У нас своих двое было, но одного убили

львы, а другой помер от поноса. А у мальчика Кровавые Скоморохи убили мать. В наши дни нужно, чтобы кто-то сторожил тебя, пока ты спишь. — Мужчина указал тесаком на столы. — Можете присесть.

Очаг давно остыл, но Джейме все равно выбрал стул поближе к нему и вытянул под столом свои длинные ноги. Цепи сопровождали звоном каждое его движение. «Экий мерзкий звук. Скоро мое терпение лопнет, и я обмотаю цепями горло этой женщины — посмотрим, как ей это понравится».

Человек, который не был хозяином гостиницы, зажарил дочерна три огромных куска конины и подрумянил на ветчинном сале лук, что почти искупило черствые лепешки. Джейме и Клеос пили эль, Бриенна — сидр. Парень сидел чуть поодаль, на бочонке с сидром, держа на коленях заряженный арбалет. Рябой тоже налил себе кружку эля и сел рядом с ними.

— Что там нового в Риверрране? — спросил он Клеоса, принимая его за главного. Тот взглянул на Бриенну, прежде чем ответить.

— Лорд Хостер плох, но его сын стойко обороняет броды на Красном Зубце от Ланнистеров. Там произошло несколько сражений.

— Теперь повсюду сражения. А вы далеко ли

путь держите, сир?

— В Королевскую Гавань. — Клеос вытер сало с губ.

— Дураки же вы после этого, — фыркнул рябой. — Я слыхал, король Станнис стоит под самыми стенами города. Говорят, у него сто тысяч человек войска и волшебный меч.

Джейме скрутил цепь между запястьями, жалея, что не может разорвать ее пополам. «Показал бы я тогда Станнису, куда засунуть этот волшебный меч».

— На вашем месте я держался бы подальше от Королевского тракта, — продолжал рябой. — Там незнамо что творится — и волки тебе, и львы, и разные другие шайки, которые нападают на всякого, кто подвернется.

— На вооруженных людей этот сброд напасть не осмелится, — презрительно молвил сир Клеос.

— Прошу прощения, сир, но я вижу только одного вооруженного человека, который путешествует вместе с женщиной и пленником в цепях.

Бриенна мрачно уставилась на рябого. «Ох, не любит она, когда ей напоминают, что она женщина», — подумал Джейме и снова скрутил свою цепь. Холодное, твердое, неподатливое железо. Кандалы стерли ему запястья в кровь.

— Я собираюсь спуститься по Трезубцу до самого моря, — объявила женщина. — В Девичьем Пруду мы найдем лошадей и поедем через Синий Дол и Робби. Так мы сможем избежать самой гущи боевых действий.

Мужчина покачал головой.

— До Девичьего Пруда вам по реке не добраться. Милях в тридцати отсюда сгорела и затонула пара лодок, и Зубец мимо них еле-еле струится. В том месте разбойники подстерегают всех, кто пытается проплыть через завал; такие же места есть и ниже, у Россыпи и Оленьего острова. Лорда-молнию тоже в тех краях видели. Он переправляется через реку где хочет, туда и сюда, не сидит на месте.

— Что это за лорд-молния? — спросил Клеос.

— Лорд Берик, с вашего позволения. Его так прозвали за то, что он наносит удар внезапно, как молния с ясного неба. Говорят, будто смерть его не берет.

«Все умирают, если проткнуть их мечом», — подумал Джейме и спросил:

— Торос из Мира все еще с ним?

— Ага. Красный колдун. Говорят, он наделен волшебной силой.

«Ну что ж — он мог пить наравне с Робертом

Баратеоном, а это почти сродни волшебству». Торос как-то сказал королю при Джейме, будто стал красным жрецом потому, что на красном винных пятен не видно. Роберт тогда заржал так, что оплевал элем шелковую мантию Серсеи.

— Я не хотел бы вмешиваться, — сказал Джейме, — но, возможно, Трезубец — не самая безопасная для нас дорога.

— Вот и я говорю, — согласился кухарь. — Если вы даже Олений остров минуете, не встретившись с лордом Бериком и его жрецом, остается еще Рубиновый брод. По моим последним сведениям, его держат волки лорда-пиявки, но эта новость уже устарела. Может, теперь там снова львы, или лорд Берик, или кто угодно.

— А может, и никого нет, — вставила Бриенна.

— Если миледи хочет рискнуть головой, чтобы в этом убедиться, я ей мешать не стану… только на вашем месте я бросил бы реку и двигался по суше. Если держаться подальше от больших дорог и прятаться под деревьями ночью… я, конечно, вам все равно не завидую, но авось и проскочите.

Женщина засомневалась.

— Нам понадобятся лошади.

— Они тут есть, — заметил Джейме. — Одну я точно слышал.

— Есть, — согласился хозяин. — Как раз три, будто нарочно, да только они не продаются.

— Еще бы, — не сдержал смеха Джейме. — Но все равно покажи их нам.

Бриенна нахмурилась, но рябой выдержал ее взгляд, не мигая.

— Показывай, — неохотно подтвердила она, и все встали из-за стола.

Конюшню, судя по запаху, давно уже не чистили. Кучи соломы и навоза, над которыми роились жирные черные мухи, высились повсюду, хотя лошадей было только три: бурый крестьянский коняга, древний белый мерин, слепой на один глаз, и резвая верховая кобылка, серая в яблоках.

— Не продаются ни за какие деньги, — объявил их предполагаемый владелец.

— Где вы взяли этих лошадей? — осведомилась Бриенна.

— Бурый уже стоял здесь, когда мы с женой пришли, как и тот, которого вы нынче съели, белый сам пришел как-то ночью, а кобылку мальчик поймал — она бегала на воле, под седлом и в уздечке. Сейчас покажу.

Седло, украшенное серебром, было когда-то расписано в розовую и черную клетку, но краска почти вся стерлась. Джейме не помнил, чьи это

цвета, но пятна крови узнал без труда.

— Ну, хозяин не скоро за ней явится. — Он осмотрел ноги кобылы и пересчитал зубы у мерина. — Дай ему золотой за серую вместе с седлом, — посоветовал он Бриенне, — серебряного оленя за плуговую лошадь, а за мерина еще и приплатить бы полагалось.

— Не отзывайтесь с таким пренебрежением о вашей лошади, сир. — Женщина раскрыла кошелек, который дала ей леди Кейтилин, и достала три золотых. — Даю тебе дракона за каждую.

Рябой заморгал и протянул руку к золоту, но тут же убрал ее.

— Не знаю, право. На золотого дракона верхом не сядешь, если понадобится уехать, и не съешь его, если голод настанет.

— Можешь взять в придачу нашу лодку, — сказала женщина. — Будешь плавать на ней вверх или вниз, куда захочешь.

— Дайте-ка попробовать это золото на вкус. — Он прикусил каждую из монет. — Гм. Настоящее вроде бы. Значит, три дракона и лодка?

— Он тебя грабит, женщина, — беззлобно заметил Джейме.

— Нам понадобится еще и провизия, — сказала она, пропустив это мимо ушей. — Сколько смо-

жешь дать.

— Есть лепешки. — Он зажал золотые в кулаке и потряс, блаженно улыбаясь их звону. — И копченая рыба, но за нее придется заплатить серебром. Постели у меня тоже не даровые — вы ведь, поди, на ночь захотите остаться.

— Нет, — тут же отрезала Бриенна.

— Женщина, — нахмурился кухарь, — ведь не поедете же вы ночью по чужой местности, да еще на незнакомых лошадях. Забредете еще в болото или который-нибудь из коняг ногу сломает.

— Ночь будет лунная, и мы без труда найдем дорогу.

Мужчина поразмыслил.

— Ну, не серебром, так хоть медью заплатите за постели и теплые одеяла. Я путников не хочу от себя прогонять.

— По-моему, это честное предложение, — сказал Клеос.

— Одеяла у меня чистые. Жена постирала их, прежде чем уйти. Ни блошки не сыщете, слово даю. — Он снова потряс монетами и улыбнулся.

Сир Клеос явно соблазнился.

— Мягкая постель всем бы нам пошла на пользу, миледи, — сказал он Бриенне. — Отдохнув, мы будем ехать бодрее. — Он посмотрел на кузена,

ища поддержки.

— Нет, кузен, женщина права. Нам надо сдержать свои обещания, а путь еще долог. Надо ехать.

— Но ты же сам говорил…

— Это было раньше. — «Тогда я думал, что гостиница пуста». — Теперь мой живот туго набит, и прогулка при лунном свете — как раз то, что мне надо. — Джейме улыбнулся женщине. — Но если ты не собираешься перекинуть меня через плуговую лошадь, как мешок с мукой, надо что-то сделать с этими железяками. Трудненько ехать верхом, когда у тебя лодыжки скованы.

Бриенна нахмурилась, взглянув на цепи, а человек, который не был хозяином гостиницы, почесал подбородок.

— Там на задах есть кузня.

— Покажи где, — сказала Бриенна.

— И чем скорее, тем лучше, — подхватил Джейме. — Слишком тут много лошадиного дерьма на мой вкус — еще вступишь. — Он многозначительно посмотрел на женщину, не зная, поняла ли она смысл его слов.

Он надеялся, что она и руки ему раскует, но Бриенна не оставила своих подозрений на его счет. Она разрубила пополам ножную цепь

несколькими сильными ударами с помощью долота и кузнечного молота, но осталась глуха к его намекам относительно ручной.

— В шести милях вниз по реке увидите сожженную деревню, — сказал трактирщик, помогая им седлать лошадей и привязывать поклажу. На этот раз он обращался к Бриенне. — Там дорога раздваивается. Если повернете на юг, приедете к каменной башне сира Уоррена. Сам сир Уоррен погиб где-то в поле, и кто ее держит теперь, я не знаю, но этого места лучше избегать. Советую вам ехать через лес, на юго-восток.

— Хорошо, так и сделаем, — ответила Бриенна. — Благодарю тебя.

«Хватит и того, что ты заплатила ему золотом», — подумал Джейме, но промолчал. Он был сыт по горло пренебрежением, которое выказывала ему эта корова.

Крестьянскую лошадь она взяла себе, кобылу отдала сиру Клеосу. Джейме, как она и грозилась, достался одноглазый мерин, что пресекло его мечты пришпорить своего скакуна и оставить женщину позади в облаке пыли.

Мужчина и мальчик вышли проводить их. Мужчина пожелал им счастливого пути и пригласил заезжать в лучшие времена. Парень стоял

молча, держа арбалет под мышкой.

— Ты заведи себе копье или палицу, — сказал ему Джейме, — они тебе больше подойдут.

Парень набычился — вот и давай после этого советы. Джейме пожал плечами и поехал прочь, не оглядываясь.

Клеос не переставал жаловаться, скорбя об утраченной перине. Они ехали на восток вдоль освещенной луной реки. Красный Зубец здесь был очень широк, но мелок, с илистыми, заросшими тростником берегами. Конь Джейме шел ровно, хотя и уклонялся, бедняга, в сторону зрячего глаза. Хорошо было снова оказаться в седле… Джейме не сидел на коне с тех пор, как лучники Робба Старка убили под ним его скакуна в Шепчущем лесу.

Они доехали до сожженной деревни, и перед ними открылись обе дороги, равно непривлекательные, узкие, изрытые телегами крестьян, свозивших зерно к реке. Одна сворачивала на юго-восток и на обозримом расстоянии ныряла в лес, другая, более прямая и каменистая, вела на юг. Бриенна, окинув их взглядом, направила коня на южную дорогу, чем приятно удивила Джейме — он и сам бы так поступил.

— Но хозяин гостиницы предостерегал нас про-

тив этой дороги, — возразил Клеос.

— Он не хозяин гостиницы. — Бриенна сидела верхом без особого изящества, но уверенно. — Слишком уж он заботился о том, по какой дороге мы поедем, а в таких лесах как раз лихие люди и водятся. Может, он нарочно послал нас в ловушку.

— Молодец, женщина, — улыбнулся Джейме. — Могу поспорить, что у нашего хозяина на той дороге есть друзья. Те, чьи кони придают его конюшне столь неповторимый аромат.

— Может быть, он и про реку тоже солгал, чтобы всучить нам этих лошадей, — сказала женщина, — но я не могла рисковать. У Рубинового брода и на перекрестке дорог определенно должны быть солдаты.

«Она, конечно, страшна, но не так уж и глупа», — Джейме выдавил из себя улыбку.

Тусклый красный свет в верхних окнах башни они увидели еще издали, и Бриенна свернула в поле. Лишь когда укрепление осталось далеко позади, они снова выбрались на дорогу.

Прошло полночи, прежде чем женщина сочла безопасным остановиться. Все они к тому времени уже клевали носом в седлах. Они нашли приют в маленькой роще из дубов и ясеней, у

лениво струящегося ручья. Костер женщина разводить не разрешила, и их запоздалый ужин состоял из черствых лепешек и копченой рыбы. Ночь дышала странным покоем. Месяц, окруженный звездами, светил на черном бархатном небе. Вдали слышался волчий вой. Одна из лошадей отозвалась на него тревожным ржанием, и снова настала тишина. «Этих мест война не тронула». Джейме радовался, что он здесь, и что он жив, и что он возвращается к Серсее.

— Первая стража моя, — сказала Бриенна Клеосу, и Фрей вскоре тихо захрапел.

Джейме прислонился к стволу дуба, думая, что-то поделывают теперь Серсея и Тирион.

— Есть у вас братья и сестры, миледи? — спросил он.

Бриенна подозрительно покосилась на него.

— Нет, я у отца единственный… ребенок.

— Вы хотели сказать «сын»? — усмехнулся Джейме. — А он тоже считает вас сыном? Дочь из вас странная, должен признать.

Она молча отвернулась от него, крепко стиснув рукоять меча. «Что за несчастное создание». Она чем-то напоминала ему Тириона, хотя на первый взгляд трудно было найти двух более несхожих людей. Возможно, это мысль о брате побудила

его сказать:

— Я не хотел вас обидеть, Бриенна. Простите меня.

— Твоим преступлениям прощения нет, Цареубийца.

— Опять за свое. — Джейме рассеянно перекрутил свою цепь. — Ну чего ты злишься? Тебе я, насколько помню, никакого зла не сделал.

— Зато другим сделал. Тем, кого поклялся защищать. Слабым, невинным…

— Это ты про короля? — Все всегда сводится к нему, к Эйерису. — Не суди о том, чего не знаешь, женщина.

— Меня зовут…

— Да знаю, знаю — Бриенна. Тебе никто не говорил, что ты столь же занудлива, как и страшна?

— Ты не сможешь вывести меня из себя, Цареубийца.

— Смог бы, если б постарался.

— Зачем же ты тогда давал клятву? Зачем надел белый плащ, если знал, что предашь все, знаком чего он служит?

«Зачем…» Как бы ему объяснить, чтобы она поняла?

— Я был тогда мальчишкой пятнадцати лет, а в таком возрасте это великая честь.

— Это не оправдание, — презрительно бросила она.

«Что ж, верно — но правда тебе не понравится». В Королевскую Гвардию он вступил из-за любви.

Отец взял Серсею ко двору, когда ей было двенадцать, надеясь выдать ее за принца. Он отказывал всем искателям ее руки и держал при себе в башне Десницы, где она подрастала, делаясь все прекраснее. Отец, несомненно, ждал возмужания Визериса, а быть может, надеялся, что жена Рейегара умрет в родах — Элия Дорнийская не отличалась крепким здоровьем.

Джейме, в свою очередь, провел четыре года, служа оруженосцем у сира Самнера Крейкхолла, и заслужил свои шпоры в битве с Братством Королевского леса. Но когда он на обратном пути в Утес Кастерли заехал в Королевскую Гавань — главным образом, чтобы повидать сестру, — Серсея отвела его в сторону и рассказала, что лорд Тайвин намерен женить его на Лизе Талли и даже пригласил лорда Хостера в город, чтобы поговорить о приданом. Но если Джейме наденет белое, он всегда может быть рядом с ней, Серсеей.

Старый сир Харлан Грандисон недавно скончался во сне, что как раз прилично человеку, у которого в гербе спящий лев. Эйерису понадобит-

ся молодой человек на его место, так почему бы не взять рычащего льва вместо спящего?

— Отец ни за что не согласится, — возразил Джейме.

— Король его и спрашивать не станет. А когда дело будет сделано, он уже не сможет выражать свое недовольство открыто. Эйерис вырвал язык сиру Илину Пейну только за похвальбу насчет того, что страной, мол, по-настоящему правит Десница. Он капитан гвардии Десницы, однако отец не посмел вмешаться! И тут тоже ничего не сможет сделать.

— Но ведь есть еще Утес Кастерли…

— Что тебе дороже — Утес или я?

Он помнил ту ночь, как будто это было вчера. Они провели ее в старой гостинице в Угревом переулке, подальше от любопытных глаз. Серсея пришла к нему в платье служанки, и это возбудило его еще больше. Джейме никогда еще не видел ее такой страстной. Она будила его каждый раз, когда он пытался уснуть. К утру Утес Кастерли стал казаться ему очень скромной ценой за счастье всегда быть с ней рядом. Он дал согласие, и Серсея обещала устроить остальное.

Месяц спустя в Утес Кастерли прилетел королевский ворон с уведомлением о том, что он,

Джейме, избран для служения в Королевской Гвардии. Ему предписывалось предстать перед королем на большом турнире в Харренхолле, чтобы произнести свой обет и надеть белый плащ.

Это назначение избавило его от Лизы Талли, но в остальном все пошло не так, как было задумано. Отец никогда еще не бывал в такой ярости. Он не мог возражать открыто — тут Серсея рассудила верно, — но отказался под каким-то надуманным предлогом от поста десницы и возвратился в Утес Кастерли, взяв с собой дочь. Вместо того чтобы быть вместе, Серсея и Джейме просто поменялись местами, и он остался при дворе один, телохранителем безумного короля, а на шатком отцовском кресле тем временем сменилось четверо куда менее способных человек. Десницы возвышались и падали столь быстро, что Джейме помнил их гербы лучше, чем лица. Десницу с рогом изобилия и десницу с пляшущими грифонами отправили в изгнание, десницу с кинжалом и палицей окунули в дикий огонь и сожгли заживо. Лорду Россарту, последнему, служил эмблемой пылающий факел — не слишком счастливый выбор, учитывая судьбу его предшественника, но он был алхимиком и получил свой пост в основном за то, что разделял королевскую страсть к огню.

«Россарта надо было утопить, а не вспарывать ему живот».

…Бриенна по-прежнему ждала ответа.

— Ты была слишком мала, чтобы знать Эйериса Таргариена… — начал Джейме, но она и слушать не захотела.

— Эйерис был безумен и жесток, этого никто не

отрицает. Однако он оставался королем, коронованным и помазанным, а ты поклялся защищать его.

— И знаю, в чем я клялся.

— И что сделал потом, тоже знаешь. — Она нависла над ним шестью футами мрачного, веснушчатого, с лошадиными зубами осуждения.

— А ты что сделала? Мы оба здесь цареубийцы, если то, что я слышал, правда.

— Я неповинна в смерти Ренли. Я убью всякого, кто будет утверждать обратное.

— Начни тогда с Клеоса. А потом тебе еще многих придется порешить, судя по его рассказу.

— Это ложь. Леди Кейтилин была там, она видела, как убили его милость. Там была тень. Свечи погасли, в шатре похолодало, а потом хлынула кровь…

— Прекрасно, — засмеялся Джейме. — Ты соображаешь быстрее, чем я, должен признать. Когда меня застали над телом моего короля, мне и в голову не пришло сказать: «Нет-нет, это не я, это тень, ужасная холодная тень». Скажи по правде, как один цареубийца другому: кто заплатил тебе за то, чтобы ты перерезала ему глотку, — Старки или Станнис? А может, Ренли пренебрег тобой? Или у тебя в ту пору месячные случились? Нельзя

давать женщине в руки оружие, когда у нее лунные кровотечения.

Ему показалось, что сейчас Бриенна его ударит. «Ну, еще шаг — тогда я вырву кинжал у нее из ножен и всажу ей в живот». Джейме уже подобрал ногу, готовясь вскочить, но женщина не двинулась с места.

— Быть рыцарем — это редкий и драгоценный дар, — сказала она, — тем более рыцарем Королевской Гвардии. Такой дар дается немногим, а ты презрел его и осквернил.

«Дар, которого ты, женщина, отчаянно желаешь сама, но никогда не получишь».

— Я честно заслужил свое рыцарское звание. Даром мне ничего не давалось. Я выиграл общую схватку на турнире в тринадцать лет, еще оруженосцем. В пятнадцать я выступил с сиром Эртуром Дейном против Братства Королевского леса, и он посвятил меня в рыцари прямо на поле брани. Не я замарал белый плащ, а он меня, так что избавь меня от своей зависти. Это боги позабыли снабдить тебя мужским членом, а не я.

Бриенна наградила его полным ненависти взглядом. «Она охотно изрубила бы меня на куски, если б не ее хваленая клятва. Ну и хорошо. Довольно с меня высоконравственных пропове-

дей и девичьих бредней». Женщина отошла, не сказав больше ни слова, и Джейме свернулся под плащом, надеясь, что ему приснится Серсея.

Но ему приснился Эйерис Таргариен — король расхаживал один по тронному залу, ковыряя свои покрытые коростой руки. Этот болван вечно умудрялся поранить себя об острия и шипы Железного Трона. Джейме проскользнул через королевскую дверь в своих золотых доспехах, с мечом в руке. «Золотые доспехи, а не белые, только об этом никто не помнит. Надо было снять заодно и тот проклятый плащ».

Эйерис увидел его обагренный клинок и осведомился, чья это кровь — не лорда ли Тайвина? «Мне нужно, чтобы этот изменник умер. Мне нужна его голова, и ты мне ее принесешь, а иначе я сожгу тебя со всеми остальными. Со всеми предателями. Россарт говорит, что они прячутся в стенах! Ничего, скоро им станет жарко. Чья это кровь? *Чья?*»

«Россарта», — сказал Джейме.

Тогда пурпурные глаза округлились, и королевский рот в ужасе раскрылся. Эйерис обмарался и побежал к Железному Трону. Джейме под пустыми взорами черепов на стенах стащил со ступеней последнего короля-дракона, визжа-

щего, как свинья, и воняющего, как выгребная яма. Потребовалось лишь раз полоснуть по горлу — больше ничего не потребовалось. «Как все просто, — подумал он тогда. — Король не должен умирать с такой легкостью. — Россарт по крайней мере оказал сопротивление, хотя, по правде сказать, дрался он как алхимик. — Странно, что никого никогда не занимало, кто убил Россарта… впрочем, он был низкого рода. Десница на час, еще одна причуда Безумного Короля».

Сир Элис Вестерлинг, лорд Крейкхолл и другие отцовские рыцари ворвались в зал как раз вовремя, чтобы увидеть заключительную сцену, поэтому Джейме не успел исчезнуть и не дал случая какому-нибудь хвастуну присвоить себе его вину и славу. Нет, только вину… он понял это сразу, увидев, как они на него смотрят… хотя, возможно, они просто боялись. Ведь он, хотя и Ланнистер, входил в число семерых белых рыцарей Эйериса.

«Замок наш, сир, и город тоже», — сказал ему Роланд Крейкхолл, но это было правдой только наполовину. Верные Таргариену воины все еще умирали на дворцовой лестнице и в оружейной, Грегор Клиган и Амори Лорх штурмовали стены крепости Мейегора, а Нед Старк еще только

провел своих северян в Королевские ворота, но Крейкхолл этого знать не мог. Он как будто даже не удивился, найдя Эйериса убитым: ведь Джейме был сыном лорда Тайвина задолго до того, как стал рыцарем Королевской Гвардии.

«Скажите им, что Безумный Король мертв, — приказал Джейме. — Пощадите всех, кто сдастся, и возьмите их в плен».

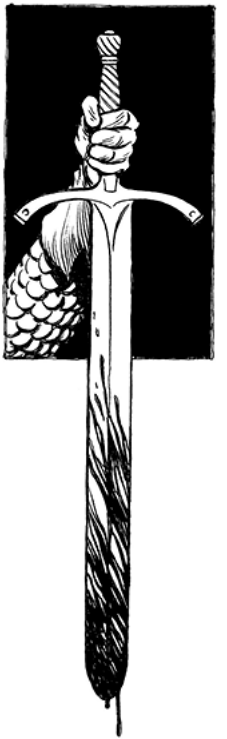
«Следует ли мне также провозгласить нового короля?» — спросил Крейкхолл, и Джейме хорошо понял смысл его вопроса. Кто это будет: ваш отец, Роберт Баратеон, или вы хотите посадить на престол другого драконьего короля? Джейме вспомнил на миг о Визерисе, бежавшем на Драконий Камень, и грудном сыне Рейегара Эйегоне, который остался со своей матерью в крепости Мейегора. «Новый Таргариен на троне, и отец десницей при нем. Волки подымут вой, а штормовой лорд лопнет от ярости». Какой-то миг Джейме тешился этой мыслью, а потом взглянул на короля, распростертого на полу в луже крови, и подумал: «В них обоих течет его кровь». «Провозглашайте, кого вам охота», — сказал он Крейкхоллу, взошел наверх и сел на Железный Трон, положив меч на колени. Он желал посмотреть, кто первый потребует себе королевство. Так случилось, что

первым явился Эддард Старк.

«Ты тоже не имел права судить меня, Старк».

В его сне мертвецы горели клубящимся зеленым пламенем, а Джейме метался вокруг них со своим золотым мечом, но на месте каждого срубленного им возникало двое новых.

Бриенна разбудила его, ткнув сапогом в ребра. Было еще темно, и начинался дождь. Они позавтракали лепешками, рыбой и ягодами, которые набрал Клеос, и сели на коней еще до восхода.



Тирион

Евнух вошел, мурлыча что-то под нос, в одеждах из персикового шелка и благоухающий лимоном. Увидев Тириона, сидящего у очага, он замер на месте.

— Милорд Тирион, — воскликнул он вслед за этим. Возглас получился визгливым и сопровождался нервным смешком.

— Стало быть, ты еще помнишь меня? А я уж начал сомневаться.

— Очень, очень рад видеть вас воспрявшим и полным сил. — Варис расплылся в самой подобострастной из своих улыбок. — Хотя я, признаться, не ожидал найти вас здесь, в моем скромном жилище.

— Оно у тебя действительно скромное — даже

слишком. — Тирион дождался, когда Вариса вызовут к отцу, а затем потихоньку нанес ему визит. Покои евнуха состояли из трех тесных, без окон, каморок под северной стеной замка. — Я надеялся найти здесь корзины, полные сочных секретов, которые помогли бы мне скоротать ожидание, но ничего такого не обнаружил. — Тирион и потайные ходы заодно поискал, зная, что Паук способен появляться в самых разных местах незамеченным, но и тут не преуспел. — В кувшине у тебя вода, о милосердные боги, спальня не шире гроба, а уж кровать… она правда каменная или только на ощупь такая?

Варис закрыл за собой дверь и запер ее.

— Меня мучают боли в спине, милорд, и я предпочитаю спать на твердом.

— Я всегда думал, что ты любишь нежиться на перине.

— Я умею удивлять. Вы, должно быть, сердитесь за то, что я не навещал вас после битвы.

— Просто я теперь смотрю на тебя как на члена моей семьи.

— Это произошло не от недостатка любви, мой добрый лорд. У меня нежное сердце, а ваш шрам так ужасен… — Евнух изобразил, что содрогается. — Ваш бедный нос…

Тирион раздраженно потер свой рубец.

— Наверное, мне стоит сделать новый, из золота. Какой формы ты бы предложил, Варис? Как у тебя, чтобы вынюхивать секреты? Или мне заказать золотых дел мастеру отцовский нос? — Тирион улыбнулся. — Мой благородный отец трудится столь усердно, что я почти не вижу его. Правда ли, что он хочет вернуть великого мейстера Пицеля в малый совет?

— Да, милорд.

— Кого же мне следует благодарить за это — мою дражайшую сестрицу? — Обнаружив, что Пицель шпионит в пользу сестры, Тирион лишил его чина, бороды и достоинства и бросил в темницу.

— Нет-нет, милорд. Благодарите архимейстеров Староместа — это они настаивали на возвращении Пицеля, заявляя, что только Конклав может сместить великого мейстера.

«Дурачье проклятое», — подумал Тирион.

— Мне помнится, палач Мейегора Жестокого сместил трех подряд посредством своего топора.

— Совершенно верно — а Эйегон Второй скормил великого мейстера Герардиса своему дракону.

— У меня, увы, дракона нет. Пожалуй, мне сле-

довало окунуть Пицеля в дикий огонь и поджечь — возможно, Цитадель это бы больше устроило.

— Во всяком случае, это бы больше соответствовало традиции, — хихикнул евнух. — К счастью, мудрость возобладала — Конклав утвердил отставку Пицеля и теперь приискивает ему преемника. Рассмотрев кандидатуры мейстера Тарквина, сына веревочных дел мастера, и мейстера Эррека, побочного отпрыска межевого рыцаря, и доказав тем к собственному удовлетворению, что одаренность в их ордене значит больше, чем происхождение, Конклав вознамерился прислать нам мейстера Гормона, Тирелла из Хайгардена. Когда я доложил об этом вашему лорду-отцу, он незамедлительно принял меры.

Тирион знал, что Конклав заседает в Староместе при закрытых дверях и его решения предположительно должны быть тайной для всех. «Стало быть, у Вариса и в Цитадели есть свои пташки».

— Понимаю. Отец решил сорвать розу до того, как она расцветет. — Тирион не сдержал усмешки. — Пицель — мерзкая жаба, но лучше уж ланнистерская жаба, чем тирелловская, верно?

— Великий мейстер Пицель всегда был добрым другом вашего дома, — умильно произнес Варис. — Возможно, вам будет утешительно узнать,

что сир Борос Блаунт тоже восстановлен.

Серсея лишила сира Бороса белого плаща за то, что он не умер, защищая принца Томмена, когда Бронн захватил мальчика на дороге в Росби. Борос никогда не числился у Тириона в друзьях, но после всего случившегося он, пожалуй, и Серсею ненавидит не меньше, а это уже кое-что.

— Блаунт — отъявленный трус, — беззлобно проронил Тирион.

— Что вы говорите. Но королевские гвардейцы, по традиции, принимаются на службу пожизненно. Быть может, сир Борос в будущем еще проявит храбрость, а уж преданность — несомненно.

— Преданность моему отцу, — со значением сказал Тирион.

— Раз уж мы заговорили о Королевской Гвардии… быть может, ваш приятнейше неожиданный визит имеет отношение к павшему собрату сира Бороса, отважному сиру Мендону Муру? — Евнух погладил свою напудренную щеку. — Ваш Бронн с недавних пор проявляет к нему большой интерес.

Бронн раскопал о сире Мендоне все, что мог, но Варису наверняка известно намного больше… вот только захочет ли он поделиться своими знаниями?

— У него, похоже, не было ни единого друга, — осторожно сказал Тирион.

— Печально, очень печально. В Долине, если поворошить камни, можно было бы найти какую-то его родню, но здесь… Лорд Аррен привез его в Королевскую Гавань, а Роберт дал ему белый плащ, но особой любви к нему ни один из них не питал, и он был не из тех, кого простой народ приветствует на турнирах, несмотря на свое неоспоримое мастерство. Даже его собратья по Королевской Гвардии не испытывали к нему теплых чувств. Сир Барристан сказал однажды, что у сира Мендона нет иного друга, кроме меча, и в жизни для него не существует ничего, кроме долга… но, по-моему, это задумывалось не совсем как похвала. А ведь это странно, если вдуматься, не так ли? Именно эти качества мы хотим видеть в наших королевских гвардейцах — мы как бы ожидаем, что они посвятят своему королю всю свою жизнь без остатка. С этой точки зрения наш храбрый сир Мендон был идеальным белым рыцарем. И умер он, как подобает рыцарю Королевской Гвардии — с мечом в руке, защищая лицо королевской крови. — Евнух сладко улыбнулся, пристально глядя на Тириона.

«Пытаясь убить лицо королевской крови, следо-

вало бы сказать». Вероятно, Варис знает гораздо больше, чем говорит. Ничего нового Тирион от него не услышал. Бронн докладывал в основном то же самое. Тирион нуждался в каком-нибудь звене, связывавшем рыцаря с Серсеей, в каком-нибудь знаке того, что он был ее орудием… «Но мы не всегда получаем то, что хотим», — уныло подумал Тирион, и это напомнило ему…

— Я пришел к тебе не из-за сира Мендона.

— Понимаю. — Варис прошел к кувшину с водой и спросил, наполняя чашу: — Могу ли я угостить вас, милорд?

— Да, только не водой. Я хочу, чтобы ты привел мне Шаю.

Варис отпил глоток.

— Разумно ли это, милорд? Она такое милое дитя — жаль будет, если ваш отец ее повесит.

Тириона не удивило, что Варис об этом знает.

— Нет, это неразумно. Это откровенное безумие. Я хочу повидать ее в последний раз, прежде чем отослать ее прочь. Не могу выносить, когда она так близко.

— Понимаю.

«Где уж тебе понять!» Тирион видел ее не далее как вчера — она поднималась по наружной лестнице с ведром воды. Какой-то молодой рыцарь

предложил помочь ей, а она тронула его за руку и улыбнулась, а у Тириона от этого зрелища все нутро скрутило. Они прошли в паре дюймов друг от друга — он вниз, она вверх — так близко, что Тирион ощутил чистый запах ее волос. «Милорд», — сказала она с легким реверансом, и ему захотелось схватить ее и поцеловать при всех, но он только коротко кивнул и проковылял мимо.

— Я видел ее несколько раз, — сказал он Варису, — но не посмел заговорить с ней. Я подозреваю, что за каждым моим шагом следят.

— И правильно подозреваете, милорд.

Тирион поднял на него взгляд:

— Кто?

— Кеттлблэки то и дело ходят с докладами к вашей дражайшей сестре.

— Как подумаешь, сколько я им переплатил… может, если добавить еще, они перестанут бегать к Серсее?

— Все возможно, но я бы за это не поручился. Они теперь рыцари, все трое, и ваша сестра обещала, что и впредь не оставит их своей милостью. — С губ евнуха сорвался ехидный смешок. — А старший, сир Осмунд из Королевской Гвардии, мечтает о милостях… *особого* рода. Вы можете платить им наравне с королевой, но у

нее имеется и другой кошелек, совершенно неистощимый.

«Седьмое пекло!» — подумал Тирион.

— Ты полагаешь, что Серсея спит с Осмундом Кеттлблэком.

— О боги мои, нет — такое предположение было бы смертельно опасным, вам не кажется? Нет, королева только намекает… возможно, завтра… или после свадьбы короля… улыбка, шепот, откровенная шутка… грудь, мимоходом задевшая рукав… но все это приносит свои плоды. Впрочем, что может евнух смыслить в таких вещах? — Кончик языка шмыгнул по нижней губе Вариса, как робкий розовый зверек.

«Если бы я смог вывести их за рамки непристойных намеков и устроить так, чтобы отец застал их вместе…» Тирион потрогал рубец на носу. Пока он не знал, как это сделать, но потом, может, что-нибудь и придумает.

— Этим занимаются только Кеттлблэки?

— Если бы так, милорд. Боюсь, что за вами наблюдает много глаз. Вы, как бы это сказать… человек заметный. И не пользуетесь особой любовью, как это ни печально. Сыновья Яноса Слинта охотно донесли бы на вас, чтобы отомстить за отца, а наш любезный лорд Петир имеет друзей в

половине борделей Королевской Гавани. Случись вам проявить неосторожность и посетить одно из этих заведений, он сразу же узнает об этом, а за ним и ваш лорд-отец.

«Значит, все обстоит еще хуже, чем я опасался».

— А сам отец? Кого он приставил шпионить за мной?

На этот раз евнух засмеялся громко.

— Меня, милорд, меня.

Тирион тоже посмеялся. Не такой он дурак, чтобы доверять Варису больше, чем приходится, — но евнух уже знает о Шае вполне достаточно, чтобы хоть сейчас вздернуть ее на виселицу.

— Ты проведешь Шаю ко мне сквозь стены, втайне от всех этих соглядатаев, как раньше делал.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, милорд, но… — Варис принялся заламывать руки. — Король Мейегор не желал, чтобы крысы водились в его собственных стенах, если вы понимаете, о чем я. Один потайной ход на случай возможного бегства от врагов у него все-таки был, но ни с какими другими он не связан. Я мог бы, конечно, ненадолго увести вашу Шаю от леди Лоллис, но не смогу провести ее в

вашу спальню незамеченной.

— Тогда приведи ее в какое-нибудь другое место.

— Куда же? Безопасного места нет.

— Есть, — усмехнулся Тирион. — Тут. Мне сдается, пора использовать твое твердокаменное ложе с большей пользой.

Евнух раскрыл рот и хихикнул.

— Лоллис уже на сносях и легко утомляется. Думаю, к восходу луны она будет крепко спать.

Тирион соскочил со стула.

— Стало быть, как луна взойдет. Позаботься, чтобы здесь стояло вино и две чаши.

— Слушаюсь, милорд, — поклонился Варис.

До конца дня время ползло, словно червь в патоке. Тирион поднялся в замковую библиотеку и попытался отвлечься, читая «Историю ройнарских войн» Бельдекара, но вместо слонов на картинках ему виделась улыбка Шаи. Ближе к вечеру он оставил чтение и приказал налить себе ванну. Он скреб себя, пока вода не остыла, и даже велел Поду подстричь ему бакенбарды. Эта пегая поросль, составленная из бело-желто-черных жестких и скрученных волос, вряд ли могла порадовать глаз, но закрывала часть его лица и тем выполняла свое назначение.

Чистый, розовый и подстриженный, Тирион выбрал в своем гардеробе пару тугих атласных бриджей, окрашенных в багряный цвет Ланнистеров, и свой лучший дублет из черного бархата с заклепками в виде львиных голов. Сюда хорошо

подошла бы его цепь из золотых рук, но отец украл ее у него, пока он лежал на смертном одре. Только одевшись, Тирион осознал всю глубину своего безумия. «Седьмое пекло, карлик, неужто ты и рассудок утратил заодно с носом? Всякий, кто увидит тебя, непременно полюбопытствует, с чего это ты так вырядился, идя к евнуху». Тирион выругался и переоделся в черные шерстяные бриджи, белую рубашку и потертый кожаный камзол. «Ничего, — говорил он себе, дожидаясь восхода луны. — Что бы ты на себя ни надел, все равно останешься карликом. Все равно не станешь таким, как тот рыцарь на лестнице, длинноногим и широкоплечим, с твердым мускулистым животом».

Как только луна выглянула из-за стен замка, он сказал Подрику, что идет к Варису.

— Надолго, милорд? — спросил мальчик.

— Надеюсь.

Красный Замок теперь был перенаселен, и он не мог пройти незамеченным. У дверей на часах стоял сир Бейлон Сванн, у подъемного моста — сир Лорас Тирелл. Тирион обменялся любезностями с обоими. Странно было видеть Рыцаря Цветов в белом — прежде он всегда блистал всеми цветами радуги.

— Сколько вам лет, сир Лорас? — спросил Тирион.

— Семнадцать, милорд.

«Ему семнадцать, он красив и успел уже сделаться легендой. Половина девушек Семи Королевств мечтает лечь с ним в постель, и все мальчишки мечтают стать такими, как он».

— Простите, что я спрашиваю, сир, — но зачем молодому человеку семнадцати лет вступать в Королевскую Гвардию?

— Эйемон, Рыцарь-Дракон, тоже принес обет в семнадцать, а ваш брат Джейме и того раньше.

— Их мотивы мне известны, но ваши? Честь служить рядом с такими образцами рыцарства, как Меррин Трант и Борос Блаунт? — спросил Тирион с язвительной улыбкой. — Ради того, чтобы охранять жизнь короля, вы жертвуете собственной жизнью. Отказываетесь от земель и титулов, от надежды иметь жену, детей…

— Род Тиреллов продолжат мои братья. Третьему сыну нет нужды жениться и обзаводиться потомством.

— Нужды нет, это верно, но многие находят это приятным. И как же быть с любовью?

— Когда солнце закатилось, ни одна свеча его не заменит.

— Это строка из песни? — Тирион с улыбкой склонил голову набок. — Теперь я вижу, что вам семнадцать.

— Вы смеетесь надо мной? — напрягся сир Лорас.

«Экий щепетильный юноша».

— Нет-нет. Простите меня, если я вас обидел. Я тоже любил когда-то, и у нас была своя песня. *«Была моя любовь прекрасна, словно лето, и локоны ее — как солнца свет»*. — Тирион пожелал сиру Лорасу доброго вечера и пошел дальше.

Около псарни латники стравливали пару собак. Тирион посмотрел, как более мелкий отгрыз полморды большому, и заслужил несколько смешков, заметив, что побежденный теперь похож на Сандора Клигана. Затем, надеясь, что усыпил все подозрения, он дошел до северной стены и спустился по короткой лестнице в комнаты евнуха. Дверь отворилась, не успел он постучать.

— Варис? — Тирион скользнул внутрь. — Ты здесь? — В комнате горела одинокая свеча, насыщая воздух ароматом жасмина.

— Милорд. — На свет вышла дородная женщина с розовым лунообразным лицом и тяжелыми темными локонами. Тирион попятился. — Что-то не так? — спросила она.

«Варис», — раздраженно сообразил Тирион.

— На один жуткий миг я подумал, что ты привел мне Лоллис вместо Шаи. Где она?

— Здесь, милорд. — Она закрыла ему глаза руками сзади. — Угадай, что на мне надето.

— Ничего.

— Ишь какой сообразительный, — надулась она и убрала руки. — Как ты узнал?

— Ты очень красива без ничего.

— Правда?

— Правда.

— Тогда нечего болтать — пора делом заняться.

— Сначала надо избавиться от леди Варис. Я не из тех карликов, что любят публику.

— Он уже ушел.

Тирион оглянулся. Евнух и правда исчез, вместе с юбками и всем прочим. «Значит, тут потайная дверь имеется». Он не успел додумать эту мысль, потому что Шая повернула его голову обратно и поцеловала его. Рот у нее был мокрый и жадный, и она как будто даже не замечала его шрама и урезанного наполовину носа. Ее кожа под его пальцами напоминала теплый шелк. Когда Тирион задел ее левый сосок, тот сразу отвердел.

— Скорей, — прошептала она между поцелуями, пока он развязывал свои тесемки, — скорей.

Хочу тебя, хочу, хочу. — Он не успел даже раздеться как следует — Шая выдернула его член из штанов, кинула Тириона на пол и оседлала. Она вскрикнула, когда он вонзился в нее, и понеслась вскачь, стеная: — Мой гигант, мой гигант, мой гигант. — Тирион так изголодался, что взорвался уже на пятом ее возгласе, но Шая не стала его укорять, только улыбнулась с озорством и поцеловала его потный лоб. — Мой гигант Ланнистер. Останься во мне — мне нравится чувствовать тебя там.

Тирион обнял ее и остался. «Как это хорошо — обниматься. Неужели это можно счесть преступлением, достойным казни через повешение?»

— Шая, милая, — сказал он, — это наша последняя встреча. Опасность слишком велика. Если мой лорд-отец узнает о твоем существовании…

— Мне нравится твой шрам. — Она провела по нему пальцем. — Ты с ним такой свирепый и сильный.

— Страшный, ты хочешь сказать, — засмеялся он.

— Милорд мне никогда не покажется страшным. — Она поцеловала обрубок его носа.

— Тебя должны беспокоить не мои шрамы, а

мой отец…

— Я его не боюсь. Милорд вернет мне мои драгоценности и шелка? Я просила Вариса, когда тебя ранили, но он не отдал. Что было бы с ними, если б ты умер?

— Но я же не умер — вот он я.

— Это верно. — Шая с улыбкой поерзала на нем. — Ты там, где тебе и положено быть. — Ее рот капризно скривился. — Но долго ли мне еще маяться у Лоллис теперь, когда ты поправился?

— Ты что, не слышала? Ты можешь остаться у Лоллис, но лучше будет, если ты уедешь из города.

— Не хочу я никуда уезжать. Ты обещал, что после битвы снова поселишь меня в моем доме. — Ее плоть легонько сжала его внизу, и он почувствовал, что снова твердеет. — Ты говорил, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Шая, проклятие богам, перестань. Послушай меня. Ты должна уехать. В городе полно Тирреллов, и с меня не спускают глаз. Ты не понимаешь, как это опасно.

— А можно мне пойти на королевскую свадьбу? Лоллис не пойдет. Я ей толкую, что в тронном зале короля ее никто насиловать не станет, но она такая глупая. — Шая скатилась с него, и их

тела с чмоканьем разъединились. — Саймон говорит, там будет состязание певцов, и акробаты, и турнир дураков.

Тирион совсем позабыл об этом трижды проклятом певце, развлекавшем Шаю.

— Где ты с ним встретилась?

— Я рассказала о нем леди Танде, и она наняла его играть для Лоллис. Музыка успокаивает ее, когда ребенок брыкается. Саймон говорит, там будет ученый медведь и борские вина. Я никогда не видела, как медведь пляшет.

— Он это делает еще хуже, чем я. — Его заботил певец, а не медведь. Одно неосторожное слово, попавшее не в то ухо, — и Шаю повесят.

— Саймон говорит, на пиру будет семьдесят семь блюд и большой пирог, в который запекут сто голубей. Когда пирог разрежут, они вылетят.

— А потом усядутся на стропилах и будут гадить на головы гостям. — Тирион уже имел дело с подобного рода свадебными пирогами и подозревал, что голубям отчего-то нравится гадить именно на него.

— Можно, я наряжусь в шелк и бархат и пойду как леди, а не как служанка? Никто и не узнает, кто я такая.

«Еще как узнают», — подумал Тирион.

— Леди Танда может удивиться, откуда на горничной ее дочери столько драгоценностей.

— Саймон говорит, гостей будет целая тысяча. Она меня и не увидит. Я найду себе место в темном уголке, буду тише воды, ниже травы, а когда ты выйдешь по нужде, улизну и встречусь с тобой. — Она взяла его член в ладони. — Под платье я ничего надевать не стану, и милорду даже развязывать ничего не придется. — Ее пальцы дразнили его, двигаясь вверх и вниз. — А если захочешь, я сделаю вот так. — Она охватила его плоть губами.

Вскоре Тирион был снова готов. В этот раз он продержался намного дольше. Шая свернулась калачиком рядом с ним.

— Ты ведь позволишь мне пойти, правда?

— Шая, — простонал он, — это опасно.

Она замолчала. Тирион пытался говорить о другом, но каждый раз натыкался на стену надутой учтивости, столь же ледяную и неподатливую, как та Стена, которую он посетил на севере. «Боги праведные, — устало думал он, следя, как догорает свеча, — как я мог допустить такое снова, после Тиши? Или я в самом деле такой дурак, каким считает меня отец?» Он охотно пообещал бы ей все, что она хочет, и ввел бы ее в свою опочи-

вальню, и одел бы в шелк и бархат, которые она так любит. Будь его воля, на свадьбе у Джоффри она сидела бы рядом с ним и плясала со всеми медведями подряд. Но если бы ее повесили, он бы этого не вынес.

Когда свеча догорела, Тирион освободился из объятий Шаи и зажег другую, а потом принялся простукивать стены, ища потайную дверь. Шая, сидевшая поджав ноги и охватив себя руками, долго смотрела на него и наконец сказала:

— Это под кроватью. Люк и ступеньки.

— Под кроватью? — недоверчиво повторил он. — Да ведь она каменная. Сто пудов весит.

— Варис на что-то нажимает, и она поднимается в воздух. Я спросила, как он это делает, а он говорит — это волшебство.

— Угу, — не сдержал усмешки Тирион. — А заклинание называется «противовес».

— Мне надо идти, — сказала Шая и встала. — Иногда, если ребенок сильно брыкается, Лоллис просыпается и зовет меня.

— Варис вот-вот вернется. Он, думаю, слушает все, о чем мы тут говорим. — Тирион поставил свечу. На бриджах спереди виднелось мокрое пятно, но авось в темноте его никто не заметит. Шае он велел одеться и ждать евнуха.

— Ладно, подожду, — пообещала она. — Ты мой лев, правда? Мой гигант Ланнистер?

— Да. А ты…

— …твоя шлюха. — Она приложила палец к его губам. — Знаю, знаю. Твоей леди я быть не могу, иначе ты бы взял меня на праздник. Ну ничего. Мне и шлюхой твоей нравится быть. Ты только не отпускай меня никуда, мой лев, и береги меня.

— Хорошо, — пообещал он, а голос внутри кричал: «Дурак ты, дурак. Ну зачем ты это сказал? Ты же собирался отослать ее прочь!» Тирион, вопреки всему, поцеловал Шаю еще раз.

Обратная дорога показалась ему долгой и одинокой. Подрик Пейн уже спал на своем тюфячке в ногах кровати, но Тирион разбудил его и сказал:

— Бронна мне.

— Сира Бронна? — Под протер глаза. — Привести его, милорд?

— О нет, я разбудил тебя для того, чтобы обсудить, как он одевается. — Сарказм Тириона пропал понапрасну — Под только вытаращился на него, и он, воздев в отчаянии руки, сказал: — Да. Приведи его. Прямо сейчас.

Парень поспешно оделся и опрометью выскочил из комнаты. «Неужели я действительно такой страшный?» Тирион переоделся в халат и

налил себе вина.

Миновало уже полночи, и он допивал третью чашу, когда Под наконец вернулся с рыцарем-наемником.

— Надеюсь, у парня была веская причина вытащить меня от Катаи, — сказал Бронн, усаживаясь.

— От Катаи? — раздраженно повторил Тирион.

— Хорошо быть рыцарем — не надо больше выискивать бордели подешевле, — ухмыльнулся Бронн. — Теперь Алаяйя и Мареи лежат на одной перинке с сиром Бронном посередке.

Тирион постарался подавить свое раздражение. Бронн имеет такое же право спать с Алаяйей, как любой другой, но все же… «Я к ней ни разу не прикоснулся, как бы мне того не хотелось, но Бронн-то не мог этого знать, так какого хрена он к ней полез?» Сам он не осмеливался больше ходить к Катае. Если он пойдет, Серсея позаботится, чтобы отец об этом услышал, и тогда Яйя одними плетьми не отделается. Он послал ей серебряное, с нефритом, ожерелье и пару таких же браслетов в качестве извинения, но что до остального…

«Ладно, нечего терзать себя попусту».

— Есть один певец, именующий себя Саймон Серебряный Язык, — устало молвил Тирион, от-

гоняя от себя чувство вины. — Иногда он играет для дочери леди Танды.

— Ну и что?

«Убей его», следовало бы сказать — но ведь Саймон ничего такого не делает, только песни поет. «И забивает Шае голову голубями и пляшущими медведями».

— Найди его, — сказал Тирион. — Найди, пока кто-нибудь другой не нашел.

Арья

Копаясь в огороде покойника, она услышала пение.

Арья замерла, недвижная как камень, зажав в руке три тощие морковки. При мысли о Кровавых Скоморохах и людях Русе Болтона по ней прошла дрожь. «Так нечестно. Особенно теперь, когда мы наконец добрались до Трезубца и думали, что опасность почти миновала».

Только с чего Скоморохи стали бы петь?

Песня разносилась вверх по реке из-за маленького пригорка на востоке.

— *В Чаячьем городе девушка ждет, хей-хо, хей-хо!*

Арья встала с морковками в руке. Похоже было, что певец идет по дороге вдоль реки. Пирожок

в капусте, судя по выражению его лица, тоже услышал. Джендри спал в тени сожженного дома и не слышал ничего.

— *Жди и надейся, милый твой придет, хей-хо, хей-хо!*

За тихим плеском реки Арье, кроме голоса, послышались и звуки арфы.

— Слышишь? — хрипло прошептал Пирожок, прижимая к груди кочан капусты. — Идет кто-то.

— Буди Джендри, только без шума, — велела она. — Потряси его. — Джендри просыпался легко в отличие от Пирожка, который без пинков и криков не поднимался.

– *За годы разлуки любовь наградит, хей-хо, хей-хо*. — Песня с каждым словом становилась все громче.

Пирожок бросил капусту, и кочаны с глухим стуком свалились на землю.

— Надо спрятаться.

«Хорошо бы, вот только куда?» Сожженный дом и заросший огород торчат на самом берегу. У реки растет несколько ив, а внизу, на отмели, — тростник, но дальше место совсем голое. «Не надо было нам выходить из леса», — подумала она. Это голод их оттуда выгнал — захотелось овощей набрать. Хлеб и сыр, украденные из Харренхолла,

вышли еще шесть дней назад.

— Уведи Джендри и лошадей за дом, — распорядилась Арья. Часть стены уцелела — авось двое мальчишек и трое лошадей сумеют за ней укрыться. «Если только лошади будут вести себя тихо, а этому певцу не вздумается порыться в огороде».

— А ты?

— Я спрячусь за деревом. Может, он там один. Если привяжется, я его убью. *Иди!*

Пирожок ушел, а она бросила морковки и вытащила из-за плеча краденый меч. Она носила его за спиной — он был сделан на взрослого мужчину и чиркал по земле, если повесить его на пояс. «А уж тяжелый какой!» Арья вспоминала свою Иглу всякий раз, как брала в руки эту неуклюжую железяку. Но все-таки это меч, которым можно убить — этого достаточно.

Легко ступая, она укрылась за стволом старой плакучей ивы на повороте дороги, вдавив колено в илистую, поросшую травой почву. «Старые боги, — молилась она под звуки песни, — древесные боги, укройте меня, и пусть он пройдет мимо. — Но тут одна из лошадей заржала, и песня оборвалась. — Он слышал — но, может быть, он там один, а если нет, то ведь они могут так же

бояться нас, как мы их».

— Слыхал? — спросил мужской голос. — Там за стеной кто-то есть.

— Точно, — ответил другой голос, пониже. — Как по-твоему, Лучник, кто это может быть?

«Стало быть, их двое». Арья прикусила губу. Она не видела их из-за ивовых ветвей, только слышала.

— Медведь. — Третий голос — или это снова первый?

— На медведе мяса много, — сказал бас, — и сала тоже, по осени. Если правильно приготовить, очень вкусно.

— А может, там волк. Или лев.

— На четырех ногах или на двух?

— Да какая разница.

— И то верно. Что ты хочешь делать с этими стрелами, Лучник?

— Пущу парочку поверх стены. Тогда тот, кто там затаился, мигом выскочит, вот увидишь.

— А если там какой-нибудь добрый человек прячется? Или женщина с грудным дитем?

— Добрый человек вышел бы и показался — это только разбойники прячутся.

— И то верно. Ладно, стреляй.

– *Не надо!* — крикнула, вскочив на ноги, Арья

и выставила вперед свой меч. Их было трое. «Только трое». Сирио и не со столькими бы справился. Может, Джендри с Пирожком тоже придут ей на подмогу. «Правда, они мальчишки, а эти взрослые».

Мужчины были пешие и все в грязи. Певца она узнала по маленькой арфе, которую он прижимал к груди, как мать младенца. Небольшого роста, лет пятидесяти, большеротый, остроносый, с редкими бурыми волосами. Одет в выгоревшее зеленое сукно со старыми кожаными заплатами, на поясе связка метательных ножей, за спиной топор лесоруба.

Другой был на добрый фут выше и походил на солдата. У него на кожаном с заклепками поясе висели длинный меч и кинжал, на рубаху были нашиты перехлестывающиеся стальные кольца, голову покрывал черный железный, конусом, полушлем. В косматой бурой бороде прятались плохие зубы, но больше всего в глаза бросался желтый плащ с капюшоном. Толстый и тяжелый, с пятнами от травы и крови, подпаленный внизу и залатанный замшей на правом плече, этот плащ придавал своему хозяину сходство с какой-то огромной желтой птицей.

Последний из троицы, молодой парень, был

тонок, как его лук, но не столь высок. Рыжий и веснушчатый, он имел на себе нагрудник с заклепками, высокие сапоги и кожаные перчатки без пальцев, а за спиной у него висел колчан. Шесть стрел с серым гусиным оперением торчали в земле перед ним, как маленькая изгородь.

Все трое смотрели на Арью, стоящую посреди дороги с мечом в руке. Наконец арфист лениво дернул одну из струн и сказал:

— Мальчик, положи-ка свой меч, пока не порезался. Он чересчур велик для тебя, и потом, Энгай успеет пустить в тебя три стрелы, прежде чем ты до нас доберешься.

— Не успеет. И я *девочка*, а не мальчик.

— В самом деле? Виноват, — поклонился певец.

— Идите своей дорогой. Просто ступайте мимо, а ты себе пой дальше, чтобы мы слышали, где вы. Уходите, и я вас не трону.

— Лим, ты слыхал — она нас не тронет! — засмеялся веснушчатый лучник.

— Слыхал, — басом ответил здоровяк Лим.

— Дитя, — сказал певец, — положи меч, а мы отведем тебя в безопасное место и накормим. В этих краях водятся волки, львы и твари еще хуже этих. Негоже маленькой девочке бродить

здесь одной.

— Она не одна. — Джендри выехал из-за дома, а за ним Пирожок с ее лошадью в поводу. Джендри в своей кольчуге и с мечом казался почти взрослым и весьма опасным, Пирожок оставался Пирожком. — Делайте как она говорит и оставьте нас в покое.

— Двое да трое, — нараспев произнес певец, — все, что ли? А кони-то у вас славные — где вы их украли?

— Они наши. — Арья пристально наблюдала за ними. Певец заговаривает ей зубы, но опасность заключается в лучнике. «Если он выдернет стрелу из земли…»

— Может, назовете свои имена, как честные люди? — спросил певец.

— Я Пирожок, — тут же выпалил Пирожок.

— Тебе подходит, — улыбнулся певец. — Не часто встретишь мальчика с таким вкусным именем. А друзей твоих как звать — Окорок и Голубенок?

Джендри хмуро посмотрел на него с седла.

— С чего мне называть вам свое имя? Ваших-то я пока не слышал.

— Ну что ж: я Том из Семи Ручьев, называемый чаще Томом Семиструнным или Томом-Семер-

кой. Этот верзила с черными зубами — Лим, прозванный так из-за своего лимонно-желтого плаща и сам кислый, как лимон. А паренек — это Энгай, или Лучник.

— Теперь говорите, кто вы такие будете, — громыхнул своим басом Лим.

Арья не собиралась говорить им свое настоящее имя.

— Хотите, зовите Голубенком — мне все равно.

— Голубенок с мечом, — хохотнул Лим. — Такое не каждый день встретишь.

— А я Бык, — следуя примеру Арьи, заявил Джендри. Она его не упрекала — Бык все-таки лучше Окорока.

Том прошелся по струнам своей арфы.

— Пирожок, Голубенок и Бык. Никак сбежали с кухни лорда Болтона?

— Как ты догадался? — с беспокойством спросила Арья.

— Ты носишь на груди его знак, малютка.

Арья совсем забыла, что у нее под плащом, на пажеском дублете вышит ободранный человек Дредфорта.

— Не называй меня малюткой!

— Почему? — спросил Лим. — Ты ведь и правда маленькая.

— Нет, большая. Я уже не ребенок. — Дети, в отличие от нее, людей не убивают.

— Это я вижу, Голубенок. Никого из вас нельзя назвать детьми, раз вы служили у Болтона.

— Мы у него не служили. — Пирожок, как обычно, не понимал, когда лучше промолчать. — Мы уже жили в Харренхолле, когда он пришел, вот и все.

— Выходит, вы львята? — спросил Том.

— Нет, и не львята. Мы ничьи. А вы?

— Мы люди короля, — заявил Энгай-Лучник.

— Какого короля? — нахмурилась Арья.

— Короля Роберта, — ответил Лим.

— Этого старого пьяницы? — презрительно бросил Джендри. — Да он же помер давно, его вепрь запорол — это все знают.

— Да, парень, к великому нашему сожалению, — сказал Том и взял на своей арфе печальную ноту.

Арье не верилось, что они люди короля — эти оборванцы смахивали скорее на разбойников. У них даже лошадей нет, а люди короля должны быть конными.

Но Пирожок тут же распустил язык:

— Мы ищем Ривердан. Не знаете, сколько еще дней до него ехать?

Арья охотно убила бы его.

— Молчи, не то я камней тебе в болтливый рот напихаю.

— До Риверрана еще долго вверх по реке, — сказал Том. — Долго и голодно. Не хотите ли поесть горячего, прежде чем трогаться в путь? Тут недалеко есть гостиница, которую держат наши друзья. Разделим лучше эль и хлеб за одним столом, чем драться.

— Гостиница? — При мысли о горячем у Арьи в животе заурчало, но она не питала доверия к этому Тому. Не всякий, кто говорит с тобой ласково, тебе друг. — Недалеко, говоришь?

— Две мили вверх по реке — ну, скажем, не больше лиги.

Джендри, как и Арья, колебался.

— Что у вас за друзья такие? — настороженно спросил он.

— Просто друзья. Забыл, что это означает?

— Хозяйку зовут Шарна, — вставил Том. — Язык у нее острый и глаз тоже, с этим не поспоришь, но сердце доброе, и маленьких девочек она любит.

— Я не маленькая, — сердито отрезала Арья. — А еще кто там есть? Ты сказал «друзья».

— Еще ее муж и сирота, которого они к себе взяли. Ничего дурного они вам не сделают. Там

есть эль, если вы до него уже доросли, свежий хлеб — а может, и мясо найдется. — Том оглядел усадьбу. — Пригодится и то, что вы тут наворовали у старого Пата.

— Мы не воры, — возразила Арья.

— А кто ты старому Пату — дочь или сестра? Может, жена? Не надо врать, Голубенок. Я сам хоронил старого Пата под той ивой, где ты пряталась, и ты на него совсем не похожа. — Том снова извлек из арфы печальный звук. — Мы много хороших людей схоронили за прошлый год, и нам неохота хоронить еще и вас, клянусь моей арфой. Лучник, покажи ей.

Лучник отозвался так быстро, что Арья глазам своим не поверила, и стрела просвистела в дюйме от ее уха, вонзившись в ствол ивы позади нее. Лучник тем временем уже приладил вторую стрелу и натянул тетиву. Ей казалось, что она понимает, что подразумевал Сирио, говоря «быстро, как змея» или «ускользающая, как летний шелк», но теперь она впервые увидела, что это такое на самом деле. Стрела снова прожужжала мимо, как пчела.

— Ты промахнулся, — заметила Арья.

— Дура же ты, если так думаешь, — сказал Энгай. — Они летят, куда я их посылаю.

— Это верно, — подтвердил Лим.

Лучника отделяло от острия ее меча около дюжины шагов. «Ничего не поделаешь», — поняла Арья, жалея, что у нее нет лука и она не умеет так же хорошо стрелять. Она угрюмо уперла свой тяжелый меч в землю.

— Ладно, поглядим на вашу гостиницу, — сказала она, скрывая сомнение за храбрыми словами. — Вы ступайте вперед, а мы поедем сзади, чтобы вас видеть.

— Впереди или позади, все едино, — с низким поклоном ответил ей Том. — Пошли, ребята, покажем им дорогу. Вытаскивай свои стрелы, Энгай, они нам еще пригодятся.

Арья спрятала меч в ножны и перешла через дорогу к своим друзьям, которые держались подальше от трех незнакомцев.

— Пирожок, забери капусту, — сказала она, садясь верхом. — И морковку тоже.

В кои-то веки он не стал с ней спорить. Они отправились в путь в указанном ею порядке. Лошади медленно двигались по изрытой дороге в десятке шагов от трех пешеходов, но вскоре конные незаметно для себя почти поравнялись с пешими. Том Семиструнный шел медленно и все время бренчал на своей арфе.

— Вы какие-нибудь песни знаете? — спросил он. — Я охотно спел бы с кем-нибудь. У Лима

слуха нет, а наш стрелок знает только марочные баллады, по сотне строф каждая.

— Только у нас на Марках поют настоящие песни, — беззлобно ответил Энгай.

— Петь вообще глупо, — заявила Арья. — Только шум поднимать. Мы вас услышали за целую милю и запросто могли бы убить.

Том улыбнулся, показывая, что он другого мнения.

— Есть вещи и похуже, чем умереть с песней на устах.

— Если бы тут поблизости были волки или львы, мы бы знали, — вставил Лим. — Это наш лес.

— Но про нас-то вы не знали, — заметил Дженри.

— Не будь так уверен, парень, — сказал Том. — Иногда человек знает больше, чем говорит.

Пирожок поерзал в седле и сказал:

— Я знаю песню про медведя. Немного.

— Что ж, давай споем, сдобный ты наш. — Том ударил по струнам, запрокинул голову и запел: *«Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!»*

Пирожок подхватил с увлечением, покачиваясь на ходу в такт. К удивлению Арьи, голос у него

оказался хороший, и пел он верно. Она не знала, что он способен еще на что-нибудь, кроме своего пекарского дела.

Чуть подальше в Трезубец впадала мелкая речка. Они перешли ее вброд, и пение спугнуло утку из тростника. Энгай тут же сорвал с плеча лук и сбил ее. Утка шлепнулась недалеко от берега, и Лим, скинув свой желтый плащ, с охами и жалобами побрел к ней по колено в воде.

— Как по-твоему, есть у Шарны в погребе лимоны? — спросил Энгай Тома, наблюдая за его продвижением. — Одна дорнийская девушка как-то приготовила мне утку с лимоном. — В его голосе слышалась грусть.

На том берегу Том и Пирожок возобновили пение, а утка заняла место на поясе у Лима под желтым плащом. Пение помогло скоротать дорогу, и недолгое время спустя в том месте, где Трезубец делал широкую излучину к северу, на берегу возникла гостиница. Арья подозрительно прищурилась, приближаясь к ней. На разбойничье логово этот дом не походил, что правда, то правда — он казался приветливым, даже уютным со своим беленым верхом, грифельной крышей и ленивым дымком из трубы. К гостинице примыкала конюшня и другие службы, позади

располагалась беседка и небольшой огород, в котором росли яблони. Имелась даже собственная пристань, которая выходила в реку, а еще…

— Джендри, — тихо сказала Арья, — у них есть лодка. Мы могли бы проплыть на ней остаток пути до Риверрана. Мне кажется, это быстрее, чем ехать верхом.

— А ты ею управлять умеешь? — с сомнением спросил он.

— Надо только парус поставить, и ветер сам нас повезет.

— А если ветер не в ту сторону дует?

— Тогда надо грести.

— Против течения-то? — нахмурился Джендри. — Мне сдается, это будет медленно. И потом, вдруг она перевернется, и мы упадем в воду? Да и не наша это лодка, а гостиничная.

«Ее можно и увести». Арья прикусила губу и промолчала. Они спешились перед конюшней. Других лошадей не было видно, но в стойлах громоздились кучи свежего навоза.

— Кто-то из нас должен остаться и постеречь лошадей, — сказала Арья.

— В этом нет нужды, Голубенок, — сказал, услышав ее, Том. — Пошли поедим, никуда они не денутся.

— Я останусь, — вызвался Джендри. — Только принесите мне что-нибудь из еды.

Арья кивнула и пошла за Пирожком и Лимом. Меч все так же висел у нее за спиной, а руку она не отводила от кинжала, украденного ею у Русе Болтона — на случай, если ей не понравится то, что окажется внутри.

Вывеска над дверью представляла какого-то старого короля на коленях. Посреди общей комнаты стояла, подбоченившись, очень высокая безобразная женщина с торчащим вперед подбородком.

— Не стой столбом, мальчик, — рявкнула она при виде Арьи, — или ты девочка? Все равно, не стой у меня на дороге. Либо войди, либо выйди. А ты, Лим, что делаешь? Посмотри, как на полу наследил!

— Мы подстрелили утку. — Лим выставил птицу вперед, как мирный флаг.

Женщина тут же ее схватила.

— Ты хочешь сказать, что ее Энгай подстрелил. Снимай сапоги — ты что, глухой или просто дурак? *Муж!!* — завопила она. — Иди сюда, ребята вернулись. *Муж!*

Из погреба, ворча, вылез мужчина в грязном переднике, на голову ниже женщины, с желтым

одутловатым и рябым лицом.

— Я здесь, женщина, хватит орать. Чего тебе?

— Повесь ее, — сказала она, протягивая ему утку.

Энгай пошаркал ногами.

— Мы, собственно, располагали ее съесть, Шарна. С лимоном, если у тебя найдется.

— С лимоном! Где ж мне его взять? Тут тебе не Дорн, дуралей конопатый! Если так неймется, сбегай туда да нарви нам корзинку, а заодно оливок и гранатов прихвати. — Хозяйка погрозила ему пальцем. — Я, конечно, могу запечь ее в Лимовом плаще, если хочешь, только утка все равно должна повисеть пару дней. Ешь крольчатину или вовсе ничего не получишь. Кролика на вертеле поджарить быстрее всего, если не терпится. А не то можно жаркое приготовить, с луком и элем.

Арья прямо-таки чувствовала во рту вкус этого кролика.

— Денег у нас нет, зато мы принесли вам капусты и морковки, — сказала она.

— Да ну? И где же они?

— Отдай ей капусту, Пирожок, — велела Арья, и он повиновался, глядя на женщину с опаской, точно она была Роржем, Кусакой или Варго Хоутом.

Женщина внимательно осмотрела овощи и вперила еще более пристальный взгляд в мальчишку.

— А пирожок где?

— Здесь. Это меня так зовут. А она вот… это… Голубенок.

— Только не у меня в доме. Я своих едоков и блюда называю по-разному, чтобы отличать одних от других. *Муж!!*

Муж вышел было за дверь, но на ее окрик сразу вернулся.

— Утку я повесил. Чего еще, женщина?

— Помой эти овощи, — скомандовала она. — А вы все сидите и ждите, когда я приготовлю кролика. Мальчик принесет вам выпить. — Она взглянула вдоль своего длинного носа на Арью и Пирожка. — Детям я эль не даю, но сидр у нас вышел, молока нет, а по реке мертвецы плавают, и от воды разит войной. Бульон с дохлыми мухами вы ведь не стали бы пить?

— Арри выпила бы, — сказал Пирожок. — То есть Голубенок.

— Лим тоже, — ехидно вставил Энгай.

— За Лима ты не волнуйся. Нынче все будут пить эль. — И Шарна удалилась на кухню.

Энгай и Том сели за стол около очага. Лим по-

весил свой желтый плащ на колышек. Пирожок плюхнулся на скамью поближе к двери, и Арья примостилась рядом с ним.

Том снял с плеча арфу и запел, подбирая мелодию к словам:

— *Харчевня стоит у речной быстрины́… хозяйка ее пострашнее войны.*

— Тихо ты, а то не видать нам крольчатины, — остановил его Лим. — Сам знаешь, какая она.

— Ты лодкой умеешь управлять? — спросила, придвинувшись к Пирожку, Арья. Но он не успел ответить, потому что в комнату вошел крепкий парень лет пятнадцати-шестнадцати, неся кружки с элем. Пирожок благоговейно принял свою в обе руки и попробовал. Такой широкой улыбки Арья у него ни разу еще не видела.

— Эль, — блаженно произнес он, — да еще и кролик…

— За его милость! — воскликнул Энгай, подняв свою кружку. — Пусть Семеро хранят короля!

— Всю дюжину королей, — буркнул Лим, выпил и вытер пену с бороды. Хозяйкин муж вбежал со двора, неся в переднике мытые овощи, и объявил:

— На конюшне чужие лошади. — Как будто без него никто не знал.

— Да, — подтвердил Том, отложив арфу в сторону, — и лучше тех, которых ты отдал.

Муж раздраженно высыпал овощи на стол.

— Не отдал, а продал за хорошую цену, да еще и лодку взял в придачу. Это вам, между прочим, полагалось забрать их назад.

«Так я и знала — это разбойники, — подумала Арья. Она нащупала под столом рукоять кинжала, убедившись, что он на месте. — Если они попробуют нас ограбить, то пожалеют об этом».

— Они мимо нас не проезжали, — сказал Лим.

— Я их туда посылал — а вы, верно, перепились или дрыхли.

— Чтоб мы перепились? — Том хлебнул эля. — Да ни в жизнь.

— Тебе надо было самому их задержать, — сказал Лим Мужу.

— Вдвоем с мальчишкой? В третий раз вам говорю: старуха ушла в Ламбсвольд принимать у Ферн роды — а обрюхатил девушку не иначе как кто-то из вас. — Муж устремил укоряющий взгляд на Тома. — Бьюсь об заклад — это из-за твоих слезливых песенок бедняжка Ферн скинула с себя все одежки.

— Если звуки песни побуждают девушку сбросить с себя одежду и ощутить поцелуй солнца

на своей коже, разве певец виноват? — спросил Том. — И потом, ей Энгай больше приглянулся. Только и слышишь, бывало: можно потрогать твой лук? Ох, какой же он твердый да гладкий. А можно, я его немножко потяну?

— Ты или Энгай — невелика разница, — фыркнул Муж. — Вы не меньше моего виноваты, что лошади пропали. Их было трое — что ж я один-то мог?

— Из этих троих одна была баба, а другой в цепях — сам говорил, — презрительно бросил Лим.

— Баба была здоровенная и одета по-мужски, — поморщился Муж. — А который в цепях… уж больно мне не понравилось, как он смотрит.

— Если мне не нравится, как человек смотрит, я пускаю стрелу ему в глаз, — улыбнулся над кружкой Энгай.

Арья вспомнила стрелу, просвистевшую около ее уха, и снова пожалела, что не умеет стрелять.

— А ты бы помолчал, когда старшие говорят, — одернул молодого стрелка Муж. — Пей свой эль и сиди тихо, не то напущу на тебя старуху с поварешкой.

— Старшие больно много мелют языками, а эль я и без тебя пью. — И Энгай в подтверждение своих слов сделал большой глоток.

Арья последовала его примеру. После воды, которую они пили из ручьев, прудов и мутного Трезубца, эль показался ей таким же вкусным, как вино, которое давал ей пробовать отец. Из кухни между тем плыл запах, от которого слюнки текли, но мысли Арьи по-прежнему занимала лодка. «Увести-то ее будет нетрудно, а вот плыть на ней… Если дождаться, когда все уснут…»

Парень появился снова с круглыми ковригами хлеба. Арья отломила кусок и впилась в него зубами, но хлеб оказался жестким и с подгоревшей нижней коркой.

Пирожок, отведав его, даже сморщился и заявил:

— Плохой здесь хлеб — густой и подгоревший.

— Ты дождись жаркого — если макать его в подливку, он ничего, — посоветовал Лим.

— Я бы так не сказал, но хоть зубы целее будут, — сказал Энгай.

— Не нравится — сиди голодный, — буркнул Муж. — Что я тебе, пекарь? Поглядел бы я, какой бы ты испек.

— А что, я могу, — сказал Пирожок. — Ничего тут хитрого нет. Вы слишком долго месите тесто, вот хлеб и получается вязкий. — Он глотнул еще эля и понес свою обычную околесицу о хлебе, пи-

рогах и плюшках — Арья только глаза закатила.

— Голубенок, — сказал Том, садясь напротив нее, — или Арри, или как там тебя зовут по-настоящему — это тебе. — И он положил перед ней грязный клочок пергамента.

— Что это? — с подозрением спросила она.

— Три золотых дракона. За лошадей.

— Лошади наши, — насторожилась Арья.

— То есть вы украли их сами, так? Тут стыдиться нечего, девочка. Война многих честных людей делает ворами. — Том постучал пальцем по пергаменту. — Я даю тебе хорошую цену. Ни одна лошадь столько не стоит, по правде сказать.

Пирожок развернул пергамент и заявил громко:

— Так ведь это не золото. Просто писанина какая-то.

— Да, — сказал Том, — к моему сожалению. Но после войны мы превратим это в золото — даю вам слово, как солдат короля.

Арья отодвинулась от стола и встала.

— Вы не люди короля, вы разбойники.

— Если б ты имела когда-нибудь дело с настоящими разбойниками, то знала бы, что они даже на бумаге не платят. Мы не для себя берем лошадей, дитя, а для блага державы, чтобы пе-

редвигаться быстрее, когда война того требует. Мы сражаемся за королевское дело — ты ведь не против короля, нет?

Все в комнате смотрели на нее: Энгай, Лим и желтолицый, с бегающими глазками Муж. Даже Шарна, стоящая на пороге кухни. «Они все равно отнимут у нас лошадей, что бы я ни сказала, — поняла Арья. — И нам придется идти в Ривердран пешком, если только…»

— Бумажка нам не нужна, — сказала она, выбив пергамент из рук Пирожка. — Мы можем обменять лошадей на вашу лодку. Только покажите сначала, как ею управлять.

Том, поглядев на нее, скривил свой большой рот и вдруг рассмеялся. Энгай присоединился к нему, и они зареготали все: Лим, Шарна, Муж и даже мальчишка-подавальщик, вышедший из-за груды бочек с арбалетом. Арье захотелось наорать на них, но вместо этого она сама заулыбалась…

– *Всадники!* — ворвавшись в комнату, завопил Джендри. — *Солдаты.* Едут по речной дороге, дюжина человек.

Пирожок вскочил, опрокинув кружку, но все прочие даже с места не двинулись.

— Это не причина, чтобы лить хороший эль на пол, — сказала Шарна. — Сядь и успокойся,

мальчик, кролик сейчас поспеет. И ты тоже, девочка. Если вам прежде довелось натерпеться чего-то худого, теперь с этим покончено: люди короля не дадут вас в обиду. Мы позаботимся о вас, как умеем.

Вместо ответа Арья нашарила за плечом рукоять меча, но успела вытащить его только наполовину, потому что Лим перехватил ее руку.

— Ну, хватит дурить. — Он сжал ее запястье так, что пальцы раскрылись. У него самого пальцы были мозолистые и ужасно сильные. «Опять начинается! Как тогда, в деревне, с Чизвиком, Раффом и Скачущей Горой». Они отнимут у нее меч и снова превратят ее в мышь. Схватив свободной рукой кружку, Арья треснула Лима по лицу. Эль выплеснулся ему в глаза, нос хрустнул, и оттуда брызнула кровь. Лим, взревев, схватился за него обеими руками, и Арья освободилась.

– *Бежим!* — крикнула она и ринулась к двери.

Но Лим, делая один шаг на ее три, тут же догнал ее и поднял в воздух. Она билась и брыкалась, но он продолжал держать ее на весу, а кровь у него из носа так и хлестала.

– *Перестань*, дура мелкая! — крикнул он, тряхнув ее. — Перестань сейчас же! — Джендри двинулся ей на помощь, но Том с кинжалом заго-

родил ему дорогу.

Бежать все равно уже было поздно. Снаружи топотали кони и слышались мужские голоса. Миг спустя в открытую дверь ввалился тирошиец еще больше Лима, с косматой бородищей — седой, но зеленой на концах. Дальше шли, поддерживая раненого, двое арбалетчиков, следом валили остальные.

Арья никогда еще не видывала такой оборванной шайки, но мечи, топоры и луки у них были в отличном состоянии. Двое или трое вошедших взглянули на нее с любопытством, но никто из них не сказал ни слова. Одноглазый человек в ржавом полушлеме понюхал воздух и ухмыльнулся, лучник с копной желтых волос потребовал эля. За ними вошли еще люди: копейщик с львиным гребнем на шлеме, человек средних лет с заметной хромотой, наемник из Браавоса и…

— Харвин? — прошептала Арья. Да, это он! У него отросла борода и волосы, но это был он, сын Халлена, который водил ее пони по двору, наскакивал на кинтану с Джоном и Роббом и сильно напивался на пирах. Похудевший и посуровевший, это был, несомненно, он — человек ее отца. — *Харвин!* — Она дернулась, стараясь вырваться из железных рук Лима. — Харвин, это

я, ты ведь узнаешь меня, правда? — У нее потекли слезы, и она разревелась, как самый настоящий ребенок. — Харвин, это же я!

Взгляд Харвина перешел с ее лица на ободранного человека у нее на дублете.

— Откуда ты меня знаешь? — нахмурился он. — Ободранный человек… ты кто, слуга лорда-пиявки?

На миг она растерялась, не зная, что ему отвечать. Слишком много у нее было имен. Может быть, Арья Старк ей только приснилась?

— Я девочка, — пролепетала она, шмыгая носом. — У лорда Болтона я служила чашницей, но он собрался оставить меня козлу, и мы с Джендри и Пирожком убежали. Ты должен меня узнать! Ты катал меня на пони, когда я была маленькая.

Глаза у Харвина стали круглыми.

— Боги праведные! Арья-Надоеда! Отпусти ее, Лим.

— Она мне нос сломала. — Лим бесцеремонно поставил ее на пол. — А кто она такая, седьмое пекло?

— Дочь десницы, — сказал Харвин и преклонил перед ней колено. — Арья Старк из Винтерфелла.

Кейтилин

«Робб», — поняла она в ту же минуту, как собаки разразились лаем.

Ее сын вернулся в Ривердан, и Серый Ветер вместе с ним. Только запах лютоволка мог ввергнуть здешних собак в такое неистовство. Кейтилин знала, что сын непременно придет к ней. Эдмар после того первого визита у нее больше не бывал — он проводил время с Марком Пайпером и Патреком Маллистером, слушая сочиненную Раймундом-Рифмачом песню о битве у Каменной Мельницы. «Но Робб — не Эдмар. Робб придет ко мне».

Уже несколько дней как шел дождь, холодный и серый, хорошо подходивший к настроению Кейтилин. Отец слабел и с каждым днем все больше

бредил, а в редкие минуты просветления бормотал «Гвоздика» и молил ее о прощении. Эдмар чурался ее, а сир Десмонд Грелл по-прежнему не разрешал ей свободно гулять по замку, хотя это, похоже, делало несчастным его самого. Только возвращение сира Робина Ригера и его людей, сбивших ноги и промокших насквозь, немного подняло ее дух. Обратно они, по всей видимости, добирались пешком. Цареубийца каким-то образом умудрился потопить их галею и уйти, как поведал Кейтилин мейстер Виман. Кейтилин просила разрешения поговорить с самим сиром Робином, чтобы узнать подробности, но в этом ей отказали.

Помимо этого, случилось еще кое-что. В день возвращения брата, через несколько часов после разговора с ним, она услышала внизу во дворе сердитые голоса. С крыши ей стала видна суета у главных ворот замка. Из конюшни выводили лошадей: и было много шума и крика, но слов она за дальностью расстояния не разбирала. Одно из белых знамен Робба валялось на земле, и какой-то конный рыцарь проскакал по нему к воротам. Несколько других последовали его примеру. «Это люди, которые сражались вместе с Эдмаром на бродах, — поняла Кейтилин. — Что

же могло вызвать у них такой гнев? Неужели брат чем-то оскорбил их?» Ей показалось, что она узнала сира Первина Фрея, который ездил с ней к Горькому мосту и Штормовому Пределу, и его брата, бастарда Мартина Риверса, но с такой высоты она не могла быть в этом уверена. Из ворот выехали около сорока человек, и причина их отъезда осталась для нее загадкой.

Больше они не вернулись, а мейстер Виман так и не сказал ей, кто они, куда отправились и что их так рассердило.

— Я здесь нахожусь, чтобы ухаживать за вашим отцом, миледи, и только, — отрезал он. — Скоро лордом Риверрана будет ваш брат, он и сообщит вам все, что сочтет нужным.

Но теперь с запада вернулся Робб — и вернулся победителем. «Он простит меня, — говорила себе Кейтилин. — Он должен простить, он мой сын, и Санса с Арьей ему такая же родная кровь, как и мне. Он освободит меня из заточения, и я узнаю наконец, что случилось».

К тому времени, как сир Десмонд пришел за ней, она вымылась, оделась понаряднее и красиво причесала свои золотисто-рыжие волосы.

— Король Робб вернулся с запада, миледи, — сказал рыцарь, — и требует вас к себе в Великий

Чертог.

Вот он, миг, о котором она мечтала и которого боялась. «Сколько сыновей я потеряла — двух или трех?» Скоро она это узнает.

Чертог, когда они вошли, был полон. Глаза собравшихся были устремлены на помост, но Кейтилин узнавала их и по спинам. Вот леди Мормонт в залатанной кольчуге, вот возвышаются над всеми остальными Большой Джон с сыном, вот седовласый лорд Джейсон Маллистер с крылатым шлемом на согнутой руке, Титос Блэквуд в своем великолепном плаще из вороньих перьев… «Половина из них охотно вздернула бы меня на виселицу, а другая половина разве что отвернулась бы при этом». Кроме того, Кейтилин мучило чувство, будто здесь кого-то недостает.

Робб стоял на возвышении. «Он уже не мальчик, — с болью убедилась Кейтилин. — Ему шестнадцать, и он теперь взрослый мужчина — стоит только посмотреть на него». Война вытравила всю мягкость из его черт, сделав лицо худощавым и твердым. Свою бороду он сбрил, но золотисто-рыжие волосы падают до самых плеч. От дождей его кольчуга заржавела и оставляет бурые пятна на белизне плаща и камзола. Или это кровь, а не ржавчина? На голове у него корона с

зубцами в виде мечей, которую ему выковали из бронзы и железа. «Теперь он носит ее уверенно, как настоящий король».

Эдмар стоял внизу, под помостом, скромно склонив голову, и принимал похвалы Робба за одержанную победу.

— …Битва у Каменной Мельницы никогда не будет забыта. Неудивительно, что лорд Тайвин бежал и предпочел сразиться со Станнисом, устрашившись северян и речного народа. — Это вызвало смех и одобрительные возгласы в зале, но Робб поднял руку, призывая к тишине. — Не будем, однако, заблуждаться. Ланнистеры еще вернутся, и нам не раз еще придется вступить с ними в бой, чтобы обеспечить безопасность королевства.

– *Король Севера!* — взревел Большой Джон, вскинув вверх свой одетый в кольчугу кулак.

– *Король Трезубца!* — хором поддержали его речные лорды. Кулаки взлетали над головами, и ноги топотали по полу.

Среди общего гама Кейтилин с сиром Десмондом заметили лишь немногие, но эти немногие принялись толкать своих соседей, и скоро вокруг нее воцарилась тишина. Она держала голову высоко и не отвечала ни на чьи взгляды. «Пусть

думают что хотят — для меня важно только мнение Робба».

Она немного приободрилась, увидев на помосте рубленые черты сира Бриндена Талли. Незнакомый ей мальчик, видимо, исполнял обязанности оруженосца Робба. Рядом стоял молодой рыцарь в песочном камзоле с морскими раковинами и рыцарь постарше, с тремя черными перечницами на шафрановой перевязи поперек зеленого в серебристую полоску поля. Место между ними занимали красивая дама средних лет и хорошенькая девушка — видимо, ее дочь. Была там и другая девушка, на вид ровесница Сансе. Кейтилин помнилось, что раковины служат эмблемой какого-то мелкого дома, но перечниц старшего рыцаря она не узнала. «Быть может, это пленники?» Но зачем Робб поставил пленников на помост?

Сир Десмонд вывел Кейтилин вперед, и Утерайдс Уэйн стукнул посохом об пол. «Что мне делать, если Робб взглянет на меня так же, как Эдмар?» Но вместо гнева в глазах сына ей померещилось нечто иное… как будто предчувствие недоброго. Да нет же, это бессмысленно. Чего ему бояться? Он Молодой Волк, Король Трезубца и Севера.

Дядя, сир Бринден, поздоровался с ней первым. Черная Рыба, оправдывая свое прозвище, не заботился о мнении других. Он соскочил с помоста и заключил Кейтилин в объятия.

— Рад видеть тебя дома, Кет. — Услышав это, она с трудом сохранила спокойствие и прошептала в ответ:

— Я тоже рада.

— Матушка.

Кейтилин подняла глаза на своего высокого сына.

— Ваша милость, я молилась за ваше благополучное возвращение. Я слышала, вы были ранены.

— Стрела пробила мне руку при штурме Скалы, но все уже зажило. За мной превосходно ухаживали.

— Хвала богам. — Кейтилин глубоко вдохнула. Ну, говори же — этого все равно не избежать. — Вам должны были сказать о том, что я сделала. Но назвали ли вам причину?

— Это из-за девочек.

— У меня было пятеро детей, а теперь осталось трое.

— Да, миледи. — Лорд Рикард Карстарк отстранил Большого Джона и вышел вперед, словно

мрачный призрак, в черной кольчуге, с длинной седой бородой и холодным выражением на узком лице. — У меня тоже было трое сыновей, а теперь только один, и вы отняли у меня возможность мщения.

— Лорд Рикард, — спокойно ответила ему Кейтилин, — смерть Цареубийцы не вернет ваших детей, но жизнь его способна выкупить моих.

— Джейме Ланнистер одурачил вас, — неумолимо отрезал Карстарк. — Вы купили у него мешок пустых слов, не более. Мой Торрхен и мой Эддард заслуживали лучшего отношения с вашей стороны.

— Оставь ее, Карстарк, — громыхнул Большой Джон, скрестив на груди свои ручищи. — Она мать, и ее обуяло безумие. Все женщины так устроены.

— Безумие? — повернувшись к нему, повторил лорд Рикард. — Я назвал бы это другим словом: измена.

– *Довольно*. — Это Робб выпалил скорее как Брандон, чем как отец. — Никто не смеет называть леди Винтерфелла изменницей в моем присутствии, лорд Рикард. — Затем Робб обратился к самой Кейтилин, и его голос смягчился: — Если бы я мог одним желанием вернуть Цареубийцу

в оковы, я сделал бы это. Вы освободили его без моего ведома и согласия… но я знаю, что в этом вами двигала любовь. Любовь к Арье и Сансе и горе по утраченным нами Брану и Рикону. Любовь же, как я узнал теперь, не всегда бывает мудра. Она способна привести нас к безумию, и все же мы следуем зову своего сердца, куда бы оно нас ни вело. Не так ли, матушка?

«Вот, значит, как он на это смотрит?»

— Если я по велению своего сердца совершила безумство, я готова покаяться в этом перед лордом Рикардом и вами.

— Разве ваше покаяние согреет Торрхена и Эддарда в холодных могилах, куда уложил их Цареубийца? — произнес непоколебимый лорд Карстарк. Сказав это, он протиснулся между Большим Джоном и Мейдж Мормонт и вышел вон.

Робб не стал его удерживать.

— Простите его, матушка.

— Охотно, если и вы простите меня.

— Уже простил. Я понимаю, каково это — любить так, что ни о чем другом думать не можешь.

— Благодарю вас, — склонила голову Кейтилин. «Это дитя по крайней мере остается моим».

— Нам нужно поговорить в семейном кругу, —

продолжал Робб. — Об этом… и о других вещах. Управляющий, объяви конец ассамблеи.

Утерайдс Уэйн, стукнув посохом об пол, возвестил, что король отпускает свой двор, и речные лорды вместе с северянами двинулись к выходу. Только тогда Кейтилин поняла, кого здесь недостает. «Волка. Где же он?» Она знала, что Серый Ветер вернулся в замок, иначе собаки не бесились бы так, но в чертоге его не было, хотя прежде он не отходил от ее сына.

Но она не успела спросить об этом Робба, поскольку ее обступили доброжелатели.

— Миледи, — сказала леди Мормонт, взяв ее за руку, — если бы Серсея Ланнистер держала в плену моих дочерей, я бы сделала то же самое.

Большой Джон, презиравший условности, приподнял ее над полом и стиснул в могучих объятиях.

— Твой волчонок уже покусал однажды Цареубийцу и сцапает его снова, если будет нужда.

Галбарт Гловер и лорд Джейсон Маллистер держались более прохладно, а от Джоноса Браккена веяло холодом, однако высказывались они учтиво. Брат подошел к ней последним.

— Я, как и ты, молюсь за твоих девочек, Кет. Надеюсь, ты в этом не сомневаешься.

— Конечно, нет. — Кейтилин поцеловала его. — Я люблю тебя за это.

Наконец все слова были сказаны, и в Большом Чертоге остались только Робб, трое Талли и шестеро незнакомцев.

— Миледи, сиры, — с любопытством спросила их Кейтилин, — вы, должно быть, недавно примкнули к моему сыну?

— Да, — ответил рыцарь с морскими раковинами, — но это не мешает нам быть самыми преданными и горячими сторонниками его милости, что мы надеемся вскоре доказать вам, миледи.

— Матушка, — с несколько растерянным видом произнес Робб, — позвольте представить вам леди Сибеллу, жену лорда Гавена Вестерлинга из Скалы. — Старшая женщина с важной миной вышла вперед. — Ее муж был одним из тех, кого мы взяли в плен в Шепчущем лесу.

«Ах да, Вестерлинги, — вспомнила Кейтилин. — У них в гербе шесть морских раковин, белых, на песчаном поле. Вассалы Ланнистеров».

Робб между тем поочередно называл ей других незнакомцев.

— Сир Рольф Спайсер, брат леди Сибеллы. При взятии Скалы он был кастеляном замка. — Пе-

речный рыцарь склонил голову. Коренастый, со сломанным носом и коротко подстриженной седой бородой, он имел довольно доблестный вид. — Далее идут дети лорда Гавена и леди Сибеллы. Сир Рейнальд Вестерлинг. — Рыцарь с раковинами улыбнулся в свои пышные усы — молодой, гибкий, но крепко сбитый, с отменными зубами и целой копной каштановых волос. — Эления. — Младшая девочка сделала короткий реверанс. — Роллам Вестерлинг, мой оруженосец. — Мальчик хотел было преклонить колено, но, поскольку никто другой этого не сделал, ограничился поклоном.

— Знакомство с вами — честь для меня, — сказала Кейтилин. «Видимо, Скала присягнула Роббу?» Если так, то не диво, что Вестерлинги приехали вместе с ним. Утес Кастерли измен не прощает — так повелось с тех пор, как Тайвин Ланнистер дорос до войны.

Из всей семьи только одна осталась неназванной. Девушка робко вышла вперед, и Робб взял ее за руку.

— Матушка, имею честь представить вам леди Жиенну Вестерлинг, старшую дочь лорда Гавена… и мою… хмм… мою леди-жену.

Первым, что пронеслось у Кейтилин в уме, бы-

ло: «Нет. Не может быть. Ведь ты еще ребенок». Следом явилась вторая мысль: «Кроме того, ты дал обещание другой». И третья: «Да помилует нас Матерь, Робб, что ты наделал?»

И только потом до нее дошло. «Безумства, совершаемые ради любви! Он поймал меня, как зайца в силок, мне поневоле придется простить его». Несмотря на все свое раздражение, она не могла не восхититься им — он разыграл эту сцену с мастерством опытного лицедея… или короля. Кейтилин, не видя иного выбора, взяла руки Жиенны Вестерлинг в свои.

— Теперь у меня есть еще одна дочь, — произнесла она более чопорно, чем намеревалась, и расцеловала испуганную девушку в обе щеки. — Добро пожаловать под наш кров и к нашему очагу.

— Благодарю вас, миледи. Я клянусь, что буду Роббу хорошей и преданной женой. И постараюсь быть мудрой королевой.

«Королевой… Ну да, эта девочка теперь королева, надо об этом помнить». Она бесспорно хороша со своими каштановыми локонами, сердцевидным личиком и застенчивой улыбкой. Она стройна, но бедра у нее широкие — рожать по крайней мере она должна без труда.

Леди Сибелла вмешалась, прежде чем она успела произнести еще хоть слово:

— Родство с домом Старков — честь для нас, миледи, но мы, право же, очень устали, проделав столь долгий путь за короткое время. Позвольте нам удалиться в наши комнаты, чтобы вы могли побыть с вашим сыном.

— Так будет лучше всего, — молвил Робб, целуя свою Жиенну. — Управляющий укажет вам подобающие покои.

— Я провожу вас к нему, — вызвался Эдмар.

— Вы очень любезны, — сказала леди Сибелла.

— Мне тоже идти с ними? — спросил маленький Роллам. — Я ведь ваш оруженосец.

— Твои услуги мне пока не понадобятся, — засмеялся Робб.

— Его милость обходился без тебя шестнадцать лет, Роллам, — авось обойдется еще несколько часов. — Сир Рейнальд взял младшего брата за руку и повел прочь.

— Твоя жена прелестна, — сказала Кейтилин, когда они все удалились, — и эти Вестерлинги как будто достойные люди… но ведь лорд Гавен — вассал Тайвина Ланнистера?

— Да. Джейсон Маллистер взял его в плен и держит в Сигарде, чтобы получить за него выкуп.

Теперь я, разумеется, освобожу его, хотя он, возможно, и не захочет стать на мою сторону. Мы поженились без его согласия, и наш брак подвергает его большой опасности. Скала — не самая мощная из крепостей. Из любви ко мне Жиенна может лишиться всего.

— А ты из-за нее лишился Фреев, — тихо заметила Кейтилин.

Его гримаса была красноречивее слов. Теперь Кейтилин поняла, почему так сердито звучали голоса во дворе и почему Первин Фрей с Мартином Риверсом уехали столь поспешно, растоптав знамя Робба в пыли.

— Смею ли я спросить, сколько мечей привела с собой твоя невеста, Робб?

— Пятьдесят. Дюжина из них — рыцари. — Робб отвечал угрюмо, и не диво. Когда они заключили брачный договор с Близнецами, старый лорд Уолдер Фрей отправил с Роббом тысячу конных рыцарей и около трех тысяч пехоты. — Жиенна не только красива, но и умна, и сердце у нее доброе.

«Тебе нужны мечи, а не добрые сердца. Как ты мог поступить так, Робб? Так неосмотрительно, так глупо? Как ты мог оказаться таким… таким… юным». Но ее упреки ничему уже не могли помочь, и она сказала только:

— Расскажи мне, как это произошло.

— Я взял ее замок, а она похитила мое сердце, — улыбнулся Робб. — Гарнизон в Скале слабый, и мы управились с ним за одну ночь. Уолдер Черный и Маленький Джон командовали отрядами, штурмовавшими стены, а я ломал ворота тараном. Стрела попала мне в руку как раз перед тем, как сир Рольф сдал нам замок. Поначалу рана ка-

залась пустячной, но потом воспалилась. Жиенна уложила меня в собственную постель и ухаживала за мной, пока не прошла лихорадка. Она была со мной, когда Большой Джон принес мне новости о… Винтерфелле. О Бране и Риконе. — Имена братьев дались Роббу с трудом. — В ту ночь она… утешала меня, матушка.

Кейтилин не нужно было объяснять, какого рода утешение предложила Жиенна Вестерлинг ее сыну.

— И наутро ты женился на ней.

Сын посмотрел ей в глаза, гордый и в то же время несчастный.

— Честь не позволяла мне поступить иначе. Она мила и добра, матушка, она будет мне хорошей женой.

— Возможно, но лорда Фрея этим не умиротворить.

— Знаю, — уязвленно ответил сын. — Я порчу все, не считая сражений, правда? Я думал, что сражаться будет труднее всего, а на деле… Если б я послушал тебя и оставил Теона в заложниках, я бы по-прежнему правил Севером, а Бран с Риконом благополучно жили бы в Винтерфелле.

— Быть может, так, а быть может, и нет. Лорд Бейлон, полагаю, все равно бы начал войну. В

прошлый раз попытка возложить на себя корону стоила ему двух сыновей, и теперь он, возможно, не дрогнул бы перед риском потерять всего лишь одного. — Кейтилин тронула сына за руку. — Что сделали Фреи после твоей женитьбы?

Робб покачал головой:

— С сиром Стевроном я бы еще договорился… но сир Риман туп, как колода, а Уолдер Черный получил свое прозвище не только за цвет бороды, уверяю тебя. Он дошел до того, что заявил, что его сестры, мол, и за вдовца не побрезгуют выйти. Я убил бы его за это, если б Жиенна меня не умолила.

— Ты нанес дому Фреев тяжкое оскорбление, Робб.

— Я не хотел этого. Сир Стеврон погиб, сражаясь за меня, а более преданного оруженосца, чем Оливар, ни один король не мог бы ждать. Он просил, чтобы его оставили со мной, но сир Риман увез его вместе со всем своим войском. Большой Джон подбивал меня напасть на них…

— Драться со своими в окружении врагов? Это стало бы твоей гибелью.

— Да. Я подумал, что мы, возможно, могли бы найти дочерям лорда Уолдера других женихов. Сир Вендел Мандерли предложил взять одну,

и Большой Джон говорит, что его дяди не прочь жениться снова. Если лорда Уолдера можно будет урезонить…

— Урезонить его нельзя. Он горд и щепетилен до крайности, сам знаешь. Он хотел стать дедом короля, а ты хочешь предложить ему взамен двух дряхлых седовласых разбойников и второго сына самого толстого человека в Семи Королевствах. Мало того, что ты нарушил свою клятву — ты оскорбил честь Близнецов, взяв жену из менее значительного дома.

— Вестерлинги знатнее Фреев, — ощетинился Робб. — Это старинный род, восходящий к Первым Людям. Короли Скалы до Завоевания часто женились на девицах этого дома, и король Мейегор триста лет назад взял в жены другую Жиенну Вестерлинг.

— Все это — соль на раны лорда Уолдера. Его всегда бесило, что более древние дома смотрят на Фреев как на выскочек. Это уже не первое оскорбление, которое он получает, судя по его словам. Джон Аррен не захотел взять на воспитание его внуков, а мой отец не дал согласия на брак Эдмара с одной из его дочерей. — При этих ее словах Эдмар как раз вернулся в зал.

— Ваша милость, — сказал Бринден Черная Ры-

ба, — нам, пожалуй, лучше продолжить разговор в более уединенном месте.

— Да, — устало согласился Робб. — Я готов убить за чашу вина. Пойдемте в приемную палату.

Поднимаясь с ним по лестнице, Кейтилин задала наконец давно беспокоивший ее вопрос:

— Робб, а где Серый Ветер?

— Во дворе, гложет баранью ногу. Я велел мастеру над псарней накормить его.

— Раньше ты не отпускал его от себя.

— Чертог — не место для волка. Он начинает вести себя беспокойно, рычать и огрызаться — ты сама это видела. Мне не следовало брать его с собой на войну. Он загрыз слишком много людей и теперь совсем их не боится. Жиенна боится его, а ее мать он приводит в ужас.

«Вот она, главная причина», — поняла Кейтилин.

— Вы с ним нераздельны, Робб. Бояться его — все равно что бояться тебя.

— Я не волк, что бы обо мне ни говорили, — резко ответил Робб. — Серый Ветер убил человека в Скале, еще одного в Эшмарке, шестерых или семерых у Окскросса. Если бы ты видела…

— Я видела, как волк Брана перегрыз горло одному человеку в Винтерфелле, — резко сказала

она, — и полюбила его за это.

— Там было по-другому. Мой убил в Скале рыцаря, которого Жиенна знала всю свою жизнь, и нельзя ее винить за то, что ей страшно. К тому же Серый Ветер невзлюбил ее дядю и скалит зубы каждый раз, как сир Рольф проходит мимо.

Кейтилин пробрало холодом.

— Отошли сира Рольфа от себя. Немедленно.

— Куда? Обратно в Скалу, чтобы Ланнистеры насадили его голову на пику? Жиенна любит его. Он ее дядя и притом доблестный рыцарь. Мне бы побольше таких людей, как Рольф Спайсер, и я не собираюсь изгонять его только потому, что моему волку не нравится его запах.

— Робб. — Она остановилась и взяла сына за руку. — Я просила тебя не отпускать Теона Грейджоя, но ты не послушал. Так послушай меня сейчас: *отошли прочь этого человека.* Я не об изгнании говорю. Поручи ему какое-нибудь почетное, требующее отваги дело, все равно какое… *только не оставляй его рядом с собой.*

— Неужели Серый Ветер должен обнюхивать всех моих рыцарей? — нахмурился он. — Вдруг ему кто-нибудь еще не понравится?

— Я не допустила бы к тебе никого из тех, кто не нравится Серому Ветру. Эти волки — не просто

волки, Робб. Ты сам это знаешь. Мне думается, что их послали вам боги. Боги твоего отца, старые боги Севера. Пять волчат, Робб, на пятерых детей Старков.

— Шесть. Там был волк и для Джона. Ты же помнишь — я сам нашел их. Мне ли не знать, сколько их было и откуда они взялись. Раньше я думал так же, как и ты. Думал, что они наши стражи и защитники, пока…

— Пока что?

Губы Робба сжались в жесткую линию.

— Пока мне не сказали, что Теон убил Брана и Рикона. Им волки не помогли. Я уже не мальчик, матушка. Я король и сам себя могу защитить. Я найду предлог, чтобы отослать сира Рольфа, — вздохнул он. — Не потому, что от него плохо пахнет, а чтобы тебе стало легче. Довольно ты настрадалась.

Обрадованная Кейтилин легонько поцеловала сына в щеку, когда другие скрылись за поворотом лестницы, и на этот миг он снова стал ее мальчиком, а не королем.

Личная приемная лорда Хостера помещалась над Великим Чертогом и больше подходила для доверительных бесед. Робб, заняв высокое место, снял корону и поставил ее на пол рядом с собой,

а Кейтилин позвонила в колокольчик и велела принести вина. Эдмар тем временем занимал дядю рассказом о битве у Каменной Мельницы. Дождавшись, когда слуги подадут вино и выйдут, Черная Рыба прочистил горло и сказал:

— Ну, будет хвастать, племянник, — мы тебя уже вдоволь наслушались.

— Хвастать? — опешил Эдмар. — Что ты такое говоришь?

— Говорю, что тебе следует поблагодарить его величество за оказанное тебе снисхождение. Это представление в Великом Чертоге он разыграл, чтобы не срамить тебя перед твоими же людьми. Будь на то моя воля, я бы с тебя шкуру спустил за глупость, а не хвалил за геройство на бродах.

— На этих бродах погибли хорошие люди, дядя, — оскорбился Эдмар. — Или у нас только Молодой Волк может одерживать победы? Я украл у тебя часть твоей славы, Робб?

– *Ваша милость*, — ледяным тоном поправил Робб. — Ты сам выбрал меня своим королем, дядя, — или ты и об этом забыл?

— Тебе было приказано оборонять Ривердан, Эдмар, — и только, — сказал Черная Рыба.

— Я оборонял его и вдобавок пустил лорду Тайвину кровь из носу…

— Верно, — сказал Робб, — но разбитыми носами войн не выигрывают. Ты ни разу не задавался вопросом, зачем мы так долго остаемся на западе после Окскросса? Ты ведь знал, что людей у меня слишком мало, чтобы грозить Ланниспорту или Утесу Кастерли.

— Но там есть и другие замки… золото, скот…

— Ты думал, что мы остаемся там ради добычи? — удивленно спросил Робб. — Я хотел, чтобы лорд Тайвин двинулся на запад, дядя.

— Мы все конные, — продолжил сир Бринден, — а войско Ланнистера состояло в основном из пехоты. Мы намеревались погонять лорда Тайвина взад-вперед вдоль побережья, а потом обойти его сзади и занять хорошую оборонительную позицию поперек Золотой дороги — мои разведчики уже нашли подходящее место, благоприятное для нас во всех отношениях. Коли бы он завязал с нами бой там, ему пришлось бы заплатить высокую цену. Если же он предпочел бы не вступать в бой, то оказался бы зажатым на западе, в тысяче лиг оттуда, где ему полагалось быть. И все это время мы кормились бы за его счет, а не он за наш.

— Лорд Станнис уже подошел к Королевской Гавани, — вставил Робб. — Он мог бы избавить

нас от Джоффри, королевы и Беса одним ударом, и тогда мы, возможно, договорились бы о мире.

Эдмар переводил взгляд с дяди на племянника.

— Вы мне ни слова об этом не сказали.

— Я велел тебе держать Ривердан, — сказал Робб. — Что в этом приказе было непонятного?

— Остановив лорда Тайвина на Красном Зубце, — снова взял слово Черная Рыба, — ты задержал его ровно настолько, чтобы гонцы от Горького Моста успели привезти ему весть о том, что происходит на востоке. Лорд Тайвин тут же повернул свое войско, соединился с Матисом Рованом и Рендилом Тарли у истоков Черноводной и двинулся ускоренным маршем к Падучему Водопаду, где Мейс Тирелл и двое его сыновей ждали его с огромным войском и флотилией торговых судов. Они спустились на баржах вниз по реке, высадились в дневном переходе от города и ударили Станнису в тыл.

Кейтилин вспомнился двор короля Ренли, каким она видела его у Горького Моста. Тысяча струящихся по ветру золотых роз, застенчивая улыбка и тихие слова королевы Маргери и ее брат, Рыцарь Цветов, с окровавленной повязкой на голове. «Коли уж тебе суждены были женские объятия, сын мой, отчего ты не выбрал Маргери

Тирелл? Богатство и мощь Хайгардена могли бы склонить твою чашу весов к победе. И возможно, Серому Ветру понравился бы ее запах».

— Но у меня и в мыслях не было… — лепетал сломленный Эдмар. — Робб, ты должен позволить мне искупить свою вину, я возглавлю авангард в следующем сражении!

«Ради искупления вины, брат, или ради славы?» — подумала Кейтилин.

— В следующем… — повторил Робб. — Ну что ж, нам недолго его ждать. Как только Джоффри женится, Ланнистеры, несомненно, снова выступят против меня, и на этот раз вместе с Тиреллами. Возможно, мне придется сражаться еще и с Фреями, если мнение Уолдера Черного возобладает…

— Пока Теон Грейджой сидит на месте твоего отца с руками, обагренными кровью твоих братьев, другим врагам придется подождать, — прервала сына Кейтилин. — Твой первый долг — защитить свой народ, отвоевать Винтерфелл и вздернуть Теона на медленную смерть в вороньей клетке. В противном случае можешь снять свою корону насовсем — все и так будут знать, что ты не настоящий король.

По взгляду Робба она поняла, что с ним давно уже никто не осмеливался говорить с такой

прямотой.

— Когда мне сказали, что Винтерфелл пал, я хотел сразу идти на север, — как бы оправдываясь, сказал он. — Я хотел освободить Брана и Рикона, но я не думал… мне и в голову не пришло, что Теон способен причинить им какой-то вред. Если бы я…

— Теперь уже поздно для *«если»* и мальчиков уже не спасти, — молвила Кейтилин. — Нам остается одно: мстить.

— Согласно последнему известию, полученному нами, сир Родрик разбил островитян у Торрхенова Удела и собирал у замка Сервин войско, чтобы идти на Винтерфелл, — сказал Робб. — Может быть, замок уже в его руках — мы долго не имели оттуда никаких новостей. И как быть с Трезубцем, если я поверну на север? Я не могу просить речных лордов бросить на произвол судьбы собственную землю.

— И не надо. Предоставь им защищать свое и ступай отвоевывать Север вместе с северянами.

— Но каким образом твои северяне попадут на Север? — спросил Эдмар. — Закатное море во власти Железных Людей, Ров Кайлин — тоже. Еще ни одной армии не удавалось взять Ров Кайлин с юга. Даже идти туда было бы безумием.

Мы можем попасть в ловушку с островитянами впереди и разгневанными Фреями сзади.

— Нам нужно снова заручиться поддержкой Фреев, — сказал Робб. — С ними мы еще можем надеяться на успех, без них я никакой надежды не вижу. Я готов дать лорду Уолдеру все, что бы он ни потребовал… свои извинения, почести, земли, золото… должно же быть *что-то*, способное польстить его гордости.

— Не что-то, — сказала Кейтилин. — *Кто-то.*

Джон

— Ну как, достаточно велики они для тебя? — Снег летел в широкое лицо Тормунда, тая на волосах и бороде.

Великаны, покачиваясь на своих мамонтах, попарно ехали мимо. Конек Джона беспокойно топтался, глядя на такое диво, и неизвестно, что пугало его больше — мамонты или наездники. Даже Призрак отступил на шаг, безмолвно обнажив зубы. Мамонты намного превосходили величиной даже его, большого лютоволка, и их было много, очень много.

Джон успокоил коня и принялся считать великанов, выезжающих из снега и бледного, клубящегося над Молочной тумана. Он перевалил за пятьдесят, когда Тормунд что-то сказал и сбил его со счета. Всего их, должно быть, несколько сотен — все едут и едут, конца им нет.

В сказках старой Нэн великаны были просто громадными людьми, которые жили в огромных замках, сражались огромными мечами, и в каждом их сапоге мог спрятаться маленький мальчик. Эти походили скорее на медведей, чем на людей и были такими же волосатыми, как мамонты, на которых ехали. Пока они сидели верхом, трудно было судить об их истинном росте. «В них, должно быть, футов десять, а то

и двенадцать, но уж точно не больше четырнадцати», — подумал Джон. Их грудная клетка еще могла сойти за человеческую, но руки были слишком длинны, а нижняя часть торса казалась раза в полтора шире верхней. Ноги, короче рук, были очень толсты, и никаких сапог они не носили — зачем им обувь при таких больших, плоских, черных и ороговевших ступнях. Тяжелые головы, лишенные шеи, торчали прямо из плеч, приплюснутые лица имели зверский вид. Крысиные глазки-бусинки почти терялись в складках ороговевшей кожи, зато ноздри постоянно шевелились — нюх у великанов, видимо, был не слабее зрения.

«Да ведь это на них не звериные шкуры, — понял Джон. — Это их собственная шерсть». Ниже пояса она гуще, вверху пореже. Смрад от них идет такой, что с ног валит, но, может, это мамонты так пахнут. «И затрубил Джорамун в Рог Зимы, и поднял из земли великанов». Джон искал мечи десятифутовой длины, но видел только дубины. Одни были просто сухими деревьями с еще сохранившимися обломками ветвей, к другим были привязаны здоровенные камни. «В сказке не говорилось, может ли Рог снова погрузить их в сон».

Один великан по виду казался старше осталь-

ных. Шерсть у него поседела, и такая же седина покрывала шкуру мамонта, на котором он ехал, — тот был крупнее всех других животных. Тормунд прокричал ему что-то резкое и звучное на непонятном Джону языке. Великан открыл рот, полный огромных прямоугольных зубов, и произвел нечто среднее между отрыжкой и рокотом грома. Джон не сразу понял, что он смеется. Мамонт повернул к людям свою массивную голову и прошествовал мимо, пронеся громадный бивень над самой головой Джона и оставив громадные следы в свежем снегу и мягком речном иле. Великан что-то крикнул Тормунду на том же языке.

— Это кто, их король? — спросил Джон.

— У великанов нет королей, как нет их у мамонтов, белых медведей и китов, плавающих в сером море. Это Мег Мар Тун Доб Вег, Мег Могучий, можешь стать перед ним на колени — он возражать не будет. Коленки-то у тебя небось так и чешутся, до того им не терпится согнуться перед каким-нибудь королем. Смотри только, чтобы он на тебя не наступил. Великаны видят плохо, и он может не разглядеть мелкую ворону у себя под ногами.

— А что ты ему сказал? Это древний язык, да?

— Да. Я спросил, не на своем ли родителе он верхом едет — уж больно они похожи, только от папаши пахнет получше.

— И что он тебе ответил?

Тормунд Громовой Кулак расплылся в щербатой улыбке.

— Спросил, не моя ли это дочурка рядом со мной, с таким гладким и розовым личиком. — Тормунд отряхнул снег с плеч и повернул коня. — Он, наверно, еще ни разу не видал безбородых мужчин. Поехали назад. Манс злится, когда меня нет на месте.

Джон последовал за ним к голове колонны. Новый плащ тяжело давил ему на плечи. Плащ был сшит из немытых овечьих шкур овчиной внутрь — одичалые говорили, что он не пропускает снега, а по ночам хорошо держит тепло. Но Джон и черный свой плащ при себе оставил — тот, свернутый, лежал у него под седлом.

— Это правда, что ты однажды убил великана? — спросил он Тормунда. Призрак молча бежал рядом, оставляя на свежем снегу отпечатки лап.

— Ты сомневаешься, что мне это под силу? Тогда стояла зима, а я был еще мальчишкой, глупым, как все юнцы. Я заехал слишком далеко, лошадь моя пала, а тут еще и вьюга началась. Настоящая,

а не легкий снежок вроде этого. Я уж было подумал, что до конца вьюги мне не дожить, и тут нашел спящую великаншу, вспорол ей брюхо и залез туда, внутрь. Там я, конечно, согрелся, зато чуть не задохся от вони. А хуже всего, что весной она проснулась, решила, что я ее новорожденный младенец, и кормила меня грудью целых три месяца, пока я не сбежал. Хар-р! Впрочем, я и до сих пор еще скучаю по вкусу великаньего молока.

— Если она кормила тебя, то выходит, что ты ее не убил.

— Смотри только никому не рассказывай. Тормунд Великанья Смерть звучит куда лучше, чем Тормунд Великанье Дитятко, и это святая правда.

— А как ты приобрел другие свои имена? — спросил Джон. — Манс называл тебя Трубящим в Рог, Медовым Королем Красных Палат, Медвежьим Мужем, Отцом Тысяч… — Особенно занимал Джона рог, в который будто бы трубил Тормунд, но он не смел спросить об этом прямо. «И затрубил Джорамун в Рог Зимы, и поднял из земли великанов». Не из недр ли земных вышли они все вместе со своими мамонтами? Быть может, Манс нашел Рог Джорамуна и отдал его Тормунду?

— У вас все вороны такие любопытные? Ладно, сейчас расскажу. Была другая зима, еще холоднее той, что я провел в брюхе у великанши. Снег валил день и ночь, и хлопья были величиной с твою голову, не то что эти вот белые мушки. Деревню нашу совсем засыпало. Я сидел в своих Красных Палатах один-одинешенек, не считая бочонка с медом, и делать мне было нечего, кроме как пить его. И чем больше я пил, тем больше думал об одной бабенке, что жила по соседству, — здоровенной такой и с самыми большими на свете грудями. Нрав у нее был буйный, зато и жаром она дышала, как печка, а чего мужику еще надо в разгаре зимы?

Пил я, пил и все думал о ней, и до того додумался, что терпеть невмоготу стало. Ну я сдуру-то и закутался с головы до пят, рожу шарфом замотал и подался к ней.

Снег тогда валил такой, что я немного заплутал, ветер пробирал до костей, и вот наконец она мне попалась, тоже разодетая в меха с головы до пят.

Баба она была норовистая. Сгреб я ее в охапку, приволок к себе домой, стащил с нее шубу, и она оказалась еще горячее, чем мне запомнилось. Позабавились мы с ней на славу, и я уснул. Просыпаюсь утром — гляжу, снег перестал и солнце

светит, да только мне не до него, потому как на мне места живого нет и половины члена как не бывало, а на полу валяется медвежья шкура. А потом пошли слухи, что в лесу видели лысую медведицу с парой диковинных медвежат. Хар-р! — Тормунд хватил себя по мясистой ляжке. — Вот бы найти ее снова — уж больно хороша. Ни одна баба еще не задавала мне такого жару и не рожала таких сильных сыновей.

— И что бы ты стал с ней делать, если б нашел? — улыбнулся Джон. — Ты ж говоришь, она тебе член откусила.

— Только половину — а он у меня и ополовиненный в два раза длиннее, чем у всех остальных. Ну а ты? Правда это, что вам отрезают причиндалы, когда берут вас на Стену?

— Нет, конечно, — оскорбился Джон.

— А я думаю, что да — с чего бы тебе иначе отказывать Игритт? Она бы с тобой драться не стала, так мне сдается. Девушка хочет тебя, это ясно.

«Слишком ясно — похоже, об этом уже половина колонны знает. — Джон отвернулся, чтобы Тормунд не заметил, как он покраснел. — Я брат Ночного Дозора, — напомнил он себе, — и не должен вести себя, как стыдливая девица».

Он проводил в обществе Игритт почти все

свои дни, да и ночи тоже. От Манса не укрылось недоверие, испытываемое Гремучей Рубашкой к «перелетной вороне», и король, дав Джону новый овчинный плащ, предложил ему перейти в отряд Тормунда. Джон охотно согласился, а на другой же день Игритт и Рик Длинное Копье тоже ушли от Гремучей Рубашки к Тормунду. «Вольные люди сами выбирают себе вожаков, — заявила девушка, — а нам этот мешок с костями до смерти надоел».

Каждую ночь, когда разбивали лагерь, Игритт расстилала свои спальные шкуры рядом с Джоном независимо от того, близко или далеко от костра он устраивался. Однажды, проснувшись, он увидел, что она прильнула к нему, положив руку ему на грудь. Он долго лежал и слушал, как она дышит, стараясь не поддаваться охватившему его возбуждению. В Дозоре разведчики часто спали вместе для тепла, но он подозревал, что Игритт не одного тепла хочется. После этого случая он стал класть с собой Призрака. Старая Нэн, бывало, рассказывала о рыцарях и дамах, которые спали в одной постели, положив между собой меч, но он, должно быть, первый использовал вместо меча лютоволка.

Но Игритт и тут от него не отстала. Позавче-

рашним днем Джон допустил оплошность, мечтательно упомянув о горячей ванне. «Холодная лучше, — тут же сказала Игритт, — если тебя потом есть кому согреть. Река еще не до конца замерзла — пошли?»

— Заморозить меня хочешь? — засмеялся Джон.

— Холодной водички боишься, ворона? Ничего тебе не будет — я сама с тобой нырну, если не веришь.

— А потом мы весь день будем ехать во всем мокром, чтобы одежда к телу примерзла?

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Кто ж в одежде купается?

— Я купаться вообще не собираюсь, — твердо заявил он и сделал вид, что слышит, как Тормунд его зовет.

Одичалые, по-видимому, считали Игритт писаной красавицей из-за ее рыжих волос, редких среди вольного народа — о рыжих здесь говорили, что их поцеловал огонь, и верили, что им сопутствует счастье. Может, оно и так, только у Игритт на голове такой колтун — похоже, в последний раз она причесывалась еще в прошлую зиму.

При дворе какого-нибудь лорда на нее никто и смотреть бы не стал. Лицо у нее по-крестьянски

круглое, нос вздернутый, зубы кривоваты, глаза слишком широко поставлены. Джон все это заметил с первого раза, когда приставил кинжал ей к горлу, но потом стал замечать и другое. Когда она улыбается, кривизна ее зубов как-то сглаживается, и как бы широко ни были посажены ее глаза, они у нее красивого серо-голубого цвета и очень выразительны. Иногда она поет, и ее низкий, с хрипотцой, голос волнует его. А иногда она просто сидит у костра, обняв колени, и с улыбкой смотрит на него, а огонь порождает эхо в ее рыжих волосах, и это волнует его еще больше.

Но он брат Ночного Дозора, и он принял клятву. «Я не возьму себе ни жены, ни земель, не буду отцом детям». Он произнес эти слова перед чардревом, перед ликами богов своего отца. Он не может взять их назад… как не может объяснить причину своего отказа Тормунду, Медвежьему Отцу.

— Она тебе не нравится, что ли? — спросил Тормунд. Они миновали еще двадцать мамонтов, несших на себе вместо великанов высокие деревянные башенки.

— Не в этом дело… — «Что бы ему такое сказать?» — Просто я еще молод для женитьбы.

— Кто тебе говорит о женитьбе? — засмеялся

Тормунд. — Разве у вас на юге женятся на всех девушках, с которыми спят?

Джон почувствовал, что снова краснеет.

— Она заступилась за меня, когда Гремучая Рубашка хотел меня убить. Я не стану ее бесчестить.

— Ты теперь вольный человек, а Игритт вольная женщина. Какое бесчестье в том, что вы будете спать вместе?

— У нее может родиться ребенок.

— Надеюсь, что так. Крепкий парнишка или озорница-девчушка, отмеченные поцелуем огня, — что в этом плохого?

Джон не сразу нашелся с ответом.

— Этот мальчик… этот ребенок был бы бастардом.

— А разве бастарды рождаются слабее других детей? Что они, чаще болеют или вырастают бестолковыми?

— Нет, но…

— Ты сам родился бастардом. А если Игритт не захочет ребенка, она пойдет к какой-нибудь лесной ведьме и выпьет чашу лунного чая — это уж будет ее дело, не твое.

— Не стану я плодить бастардов.

Тормунд покачал косматой головой.

— Экие же вы дурни, поклонщики. Зачем же ты украл эту девушку, если не хочешь ее?

– *Украл?* Я?

— Ты, ты, — ответил Тормунд. — Ты убил двух мужиков, которые с ней были, и утащил ее — как же это еще назвать?

— Я взял ее в плен, только и всего.

— Ты заставил ее сдаться тебе.

— Да, но… Тормунд, клянусь тебе, я к ней не прикасался.

— Ты уверен, что тебе ничего не отрезали? — Тормунд повел плечами, как бы не в силах понять подобного сумасбродства. — Ну что ж, теперь

ты вольный человек, но если девушка тебе не нужна, то найди себе медведицу. Если мужчина не пользуется своим естеством, оно усыхает — захочешь однажды посикать, а его и нету.

Джон опять-таки не нашел, что ответить. Неудивительно, что в Семи Королевствах вольный народ почти не считают людьми. «Они не знают, что такое закон, честь и даже простое приличие. Они постоянно воруют друг у друга, совокупляются, как животные, предпочитая грех честному браку, и населяют мир незаконнорожденными детьми». Но Джон успел уже привязаться к Тормунду, этому мешку вранья и бахвальства, и к Длинному Копью тоже. «А Игритт… нет, об Игритт лучше не думать».

Среди одичалых, кроме Тормунда и Длинного Копья, встречаются и другие — вроде Гремучей Рубашки и Плакальщика, которым перерезать человеку глотку все равно что плюнуть. У них есть Харма Собачья Голова — приземистая бочка со щеками, как глыбы белого мяса, ненавидящая собак и убивающая по одной каждые две недели, чтобы нацепить на свое копье свежую голову. Есть безухий магнар Стир, которого собственное племя, тенны, считает скорее богом, чем лордом. Есть маленький, как мышка, Варамир Шестишку-

рый, ездящий верхом на свирепом белом медведе, в котором будет тринадцать футов росту, если он встанет на задние лапы; и эту пару повсюду сопровождают трое волков и сумеречный кот. Джон встречался с ним только раз и весь покрылся мурашками — и Призрак тоже ощетинился при виде медведя и длинного черного с белым кота.

Есть тут и такие, которые будут почище Варамира: жители крайних северных границ Зачарованного леса; выходцы из укромных долин Клыков Мороза; племена со Стылого Берега, которые ездят в санках из моржовой кости, запрягая в них стаи свирепых собак; страшные людоедские кланы, живущие на речном льду, и пещерные люди, раскрашивающие лица в голубой, пурпурный и зеленый цвет. Джон собственными глазами видел, как Рогоногие шагают в колонне босиком, на подошвах крепких, как вареная кожа. Снарки и грамкины ему пока не попадались, но Тормунд, судя по всему, ест их на ужин.

Половина войска одичалых за всю свою жизнь ни разу даже издали не видела Стену и не слыхала ни слова на общем языке. Но Мансу это не мешает. Он говорит на древнем наречии, а иногда даже поет на нем, перебирая струны лютни и наполняя ночь странной дикой музыкой.

Манс много лет собирал свое огромное разношерстное войско. Он толковал с матерями кланов и магнарами. Завоевывал одну деревню сладкими словами, другую песней, третью мечом. Мирил Харму с Костяным Лордом, Рогоногих с Полуночниками, моржовых людей со Стылого Берега с людоедскими кланами великих ледяных рек. Он, словно кузнец, перековывал сотню кинжалов в одно большое копье, нацеленное в сердце Семи Королевств. У него нет ни короны, ни скипетра, ни одежд из шелка и бархата, но ясно, что Манс — король не только по имени.

Джон примкнул к одичалым по приказу Куорена Полурукого. «Дели с ними дорогу, еду, сражайся с ними рядом, — сказал ему разведчик в ночь перед своей смертью. — И примечай». Джон примечал, но пока что это не принесло ему особой пользы. Полурукий предполагал, что одичалые искали на голых высотах Клыков Мороза некое оружие или волшебство, которое позволило бы им проломить Стену… но если они и нашли нечто подобное, открыто этим Джону никто не хвастался, а Манс не делился с ним своими планами. С той первой ночи Джон и видел-то его только издали.

«Я убью его, если придется», — говорил себе

Джон, и эта мысль не доставляла ему радости. Убийство не принесет ему чести и будет стоить собственной жизни. Но он не даст одичалым проломить Стену и обрушиться на Винтерфелл и весь Север, на Курганы и Родники, на Белую Гавань и Каменный Берег, а там и на Перешеек. Вот уже восемь тысяч лет мужчины дома Старков живут и умирают ради того, чтобы защищать свой народ от подобных набегов… и пусть он бастард, в его жилах течет та же кровь. «Кроме того, Бран и Рикон по-прежнему живут в Винтерфелле, как и мейстер Лювин, сир Родрик, старая Нэн, Фарлен на псарне, Миккен в кузнице, Гейдж на кухне… все, кого я знал в жизни, все, кого любил». И если Джону придется убить одного человека, даже такого, который вызывает у него восхищение и симпатию, чтобы спасти их от Хармы, Гремучей Рубашки и безухого магнара теннов, то Джон это сделает.

И все же он молил отцовских богов избавить его от этого страшного жребия. Войско движется медленно, обремененное скотом, малыми детьми и скарбом, а снег еще больше затрудняет его продвижение. Но большая часть колонны уже вышла из предгорий и струится по западному берегу Молочной вяло, как мед в холодное зимнее утро,

следуя вдоль реки в сердце Зачарованного леса.

А там впереди, как известно Джону, торчит над деревьями Кулак Первых Людей, стан трехсот черных братьев Ночного Дозора, вооруженных, конных и знающих, чего ожидать. Старый Медведь посылал в горы и других разведчиков, кроме Полурукого. Наверняка Джармен Баквелл или Торен Смолвуд уже вернулись и доложили, что одичалые двинулись в поход.

«Мормонт не побежит, — думал Джон. — Он слишком стар и слишком далеко зашел, чтобы бежать. Он нанесет удар, как бы враг его ни перевешивал». Скоро Джон услышит звуки боевых рогов и увидит несущихся навстречу всадников в черных плащах, с холодной сталью в руках. Триста человек не могут надеяться, что убьют в сто раз больше врагов, но им это и не понадобится. «Даже тысячу нет нужды убивать — довольно будет и одного. Только Манс и держит их вместе».

Король за Стеной делает что может, но одичалые страдают безнадежным отсутствием дисциплины, и это делает их уязвимыми. Кое-где в растянувшейся на многие лиги колонне можно найти бойцов не менее сильных, чем в Дозоре, но добрая треть их сосредоточена на противоположных концах: в авангарде Хармы Собачьей Головы

и в диком арьергарде с великанами, зубрами и огнеметателями. Еще одна треть следует в середине вместе с Мансом, охраняя повозки, сани и собачьи нарты, везущие основную долю провианта — все, что сохранилось от последнего летнего урожая. Остальные, раскиданные по отрядам Гремучей Рубашки, Ярла, Тормунда и Плакальщика, служат дозорными, фуражирами и погонялами — они носятся вдоль колонны, чтобы придать движению хотя бы видимость порядка.

И, что еще важнее, только один одичалый из ста едет верхом. «Старый Медведь пройдет сквозь них, как топор сквозь овсянку». Когда это случится, Мансу придется пустить в дело свой средний отряд, чтобы отвести угрозу. Если он падет в бою, который неминуемо за этим последует, Стена спокойно простоит еще лет сто — так рассудил Джон. «Если же нет…»

Он согнул и разогнул обожженные пальцы на правой руке. Длинный Коготь был приторочен к седлу, и Джон в любой миг мог взяться за его оплетенную кожей рукоять с каменным навершием в виде волчьей головы.

Когда они несколько часов спустя добрались до своего отряда, снег повалил еще гуще. Призрак по дороге скрылся в лесу, почуяв добычу. Он

вернется, когда они остановятся на ночлег, самое позднее к рассвету. Призрак всегда возвращается, как бы далеко ни убежал… и Игритт, видимо, тоже.

— Ну что, поверил теперь, Джон Сноу? — спросила она, увидев его. — Видел великанов верхом на мамонтах?

— Хар-р! — крикнул Тормунд, не дав Джону ответить. — Ворона влюбился! Хочет жениться на одной из них!

— На великанше? — засмеялся Длинное Копье.

— Нет, на мамонтихе! — прогромыхал Тормунд. — Хар-р!

Игритт поравнялась с Джоном, который перевел коня на шаг. Она на полфута ниже его, хотя уверяет, что на три года старше, но, сколько бы там ей ни было лет, палец ей в рот не клади. Каменный Змей говорил, что она копьеносица, когда они взяли ее в плен на Воющем перевале. Предпочитает она, правда, не копье, а короткий лук из рога и чардрева, но это не мешает ей называться копьеносицей. Она немного напоминает Джону его сестренку Арью, хотя Арья гораздо младше ее и, пожалуй, худее. Об Игритт не поймешь, худая она или толстая, столько всего на ней намотано.

— Ты знаешь песню «Последний из великанов»? — спросила Игритт. — Тут нужен голос пониже, чем у меня. — И она запела: — *«О-о-о! Я последний из великанов, народ мой исчез навсегда».*

Заслышав слова песни, Тормунд Великанья Смерть ухмыльнулся:

– *«Когда-то мы правили миром, но те миновали года»*, — загремел через снег его голос.

– *«На смену великим и сильным ничтожный пришел человек»*, — присоединился к ним Рик Длинное Копье.

– *«Он занял леса и долины и выловил рыбу из рек»*, — гудели великанскими голосами Игритт и Тормунд.

Песню подхватили сыновья Тормунда Торегг и Дормунд, дочь Мунда и все остальные. Копья застучали о кожаные щиты, отбивая такт, и хор грянул:

В чертогах их горны пылают
И молот тяжелый стучит,
А я все брожу, одинокий,
Тоскую и плачу навзрыд.
Затравленный, всеми гонимый,
Я слышу собак за спиной —

Ведь мелкий не станет великим,
Чтоб честно сразиться со мной,
Я последний из великанов,
Услышьте же песню мою:
Умрет она вместе со мною
В украденном вами краю.

Игритт допела песню со слезами на щеках.

— О чем ты плачешь? — спросил Джон. — Ведь это только песня. Великанов сотни — я сам видел.

— О-о, сотни, — огрызнулась она. — Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Ты… *ДЖОН!*

Шум крыльев внезапно послышался над самой его головой. Джон обернулся и увидел перед собой голубовато-серые перья. Острые когти вонзились в лицо, и мир наполнился красной болью. Клюв навис над Джоном, не оставляя времени выхватить оружие. Отшатнувшись назад, Джон упустил стремя, конь в панике метнулся вбок, и он почувствовал, что падает. Орел продолжал терзать его когтями, крича и хлопая крыльями. Мир перевернулся вверх ногами в хаосе перьев, лошадиной шерсти и крови, и земля рванулась навстречу.

Опомнившись, он сообразил, что лежит нич-

ком со ртом, полным грязи и крови, а Игритт стоит на коленях с костяным кинжалом в руке, прикрывая его собой. Крылья еще шумели, но орел уже скрылся из виду. Мир стал наполовину черным.

— Глаз, — в испуге сказал Джон, потянувшись рукой к лицу.

— Это только кровь, Джон Сноу. Глаз цел, он только кожу с тебя содрал.

Лицо горело. Джон, протирая от крови левый глаз, видел правым орущего Тормунда. Потом застучали копыта, закричали чьи-то голоса и заклацали старые сухие кости.

— Эй ты, Костяной Мешок, — рявкнул Тормунд, — отзови свою паскудную птицу!

— Паскудная птица — это твоя ворона! — крикнул в ответ Гремучая Рубашка. — Валяется весь изодранный, точно паршивый пес! — Орел уселся на пробитый череп великана, служивший Костяному Лорду шлемом. — Я приехал за ним.

— Ну так бери его, — сказал Тормунд, — только сначала достань меч, потому что я достану свой. На этот раз я сам выварю в котле твои кости, а череп возьму вместо ночного горшка. Хар-р!

— Когда я проткну тебе брюхо и выпущу воздух, ты станешь меньше этой вот девчонки. Отойди,

не то я скажу Мансу.

— Так это Манс его требует? — встав, спросила Игритт.

— А я что толкую? Пускай поднимается на свои черные ноги.

— Ступай тогда, раз Манс зовет, — нахмурился Тормунд.

Игритт помогла Джону встать.

— Из него кровь хлещет, как из резаной свиньи. Поглядите, что с ним сделал Орелл.

«Способна ли птица так ненавидеть?» Джон убил одичалого по имени Орелл, но часть души убитого перешла в орла. Золотые глаза смотрели на Джона с холодной злобой.

— Иду, — сказал Джон. Кровь продолжала течь, заливая глаз, и щека горела огнем. Джон потрогал лицо, и его черная перчатка стала красной. — Только коня поймаю. — Призрак был нужен ему больше, чем конь, но волк еще не вернулся. «Может быть, он теперь за много лиг отсюда и гложет убитого им лося». Пожалуй, оно и к лучшему.

Когда Джон подошел, конек шарахнулся от него, испугавшись крови, но Джон успокоил его тихими словами и поймал за узду. Сев в седло, он справился с приступом головокружения. «Надо бы перевязать рану, но это потом. Пусть Король за

Стеной посмотрит, что со мной сделал его орел». Размяв пальцы правой руки, Джон повесил Длинный Коготь за спину и подъехал к Костяному Лорду. Игритт со свирепым видом ждала, сидя на своем коне.

— Я тоже поеду.

— Убирайся. — Костяной Лорд громыхнул своим панцирем. — Меня послали за вороной, тебе там делать нечего.

— Я вольная женщина и еду, куда хочу.

Ветер швырнул снег в глаза Джону, и он почувствовал, как кровь замерзает на лице.

— Ну что, болтать будем или поедем?

— Едем, — сказал Костяной Лорд.

Они проскакали около двух миль вдоль колонны, сквозь летящий снег, проехали через скопище обозных кибиток и перебрались через Молочную в месте, где она закладывала большую излучину к востоку. На мелководье река покрылась ледяной коркой, и с десяток ярдов от берега лошади шли проламывая тонкий лед. Оказалось, что на восточном берегу снег валил еще гуще и сугробы там были глубже. «Даже ветер тут холоднее». Над лесом уже сгущалась ночь.

Но даже в метель белый холм, возвышающийся над деревьями, нельзя было спутать ни с чем. «Кулак Первых Людей». Сверху донесся крик орла. Ворон каркнул с гвардейской сосны, увидев всадников. «Что со Старым Медведем? Атаковал он или нет?» Вместо лязга стали и гула летящих стрел Джон слышал только хруст подмерзшего наста под копытами коней.

Они молча проехали вокруг холма к южному склону, где подъем был легче. Там, у подножия, Джон увидел наполовину заметенный снегом труп лошади. Внутренности вывалились из ее живота, как мерзлые змеи, одной ноги недоста-

вало. «Волки», — первым делом подумал Джон, но тут же понял, что ошибается. Волки съедают добычу целиком.

На склоне валялись другие мертвые лошади с вывернутыми ногами и выпученными в смертном ужасе глазами. Одичалые, кишащие вокруг, как мухи, снимали седла, уздечки, котомки, броню и разделывали туши каменными топорами.

— Наверх, — скомандовал Гремучая Рубашка. — Манс там.

У кольцевой стены они спешились и прошли через узкий пролом. На колья, которые Старый Медведь поставил у каждого входа, был насажен мохнатый бурый конек. «Он пытался убежать, а не войти внутрь», — понял Джон. Всадника нигде не было видно.

Внутри дело обстояло еще хуже… Джон никогда еще не видел, чтобы снег был розовым. Ветер свирепствовал, колебля его тяжелый овчинный плащ. Вороны перелетали с одной мертвой лошади на другую. «Дикие это птицы или вороны Дозора? — гадал Джон. — И где сейчас бедняга Сэм? И кто он теперь?»

Под ногами хрустела замерзшая кровь. Одичалые снимали с лошадей всю сталь и кожу, сдирая даже подковы. Несколько человек обшарива-

ли поклажу, ища съестное или оружие. Джон прошел мимо останков одного из псов Четта, лежащих в луже полузастывшей крови.

В дальнем конце лагеря еще стояли палатки — там они и нашли Манса. Под рваным, зашитым красным шелком плащом на нем была черная кольчуга и мохнатые меховые штаны, на голове шлем из бронзы и железа с крыльями ворона на висках. Его окружали Ярл, Харма, Стир и Варамир Шестишкурый с волками и сумеречным котом.

Манс встретил Джона мрачным и холодным взглядом.

— Что у тебя с лицом?

— Орелл хотел выклевать ему глаз, — сказала Игритт.

— Я *его* спрашиваю, а не тебя. У него и свой язык есть. Впрочем, это ненадолго, если он будет продолжать нам врать.

Магнар Стир вытащил длинный нож.

— Авось одним глазом он будет видеть яснее, чем двумя.

— Хочешь сохранить глаз, Джон? — спросил Король за Стеной. — Тогда расскажи, сколько их было. И на этот раз постарайся говорить правду, бастард из Винтерфелла.

У Джона пересохло в горле.

— Милорд, что здесь слу…

— Я не твой лорд, а что здесь случилось, ясно и так. Твои братья мертвы. Вопрос в том, сколько их было.

Снег хлестал в изодранное лицо Джона, мешая думать. «Ты не должен колебаться, что бы от тебя ни потребовали», — сказал ему Куорен. Слова застревали в горле, но Джон заставил себя выговорить:

— Нас было триста человек.

— Нас? — резко повторил Манс.

— Их. — «Ты не должен колебаться, говорил Куорен. Отчего же мне так скверно?» — Двести человек из Черного Замка и сотня из Сумеречной Башни.

— Эта песня правдивее той, которую ты пел в моем шатре. Сколько лошадей мы нашли? — спросил Манс, обращаясь к Харме.

— Больше сотни, но меньше двухсот, — ответила она. — На восточной стороне под снегом есть еще — не знаю, сколько. — Позади Хармы стоял ее знаменосец с собачьей головой на шесте, совсем свежей — из нее еще капала кровь.

— Ты не должен был лгать мне, Джон Сноу, — сказал Манс.

— Да… знаю. — «Что еще тут скажешь?»

Король одичалых смотрел ему прямо в глаза.

— Кто здесь командовал? Говори правду. Рикер? Смолвуд? Уж точно не Уитерс, этот слишком немощен. Чья это палатка?

Джон чувствовал, что и так уже сказал слишком много.

— Значит, вы не нашли его тела?

Харма презрительно фыркнула, пустив пар из ноздрей.

— Ох и дураки же эти черные вороны.

— Если ты еще раз ответишь мне на вопрос вопросом, я отдам тебя моему Костяному Лорду, — пообещал Манс и шагнул к Джону. — Кто ими командовал?

«Еще один шаг, еще немного, — подумал Джон, переместив руку поближе к рукояти Длинного Когтя. — Если я промолчу…»

— Если ты схватишься за свой бастардный меч[2], я снесу твою бастардову голову, — предупредил Манс. — Мое терпение на исходе, ворона.

— Скажи, — вмешалась Игритт. — Кто бы он ни был, он все равно мертв.

Джон нахмурился, заставив лопнуть корку подсохшей крови на щеке. «Как это, оказывается,

---

[2] Примечания: 2

Т. н. «полутораручный» меч, который можно было удерживать как одной рукой, так и двумя.

тяжело. Можно ли изображать предателя, не став им на деле?» Куорен об этом ничего не сказал, но второй шаг всегда легче первого.

— Старый Медведь.

— Сам старик? — недоверчиво молвила Харма. — Кто же остался командовать в Черном Замке?

— Боуэн Марш. — На этот раз Джон не стал тянуть с ответом. «Ты не должен колебаться, чего бы от тебя ни потребовали».

— Если так, то война нами выиграна, — засмеялся Манс. — Боуэн лучше умеет считать мечи, чем пользоваться ими.

— Здесь командовал Старый Медведь, — снова заговорил Джон. — Это хорошее, сильное место, а он укрепил его еще больше. Вырыл ямы, поставил колья, сделал запасы воды и пищи. Он готовился…

— …Встретить меня? — закончил за него Манс. — Ну что ж, приготовился он на славу. Если б у меня хватило глупости полезть на этот холм, я потерял бы пять человек на каждую убитую ворону и еще считал бы, что мне повезло. — Он плотно стиснул губы. — Но когда мертвые встают, от стен, кольев и мечей нет никакой пользы. С мертвыми сражаться нельзя, Джон Сноу — я

это знаю лучше, чем кто бы то ни было. — Манс взглянул на потемневшее небо. — Вороны сами не знают, как здорово нам помогли. А я-то думал, почему же нас никто не атакует. Однако нам надо пройти еще сотню лиг, а холод крепчает. Варамир, пусть твои волки поищут, нет ли поблизости упырей. Я не хочу, чтобы они застали нас врасплох. Костяной Лорд, удвой караулы и позаботься, чтобы у каждого были факел и огниво. Стир, Ярл, вы отправитесь в путь на рассвете.

— Манс, — сказал Гремучая Рубашка, — отдай мне вороньи кости.

Игритт выступила вперед, загородив Джона.

— Нет. Нельзя убивать человека за то, что он солгал, пытаясь защитить своих бывших братьев.

— То-то и есть, что они ему до сих пор братья, — ответил Стир.

— Нет, — упорствовала Игритт. — Он не убил меня, как они ему велели. А вот Полурукого убил, мы все видели.

Дыхание вырывалось паром изо рта Джона. «Если я солгу, он узнает». Глядя Мансу в глаза, он сжал и разжал обожженные пальцы.

— Я ношу плащ, который дали мне вы, ваша милость.

— Овчинный! — подхватила Игритт. — И мы

провели под ним много ночей!

Ярл засмеялся, и даже Харма ухмыльнулась.

— Правда это, Джон Сноу? — мягко спросил Манс. — Насчет ее и тебя?

За Стеной легко заблудиться. Джон не знал больше, где честь, а где позор, что хорошо и что дурно. «Прости меня, отец», — подумал он и сказал:

— Да.

— Хорошо, — кивнул Манс. — Поедешь утром вместе с Ярлом и Стиром. И она тоже. Не в моих обычаях разлучать два сердца, что бьются, как одно.

— Куда мы должны ехать? — спросил Джон.

— За Стену. Пришло время доказать свою верность не только на словах, Джон Сноу.

— На что мне ворона? — недовольно возразил Стир.

— Он знает Дозор, Стену и Черный Замок лучше любого нашего разведчика. Если ты не совсем дурак, он тебе пригодится.

— А если окажется, что его сердце осталось черным?

— Тогда ты его вырежешь. — Манс повернулся к Гремучей Рубашке: — Костяной Лорд, колонна должна двигаться во что бы то ни стало. Если мы

доберемся до Стены раньше Мормонта, победа будет за нами.

— Будет двигаться, — сердито проворчал Гремучая Рубашка.

Манс кивнул и зашагал прочь вместе с Хармой и Шестишкурым. Волки и сумеречный кот Варамира последовали за ними. Игритт и Джон остались с Ярлом, Гремучей Рубашкой и магнаром. Двое последних смотрели на Джона, не скрывая злобы, Ярл же сказал:

— Слыхали? Мы выезжаем на рассвете. Соберите съестного, сколько сможете, охотиться у нас времени не будет. И сделай что-нибудь со своей ободранной рожей, ворона.

— Ладно, — сказал Джон.

— Ты не врала бы, девушка, — сказал Гремучая Рубашка Игритт, поблескивая глазами сквозь глазницу великаньего черепа.

Джон вынул из ножен Длинный Коготь.

— Уйди прочь, не то получишь то же, что и Куорен.

— Тут нет твоего волка, чтобы помочь тебе, парень. — Гремучая Рубашка тоже взялся за меч.

— Ты уверен? — засмеялась Игритт.

На кольцевой стене, ощетинив свой белый мех, сидел Призрак. Он, как всегда, молчал, но

его темно-красные глаза сулили кровь. Костяной Лорд убрал руку от меча и с проклятием отошел.

Призрак бежал рядом с лошадьми, когда Игритт и Джон спускались с Кулака. На середине Молочной Джон наконец счел безопасным сказать:

— Я не просил тебя лгать ради меня.

— А я и не лгала — просто умолчала кое о чем.

— Ты сказала…

— …что мы с тобой провели много ночей под твоим плащом, но не сказала, когда это началось. — И она улыбнулась ему — почти застенчиво. — Пусть Призрак поспит сегодня где-нибудь в другом месте, Джон Сноу. Дела, как говорит Манс, правдивее слов.

Санса

— Новое платье? — Настороженность Сансы не уступала изумлению.

— Такого у вас еще не было, миледи, — заверила портниха, смерив ей бедра узловатой бечевкой. — Шелк и мирийское кружево, на атласной подкладке. Красавицей будете. Королева лично распорядилась.

— Которая? — Маргери еще не стала королевой Джоффа, но она была королевой Ренли. Или женщина имеет в виду Королеву Шипов? Или…

— Королева-регент, конечно.

— Королева *Серсея*?!

— Она самая. Она уже много лет оказывает мне честь, заказывая у меня платья. — Женщина приложила бечевку к внутренней стороне но-

ги Сансы. — Ее милость сказали, что вы теперь взрослая и должны одеваться, как взрослая девушка. Вытяните, пожалуйста, руку.

Санса вытянула. Новое платье ей будет очень кстати, это правда. За последний год она подросла на целых три дюйма и притом испортила дымом почти весь свой гардероб, пытаясь сжечь свою перину в день своей первой крови.

— Грудь у вас обещает быть такой же красивой, как у королевы, — сказала портниха, измеряя ее объем. — Вы напрасно ее прячете.

Эти слова вогнали Сансу в краску. Последний раз, собираясь кататься верхом, она не смогла зашнуровать камзол до конца, и конюх пялил на нее глаза, помогая ей сесть в седло. Она стала замечать, что и взрослые мужчины смотрят на ее грудь, и некоторые сорочки стали ей так тесны, что она едва могла в них дышать.

— А какого оно будет цвета? — спросила она.

— Это вы предоставьте мне, миледи. Останетесь довольны, ручаюсь. Кроме платья, у вас будет еще и белье, и чулки, и накидки, и плащи — все, что подобает молодой леди из благородного дома.

— Поспеет ли все это к королевской свадьбе?

— Раньше, намного раньше. Ее милость так распорядилась. У меня шесть швей и двенадцать

учениц, и мы отложили всю другую работу ради этой. Многие леди будут на нас в обиде, но такова воля королевы.

— Поблагодарите ее милость за проявленную ею заботу. Она слишком добра ко мне.

— Ее милость — само великодушие, — согласилась портниха, собрала свои вещи и ушла.

«С чего это вдруг? — подумала встревоженная Санса, оставшись одна. — Скорее всего к этому приложила руку Маргери или ее бабушка».

Доброта Маргери была безграничной, и ее присутствие изменило всё. Она относилась к Сансе с величайшей добротой, а вслед за ней и ее дамы. Санса давно уже не бывала в женском обществе и успела позабыть, как это приятно. Леди Леонетта давала ей уроки игры на большой арфе, леди Янна делилась свежими сплетнями, Мерри Крейн рассказывала забавные истории, маленькая леди Бульвер напоминала Сансе Арью, но без ее свирепого нрава.

Ближе всего по возрасту Сансе были кузины Элинор, Элла и Мегга из младших ветвей дома Тиреллов. «Розы с нижних веток куста», — как говорила остроумная, гибкая Элинор. Говорливой толстушкой Меггой и хорошенькой застенчивой Эллой она командовала по праву старшинства:

Элинор уже расцвела, а две другие считались еще детьми.

Эти девочки приняли Сансу в свою компанию, как будто знали ее всю жизнь. Дни они проводили за шитьем, разговорами, лимонными пирожными и медовым вином, вечером играли в плашки, вместе молились в замковой септе. Часто одна или две из них спали вместе с Маргери и шушукались в постели до поздней ночи. Элла, обладавшая хорошим голосом, после долгих уговоров порой играла на маленькой арфе и пела о рыцарских подвигах и несчастной любви, Мегга петь не умела, но обожала целоваться. Она признавалась, что они с Эллой иногда играют в поцелуи, но это совсем не то, что целоваться с мужчиной, не говоря уж о короле. Любопытно, что бы сказала Мегга, если б ей, как Сансе, пришлось поцеловать Пса. «Он пришел ко мне в ночь битвы, разящий вином и кровью. Он поцеловал меня, и грозил убить, и заставил спеть для него».

— У короля Джоффри такие красивые губы, — знай себе щебетала Мегга. — Бедняжка Санса, твое сердце, должно быть, разбито оттого, что ты его потеряла. Как ты, наверное, плакала!

«Джоффри заставлял меня плакать чаще, чем ты полагаешь», — хотелось ответить Сансе, но

Маслобоя не было поблизости, чтобы заглушить ее голос, и ей приходилось молчать.

Элинор была помолвлена с молодым оруженосцем, сыном лорда Амброза, и они собирались пожениться, как только он получит шпоры. Он имел на себе знак ее отличия в битве при Черноводной, где убил мирийского арбалетчика и латника Маллендоров.

— Алин говорит, что ее лента сделала его бесстрашным, — рассказывала Мегга. — Он выкликал ее имя в бою — как это галантно! Я тоже хочу повязать свою ленту какому-нибудь воину, чтобы он убил сто человек. — Элинор велела Мегге замолчать, но видно было, что ей это приятно.

«Какие они еще дети, — думала Санса. — Глупые маленькие девочки — все, даже Элинор. Они ни разу не видели боя, не знают, как умирают люди, не знают ничего». Головы у них набиты песнями и сказками — она была такой же до того, как Джоффри отрубил голову ее отцу. Санса жалела их. И завидовала.

А вот Маргери другая. Она мила и добра, но и от бабушки в ней тоже кое-что есть. Позавчера она взяла Сансу на соколиную охоту, и Санса впервые после битвы выехала за пределы города. Убитых уже похоронили или сожгли, но Грязные ворота

до сих пор оставались покореженными после таранов, и вдоль обоих берегов Черноводной громоздились разбитые корабли; их сгоревшие мачты торчали из отмели, как тощие черные пальцы. По реке ходил только плоскодонный паром, перевезший их на тот берег, где она обнаружила, что Королевский лес превратился в пустыню из пепла, головешек и мертвых деревьев. Но болота близ залива по-прежнему изобиловали водяной птицей, и кречет Сансы сбил трех уток, а сокол Маргери — цаплю в полете.

— Уиллас держит лучших охотничьих птиц в Семи Королевствах, — сказала Маргери, когда они ненадолго остались вдвоем. — Иногда он даже орла выпускает. — Маргери взяла руку Сансы и пожала ее. — Скоро сама увидишь, сестричка.

Сестричка… Раньше Санса мечтала о такой сестре, как Маргери, — красивой, благовоспитанной и преисполненной всех земных добродетелей. Арья ее в качестве сестры совершенно не удовлетворяла. «Могу ли я допустить, чтобы моя сестра вышла замуж за Джоффри?» Глаза Сансы наполнились слезами, и она через силу проговорила:

— Маргери, прошу тебя… не выходи за него. Он не такой, каким кажется с виду. Он будет тебя обижать.

— Не думаю, — спокойно улыбнулась Маргери. — Ты поступаешь храбро, предупреждая меня, но тебе не нужно бояться. Джофф избалован, тщеславен, и я не сомневаюсь в твоих словах о его жестокости, но отец заставил его взять в Королевскую Гвардию Лораса еще до того, как согласился на этот брак. Меня днем и ночью будет охранять лучший рыцарь Семи Королевств, как принц Эйемон охранял Нейерис, и нашему львенку поневоле придется вести себя как следует! — Маргери засмеялась и предложила: — Давай поскачем обратно к реке наперегонки, сестричка. Пусть наша стража позлится! — И она, не дожидаясь ответа, ударила каблуками своего коня.

«Какая она храбрая», — подумала Санса, скача за ней следом, но сомневаться все же не перестала. Сир Лорас, конечно, великий рыцарь, но у Джоффри есть и другие королевские гвардейцы, и золотые плащи, и красные плащи, а когда он подрастет, то будет командовать целыми армиями. Эйегон Недостойный ни разу пальцем не тронул Нейерис, опасаясь, вероятно, их брата, Рыцаря-Дракона, но когда другой королевский гвардеец влюбился в одну из фавориток Эйегона, король отрубил головы им обоим.

«Но сир Лорас — Тирелл, — напоминала себе

Санса, — а тот рыцарь был всего лишь Тойн. У его братьев не было армии, и они могли мстить только собственными мечами». Но чем больше Санса думала об этом, тем больше ее одолевали сомнения. «Положим, Джофф и будет сдерживаться с год или больше, но рано или поздно он покажет свои когти, и тогда…» В стране может появиться новый Цареубийца, война на этот раз вспыхнет внутри городских стен, и кровь сторонников льва и сторонников розы побежит по сточным канавам.

Сансу удивляло, как сама Маргери этого не понимает. «Впрочем, она старше и должна быть умнее, а лорд Тирелл, ее отец, конечно же, знает, что делает. Я слишком глупа, чтобы понять».

Она рассказала сиру Донтосу, что собирается замуж за Уилласа Тирелла, и думала, что он порадуется за нее, но он схватил ее за руку и вскричал во власти хмеля и ужаса:

— Не делайте этого! Тиреллы — те же Ланнистеры, только убранные цветами. Молю вас, забудьте об этой безумной затее, поцелуйте своего Флориана и обещайте, что поступите согласно нашему плану. До свадьбы Джоффри осталось недолго — вы наденете свою серебряную сетку для волос, и мы убежим.

Он попытался чмокнуть ее в щеку, но Санса освободилась и сказала:

— Нет, я не могу. Вдруг у нас ничего не получится? Когда я хотела бежать, вы не соглашались, а теперь мне это больше не нужно.

Донтос уставился на нее с глупым видом.

— Но ведь все уже готово, дорогая. Корабль, чтобы отвезти вас домой, и лодка, чтобы доставить вас на корабль. Ваш Флориан все подготовил для своей милой Джонквиль.

— Мне жаль, что я доставила вам столько хлопот, но ни корабли, ни лодки не нужны мне больше.

— Но ведь побег задуман ради вашей безопасности.

— В Хайгардене мне ничего не будет грозить. Уиллас обо мне позаботится.

— Он вас не знает и не будет любить вас, — настаивал Донтос. — Джонквиль, Джонквиль, раскройте свои ясные глазки: Тиреллам нужны не вы, а ваше наследство.

— Мое наследство? — растерялась Санса.

— Дорогая, вы теперь наследница Винтерфелла. — Он снова схватил ее и стал умолять отказаться от мысли о замужестве, но Санса вырвалась и ушла, а он остался, пошатываясь,

стоять под сердце-деревом. С тех пор она в богороще не бывала.

Однако его слов она забыть не могла. «Наследница Винтерфелла, — думала она лежа в постели. — Вот что им нужно, а не я». У Сансы было трое братьев, и ей не приходило в голову, что наследницей может стать она, но теперь, после смерти Брана и Рикона… «Все равно, ведь есть Робб, и он теперь взрослый мужчина — скоро он женится, и у него родится сын. Притом Уиллас Тирелл наследует Хайгарден — зачем ему Винтерфелл?»

Иногда она шептала его имя в подушку, просто чтобы послушать, как оно звучит. Уиллас, Уиллас, Уиллас. Почти так же красиво, как Лорас, и даже немного похоже. Что ей за дело до его ноги? Он будет лордом Хайгардена, а она — его леди.

Она воображала, как они сидят вдвоем в саду со щенятами на коленях или плавают по Мандеру, слушая пение под звуки лютни. «Если я подарю ему сыновей, он, быть может, полюбит меня». Она назовет их Эддардом, Брандоном и Риконом и воспитает такими же отважными, как сир Лорас. И научит ненавидеть Ланнистеров. В мечтах Сансы ее дети походили на братьев, которых она потеряла. Иногда ей виделась даже девочка,

похожая на Арью.

Но образ Уилласа недолго держался у нее в голове — ее воображение неизменно возвращалось к сиру Лорасу, юному и прекрасному. «Ты не должна так думать о нем, — говорила она себе. — Уиллас может заметить разочарование в твоих глазах — как же он тогда женится на тебе, зная, что ты любишь его брата?» Она напоминала себе, что Уиллас вдвое старше ее, притом он хромой и, может быть, такой же толстый и краснолицый, как его отец. Но хорош он или дурен, другого заступника у нее не будет.

Однажды ей приснилось, что за Джоффа вышла все-таки она, а не Маргери, и что в свадебную ночь он превратился в палача Илина Пейна. Она проснулась, вся дрожа. Она не хотела, чтобы Маргери страдала так, как она, но боялась, что Тиреллы могут отказаться от свадьбы. «Я предупредила ее. Я рассказала ей правду. Но ведь Маргери могла и не поверить. С ней Джофф всегда изображает себя безупречным рыцарем, как раньше с Сансой. Впрочем, скоро ей откроется его истинная натура — сразу после свадьбы, если не раньше». Санса решила поставить свечу Небесной Матери в следующий раз, как пойдет в септу, и попросить ее оградить Маргери от Джоффри.

И Воину тоже — за Лораса.

На церемонию в Великой Септе Бейелора она наденет свое новое платье. «Должно быть, Серсея потому и заказала его, чтобы я на свадьбе не казалась замарашкой». Надо бы сшить еще одно, для свадебного пира, но туда можно надеть и что-нибудь старое. Новое, чего доброго, можно испачкать едой или вином. Она возьмет его с собой в Хайгарден, чтобы Уиллас Тирелл нашел ее красивой. «Даже если Донтос прав и ему нужен Винтерфелл, а не я, он все-таки может полюбить меня такой, какая я есть». Санса крепко обхватила себя руками. Когда же платье будет готово? Скорее бы.

Арья

Дожди прошли, но небо чаще было серым, чем голубым, и ручьи сильно раздулись. Утром третьего дня Арья заметила, что мох растет не на той стороне деревьев.

— Мы не туда едем, — сказала она Джендри, проезжая мимо особенно мшистого вяза. — Мы едем на юг. Видишь, как мох растет на стволе?

Он откинул с глаз свои густые черные волосы.

— Мы едем по дороге — стало быть, она здесь сворачивает к югу.

«Мы весь день едем на юг, — хотела сказать она. — И вчера, когда мы ехали вдоль ручья, было то же самое». Правда, вчера она не уделяла этому такого внимания и потому не могла быть уверена.

— По-моему, мы заблудились, — сказала она вполголоса. — Не надо было сворачивать в сторону от реки. Ехали бы по берегу, и все тут.

— Река все время извивается, а так, думаю, короче, — сказал Джендри. — Может, это тайная разбойничья дорога. Лим, Том и прочие здесь уже долго живут, им и знать.

Да, это верно. Арья прикусила губу.

— Но мох…

— От таких дождей он и у нас на ушах скоро вырастет.

— Только если они на юг смотрят, — стояла на своем Арья. Ну, да Быку разве что втолкуешь. Все равно он ее единственный настоящий друг теперь, когда Пирожок их покинул.

«Шарна говорит, чтобы я остался и пек ей хлеб, — сказал он Арье в день отъезда. — Да мне и самому надоели дожди и седельные болячки, и бояться тоже надоело. Тут есть эль и крольчатина, а хлеб станет лучше, когда им буду заниматься я. Сама увидишь, когда вернешься. Ты ведь вернешься, правда? Когда война кончится? — Тут он вспомнил, кто она, покраснел и добавил: — Миледи».

Арья не знала, кончится ли война когда-нибудь, но кивнула.

— Ты извини, что я тогда побила тебя, — сказала она. Пирожок, конечно, глуп и трусоват, но он проделал с ней весь путь от Королевской Гавани, и она к нему привыкла. — И нос тебе сломала.

— Лиму ты его тоже сломала, — ухмыльнулся Пирожок. — Здорово это ты.

— Лим так не думает, — мрачно сказала Арья, и тут настало время уезжать. Пирожок спросил, может ли он поцеловать миледи руку, и Арья двинула его кулаком в плечо. — Не называй меня так. Ты Пирожок, а я Арри.

— Тут я больше не Пирожок. Шарна меня зовет просто Мальчик, как и того, другого. Как бы путаницы не вышло.

Арья скучала по нему больше, чем ожидала, только Харвин немного ее утешал. Она рассказала ему про его отца, Халлена, о том, как нашла его умирающим у конюшен Красного Замка в день своего побега.

— Он всегда говорил, что умрет на конюшне, — сказал Харвин, — только мы думали, что его убьет какой-нибудь злонравный жеребец, а не стая львов. — Арья рассказала ему также о Йорене и их отъезде из Королевской Гавани, и почти обо всем, что случилось потом — умолчала только о конюшонке, которого заколола Иглой, и о страж-

нике, которому перерезала горло в Харренхолле. Сказать об этом Харвину было почти все равно что сказать отцу, а она не вынесла бы, если б отец узнал о ней кое-какие вещи.

Арья умолчала также о Якене Хгаре и о трех смертях, которые он задолжал и выплатил ей. Железную монетку, подаренную им, она прятала в поясе и вынимала только по ночам, вспоминая, как изменилось его лицо, когда он провел по нему рукой. «*Валар моргулис*, — шептала она при этом. — Сир Грегор, Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес. Сир Илин, сир Меррин, королева Серсея, король Джоффри».

Харвин сказал, что из двадцати винтерфеллцев, которых ее отец послал с Бериком Дондарриономом, осталось только шестеро, да и те разобщены.

— Это была ловушка, миледи. Лорд Тайвин послал своего Гору через Красный Зубец с огнем и мечом, чтобы заманить туда вашего лорда-отца. Он полагал, что лорд Эддард сам отправится на запад, чтобы разделаться с Грегором Клиганом. Если бы так и вышло, его убили бы или взяли бы в плен и обменяли на Беса, который в ту пору был в плену у вашей леди-матери. Но Цареубийца ничего не знал о планах лорда Тайвина, и когда он услышал, что его брат попал в плен, он напал

на вашего отца прямо на улицах Королевской Гавани.

— Я помню, — сказала Арья. — Он убил Джоффри. — Джоффри всегда улыбался ей, если только не велел не путаться под ногами.

— Верно, — подтвердил Харвин, — а вашего отца придавил собственный конь и сломал ему ногу — поэтому лорд Эддард не смог выехать на запад сам. Вместо себя он послал лорда Берика с двадцатью его людьми и двадцать человек из Винтерфелла, в том числе и меня. С нами были и другие: Торос и сир Реймун Дарри, сир Глэдден Уайлд и лорд Лотар Маллери, все со своими людьми. Но Грегор устроил нам засаду у Шутовского брода, на обоих берегах. Когда мы стали переправляться, он напал на нас и спереди, и сзади.

Я видел, как Гора убил Реймуна Дарри одним ударом такой страшной силы, что он отсек рыцарю руку по локоть и убил под ним коня. Глэдден Уайлд погиб тоже, лорд Маллери свалился с коня и утонул. Львы окружили нас со всех сторон, и я уж думал, что и мне пришел конец, но Элин, выкрикнув приказ, восстановил порядок в наших рядах. Те из нас, кто еще оставался в седле, собрались вокруг Тороса и пробились на свободу. Утром нас было сто двадцать человек, а к вечеру

осталось не более сорока, и лорд Берик получил тяжелую рану. В ту ночь Торос вытащил из его груди кусок копья длиною в фут и залил дыру кипящим вином.

Каждый из нас был уверен, что его милость к рассвету умрет, но Торос всю ночь молился о нем у костра, и когда настал рассвет, лорд был еще жив и ему даже полегчало немного. Прошло две недели, прежде чем он смог сесть на коня, но его мужество придавало сил нам всем. Он сказал, что наша война не закончилась у Шутовского брода, а лишь началась там, и что каждый наш павший боец будет отомщен десятикратно.

В ту пору мы остались в стороне от военных действий. Люди Горы были только авангардом войска лорда Тайвина. Они перешли через Красный Зубец всей своей силой и двинулись по речным землям, сжигая все на своем пути. Мы своим малым числом только и могли, что нападать на них сзади, но говорили себе, что скоро соединимся с войском короля Роберта, когда он выступит на запад, чтобы подавить мятеж лорда Тайвина. Но затем мы услышали, что Роберт мертв и лорд Эддард тоже, а на Железном Троне сидит отродье Серсеи Ланнистер.

Это известие поставило мир с ног на голову. Нас

послал десница короля, чтобы мы разделались с разбойниками, теперь же мы сами сделались разбойниками, а десницей короля стал лорд Тайвин. Некоторые из нас тогда захотели сдаться, но лорд Берик об этом и слышать не хотел. Мы остаемся людьми короля, сказал он, и должны защищать подданных короля, которых терзают львы. Если уж мы не можем сражаться за Роберта, то будем сражаться за его народ, пока последний из нас не падет мертвым. Мы и сражались, а потом стали твориться странные вещи. На каждого потерянного нами человека прибывало двое. Иногда это были рыцари и оруженосцы, но в основном к нам шел простой люд — батраки, музыканты, трактирщики, слуги, сапожники, даже двое септонов явились. Шли мужчины, женщины, дети, собаки…

— *Собаки?*

— Ага, — ухмыльнулся Харвин. — Один наш парень держит целую свору, и вы таких плохих свирепых еще не видывали.

— Вот бы и мне пса, да посвирепее. Чтобы умел охотиться на львов. — Раньше у Арьи была лютоволчица, Нимерия, но Арья прогнала ее, швыряя в нее камнями, — иначе королева убила бы ее. «Интересно, а лютоволк может убить льва?»

Днем снова пошел дождь и лил до самого вечера. К счастью, у разбойников повсюду были тайные друзья, и им не нужно было ночевать под открытым небом или в каком-нибудь протекающем сарае, как Арье с ребятами, когда они путешествовали одни.

Этой ночью они нашли приют в сожженной покинутой деревне. Вернее, она *казалась* покинутой, пока Джек-Счастливчик не протрубил в свой охотничий рог — два раза коротко и два длинно. Тогда из руин и погребов стали вылезать люди. У них имелся эль, сушеные яблоки и черствый ячменный хлеб, а разбойники привезли гуся, подстреленного по дороге Энгай, так что ужин получился на славу.

Арья обгладывала крылышко, когда один из деревенских жителей сказал Лиму:

— Два дня назад тут проезжали какие-то люди — они искали Цареубийцу.

— Пусть поищут его в Ривердане, — фыркнул Лим. — В самой глубокой темнице, славной и сырой. — Его красный распухший нос походил на расквашенное яблоко, и настроение оставляло желать лучшего.

— Да нет, он сбежал, — сказал другой местный житель.

«Цареубийца…» Волосы на затылке у Арьи ощетинились, и она стала слушать, затаив дыхание.

— Неужто правда? — спросил Том-Семерка.

— Нет, я не верю, — сказал одноглазый разбойник в заржавленном шлеме. Другие называли его Джек-Счастливчик, хотя потеря глаза не казалась Арье таким уж счастьем. — Я сам хлебнул этих темниц — как он мог сбежать оттуда?

Деревенские не сумели ему на это ответить, а Зеленая Борода, огладив зеленую, с седыми прядями, бороду, сказал:

— Если Цареубийца снова на свободе, волков утопят в крови. Надо сказать Торосу — Владыка Света покажет ему Ланнистера в пламени.

— Тут тоже огонь хорошо горит, — улыбнулся Энгай.

Зеленая Борода засмеялся и дернул его за ухо.

— По-твоему, я похож на жреца, лучник? Когда Пелло из Тироша смотрит в огонь, он подпаливает себе бороду, только и всего.

— Думаю, лорд Берик был бы не прочь взять в плен Джейме Ланнистера, — заметил, хрустнув пальцами, Лим.

— Он ведь повесит его, если схватит? — спросила одна из деревенских женщин. — Даже жалко вешать такого красавца.

— Сначала будет суд, — сказал Энгай. — Лорд Берик всегда устраивает суд, сами знаете, — а уж потом вешает.

Все вокруг засмеялись, а Том, перебирая струны арфы, запел:

Вольные братья жили
Под сенью широких небес.
Замком их и оплотом
Был Королевский лес.
Бойся тех братьев, путник,
Расправа у них коротка:
Не сбережешь ни девицы,
Ни полного кошелька.

Арья, сидя в теплом уголке между Джендри и Харвином, задремала под звуки песни. Ей приснился дом — не Ривердан, а Винтерфелл, но сон был нехороший. Она стояла одна за стенами замка по колени в грязи, а когда она делала шаг к воротам, они каждый раз отступали, и замок таял, словно созданный из дыма, а не из гранита. А среди деревьев шмыгали тощие серые волки с горящими глазами, и при каждом взгляде на них ей вспоминался вкус крови.

На следующее утро они съехали с дороги и

двинулись напрямик через поля. Ветер швырял под ноги лошадям бурые листья, зато дождя по крайней мере не было. Солнце, выглянувшее из-за тучи, показалось Арье таким ярким, что она надвинула капюшон на глаза — и вдруг резко натянула поводья.

— Мы не в ту сторону едем!

— Опять твой мох, что ли? — простонал Дженри.

— Глянь на солнце. Мы едем на *юг*! — Арья вытащила из седельной сумки карту. — Не надо нам было поворачивать от Трезубца. Смотрите. — Она развернула карту у себя на ноге. Теперь все смотрели на нее. — Вот он, Ривердан, между двумя реками.

— Мы знаем, где стоит Ривердан, — хорошо знаем, — сказал Джек-Счастливчик.

— И едем мы не туда, — напрямик заявил Лим.

«А ведь я была почти на месте, — подумала Арья. — Надо было отдать им лошадей и пройти остальной путь пешком». Ей вспомнился ее сон, и она прикусила губу.

— Не огорчайся так, дитя, — сказал Том-Семерка. — Ничего худого с тобой не случится, даю тебе слово.

— Слово лгуна!

— Никто тебе не лгал, — возразил Лим. — Мы ничего не обещали. Не наше это дело — решать, как с тобой быть.

Зная, что командует здесь не Лим и не Том, а тирошиец Зеленая Борода, Арья повернулась лицом к нему.

— Отвезите меня в Ривердан, и вы получите награду, — в отчаянии пообещала она.

— Малютка, — ответил Зеленая Борода, — если крестьянину случится подстрелить обыкновенную белку, он сдирает с нее шкурку и кладет в свой горшок, но если ему попадется золотая белочка, он везет ее своему лорду — а если он не сделает этого, то пожалеет.

— Я не белка, — возразила Арья.

— Ошибаешься, — засмеялся тирошиец. — Ты маленькая золотая белочка, которую везут к лорду-молнии, хочется ей того или нет. Он будет знать, как с тобой поступить. Бьюсь об заклад, он отошлет тебя к твоей леди-матери, как ты хотела сама.

— Скорее всего, — кивнул Том. — Лорд Берик поступит с тобой по справедливости, вот увидишь.

Лорд Берик Дондаррион. Арье вспомнилось все, что она слышала о нем в Харренхолле, как от Ланнистеров, так и от Кровавых Скоморохов.

Лорд Берик — болотный огонек. Он убит Варго Хоутом, а до него сиром Амори Лорхом и еще дважды — Скачущей Горой. «Если он не отправит меня домой, я его тоже убью».

— Зачем мне надо ехать к лорду Берику? — спросила она.

— Мы доставляем ему всех пленников знатного рода, — ответил Энгай.

«Пленников… — Арья сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Спокойная, как вода. — Она бросила быстрый взгляд на конных разбойников и развернула своего рысака. — А теперь — быстрая, как змея». Ударив своего коня каблуками, она проскочила между Зеленой Бородой и Джеком-Счастливчиком. Кобыла Джендри шарахнулась в сторону, и перед Арьей мелькнуло его испуганное лицо. В следующий миг она уже скакала через широкое поле.

Сейчас все равно куда — на север, юг, восток или запад. Дорогу в Ривердан она поищет после, когда оторвется от них. Арья пригнулась в седле и пустила коня галопом. Разбойники позади ругались и кричали, приказывая ей вернуться. Она старалась не слушать, но, оглянувшись через плечо, увидела, что четверо скачут за ней: Энгай, Харвин и Зеленая Борода впереди, а чуть позади

них Лим, с развевающимся на ветру желтым плащом.

— Беги, — сказала она своему коню. — Быстро, как олень.

Она мчалась по бурым заросшим полям, через высокую траву и сухие листья, разлетающиеся на ее пути. Слева виднелся лес — там она сможет уйти от погони. С той стороны поле обводила сухая канава, но конь перелетел через нее, не теряя скорости, и поскакал среди вязов, тисов и берез. Арья быстро оглянулась — Энгай и Харвин все еще скакали за ней, но Зеленая Борода отстал, а Лима и вовсе не было видно.

— Быстрее, — сказала она коню, — ты можешь, я знаю.

Она пронеслась между двумя вязами, не посмотрев, с какой стороны на них растет мох, перескочила через трухлявый пень и обогнула огромное поваленное дерево, ощетинившееся острыми поломанными сучьями. Конь взял небольшой подъем и снова спустился, высекая подковами искры из попадающегося внизу кремня. На новом пригорке Арья оглянулась снова. Харвин немного обогнал Энгай, но оба неслись во весь опор. Зеленая Борода, как видно, отстал окончательно.

Дорогу преградил ручей, и Арья проскакала по воде, засыпанной палыми листьями, которые липли к ногам коня. На том берегу подлесок был гуще, а внизу столько камней и корней, что скачку пришлось замедлить, но Арья продолжала ехать так быстро, как только осмеливалась. Снова пригорок, покруче прежних. Вверх и снова вниз. «Насколько он велик, этот лес?» Конь у нее резвее — ведь она увела с харренхоллской конюшни лучших скакунов Русе Болтона, но здесь от его резвости мало проку. «Надо бы снова выбраться в поле, найти дорогу». Перед ней открылась звериная тропа, узкая и неверная, но все-таки лучше, чем ничего. Арья мчалась по ней, и ветки хлестали ее по лицу. Одна сорвала с головы капюшон, и Арье показалось, что разбойники ее поймали. Из кустов выскочила лисица, напуганная топотом копыт. Тропа привела Арью к другому ручью. Или это тот же самый? Вдруг она скачет по кругу? Некогда было задумываться — лошади преследователей уже ломились через лес позади. Тернии царапали ей лицо, как кошки, за которыми она когда-то охотилась в Королевской Гавани. С ольхи вспорхнула стайка ласточек. Но лес уже редел, и внезапно она очутилась на открытом месте. Впереди простиралось сырое поле, зарос-

шее сорняками и дикой пшеницей. Арья снова послала коня в галоп. «Беги в Ривердан. Беги домой». Отстала погоня или нет? Оглянувшись, она увидела Харвина в шести ярдах, тот нагонял ее. «Нет, только не он». Так нечестно. Взмыленные лошади поравнялись, и рука Харвина вырвала у Арьи повод. Арья дышала так же тяжело, как и ее конь, зная, что дело ее проиграно.

— Вы скачете, как настоящий северянин, миледи, — сказал Харвин, замедлив и остановив лошадей. — Совсем как ваша тетушка, леди Лианна. Но не забывайте, что мой отец был мастером над конями.

Она послала ему взгляд, полный горечи и обиды.

— Я думала, ты человек моего отца.

— Лорд Эддард умер, миледи. Теперь я служу лорду-молнии и своим братьям.

— Каким еще братьям? — У Халлена, насколько Арья помнила, не было других сыновей.

— Энгай, Лиму, Тому-Семерке, Джеку, Зеленой Бороде — всем, сколько есть. Мы не хотим вашему брату Роббу зла, миледи, но сражаемся мы не за него. У него своя армия, и много знатных лордов склонили перед ним колена, а у простого народа нет никого, кроме нас. — Он испытующе посмот-

рел на нее. — Вам понятно то, что я говорю?

— Понятно. — То, что он служит не Роббу, она поняла как нельзя лучше. Как и то, что она его пленница. «Надо было остаться с Пирожком. Тогда мы взяли бы лодку и поплыли в Ривердан». Назвалась Голубенком — вот и держалась бы этого имени. Голубенка в плен брать никто бы не стал, и Нэн тоже, и Ласку, и сироту Арри. «Я была волком, а теперь снова превратилась в глупую маленькую леди».

— Добром назад поедете, — спросил Харвин, — или мне вас связать и перекинуть через свою лошадь?

— Добром, — угрюмо пробурчала она. «Пока что».

Сэмвел

Рыдая, Сэм сделал еще один шаг. «Все, последний шаг, этот точно последний. Больше не могу, не могу». Однако ноги двигались вопреки ему — одна, потом другая. Они сделали еще шаг и еще, и он подумал: «Это не мои ноги, а кого-то другого, это кто-то другой идет, а не я».

Глядя вниз, он видел, как эти бесформенные неуклюжие штуки, спотыкаясь, идут через снег. Насколько он помнил, сапоги раньше были черные, но налипший снег превратил их в корявые белые комки, похожие на косые лапы изо льда.

Этот снегопад все не прекратится. Сугробы намело уже по колено, и снежная корка одела икры, словно белые поножи. Он еле тащится, и тяжелая котомка делает его похожим на горбуна. Он так

устал, так устал. «Я больше не могу. Матерь, смилуйся надо мной, я не могу».

На каждом четвертом или пятом шагу он подтягивал вверх свой пояс. Меч он потерял на Кулаке, но при нем еще оставались два ножа — кинжал из драконова стекла, подаренный ему Джоном, и стальной, которым он резал мясо. Они тянули пояс вниз, и если Сэм забывал его подтягивать, пояс соскальзывал с круглого живота и спутывал лодыжки, как бы туго Сэм его ни застегивал. Однажды он попробовал пристроить пояс выше живота, и в итоге затянул его где-то в районе подмышек. Гренн обхохотался от такого зрелища, а Скорбный Эдд сказал:

— Я знал одного малого, который носил меч на цепи вокруг шеи. Однажды он споткнулся, и рукоять вошла ему в нос.

Сэм тоже все время спотыкался. Под снегом попадались камни, корни и ямы. Черный Бернарр три дня назад ступил в такую вот впадину и сломал себе лодыжку. Три дня или четыре? Сэм уже не помнил, когда. Лорд-командующий после этого посадил Бернарра на лошадь.

Рыдая, Сэм сделал еще один шаг. Ему казалось, что он скорее падает, чем идет, падает, но не ударяется о землю, а продолжает падать, все вперед

и вперед. «Это слишком больно. Надо остановиться. Я замерз и устал. Мне надо поспать, просто немного поспать у огня и съесть хоть что-нибудь не мерзлое».

Но если он остановится, он умрет. Сэм это знал. Они все это знали, те немногие, кто еще остался. С Кулака ушли человек пятьдесят, может, чуть больше, но одни отстали и заблудились в метели, другие, раненые, истекли кровью… и Сэм иногда слышал доносящиеся сзади крики, а однажды оттуда раздался жуткий вопль. Услышав его, Сэм пробежал двадцать или тридцать ярдов со всей доступной ему быстротой, расшвыривая снег закоченевшими ногами. Он и до сих пор бы бежал, будь у него ноги покрепче. «Они нас преследуют, они продолжают идти за нами и забирают нас одного за другим».

Рыдая, Сэм сделал еще один шаг. Он так давно закоченел, что забыл, как себя чувствуешь, когда тебе тепло. На нем три пары чулок, две смены белья под толстой шерстяной рубахой, а поверх теплая стеганая душегрейка, защищающая от холодной кольчуги. Поверх кольчуги надет камзол, а поверх камзола тройной плащ, туго застегнутый под его подбородками на костяную пуговицу. Капюшон надвинут на лоб, на руках меховые

варежки поверх тонких перчаток из кожи и шерсти, лицо обмотано шарфом, уши прикрывает овчинная шапка. Но холод сидит в нем, несмотря ни на что. Особенно в ногах. Теперь Сэм их уже не чувствует, но еще вчера они болели так, что он едва мог стоять, не говоря уж о ходьбе. При каждом шаге он с трудом сдерживал крик. Это было вчера? Он не помнил. Он не спал с самого Кулака, с того времени, как протрубил рог. Разве что на ходу. Может ли человек спать на ходу? Он не знал — а если и знал, то забыл.

Рыдая, он сделал еще один шаг. Снег клубился вокруг. Иногда снег падает с белого неба, иногда с черного — вот и вся разница между днем и ночью. Сэм несет снег на плечах, как второй плащ, снег кучей громоздится на котомке, делая ее еще тяжелее. Поясницу ломит так, словно в нее воткнули нож и на каждом шагу крутят его туда-сюда. Плечи ноют под тяжестью кольчуги. Больше всего на свете Сэм хотел бы снять ее, но боится. Притом, чтобы сделать это, пришлось бы сначала снять плащ и камзол, и холод совсем его доконал бы.

«Эх, будь я посильнее…», — но что толку желать. Он слаб и толст, так толст, что и собственный-то вес еле тащит, что уж там говорить о кольчуге.

Ему казалось, что она стерла ему плечи до крови, несмотря на стеганую ткань под ней. Сэму оставалось только плакать, и он плакал, а слезы замерзали у него на щеках.

Рыдая, он сделал еще один шаг. Он шел по уже проложенному следу и только благодаря этому как-то передвигался. Справа и слева за деревьями смутно виднелись сквозь падающий снег оранжевые пятна факелов. Поворачивая голову, он видел, как они тихо плывут через лес, покачиваясь на ходу. «Огненное кольцо Старого Медведя, — напомнил он себе. — Горе тому, кто выйдет из него». Шагая, он как бы гнался за факелами впереди себя, но у них тоже есть ноги, длиннее и крепче, чем у него, — ему никогда не догнать их.

Вчера он упрашивал, чтобы ему дали нести факел, хотя это означало, что ему пришлось бы идти с краю колонны, где тьма подступает к тебе вплотную. Он жаждал огня, мечтал об огне. «Будь у меня огонь, я бы не мерз». Но ему напомнили, что он уже нес факел в начале пути, однако уронил его в снег, и огонь погас. Сэм этого не помнил, но так, вероятно, и было. Он слишком слаб, чтобы долго держать руку поднятой. Кто напомнил ему о том факеле — Эдд или Гренн? Сэм и это забыл.

«Я толстый, слабый, ни на что не годный, и даже мозги у меня застыли». Он сделал еще один шаг.

Шарф, которым он замотал нос и рот, весь пропитался соплями и уже, наверно, примерз к лицу. Ему даже дышать тяжело, и воздух такой холодный, что вызывает боль.

— Матерь, смилуйся, — бормотал он под своей застывшей маской. — Матерь, смилуйся. Матерь, смилуйся. — Каждый раз, повторяя это, он делал еще один шаг. — Матерь, смилуйся. Матерь, смилуйся. Матерь, смилуйся.

Его собственная мать теперь на юге, в тысяче лиг от него — живет себе с сестрами и младшим братом Диконом в замке на Роговом Холме и горя не знает. «Она не слышит меня, как и Небесная Матерь». Все септоны сходятся на том, что Матерь милосердна, но у Семерых нет власти за Стеной. Здесь правят старые боги, безымянные боги деревьев, волков и снега.

— Смилуйтесь, — шептал теперь Сэм, обращаясь к тем, кто мог его услышать, будь то новые боги, старые боги или демоны. — Смилуйтесь, смилуйтесь надо мной, смилуйтесь надо мной.

«Меслин тоже молил о милосердии». Почему Сэм вдруг вспомнил его? Он не хотел ничего вспоминать. Меслин попятился, выронил меч и стал

кричать, что сдается — он даже стащил с руки свою черную перчатку и поднял ее вверх, как боевую рукавицу. Он еще визгливо молил о пощаде, когда мертвец схватил его за горло, вскинул в воздух и чуть не оторвал ему голову. «Мертвые не помнят, что такое милосердие, а Иные… нет, не станет он думать об этом, не думай, не вспоминай, только иди, иди, иди».

Рыдая, он сделал еще один шаг.

Споткнувшись о корень под снегом, Сэм тяжело упал на одно колено и прикусил себе язык. Выступила кровь — такого тепла во рту он не ощущал с самого Кулака. «Все кончено», — подумал Сэм. Теперь, когда он упал, у него уже не хватит сил встать. Он схватился за ветку дерева, пытаясь подняться, но онемевшие ноги не держали его. Кольчуга слишком тяжелая, а он слишком толст, слишком слаб и слишком устал.

— Вставай, Хрюшка, — проворчал кто-то, проходя мимо, но Сэм даже не взглянул на него. «Надо просто лечь в снег и закрыть глаза». Смерть не хуже всякой другой. Холоднее ему уже не станет, и вскоре он уже не будет чувствовать боли в пояснице и плечах, как не чувствует ног. «Я умру не первым — никто не сможет сказать, что я умер раньше всех». Многие погибли на Кулаке

и еще больше потом, он сам видел. Весь дрожа, Сэм отпустил ветку и сполз на снег. Он знал, что тут должно быть холодно и мокро, но почти не ощущал этого сквозь все свои одежки. Снежинки с белого неба сыпались ему на живот, грудь и ресницы. «Скоро снег укроет меня толстым белым одеялом. Мне станет тепло, и если зайдет обо мне речь, все скажут, что я умер как брат Ночного Дозора. Это правда. Я исполнил свой долг. Никто не скажет, что я нарушил свою клятву. Я толст, слаб и труслив, но я исполнил свой долг».

Он отвечал за воронов — поэтому его и взяли в поход. Он не хотел идти — он так и сказал им и честно признался, что он трус. Но мейстер Эйемон слишком стар и к тому же слеп — поневоле пришлось взять Сэма. Когда они обосновались на Кулаке, лорд-командующий вызвал его к себе и сказал: «Ты не боец, парень, мы оба это знаем. Если случится, что на нас нападут, не пытайся доказать обратное — ты только под ногами будешь путаться. Твое дело — послать весть. Не прибегай ко мне и не спрашивай, что должно быть в письме. Напиши его сам и отправь одну птицу в Черный Замок, а другую в Сумеречную Башню. — Старый Медведь наставил палец в перчатке прямо в лицо Сэму. — Бойся сколько

хочешь, мне наплевать, хоть полные штаны себе навали. Пусть хоть тысяча одичалых полезет через стену, вопя и требуя твоей крови — *ты должен отослать этих птиц,* не то, клянусь, я буду гнаться за тобой по всем семи преисподним, и ты у меня пожалеешь о своей промашке». А говорящий ворон Мормонта стал кивать и повторять: «*Пожалеешь, пожалеешь, пожалеешь*».

Сэм и без того жалел о многом. Жалел, что не был храбрым и сильным, что плохо владел мечом, что был плохим сыном своему отцу и плохим братом Дикону и девочкам. Жалел он и о том, что умирает, но на Кулаке погибли люди гораздо лучше его, настоящие мужчины, а не такие толстые нытики, как он. Зато хотя бы Старому Медведю не придется гонять его по преисподним. «Я отослал птиц — что-что, а это я сделал». Он написал письма заранее, кратко и просто, извещая о нападении на Кулак Первых Людей, и спрятал их в свою сумку, надеясь, что ему не придется их отправлять.

Когда затрубили рога, Сэм спал и подумал сначала, что это ему снится; но когда он открыл глаза, шел снег, а черные братья, хватая копья и луки, бежали к кольцевой стене. Рядом был только Четт, прежний стюард мейстера Эйемона

с прыщавым лицом и большим жировиком на шее. Сэм еще ни на чьем лице не видел такого страха, как на лице Четта, когда рог затрубил в третий раз. «Помоги мне с птицами», — попросил Сэм, но тот повернулся и убежал с кинжалом в руке. «Ему о собаках надо позаботиться», — вспомнил Сэм. Может, лорд-командующий и ему отдал особый приказ.

Руки в перчатках застыли, и Сэм весь трясся от страха и холода, но все-таки выудил из сумки приготовленные письма. Вороны раскричались, и когда Сэм открыл клетку Черного Замка, один метнулся ему прямо в лицо. Вслед за этим на волю вырвались еще двое, а тот, которого Сэм поймал, клюнул его до крови сквозь перчатку. Но Сэм как-то удержал птицу и сумел прикрепить к ней маленький пергаментный свиток. Рога к тому времени умолкли, но на Кулаке выкрикивались команды и бряцала сталь. *«Лети!»* — сказал Сэм и подбросил ворона в воздух.

Птицы в клетке Сумеречной Башни так вопили и хлопали крыльями, что он боялся открывать дверцу, но принудил себя и открыл. На этот раз он схватил первого же ворона, который попытался улететь, и миг спустя тот уже скрылся вместе с письмом в хлопьях снега.

Исполнив свой долг, Сэм стал одеваться, с трудом орудуя непослушными пальцами. Он надел шапку, камзол, плащ и туго-натуго затянул на себе пояс с мечом. Потом он нашел свою котомку и затолкал туда смену белья, сухие носки, наконечники для стрел и копий из драконова стекла, подаренные Джоном, и от него же полученный старый рог, пергаменты, склянки с чернилами, перья, карты, которые сам нарисовал, и твердую чесночную колбасу, сберегаемую с самой Стены. Завязав мешок, он взвалил его себе на спину. «Лорд-командующий сказал, что к кольцевой стене мне бежать не надо, — вспомнил он, — и к нему самому тоже велел не прибегать». Сэм перевел дух и понял, что не знает, как быть дальше.

Он топтался на месте, и страх, как всегда, рос в нем с каждым мгновением. Собаки лаяли, лошади ржали, но из-за снега все звуки казались приглушенными и далекими. Сэм не видел ничего в трех ярдах от себя, не видел даже факелов вдоль низкой каменной стены, что окольцовывала верхушку холма. «А вдруг факелы погасли?» Даже подумать было страшно. «Рог протрубил три раза. Три длинных сигнала означает, что пришли Иные». Белые Ходоки, холодные тени, чудовища из сказок, которые заставляли его вскрикивать

и дрожать в детстве; они ездят верхом на гигантских ледяных пауках и питаются кровью.

Сэм неуклюже вытащил меч и побрел с ним по снегу. Мимо с лаем пробежала собака, и он увидел нескольких человек из Сумеречной Башни, больших, бородатых, с длинными топорами и восьмифутовыми копьями. Чувствуя себя увереннее в их обществе, он последовал за ними к стене. Увидев, что факелы на ней горят по-прежнему, он испытал великое облегчение.

Черные братья, стоя с мечами и копьями в руках, вглядывались в падающий снег и ждали. Сир Малладор Локк проехал мимо на коне, в запорошенном снегом шлеме. Сэм держался позади,

высматривая Гренна или Скорбного Эдда. «Если уж умирать, то рядом с друзьями», — думал он, помнится, тогда. Вокруг себя он видел только чужих, людей из Сумеречной Башни, которыми командовал разведчик по имени Блейн.

— Идут, — сказал кто-то из братьев.

— Заряжай! — крикнул Блейн, и двадцать черных стрел, вынутых из колчанов, легли на тетивы.

— Боги праведные, да их там сотни, — прошептал другой голос.

— Тяни! — скомандовал Блейн. — Держать! — прозвучало после. Сэм ничего не видел и не хотел видеть. Люди Ночного Дозора ждали с оттянутыми к уху тетивами, и *что-то* поднималось к ним сквозь снег по темному скользкому склону. — Держать, держать, — повторял Блейн, а потом рявкнул: — Пускай!

Стрелы с шорохом улетели в ночь.

Нестройное «ура» пробежало вдоль стены, но тут же и затихло.

— Они не останавливаются, милорд, — сказал один брат Блейну, а другой крикнул: — *Еще!* Вон они, из леса выходят! — Так и ползут, боги милостивые, — подхватил третий, — и близко как, рукой подать!

Сэм пятился, дрожа, как лист на ветру, — и от холода, и от страха. Той ночью было очень холодно — еще холоднее, чем теперь. «В снегу почти тепло. Теперь мне легче. Немножко отдохнуть — вот все, что мне нужно. Полежу еще чуть-чуть и пойду дальше. Совсем чуть-чуть».

Рядом с его головой прошла мохнатая серая лошадь с заснеженной гривой и обросшими льдом копытами. Потом из снега появилась еще одна, которую вел под уздцы человек в черном. Увидев на дороге Сэма, он выругался и заставил лошадь обойти его. «Вот бы и мне коня, — подумал Сэм. — Сидел бы себе и ехал, даже дремал бы в седле». Но почти все их лошади погибли на Кулаке, а те, что остались, везут провизию, факелы и раненых. А Сэм не ранен. «Я просто толст и слаб, да еще и самый отъявленный трус во всех Семи Королевствах».

Ох, какой же он трус. Лорд Рендилл, его отец, всегда говорил так и был прав. Сэм не оправдал себя как его наследник, вот отец и отправил его на Стену. Дикон, младший брат, унаследует теперь земли и замок Тарли, и великий меч Губитель Сердец, которым их род гордился много веков. Уронит ли Дикон слезу над своим братом, умершим в снегу, на краю света? «Да с какой стати.

Трус не стоит ничьих слез». Отец повторял это матери раз сто, и Старый Медведь того же мнения.

— Зажигай стрелы, — ревел лорд-командующий в ту ночь на Кулаке, внезапно появившись верхом среди братьев. — Встретим их огнем! — Тут он заметил трясущегося Сэма. — *Тарли,* прочь отсюда! Твое место рядом с воронами.

— Я… я… отправил письма.

— Хорошо. — Ворон на плече Мормонта эхом отозвался: «*Хорошо, хорошо*». Лорд-командующий казался огромным в мехах и кольчуге, и глаза его в забрале черного шлема метали искры. — Здесь ты только мешаешь. Ступай назад к птицам. Чтобы мне не пришлось искать тебя, если понадобится отправить еще одну весть. Держи воронов наготове. — Не дожидаясь ответа, Мормонт повернул коня и поехал по кругу, крича: — Огня, огня! Встречай их огнем!

Сэму не надо было повторять этого дважды, и он во всю прыть пустился назад. «Надо опять написать письма загодя, чтобы выпустить птиц, как только придет нужда», — подумал он. Провозившись дольше обычного с костром, он разогрел замерзшие чернила, сел на камень с пером и пергаментом и начал писать.

«*Подвергшись нападению во время метели,*

мы отбросили врага назад огненными стрелами», — выводил он под громкие команды Торена Смолвуда:

— Заряжай — тяни — пускай. — Шорох стрел был сладок, как материнская молитва.

— Горите ясно, дохлые ублюдки, — восклицал Дайвен, а братья торжествующе кричали и ругались.

«*Все целы. Мы остаемся на Кулаке Первых Людей*», — писал Сэм, надеясь, что братья стреляют лучше, чем он.

Отложив написанное в сторону, он взял чистый лист.

«Сражение на Кулаке продолжается. Идет сильный снег», — написал он, услышав чей-то крик:

— Они все равно наступают! — *«Исход неясен»*. — Копья вперед! — Эту команду, кажется, отдал сир Малладор, но поклясться Сэм не мог. *«Мертвецы атакуют нас на Кулаке в снегопад, но мы отгоняем их огнем»*. Сквозь снег он видел только огромный костер в середине лагеря, вокруг которого метались всадники. Он знал, что это резерв, который вступит в бой, если враг проломит стену. Вместо мечей они запаслись факелами, которые зажигали от костра.

«*Мертвецы окружили нас со всех сторон,* — написал он, услышав крики от северного склона. — *Они поднимаются на холм с севера и с юга. Копья и мечи бессильны, их может остановить только огонь*».

— Пускай, пускай, — орал кто-то из темноты. — Охренеть, громадный! — кричал другой. — Великан, что ли? — спрашивал третий, а четвертый отвечал: — Нет, медведь, медведь! — Завизжала лошадь, собаки подняли адский гам, и Сэм перестал понимать, что кричат. Торопясь, он строчил одно письмо за другим. *«Нас окружают мертвые одичалые. Среди них великан, а возможно, медведь».* Сталь обрушилась на дерево, что могло означать только одно. *«Мертвецы преодолели кольцевую стену. Бой идет внутри лагеря»*. Дюжина конных братьев пронеслась мимо него к восточной стене с зажженными, дымящимися факелами. *«Лорд-командующий Мормонт встречает их огнем. Мы побеждаем. Мы держим оборону. Мы пробиваемся вниз и отступаем к Стене. Мы в ловушке, и враг наступает со всех сторон».*

Брат из Сумеречной Башни, шатаясь, появился невесть откуда и упал у ног Сэма. Он подполз к самому костру и умер. *«Конец,* — написал Сэм. —

Битве конец. Всем нам конец».

Зачем он вспоминает бой на Кулаке? Ему этого вовсе не хочется. Он попытался вспомнить мать, или сестренку Таллу, или ту девушку из Замка Крастера, Лилли.

— Вставай, — сказал кто-то, тряся его за плечо. — Нельзя здесь спать, Сэм. Вставай и пошли.

«А я и не сплю, я вспоминаю», — подумал Сэм и сказал:

— Уйди. — Слова тоже стыли на морозе. — Все в порядке. Я хочу отдохнуть.

— Вставай. — Это голос Гренна, резкий и хриплый. Он навис над Сэмом, весь в черном и в снегу. — Старый Медведь сказал, отдыхать нельзя. Ты умрешь.

— Гренн, — улыбнулся Сэм. — Мне правда хорошо. Ты иди. Я отдохну еще чуточку и догоню тебя.

— Нет. — Густая бурая борода Гренна вокруг рта вся обмерзла, и он из-за этого казался стариком. — Ты замерзнешь или Иные тебя заберут. Сэм, *вставай*!

В ночь перед их отъездом со Стены Пип все дразнил Гренна. Говорил, что Гренна выбрали не зря — ведь он слишком глуп, чтобы бояться. А Гренн спорил с пеной у рта, пока не уразумел,

о чем спорит. Он плотный, толстошеий и сильный — сир Аллисер Торн прозвал его Зубром, а Сэма сиром Хрюшкой, а Джона лордом Сноу. Но с Сэмом Гренн всегда обращался хорошо. Благодаря Джону — «Хотя, это заслуга Джона. Если бы не он, никто не стал бы дружить со мной». Но Джон пропал на Воющем перевале с Куореном Полуруким — скорее всего его и в живых уже нет. Сэм и о нем поплакал бы, но слезы все равно замерзают, да и глаза трудно держать открытыми.

Рядом остановился кто-то высокий, с факелом, и на один восхитительный миг Сэм ощутил тепло на лице.

— Брось его, — сказал факельщик Гренну. — Тот, кто не может идти, человек конченый. Побереги силы для себя самого, Гренн.

— Он встанет, — сказал Гренн. — Ему только помочь надо.

Факельщик ушел, унося с собой благословенное тепло, а Гренн попытался поставить Сэма на ноги.

— Больно, — пожаловался Сэм. — Перестань, Гренн, не тяни меня за руку.

— Уж больно ты тяжел. — Гренн, кряхтя, подхватил Сэма под мышки и поднял — но как только он его отпустил, Сэм снова плюхнулся в снег.

Гренн наградил его пинком, таким увесистым, что даже снег осыпался с сапога.

– *А ну вставай!* — Он пнул Сэма снова. — Вставай и пошли. Надо идти.

Сэм в ответ лег на бок и свернулся клубком, чтобы защититься от пинков — впрочем, он их почти и не чувствовал сквозь все свои одежки. «Я думал, ты мне друг, Гренн. Разве друзей бьют ногами? Ну что бы им не оставить меня в покое? Мне надо только отдохнуть, вот и все, отдохнуть и поспать, ну и умереть немножно».

— Если ты возьмешь мой факел, я понесу толстяка.

Сэм внезапно взмыл из мягкой снеговой постели в холодный воздух и поплыл. Кто-то нес его, подхватив под колени и спину. Сэм поморгал и увидел над собой широкое лицо с плоским носом и маленькими глазками, заросшее густой бородой. Он уже видел это лицо раньше, но не сразу вспомнил, чье оно. «Паул. Малыш Паул». Снег, растопленный жаром факела, стекал ему в глаза.

— Ну как, сдюжишь? — спросил Гренн.

— Я раз теленка нес, а он был потяжелее. Я его снес к матке, чтобы он молока попил.

Голова Сэма болталась на каждом шагу.

— Перестань, — взмолился он, — поставь ме-

ня. Я не ребенок, я брат Ночного Дозора. — Он всхлипнул. — Дайте умереть спокойно.

— Тихо, Сэм, — сказал Гренн, — побереги силы. Думай о сестрах, о брате, о мейстере Эйемоне, о своей любимой еде. Или пой, если хочешь.

— Вслух?

— Нет, про себя.

Сэм знал не меньше ста песен, но вспомнить не мог ни одной. Все слова вылетели у него из головы. Он снова всхлипнул и сказал:

— Не знаю я песен, Гренн. Знал, да забыл.

— Знаешь, знаешь. Вот, к примеру, «Медведь и прекрасная дева» — ее все знают. *«Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!»*

— Только не эту, — поспешно прервал его Сэм. На том медведе, который явился к ним на Кулак, шерсти совсем не осталось. Ему даже думать о медведях не хочется. — Не надо песен, прошу тебя, Гренн.

— Ладно, тогда думай о своих воронах.

— Они никогда не были моими. — «Они были воронами лорда-командующего, воронами Ночного Дозора». — Они принадлежат Черному Замку и Сумеречной Башне.

Малыш Паул нахмурился.

— Четт сказал, мне можно будет взять ворона Старого Медведя, который разговаривает. Я и корм ему припас. Ну да, и припрятал, а взять забыл. — Некоторое время он шел молча, дыша паром, и вдруг спросил: — А можно я возьму какого-нибудь из твоих? Только одного. Я не дам Ларку его съесть.

— Они улетели, — сказал Сэм, — мне жаль. — «Очень жаль». — Сейчас они летят обратно на Стену. — Сэм выпустил их, когда рога затрубили «по коням» — два коротких сигнала и один длинный. Это могло значить только одно: они уходят с Кулака, а стало быть, битва проиграна. Сэм вконец обезумел от страха, и его хватило только на то, чтобы открыть клетки. Лишь когда последний ворон исчез в метели, он вспомнил, что все написанные им письма так и остались неотправленными.

— Нет, — застонал он тогда, — нет, нет, нет. — Снег валил, и рога трубили: *аоооо, аоооо, аоооооооооо*, по коням, по коням. Сэм увидел двух воронов, сидящих на камне, и бросился к ним, но они лениво взлетели и скрылись в клубах снега. Сэм погнался за одним из них, выдыхая густые облака пара, споткнулся и увидел, что находится в десяти футах от кольцевой стены.

Потом… потом над стеной показались мертвецы, утыканные стрелами, одни в кольчугах, другие почти голые. Среди одичалых, которые составляли большинство, виднелось несколько фигур в выцветших черных лохмотьях. Один человек из Сумеречной Башни насквозь продырявил копьем бледный живот мертвеца, но тот, продвинувшись вперед по древку, своими черными руками свернул дозорному шею так, что у него кровь потекла изо рта. Тогда-то, кажется, Сэм и обмочился в первый раз.

Он не помнил, как бежал, но, должно быть, бежал очень быстро, потому что опомнился уже у костра в середине лагеря, где были старый сир Оттин Уитерс и несколько лучников. Сир Оттин, стоя на коленях в снегу, беспомощно смотрел на творящийся вокруг хаос, пока лошадь без седока, пронесшись мимо, не ударила его копытом по голове. Лучники, не обращая на него внимания, пускали огненные стрелы во мрак. Пламя охватило одного мертвеца, но на его месте возникла дюжина других и с ними громадная бледная фигура, похожая на медведя, а у лучников скоро вышли все стрелы.

Вслед за этим Сэм оказался на коне. Это был не его конь, и Сэм не помнил, как сел на него. Быть может, это был тот самый, что размозжил сиру Оттину лицо. Рога продолжали трубить, и Сэм двинулся на их звук.

В самой гуще бойни, хаоса и летящего снега он нашел Скорбного Эдда, тоже конного, с черным знаменем на копье.

— Сэм, — сказал тот, — разбуди меня, а? Уж очень страшный сон мне снится.

Другие братья тоже садились на коней. Рога

ревели: *аоооо, аоооо, аоооооооооо.*

— Они перелезли через западную стену, милорд, — крикнул Старому Медведю Торен Смолвуд, с трудом удерживая на месте коня. — Я пошлю туда резерв…

– *НЕТ!* — гаркнул во всю глотку Мормонт, перекрикивая рога. — Отзови их — будем пробиваться отсюда. — Он привстал на стременах, его черный плащ трепетал на ветру, в броне отражался огонь. — *Клин!* — проревел он. — Стройся клином, и марш. По южному склону, а потом на восток!

— Милорд, южный склон кишит ими!

— Остальные слишком круты. Нам надо…

Конь Мормонта отчаянно заржал, взвился на дыбы и чуть не сбросил седока, увидев бредущего через снег медведя. Сэм обмочился снова. «Не думал, что во мне еще что-то оставалось». Медведь был мертвый, бледный, полусгнивший, шерсть вместе с кожей давно сползла с него, одна передняя лапа обгорела до кости, но тем не менее он шел вперед. Только глаза в нем и жили. «Ярко-синие, точно как Джон говорил». Они сияли, как замерзшие звезды. Торен Смолвуд бросился на него с длинным мечом, отражавшим красно-рыжие блики костра, и наполовину снес зверю голову — а зверь оторвал голову ему.

– *ВПЕРЕД!* — проревел лорд-командующий, разворачивая коня.

До стены они домчались галопом. Раньше Сэм всегда боялся прыгать через препятствия, но теперь, когда стена возникла перед ним, он понял, что выбора нет. Он послал коня вперед, зажмурился и заскулил, и конь, непонятно как, перенес его через стену. Всадник справа от него рухнул наземь грудой стали, кожи и вопящего лошадиного мяса, мертвецы накинулись на него, и клин снова сомкнулся. Они неслись вниз сквозь цепкие черные руки, горящие синие глаза и летящий снег. Лошади спотыкались и падали, людей выбрасывало из седел, факелы рассекали тьму, мечи и топоры рубили мертвую плоть, а Сэмвел Тарли, рыдая, вцепился в своего коня с силой, которой прежде в себе не подозревал.

Он скакал в самой середине клина, и братья окружали его со всех сторон. Одно время с ними бежала собака, шныряя между лошадьми, но потом не выдержала и отстала. Кони на скаку топтали мертвецов, а те, падая, хватались за мечи, стремена и лошадиные ноги. Один правой рукой вспорол брюхо коню, вцепившись в седло левой.

Внезапно их обступили деревья, Сэм проскакал через замерзший ручей, и звуки побоища стали

утихать позади. Он оглянулся, едва дыша от облегчения… но тут из кустов выскочил человек в черном и сдернул его с седла. Сэм так и не узнал его — он сразу ускакал прочь. Сэм побежал было вдогонку, но споткнулся о корень, растянулся носом вниз и лежал так, рыдая, как младенец, пока его не нашел Скорбный Эдд.

Это было последнее связное воспоминание Сэма о Кулаке Первых Людей. Лишь позже, много часов спустя, он оказался, весь дрожа, среди других уцелевших, половина из которых была пешая, а половина конная. В это время они уже ушли на много миль от Кулака, но Сэм не помнил, как они проделали этот путь. Дайвен свел вниз пять вьючных лошадей с грузом провизии, горючего масла и факелов, и три из них дошли до этого места. Старый Медведь разделил весь груз поровну, чтобы потеря какой-то одной лошади не стала для них роковой, забрал коней у здоровых и отдал раненым, построил пеших в колонну и поставил факельщиков по бокам и сзади. «От тебя требуется одно: идти», — сказал себе Сэм и сделал первый шаг в сторону дома. Но не прошло еще и часа, как он начал запинаться и отставать…

Теперь они тоже отставали. Пип, бывало, говорил, что Малыш Паул самый сильный в Дозоре.

«Должно быть, так и есть, раз он меня несет». Тем не менее снег был глубокий, почва неровная, и Паул шагал уже не так широко. Их обгоняли другие всадники, раненые, глядевшие на Сэма тупо, без всякого любопытства. Некоторые факельщики тоже прошли мимо них.

— Отстаете, — сказал один, а другой добавил: — Никто тебя ждать не будет, Паул. Брось Хрюшку мертвякам.

— Он обещал дать мне птицу, — сказал Паул, хотя Сэм ничего такого ему не говорил. «Они ведь не мои, чтобы я их раздавал». — Я хочу говорящую птицу, чтобы она клевала у меня с руки.

— Ну и дурак, — сказал человек с факелом и ушел.

Через некоторое время Гренн остановился и сказал хрипло:

— А ведь мы одни остались. Я не вижу других факелов. Это, наверно, задние были?

Малыш Паул вместо ответа пробурчал что-то невнятное, рухнул на колени и дрожащими руками уложил Сэма в снег.

— Больше не могу тебя нести. Рад бы, да не могу. — Его била дрожь.

Ветер пролетел между деревьями, осыпав их снегом. Холод стоял такой, что Сэм чувствовал

себя голым. Он искал глазами другие факелы, но они все пропали. Пламя того, который нес Гренн, струилось, как бледно-оранжевый шелк, и Сэм видел сквозь него густой мрак позади. «Скоро факел догорит, и мы останемся совсем одни, без пищи, друзей и огня».

Но он ошибался. Они здесь были не одни.

С нижних веток большого зеленого страж-дерева мягко осыпался снег, и Гренн выбросил в ту сторону руку с факелом.

— Кто идет?

Из мрака выступила лошадиная голова, и Сэм на миг испытал облегчение, пока не увидел ее, эту лошадь. Она вся обросла инеем, и черный клубок замерзших внутренностей болтался под ее распоротым брюхом. Верхом на ней сидел всадник, бледный, как лед. Из горла Сэма вырвался скулящий звук. Он так перепугался, что непременно обмочился бы еще раз, но холод, видно, и пузырь его заморозил вместе со всем остальным. Иной грациозно соскочил с седла и встал на снегу, стройный, как меч, и молочно-белый. Доспехи колебались на нем, как вода, и ноги стояли на свежем насте, не проламывая его.

Малыш Паул снял со спины топор на длинной рукояти.

— Ты что с лошадью сделал? Это была лошадь Мауни.

Сэм схватился было за меч, но вспомнил, что потерял его еще на Кулаке.

Гренн шагнул вперед, выставив факел.

— Убирайся прочь! Уходи, не то сожгу!

Меч Иного, сверкнув бледной голубизной, коснулся пламени, и скрежет пронзил уши Сэма, как игла. Отрубленный конец факела упал в глубокий сугроб, и огонь тут же погас. В руке у Гренна осталась только бесполезная деревяшка. Он с проклятием швырнул ее в Иного, а Малыш Паул бросился на врага с топором.

Сэм никогда в жизни еще не испытывал такого страха. В чем, в чем, а в страхах Сэмвел Тарли разбирался хорошо.

— Матерь, смилуйся надо мной, — прорыдал он, забыв в ужасе о старых богах. — Отец, защити, о-о… — Его пальцы нашарили на поясе кинжал и схватились за него.

Мертвецы двигались медленно и неуклюже, но Иной порхал, как снег на ветру. Он ускользнул от топора, переливаясь своими доспехами, и его хрустальный меч вошел меж звеньев кольчуги Паула, пронзая кожаные латы, шерсть и плоть. Меч вышел из спины со звуком *«ш-шшшш»*, а Па-

ул сказал «ох» и выронил топор. Кровь дымилась вокруг пронзившего его меча, и Паул пытался достать своего убийцу руками. Потом он упал, и его тяжесть вырвала бледный меч из руки Иного.

«Давай же. Перестань нюнить и дерись, плакса. Дерись, трус». Это был голос его отца, и Аллисера Торна, и брата Дикона, и новобранца Раста. Трус, трус, трус. Сэм истерически хихикнул, думая, что же с ним будет дальше. Должно быть, его превратят в упыря, в толстого белого мертвеца, ковыляющего на толстых ногах. «Давай, Сэм». А это кто — Джон? Но ведь Джон умер. «Ты можешь, ты можешь, сделай это». И он устремился вперед, скорее падая, чем бегом, зажмурился, ткнул кинжалом перед собой, держа его обеими руками. Что-то хрустнуло, как лед под сапогом, а потом раздался скрежет, столь громкий и пронзительный, что Сэм отшатнулся назад, зажав руками свои укутанные уши, и хлопнулся задом в снег.

Когда он открыл глаза, доспехи стекали с Иного ручьями, а вокруг черного кинжала из драконова стекла, торчащего в горле, шипела и дымилась бледно-голубая кровь. Иной схватился за нож своими белыми руками, но его пальцы, коснувшись лезвия, тоже начали дымиться.

Сэм повернулся на бок, вытаращив глаза. Иной

уменьшался и таял. Через каких-нибудь двадцать мгновений плоть сошла с него, как белый туман, и кости, похожие на молочное стекло, тоже стали таять. И вот на снегу остался только кинжал из драконова стекла, весь окутанный паром, словно он был живой и вспотел. Гренн подобрал его и тут же выронил.

— Матерь, холодный-то какой.

— Это обсидиан. — Сэм привстал на колени. — Его еще называют драконовым стеклом. Драконовым. — Он засмеялся, заплакал, скрючился и выблевал свое мужество на снег.

Гренн поставил его на ноги, приложил ухо к груди Малыша Паула и закрыл ему глаза. Потом снова поднял нож и на этот раз удержал его.

— Возьми его себе, — сказал Сэм. — Я трус, а ты нет.

— Ага. Такой трус, что Иного убил. — Гренн показал ножом: — Смотри туда, за деревья — небо розовеет. Это рассвет, Сэм, рассвет. Стало быть, восток там. Если пойдем в ту сторону, догоним Мормонта.

— Как скажешь. — Сэм пнул сапогом дерево, сбивая снежную кору, и проделал то же самое с другой ногой. — Я постараюсь. — Он сморщился и сделал шаг, затем еще один.

Тирион

Цепь из золотых рук сверкала на винно-красном бархатном камзоле лорда Тайвина. Лорды Тирелл, Редвин и Рован устремились к нему, как только он вошел. Он поздоровался с каждым поочередно, перемолвился словом с Варисом, приложился к перстню верховного септона, поцеловал в щеку Серсею, пожал руку великому мейстеру Пицелю и занял королевское место во главе длинного стола, между дочерью и братом.

Тирион, обложившись подушками, устроился на старом месте Пицеля в конце стола, а великий мейстер передвинулся к Серсее, как можно дальше от карлика. Пицель, тощий, как скелет, тяжело опирался на витую трость и трясся на ходу. Вместо прежней великолепной бороды над

его цыплячьей шеей болтались редкие белые волоски. Тирион не испытывал угрызений совести, глядя на него.

Остальным пришлось рассаживаться где попало. Их было четверо: лорд Мейс Тирелл, грузный человек с вьющимися каштановыми волосами и окладистой, тронутой проседью бородой; Пакстер Редвин из Бора, тощий и сутулый, с остатками рыжих волос вокруг лысины; Матис Рован, лорд Золотой Рощи, плотный, бритый, обильно потеющий; верховный септон, ветхий старичок с жидкой бородкой. «Слишком много новых лиц, — думал Тирион, — слишком много новых игроков. Пока я валялся в постели, правила игры поменялись, и никто мне не скажет, каковы они теперь».

Лорды, впрочем, вели себя весьма учтиво, хотя им было явно неприятно смотреть на него.

— Эта ваша цепь — славная выдумка, — весело сказал ему Мейс Тирелл, а лорд Редвин не менее приветливо добавил:

— Совершенно верно — милорд Хайгарденский высказался от имени всех нас.

«Скажите это горожанам, — с горечью подумал Тирион. — И треклятым певцам, гнусящим повсюду о призраке Ренли».

Дядя Киван в пылу родственных чувств даже поцеловал его в щеку и сказал:

— Лансель рассказал мне, как храбро ты себя вел. Он о тебе очень высокого мнения.

«Еще бы — ведь я тоже мог бы кое-что порассказать о нем». Вслух Тирион сказал, изобразив на лице улыбку:

— Мой славный кузен слишком добр. Надеюсь, он поправляется?

— Иногда ему как будто бы становится лучше, — нахмурился сир Киван, — но потом… я беспокоюсь за него, Тирион. Твоя сестра его часто навещает, чтобы подбодрить мальчика и помолиться за него.

«Любопытно, о чем она молится — чтобы он выздоровел или чтобы отошел с миром?» Серсея бессовестно использовала своего кузена и в постели, и вне ее, а теперь, когда отец здесь и Лансель ей больше не нужен, она, конечно, надеется, что он унесет этот маленький секрет с собой в могилу. «Хватит ли у нее дерзости прикончить его?» Сегодня ее ни за что невозможно было заподозрить в подобном жестокосердии. Она само очарование: щебечет с лордом Тиреллом по поводу предстоящей свадьбы Джоффри, расхваливает лорду Редвину достоинства его

близнецов, улыбается ворчливому лорду Ровану, благочестиво поддакивает верховному септону.

— Быть может, начнем с приготовлений к свадьбе? — спросила она, когда лорд Тайвин занял свое место.

— Нет, — ответил он, — с войны. Варис?

— Новости просто замечательные, милорды, — с елейной улыбкой заявил евнух. — Вчера на рассвете наш бравый лорд Рендилл подошел к Робетту Гловеру у Синего Дола и прижал его к морю. Обе стороны понесли тяжелые потери, но наши доблестные воины в конце концов одержали верх. В донесении говорится, что враг потерял тысячу человек, в том числе и сира Хелмана Толхарта. Робетт Гловер с остатками своего разбитого войска повернул обратно в Харренхолл, не помышляя о том, что встретит на пути нашего славного сира Грегора.

— Хвала богам! — сказал Пакстер Редвин. — Это великая победа короля Джоффри.

«Джоффри-то тут при чем?» — подумал Тирион.

— И тяжелый удар для Севера, — заметил Мизинец. — Впрочем, нельзя сказать, что это Робб Старк потерпел поражение. Молодого Волка в поле пока еще никто не побил.

— Что нам известно о планах и передвижениях Старка? — со своей обычной прямотой и деловитостью спросил Матис Рован.

— Он бежал в Риверран с награбленной им добычей, бросив взятые им западные замки, — ответил лорд Тайвин. — Наш кузен сир Давен в Ланниспорте заново формирует остатки армии своего покойного отца. Закончив приготовления, он соединится с сиром Форли Престером у Золотого Зуба, и как только Старк выступит на Север, сир Форли и сир Давен обрушатся на Риверран.

— А вы уверены, что он пойдет на Север? — усомнился лорд Рован. — Ведь Ров Кайлин занят островитянами.

— Возможно ли называться королем, не имея королевства? — вступил в разговор Мейс Тирелл. — Мальчику поневоле придется покинуть речные земли, вновь соединиться с силами Русе Болтона и ударить всей своей мощью на Ров Кайлин. Я бы на его месте поступил именно так.

Тут Тириону пришлось прикусить язык. Робб Старк за год выиграл больше сражений, чем лорд Хайгардена за двадцать. Своей репутацией Тирелл обязан единственной незначительной победе над Робертом Баратеоном у Эшфорда, да и ее, строго говоря, одержал авангард лорда Тарли

еще до подхода главных сил. Осада Штормового Предела, которой тоже командовал Тирелл, затянулась на год и окончилась ничем, ибо после победы на Трезубце лорд Хайгардена покорно склонил свои знамена перед Эддардом Старком.

— Придется мне послать Роббу Старку суровое письмо, — говорил между тем Мизинец. — Его Болтон держит козлов в моем великом чертоге, чего я допустить никак не могу.

— Кстати, о Старке, — вставил сир Киван Ланнистер. — Бейлон Грейджой, объявивший себя королем островов и Севера, предлагает нам заключить с ним союз.

— Ему полагалось бы принести нам вассальную клятву, — отрезала Серсея. — По какому праву он именует себя королем?

— По праву завоевателя, — сказал лорд Тайвин. — Он охватил своими пальцами Перешеек. Наследники Робба Старка убиты, Винтерфелл пал, и островитяне заняли Ров Кайлин, Темнолесье и основную долю Каменного Берега. Ладьи короля Бейлона бороздят западное море, представляя весомую угрозу для Ланниспорта, Светлого острова и даже для Хайгардена, если мы подадим ему повод.

— А что, если в самом деле заключить с ним

этот союз? — сказал Матис Рован. — Какие условия он предлагает?

— Мы должны признать его королем и отдать ему все, что находится к северу от Перешейка.

— Зачем разумному человеку нужно что-либо, лежащее севернее Перешейка? — засмеялся лорд Редвин. — Если Грейджой хочет обменять мечи и паруса на камень и снег, мне эта сделка представляется более чем выгодной.

— Верно, — поддержал его Мейс Тирелл. — Я бы поступил именно так. Пусть король Бейлон приканчивает северян, а мы тем временем добьем Станниса.

Лицо лорда Тайвина не выдавало никаких чувств.

— Остается еще Лиза Аррен. Вдова Джона Аррена, дочь Хостера Талли и сестра Кейтилин Старк. Ее муж перед смертью состоял в заговоре со Станнисом Баратеоном.

— Женщины не созданы для войны, — беззаботно бросил Мейс Тирелл. — Думаю, ее мы можем не опасаться.

— Согласен, — сказал Редвин. — Леди Лиза держится в стороне и никакой открытой измены пока не совершила.

— Не считая того, что она держала меня в

тюрьме и подвергла мою жизнь смертельному испытанию, — с немалой горячностью вмешался в прения Тирион. — Кроме того, она не вернулась в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть на верность Джоффу, как ей приказывали. Дайте мне людей, милорды, и я разберусь с Лизой Аррен. — Ничто не могло бы доставить ему большего удовольствия, кроме возможности придушить Серсею. Ему все еще снились по ночам воздушные камеры Орлиного Гнезда, и он каждый раз просыпался в холодном поту.

Мейс Тирелл широко улыбнулся, но за этой улыбкой скрывалось презрение.

— Будет лучше, если войну мы предоставим воинам, — сказал он. — Полководцы получше вас теряли целые армии в Лунных горах и у Кровавых ворот. Мы знаем, чего вы стоите, милорд, и не надо искушать судьбу.

Рассерженный Тирион приподнялся со своих подушек, но тут в спор вмешался его отец.

— Относительно Тириона у меня другие замыслы. Мне думается, что ключ от Гнезда следует искать скорее у лорда Петира.

— Верно — он у меня между ног, — с озорной искрой в серовато-зеленых глазах подтвердил Мизинец. — С вашего разрешения, милорды, я

готов отправиться в Долину и завоевать леди Лизу Аррен. Став ее супругом, я преподнесу вам Долину Аррен без малейшего кровопролития.

— Но захочет ли вас леди Лиза? — с сомнением спросил лорд Рован.

— Она уже хотела меня, лорд Матис, и ни разу не жаловалась, когда получала свое.

— Постель — еще не брак, — сказала Серсея. — Даже такая корова, как Лиза Аррен, должна понимать разницу.

— Разумеется. Прежде дочери Риверрана было бы неприлично вступать в брак с человеком столь низкого положения, — развел руками Мизинец, — но теперь… брак между леди Орлиного Гнезда и лордом Харренхолла, не кажется столь немыслимым.

Пакстер Редвин и Мейс Тирелл обменялись взглядом, не ушедшим от внимания Тириона.

— Это устроило бы нас, — сказал лорд Рован, — если вы уверены, что сумеете внушить этой женщине преданность по отношению к его милости.

— Милорды, — произнес верховный септон, — у нас теперь осень, и все добрые люди устали от войны. Если лорд Бейлиш способен направить Долину на мирный путь, не проливая крови, боги,

безусловно, благословят его.

— Способен ли? — сказал лорд Редвин. — Орлиным Гнездом теперь правит сын Джона Аррена лорд Роберт.

— Он еще ребенок, — заметил Мизинец. — Я позабочусь, чтобы он вырос верным подданным Джоффри и нашим преданным другом.

Взгляд Тириона не отрывался от этого стройного человека с острой бородкой и дерзкими серо-зелеными глазами. «Так значит, лорд Харренхолла — пустой титул? Полно, отец, даже если он никогда не ступит ногой в свой замок, этот титул сделает возможным задуманный им брак, о чем ему было известно с самого начала».

— Во врагах у нас недостатка нет, — сказал сир Киван Ланнистер. — Если Гнездо останется в стороне, тем лучше. Я за то, чтобы предоставить лорду Петиру свободу действий.

Тирион знал по опыту, что сир Киван в совете служит авангардом своего брата и никогда не выскажет мысль, которая до него не пришла бы в голову лорду Тайвину. «Они обо всем договорились заранее, — заключил Тирион, — и весь этот спор ведется только для отвода глаз».

Овцы проблеяли свое согласие, не ведая, как ловко их остригли, и возражать выпало Тири-

ону.

— Как же казна будет выплачивать свои долги без лорда Петира? Он наш монетный кудесник, нам некем его заменить.

— Мой маленький друг слишком добр, — улыбнулся Мизинец. — Я всего лишь считаю медяки, как говаривал король Роберт. Всякий умный купец сможет делать то же самое… а уж Ланнистер, которого коснулся золотой перст Утеса Кастерли, несомненно, превзойдет меня во всем.

— Ланнистер? — с недобрым чувством повторил Тирион. Окропленные золотом глаза лорда Тайвина встретились с разномастным взором его сына.

— Мне думается, ты превосходно подходишь для этого дела.

— Истинно так! — сердечно молвил сир Киван. — Не сомневаюсь, что из тебя выйдет прекрасный мастер над монетой.

— Если Лиза Аррен согласится стать вашей женой, — сказал лорд Тайвин Мизинцу, — и не нарушит мира с королем, мы вернем лорду Роберту звание Хранителя Востока. Как скоро вы сможете уехать?

— Завтра, если ветер позволит. Сейчас за цепью грузится браавосская галея «Морской король» — я

попрошу ее капитана взять меня на борт.

— Вы пропустите королевскую свадьбу, — заметил Мейс Тирелл.

— Приливы и невесты не ждут никого, милорд, — пожал плечами Петир. — С началом осенних штормов плавание станет куда более опасным, а из утопленника жених никудышный.

— И то верно, — усмехнулся лорд Тирелл. — Тогда вам лучше не задерживаться.

— И да сопутствуют вам боги, — добавил верховный септон. — Вся Королевская Гавань будет молиться за ваш успех.

— Не вернуться ли нам к союзу с Грейджоем? — предложил, почесав нос, лорд Редвин. — На мой взгляд, многое говорит в его пользу. Ладьи Грейджоя вкупе с моим собственным флотом дадут нам возможность взять штурмом Драконий Камень и покончить с притязаниями Станниса Баратеона.

— Корабли короля Бейлона в настоящее время заняты другим, — учтиво заметил лорд Тайвин, — и мы тоже. Грейджой требует за союз с ним полкоролевства, но что он готов сделать взамен? Сразиться со Старками? Он и без того с ними воюет. Зачем нам платить за то, что можно

получить даром? Мне думается, что лорд Пайка может пока подождать. Со временем нам может представиться лучший выбор, когда королю не понадобится отдавать половину своего королевства.

Тирион, пристально наблюдая за отцом, понимал, что тот чего-то не договаривает. Он помнил о важных письмах, которые писал лорд Тайвин в ту ночь, когда он потребовал для себя Утес Кастерли. Как бишь отец сказал тогда? «Одни битвы выигрывают мечи и копья, другие — перья и вороны…». Любопытно, что это за «лучший выбор» и какую цену запрашивают за него.

— Теперь, пожалуй, мы можем заняться свадьбой, — сказал сир Киван.

Великий септон рассказал о приготовлениях, производимых в Великой Септе Бейелора, Серсея же поделилась своими планами относительно празднества. В тронном зале разместится тысяча гостей, но намного больше народу будет пировать во дворах, внешнем и среднем. Там натянут шелковые навесы, поставят столы и бочонки с элем для всех, кто не поместится в чертоге.

— Ваша милость, по поводу количества гостей… — сказал великий мейстер Пицель. — К нам прибыл ворон из Солнечного Копья. Триста дорнийцев в это самое время едут к Королевской

Гавани, надеясь успеть к свадьбе.

— Как это — едут? — проворчал Мейс Тирелл. — Они не обращались ко мне за разрешением на проезд через мои земли. — Тирион заметил, как побагровела его толстая шея. Дорнийцы и хайгарденцы никогда не питали любви друг к другу. Их пограничным стычкам давно потерян счет, и даже в мирное время они то и дело совершают набеги на соседские земли. Эта вражда немного поутихла, когда Дорн стал частью Семи Королевств… пока дорнийский принц по прозванию Красный Змей не изувечил на турнире молодого наследника Хайгардена. «Да, дело щекотливое, — подумал Тирион. — Как-то отец его уладит?»

— Принц Доран приезжает по приглашению моего сына, — спокойно ответил лорд Тайвин, — и не только ради участия в празднестве, но и для того, чтобы занять место в нашем совете, а также ради правого суда над убийцами его сестры Элии и ее детей, в котором отказал ему Роберт.

Тирион следил за лицами лордов Тирелла, Редвина и Рована. Хватит ли у кого-нибудь из этих троих смелости сказать: «Но разве не вы, лорд Тайвин, представили Роберту их тела, завернутые в плащи Ланнистеров?» Смелости не хватило ни у кого, но это ясно читалось на их лицах. «Редви-

ну-то, положим, наплевать, а вот у Рована такой вид, будто он сейчас поперхнется».

— Когда ваша Маргери выйдет замуж за короля, а Мирцелла — за принца Тристана, мы все станем одним великим домом, — напомнил Мейсу Тиреллу сир Киван. — Не пора ли забыть о былой вражде, милорд?

— *Но это же свадьба моей дочери…*

— …и моего внука, — твердо завершил лорд Тайвин. — А свадьба — не место для сведения старых счетов.

— С *Дораном* Мартеллом я не ссорился, — заявил лорд Тирелл, хотя его тон противоречил словам. — Если он желал пересечь Простор, ему стоило лишь спросить у меня разрешения.

«Вряд ли он поедет через Простор, — подумал Тирион. — Он поднимется по Костяному Пути, повернет на восток у Летнего Замка и двинется по Королевскому тракту».

— Триста дорнийцев наших планов не нарушат, — сказала Серсея. — Латников мы посадим во дворе, для лордов и высокородных рыцарей втиснем в зал пару лишних скамеек, а принцу Дорану дадим почетное место на помосте.

«Только не рядом со мной», — прочел Тирион в глазах Тирелла, но на сей раз лорд промолчал и

ограничился коротким кивком.

— Ну а теперь можно перейти к более приятным вещам, — сказал лорд Тайвин. — Плоды победы ждут, чтобы их роздали.

— Что может быть слаще? — воскликнул Мизинец, который свой плод, Харренхолл, уже проглотил.

Каждый из лордов имел свои виды на такой-то замок, такую-то деревню, земельный надел, на речку, на лес, на опекунство над детьми, оставшимися сиротами после битвы. К счастью, плоды были обильны, и сирот с замками хватило на всех. Согласно спискам Вариса, сорок семь мелких лордов и шестьсот девятнадцать рыцарей лишились жизни под огненными сердцами Станниса и его Владыки Света, не считая нескольких тысяч простых латников. Их наследники, как родственники изменников, утратили права на свое достояние, и земли и замки перешли к тем, кто доказал свою преданность на деле.

Самый богатый урожай пожал Хайгарден. «У этого аппетит хоть куда», — думал Тирион, глядя на объемистый живот лорда Тирелла. Лорд Мейс потребовал себе поместья лорда Алестера Флорента, своего собственного знаменосца, имевшего неосторожность поддержать сначала

Ренли, а затем Станниса. Лорд Тайвин охотно пошел ему в этом навстречу, и замок Брайтуотер со всеми землями и доходами стал собственностью второго сына лорда Тирелла, вследствие чего сир Гарлан в мгновение ока сделался одним из крупнейших лордов. Старший сын, само собой, остался наследником Хайгардена.

Другие поместья, хотя и не столь крупные, были дарованы лорду Ровану, а также лорду Тарли, леди Окхарт, лорду Хайтауэру и другим не присутствующим здесь вельможам. Лорд Редвин попросил только, чтобы его на тридцать лет освободили от налога, который Мизинец со своими виноторговцами ввел для лучших виноградников Бора. Получив эту привилегию, он объявил, что доволен, и предложил послать за бочонком золотого борского, дабы выпить за здравие доброго короля Джоффри и его мудрого, щедрого десницы. Это превысило меру терпения Серсеи.

— Джофф нуждается в мечах, а не в здравицах, — заявила она. — Узурпаторы и самозваные короли по-прежнему угрожают его государству.

— Думаю, им осталось недолго, — елейно вставил Варис.

— Еще несколько дел, милорды. — Сир Киван сверился со своими бумагами. — Сир Аддам на-

шел некоторое количество кристаллов от короны верховного септона. Теперь можно не сомневаться в том, что грабители выломали кристаллы, а золото расплавили.

— Отец наш небесный осудит и покарает их, — произнес нынешний верховный септон.

— Безусловно, — сказал лорд Тайвин, — однако вы должны получить свою корону. Мы сделаем это на королевской свадьбе. Серсея, вели своим золотых дел мастерам изготовить замену. Есть еще какие-нибудь донесения? — спросил он Вариса.

Евнух достал из рукава пергамент.

— Близ Перстов замечен кракен. Не Грейджой, — хихикнул он, — настоящий. Он напал на иббенийское китобойное судно и утащил его в глубину. На Ступенях дерутся, и назревает новая война между Тирошем и Лисом, причем оба надеются заключить союз с Миром. Моряки с Нефритового моря уверяют, что в Кварте вылупился трехглавый дракон, которому весь город дивится…

— Драконы и кракены меня не интересуют, сколько бы у них там ни было голов, — сказал лорд Тайвин. — Скажи лучше, не напали ли твои шептуны на след моего племянника?

— Увы, наш бедный храбрый Тирек исчез бес-

следно. — Казалось, что Варис вот-вот заплачет.

— Тайвин, — сказал сир Киван, прежде чем его брат успел выразить свое недовольство, — некоторые из золотых плащей, дезертировавших во время битвы, приходят обратно в казармы, надеясь снова поступить на службу. Сир Аддам спрашивает, как с ними быть.

— Их трусость могла подставить под удар Джоффа, — вмешалась Серсея. — Я хочу, чтобы их предали смерти.

— Они, безусловно, заслуживают смерти, ваша милость, — вздохнул Варис, — этого никто не отрицает. И все же разумнее, быть может, было бы послать их в Ночной Дозор. Со Стены последнее время приходят тревожные вести. Одичалые неспокойны…

— Одичалые, драконы и кракены, — хохотнул Мейс Тирелл. — Есть ли хоть кто-нибудь, кто вел бы себя тихо?

— Будет лучше, если дезертиры послужат уроком другим, — решил лорд Тайвин. — Пусть им раздробят колени, чтобы лишить их способности бегать, — это послужит наукой всякому, кто увидит, как они просят милостыню на улицах. — Он оглядел стол, чтобы убедиться, согласны ли с ним другие лорды.

Тириону вспомнилась собственная поездка на Стену и крабы, которых он ел со старым Мормонтом и его офицерами. И опасения Старого Медведя.

— Может, мы раздробим колени только некоторым — скажем, тем, кто убил сира Джаселина, а остальных все-таки отправим к Маршу? Дозору отчаянно не хватает людей. Если Стена падет…

— …то одичалые хлынут на Север, — завершил его отец, — и у Старков с Грейджоями появится новый враг. Они, по всей видимости, больше не считают себя подданными Железного Трона — с какой же стати им ждать от него помощи? И король Робб, и король Бейлон утверждают, что Север принадлежит им, — вот и пускай защищают его, если смогут. А если не смогут, то этот Манс Налетчик еще, глядишь, и союзником нашим станет. Еще что-нибудь? — спросил лорд Тайвин, взглянув на брата.

Тот покачал головой:

— Это все. Милорды, его милость король Джоффри благодарит вас всех за мудрый совет.

— Я хотел бы поговорить наедине со своими детьми, — сказал лорд Тайвин, когда все поднялись с мест. — Ты тоже останься, Киван.

Остальные советники послушно откланя-

лись. Варис вышел первым, Тирелл и Редвин — последними. В зале остались только четверо Ланнистеров, и сир Киван закрыл двери.

– *Мастер над монетой?* — тонким, напряженным голосом воскликнул Тирион. — Это кто же придумал, позвольте узнать?

— Лорд Петир, — ответил ему отец, — но нас устраивает, что казной будет распоряжаться Ланнистер. Ты сам просил, чтобы тебе доверили важное дело, а теперь боишься, что оно окажется тебе не под силу?

— Нет, просто чую здесь западню. Мизинец хитер и честолюбив — я ему не доверяю, да и вам бы не следовало.

— Он привлек Хайгарден на нашу сторону… — начала Серсея.

— …и продал тебе Неда Старка. Знаю, знаю. Он и нас не замедлит продать. Монета в ненадежных руках не менее опасна, чем меч.

Дядя Киван посмотрел на племянника со странным выражением.

— Только не для нас. Золото Утеса Кастерли…

— …добывается из земли, а Мизинец извлекает свое из воздуха, щелкая пальцами.

— Талант более полезный, чем любой из твоих, братец, — сладко, но с нотками злорадства про-

мурлыкала Серсея.

— Мизинец лжив…

— …и черен, как говорила ворона о вороне.

Лорд Тайвин хлопнул рукой по столу.

– *Довольно!* Не желаю больше слушать, как вы препираетесь. Вы оба Ланнистеры, вот и ведите себя подобающим образом.

Сир Киван откашлялся.

— По мне, пусть лучше Гнездом правит Петир Бейлиш, чем кто-то еще из поклонников леди Лизы, Йон Ройс, Лин Корбрей, Хортон Редфорт — каждый из них по-своему опасен. И горд. Мизинец при всем своем уме не может похвалиться ни знатностью рода, ни мастерством в военном деле. Лорды Долины никогда не признают его своим сюзереном. — Сир Киван взглянул на брата. Тот кивнул, и он продолжил: — Притом лорд Петир постоянно доказывает нам свою лояльность. Не далее как вчера он доложил нам, что Тиреллы задумали увезти Сансу Старк в Хайгарден, будто бы погостить, и там выдать ее за старшего сына лорда Мейса Уилласа.

– *Мизинец* доложил? Не наш мастер над шептунами? — Тирион подался вперед. — Весьма любопытно.

Серсея взглянула на дядю с недоверием.

— Санса — моя заложница и никуда не уедет без моего разрешения.

— Тебе поневоле пришлось бы дать разрешение, если бы лорд Тирелл попросил, — заметил отец. — Отказ был бы равносилен заявлению, что мы ему не доверяем. Он счел бы это оскорблением.

— Ну и пусть себе — нам-то что?

«Дура ты, дура», — подумал Тирион, а вслух терпеливо объяснил:

— Сестрица, оскорбить Тирелла значило бы оскорбить Редвина, Тарли, Рована и Хайтауэра — и дать им повод задуматься, не окажется ли Робб Старк внимательнее к их желаниям.

— Я не допущу, чтобы роза и лютоволк оказались в одной постели, — заявил лорд Тайвин. — Надо предотвратить подобный ход.

— Каким образом? — спросила Серсея.

— Заключив брак. Твой для начала.

Это прозвучало так неожиданно, что Серсея выпучила глаза, а потом вспыхнула, как от пощечины.

— Ну уж нет. Больше я замуж не пойду.

— Ваша милость, — учтиво молвил сир Киван, — вы еще молоды, прекрасны собой и способны к деторождению. Неужели вы хотите

провести остаток ваших дней в одиночестве? Притом новый брак раз и навсегда прекратит все толки о кровосмешении.

— Оставаясь незамужней, ты даешь Станнису повод распространять его гнусную клевету, — сказал лорд Тайвин дочери. — Ты должна разделить ложе с новым мужем и родить от него детей.

— Мне вполне достаточно троих. Я королева-регент, а не племенная кобыла!

— Ты моя дочь и сделаешь так, как я тебе прикажу.

Серсея встала.

— Я не стану сидеть здесь и слушать подобные…

— Остаться в твоих интересах, если ты хочешь принять участие в выборе твоего нового мужа, — спокойно сказал лорд Тайвин.

Помедлив, она снова заняла свое место, и Тирион понял, что она проиграла, несмотря на ее громкое заявление:

— Замуж я снова не пойду!

— Пойдешь. И рожать будешь, чтобы каждое рожденное тобою дитя изобличало Станниса во лжи. — Взгляд отца прямо-таки пригвоздил Серсею к стулу. — У Мейса Тирелла, Пакстера Редвина и Дорана Мартелла молодые жены,

которые их наверняка переживут. У Бейлона Грейджоя жена пожилая и хворая, но такой брак навязал бы нам союз с Железными островами, а я пока не уверен в разумности такого шага.

— Нет, — побелевшими губами проговорила Серсея. — Нет, нет, нет.

Тирион не сумел до конца подавить свою ухмылку при мысли об отправке сестрицы на Пайк. «Надо же — именно теперь, когда я совсем было разуверился в милости богов, кто-то из них преподносит столь роскошный подарок!»

— Оберин Мартелл мог бы тебе подойти, — продолжал лорд Тайвин, — но это вызовет возмущение Тиреллов. Перейдем к сыновьям. Ты ведь не возражаешь, если твой муж будет моложе тебя?

— Я возражаю против самой мысли…

— Я думал о близнецах Редвинах, Теоне Грейджое, Квентине Мартелле и других. Но мечом, сокрушившим Станниса, явился наш союз с Хайгарденом. Нам надлежит закалить и укрепить его. Сир Лорас надел белое, а сир Гарлан уже женат на одной из Фоссовеев, но остается еще старший сын — тот, кого замышляют женить на Сансе Старк.

«Уиллас Тирелл». Тирион со злорадным удовольствием взирал на бессильную ярость Сер-

сеи.

— Ну да, тот калека, — молвил он.

Взгляд отца обдал его холодом.

— Уиллас — наследник Хайгардена, и все отзываются о нем как о мягком и учтивом молодом человеке, который любит чтение и наблюдает звезды. Он увлекается также разведением животных и держит лучших соколов, лошадей и собак в Семи Королевствах.

«Отменный брак, — подумал Тирион. — Серсея тоже увлекается племенным делом». Он жалел бедного Уилласа Тирелла и не знал, смеяться ему над участью сестры или плакать.

— Я бы остановился на наследнике Тирелов, — подытожил лорд Тайвин, — но если ты предпочитаешь кого-то другого, я готов рассмотреть твои доводы.

— Как это любезно с вашей стороны, батюшка, — с ледяной вежливостью произнесла Серсея. — Впрочем, вы ставите меня перед трудным выбором. Кого же мне взять — старого осьминога или калеку-собачника? Так сразу не решишь, нужно подумать пару дней. Могу ли я уйти?

«Ты же королева, — хотелось сказать Тириону, — это *он* должен спрашивать у тебя разрешения».

— Ступай, — сказал отец. — Поговорим, когда ты успокоишься. И помни о своем долге.

Серсея удалилась, не скрывая обуревающей ее ярости. «Но в конце концов она поступит так, как велит отец — она уже доказала это в случае с Робертом. Впрочем, остается еще Джейме». Когда Серсею выдавали замуж в первый раз, брат был намного моложе, но со вторым ее браком он может и не смириться. Несчастный Уиллас Тирелл рискует подхватить смертельную болезнь «меч в кишках», что несколько омрачит союз Хайгардена с Утесом Кастерли. «Надо бы и мне высказаться по этому поводу, но как? Прости, отец, но муж, которого она желает, — это наш брат».

— Тирион.

— Мне кажется, я слышу герольда, вызывающего меня на ристалище? — с покорной улыбкой сказал карлик.

— Твоя слабость — это продажные женщины, — без обиняков начал лорд Тайвин, — но, возможно, в этом есть доля и моей вины. Из-за твоего малого роста я постоянно забываю, что ты уже взрослый мужчина со всеми свойственными ему низменными желаниями. Давно пора тебя женить.

«Я уже был женат — забыл?» Тирион скривил губы, издав нечто среднее между смехом и ры-

чанием.

— Это мысль о женитьбе тебя так забавляет?

— Я просто представил, какой из меня получится охренительно красивый жених. — А ведь жена, пожалуй, — именно то, что ему нужно. Если она принесет ему земли и замок, у него появится свое место в мире, подальше от двора Джоффри, от Серсеи и отца.

«С другой стороны, есть Шая. Ей это не понравится, хотя она и твердит, что согласна быть его шлюхой».

Но отца этот довод поколебать вряд ли мог, и потому Тирион, взгромоздившись повыше на своем сиденье, сказал:

— Ты хочешь женить меня на Сансе Старк. Но не оскорбит ли это Тиреллов, раз у них на девушку свои виды?

— Лорд Тирелл не станет заводить о ней речь,

пока свадьба Джоффри не состоится. С какой же стати ему оскорбляться, что Санса вышла замуж раньше, если он не сказал нам ни слова о своих намерениях?

— Совершенно верно, — сказал сир Киван, — а если он и затаит обиду, мы сгладим ее, предложив его Уилласу Серсею.

Тирион потер рубец на носу — тот иногда чесался просто нестерпимо.

— Этот противный мальчишка, наша с вами милость, превратил жизнь Сансы в кошмар со дня смерти ее отца, а когда она наконец избавилась от Джоффри, вы собрались выдать ее за меня. Не слишком ли это жестоко даже для вас, отец?

— Разве ты намерен дурно с ней обращаться? — скорее с любопытством, чем сердито, осведомился лорд Тайвин. — Ее счастье — не моя забота, да и не твоя тоже. Хотя наши союзы на Юге незыблемы, как Утес Кастерли, остается еще непокоренный Север, а ключ к Северу — это Санса Старк.

— Она совсем еще ребенок.

— Твоя сестра уверяет, что она уже расцвела. Стало быть, она взрослая и годится для брака. Ты должен будешь лишить ее невинности, чтобы никто не мог сказать, что брак не был осуществ-

лен на деле. А после можешь подождать год или два, прежде чем снова лечь с ней в постель — это твое право как супруга.

«Шая — единственная женщина, в которой я сейчас нуждаюсь, а Санса, что ни говори, еще девочка».

— Если вы не хотите отдавать ее Тиреллам, почему бы просто не отослать ее обратно к матери? Возможно, это убедило бы Робба Старка склонить колено.

— Отправь ее в Ривердан, — презрительно ответил лорд Тайвин, — и мать мигом выдаст ее за Блэквуда или Маллистера, чтобы упрочить положение своего сына на Трезубце. Отправь ее на Север, и она еще до новой луны окажется за каким-нибудь Мандерли или Амбером. Но здесь, при дворе, она не менее опасна, что доказывает составленный Тиреллами заговор. Она должна выйти за Ланнистера, и как можно скорей.

— Тот, кто женится на Сансе, получит права на Винтерфелл, — вставил дядя Киван. — Это тебе в голову не приходило?

— Если ты не хочешь эту девушку, мы отдадим ее кому-нибудь из твоих кузенов, — сказал отец. — Как там твой Лансель, Киван, — в силах жениться или нет?

Сир Киван заколебался.

— Если мы приведем девушку к его постели, он сможет произнести слова, но осуществить брак — нет… Я предложил бы одного из близнецов, но Старки их обоих держат в Риверрране. И Тион, сын Дженны, тоже у них.

Тирион не вмешивался в их разговор — он знал, что они говорят все это исключительно для его вразумления. «Санса Старк…» — задумался он. Любезная, сладко пахнущая, любящая шелка, песни, воинскую доблесть и высоких, красивых, галантных рыцарей. Он как будто снова оказался на корабельном мосту, и палуба колебалась у него под ногами.

— Ты просил у меня награды за свои заслуги в бою, — напомнил ему лорд Тайвин. — Вот тебе случай, Тирион, — лучшего у тебя не будет. — Он нетерпеливо побарабанил пальцами по столу. — Когда-то я хотел женить твоего брата на Лизе Талли, но Эйерис это поломал, взяв Джейме в свою Королевскую Гвардию. Тогда я предложил лорду Хостеру тебя, а он ответил, что его дочери нужен целый муж, а не половинный.

«И выдал ее за Джона Аррена, который ей в дедушки годился…» Памятуя, во что Лиза Аррен превратилась теперь, Тирион испытывал скорее

благодарность, чем гнев.

— Я предложил тебя Дорну, и они сказали, что это для них оскорбительно. В последующие годы я получил сходные ответы от Йона Ройса и Лейтона Хайтауэра. В конце концов я опустился до девицы Флорент, которую Роберт обесчестил на брачном ложе своего брата, но и ту отец предпочел отдать одному из рыцарей своего дома. Если ты не захочешь взять Старк, я найду тебе другую жену. В стране, уж верно, найдется какой-нибудь захудалый лорд, готовый расстаться с дочерью ради приобретения дружбы Утеса Кастерли. Вот леди Танда предлагает свою Лоллис…

Тириона передернуло.

— Уж лучше я отрежу свое естество и скормлю его козлу.

— Ну так раскрой глаза. Санса Старк молода, пригодна для брака, послушна, знатного рода и девственница, да и собой недурна. Откуда же такая нерешительность?

«В самом деле, откуда?»

— Так, каприз. Быть может, это странно, но я предпочел бы жену, которая хотела бы спать со мной.

— Если ты думаешь, что твои шлюхи хотят с тобой спать, то ты еще глупее, чем я полагал.

Ты разочаровываешь меня, Тирион. Я думал, ты обрадуешься этому браку.

— О да, мы все знаем, как вы стараетесь меня порадовать, отец. Но дело ведь не только в этом. Ключ к Северу, говорите вы? Север теперь в руках Грейджоев, а у короля Бейлона тоже есть дочь. Почему же Санса Старк, а не она? — И Тирион посмотрел в холодные, зеленые с золотыми искрами глаза отца.

Лорд Тайвин сложил пальцы домиком у подбородка.

— Бейлон Грейджой мыслит как разбойник, а не как правитель. Пусть наслаждается своей осенней короной и терпит прелести северной зимы. Вряд ли его новые подданные проникнутся к нему любовью. С приходом весны северяне поймут, что сыты кракенами по горло. Когда ты привезешь домой, в родовой замок, внука Эддарда Старка, лорды и простой люд поднимутся как один, чтобы посадить его на высокое место предков. Надеюсь, ребенка сделать ты способен?

— Думаю, что да, — озлился Тирион. — Доказать этого, правда, я не могу, но никто не скажет, что я не старался. Я сеял свое мелкое семя где только удавалось…

— В сточных канавах и на ничейной земле, где

только дурное семя и приживается. Пора тебе возделывать собственный сад. — Лорд Тайвин встал. — Утес Кастерли ты никогда не получишь, но женись на Сансе Старк, и у тебя появится случай получить Винтерфелл.

«Тирион Ланнистер, лорд-протектор Винтерфелла». Вероятность этого проняла его странным холодком.

— Все это хорошо, отец, — медленно произнес он, — но в вашем тростнике сидит большой противный таракан. Робб Старк, надо полагать, не менее способен на некоторые вещи, чем я, и помолвлен с одной из плодовитых девиц Фрей. Как только у Молодого Волка появится свой выводок, щенята, которых принесет Санса, не получат ничего.

— Можешь не опасаться: от плодовитой Фрей у Робба Старка детей не будет. Есть одна новость, которой я не счел пока нужным поделиться с советом, но наши добрые лорды и без того ее скоро услышат. Молодой Волк женился на старшей дочери Гавена Вестерлинга.

Тирион не поверил своим ушам.

— Он нарушил свое слово? — изумленно вымолвил он. — Порвал с Фреями ради… — Ему недоставало слов.

— Ради шестнадцатилетней девицы по имени Жиенна, — подсказал сир Киван. — Лорд Гавен предлагал ее в невесты для Виллема или Мартина, но мне пришлось ему отказать. Гавен сам по себе всем хорош, но он совершил оплошность, женившись на Сибелле Спайсер. У Вестерлингов честь всегда преобладала над здравым смыслом. Дед леди Сибеллы торговал шафраном и перцем и был почти столь же низкого рода, как тот контрабандист, которого держит при себе Станнис. Жену свою он привез откуда-то с востока. Жуткая была старуха — какая-то жрица, по слухам. Ее звали Мейега, а настоящего имени выговорить никто не мог. Половина Ланниспорта ходила к ней за лекарствами и приворотными зельями. Она, разумеется, давно уже умерла, и могу вас заверить, что Жиенна — прелестное дитя, хотя видел ее только однажды. Но столь сомнительная кровь…

Тирион, будучи когда-то женат на шлюхе, не мог в полной мере разделять ужаса дяди перед женитьбой на девушке, чей прадед торговал пряностями. И все же… Прелестное дитя, сказал сир Киван, но и яды бывают приятны на вкус. Вестерлинги — старинный род, но гордости у них больше, чем власти. Тирион не удивился бы,

узнав, что приданое леди Сибеллы превышало состояние ее высокородного супруга. Рудники Вестерлингов давно истощились, лучшие земли распроданы или утрачены, а замок Скала сильно обветшал. «Теперь это развалина, хотя и весьма живописная на фоне моря».

— Вы меня удивили, — признал Тирион. — Я думал, у Робба Старка больше здравого смысла.

— Ему шестнадцать, — напомнил лорд Тайвин, — а в этом возрасте любовь, похоть и честь всегда перевешивают рассудок.

— Он нарушил клятву и опозорил своего союзника. Где же тут честь?

— Честь девушки он поставил выше своей, — ответил сир Киван. — Он лишил ее невинности и не мог поступить иначе.

— Он поступил бы добрее, оставив ее с бастардом в животе, — сказал напрямик Тирион. Да, теперь Вестерлинги, похоже, лишатся всего: земель, замка и самой жизни. «Ланнистеры всегда платят свои долги».

— Жиенна Вестерлинг — дочь своей матери, — ответил на это лорд Тайвин, — а Робб Старк — сын своего отца.

Как видно, измена Вестерлингов разъярила отца не столь сильно, как Тирион ожидал. До сих

пор лорд Тайвин не спускал неверности своим вассалам. Гордых Рейнов из Кастамере и древний род Тарбеков из Тарбека он истребил под корень, будучи еще юношей. Об этом даже сложили песню, весьма мрачную. Несколько лет спустя, когда лорд Фармен из Светлого Замка начал вести себя подозрительно, лорд Тайвин послал к нему гонца с лютней вместо письма. Прослушав в своем чертоге «Рейны из Кастамере», лорд Фармен исправился раз и навсегда. А если бы песни оказалось мало, то разрушенные замки Рейнов и Тарбеков всегда могли напомнить об участи тех, кто бросил вызов власти Утеса Кастерли.

— Скала не так уж далека от Тарбека и Кастамере, — заметил Тирион. — Казалось бы, Вестерлинги достаточно часто проезжали мимо, чтобы усвоить урок.

— Может быть, они и усвоили. Судьба Кастамере им хорошо известна, могу тебя уверить.

— Неужели у Вестерлингов и Спайсеров хватает глупости верить, что волк способен победить льва?

За время их разговора на лицо лорда Тайвина несколько раз едва не прорывалась улыбка. Этого так и не произошло, но сама возможность подобного пугала.

— Самые большие глупцы зачастую оказываются умнее тех, кто смеется над ними, — ответил он и добавил: — Ты женишься на Сансе Старк, Тирион, — и скоро.

Кейтилин

Мертвых внесли в зал на плечах и положили у помоста. На освещенный факелами чертог опустилась тишина, и Кейтилин слышала, как воет где-то в замке Серый Ветер. «Он чует кровь — чует сквозь стены и двери, сквозь ночь и дождь, чует запах смерти и разрушения».

Кейтилин, стоявшей по левую руку Робба у высокого сиденья, показалось на миг, будто она смотрит на собственных мальчиков, Брана и Рикона. Эти мальчики намного старше, но смерть снова сделала их малыми детьми. Нагие и мокрые, они лежали так тихо, что трудно было вспомнить, какими они были при жизни.

Белокурый пытался отрастить бороду — бледно-желтый, как на персике, пушок покрывал его

щеки и подбородок над красным располосованным горлом. Длинные золотистые волосы еще не просохли, как будто его вытащили из ванны. Судя по его виду, он умер мирно, может быть, во сне, а вот его темноволосый кузен явно боролся за свою жизнь. Об этом свидетельствовали его изрезанные руки, которыми он пытался заслониться от клинков. Дождь отмыл тело почти дочиста, но кровь еще медленно сочилась из колотых ран на груди и спине, как из множества беззубых ртов.

Робб, прежде чем явиться сюда, надел корону, и бронза тускло поблескивала при свете факелов. Он смотрел вниз, на мертвых, и тень скрывала его глаза. «Быть может, он тоже видит Брана и Рикона?» Кейтилин хотела бы заплакать, но в ней больше не осталось слез. От долгого заточения мальчики сделались бледными, и кровь на их белой коже казалась невыносимо красной. «А вдруг и Сансу положат вот так, нагую, перед Железным Троном, когда убьют ее? И ее кожа покажется всем столь же белой и кровь столь же красной?» Снаружи доносился непрестанный шум дождя и волчий вой.

Эдмар стоял справа от Робба, придерживаясь рукой за спинку отцовского сиденья, с еще припухшим со сна лицом. Его, как и ее, разбудили,

постучав ему в дверь среди ночи, и грубо вырвали его из сонных грез. «Хорошие ли сны ты видел, брат? Солнце, смех и девичьи поцелуи? Надеюсь, что так. Ее собственные сны несли только мрак и ужас».

В зале стояли капитаны и лорды-знаменосцы Робба — одни в кольчугах и при оружии, другие встрепанные и полуодетые. Сир Рейнальд и его дядя сир Рольф тоже присутствовали, но свою королеву Робб счел нужным избавить от подобного зрелища. «Скала стоит недалеко от Утеса Кастерли, — вспомнилось Кейтилин. — Быть может, Жиенна играла с этими мальчиками в детстве».

Она смотрела на тела оруженосцев Тиона Фрея и Виллема Ланнистера, ожидая, когда заговорит ее сын.

Ей казалось, что прошло очень много времени, прежде чем Робб оторвал наконец взгляд от окровавленных жертв.

— Маленький Джон, — сказал король, — пусть твой отец введет их.

Маленький Джон Амбер молча вышел, и его шаги гулким эхом отразились в каменных стенах.

Большой Джон ввел в чертог своих пленников, и Кейтилин заметила, как другие шарахнулись в стороны от них, как будто измена могла пе-

редаваться через взгляды, прикосновения или кашель. Схваченные ничем не отличались от своих конвоиров, такие же крупные, бородатые и длинноволосые. Двое людей Большого Джона были ранены, и трое пленных тоже. Вся разница заключалась в том, что у одних были копья, а на других болтались пустые ножны. Даже одеты они были одинаково: в кольчуги или рубахи с нашитыми железными кольцами, тяжелые сапоги и плотные плащи из шерсти или меха. «Север суров, холоден и не знает милосердия», — говорил ей Нед, когда она впервые, тысячу лет назад, приехала в Винтерфелл.

— Пятеро, — сказал Робб, когда мокрых молчащих пленников поставили перед ним. — Это все?

— Их было восемь, — громыхнул Большой Джон. — Двоих мы убили, когда брали их, третий умирает.

Робб всматривался в лица стоящих перед ним.

— Стало быть, понадобилось восемь мужчин, чтобы убить двух безоружных оруженосцев.

— Они убили также двух моих людей, чтобы попасть в башню, — молвил Эдмар. — Делпа и Элвуда.

— Это не было убийством, сир, — сказал лорд Ри-

кард Карстарк, держа себя так, будто его запястья не были связаны веревкой и кровь не струилась по лицу. — Всякий, кто становится между отцом и его местью, напрашивается на смерть.

Его резкие, жестокие слова ранили слух Кейтилин, как дробь военного барабана, и в горле пересохло. «Это моя вина. Эти мальчики погибли ради того, чтобы мои дочери могли жить».

— Я видел, как умерли ваши сыновья той ночью, в Шепчущем лесу, — сказал Робб. — Торрхена убил не Тион Фрей, а Эддарда — не Виллем Ланнистер. Как же вы можете называть это местью? Это безумие и жестокая резня. Ваши же сыновья погибли почетной смертью, на поле битвы, с мечами в руках.

— Но все-таки *погибли*, — не уступая ни пяди, — сказал Рикард Карстарк. — Пали, сраженные Цареубийцей. Эти двое той же породы. Только кровью можно расплатиться за кровь.

— Кровью детей? — Робб указал на тела. — Сколько им было лет? Двенадцать, тринадцать?

— Оруженосцы таких лет гибнут в каждом сражении.

— Умереть в сражении — дело иное. Тион Фрей и Виллем Ланнистер в Шепчущем лесу сдались и отдали свои мечи. Они сидели под стражей,

пленные и безоружные. Они спали. *Взгляни же на них!*

Но лорд Карстарк смотрел на Кейтилин.

— Пусть твоя мать на них смотрит. Она виновна в их смерти не меньше, чем я.

Кейтилин оперлась рукой на спинку сиденья Робба. Чертог кружился перед ней, и ей казалось, что ее сейчас вырвет.

— Моя мать здесь ни при чем, — гневно отрезал Робб. — Это твоя работа. Твоя измена.

— Как же это получается: убивать Ланнистеров — измена, а освобождать их — нет? — резко спросил Карстарк. — Или ваша милость забыли, что у нас с Утесом Кастерли война? На войне врагов убивают — разве твой отец тебя этому не учил, мальчуган?

– *Мальчуган?!* — Большой Джон ударил Карстарка своим кольчужным кулаком, швырнув его на колени.

— Не тронь его! — властно крикнул Робб, и Амбер отступил.

Лорд Карстарк выплюнул выбитый зуб.

— Правильно, лорд Амбер, оставь меня королю. Он хочет пожурить меня, прежде чем простить. Он всегда так поступает с изменниками, наш Король Севера. — Он улыбнулся окровавленным

ртом. — Или мне следовало бы сказать «Король без Севера», ваша милость?

Большой Джон выхватил копье у своего латника.

— Позвольте мне проткнуть его, мой повелитель. Позвольте вспороть ему брюхо, чтобы поглядеть на цвет его кишок.

Двери чертога распахнулись, и вошел Черная Рыба. С его плаща и шлема стекала вода. За ним шли латники Талли. Снаружи сверкала молния, и черный дождь хлестал по камням Риверрана. Сир Бринден снял шлем и опустился на одно колено.

— Ваша милость, — только и сказал он, но мрачность его голоса стоила многих слов.

— Я выслушаю сира Бриндена наедине, в приемной палате, — сказал Робб и встал. — Лорд Карстарк останется здесь до моего возвращения, Большой Джон. Остальных семерых повесить.

Большой Джон опустил копье.

— Даже мертвых?

— Да. Негоже, чтобы эта падаль оскверняла реки моего лорда-дяди. Пусть послужат кормом для ворон.

Один из осужденных упал на колени.

— Смилуйтесь, ваша милость. Я никого не убивал, только караулил.

Робб ненадолго задержался.

— Ты знал, что замышляет лорд Рикард? Видел ножи у них в руках? Слышал крики, мольбы о пощаде?

— Слыхать слыхал, но ничего не делал, только караулил у двери, клянусь…

— Лорд Амбер, оставь этого караульщика напоследок — пусть поглядит, как умирают другие. Матушка, дядя, пойдемте со мной. — Робб вышел в одну дверь, а люди Большого Джона вывели осужденных в другую, подталкивая их копьями. Гром снаружи грянул так, словно весь замок обрушился. «Или это рушится королевство?»

В приемной палате было темно, но гром здесь грохотал не столь оглушительно. Слуга внес масляную лампу и хотел разжечь очаг, но Робб отослал его, оставив лампу. В комнате имелись столы и стулья, но сел только Эдмар, да и тот сразу встал, видя, что остальные остались на ногах. Робб снял корону и положил ее на стол.

Черная Рыба закрыл дверь.

— Люди Карстарка ушли.

— Все? — Даже Кейтилин не могла понять, что звучит в голосе Робба — гнев или отчаяние.

— Все бойцы. Остались только маркитанты и обозники вместе с ранеными. Мы допросили их и

как будто дознались до правды. Они начали уходить, как только настала ночь, сперва по одному и по двое, потом целыми отрядами. Раненым и обозникам приказали поддерживать костры, чтобы никто не догадался об их уходе, но когда начался дождь, это уже не понадобилось.

— Они снова соберутся воедино, уйдя подальше от Риверрана? — спросил Робб.

— Нет. Они разбредутся и будут охотиться. Лорд Карстарк поклялся отдать руку своей дочери любому, будь он высокого или низкого рода, кто принесет ему голову Цареубийцы.

«Боги милостивые». Кейтилин снова стало

дурно.

— Триста человек и вдвое больше лошадей растаяли в ночи. — Робб потер виски, где отпечатался след от короны. — Вся конница Кархолда потеряна для нас.

«Это все из-за меня. Из-за меня, да простят меня боги». Не требовалось быть солдатом, чтобы понять, в какой западне оказался Робб. Он пока еще удерживает речные земли, но его королевство окружено врагами со всех сторон, кроме восточной, где, не желая ничего знать, сидит на своей горе Лиза. Даже Трезубец стал для него ненадежен с тех пор, как лорд Переправы разорвал с ним союз. «Потерять в такое время еще и Карстарка…»

— Весть об этом не должна покидать Риверрана, — сказал Эдмар. — Ланнистеры всегда твердят, что платят свои долги. Да смилуется над нами Матерь, если лорд Тайвин услышит.

«Санса». Кейтилин сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Робб окинул Эдмара холодным взглядом.

— Ты хочешь сделать меня не только убийцей, но и лжецом, дядя?

— Лгать нет нужды — просто промолчим. Похороним мальчиков и будем помалкивать до конца войны. Виллем был сыном сира Кивана

Ланнистера и племянником лорда Тайвина, Тион — сыном леди Дженны и вдобавок Фреем. От Близнецов это тоже придется скрыть, пока…

— Пока мертвые не воскреснут? — резко прервал племянника Бринден. — Правда ушла из замка вместе с Карстарками, Эдмар. Поздно скрытничать.

— Мой долг — открыть их отцам правду. И осуществить правосудие, — сказал Робб. Он устремил взгляд на свою темную бронзовую корону с зубцами в виде железных мечей. — Лорд Рикард бросил мне вызов и предал меня. Я должен приговорить его к смерти — иного выбора нет. Одни боги знают, как поступят пехотинцы Карстарка, которыми сейчас командует Русе Болтон, когда услышат, что я казнил их лорда как изменника. Болтона надо предупредить.

— Наследник лорда Карстарка тоже находится в Харренхолле, — напомнил сир Бринден. — Старший сын, которого Ланнистеры взяли в плен на Зеленом Зубце.

— Харрион. Его зовут Харрион. — Робб горько рассмеялся. — Король должен знать имена своих врагов, не так ли?

Черная Рыба внимательно посмотрел на него.

— Ты заранее уверен, что молодой Карстарк

станет твоим врагом?

— А как же иначе? Я собираюсь убить его отца — что ж ему, благодарить меня за это?

— Кто знает. Иные сыновья ненавидят своих отцов, а этого ты одним ударом сделаешь лордом Кархолда.

Робб потряс головой.

— Даже если Харрион из таких, он никогда не простит убийцу своего отца открыто. Его собственные люди обернулись бы против него. Это северяне, дядя, а у Севера долгая память.

— Ну так помилуй его, — предложил Эдмар. Робб уставился на него, как бы не веря своим ушам, и Эдмар, покраснев под этим взглядом, добавил: — Я хочу сказать, оставь ему жизнь. Мне это не больше по вкусу, чем тебе, поверь. Он ведь и моих людей тоже убил. Бедняга Делп только-только оправился от раны, которую нанес ему сир Джейме. Карстарк, разумеется, должен быть наказан. Я бы советовал заковать его в цепи.

— И оставить в заложниках? — задумчиво произнесла Кейтилин. «Да, это, пожалуй, наилучший выход…»

— Да, в заложниках! — обрадовался брат, приняв ее раздумье за согласие. — Сын будет знать, что, пока он хранит нам верность, его отцу не

причинят вреда. В противном случае… на Фреев нам больше надеяться нечего, даже если я женюсь на всех дочках лорда Уолдера разом, и в придачу соглашусь таскать его носилки. Если мы лишимся еще и Карстарков, на что нам остается надеяться?

— В самом деле, на что? — Робб откинул назад волосы со лба. — От сира Родрика на Севере нет вестей, Уолдер Фрей ничего не ответил на наше новое предложение, и Гнездо молчит… Дождемся ли мы когда-нибудь ответа от твоей сестры? — вопрошающе обратился он к матери. — Сколько раз ей можно писать? Я не верю, что ни одна птица до нее не долетела.

Кейтилин видела, что сын ее ищет утешения. Мальчик хочет услышать, что все еще будет хорошо, но король должен знать правду.

— Птицы долетели, хотя она, возможно, и будет это отрицать в случае чего. Не жди помощи с той стороны, Робб. Лиза никогда не отличалась храбростью. В детстве, провинившись, она всегда убегала и пряталась — ей, верно, казалось, что отец забудет о ее вине, если не найдет ее. Вот и теперь то же самое. Она убежала из Королевской Гавани в самое надежное место, которое знала, и сидит на своей горе, надеясь, что все о ней

забудут.

— Рыцари Долины могли бы решить исход этой войны, — сказал Робб, — но если она не хочет воевать, делать нечего. Я просил ее об одном: открыть Кровавые Ворота, чтобы мы могли сесть на суда в Чаячьем городе и отплыть на север. Горная дорога опасна, но пробиваться к северу через Перешеек будет еще опаснее. Высадившись в Белой Гавани, я обошел бы Ров Кайлин с фланга и за полгода очистил бы Север от островитян.

— Не надейся на это, — сказал Черная Рыба. — Кет права. Леди Лиза слишком боязлива, чтобы впустить в Долину чье бы то ни было войско. Кровавые Ворота не откроются.

— Иные бы ее побрали, — в бессильной ярости выругался Робб. — И Рикарда Карстарка заодно, а еще Теона Грейджоя, Уолдера Фрея, Тайвина Ланнистера и прочих. Боги праведные, и кому это только надо — быть королем? Когда все начали орать «Король Севера, Король Севера», я сказал себе… поклялся… что буду хорошим королем, благородным, как отец, сильным, справедливым, верным своим друзьям и отважным с врагами. А теперь я даже одних от других не могу отличить. Ну почему все так запуталось? Лорд Рикард сражался вместе со мной в полудюжине битв, и его

сыновья отдали за меня жизнь в Шепчущем лесу. Тион Фрей и Виллем Ланнистер были моими врагами, а теперь из-за них я должен лишить жизни отца моих погибших друзей. — Он обвел взглядом своих родных. — И что же? Поблагодарят меня Ланнистеры за голову лорда Рикарда? Или Фреи?

— Нет, — напрямик, как всегда, ответил Бринден Черная Рыба.

— Тем больше причин оставить лорду Рикарду жизнь и сделать его заложником, — заметил Эдмар.

Робб, взяв обеими руками свою тяжелую корону, надел ее на себя и в мгновение ока снова стал королем.

— Лорд Рикард умрет.

— Но *почему?* — воскликнул Эдмар. — Ты же сам сказал…

— Я помню, что я сказал, дядя, но слова не изменят того, что я должен сделать. — Железные мечи короны чернели над его лбом. — В бою я и сам мог бы убить Тиона и Виллема, но они погибли не в бою. Они спали, нагие и беззащитные, в тюрьме, куда заточил их я. Лорд Рикард убил не просто Фрея и Ланнистера — *он убил мою честь*. Я предам его смерти на рассвете.

Рассвет настал, и занялся день, серый и хо-

лодный. Гроза утихла, сменившись мелким назойливым дождем, но в богороще, несмотря на погоду, яблоку негде было упасть. Речные лорды и северяне, люди высокого и низкого рода, рыцари, наемники и конюхи — все стояли под деревьями, ожидая, чем закончатся темные деяния ночи. По распоряжению Эдмара под сердце-деревом поставили плаху. Люди Большого Джона провели сквозь толпу лорда Рикарда Карстарка, по-прежнему со связанными руками. Сверху на них падали листья и дождь. Те семеро, что были с лордом ночью, уже болтались на высоких стенах Риверрана, и дождь поливал их посиневшие лица.

У плахи стоял Длинный Лью, но Робб забрал у него топор и велел отойти в сторону.

— Это мое дело, — сказал король. — Он умирает по моему слову и должен умереть от моей руки.

Лорд Рикард на миг склонил голову.

— За это я благодарю тебя, но за все прочее — нет. — Перед казнью его одели в длинный черный камзол с белыми солнечными лучами его дома. — В моих жилах, как и в твоих, мальчик, течет кровь Первых Людей — не стоит забывать об этом. Меня назвали в честь твоего деда. С твоим отцом я поднял свои знамена против короля

Эйериса, с тобой — против короля Джоффри. Я сражался рядом с тобой при Окскроссе и в Шепчущем лесу и стоял рядом с лордом Эддардом на Трезубце. Старки и Карстарки — родня.

— Родство не помешало тебе предать меня, и теперь оно тебя не спасет. На колени, милорд.

Кейтилин знала, что лорд Рикард говорит правду. Карстарки ведут свой род от Карлона Старка, младшего сына Винтерфелла; тысячу лет назад он подавил мятеж какого-то лорда и получил за это собственный земельный надел. Замок, построенный им, сначала назывался Карлхолд, но потом превратился в Кархолд, а Старки из Кархолда с течением веков стали Карстарками.

— Тот, кто проливает родную кровь, — говорил между тем Карстарк ее сыну, — равно проклят в глазах старых и новых богов.

— На колени, изменник, — повторил Робб. — Или мне силой укладывать тебя на плаху?

Лорд Карстарк стал на колени.

— Боги осудят тебя, как ты осудил меня, — сказал он и положил голову на плаху.

— Рикард Карстарк, лорд Кархолда! — Робб обеими руками поднял над головой тяжелый топор. — Здесь, перед взорами богов и людей, я признаю тебя виновным в убийстве и измене

своему королю. Я выношу тебе приговор от собственного имени и казню тебя собственной рукой. Хочешь ли ты сказать что-нибудь перед смертью?

— Убей меня и будь проклят. Я не признаю тебя своим королем.

Топор опустился. Тяжелый и хорошо наточенный, он убил приговоренного с одного удара, но чтобы отделить голову от туловища, понадобилось еще два. К этому времени кровь залила и казнившего, и казненного. Робб с отвращением отшвырнул от себя топор и отвернулся, став лицом к сердце-дереву. Он стоял, весь дрожа, сжав кулаки, и дождь струился у него по лицу. «Да простят его боги, — помолилась про себя Кейтилин. — Он совсем еще мальчик, и у него не было выбора».

Больше сына в тот день она не видела. Дождь лил все утро, рябя на поверхности рек, и землю в богороще совсем развезло. Черная Рыба, собрав сто человек, поехал отыскивать людей Карстарка, но никто не надеялся, что он приведет обратно хоть сколько-нибудь. «Молюсь только о том, чтобы мне не пришлось их вешать», — сказал он перед отъездом. Кейтилин вернулась в отцовскую горницу, на свое обычное место у ложа

лорда Хостера.

— Ждать осталось недолго, — предупредил ее мейстер Виман. — Его последние силы на исходе, хотя он все еще борется.

— Он всегда был бойцом, славный мой упрямец.

— Да, но в этой битве победа останется не за ним. Настала пора, чтобы он сложил меч со щитом и сдался.

«Сдаться. Заключить мир». То же самое мейстер мог бы сказать и об ее сыне.

Вечером к ней пришла Жиенна Вестерлинг.

— Леди Кейтилин, я не хочу вас беспокоить… — сказала она, робко входя в горницу.

— Покорно прошу пожаловать, ваша милость. — Кейтилин отложила шитье.

— Пожалуйста, зовите меня Жиенной. Я совсем не чувствую себя королевой.

— И все же это так. Прошу, ваша милость, присаживайтесь.

— Просто «Жиенна». — Молодая женщина села у очага, беспокойно оправляя платье.

— Как пожелаете. Чем я могу служить вам, Жиенна?

— Я пришла из-за Робба. Он так несчастен, так… так сердит и безутешен. Я не знаю, что мне

делать.

— Лишить человека жизни всегда тяжело.

— Я знаю. Я говорила ему, чтобы он взял палача. Лорд Тайвин, посылая кого-то на смерть, отдает приказ, и только. Вам не кажется, что так легче?

— Да, но мой лорд-муж учил своих сыновей, что казнь не должна быть легким делом.

— О-о. — Жиенна смочила языком губы. — Робб весь день ничего не ел. Я посылала Роллама отнести ему на ужин вкусные свиные ребрышки с тушеным луком и элем, но он ни к чему даже не притронулся. Все утро он писал какое-то письмо и приказал мне ему не мешать, а когда дописал, сжег его. А теперь он сидит над картами. Я спросила его, что он там ищет, а он не отвечает. По-моему, он меня даже не слышал. Он даже не переоделся — так и сидит мокрый и весь в крови. Я очень хочу быть хорошей женой, но не знаю, чем ему помочь, как развеселить его или утешить. Не знаю, что ему нужно сейчас. Вы его мать, миледи, — пожалуйста, скажите мне, что я должна делать.

«Скажите мне, что я должна делать». Кейтилин сама охотно задала бы такой вопрос, будь ее отец в состоянии ответить. Но лорда Хостера все равно что нет. И Неда нет на свете, и Брана с Риконом,

а мать и Брандон ушли еще раньше. Только Робб у нее и остался — Робб и слабеющая надежда увидеть дочерей.

— Бывают случаи, — медленно вымолвила она, — когда лучше всего ничего не делать. В Винтерфелле я на первых порах обижалась, когда Нед уходил в богорощу и сидел там под своим сердце-деревом. Я знала, что в этом дереве заключается часть его души, та часть, которую я никогда не смогу разделить. Но потом я поняла, что без этой части он не был бы Недом. Жиенна, дитя мое, вы вышли замуж за Север, как и я… а на Севере зимы суровы. — Кейтилин заставила себя улыбнуться. — Наберитесь терпения. Постарайтесь его понять. Он любит вас, нуждается в вас и скоро к вам вернется. Возможно, нынче же ночью. Будьте на месте, когда он придет, — вот все, что я могу вам сказать.

— Я буду, — воскликнула молодая королева, жадно внимавшая ей, и поднялась. — Пойду прямо сейчас. Быть может, он уже спрашивал обо мне. Но если он все еще сидит над своими картами, я буду терпелива.

— Ступайте, — сказала Кейтилин, но окликнула свою невестку, когда та уже дошла до дверей: — Жиенна, Роббу от вас нужно еще кое-что, хотя

он, возможно, сам еще этого не сознает. Король должен иметь наследника.

— Моя матушка говорит мне то же самое, — улыбнулась Жиенна. — Она делает мне питье из трав, молока и эля, способствующее зачатию, и я пью его каждое утро. Я сказала Роббу, что наверняка рожу ему двойню — Эддарда и Брандона, и ему это, кажется, понравилось. Мы… мы стараемся каждый день, миледи, порой даже не один раз. — Молодая женщина зарделась, став от этого еще красивее. — Скоро я почувствую себя матерью, вот увидите. Я каждую ночь молю об этом нашу небесную Матерь.

— Это хорошо. Я тоже буду молиться — и старым богам, и новым.

Когда Жиенна ушла, Кейтилин обернулась к отцу и поправила тонкие белые волосы у него надо лбом.

— Эддард и Брандон, — вздохнула она. — А со временем, быть может, и Хостер. Тебе бы хотелось этого? — Он не ответил, но она и не ждала ответа. Слушая, как стучит дождь по крыше и дышит отец, она думала о Жиенне. Кажется, Робб был прав — у девочки в самом деле доброе сердце. «И хорошие бедра, что, может статься, еще важнее».

Джейме

Вот уже два дня они пересекали земли сплошного разрушения, царившего по обе стороны Королевского тракта — на многие мили вокруг тянулись сожженные поля и сады с обгорелыми деревьями, напоминающими колья, которые ставят перед собой лучники. Мосты тоже были сожжены, а ручьи раздулись от осенних дождей, и им приходилось долго рыскать по берегу в поисках брода. Волки выли всю ночь напролет, но людей они не встречали ни разу.

В городке Девичий Пруд над замком на холме все еще реял красный лосось лорда Мутона, но на стенах города не осталось защитников, ворота были выломаны, половина домов и лавок сожжены или разграблены. Единственными живыми

существами там были несколько одичавших собак, которые разбежались, услышав всадников, водоем, давший городу имя, — тот, где Флориан-Дурак, по преданию, увидел купавшуюся со своими сестрами Джонквиль, завалили гниющими трупами, и вода в нем превратилась в мутную зеленую жижу.

Джейме, глянув на него, запел:

— *«Шесть юных дев в пруду искристом…»*

— Что ты делаешь? — прервала его Бриенна.

— Пою — ты наверняка слышала эту песню. Такие робкие девы — прямо как ты, но все-таки, думаю, малость попригляднее.

— Замолчи! — рявкнула женщина. Ее взгляд говорил о том, что она и его охотно оставила бы плавать в этом пруду среди трупов.

— Прошу тебя, Джейме, — вмешался кузен Клеос. — Лорд Мутон присягнул Риверрану, и нам лучше не выманивать его из замка. А в развалинах могут прятаться злоумышленники…

— Надо еще посмотреть, чьи это враги — ее или наши. Это не одно и то же, кузен. А мне охота посмотреть, умеет ли женщина махать мечом, который на себе носит.

— Если ты не уймешься, то вынудишь меня заткнуть тебе рот, Цареубийца.

— Раскуй мне руки, и я буду нем до самой Королевской Гавани. Что может быть честнее, женщина?

– *Бриенна!* Меня зовут *Бриенна!* — Три вороны взлетели в воздух от звуков ее голоса.

— Не хочешь ли искупаться, Бриенна? — рассмеялся он. — Ты дева, а это пруд. Я бы тебе спинку потер. — Он всегда мыл спину Серсее, когда они еще были детьми.

Бриенна повернула коня и рысью двинулась прочь. Джейме и Клеос последовали за ней, оставив позади унылое пепелище. Через полмили от города зелень снова начала возвращаться в мир, и Джейме приободрился. Сожженные земли слишком уж напоминали ему об Эйерисе.

— Она поворачивает к Синему Долу, — тихо сказал ему Клеос. — Ехать вдоль побережья было бы безопаснее.

— Безопаснее, зато медленнее. Я тоже за Синий Дол, кузен. Мне, по правде говоря, наскучило твое общество. — «Ты, конечно, наполовину Ланнистер, но до моей сестры тебе далеко».

Джейме никогда не мог долго находиться в разлуке с ней. Даже детьми они залезали друг к дружке в постель и спали обнявшись. «Так мы лежали и во чреве матери». Задолго до того, как

сестра расцвела, а он стал мужчиной, они видели, что делают жеребцы и кобылы в поле и собаки на псарне, и сами играли так. Однажды их застала за этим горничная матери… он уже не помнил, что именно они делали, но леди Джоанна пришла в ужас. Она прогнала злополучную горничную, перенесла спальню Джейме на другую половину замка, поставила часового у дверей Серсеи и сказала им, что больше они *никогда* не должны этого делать, иначе ей придется рассказать обо всем их лорду-отцу. Впрочем, боялись они напрасно. Мать вскоре умерла, производя на свет Тириона, и Джейме теперь почти уже не помнил ее лица.

Возможно, Станнис Баратеон и Старки оказали ему услугу, разнеся свою историю о кровосмесительном блуде по всем Семи Королевствам — ведь теперь уже можно ничего не скрывать. «Почему бы ему не жениться на Серсее открыто и не спать с ней каждую ночь? Драконьи короли всегда женились на сестрах».

На Таргариенов септоны, лорды и простолюдины веками смотрели сквозь пальцы — стало быть, и для дома Ланнистеров способны сделать то же самое. Это, конечно, подорвет виды Джоффри на корону, но Роберта на Железный Трон, в конце концов, возвели мечи — они же удержат там

и Джоффри, от чьего бы семени он ни родился. «Мы женим его на Мирцелле, раз уж Сансу Старк отправим обратно к матери. Это покажет всей стране, что Ланнистеры стоят выше законов, как боги и Таргариены».

Джейме уже решил, что вернет домой и Сансу, и младшую девочку, если она найдется. Утраченной чести это ему не возвратит, но он сдержит слово, хотя все ждут от него измены. Ничто в жизни еще не веселило его так, как эта мысль.

Они ехали через вытоптанное пшеничное поле, огороженное низкой каменной стеной, когда Джейме услышал позади тихий шорох, как будто в воздух вспорхнула разом дюжина птиц.

– *Пригнись!* — заорал он, прильнув к шее своего коня. Мерин с визгом взвился на дыбы — это стрела попала ему в круп. Остальные просвистели мимо. Клеос свалился с седла, застряв одной ногой в стремени. Его кобыла пустилась вскачь, колотя орущего всадника головой о землю.

Конь Джейме тоже неуклюже поскакал прочь, сопя и фыркая от боли. Джейме, вывернув шею, оглянулся на Бриенну. Она удержалась в седле. Одна стрела вонзилась ей в спину, другая в ногу, но она как будто не чувствовала их. Обнажив меч, она развернула коня и явно вознамерилась

отыскать укрывшихся в засаде стрелков.

– *За стеной!* — крикнул ей Джейме, пытаясь повернуть назад собственного полуслепого скакуна. Повод запутался в проклятой цепи, а по воздуху уже снова летели стрелы. — *В атаку!* — Он ударил коня ногами, показывая женщине пример. Старый коняга неожиданно обрел прыть, и они помчались по полю, поднимая облака половы. «Женщине лучше поторопиться, пока до них не дошло, что противник только один, да еще безоружный и скованный», — успел подумать Джейме — и тут же услышал ее у себя за спиной.

— Вечерняя Звезда! — выкрикнула она, проскакав мимо него на своей плуговой лошади с длинным мечом в руке. — Тарт! Тарт!

Последние стрелы просвистели, не причинив вреда, а потом лучники вскочили и бросились бежать, как всегда делают не имеющие поддержки лучники во время конной атаки. Бриенна остановила коня у стены. Когда Джейме подскакал к ней, стрелки уже скрылись в лесу в двадцати ярдах от них.

— Что, пропала охота драться?

— Они бежали.

— Самое подходящее время, чтобы убить их.

Она убрала меч в ножны.

— С чего это ты вдруг ринулся в атаку?

— Лучники ничего не боятся, пока сидят в укрытии и стреляют в тебя издали, но когда рыцари на них нападают, они бегут. Они хорошо знают, что будет, когда ты их догонишь. Ты знаешь, что у тебя стрела торчит в спине? И в ноге тоже. Придется мне за тобой поухаживать.

— Тебе?

— А кому же еще? Лошадка кузена Клеоса, когда я в последний раз его видел, прокладывала его головой борозду. Надо бы, пожалуй, его поискать. Какой-никакой, а все-таки Ланнистер.

Клеос, когда они его нашли, так и висел, зацепившись за стремя. Одна стрела пробила ему правую руку, другая грудь, но не они стали причиной его смерти. Макушка головы превратилась в кровавое месиво, и при нажатии под кожей двигались куски раздробленной кости.

Бриенна, опустившись на колени, взяла его за руку.

— Он еще теплый.

— Ничего, скоро остынет. Я возьму его лошадь и его одежду. Эти кишащие блохами лохмотья мне опротивели.

— Он был твоим двоюродным братом, — опешив, промолвила женщина.

— Вот именно, *был*. Ты не печалься — в кузенах у меня недостатка нет. Меч его я тоже возьму. Должен же кто-то нести караул в очередь с тобой.

— Караул можно нести и без оружия, — сказала она и поднялась.

— Прикованным к дереву? Отчего же, можно. Можно также заключить договор с очередной шайкой головорезов и позволить им перерезать твою толстую шею, женщина.

— Я не дам тебе в руки оружия. Кроме того, меня зовут…

— Бриенна, знаю. Я могу дать клятву, что не причиню тебе вреда, если это успокоит твой девичий страх.

— Твои клятвы ничего не стоят. Эйерису ты тоже дал клятву.

— Ты, насколько я знаю, никого не поджаривала в собственных доспехах. Притом мы оба хотим, чтобы я добрался до Королевской Гавани целым и невредимым, не так ли? — Джейме присел на корточки рядом с Клеосом и стал расстегивать его пояс.

— Отойди от него. Сейчас же.

Джейме все это смертельно надоело. Надоели ее подозрения, ее оскорбления, ее кривые зубы, ее широкое конопатое лицо и ее жидкие волосы. Не

слушая ее, он ухватился двумя руками за рукоять Клеосова меча, уперся в труп ногой и дернул. В тот самый миг, как клинок вышел из ножен, Джейме сделал оборот на месте и описал мечом быструю смертоносную дугу. Сталь с зубодробительным скрежетом ударилась о сталь — Бриенна каким-то образом тоже успела обнажить свой клинок.

— Молодец, женщина, — засмеялся Джейме.

— Отдай мне меч, Цареубийца.

— Сейчас. — Он вскочил на ноги и бросился на нее. Меч ожил в его руках. Бриенна, отскочив, парировала удар, но Джейме продолжал наседать. Она едва успевала отражать удары, которыми он ее осыпал. Мечи сходились, расставались и сходились снова. Вся кровь в Джейме пела. Вот для чего он создан — нигде он не чувствовал себя столь живым, как в бою, где каждый удар грозит смертью. «Раз уж руки у меня скованы, женщина может какое-то время продержаться и сойти за настоящего противника». Из-за цепи ему приходилось держать меч обеими руками, хотя клинок ни весом, ни длиной не тянул на настоящий двуручный, но какая разница? И такой длины довольно, чтобы прикончить Бриенну Тарт.

Сверху, снизу, засечный — его удары сыпались на нее стальным дождем. Слева, справа, попе-

речный — удары были такой силы, что мечи, встречаясь, высекали искры — снизу вверх, боковой, засечный, непрерывная атака, натиск, шаг и уклон, удар и шаг, шаг и удар, рубящий, режущий, быстрее, быстрее, быстрее…

…пока Джейме не отступил и не упер его в землю, дав Бриенне краткую передышку.

— Не так уж и плохо, — признал он. — Для женщины.

Она медленно перевела дух, не сводя с него настороженного взгляда.

— Я не могу себе позволить ранить тебя, Цареубийца.

— Как будто ты на это способна. — Он крутанул мечом над головой и снова напал на нее, гремя цепью.

Он не мог сказать, сколько длилась его атака, минуты или часы: когда мечи бодрствуют, время спит. Он оттеснил женщину от трупа своего кузена, заставил пересечь дорогу и загнал в лес. Однажды она споткнулась о корень, и он уже решил, что ей конец, но женщина лишь припала на одно колено и не пропустила удар. Ее меч резко поднялся, отразив рубящий удар, который мог бы развалить ее от плеча до паха, а после, сделав ряд ответных выпадов, сумела подняться на ноги.

Танец продолжался. Он прижал ее к дубу, выругался, когда она ускользнула, перешел вслед за ней мелкий ручей, заваленный палыми листьями. Сталь пела, визжала, сыпала искрами и скрежетала, а женщина начала издавать утробные звуки при каждом ударе, но задеть ее ему так и не удавалось. Можно было подумать, что ее ограждает железная клетка.

— Совсем неплохо, — сказал Джейме, переводя дыхание и обходя ее справа.

— Для женщины?

— Ну, скажем, для зеленого оруженосца. — Он засмеялся хриплым, отрывистым смехом. — Давай, милая, — слышишь, музыка играет? Могу я пригласить вас на танец, миледи?

Она хрюкнула и перешла в наступление и теперь уже Джейме приходилось прикладывать все силы, чтобы уберечь свою шкуру от клинка. Она рассекла ему лоб, и кровь стала заливать правый глаз. «Иные бы ее взяли заодно с Риверрaном!» Его мастерство заржавело и загнило в их проклятой темнице, а тут еще эта цепь. Глаз у него закрылся, плечи от такой встряски задубели, запястья ноют от тяжести кандалов и меча. Клинок с каждым ударом казался ему все более тяжелым, и он понимал, что орудует им уже не так быстро,

как раньше, и поднимает не так высоко.

«Она сильнее меня».

Эта мысль пронизала его холодом. Роберт тоже был сильнее, и Герольд Хайтауэр, Белый Бык, в дни своего расцвета, и сир Эртур Дейн. Среди ныне живущих его превосходит Большой Джон Амбер, оба Клигана и, пожалуй, Вепрь из Крейк-холла. У Горы мощь просто нечеловеческая, но это ничего. Благодаря быстроте и мастерству

Джейме мог победить их всех. Но ведь перед ним *женщина*. Здоровенная, как корова, это верно, но все-таки… по всем правилам, это ей полагалось выбиться из сил.

Между тем она загнала его обратно в ручей, крича:

— Сдавайся! Бросай меч!

Под ногу Джейме подвернулся скользкий камень. Он почувствовал, что падает, и воспользовался своей неудачей для низкого выпада. Женщина не успела парировать, и острие ужалило ее в бедро. Там тут же расцвел красный цветок, и Джейме успел насладиться видом ее крови, прежде чем треснулся коленом о камень. Боль ослепила его, а Бриенна подбежала, расплескивая воду, и ногой выбила у него меч.

— *СДАВАЙСЯ!*

Джейме двинул ее плечом по ногам, и она повалилась на него. Они стали кататься по дну, лягаясь и колотя друг друга, но в конце концов она одолела и уселась на него верхом. Он успел выхватить кинжал у нее из ножен, но она перехватила его запястье и так заломила ему руки назад, что ему показалось, будто она плечо ему вывернула. Другой рукой она накрыла его лицо.

— Сдавайся! — Она погрузила его голову под

воду и выдернула обратно. — Сдавайся! — Джейме плюнул ей в лицо водой. Толчок, всплеск, и он опять очутился под водой, отчаянно дрыгая ногами, силясь ухватить глоток воздуха. Она снова его вытащила. — Сдавайся, не то утоплю!

— И нарушишь свою клятву? Как я?

Она отпустила его, и он плюхнулся в воду, а по лесу вдруг прокатился хохот.

Бриенна вскочила, перемазанная илом и кровью ниже пояса, в сбившейся одежде, вся красная. «Можно подумать, ее застали за любовной игрой, а не за дракой». Джейме выбрался на мелкую воду, закованными руками протирая глаз от крови. На обоих берегах ручья стояли вооруженные люди. «Неудивительно — мы так нашумели, что дракона могли бы разбудить».

— Здорово, ребята, — крикнул им Джейме. — Извините, если я вас побеспокоил — хотел жену малость наказать.

— Мне сдается, это она тебя наказывала, — сказал здоровенный, толстый детина. Носовая стрелка его железного полушлема не скрывала отсутствия носа.

Это не те разбойники, что убили Клеоса, смекнул Джейме. Тут собрался сброд со всего света: смуглые дорнийцы и белокурые лиснийцы, до-

тракийцы с колокольцами в косах, волосатые иббенийцы, черные как смоль жители Летних островов в плащах из перьев. Он понял, кто они. «Бравые Ребята».

Бриенна обрела голос.

— У меня есть сто оленей…

— Для начала сгодится, миледи, — сказал похожий на живой труп человек в оборванном кожаном плаще.

— А потом настанет твой черед, — добавил безносый. — Может, твоя дырка окажется не такой уродской, как все остальное.

— Ты ее в задницу, Рорж, — посоветовал дорниец с копьем и красным шелковым шарфом на шлеме. — Тогда не придется смотреть на ее рожу.

— Зато она *меня* не увидит — что ж ее удовольствия лишать? — ответил безносый, и вся шайка заржала.

Женщина, при всем своем безобразии и упрямстве, заслуживала все же лучшей участи, чем быть изнасилованной скопищем этих подонков.

— Кто здесь главный? — осведомился Джейме.

— Эта честь принадлежит мне, сир Джейме. — Живой мертвец смотрел на него обведенными красным ободом глазами. Его редкие волосы слов-

но высохли на корню, сквозь землистую кожу на лице и руках просвечивали синие вены. — Я прозываюсь Верным Урсвиком.

— Стало быть, ты меня знаешь?

Наемник утвердительно наклонил голову.

— Чтобы обмануть Бравых Ребят, мало обрить голову и отпустить бороду.

«Кровавых Скоморохов, ты хочешь сказать». Джейме любил их не больше, чем Грегора Клигана или сира Амори Лорха. *«Псы»*, — отзывался обо всех них отец и пользовался ими, как псами, — чтобы загонять добычу и наводить на нее страх.

— Если ты знаешь меня, Урсвик, то должен также знать, что не останешься без награды. Ланнистеры всегда платят свои долги. Что до женщины, это благородная дама, и за нее можно взять хороший выкуп.

— Да ну? Какая удача, — молвил Урсвик, и его хитрая улыбка чем-то не понравилась Джейме.

— Да, вам повезло. Где ваш козел?

— В нескольких часах отсюда. Он, несомненно, будет рад вас видеть, только я не стал бы называть его «козлом» в лицо. Лорд Варго очень щепетильно относится к своему достоинству.

«С каких это пор у этого шепелявого дикаря появилось достоинство?»

— Ладно, постараюсь запомнить. Так он теперь лорд? Лорд чего?

— Харренхолла. Так ему обещано.

«Харренхолла? В своем ли отец уме?» Джейме поднял руки.

— Снимите-ка с меня это железо.

Урсвик ответил ему сухой ухмылкой.

Что-то тут не так. Джейме, не выдавая своего беспокойства, улыбнулся.

— Я сказал что-то смешное?

— Ты самое смешное, что я видел с тех пор, как Кусака отгрыз титьки той септе, — заверил его безносый.

— Ты и твой отец проиграли слишком много сражений, — вставил дорниец, — и нам пришлось сменять львиные шкуры на волчьи.

— Тимеон хочет сказать, что Бравые Ребята больше не служат дому Ланнистеров, — пояснил Урсвик. — Мы перешли к лорду Болтону и Королю Севера.

На этот раз улыбка Джейме выразила холод и презрение.

— И после этого кто-то еще говорит, что *у меня* дерьмо вместо чести!

Это замечание Урсвику не понравилось. По его знаку двое Скоморохов ухватили Джейме за

руки, и Рорж двинул кольчужным кулаком ему в живот. Джейме скрючился, и тут подала голос женщина:

— Не трогайте его! Нас послала леди Кейтилин для обмена пленными, он под моей защитой… — Рорж ударил снова, да так, что вышиб весь воздух у Джейме из легких. Бриенна нагнулась, чтобы выудить свой меч из ручья, но Скоморохи тут же на нее накинулись. Понадобились четверо, чтобы скрутить ее.

В итоге лицо у нее сделалось таким же синим и разбитым, как, предположительно, у Джейме, и ей выбили два зуба. Красоты ей это не прибавило. Обоих пленников, спотыкающихся и окровавленных, поволокли через лес обратно к лошадям. Бриенна хромала от раны в бедре, которую нанес ей Джейме, и ему стало ее жаль. Ночью она лишится своей невинности, в этом можно не сомневаться. Этот безносый ублюдок уж точно ее поимеет, да и другие, похоже, не прочь.

Дорниец связал их спиной к спине, посадив на плуговую лошадь Бриенны. Другие Скоморохи тем временем раздели сира Клеоса Фрея догола и разыграли между собой его имущество. Роржу достался окровавленный камзол с гордыми эмблемами Ланнистеров и Фреев. Стрелы пробили

в равной степени и львов, и башни.

— Надеюсь, теперь ты довольна, женщина. — Шепнув это Бриенне, Джейме закашлялся и сплюнул кровью. — Будь у меня оружие, нас нипочем бы не взяли. — Она ему не ответила. «Экая упрямая сука, — подумал он, — но и храбрая тоже». Этого у нее не отнять. — Когда мы остановимся на ночлег, они тебя изнасилуют, и не один раз, — предупредил он. — Лучше не сопротивляйся. Если будешь драться, парой зубов не отделаешься.

Он почувствовал спиной, как она напряглась.

— Что, и ты бы не сопротивлялся, будь ты женщиной?

«Будь я женщиной, я был бы Серсеей».

— Будь я женщиной, я вынудил бы их убить меня, но я не женщина. — Джейме послал их лошадь рысью. — Эй, Урсвик, на два слова!

Наемник в драном плаще придержал коня, чтобы поравняться с ними.

— Чего вам, сир? И следите за своим языком, не то я опять проучу вас.

— Золото. Ты ведь любишь золото, да?

Урсвик впился в него своими красными глазами.

— Оно могло бы мне пригодиться, спорить не

стану.

Джейме понимающе улыбнулся ему.

— Все золото Утеса Кастерли. Зачем отдавать его козлу? Что мешает тебе отвезти нас в Королевскую Гавань и получить выкуп самому? И за меня, и за нее? Она мне обмолвилась как-то, что Тарт иначе называют Сапфировым островом. — Женщина при этих словах дернулась, но промолчала.

— Вы принимаете меня за предателя?

— Ясное дело, за кого же еще?

Урсвик задумался над его предложением, но ненадолго.

— До Королевской Гавани путь долгий, да и отец ваш сейчас там. Лорду Тайвину может не понравиться, что мы продали Харренхолл лорду Болтону.

«А он умнее, чем кажется». Джейме уже предвкушал, как повесит этого мерзавца, набив ему карманы золотом.

— Договариваться с отцом предоставь мне. Я добуду тебе королевское помилование за все твои преступления и сделаю тебя рыцарем.

— Сир Урсвик, — смакуя, произнес наемник. — Как гордилась бы этим моя женушка, если б я ее не прикончил! — Он вздохнул. — А как же наш

славный лорд Варго?

— Может, спеть тебе «Рейны из Кастамере»? У козла поубавится храбрости, когда отец до него доберется.

— Доберется? Это как же? Неужто у вашего батюшки руки такие длинные, что могут достать за стены Харренхолла и вытащить нас оттуда?

— Если понадобится. — Чудовищное строение короля Харрена уже пало один раз и может пасть снова. — Или ты такой дурак, что веришь, будто козел может победить льва?

Урсвик, нагнувшись вперед, лениво смазал его по лицу. Неприкрытая наглость этого жеста оказалась больнее самого удара. «Он меня не боится», — с холодком в груди понял Джейме.

— Все, Цареубийца, хватит. Я и правда был бы полным дураком, если б поверил обещаниям такого клятвопреступника, как ты. — И Урсвик ускакал прочь.

«Эйерис, — возмущенно подумал Джейме. — Вечно все упирается в Эйериса». Покачиваясь в такт шагу лошади, он мечтал о мече. «Два меча было бы еще лучше — один для женщины, другой для меня. Мы погибли бы, но прихватили бы с собой в ад половину этой сволочи».

— Зачем ты сказал ему, что Тарт называют

Сапфировым островом? — прошептала Бриенна, когда Урсвик отъехал подальше. — Он еще подумает, что у моего отца полным-полно драгоценных камней…

— Молись о том, чтобы он так подумал.

— Ты слова не можешь сказать без лжи, Цареубийца. Тарт зовется Сапфировым островом из-за голубизны его вод.

— Скажи это громче, женщина, а то Урсвик не слышит. Чем скорее они узнают, как мало ты стоишь, тем скорее примутся за тебя. Они залезут на тебя все поочередно, но что за беда? Просто закрой глаза, раздвинь ноги и думай, что каждый из них — лорд Ренли.

Это, к счастью, на время заткнуло ей рот.

День был почти на исходе, когда они приехали к Варго Хоуту, который с десятком других Бравых Ребят грабил маленькую септу. Окна в свинцовом переплете выбили, деревянные статуи богов вытащили наружу. Самый толстый дотракиец, когда-либо виденный Джейме, сидел на груди у Матери и выковыривал ножом халцедоны из ее глаз. Тощий лысый септон болтался вниз головой на ветке развесистого каштана, и трое Скоморохов пользовались им как мишенью для стрельбы из лука. Кто-то из них, очевидно, был метким

стрелком: в каждом глазу мертвеца торчало по стреле.

Увидев Урсвика и пленников, наемники подняли крик на полудюжине языков. Сам козел сидел у костра и ел с вертела полусырую птицу. Жир и кровь текли у него по пальцам на длинную жидкую бороденку. Вытерев руки о камзол, он встал и прошепелявил:

— Шареубийша, ты мой пленник.

— Милорд, я Бриенна Тарт, — сказала женщина. — Леди Кейтилин Старк послала меня, чтобы доставить сира Джейме к его брату в Королевскую Гавань. — Козел окинул ее безразличным взглядом.

— Жаштавьте ее жамолчать.

— Выслушайте меня, — взмолилась Бриенна, пока Рорж резал веревку, связывавшую ее с Джейме, — выслушайте именем Короля Севера, которому вы служите. — Рорж стащил ее с лошади и стал пинать ногами.

— Только кости смотри не поломай, — крикнул ему Урсвик. — За эту суку с лошадиной мордой дадут столько сапфиров, сколько она весит.

Дорниец Тимеон и дурно пахнущий иббениец сняли с седла Джейме и грубо пихнули его к костру. Он мог бы, пожалуй, выхватить меч из

чьих-нибудь ножен, но Скоморохов было слишком много, а его руки по-прежнему сковывала цепь. Он успел бы срубить одного или двух, но потом его самого бы убили, а Джейме еще не был готов умереть — во всяком случае, за Бриенну Тарт.

— Шлавный нынче выдалща день, — сказал Варго Хоут. На шее у него висело ожерелье из монет самой разной формы и величины, литых и кованых, с изображениями королей, волшебников, богов, демонов и всевозможных сказочных зверей.

«Монеты всех стран, где он воевал», — вспомнил Джейме. Алчность — вот ключ к этому человеку. «Кто предал однажды, предаст опять».

— Лорд Варго, вы поступили глупо, покинув службу у моего отца, но еще не поздно поправить дело. Вы ведь знаете, он щедро заплатит за меня.

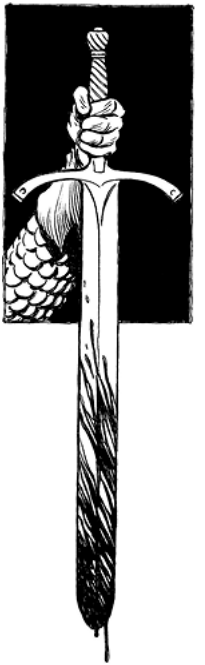
— О да. Половину вшего жолота Утеша Кафтерли. Но шначала я пошлю ему пишмо. — И он добавил что-то на своем козлином языке.

Урсвик толкнул Джейме в спину, а шут в зеленом и розовом клетчатом наряде подсек ему ноги. Когда он грохнулся наземь, один из лучников схватил его за цепь между запястьями и вытянул его руки вперед. Толстый дотракиец отложил нож

и достал из ножен огромный кривой, серповидный аракх, излюбленное оружие табунщиков.

«Они хотят меня напугать». Дурак скакал, хихикая, у Джейме на спине, а дотракиец неспешно приближался. «Козел хочет, чтобы я намочил штаны и молил его о пощаде, но этого удовольствия я ему не доставлю». Он Ланнистер из Утеса Кастерли, лорд-командующий Королевской Гвардией, и ни один наемник не заставит его закричать.

Аракх, сверкнув серебром на солнце, опустился так быстро, что глаз не мог уследить, и Джейме закричал.



Арья

Небольшая прямоугольная крепость превращалась в старую развалюху, как и проживающий в ней большой седой рыцарь. Он был так стар, что не понимал, о чем его спрашивают. Что бы ему ни говорили, он только улыбался и бормотал:

— Я стойко держал мост против сира Мейнарда. Волосы у него были рыжие, а нрав черный, но поколебать меня он не смог. Шесть ран я получил, прежде чем убил его. Шесть!

Мейстер, который заботился о нем, был, к счастью, молод. Когда старый рыцарь уснул в своем кресле, он отвел их в сторону и сказал:

— Боюсь, что вы гоняетесь за призраком. К нам давно уже, с полгода назад, прилетала птица. Ланнистеры поймали лорда Берика у Божьего

Ока и повесили.

— Верно, повесили, да Крос вовремя перерубил веревку. — Сломанный нос Лима, уже не столь красный и распухший, стал каким-то кривым, и все лицо из-за него казалось скособоченным. — Его милость так просто не убьешь.

— И не найдешь, как видно, — заметил мейстер. — Вы уже спрашивали Лиственную Леди?

— Спросим непременно, — сказал Зеленая Борода.

На следующее утро, проезжая через каменный мостик около замка, Джендри полюбопытствовал, не этот ли мост оборонял старый рыцарь, но никто этого не знал.

— Скорее всего этот, — сказал Джек-Счастливчик. — Других мостов тут вроде не видать.

— Мы бы знали наверняка, если б об этом сложили песню, — сказал Том Семиструнный. — Будь такая песня, мы бы знали, кто такой был сир Мейнард и зачем ему так приспичило перейти через этот мост. Бедный старина Лайчестер прославился бы не хуже Рыцаря-Дракона, если б у него хватило ума нанять себе певца.

— Сыновья лорда Лайчестера погибли во время Робертова мятежа, — проворчал Лим, — кто на нашей стороне, кто на другой. С той поры он умом

и повредился, и никакая дурацкая песня этого не исправит.

— Что это за Лиственная Леди, о которой говорил мейстер? — спросила Арья у Энгай.

— Погоди, сама увидишь, — улыбнулся он.

Три дня спустя, когда они ехали через желтый лес, Джек-Счастливчик взял свой рог и протрубил сигнал — не такой, как прежде. Не успели звуки рога утихнуть, с верхушек деревьев упали веревочные лестницы.

— Стреноживаем лошадей и лезем наверх, — пропел Том. И они поднялись в древесную деревню, где крытые мхом шалаши, спрятанные в золотой и красной листве, соединялись веревочными переходами. Их проводили к Лиственной Леди, хрупкой, как веточка, белоголовой старушке в домотканом платье.

— Настала осень, и долго мы здесь не проживем, — сказала она. — По Хейфордской дороге девять дней назад проехала дюжина волков — они охотились. Если б они посмотрели наверх, то могли бы нас увидеть.

— А лорда Берика вы не видели? — спросил Том.

— Он умер, — горестно ответила женщина. — Гора поймал его и вонзил ему в глаз кинжал.

Нам рассказал об этом нищенствующий брат, а ему сказал человек, который видел это своими глазами.

— Это старая история и притом лживая, — сказал Лим. — Лорда-молнию убить не так просто. Может, сир Грегор и в самом деле выколол ему глаз, но от этого еще не умирают — спросите Джека.

— Я, во всяком разе, не умер, — подтвердил одноглазый Джек-Счастливчик. — Вот родне моей не так посчастливилось. Отца повесил бейлиф лорда Пайпера, брата Уота послали на Стену, других братьев поубивали Ланнистеры. Глаз — это пустяки.

— Ты можешь поклясться, что он не умер? — Лиственная Леди стиснула руку Лима. — Да благословят тебя боги, Лим, — это лучшая новость, которую мы слышали за полгода. Да хранит его Воин, и красного жреца тоже.

На следующую ночь они нашли приют в сожженной септе сожженной деревни под названием Веселушка. В витражных окнах не осталось стекол, и пожилой септон, встретивший их, сказал, что грабители сняли с Матери ее дорогие одежды, забрали золотой фонарь Старицы и серебряную корону Отца.

— И отрубили Деве груди, хотя они-то были из простого дерева. Ну и глаза, конечно, выковырнули, янтарь, ляпис-лазурь и перламутр. Да смилуется над ними Матерь.

— Кто это был, Скоморохи? — спросил Лим.

— Нет, северяне. Дикари, которые поклоняются деревьям. Они сказали, что ищут Цареубийцу.

Арья прикусила губу. Она чувствовала, что Джендри смотрит на нее, и это вызывало в ней гнев и стыд.

В подвале септы, среди паутины, древесных корней и разбитых винных бочонков, жили с дюжину человек, но и они давно уже не слышали о лорде Берике — даже их вожак в зачерненных сажей доспехах и с грубо намалеванной молнией на плаще. Зеленая Борода, поймав на себе взгляд Арьи, засмеялся и сказал:

— Лорд-молния везде и в то же время нигде, так-то, белочка.

— Никакая я не белочка. Я почти взрослая, мне скоро будет одиннадцать.

— Тогда смотри, как бы я на тебе не женился! — Он хотел пощекотать ей подбородок, но Арья хлопнула его по руке.

Ночью Лим и Джендри сели играть с местными жителями в плашки, а Том завел дурацкую пес-

ню о Пузатом Бене и гусыне верховного септона. Энгай дал Арье свой лук, но она, как ни старалась, не смогла его натянуть.

— Тебе нужен лук полегче, миледи, — сказал конопатый лучник. — Если в Ривердане найдется мореное дерево, я смогу такой сделать.

Том, услышав его, прервал пение.

— Дурак ты, Лучник. Если мы и завернем в Ривердан, то ненадолго, чтобы выкуп за нее получить, и тебе некогда будет делать луки. Скажи спасибо, если цел оттуда уйдешь. Лорд Хостер вешал разбойников еще до того, как ты бриться начал. А уж сынок его… я всегда говорил, что человеку, который не любит музыку, доверять нельзя.

— Он ненавидит не музыку, а тебя, дурака, — сказал Лим.

— Без всякой причины. Если он так напился, что ничего не сумел сделать со своей первой женщиной, я-то тут при чем?

— А песню кто про это сочинил — ты или другая задница, влюбленная в собственный голос?

— Я всего-то один раз ее спел, — защищался Том, — и кто сказал, что эта песня про него? Она про рыбу.

— Про вялую рыбу, — засмеялся Энгай.

Арье было все равно, о чем говорится в дурацких песнях Тома, и она спросила у Харвина:

— О каком это выкупе он говорит?

— Мы нуждаемся в лошадях, миледи, и в оружии тоже. Все это стоит денег. Нам нужны доспехи, мечи, щиты, копья, а еще семена. Зима близко — помните? — Он тронул Арью за подбородок. — Вы не первая знатная пленница, за которую мы берем выкуп, и, надеюсь, не последняя.

Это Арья понимала. Рыцарей постоянно берут в плен, а потом выкупают, и женщин иногда тоже. «Но если Робб не захочет за меня платить?» Она не какой-нибудь прославленный рыцарь, а для короля интересы государства должны быть дороже сестер. И что скажет ее леди-мать? Хочет ли она, чтобы Арья вернулась, после всего, что ее дочка натворила? Арья прикусила губу и задумалась.

На другой день они приехали в место под названием Высокое Сердце. Это был холм, такой высокий, что Арье показалось, что с его вершины видно полмира. Там, наверху, она увидела кольцо огромных белых пней — все, что осталось от могучих некогда чардрев. Арья с Джендри, обойдя вокруг, насчитали тридцать один пень, и некоторые были так велики, что она могла бы спать на них.

Том сказал ей, что раньше Высокое Сердце было святыней Детей Леса и что остатки их волшебства еще сохранились здесь.

— С теми, кто здесь ночует, ничего дурного случиться не может, — сказал он, и Арья подумала, что это, пожалуй, правда: холм очень высок, место вокруг открытое, и ни один враг не подберется сюда незамеченным.

Том сказал еще, что окрестные жители сторонятся этого места: говорят, будто здесь являются призраки Детей Леса, погибших здесь, когда андалский король Эррег Братоубийца вырубил их рощу. Арья много чего знала и о Детях Леса, и об андалах, но призраки ее не пугали. В раннем детстве она играла в «приди ко мне в замок» и в дев и чудовищ в крипте Винтерфелла, среди сидящих на своих тронах каменных королей.

И все-таки в ту ночь она почувствовала, как стали дыбом волосы на затылке. Она спала, но ее разбудила буря. Ветер сорвал с нее одеяло и унес в кусты. Когда Арья пошла за ним, она услышала голоса.

У прогоревшего до углей костра сидели Том, Лим и Зеленая Борода, а с ними крошечная женщина на фут ниже Арьи и старше старой Нэн. Согнутая и сморщенная, она опиралась на кри-

вую черную клюку. Ее длинные белые волосы ниспадали почти до земли, а когда дул ветер, стояли вокруг головы, как облако. Кожа у нее была еще белее, цвета молока, и Арье показалось, что глаза у нее красные, хотя сквозь кусты разглядеть было трудно.

— Старые боги неспокойны и не дают мне спать, — говорила женщина. — Во сне я видела, как тень с пылающим сердцем зарезала золотого оленя. Еще видела человека без лица — он стоял на мосту, который качался под ним. На плече у него сидела ворона-утопленница с водорослями на крыльях. Я видела ревущую реку и женщину-рыбу. Она плыла мертвая, с красными слезами на щеках, но когда она открыла глаза, я проснулась от ужаса. Я видела все это и много другого. Вы принесли мне дары, чтобы заплатить за мои сны?

— Какой в них прок, в снах? — проворчал Лим. — Женщины-рыбы и вороны-утопленницы. Мне самому прошлой ночью приснилось, будто я целую одну трактирную девку, которую знал когда-то. Не хочешь ли заплатить мне за это, старуха?

— Твоя девка давно умерла, и теперь ее целуют одни только черви. А ты, — сказала старушка Тому, — либо спой мне песню, либо убирайся отсюда.

И он запел так тихо и печально, что Арья улавливала только обрывки слов, хотя они показались ей знакомыми. «Санса бы точно узнала эту песню».

Она их все знала, и немного играла сама, и очень красиво пела. «А у меня получалось только выкрикивать слова».

Наутро старушки нигде не было видно. Когда стали седлать лошадей, Арья спросила Тома, живут ли по-прежнему Дети Леса на Высоком Сердце.

— Ты ее видела, да? — усмехнулся певец.

— Кто она — привидение?

— Разве привидения жалуются на боль в суставах? Нет, это просто маленькая женщина. Странная, конечно, и глаз у нее дурной. Но она

знает вещи, до которых ей дела нет, и может рассказать тебе о них, если ты ей понравишься.

— Выходит, ты ей нравишься? — с сомнением спросила Арья.

— Не я, так мои песни, — засмеялся он. — Только она всегда заставляет меня петь одну и ту же. Песня, конечно, неплохая, но я знаю и другие не хуже нее. Ну ничего — главное, что мы теперь напали на след. Скоро ты увидишь Тороса и лорда-молнию, ручаюсь.

— Если вы — их люди, почему они тогда от вас прячутся?

Том закатил глаза, и за него ответил Харвин:

— Я не сказал бы, что они прячутся, миледи, но лорд Берик в самом деле не сидит на месте и редко с кем делится своими планами. Зато его никто не сможет выдать в случае чего. Теперь нас, должно быть, сотни, а то и тысячи — не можем же мы все таскаться за ним по пятам. Мы объели бы всю округу дочиста, и какое-нибудь войско больше нашего могло бы нас перебить. А маленькие отряды, такие, как наш, могут наносить удары в дюжине мест одновременно и уходить, пока враг опомниться не успел. Если же кого-нибудь из нас поймают и станут допрашивать, он не сможет их навести на лорда-молнию, что бы с ним ни

делали. Вы знаете, что такое допрос, миледи?

Арья кивнула.

— Они называли это щекоткой — Полливер, Рафф и другие. — И она рассказала им о деревне у Божьего Ока, где их с Джендри взяли в плен, и о вопросах, которые задавал Щекотун. «Есть ли в деревне спрятанное золото? — всегда спрашивал он. — Серебро, драгоценности? Не припасено ли где-нибудь съестное? Где лорд Берик Дондаррион? Кто из местных ему помогал? В какую сторону он уехал? Сколько с ним было человек — рыцарей, лучников, пехотинцев? Как они вооружены? Сколько у них лошадей? Сколько раненых? Так куда, говоришь, они ушли?» Стоило ей вспомнить об этом, и она вновь услышала крики, почувствовала запах крови, нечистот и паленого мяса. — Вопросы он задавал одни и те же, но щекотка каждый день была другая.

— Дети не должны такое видеть, — сказал Харвин, выслушав ее. — Мы слышали, что Гора потерял половину своих людей у Каменной Мельницы. Может, этот Щекотун плывет теперь по Красному Зубцу, и рыбы его обгладывают. А если нет, то им придется отвечать и за его преступления. Лорд Берик сказал как-то, что война началась, когда десница послал нас покарать

Грегора Клигана именем короля, и что этим он ее и закончит. — Он ласково потрепал Арью по плечу. — Садитесь в седло, миледи. Нам предстоит долгий дневной переход до Желудей, зато там у нас будет крыша над головой и горячий ужин.

Они и правда ехали целый день, но в сумерки, переправившись через ручей, они увидели каменные крепостные стены и большой дубовый сруб замка Желуди. Его хозяин сражался где-то вместе со *своим* хозяином, лордом Вэнсом, и ворота замка были наглухо заперты. Но леди-хозяйка была старым другом Тома Семиструнного — Энгай сказал даже, что они когда-то были любовниками. Энгай часто ехал рядом с Арьей — он был ближе к ней по возрасту, чем все они, не считая Джендри — и рассказывал ей всякие забавные истории о Дорнийских марках. Но она не поддавалась на эту удочку, говоря себе: «Он мне не друг, он просто следит за мной, чтобы я опять не убежала». Ну что ж, она тоже будет следить. Сирио Форель научил ее этому.

Леди Смолвуд приняла разбойников довольно радушно, хотя и не преминула обругать их за то, что они таскают с собой в военное время маленькую девочку. Еще больше она рассердилась, когда Лим проговорился, что Арья знатного рода.

— Кто налепил на бедного ребенка эти болтонские лохмотья? — осведомилась она. — Эта эмблема… да девочку могут повесить в мгновение ока, увидев ободранного человека у нее на груди. — Тут Арью быстро погнали наверх, посадили в ванну и начали поливать кипятком. Служанки леди Смолвуд скребли ее так, будто с нее самой кожу хотели содрать, и даже добавили в воду что-то такое, пахнущее цветами.

После этого ее еще и одели как девочку. На нее напялили шерстяные чулки, полотняную сорочку, а поверх всего — зеленое платье с коричневыми желудями, вышитыми на лифе и подоле.

— Моя двоюродная бабушка — септа в староместском Доме Матери, — сказала леди Смолвуд, пока женщины зашнуровывали платье у Арьи на спине. — Когда началась война, я отправила свою дочь к ней. Она, конечно, уже вырастет из своих старых платьев, когда вернется. Ты любишь танцевать, дитя? Моя Кариллен прелестно танцует и красиво поет. А ты чем любишь заниматься?

Арья поворошила ногой тростник на полу.

— Работать Иглой.

— Это очень успокаивает, правда?

— Только не меня.

— Правда? А вот меня успокаивает. Боги каждой из нас дают свой маленький талант, и мы не должны дать ему зачахнуть, как говорит моя бабушка. Любое деяние может стать молитвой, если мы вкладываем в него все свое старание. Правда, чудесно сказано? Вспомни это, когда снова примешься за иглу. Ты этим каждый день занимаешься?

— Занималась, пока не потеряла свою Иглу, а новая уже не так хороша.

— В такие времена мы все должны обходиться тем, что имеем. — Леди Смолвуд захлопотала, оправляя на Арье платье. — Ну вот, теперь ты настоящая молодая леди.

«Я не леди, — хотелось сказать Арье. — *Я волк».*

— Я не знаю, кто ты, дитя, — продолжала хозяйка, — и это, пожалуй, к лучшему. Боюсь, ты какая-то важная персона. — Она поправила Арье воротник. — В такие времена лучше быть мелкой сошкой. Жаль, что я не могу оставить тебя здесь — это небезопасно. Стены у меня есть, но людей, чтобы оборонять их, не хватает, — вздохнула она.

К тому времени, как Арью вымыли, одели и причесали, в чертоге замка накрыли ужин. Джендри, глянув на нее, начал так ржать, что

вино потекло у него из носа, пока Харвин не съездил ему по уху. Пища была простая, но сытная: баранина с грибами, черный хлеб, гороховый пудинг и печеные яблоки с желтым сыром. Когда слуги, убрав со стола, вышли, Зеленая Борода понизил голос и стал расспрашивать хозяйку о лорде-молнии.

— Вести? — улыбнулась она. — Не прошло и двух недель, как они побывали здесь. Сами и еще дюжина человек. Овец перегоняли. Я глазам своим не поверила. Торос в благодарность оставил мне трех барашков — одного вы только что съели.

— Торос перегоняет овец? — покатился со смеху Энгай.

— Да уж, зрелище было престранное, но Торос сказал, что он, как пастырь, умеет обращаться со стадом.

— И стричь его, — хмыкнул Лим.

— Об этом можно сложить замечательную песню, — заметил, дернув струну, Том.

Леди Смолвуд наградила его уничтожающим взглядом.

— Пусть ее сочиняет тот, кто не рифмует *«в паре он»* с *«Дондарриона»*. И не поет «Приляг на травку, мой дружок» каждой встречной молочнице, по-

сле чего две из них оказываются беременными.

— Песня называлась «Дай мне испить красы твоей», — возразил Том, — молочницы всегда охотно ее слушают. Некой высокородной леди, сколько мне помнится, она тоже нравилась.

Ее ноздри раздулись.

— В речных землях полно девиц, которым ты нравился, и все они теперь пьют чай из гвоздики. Уж казалось бы, мужчина твоего возраста должен знать, что семя можно изливать на живот. Скоро тебя станут звать Том Семь Сынов.

— Вообще-то, — заметил Том, — сыновей у меня давно уже перевалило за семь. Чудесные парни и поют как соловьи. — Заметно было, что Тома это нисколько не удручает.

— А не сказал его милость, куда направляется, миледи? — спросил Харвин.

— Лорд Берик ни с кем не делится своими планами, но я знаю, что близ Каменной Септы и в Трехгрошовом лесу теперь голод. На вашем месте я поискала бы его там. — Леди Смолвуд отпила глоток вина. — Надо вам знать, что у меня бывали и менее приятные гости. Стая волков долго выла у моих ворот, полагая, что я прячу здесь Джейме Ланнистера.

Том перестал бренчать.

— Так это правда, что Цареубийца снова на свободе?

Леди Смолвуд презрительно прищурилась.

— Вряд ли они охотились бы за ним, если бы он сидел в цепях под Ривеpраном.

— И что же миледи им сказала? — спросил Джек-Счастливчик.

— Что сир Джейме лежит голый у меня в постели и слишком обессилел, чтобы спуститься к ним. Один из них имел наглость обозвать меня лгуньей, и мы спровадили их, пустив пару стрел. Думаю, они отправились к Черной Луке.

Арья поерзала на сиденье.

— А что это были за северяне, которые спрашивали о Цареубийце?

Леди Смолвуд, видимо, удивило то, что она заговорила.

— Они не назвались, дитя, но одеты были в черное, с белыми солнцами на груди.

Белое солнце на черном — эмблема лорда Карстарка. «Это люди Робба». Может, они все еще где-то поблизости. Если бы она сумела ускользнуть от разбойников и найти их, они, возможно, отвезли бы ее к матери в Ривеpран…

— Не говорили они, как Ланнистеру удалось бежать? — спросил Лим.

— Говорили, да только я не поверила ни одному их слову. Они утверждают, что его освободила леди Кейтилин.

Тома это так поразило, что он снова дернул струну.

— Полно вам. Это же безумие.

«Неправда это, — подумала Арья. — Не может это быть правдой».

— Я того же мнения, — сказала леди Смолвуд.

Тут Харвин вспомнил об Арье.

— Такие речи не для ваших ушей, миледи.

— Я хочу послушать, — воспротивилась Арья, но разбойники были непреклонны.

— Ступай, белочка, ступай, — сказал Зеленая Борода. — Веди себя, как подобает маленькой леди, и поиграй во дворе, пока мы разговариваем.

Арья сердито вышла и непременно хлопнула бы дверью, не будь она такой тяжелой. Ночь уже опустилась на замок, на стенах которого горело всего несколько факелов. Ворота были на запоре. Она, конечно, обещала Харвину, что не будет снова пытаться бежать, но это было до того, как они начали говорить неправду о ее матери.

— Арья! — позвал вышедший следом за ней Джендри. — Леди Смолвуд сказала, у них тут есть кузница. Не хочешь посмотреть?

— Если ты сам хочешь, то пошли. — Все равно делать больше нечего.

— Этот их Торос, — сказал Джендри, когда они шли мимо псарни, — не тот ли самый, который жил в Королевской Гавани? Красный жрец, толстый, с бритой головой?

— Думаю, что тот. — Арья, насколько помнила, ни разу не разговаривала с Торосом в Королевской Гавани, но знала его в лицо. Они с Джалабхаром Ксо были самыми заметными фигурами при дворе Роберта, а Торос к тому же состоял в дружбе с королем.

— Он меня, конечно, не помнит, но он бывал у нас в кузнице. — Кузницей Смолвудов некоторое время никто не пользовался, но кузнец аккуратно развесил свой инструмент на стене. Джендри зажег свечу, поставил ее на наковальню и взял пару щипцов. — Мой мастер всегда ругался с ним из-за его горящих мечей и говорил, что не годится так обращаться с хорошей сталью.

Но Торос хорошей сталью никогда и не пользовался. Просто окунал какой-нибудь дешевый меч в дикий огонь и поджигал, мастер говорил, что это алхимический фокус, но лошади пугались такого меча, и неопытные рыцари тоже.

Арья наморщилась, стараясь вспомнить, гово-

рил ли что-нибудь отец о Торосе.

— Он ведь не очень благочестив, верно?

— Верно. Мастер Мотт говорил, что Торос может перепить даже короля Роберта. Они оба одного поля ягоды, говорил он — обжоры и пьяницы.

— Не годится обзывать короля пьяницей. — Король Роберт и правда много пил, но он был другом ее отца.

— Я про Тороса говорю. — Джендри протянул щипцы, как бы желая ущипнуть ее за нос, но она отбила их в сторону. — Он любил пиры и турниры, за это король Роберт его и отличал. Кроме того, он смелый. Когда проломили стену Пайка, он первый ворвался в брешь и стал рубить своим горящим мечом, поджигая островитян при каждом ударе.

— Вот бы и мне горящий меч. — Арья с удовольствием подожгла бы целую кучу народу.

— Говорю же тебе, это просто фокус. Дикий огонь губит сталь. Мастер продавал Торосу новый меч после каждого турнира, и каждый раз они торговались как одержимые. — Джендри повесил щипцы обратно и снял со стены тяжелый молот. — Мастер Мотт говорил, что мне пришло время выковать свой первый длинный меч. Он дал мне кусок хорошей стали, и я уже прикиды-

вал, как примусь за дело, но тут пришел Йорен и забрал меня в Ночной Дозор.

— Ты все еще можешь ковать свои мечи, если хочешь. Ты сможешь работать на моего брата Робба, когда мы приедем в Ривердан.

— Ривердан, — протянул Джендри, положив молот. — А ты теперь совсем другая. Настоящая девочка.

— С этими дурацкими желудями я похожа на дуб.

— Ничего. Ты красивый дубок. — Он подошел поближе — и понюхал ее. — Даже пахнет от тебя хорошо в кои-то веки.

— Зато от тебя воняет. — Арья пихнула его на наковальню и бросилась бежать, но Джендри поймал ее за руку. Она подставила ему ногу и повалила. Он увлек ее за собой, и они принялись кататься по полу. Сила была на его стороне, но Арья брала проворством. Всякий раз, как он сжимал ее руками, она вывертывалась и давала ему тумака. Джендри только смеялся ее ударам, и ее это злило. Наконец он захватил обе ее руки своей, а другой стал ее щекотать. Арья двинула его коленом между ног и вырвалась. Они оба перепачкались, и от ее желудевого платья оторвался рукав.

— Спорю, теперь я уже не такая красивая, — крикнула она.

Когда они вернулись в зал, Том пел:

Ты будешь спать, моя любовь,
В постели пуховой,
Ходить в шелках и кружевах,
В короне золотой.
Клянусь тебя всю жизнь мою
Лелеять и беречь,
И защитит от всех врагов
Тебя мой верный меч.

Харвин, взглянув на них, расхохотался, а Энгай расплылся во всю свою веснушчатую ряшку и спросил:

— А она точно благородная леди?

Но Лим дал Джендри подзатыльник и сказал:

— Если хочешь подраться, дерись со мной! Она девочка и наполовину младше тебя. Держи свои грабли подальше от нее, понял?

— Я первая начала, — сказала Арья. — Джендри просто разговаривал.

— Оставь мальчишку, Лим, — вмешался Харвин. — Я не сомневаюсь, что первой начала Арья. В Винтерфелле было то же самое.

Том подмигнул ей и запел дальше:

Лесная дева говорит
С улыбкою ему:
Твоя постель не для меня,
И шелк мне ни к чему.
Наряд из листьев я ношу,
В косе – цветок живой,
Но если хочешь, будь моим
Здесь, под густой листвой.

— Наряда из листьев у меня нет, — с доброй улыбкой сказала леди Смолвуд, — но у Кариллен остались еще платья. Пойдем наверх, дитя, и подыщем тебе что-нибудь.

Все обернулось еще хуже, чем прежде. Леди Смолвуд настояла на том, чтобы Арья выкупалась еще раз, а потом ей подстригли и расчесали волосы. Платье, которое надели на нее теперь, было сиреневое, вышитое маленькими жемчужинками. Одним оно было хорошо: всякому ясно, что в таком нарядном платье верхом ездить нельзя. Поэтому наутро после завтрака леди Смолвуд принесла Арье бриджи, пояс, рубашку и замшевую курточку с железными заклепками.

— Это вещи моего сына, — сказала она. — Он

умер семи лет.

Арье внезапно сделалось стыдно.

— Мне очень жаль, миледи. И простите за порванное платье с желудями. Оно было красивое.

— Да, дитя, как и ты. Будь храброй.

Дейенерис

В середине площади Гордости стоял красный кирпичный фонтан, а посреди фонтана — чудовищная гарпия из кованой бронзы, двадцатифутовой вышины. Голова у нее была женская, с позолоченными волосами, глазами из слоновой кости и костяными же заостренными зубами. Желтая, пахнущая серой вода скатывалась вниз из ее тяжелых грудей. Но руки ей заменяли крылья, как у летучей мыши или дракона, ноги были орлиные, а позади торчал изогнутый ядовитый хвост скорпиона.

«Гарпия Гиса». Древний Гис, если Дени помнила верно, пал пять тысяч лет назад: его легионы дрогнули под напором молодой Валирии, кирпичные стены рухнули, его города испепелил

драконов огонь, и его поля засеяли солью, серой и черепами. Его боги умерли, а с ними и его народ. Нынешние астапорцы — просто дворняги, как говорит о них сир Джорах. Даже гискарский язык почти забыт: рабовладельческие города говорят на валирийском, который переняли у завоевателей — вернее, на том, во что он превратился теперь.

Но символ древней империи выстоял — только теперь гарпия держала в своих когтях тяжелую цепь с раскрытыми браслетами на каждом конце. «У гискарской гарпии в когтях была молния. Это чудище — гарпия Астапора».

— Скажи вестеросской шлюхе, чтобы не пялилась на нее, — велел работорговец Кразнис мо Наклоз девочке-рабыне, переводившей для него. — Я торгую мясом, а не металлом. Эта бронза не продается. Пусть посмотрит на солдат. Даже тусклые лиловые гляделки западной дикарки способны увидеть, как они великолепны.

Валирийский, на котором говорил Кразнис, отличался характерными рычащими нотами Гиса и был густо приправлен работорговческим жаргоном. Дени его довольно хорошо понимала, но при этом улыбалась и вопросительно смотрела на переводчицу.

— Добрый господин Кразнис говорит: не правда ли, они великолепны? — Девочка говорила на общем языке прилично, особенно если учесть, что в Вестеросе она никогда не бывала. Ей не больше десяти лет, у нее круглое плоское лицо, смуглая кожа и золотистые глаза наатийки. Их еще называют «мирным народом», и все сходятся на том, что из них получаются самые лучшие рабы.

— Они могли бы мне подойти, — ответила Дени. Это сир Джорах посоветовал ей говорить только на дотракийском и на общем языке, пока они в Астапоре. «Мой медведь умнее, чем кажется с виду». — Расскажи мне, как их обучают.

— Вестеросская женщина довольна ими, но не говорит похвальных слов, чтобы сбить цену, — доложила девочка своему хозяину. — Она хочет знать, как их обучают.

Кразнис мо Наклоз покивал головой. Пахло от него так, словно он искупался в малине, рыжая с черным борода лоснилась от масла. «Груди у него больше, чем у меня», — решила Дени, наблюдавшая их сквозь тонкий, цвета морской волны шелк его токара с золотой каймой, который обматывался вокруг одного плеча и туловища. Левой рукой он поддерживал токар во время ходьбы, в другой держал короткую ременную плеть.

— Неужто все вестеросские свиньи столь же невежественны? — посетовал он. — Весь мир знает, что Безупречные — мастера копья, щита и короткого меча. — Он широко улыбнулся Дени. — Расскажи ей то, что она хочет знать, только побыстрее. Очень уж жарко.

«В этом он по крайней мере не лжет». Две молодые рабыни держали навес из полосатого шелка над их головами, но у Дени даже в тени кружилась голова, а Кразнис обильно потел. Площадь Гордости пеклась на солнце с самого рассвета. Дени чувствовала сквозь сандалии жар нагретого красного кирпича.

Волны зноя поднимались от него, колебля воздух, и ступенчатые пирамиды Астапора вокруг площади казались миражом.

Но Безупречные, если и страдали от зноя, виду не подавали. «Глядя на них, можно подумать, что они сами из кирпича». Для смотра из казарм вывели тысячу солдат. Построенные в десять рядов по сотне человек в каждом перед фонтаном с бронзовой гарпией, они стояли навытяжку, глядя каменными глазами прямо вперед. Белые полотняные повязки прикрывали их чресла, на головах торчали конические бронзовые шлемы, увенчанные пиками длиною в фут. Кразнис при-

казал им сложить наземь копья и щиты, снять пояса с мечами и стеганые камзолы, чтобы королева Вестероса могла лучше оценить твердость их поджарых тел.

— Их отбирают в раннем детстве по росту, проворству и силе, — начала рассказывать девочка. — Обучение начинается в пять лет. Каждый день от зари до зари их учат владеть коротким мечом, щитом и тремя копьями. Наука эта очень сурова, ваша милость, и как всем хорошо известно, лишь один мальчик из трех выдерживает ее. Сами Безупречные говорят, что в тот день, когда они получают свою остроконечную шапку, худшее остается позади, ибо никакая служба не может сравниться с пройденным ими учением.

Кразнис, не понимавший предположительно ни слова на общем языке, тем не менее важно кивал головой и время от времени тыкал девочку рукоятью плети.

— Скажи ей, что они стоят здесь уж сутки без пищи и воды и будут стоять, пока не свалятся, если я им прикажу. А когда девятьсот девяносто девять из них рухнут на кирпич и умрут, последний по-прежнему будет стоять и не двинется с места, пока смерть не сразит его. Вот каково их мужество. Скажи ей.

— По мне, это безумие, а не мужество, — сказал Арстан Белобородый, когда девочка перевела им речь купца. Его посох то и дело постукивал по кирпичу, — *тут-тук*, выражая недовольство своего хозяина. Старик не хотел плыть в Астапор и не одобрял намерений Дени купить себе армию рабов. Королева должна выслушать все стороны, прежде чем принять решение — именно поэтому, а не ради своей безопасности, Дени взяла его с собой на площадь Гордости. Для защиты ей вполне бы хватило ее кровных всадников. Сира Джораха она оставила на борту «Балериона» — охранять ее народ и ее драконов. Скрепя сердце, она заперла драконов в каюте. Было бы слишком опасно позволить им летать над городом: в мире полно людей, которые охотно убили бы их лишь для того, чтобы потом сказать «я убил дракона».

— Что там болтает этот вонючий старикан? — осведомился работорговец, а получив ответ переводчицы, улыбнулся и сказал: — Скажи этим дикарям, что у нас это называется *повиновением*. Есть солдаты сильнее, крупнее и проворнее Безупречных, есть даже такие, что с равным искусством владеют мечом, щитом и копьем, но нигде между морями нельзя найти такого же послушного войска.

— Овцы тоже послушны, — заметил Арстан, выслушав перевод. Он тоже немного знал валирийский, хотя и похуже Дени, но, как и она, притворялся непонимающим.

Кразнис оскалил свои крупные белые зубы.

— Одно мое слово — и эти овцы выпустят его вонючие кишки на кирпич, но этого ты ему не говори. Скажи, что эти существа сродни скорее собакам, чем овцам. У них в Семи Королевствах едят собак и лошадей?

— Они предпочитают коров и свиней, ваше великолепие.

— Говядина. Фу. Еда для немытых дикарей.

Дени, не слушая их, медленно двинулась вдоль шеренги солдат-рабов. Девушки с шелковым балдахином последовали за ней, но тысяча стоящих перед ней человек не имели никакой защиты от солнца. У половины из них была медная кожа и миндалевидные глаза дотракийцев или лхазарян, но она видела здесь и уроженцев Вольных городов, и белокожих квартийцев, и черных жителей Летних островов, и других, чьего происхождения не могла угадать. У некоторых она замечала кожу того же янтарного оттенка, что и у Кразниса, и щетинистые, рыжие с черным волосы — отличительные черты древних гис-

карцев, именовавших себя сынами гарпии. «Они даже своих сородичей продают». Впрочем, что тут удивительного? Дотракийцы поступают так же, когда один кхаласар встречается с другим в травяном море.

Одни солдаты были высокими, другие низкорослыми, а возраст их, на взгляд Дени, разнился от четырнадцати до двадцати лет. Щеки у них были гладкие, а глаза, будь они черными, карими, голубыми, серыми или янтарными, — совершенно одинаковыми. «Эти мужчины все на одно лицо», — подумала Дени и тут вспомнила, что они вовсе и не мужчины. Безупречные были евнухами, все до единого.

— Зачем их кастрируют? — спросила она Кразниса через переводчицу. — Я всегда думала, что полноценные мужчины сильнее евнухов.

— Тот, кого сделали евнухом в детстве, никогда не будет обладать грубой силой вашего вестеросского рыцаря, — ответил Кразнис, когда ему перевели вопрос. — Бык тоже силен, однако быков каждый день убивают в бойцовых ямах. Одного три дня назад убила в яме Джотиэля девятилетняя девочка. Скажи ей, что у Безупречных есть кое-что получше силы, а именно дисциплина. И сражаются они так, как было принято

в древней империи. В них заново воплотились непоколебимые легионы древнего Гиса, абсолютно послушные, абсолютно преданные и абсолютно бесстрашные.

Дени терпеливо выслушала перевод.

— Даже самые храбрые люди боятся смерти и увечья, — возразил Арстан.

Кразнис улыбнулся.

— Скажи ему, что от него разит мочой и что без палки он на ногах не удержится.

— Так и сказать, ваше великолепие?

— Ты что, полная дура? — Купец ткнул девочку плеткой. — Скажи, что Безупречные не люди и что смерть для них ничто, а увечье даже меньше, чем ничто. — Он остановился перед крепким рабом с чертами лхазарянина и сильно хлестнул его плетью, оставив красный след на медной щеке. Евнух моргнул, но не шелохнулся. — Еще? — спросил Кразнис.

— Как будет угодно вашему великолепию.

В этом случае трудно было сделать вид, что ничего не понимаешь. Дени удержала руку Кразниса, поднявшуюся для нового удара.

— Скажи доброму господину, что я вижу, как

сильны его Безупречные и как стойко они переносят боль. Это требует большого мужества.

Кразнис хмыкнул.

— Скажи этой невежественной западной шлюхе, что мужество здесь ни при чем.

— Добрый господин говорит, что дело не в мужестве, ваша милость.

— Пусть раскроет свои шлюхины глаза и глядит в оба.

— Он просит вас следить за ним внимательно, ваша милость.

Кразнис перешел к следующему по порядку евнуху, высокому, с голубыми глазами и льняными волосами лиснийца, и сказал ему:

— Меч. — Евнух опустился на колени, достал свой меч из ножен и подал хозяину рукоятью вперед. Меч был короткий, из тех, которыми удобнее колоть, чем рубить, но на вид острый как бритва. — Встань, — приказал Кразнис.

— Слушаюсь, ваше великолепие. — Евнух встал, и Кразнис медленно провел мечом по его торсу, оставив красную черту на животе и ниже ребер. Потом поддел острием большой розовый сосок и стал резать.

— Что он делает? — спросила девочку Дени. По груди раба струилась кровь.

— Скажи этой козе, чтобы перестала блеять, — сказал Кразнис, не дожидаясь перевода. — Ничего ему не будет. Мужчинам соски ни к чему, а евнухам тем более. — Сосок держался теперь только на тонкой полоске кожи. Еще одно движение меча — и он шмякнулся на кирпич, а на его месте осталось красное, обильно кровоточащее отверстие. Евнух все это время стоял неподвижно. Кразнис вернул ему меч рукоятью вперед. — Все, я закончил с тобой.

— Этот недостойный был рад услужить вам.

Кразнис снова повернулся к Дени.

— Вы видите — они не чувствуют боли.

— Но как это возможно? — спросила она через переводчицу.

— Вино мужества, — ответил он. — Это, конечно, не настоящее вино: напиток готовится из бешеной ягоды, личинок кровяных мух, корня черного лотоса и еще каких-то тайных веществ. Они пьют его при каждой трапезе с самого дня своей кастрации, и их чувствительность притупляется с каждым годом. Это и делает их бесстрашными в бою. Пытать их тоже бесполезно. Скажи дикарке, что Безупречным можно смело доверять любые секреты. Они могут нести стражу у зала ее совета и даже у ее спальни. Если они и

услышат что-то, то не выдадут. В Юнкае и Миэрине евнухам зачастую удаляют только яички, оставляя пенис. Такое существо не может иметь потомства, но совокупляться порой способно, и от этого одни только хлопоты. Мы удаляем все без остатка. Наши Безупречные — самые чистые на свете создания. — Кразнис снова одарил Дени и Арстана широкой белозубой улыбкой. — Я слышал, в Закатных Королевствах люди приносят торжественный обет хранить целомудрие, не иметь детей и жить только ради долга. Это так?

— Да, — ответил Арстан. — Таких орденов много. Мейстеры Цитадели, септоны и септы, служащие Семерым, Молчаливые Сестры, погребающие мертвых, королевские гвардейцы и Ночной Дозор…

— Бедняги, — проворчал работорговец, выслушав перевод. — Мужчины не созданы для такой жизни. Всякому дураку видно, что они всю жизнь страдают от искушения, и многие, несомненно, уступают своим низменным желаниям. Безупречные — дело иное. Каждый из них соединен брачными узами со своим мечом, такими крепкими, что вашим людям и не снилось. Ни одна женщина не может искусить их, и ни один мужчина тоже.

Девочка передала его речь в несколько более учтивых выражениях.

— Есть и другие способы искусить человека, помимо плотского, — заметил Арстан.

— Человека да, но не Безупречного. Добыча их манит не более, чем насилие над женщиной. Они не владеют ничем, кроме своего оружия, — мы даже имен им не разрешаем иметь.

— Верно ли мы поняли доброго господина? — нахмурилась Дени. — У них нет имен?

— Это так, ваша милость.

Кразнис остановился перед гискарцем, который мог бы сойти за его брата, только ростом был повыше, и указал плеткой на маленький бронзовый диск, прикрепленный к поясу, лежащему у ног раба.

— Вот его имя. Спроси вестеросскую шлюху, умеет ли она читать по-гискарски. — Дени ответила, что не умеет, и купец спросил Безупречного: — Как тебя звать?

— Этого недостойного зовут Красная Блоха, ваше великолепие. — Девочка повторила их диалог на общем языке.

— А как тебя звали вчера?

— Черная Крыса, ваше великолепие.

— А позавчера?

— Бурая Блоха, ваше великолепие.

— А еще раньше?

— Он не помнит, ваше великолепие. Синяя Жаба… или Синий Червь.

— Скажи, что у них у всех такие же имена. Это напоминает им, что в отдельности они черви. Диски с именами в конце каждого дня ссыпают в пустой бочонок, а утром Безупречные вытаскивают их наугад.

— Что за безумие, — сказал Арстан. — Как может человек каждый день запоминать новое имя?

— Тех, кто не может, отсеивают при обучении, как и тех, кто не может весь день бежать с полной выкладкой, взбираться на горы темной ночью, пройти по горячим углям или убить младенца.

При этих словах у Дени дрогнули губы. «Он это заметил или его слепота не уступает жестокости?» Она быстро отвернулась, стараясь удержать на лице маску, пока не услышит перевода, и лишь потом позволила себе спросить:

— Что это за младенцы, которых они должны убить?

— Чтобы получить остроконечную шапку, Безупречный должен пойти на невольничий рынок с серебряной маркой, найти там грудного

младенца и убить его на глазах у матери. Таким образом мы убеждаемся, что никакой слабости в нем не осталось.

Дени ощутила обморочную слабость, но попыталась внушить себе, что это из-за жары.

— Он отнимает ребенка у матери, убивает у нее на глазах и платит ей за это серебряную марку?

Кразнис мо Наклоз громко рассмеялся, когда ему перевели сказанное.

— Мягкотелая, слезливая дура. Скажи этой шлюхе, что марка предназначается для хозяина этого младенца, а не для матери. Брать чужое Безупречным запрещено. — Он похлопал себя плеткой по ноге. — Скажи ей, что это испытание выдерживают почти все. С собаками бывает потруднее. В день кастрации мы даем каждому мальчику щенка, и в конце своего первого года он должен этого щенка задушить. Тех, кто не может этого сделать, убивают и скармливают неубитым собакам. Мы убедились, что это служит хорошим уроком другим.

Посох услышавшего это Арстана медленно, мерно застучал по кирпичу. *Тук-тук-тук.* Дени заметила, что старик отвернулся, как будто не мог больше смотреть на Кразниса.

— Добрый господин сказал, что этих евнухов

нельзя соблазнить ни деньгами, ни плотью, — произнесла Дени, — но что, если мои враги предложат им свободу?

— Скажи, что они убьют такого человека на месте и принесут ей его голову. Другие рабы могут воровать и копить серебро в надежде себя выкупить, но Безупречному свобода даже даром не нужна. Для них нет жизни помимо долга. Они *солдаты*, и этим все сказано.

— Именно солдаты мне и нужны, — призналась Дени.

— Скажи ей, что в таком случае она поступила правильно, приехав в Астапор. И спроси, какой величины войско она желает приобрести.

— А сколько Безупречных у вас есть на продажу? — спросила, в свою очередь, Дени.

— Полностью обученных — восемь тысяч. Скажи, что мы продаем их только тысячами или сотнями. Когда-то продавали и десятками, для домашней стражи, но это не оправдало себя. Десять — это слишком мало. Они якшаются с другими рабами, а то и со свободными людьми, и забывают, кто они такие. — Кразнис подождал, когда это переведут, и продолжил: — Эта королева-нищенка должна понимать, что такое чудо стоит недешево. В Юнкае и Миэрине рабы-воины

продаются дешевле своих мечей, но Безупречные — это лучшая в мире пехота, и в каждого из них вложено много труда. Скажи ей, что они как валирийская сталь, которую закаляют и куют годами, пока она не станет крепче всех металлов на свете.

— Что такое валирийская сталь, я знаю. Спроси доброго господина, есть ли у Безупречных свои офицеры.

— Нет. Ей придется поставить своих. Мы учим их повиноваться, а не думать. Если ей нужны умные рабы, пусть покупает писцов.

— А снаряжение?

— К каждому прилагаются меч, щит, копье, сандалии и стеганый камзол. Ну и остроконечная шапка, само собой. Они могут носить любые доспехи, но их покупатель обеспечивает сам.

Дени, не зная, о чем бы еще спросить, взглянула на Арстана.

— Ты долго жил на свете, Белобородый. Что ты скажешь теперь, когда увидел их?

— Скажу *«нет»*, ваша милость, — не задумываясь ответил старик.

— Почему? Говори откровенно. — Дени догадывалась, что он скажет, но хотела, чтобы девочка тоже услышала это и передала потом Кразнису.

— Моя королева, в Семи Королевствах рабства не существует уже несколько тысячелетий. И старые, и новые боги смотрят на рабство как на гнусность и зло. Если ваша милость высадится в Вестеросе вместе с армией рабов, многие добрые люди отвернутся от вас именно по этой причине. Это нанесет великий вред вашему делу и чести вашего дома.

— Но должна же я иметь какую-то армию. Джоффри не отдаст мне Железный Трон, если я вежливо попрошу его об этом.

— Когда для вас придет время поднять знамена, половина Вестероса станет на вашу сторону, — заверил Белобородый. — Вашего брата Рейегара там помнят и любят до сих пор.

— А отца?

— Короля Эйериса тоже помнят, — поколебавшись немного, сказал старик. — Он даровал стране долгие годы мира. Ваша милость, рабы не нужны вам. Магистр Иллирио будет охранять вас, пока ваши драконы не подрастут, и пошлет тайных гонцов через Узкое море, чтобы оповестить знатных лордов о вашем скором прибытии.

— Тех самых лордов, которые перебежали от моего отца к Цареубийце и склонили колено перед Робертом Узурпатором?

— Даже те, кто склонил колено, могут желать в душе возвращения драконов.

– *Могут…* — повторила Дени. Какое скользкое слово — на любом языке. — Я должна подумать, — сказала она, обращаясь к Краснису и его рабыне.

— Пусть думает побыстрее, — пожал плечами купец. — В покупателях у нас недостатка нет. Всего лишь три дня назад я показывал эту же самую тысячу предводителю корсаров, который хочет купить их всех.

— Корсару нужна была только сотня, ваше великолепие, — заметила девочка. Хозяин ткнул ее плеткой.

— Корсары всегда лгут. Он возьмет всех. Скажи ей об этом.

Дени знала, что возьмет больше сотни, если уж решится купить.

— Напомни своему доброму господину, кто я. Напомни, что я — Дейенерис Бурерожденная, Матерь Драконов, Неопалимая, законная владычица Семи Королевств Вестероса. В моих жилах течет кровь Эйегона Завоевателя и древней Валирии.

Но ее слова, даже переведенные на его безобразный язык, не проняли толстого надушенного работорговца.

— Древний Гис уже был империей, когда вали-

рийцы еще трахали овец. Мы — сыны гарпии! — рыкнул он маленькой переводчице. — Что проку толковать с женщинами, — продолжил он, пожав плечами. — Восточные или западные, они не могут решить ничего, пока их не улестишь и не напичкаешь сладостями. Что ж, если такова моя участь, пусть будет так. Скажи шлюхе, что если она хочет посмотреть наш прекрасный город, Кразнис мо Наклоз охотно послужит ей в этом… и в другом тоже, если в ней больше от женщины, чем кажется с виду.

— Добрый господин Кразнис будет рад показать вам Астапор, пока ваша милость размышляет, — сказала маленькая рабыня.

— Я угощу ее заливными собачьими мозгами и хорошей густой похлебкой из красного осьминога и неродившихся щенков. — Он облизнул губы.

— Он предложит вам наши изысканные блюда.

— Расскажи ей, как хороши пирамиды ночью. Скажи, что я слижу мед с ее грудей или дам слизать его с моих, если ей это больше по вкусу.

— Астапор прекраснее всего в сумерки, ваша милость, — перевела рабыня. — Добрые господа зажигают шелковые фонарики на каждой террасе, и пирамиды светятся разноцветными огнями.

По Червю плавают нарядные барки. Тихая музыка играет на них, маня на острова, где ждут яства, вино и другие удовольствия.

— Спроси, не хочет ли она посетить наши бойцовые ямы, — добавил Кразнис. — В яме Дукора на сегодня намечена славная забава — медведь и трое маленьких мальчиков. Одного намажут медом, другого кровью, третьего тухлой рыбой, и она может поставить на то, которого медведь сожрет первым.

Тук-тук-тук. Лицо Арстана было спокойно, но посох отбивал ритм его ярости. *Тук-тук-тук.* Дени заставила себя улыбнуться.

— У меня на «Балерионе» есть свой медведь, и он съест меня, если я не вернусь к нему.

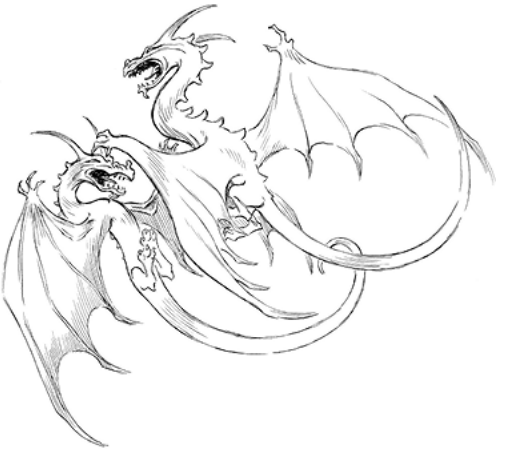
— Вот-вот, — сказал Кразнис. — Решает не женщина, а мужчина, к которому она бежит. Как всегда!

— Поблагодари доброго господина за его доброту и терпение, — сказала Дени, — и скажи, что я обдумаю все, о чем узнала сегодня. — И она подала руку Арстану, чтобы он проводил ее к носилкам. Агго и Чхого шагали по бокам развалистой походкой табунщиков, вынужденных идти пешком, как все прочие смертные.

Хмурая Дени забралась в носилки и пригласила

Арстана сесть с собой: нельзя же старому человеку идти своими ногами по такой жаре. Занавески она не задернула. Солнце палило этот город из красного кирпича так, что любой случайный ветерок казался желанным, даже если нес с собой тонкую красную пыль. «Кроме того, мне нужно осмотреться».

Астапор — странный город даже для той, кто побывал в Доме Праха и купался в Чреве Мира под Матерью Гор. Все его улицы сложены из того же красного кирпича, которым вымощена площадь. Из него же выстроены ступенчатые пирамиды, глубокие бойцовые ямы с амфитеатром сидений, серные фонтаны, мрачные винные погребки и древние городские стены. «Как много кирпича, — подумала Дени. — Он ветшает и крошится». По сточным канавам при каждом порыве ветра несется красная пыль. Неудивительно, что многие астапорские женщины ходят, закрыв лицо вуалью: кирпич ест глаза хуже, чем песок.



— Дорогу! — кричал Чхого, ехавший перед носилками. — Дорогу Матери Драконов! — Но когда он стал щелкать своим кнутом с серебряной рукоятью, подаренным ему Дени, она высунулась и попросила его не делать этого.

— Не здесь, кровь моей крови, — сказала она на его родном языке. — В этом городе и без того слишком часто щелкают кнутами.

Улицы были почти пусты, когда утром они ехали сюда из порта, и теперь народу на них почти не прибавилось. Мимо прошагал слон с ажурной беседкой на спине. В сухой кирпичной канаве сидел голый мальчик с облупленной кожей,

ковыряя в носу и наблюдая за движением муравьев. Услышав стук копыт, он поднял голову и уставился на колонну конных гвардейцев, со смехом скачущих в облаке красной пыли. Медные диски, нашитые на их желтые шелковые плащи, сверкали как солнца. Под плащами они носили вышитые полотняные рубахи, легкие складчатые юбки и сандалии. Непокрытые, рыжие с черным головы каждый намасливал, взбивал и причесывал по-своему, укладывая волосы в виде рогов, крыльев, клинков и даже когтистых рук. Это делало всадников похожими на скопище демонов из седьмого пекла. Голый мальчик проводил их взглядом вместе с Дени, а потом опять запустил палец в нос и вернулся к своим муравьям.

«Да, старый город, но далеко не столь многолюдный, как во дни своей славы: до Кварта, Пентоса и Лисса ему далеко».

На перекрестке носилки остановились, чтобы пропустить процессию рабов, подгоняемых кнутом надсмотрщика. Это были не Безупречные, а обыкновенные, совершенно голые мужчины и женщины с бледно-коричневой кожей и черными волосами. Детей среди них не было. Позади на белых ослах ехала пара астапорцев: мужчина в красном шелковом токаре и женщина в голубом полотняном покрывале, вышитом ляпис-лазурью, с костяным гребнем в рыжих с

черным волосах. Мужчина прошептал ей что-то и засмеялся, обращая на Дени не больше внимания, чем на своих рабов или надсмотрщика с плеткой-пятихвосткой. На мускулистой груди надсмотрщика, коренастого дотракийца, красовалась татуировка — гарпия с цепями.

— Из кирпича и крови выстроен Астапор, — пробормотал Белобородый, — и люди в нем из кирпича и крови.

— Что-что? — с любопытством поинтересовалась Дени.

— Этому изречению научил меня в детстве мейстер, но только теперь я понял, насколько оно правдиво. Кирпичи Астапора красны от крови сделавших их рабов.

— Охотно верю, — сказала Дени.

— Тогда покиньте это место, пока и ваше сердце не превратилось в кирпич. Прикажите отплыть нынче же, с вечерним приливом.

«Рада бы, да не могу», — подумала Дени.

— Сир Джорах говорит, что Астапор я должна покинуть не иначе, как во главе армии.

— Сир Джорах сам занимался работорговлей, ваша милость, — напомнил ей старик. — В Пентосе, Мире и Тироше есть наемники, которых вы можете взять к себе на службу. У людей, убиваю-

щих за деньги, нет чести, но они по крайней мере не рабы. Наберите вашу армию там, молю вас.

— Мой брат побывал и в Пентосе, и в Мире, и в Браавосе — почти во всех Вольных городах. Магистры и архоны угощали его вином, кормили обещаниями и морили голодом его душу. Не может мужчина кормиться всю жизнь из чашки для подаяний, оставаясь при этом мужчиной. Я

попробовала вкус милостыни в Кварте, и с меня довольно. В Пентос с нищенской чашкой я не явлюсь.

— Лучше уж быть нищим, чем рабовладельцем.

— Это слова человека, которому не довелось быть ни тем, ни другим. — Ноздри Дени раздулись. — Знаешь ли ты, каково это, когда тебя продают, оруженосец? Ну а я знаю. Мой брат продал меня кхалу Дрого за обещание золотой короны. Ну что ж, Дрого в самом деле увенчал его золотом, хотя и не так, как ему бы хотелось, а я… мое солнце и звезды сделали меня королевой, но будь на его месте другой мужчина, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. Думаешь, я забыла, что это значит — все время бояться?

Белобородый склонил голову.

— Я не хотел обидеть вашу милость.

— Меня может обидеть только ложь, но не честный совет. — Дени погладила сморщенную, в старческих пятнах руку Арстана. — У меня драконий нрав, только и всего. Пусть это тебя не пугает.

— Постараюсь запомнить, — улыбнулся Белобородый.

«У него доброе лицо, и в нем чувствуется боль-

шая сила». Дени не понимала, почему сир Джорах относится к старику с таким недоверием. «Быть может, он ревнует из-за того, что у нее теперь появился другой собеседник?» Мысли Дени помимо ее воли вернулись к той ночи на «Балерионе», когда рыцарь-изгнанник поцеловал ее. «Он не должен был этого делать. Он втрое старше меня, слишком низкого для меня рода, и я не давала ему на это позволения. Ни один истинный рыцарь не должен целовать королеву без ее разрешения». С тех пор Дени стала заботиться о том, чтобы никогда не оставаться наедине с сиром Джорахом. На корабле при ней всегда находится кто-то — служанка или один из кровных всадников. «По его глазам видно, что он жаждет новых поцелуев».

Дени не могла сказать, чего хочет она сама, но поцелуй Джораха пробудил в ней что-то, накрепко уснувшее после смерти кхала Дрого. Лежа на своей узкой койке, она представляла, что вместо служанки рядом с ней лежит мужчина, и мысль об этом волновала ее больше, чем следовало. Порой она закрывала глаза и предавалась мечтам, но ее воображаемый любовник никогда не походил на Джораха: он был моложе и красивее, хотя его лицо всегда оставалось в тени.

Однажды, измаявшись этими мечтами и не в

силах уснуть, Дени коснулась себя между ног и вздрогнула, ощутив там влагу. Чуть дыша, она стала водить пальцами по своим нижним губам, медленно, чтобы не разбудить спящую рядом Ирри. Потом она нащупала особенно чуткое место и остановилась на нем, теребя его сперва робко, затем все быстрее, но желанное облегчение все не наступало. Драконы закопошились, один из них закричал. Ирри проснулась и увидела, что делает ее госпожа.

У Дени пылали щеки, но в темноте Ирри этого видеть не могла. Служанка молча положила руку ей на грудь, взяла в рот сосок. Другая рука скользнула вдоль легкой выпуклости живота, прокралась сквозь поросль серебристо-золотых волос и стала двигаться между ног Дени. Всего через несколько мгновений бедра Дени напряглись, грудь поднялась, и по всему телу прошла дрожь. У нее — а может быть у Дрогона — вырвался крик. Ирри, все так же молча, свернулась калачиком и в тот же миг уснула опять.

Наутро все это показалось Дени сном, и уж сир Джорах, во всяком случае, не имел к этому никакого отношения. «Мне нужен Дрого, мое солнце и звезды. Не Ирри и не сир Джорах, а Дрого». Но Дрого мертв. Она думала, что и чувства ее умерли

вместе с ним там, в красной пустыне, но одного предательского поцелуя оказалось довольно, чтобы вернуть их к жизни. «Он не должен был меня целовать. Он возомнил себе невесть что, а я это допустила. Это не должно повториться». Дени, сжав губы, решительно тряхнула головой, и колокольчик в ее косе тихо звякнул.

Ближе к заливу город немного похорошел. Вдоль берега стояли кирпичные пирамиды, самая высокая из которых насчитывала четыреста футов. На их широких террасах росли всевозможные деревья, вьющиеся лозы и цветы, и ветер нес оттуда аромат зелени и свежести. Над воротами гавани стояла еще одна гигантская гарпия, уже не из бронзы, а из обожженной красной глины. Она сильно раскрошилась, и ее скорпионий хвост стал совсем куцым. Цепь, свисающая с ее глиняных когтей, совсем проржавела. У воды стало прохладнее, и плеск воды у гниющих свай пристани казался успокаивающим.

Агго помог Дени выйти из носилок. Силач Бельвас сидел на тумбе с большим куском жареного мяса.

— Собачатина, — радостно сообщил он, увидев Дени. — В Астапоре собаки вкусные, маленькая королева. На, попробуй! — И он улыбнулся ей

сальными губами.

— Спасибо, Бельвас, но я не хочу. — Дени уже приходилось пробовать собачье мясо, но сейчас у нее из головы не шли Безупречные с их проклятыми щенками. Пройдя мимо громадного евнуха, она поднялась по сходням на «Балерион».

Сир Джорах Мормонт ждал ее на палубе.

— У нас побывали работорговцы, ваша милость, — сказал он, склонив голову в поклоне. — Трое, и при каждом дюжина писцов и столько же рабов для услуг. Эта челядь облазила все наши трюмы и переписала все, что у нас есть. — Он проводил Дени на корму. — Сколько человек они предлагают к продаже?

— Нисколько. — Дени сама не знала, что ее так злит — Мормонт или этот город с его удушливой жарой, зловонием и выкрошенным кирпичом. — Они продают не людей, а евнухов. Евнухов, сложенных из кирпича, как и весь Астапор. Как по-твоему — купить мне восемь тысяч кирпичных евнухов-истуканов с мертвыми глазами, которые убивают грудных младенцев, чтобы получить остроконечную шапку, и душат собственных собак? У них даже имен нет. Не называй их людьми, сир.

— Кхалиси, — молвил он, пораженный ее яро-

стью, — Безупречных отбирают еще в детстве и обучают…

— Я вдоволь наслушалась о том, чему их обучают. — На глазах у Дени выступили непрошеные слезы. Она вскинула руку и ударила сира Джораха по лицу, чтобы не расплакаться.

Мормонт потрогал ушибленную щеку.

— Если я чем-то вызвал неудовольствие моей королевы…

— Да, *вызвал* — и очень большое неудовольствие, сир. Будь ты моим истинным рыцарем, ты никогда не привез бы меня в этот злой город. — «Будь ты моим истинным рыцарем, ты не посмел бы целовать меня, и смотреть на мою грудь, и…»

— Как вашей милости будет угодно. Я прикажу капитану Гролео, чтобы он отплыл с вечерним приливом в не столь злое место.

— Нет. — Гролео смотрел на них с полубака, и его матросы тоже. Белобородый, ее кровные всадники, Чхику — все бросили свои дела при звуке пощечины. — Я хочу отплыть не вечером, а прямо сейчас, уплыть подальше и никогда больше не оглядываться — хочу, но не могу. Здесь продаются восемь тысяч кирпичных евнухов, и я должна найти способ купить их. — С этими словами Дени оставила Мормонта и спустилась вниз.

Драконы беспокойно шебаршились за резной дверью капитанской каюты. При виде Дени Дрогон поднял голову и закричал, пуская дым из ноздрей, а Визерион захлопал крыльями и попытался сесть ей на плечо, как делал, когда был поменьше.

— Нет, — сказала Дени, осторожно отпихивая его, — для этого ты стал слишком большой, моя радость. — Однако дракон, обвив кремово-золотистым хвостом ее руку и вцепившись когтями в рукав, не желал уступать, и Дени со смехом плюхнулась в кожаное кресло Гролео.

— Они бесятся с тех самых пор, как ты ушла, кхалиси, — доложила ей Ирри. — Визерион всю дверь ободрал когтями, видишь? А Дрогон чуть не сбежал, когда работорговцы пришли поглядеть на них. Я поймала его за хвост, а он меня укусил. — Служанка показала Дени укушенную руку.

— Не пытался ли кто-нибудь из них дохнуть огнем, чтобы вырваться на волю? — Этого Дени страшилась больше всего.

— Нет, кхалиси. Дрогон, правда, пустил огонь, но в воздух. Работорговцы боялись к нему подходить.

Дени поцеловала руку Ирри в месте укуса.

— Мне жаль, что он сделал тебе больно. Драконы не созданы для того, чтобы их запирали в тесных каютах.

— В этом они как кони. И конники. Лошади кричат внизу, кхалиси, и бьют копытами в стены — я слышу. А Чхику говорит, что старухи и малые дети тоже кричат и плачут, когда тебя нет. Они не любят эту водяную повозку, не любят черное соленое море.

— Я знаю. Знаю.

— Моя кхалиси печальна?

— Да, — призналась Дени. «Печальна и растерянна».

— Мне доставить кхалиси удовольствие?

Дени попятилась от нее.

— Нет, Ирри, не нужно этого делать. То, что случилось тогда ночью… ты больше не рабыня для утех, я дала тебе свободу, помнишь? Ты…

— Я служанка Матери Драконов, и для меня честь делать приятное моей кхалиси.

— Нет, я не хочу. — Дени отвернулась. — Оставь меня сейчас. Я хочу побыть одна и подумать.

Она снова вышла на палубу, когда сумерки уже опустились на Залив Работорговцев. Стоя у борта, она смотрела на Астапор. Отсюда он казался почти красивым. Вверху зажглись звезды,

внизу шелковые фонарики, которые обещала ей маленькая переводчица Кразниса. Кирпичные пирамиды мерцали огнями. «Но на улицах, площадях и в бойцовых ямах теперь темно, а всего темнее в казармах, где маленький мальчик кормит объедками щенка, которого дали ему в тот день, когда лишили его мужского достоинства».

Позади послышались тихие шаги.

— Кхалиси. — Его голос. — Могу я поговорить с вами откровенно?

Дени не стала оборачиваться — сейчас она была не в силах смотреть на него. Если бы она обернулась, то могла бы снова его ударить. Или заплакать. Или поцеловать его. Она не понимала больше, что хорошо, что плохо, а что безумно.

— Говори, сир.

— Когда Эйегон Драконовластный ступил на берег Вестероса, короли Скалы, Долины и Простора не спешили сложить свои короны к его ногам. Если вы хотите сесть на его Железный Трон, вы должны завоевать его, как он это сделал, сталью и драконовым огнем. А это значит, что ваши руки неизбежно обагрятся кровью.

Пламя и кровь. Девиз дома Таргариенов, который она знала всю свою жизнь.

— Кровь своих врагов я готова пролить. Кровь

невинных — дело иное. Они могут предложить мне восемь тысяч Безупречных. Восемь тысяч убитых младенцев. Восемь тысяч задушенных собак.

— Ваша милость, я видел Королевскую Гавань после взятия ее войсками узурпатора. В тот день тоже убивали младенцев, и малых детей, и стариков, а поруганным женщинам и числа не было. В каждом человеке сидит дикий зверь, и когда человеку дают копье или меч и посылают его на войну, зверь просыпается. Запах крови — вот все, что требуется для его пробуждения. Но я никогда не слышал, что Безупречные насиловали, или предавали горожан мечу, или даже грабили, разве что по прямому приказу своего командира. Может быть, они и кирпичные, как вы говорите, но если вы купите их, с того дня они будут убивать только тех собак, которых прикажете убить вы. И, как мне помнится, кое-каких псов вы умертвить не прочь.

«Псов Узурпатора».

— Да. — Дени смотрела на разноцветные огоньки, подставив лицо прохладному соленому бризу. — Ты говорил о разграблении городов. Ответь мне, сир, — почему дотракийцы ни разу не разграбили *этот* город? Взгляни на стены

— видишь, как они раскрошились? Видишь стражников на этих башнях? Я не вижу. Может быть, они прячутся? Я видела нынче этих сынов гарпии, этих горделивых высокородных воинов. Они одеты в полотняные юбки, и самое устрашающее в них — это прически. Даже малочисленный кхаласар мог бы разгрызть Астапор, как орех, и выплюнуть гнилое ядрышко. Так почему же их уродливая гарпия не стоит у дороги в Ваэс Дотрак среди других похищенных богов?

— У вас драконов глаз, кхалиси, это всякому видно.

— Я просила у тебя ответа, а не лести.

— На то есть две причины. Бравые защитники Астапора — это просто мякина, тут вы правы. Обладатели древних имен и толстых кошельков, которые наряжаются в гискарских бичевателей и притворяются, что до сих пор правят великой империей. Каждый из них мнит себя полководцем. По праздникам они устраивают в ямах потешные бои, чтобы показать, какие они блестящие военачальники, но гибнут в этих боях не они, а евнухи. Однако всякий, кто хотел бы разграбить Астапор, заведомо знает, что будет иметь дело с Безупречными — ведь на защиту города рабовладельцы выставят весь их гарнизон. Дотракийцы не вы-

ступают против Безупречных с тех самых пор, как оставили свои косы у ворот Квохора.

— А вторая причина?

— На Астапор просто некому нападать. Миэрин и Юнкай — его соперники, но не враги, Валирия по воле Рока пала в прах, на востоке живут те же гискарцы, а за холмами — лхазаряне, или «ягнячий народ», как называют их ваши дотракийцы, люди отнюдь не воинственные.

— Да, но к северу от рабовладельческих городов лежит Дотракийское море, где кочуют две дюжины могучих кхалов, чье любимое дело — грабить города и уводить их жителей в рабство.

— Уводить куда? Что проку в рабах, если работорговцы перебиты? Валирии больше нет, Кварт стоит за красной пустыней, девять Вольных городов — за тысячи лиг к западу. И будьте уверены, сыны гарпии подносят каждому проходящему мимо кхалу богатые дары, точно так же, как это делают магистры Пентоса, Норвоса и Мира. Они знают, что если табунщикам устроить пир и поднести им дары, те пройдут, не причинив им вреда. Это дешевле, чем воевать, и гораздо надежнее.

«Дешевле, чем воевать? Да, возможно». Если бы и у нее все обстояло столь же просто. Как хо-

рошо было бы приплыть в Королевскую Гавань с драконами и поднести Джоффри сундук золота, чтобы он убрался прочь.

— Кхалиси! — нарушил затянувшееся молчание сир Джорах, тронув ее за локоть.

Дени отдернула руку.

— Визерис непременно купил бы Безупречных, будь у него деньги, но ты говорил, что я больше похожа на Рейегара.

— Я помню, Дейенерис.

– *Ваша милость!* — поправила она. — Принц Рейегар вел в бой свободных людей, а не рабов. Белобородый говорит, он сам посвящал в рыцари своих оруженосцев и других воинов тоже.

— Не было чести выше, чем получить свое рыцарство из рук принца Драконьего Камня.

— Скажи мне тогда — что он говорил, касаясь плеча воина своим мечом? «Убивай слабых» или «защищай их»? Визерис рассказывал мне о храбрых мужах, которые гибли на Трезубце под нашими драконьими знаменами. Отчего же они шли на смерть — оттого, что *верили* в дело Рейегара, или оттого, что он купил их за деньги? — Дени обернулась к Мормонту, скрестив руки на груди и ожидая ответа.

— Моя королева, — медленно произнес ры-

царь, — все, что вы говорите, — правда. Но Рейегар на Трезубце проиграл — проиграл битву, войну, королевство и даже собственную жизнь. Его кровь уплыла вниз по реке вместе с рубинами его панциря, и Роберт Узурпатор проехал на коне по его телу, чтобы сесть на Железный Трон. Рейегар сражался отважно, благородно, по-рыцарски — и Рейегар погиб.

Бран

В извилистых горных долинах, по которым они шли теперь, не было дорог. Между серыми каменными вершинами лежали спокойные голубые озера, длинные, узкие и глубокие, и сумрачно зеленели бесконечные сосновые леса. Багрянец и золото осени стали убывать, когда они вышли из Волчьего леса к древним кремнистым холмам, и совсем пропали, когда холмы сменились горами. Теперь над головой высились серо-зеленые страж-деревья, высоченные ели и гвардейские сосны. Подлесок стал редок, и почву под ногами устилала хвоя.

Когда они сбивались с дороги, что случалось раз или два, им стоило только дождаться ясной холодной ночи и найти на небе Ледяного Драко-

на. Голубая звезда в глазу Дракона указывает на север — так говорила Оша. Вспоминая Ошу, Бран каждый раз гадал, где-то она теперь. Должно быть, в Белой Гавани, вместе с Риконом и Лохматым Песиком — сидит себе и ест угрей, рыбу и горячий крабовый пирог у толстого лорда Мандерли. Или греется в Последнем Очаге у Большого Джона. Это он, Бран, мерзнет на спине у Ходора, мотаясь в своей корзине вверх и вниз по горным склонам.

— Вверх да вниз, и так всю дорогу, — вздыхала на ходу Мира. — Ненавижу твои дурацкие горы, принц Бран.

— Вчера ты говорила, что любишь их.

— Верно. Мой лорд-отец рассказывал мне про горы, но до сих пор я их ни разу не видела. Они мне так нравятся, что и сказать нельзя.

— Как же ты говоришь, что их ненавидишь? — состроил гримасу Бран.

— Разве нельзя совмещать и то и другое? — Она подняла руку и ущипнула его за нос.

— Нет. Это разные вещи. Как день и ночь, как лед и огонь.

— Если лед способен обжигать, — со своей обычной важностью молвил Жойен, — то и любовь может сочетаться с ненавистью. Гора или болото,

все едино. Земля одна.

— Одна-то одна, — согласилась его сестра, — но уж больно она тут морщинистая.

Горные долины редко оказывали им любезность простираться прямо на север, поэтому им приходилось петлять или даже возвращаться назад.

— Если б мы шли по Королевскому тракту, то были бы уже у Стены, — твердил Ридам Бран. Он хотел поскорее найти трехглазую ворону, чтобы научиться летать. Он повторял это столько раз, что Мира для смеху начала произносить эти слова вместе с ним.

Тогда Бран сменил музыку и стал говорить:

— На Королевском тракте мы бы так не голодали. — Пока они шли через холмы, в еде у них недостатка не было. Мира, прекрасная охотница, промышляла в ручьях рыбу с помощью своего лягушачьего трезубца. Бран любил наблюдать за ней, восхищаясь быстротой, с которой она наносила удар и тут же выдергивала острогу назад с трепещущей на зубцах серебристой форелью. Лето тоже для них охотился. Каждый раз на закате он исчезал, а к рассвету возвращался, часто таща в зубах белку или зайца.

Но здесь, в горах, ручьи стали мелкими и со-

всем ледяными, а дичь встречалась редко. Мира по-прежнему охотилась и рыбачила, когда могла, но ей становилось все труднее, и даже Лето порой возвращался ни с чем. Часто они ложились спать на пустой желудок.

Но Жойен упорно стоял на том, что от дорог нужно держаться подальше.

— Дорога — это путники, — втолковывал им он, — а у путников есть глаза, чтобы видеть, и языки, чтобы рассказывать повсюду о мальчике-калеке, его великане и волке, который их сопровождает. — Жойена переупрямить не мог никто, и они продолжали идти по диким местам, с каждым днем взбираясь чуть выше и продвигаясь чуть дальше на север.

Дождливые дни перемежались ветреными, а порой налетал такой ливень, что даже Ходор начинал реветь в испуге. В ясные же дни им часто казалось, что они — единственные живые существа во всем мире.

— Неужели тут никто не живет? — спросила Мира, когда они обходили гранитный утес величиной с Винтерфелл.

— Нет, люди здесь есть, — ответил Бран. — Амберы обитают большей частью восточнее Королевского тракта, но летом они пасут своих

овец на горных лугах. На западной стороне гор у Ледового залива живут Вуллы, позади нас, в холмах, — Харклеи, а здесь, наверху, — Кнотты, Лиддли, Норри и даже Флинты. — Его прабабушка с отцовской стороны была из горных Флинтов. Старая Нэн сказала как-то, что это ее кровь заставляет Брана лазать по стенам и крышам, только она, конечно, умерла давным-давно, когда еще и отца на свете не было.

— Вуллы? — сказала Мира. — Вместе с отцом, кажется, воевал какой-то Вулл, Жойен?

— Тео Вулл, — ответил Жойен, отдуваясь после подъема. — Его еще прозвали «Ведра».

— Это их герб, — сказал Бран. — Три бурых ведра на голубом поле с каймой из белых и серых клеток. Лорд Вулл приезжал однажды в Винтерфелл, чтобы принести присягу на верность и поговорить с отцом, и у него на щите были такие ведра. Только он не настоящий лорд. То есть настоящий, но зовут его просто Вулл, как Кнотта, Норри и Лиддля. Мы в Винтерфелле называем их лордами, но для здешнего народа они не лорды.

Жойен остановился, чтобы отдышаться.

— Ты думаешь, эти горцы знают, что мы здесь?

— Знают. — Бран видел, что они наблюдают за ними — не своими глазами, а более зоркими

глазами Лета, от которых мало что могло укрыться. — Но не станут нам докучать, если только мы не вздумаем воровать у них коз или лошадей.

Так и вышло. Горца они встретили только однажды, когда холодный проливной дождь загнал их в укрытие. Мелкую пещеру, скрытую серо-зелеными ветками громадного страж-дерева, отыскал Лето. Но когда Ходор нырнул под каменный свод, Бран увидел рыжее зарево костра и понял, что они здесь не одни.

— Входите и грейтесь, — сказал мужской голос. — Каменной крыши на всех хватит.

Он угостил их овсяными лепешками и кровяной колбасой, дал хлебнуть эля из своего меха, но не назвался и не спросил, как зовут их. Бран решил, что он из Лиддлей, потому что его беличий плащ скрепляла бронзовая с золотом пряжка в виде сосновой шишки. У Лиддлей щиты наполовину белые, наполовину зеленые, и на белой половине изображена сосновая шишка.

— Далеко ли еще до Стены? — спросил его Бран, пока они пережидали дождь.

— Ворон быстро долетит, — ответил предполагаемый Лиддль, — а если у кого крыльев нет, то далековато.

— Спорю, мы уже были бы там… — начал Бран.

— …если бы шли по Королевскому тракту, — закончила за него Мира.

Лиддль достал нож и стал строгать палочку.

— Когда в Винтерфелле был Старк, даже юная девушка могла путешествовать по Королевскому тракту в чем мать родила, и ее никто бы не тронул, и все путники находили огонь, хлеб и соль в придорожных харчевнях и острогах. Но теперь ночи стали холоднее, и двери стоят запертые. В Волчьем лесу завелись осьминоги, и ободранный человек разъезжает по Королевскому тракту, спрашивая, не видал ли кто чужих.

Риды переглянулись, и Жойен повторил:

— Ободранный человек?

— Да. Люди Бастарда. Он вроде как умер, а теперь, выходит, воскрес. Говорят, он щедро платит серебром за волчьи шкуры, а за вести о других воскресших мертвецах, может, и золота не пожалеет. — При этих словах горец взглянул на Брана и на растянувшегося рядом с ним Лето. — Что до Стены, это не то место, куда я захотел бы пойти. Старый Медведь увел Дозор в Зачарованный лес, а назад вернулись только его вороны с одним-единственным письмом. «Черные крылья, черные вести», говаривала моя матушка, но если птицы прилетают без вестей, дело, сдается мне,

еще чернее. — Он поворошил огонь обструганной палкой. — Когда в Винтерфелле сидел Старк, все было по-другому. Но старый волк умер, а молодой ушел на юг играть в престолы — теперь нам остались только призраки.

— Волки еще вернутся, — торжественно заверил Жойен.

— Ты-то почем знаешь, парень?

— Я видел это во сне.

— Мне, бывает, снится моя матушка, которая уж девять лет как умерла, но когда я просыпаюсь, ее нет с нами.

— Сны бывают разные, милорд.

— Ходор, — сказал Ходор.

Ночевали они все вместе, поскольку дождь никак не унимался, и один только Лето порывался покинуть пещеру. Когда костер прогорел до углей, Бран разрешил волку уйти. Тот в отличие от людей не боялся сырости, и ночь манила его. Лунный свет раскрасил мокрый лес серебром и побелил серые горные пики. Совы ухали и бесшумно ныряли между соснами, по склонам двигались бледные силуэты коз. Бран закрыл глаза и уплыл в волчий сон, насыщенный запахами и звуками ночи.

Когда они проснулись наутро, костер совсем

погас, а Лиддль ушел, оставив им колбасу и дюжину лепешек, аккуратно завернутых в белый с зеленым платок. В одних лепешках попадались кедровые орешки, в других черника. Бран попробовал и те и другие, так и не решив, какие ему больше нравятся. Когда-нибудь Старки снова вернутся в Винтерфелл, и тогда он пошлет за Лиддлями и отплатит им сторицей за каждый орешек и каждую ягодку.

В тот день их путь был несколько менее труден, а к полудню сквозь облака пробилось солнце. Бран, сидя в корзине, чувствовал себя почти довольным. Он даже подремал, убаюканный мерным шагом Ходора и мотивом, который тот мурлыкал себе под нос. Мира разбудила его, тронув за руку, и показала своей острогой на небо.

— Смотри, орел.

Бран поднял голову и увидел его, парящего по ветру на серых крыльях. Орел, чертя круги, поднимался все выше, а Бран думал, каково это — парить над миром вот так, без усилий. «Пожалуй, это даже лучше, чем лазать». Он попытался покинуть свое несчастное сломанное тело, подняться в небо и соединиться с орлом, как соединялся он с Лето. «Древовидцы это умели, значит, и у меня должно получиться». Бран старался, пока орел не скрылся в полуденной золотой дымке.

— Улетел, — с разочарованием сказал он тогда.

— Ничего, будут и другие, — утешила его Мира. — Они живут там, наверху.

— Да, наверное.

— Ходор, — сказал Ходор.

— Ходор, — согласился Бран.

Жойен поддел ногой сосновую шишку.

— По-моему, Ходору нравится, когда ты назы-

ваешь его имя.

— Ходор — не настоящее его имя. Это просто слово, которое он говорит. Старая Нэн говорила, что по-настоящему его звать Уолдер. Она ему прапрабабушкой приходится. — При упоминании старой Нэн Брану стало грустно. — Как ты думаешь, островитяне убили ее? — Мертвую они ее в Винтерфелле не видели — Бран вообще не помнил, чтобы они видели там мертвых женщин. — Она никому зла не делала, даже Теону. Просто рассказывала сказки. Теон не стал бы ее трогать, правда?

— Некоторые люди делают зло другим просто потому, что могут, — сказал Жойен.

— И тех, кого мы нашли в Винтерфелле, убил не Теон, — заметила Мира. — Слишком много островитян было среди мертвых. — Она перекинула острогу в другую руку. — Вспоминай сказки старой Нэн, Бран. Вспоминай, как она их рассказывала, как звучал ее голос. Пока ты это делаешь, часть ее всегда будет с тобой.

— Ладно, буду вспоминать, — пообещал он. После этого они долго шли молча по извилистой звериной тропе, ведущей через седло между двумя горными вершинами. На склонах вокруг росли хилые гвардейские сосны, впереди Бран

видел ледяной блеск стекающего вниз ручья. Устав слушать, как сопит Жойен и хрустит хвоя под ногами Ходора, он спросил Ридов:

— А вы какие-нибудь сказки знаете?

— Парочку знаем, — засмеялась Мира.

— Пару-другую, — подтвердил ее брат.

— Ходор, — пробубнил Ходор.

— Расскажите какую-нибудь, пока мы идем. Ходор любит сказки про рыцарей, и я тоже.

— У нас на Перешейке рыцарей нет, — сказал Жойен.

— Только над водой, — поправила его сестра. — В болотах мертвых рыцарей полно.

— Это верно, — согласился Жойен. — Там лежат андалы, островитяне, Фреи и прочие дураки, вздумавшие завоевать Сероводье. Никто из них его даже не нашел. Они вторглись на Перешеек, но назад не вернулись. Рано или поздно все они попадали в трясину и тонули там под тяжестью своих доспехов.

Рыцари-утопленники под водой навели на Брана дрожь, но он не стал возражать — он любил страшные сказки.

— Был, впрочем, один рыцарь в год ложной весны, — сказала Мира. — Его прозвали Рыцарем Смеющегося Древа. Возможно, он был выходцем

с Перешейка.

— А возможно, и нет. — Лицо Жойена испятнали зеленые тени. — Я уверен, что принц Бран сто раз слышал эту историю.

— Нет, не слышал. А если бы и слышал, это ничего. Старая Нэн часто рассказывала одни и те же сказки, и мы не спорили, если сказка была хорошая. Она говорила, что старые сказки — как старые друзья, которых надо навещать время от времени.

— Это верно. — Мира шла со щитом за спиной, отводя острогой ветки с дороги. Бран уже решил, что она ничего рассказывать не намерена, и тут она начала: — Жил на Перешейке один юноша, маленький ростом, как все болотные жители, но смелый, умный и сильный. С самого детства он охотился, рыбачил, лазил по деревьям и овладел всеми волшебными навыками моего народа.

Бран был почти уверен, что никогда не слышал этой сказки.

— Он тоже видел зеленые сны, как Жойен?

— Нет, зато он умел дышать илом, бегать по листьям и менять землю на воду и воду на землю всего одним тихим словом. Умел разговаривать с деревьями, сплетать слова и заставлять замки появляться или исчезать.

— Вот бы и мне все это уметь. — печально сказал Бран. — А когда будет про древесного рыцаря?

— Скоро, — скорчила рожицу Мира, — если некий принц будет молчать.

— Я просто спросил.

— Юноша знал волшебство болот, но хотел умножить свои знания. Наши люди редко уходят далеко от дома. Мы маленький народ, и наша жизнь кое-кому кажется странной, поэтому высокие люди не всегда принимают нас дружелюбно. Но этот юноша был смелее многих, и однажды, дожив до совершенных лет, он решил покинуть болота и побывать на Острове Ликов.

— На Острове Ликов никто не бывает, — возразил Бран. — Там живут зеленые люди.

— Как раз зеленых людей он и хотел повидать. И вот он надел рубаху с бронзовой чешуей, как у меня, взял кожаный щит и острогу-трезубец, как у меня, и поплыл в маленьком кожаном челноке по Зеленому Зубцу.

Бран закрыл глаза и попытался представить себе этого юношу в его кожаном челноке. Юноша в его воображении походил на Жойена, только постарше и посильнее, а одет был как Мира.

— Он проплыл под Близнецами ночью, чтобы

Фреи на него не напали, и когда добрался до Трезубца, то сошел на берег и пошел пешком, неся свой челнок на голове. Так он шел много дней, но наконец пришел к Божьему Оку, спустил челнок на воду и поплыл к Острову Ликов.

— И встретил там зеленых людей?

— Да, но это уже другая сказка, и не мне рассказывать ее. Мой принц, помнится, спрашивал про рыцарей.

— Про зеленых людей тоже интересно послушать.

— Интересно, — согласилась Мира, но больше о них не упоминала. — Юноша прожил на острове всю зиму, но когда настала весна, он услышал зов большого мира и понял, что пришла пора уезжать. Кожаный челнок лежал там, где он оставил его, и юноша, попрощавшись, стал грести к берегу. Долго он греб и наконец увидел вдали башни стоящего у озера замка. Башни становились все выше, и юноша решил, что это, должно быть, самый большой замок на свете.

— Харренхолл! — догадался Бран. — Это был Харренхолл!

— Правда? — улыбнулась Мира. — Под стенами замка он увидел палатки всевозможных цветов, яркие, трепещущие на ветру знамена и рыцарей

на боевых скакунах, в кольчугах и панцирях. Он почуял запах жареного мяса, услышал смех и трубы герольдов. Начинался большой турнир, на который съехались бойцы со всей страны. Сам король присутствовал на нем со своим сыном, принцем-драконом, и Белые Мечи тоже прибыли, чтобы принять в свои ряды нового собрата. Штормовой и розовый лорды тоже приехали. Великий лев со скалы поссорился с королем и остался дома, но многие из его знаменосцев и рыцарей явились на турнир. Юноша с болот никогда еще не видел такого зрелища и знал, что больше наверняка и не увидит. Частью своей души он страстно желал принять участие в этом состязании.

Бран хорошо знал, что это за чувство. Маленьким он мечтал только об одном: как станет рыцарем. Еще до того, как упал и лишился ног.

— Когда турнир открылся, королевой любви и красоты объявили дочь лорда огромного замка. Пятеро рыцарей вызвались защищать ее корону: четверо ее братьев и дядя, прославленный рыцарь Королевской Гвардии.

— Она была прекрасной дамой?

— Да, — Мира перескочила через камень, — но там были и другие дамы, еще красивее, чем она. Одна была женой принца-дракона, и ее сопровож-

дала целая дюжина придворных дам. Все рыцари молили их повязать знак отличия им на копья.

— Твоя сказка, случайно, не про любовь? — с подозрением спросил Бран. — Ходор такие не очень-то любит.

— Ходор, — подтвердил Ходор.

— Он любит, когда рыцари сражаются с чудовищами.

— Рыцари иногда тоже бывают чудовищами, Бран. Юноша с болот шел через поле, радовался весеннему дню и никого не трогал, но тут его начали задирать трое оруженосцев. Все они были не старше пятнадцати лет, но выше его ростом. Они полагали, что этот мир принадлежит им и что болотный житель не имеет права в нем находиться. Они отняли у него острогу, повалили его на землю и обозвали лягушатником.

— Это были Уолдеры? — Уолдер Малый вполне мог так поступить.

— Имен своих они не назвали, но он хорошо запомнил их лица и задумал им отомстить. Они толкали и пинали его каждый раз, как он пытался встать. Но тут подала голос девушка-волчица. «Вы бьете человека моего отца», — грозно прорычала она.

— У нее было две ноги или четыре?

— Две. Она набросилась на оруженосцев с турнирным мечом, и они разбежались. Юноша был весь в синяках и в крови, и она отвела его в свое логово, где обмыла и перевязала его раны. Там он встретился со всей ее стаей: свирепым волком-вожаком, тихим волком и волчонком, самым младшим из них четверых.

В тот вечер в Харренхолле давали пир, чтобы ознаменовать открытие турнира, и девушка-волчица настояла, чтобы юноша с болот тоже пошел туда. Он был высокого рода и имел такое же право получить место на скамье, как всякий другой. Ей было нелегко отказать. Волчонок подобрал юноше подобающий для королевского пира наряд, и тот отправился в великий замок.

В замке Харрена он ел и пил вместе с волками и их вассалами: жителями курганов, лосями, медведями и водяными. Принц-дракон спел песню, столь печальную, что девушка-волчица прослезилась, но когда младший волчонок стал ее дразнить, она вылила вино ему на голову. Черный брат произнес речь, призывая рыцарей вступать в Ночной Дозор. Штормовой лорд победил рыцаря черепов и поцелуев в винопийственном поединке. Девушка с веселыми пурпурными глазами протанцевала с белым мечом, красным

змеем, лордом грифонов, а напоследок с тихим волком — это волк-вожак попросил ее за брата, слишком застенчивого, чтобы встать со скамьи.

И вот среди этого веселья юноша увидел трех оруженосцев, напавших на него. Один служил рыцарю с вилами, другой дикобразу, третий рыцарю с двумя башнями на камзоле — эмблемой, хорошо известной всем жителям болот.

— Фреи, — вставил Бран. — Фреи с Переправы.

— Да — как теперь, так и в те времена. Девушка-волчица тоже увидела их и указала на них своим братьям. «Я могу дать тебе коня и доспехи по твоему росту», — предложил волчонок. Юноша поблагодарил его, однако не дал ответа. Сердце у него разрывалось. Жители болот ростом меньше большинства людей, но не менее их горды. Он не был рыцарем — ведь на болотах они не водятся. Мы чаще садимся в лодку, чем на коня, и наши руки созданы для весел, а не для копий. Юноша очень хотел отомстить, но боялся, что только выставит себя дураком и посрамит свой народ. Тихий волк пригласил юношу ночевать в свой шатер, но перед сном тот опустился на колени у кромки озера, обратившись к Острову Ликов, и помолился старым богам Севера и Перешейка.

— Неужели ты никогда не слышал эту сказку

от своего отца? — спросил Жойен.

— Сказки нам рассказывала только Нэн. Ты продолжай, Мира, не останавливайся.

Ходор, придерживаясь, видно, того же мнения, произнес:

— Ходор. Ходор-ходор-ходор-ходор.

— Ну, если ты правда хочешь услышать остальное…

— Хочу. Рассказывай.

— Турнир должен продолжаться пять дней. В него входили большая семисторонняя общая схватка, состязания стрелков, метание топоров, скачки и певческий турнир…

— Да ну их всех. — Бран нетерпеливо поерзал в своей корзине. — Рассказывай про рыцарей.

— Как моему принцу угодно. Королевой любви и красоты была дочь замка, и защищали ее четверо братьев и дядя, но все четверо сыновей замка потерпели поражение в первый же день. Победители недолго наслаждались славой и тоже покинули поле. Случилось так, что к концу первого дня в числе победителей оказался рыцарь-дикобраз, а утром второго дня рыцарь с вилами и рыцарь с башнями тоже одержали победу. Но к вечеру того же второго дня, когда тени стали длинными, на ристалище появился

таинственный рыцарь.

Бран довольно кивнул. На турнирах часто появляются таинственные рыцари в шлемах, скрывающих лица, и со щитами либо чистыми, либо носящими никому не известную эмблему. Иногда они оказываются прославленными бойцами. Рыцарь-Дракон однажды выиграл турнир под именем Рыцаря Слез, чтобы назвать свою сестру королевой любви и красоты вместо королевской фаворитки. А Барристан Смелый выступал переодетым дважды, и в первый раз ему было всего лишь десять лет.

— Спорю, что это был юноша с болот.

— Этого никто не знает, однако таинственный рыцарь был мал ростом, и доспехи, составленные из кусков и обрывков, плохо сидели на нем. Эмблема на его щите изображала сердце-дерево старых богов, белое чардрево с красным ликом.

— Может быть, он приехал с Острова Ликов. Он был зеленый? — В сказках старой Нэн у хранителей острова была темно-зеленая кожа и листья вместо волос, а порой и оленьи рога, но вряд ли таинственный рыцарь смог бы надеть шлем, будь у него рога. — Спорю, что его послали старые боги.

— Возможно. Таинственный рыцарь склонил

копье перед королем и поскакал в конец поля, где стояли павильоны пятерых победителей. Ты, конечно, уже угадал тех троих, которых он вызвал.

— Рыцаря-дикобраза, рыцаря с вилами и рыцаря с башнями. — Бран слышал слишком много сказок, чтобы не догадаться. — Говорю тебе, это юноша с болот.

— Кто бы он ни был, древние боги дали силу его деснице. Сначала он одержал верх над рыцарем-дикобразом, потом над рыцарем с вилами и рыцарем с башнями. Никто из них особой любовью не пользовался, и простой народ громко приветствовал Рыцаря Смеющегося Древа, как прозвали нового победителя. Когда побежденные противники захотели выкупить у него своих коней и доспехи, он произнес громовым голосом: «Научите своих оруженосцев правилам чести, иного выкупа мне не нужно». Оруженосцев строго наказали, и рыцарям вернули коней и доспехи. Итак, молитва юноши не осталась без ответа, кто бы ему ни помог — зеленые люди, старые боги или Дети Леса.

Подумав немного, Бран решил, что это хорошая сказка.

— А что было потом? Рыцарь Смеющегося Древа выиграл турнир и женился на принцессе, да?

— Нет. В ту ночь штормовой лорд и рыцарь черепов и поцелуев поклялись узнать, кто он, и сам король поощрял их вызвать его на поединок, говоря, что тот, кто скрывается под шлемом, ему не друг. Но на следующее утро, когда герольды затрубили в трубы и король занял свое место, на поле вышли только двое победителей. Рыцарь Смеющегося Древа исчез. Король разгневался и даже послал на его поиски своего сына, принца-дракона, но в итоге нашли только его щит, висящий на дереве. В конце концов победителем турнира стал принц-дракон.

— О-о. — Бран подумал еще немного. — Хорошая сказка, только лучше бы его оскорбили рыцари, а не их оруженосцы. Тогда юноша с болот мог бы убить их всех, а то с этим выкупом как-то глупо получилось. И еще таинственный рыцарь должен был всех победить, выиграть турнир и объявить девушку-волчицу королевой любви и красоты.

— Она стала ею, — сказала Мира, — но это опять-таки другая, гораздо более печальная, история.

— Ты уверен, что никогда не слышал эту сказку, Бран? — настаивал Жойен. — Твой лорд-отец тебе ее не рассказывал?

Бран потряс головой. Уже вечерело, и длинные тени ползли вниз по горам, проталкивая черные пальцы между соснами. «Если юноша с болот сумел побывать на Острове Ликов, то и я, может быть, сумею». Все сказки сходятся на том, что зеленые люди владеют волшебной силой. Может быть, они вернут ему способность ходить и даже сделают его рыцарем. «Сделали же они рыцарем юношу с болот, пусть всего на один день, — подумал он. — Мне хватило бы и дня».

Давос

Тюрьма была куда более теплой, чем полагается быть тюрьме.

Темнота, впрочем, соблюдалась. Сквозь старинную железную решетку проникал мигающий оранжевый свет от факела на внешней стене, но задняя половина камеры тонула во мраке. Сырость тоже присутствовала — иначе и быть не могло на острове вроде Драконьего Камня, который море окружает со всех сторон. И крысы здесь водились, как во всякой тюрьме, если не в большем числе.

Но на холод Давос не мог пожаловаться. В подземных каменных коридорах замка всегда тепло — Давос слышал, что чем ниже ты спускаешься, тем теплее становится. Он, насколько мог судить,

находился довольно низко, и стена его камеры часто бывала теплой на ощупь. Быть может, старые сказки не лгут и замок в самом деле сложен из камней, добытых в преисподней.

Когда Давоса привели сюда, он был очень болен. Кашель, мучивший его со дня битвы, усилился, и лихорадка трясла его почем зря. На губах вздулись кровавые пузыри, и дрожь не проходила, хотя в темнице и было тепло. Давос думал, что долго не протянет и скоро умрет здесь, во мраке.

Но вскоре он понял, что заблуждался в этом, как и во многом другом. Ему смутно вспоминались мягкие руки, твердый голос и устремленный на него взгляд молодого мейстера Пилоса. Мейстер поил его горячим чесночным отваром и маковым молоком. Мак погружал Давоса в сон, и пока он спал, ему ставили пиявки, чтобы вытянуть дурную кровь. Так он, во всяком случае, предполагал по следам, которые находил у себя на руках, когда просыпался. Недолгое время спустя кашель прекратился, волдыри на губах пропали, а в отваре стали появляться кусочки белой рыбы, морковка и лук. В конце концов Давос почувствовал себя крепче, чем когда-либо с тех пор, как «Черная Бета» развалилась под ним, скинув его в реку.

Его охраняли попеременно двое тюремщиков.

Один был коренастый, с могучими плечами и громадными сильными руками. Он всегда носил кожаный нагрудник с железными заклепками и раз в день приносил Давосу миску овсянки, порой подслащивая ее медом или добавляя немного молока. Другой тюремщик, постарше, был сутул и желт, с немытыми волосами и бугристой кожей. Он носил бархатный белый дублет с вышитым на груди золотой нитью кольцом из звезд. Дублет, слишком короткий и широкий для него, был к тому же грязным и рваным. Этот приносил мясо или рыбу, а однажды даже половину пирога с угрями. Это блюдо оказалось таким жирным, что Давос не удержал его в себе, но все равно, узникам такое нечасто перепадает.

В толстых стенах не было окон, и в темницу не проникали ни солнце, ни луна. День или ночь Давос различал только по тюремщикам. Они не разговаривали с ним, хотя и не были немыми — он знал это по отрывочным словам, которыми они порой перебрасывались при смене караула. Они даже имен своих ему не назвали, поэтому он сам придумал им имена, назвав коренастого Овсянкой, а сутулого Угрем. Он отличал день от ночи по пище, которую они ему приносили, и по смене факелов снаружи.

В темноте начинаешь чувствовать себя одиноким и тоскуешь по звуку человеческого голоса. Давос заговаривал с тюремщиками всякий раз, как они входили к нему — принести ему еду или вынести ведро с нечистотами. Он знал, что они останутся глухи к мольбам о свободе и милосердии, и просто задавал им вопросы, надеясь, что когда-нибудь они ответят. Что слышно о войне? Здоров ли король? Он спрашивал о своем сыне Деване, о принцессе Ширен, о Салладоре Саане. Какая теперь погода? Начались ли уже осенние штормы? Ходят ли еще корабли по Узкому морю?

О чем бы он ни спрашивал, они все равно не отвечали, хотя Овсянка иногда смотрел так, что Давосу казалось, будто он вот-вот заговорит. С Угрем даже и этого не случалось. «Я для него не человек, — думал Давос, — я камень, который ест, гадит и разговаривает». Со временем он решил, что Овсянка ему куда больше по душе. Тот по крайней мере признавал, что Давос живой, и в нем чувствовалась некая доброта. Давос подозревал, что он и крыс подкармливает, потому их и расплодилось так много. Однажды ему послышалось, что тюремщик разговаривает с ними, как с детьми, — или, может быть, просто приснилось.

«Уморить меня здесь точно не собираются, — понял он. — Им зачем-то нужно сохранить мне жизнь». Давосу не хотелось думать о том, что это может означать. Лорда Сангласса и сыновей сира Хуберта Рамбтона тоже некоторое время держали в темнице, чтобы потом сжечь их на костре. «Надо было броситься в море, — думал Давос, глядя на факел за прутьями решетки. — Или дать парусу пройти мимо и умереть на своей скале. Лучше бы меня пожрали крабы, чем огонь».

Однажды ночью, доедая свой ужин, он вдруг ощутил, как на него пахнуло жаром. Он посмотрел через решетку и увидел *ее* — в алом платье, с большим рубином на шее, с красными глазами, горящими столь же ярко, как освещающий ее факел.

— Мелисандра, — произнес он со спокойствием, которого не чувствовал.

— Луковый Рыцарь, — ответила она столь же спокойно, как будто они повстречались на лестнице или во дворе. — Как ваше здоровье?

— Лучше, чем прежде.

— Вы в чем-то нуждаетесь?

— Да. Мне нужны мой король и мой сын. — Он отставил миску и встал. — Вы пришли, чтобы сжечь меня?

Ее странные красные глаза разглядывали его сквозь прутья.

— Это плохое место, правда? Темное и скверное. Благое солнце и яркая луна не заглядывают сюда. Между вами и тьмой стоит только это, Луковый Рыцарь. — Она указала на факел. — Этот маленький огонь, этот дар Рглора. Может быть, мне его погасить?

— Нет. — Он подался к решетке. — Не надо. — Он просто не выдержит, если останется в полном мраке, в обществе одних только крыс.

Красная женщина искривила губы в улыбке.

— Я вижу, вы начинаете любить огонь.

— Мне нужен этот факел. — Давос сжал кулаки. «Не стану я ее умолять. Не стану».

— Я тоже как этот факел, сир Давос. Мы оба с ним орудия Рглора и созданы с единственной целью — разгонять тьму. Вы мне верите?

— Нет. — Пожалуй, надо было солгать и сказать ей то, что она хотела услышать, но Давос слишком привык говорить правду. — Вы сама порождаете тьму. Я видел это в подземелье Штормового Предела, когда вы разродились у меня на глазах.

— Неужто храбрый Луковый Рыцарь так испугался мимолетной тени? Позвольте приободрить вас. Тени рождаются только от света, а королев-

ский огонь стал так слаб, что я не смею больше черпать из него, чтобы зачать еще одного сына. Это могло бы убить отца. — Мелисандра подошла поближе. — Возможно, с другим мужчиной… чье пламя пылает высоко и ярко… если вы взаправду хотите послужить делу своего короля, приходите ночью ко мне в спальню. Я доставила бы вам удовольствие, которого вы еще не знали, и зачала бы от вашего жизненного огня…

— …исчадие тьмы. — Давос попятился. — Я не желаю иметь никакого дела ни с вами, миледи, ни с вашим богом. Да сохранят меня Семеро.

— Гансера Сангласса они не сохранили, — вздохнула Мелисандра. — Он молился трижды на дню и носил на щите семь семиконечных звезд, но когда Рглор простер к нему руку, его молитвы превратились в вопли, и он сгорел. К чему цепляться за этих ложных богов?

— Я поклонялся им всю свою жизнь.

— Всю жизнь, Давос Сиворт? Почему бы не добавить *«прошлую жизнь»*? — Мелисандра с грустью покачала головой. — Вы не боялись говорить правду королям, отчего же вы лжете себе? Раскройте глаза, сир рыцарь.

— И что же я должен увидеть, когда их раскрою?

— То, как устроен мир. Истина повсюду, стоит только посмотреть. Ночь темна и полна ужасов, день ярок, прекрасен и полон надежд. Одна черна, другой бел. Есть лед и есть огонь, любовь и ненависть, горькое и сладкое, мужчина и женщина, боль и удовольствие, зима и лето, добро и зло. — Она сделала еще шаг в его сторону. — *Жизнь и смерть.* Повсюду противоположности, повсюду война.

— Война?

— Да. Сторон две, Луковый Рыцарь. Не семь, не одна, не сто и не тысяча. *Две*. Думаете, я проехала полмира для того, чтобы посадить какого-то тщеславного короля на пустой трон? Война идет от начала времен, и прежде чем она закончится, каждый человек должен выбрать одну из сторон. На одной стоит Рглор, Владыка Света, Огненное Сердце, Бог Пламени и Тени. Ему противостоит Великий Иной, чье имя запретно, Владыка Тьмы, Ледяная Душа, Бог Ночи и Ужаса. Мы должны выбирать не между Баратеоном и Ланнистером, Старком и Грейджоем, но между жизнью и смертью. Между тьмой и светом. — Она стиснула прутья его решетки тонкими белыми пальцами, и казалось, что рубин у нее на горле пульсирует собственным светом. — Скажите же правду, сир

Давос Сиворт: горит ваше сердце огнем Рглора или в нем властвуют мрак, холод и черви? — Она протянула руку сквозь решетку и приложила к его груди, как бы нащупывая истину через слои плоти, кожи и шерстяной ткани.

— Мое сердце полно сомнений, — медленно ответил Давос.

— Ах, Давос, — вздохнула Мелисандра. — Хороший рыцарь честен во всем, даже и в свой черный день. Хорошо, что вы не стали мне лгать — я бы все равно узнала. Слуги Иного часто скрывают черные сердца за веселыми огнями, и поэтому Рглор дает своим жрецам силу видеть правду сквозь обман. — Мелисандра немного отошла от решетки. — Зачем вы хотели убить меня?

— Я вам скажу, если и вы скажете, кто меня выдал. — Это мог быть только Салладор Саан, но Давос и теперь молился, чтобы это оказалось неправдой.

Красная женщина рассмеялась.

— Никто вас не выдавал, Луковый Рыцарь. Я прочла ваши намерения в пламени.

«В пламени…»

— Если вы способны видеть в пламени будущее, как получилось, что нас сожгли на Черноводной? Вы отдали огню моих сыновей… мои сыновья,

мои люди, мой корабль, все сгорело…

— Вы несправедливы ко мне, Луковый Рыцарь. К тому огню я не имею отношения. Будь я с вами, битва завершилась бы по-другому. Но его милость был окружен неверующими, и гордость в нем пересилила веру. Он понес суровое наказание, однако извлек урок из своей ошибки.

«Выходит, мои сыновья послужили уроком для короля?» Рот Давоса сжался.

— Теперь в ваших Семи Королевствах царит ночь, — продолжала красная женщина, — но вскоре солнце взойдет снова. Война продолжается, Давос Сиворт, и скоро кое-кто узнает, что даже тлеющий под пеплом уголь способен разжечь большой пожар. Старый мейстер видел в Станнисе только человека. Вы видите в нем короля, но оба вы не правы. Он избранник Владыки, воин огня. Я видела в пламени, что он возглавит битву с тьмой. Пламя не лжет, иначе вас бы не было здесь. В пророчестве сказано: когда воссияет красная звезда и опустится тьма, Азор Ахай возродится вновь среди дыма и соли и пробудит драконов из камня. Кровавая звезда пришла и ушла, а место дыма и соли — это Драконий Камень. Станнис Баратеон — вот возрожденный Азор Ахай! — Ее красные глаза пылали как два

костра и смотрели в самую душу. — Вы мне не верите. Вы сомневаетесь в истине Рглора даже теперь… однако ж уже послужили ему и послужите снова. Я оставлю вас, чтобы вы обдумали все, что я сказала. А поскольку Рглор — источник добра, я оставлю вам и факел.

Она улыбнулась, взметнула алыми юбками и ушла, оставив за собой только свой запах — и факел. Давос уселся на пол, обхватив руками колени, омываемый дрожащим светом. Шаги Мелисандры затихли, и слышно было только, как скребутся крысы. «Лед и огонь. Черное и белое. Ть-

ма и свет». Давос не мог отрицать власти ее бога. Он видел тень, вылезшую из чрева Мелисандры, притом жрица знала то, что знать никак не могла. «Она прочла мои намерения в пламени…» Утешительно узнать, что Салла его не продавал, но то, что красная женщина способна читать его секреты в пламени, тревожило Давоса сверх всякой меры. «И что она подразумевала, сказав, что я уже послужил ее богу и послужу еще?»

Давос поднял глаза и долго смотрел на факел, не мигая, следя, как колеблется пламя. Он пытался проникнуть за огненную завесу и разглядеть, что живет там, в глубине — но там не было ничего, кроме огня, а его глаза скоро начали слезиться.

Полуослепший и усталый, Давос свернулся на соломе и поддался сну.

Три дня спустя (Овсянка приходил трижды, а Угорь дважды) Давос услышал снаружи голоса. Он тут же сел, прислонившись спиной к стене, и стал прислушиваться. В его неизменяющемся мире это было нечто новое. Шум шел слева, от лестницы, ведшей наверх.

– *…безумие!* — с молящими нотами кричал мужской голос. Кричащего тащили двое стражников с пылающими сердцами на груди. Овсянка шел впереди, бряцая ключами, сир Акселл

Флорент — позади. — Акселл, — в отчаянии восклицал влекомый, — ради любви, которую ты ко мне питаешь, *освободи меня.* Ты не можешь так поступить, ведь я не изменник. — Это был пожилой человек, высокий и стройный, с серебристыми сединами, острой бородкой и длинным, породистым, искривленным от страха лицом. — Где Селиса, где королева? Я требую встречи с ней. Иные бы вас всех побрали! *Отпустите меня!*

Стражники не обращали внимания на его крики.

— Сюда, что ли? — спросил Овсянка, остановившись перед камерой. Давос встал и подумал, не ринуться ли наружу, когда откроют дверь. Но нет, это было бы безумием. Их слишком много, у стражников при себе мечи, а Овсянка силен, как бык.

Сир Акселл коротко кивнул.

— Пусть изменники насладятся обществом друг друга.

– *Я не изменник!* — завопил узник. Овсянка тем временем отпер дверь. Узник был одет просто, в серый шерстяной дублет и черные бриджи, но его речь выдавала благородное происхождение. «Только здесь это ему не поможет», — подумал Давос.

Овсянка распахнул решетчатую дверь, и стражники по знаку сира Акселла швырнули узника внутрь. Тот чуть не упал, но Давос подхватил его. Незнакомец в тот же миг рванулся обратно к двери, но ее захлопнули прямо перед ним.

– *Нет,* — закричал он, — *нееееет.* — Ноги внезапно подкосились под ним, и он медленно сполз на пол, цепляясь за железные прутья. Сир Акселл, Овсянка и двое стражников уже повернули прочь. — Вы не имеете права, — крикнул узник в их удаляющиеся спины. — *Я десница короля!*

В этот миг Давос узнал его.

— Вы Алестер Флорент.

Узник повернул к нему голову.

— А вы…

— Сир Давос Сиворт.

Лорд Алестер заморгал.

— Сиворт… да, Луковый Рыцарь. Вы пытались убить Мелисандру.

Давос не стал отпираться.

— У Штормового Предела вы носили красные с золотом доспехи, с цветами из ляпис-лазури на панцире. — Давос подал Флоренту руку и помог ему встать. Лорд Алестер стряхнул с себя грязную солому.

— Должен извиниться перед вами за свой тепе-

решний вид, сир. Вся моя поклажа пропала, когда Ланнистеры вторглись в наш лагерь. Осталась только кольчуга, что была на мне, и перстни на пальцах.

«Перстни и сейчас при нем», — подумал Давос, у которого и пальцев-то не было.

— Теперь в моем бархатном дублете и расшитом драгоценностями плаще щеголяет какой-нибудь кухарь или конюх, — продолжал лорд Алестер. — Но превратности войны не щадят никого. Не сомневаюсь, что и вы от них пострадали.

— Я потерял корабль, моих людей и четырех сыновей.

— Да смил… да проведет их Владыка Света сквозь мрак в лучший мир, — отозвался Флорент.

«Да рассудит их Отец по справедливости, и да смилуется над ними Матерь», — добавил про себя Давос, но не произнес этого вслух. Семерым нет больше места на Драконьем Камне.

— Мой сын теперь в Брайтуотере, где ему ничего не грозит, — сказал лорд, — но на «Ярости» погиб мой племянник, сир Имри, сын моего брата Раэма.

Это сир Имри завел их на Черноводную, дав команду грести полным ходом и не обратив вни-

мания на маленькие башенки в устье реки. Уж кого-кого, а его Давос помнил.

— Мой сын Марик был у вашего племянника гребным мастером. — Давос вспомнил, как в последний раз видел «Ярость», охваченную диким огнем. — На корабле никто не выжил?

— «Ярость» сгорела и пошла ко дну со всей своей командой. Ваш сын и мой племянник погибли, а с ними еще множество добрых людей. В тот день мы проиграли войну, сир.

«Этот человек разбит в пух и прах». Давос вспомнил, что говорила Мелисандра об углях под пеплом, из которых разгорается бушующее пламя. «Неудивительно, что он оказался здесь».

— Его милость никогда не признает себя побежденным, милорд.

— Безумие, просто безумие. — Лорд Алестер снова опустился на пол, как будто ему было трудно стоять. — Станнис Баратеон никогда не займет Железного Трона. Разве это измена — говорить правду? Даже если эта правда горька? Флот его погиб, не считая лиснийских кораблей, а Салладор Саан обратится в бегство от одного вида ланнистерского паруса. Большинство лордов, поддерживавших Станниса, перешли к Джоффри или расстались с жизнью…

— Даже лорды Узкого моря, присягнувшие Драконьему Камню?

Лорд Алестер слабо махнул рукой.

— Лорд Селтигар попал в плен и склонил колено. Монфорд Веларион погиб вместе со своим кораблем, Сангласса сожгла красная женщина, а лорд Бар-Эммон — это рыхлый юнец пятнадцати лет. Вот и все ваши лорды Узкого моря. Станнису остался только дом Флорентов против всей мощи Хайгардена, Солнечного Копья и Утеса Кастерли, а теперь и большинства штормовых лордов. Единственная наша надежда — это попытаться спасти хоть что-нибудь, заключив мир. Именно это я и намеревался сделать. Боги праведные, как они могут называть это изменой?

Давос встал и нахмурился.

— Что вы, собственно, сделали, милорд?

— Я не совершал измены. Не совершал. Я люблю короля не меньше, чем все они. Королева — моя родная племянница, и я остался верен ему, когда другие, кто поумнее, разбежались. Я его десница — как же я мог ему изменить?! Я хотел только спасти наши жизни… и нашу честь. — Лорд смочил языком губы. — Я написал письмо. Салладор Саан заверил меня, что у него есть человек, способный доставить мое послание в Королевскую

Гавань, лорду Тайвину. Лорд Ланнистер человек разумный, а условия я предлагал честные… более чем честные.

— В чем они состояли, милорд?

— Здесь грязно, — молвил внезапно лорд Алестер. — И этот запах… откуда он?

— От ведра, — показал Давос. — Это наше отхожее место. Так что это были за условия?

Лорд уставился на ведро с ужасом.

— Лорд Станнис отречется от своих притязаний на Железный Трон и возьмет назад все, что говорил о незаконном происхождении Джоффри, при условии, что король помирится с ним и оставит его лордом Драконьего Камня и Штормового Предела. Я, со своей стороны, поклялся сделать то же самое в обмен на возвращение мне замка Брайтуотер и всех наших земель. Я надеялся, что лорд Тайвин оценит мое предложение по достоинству. Ему предстоит еще разделаться с Огарками и с островитянами. Я предложил скрепить наш договор, выдав Ширен за брата Джоффри Томмена. Лучших условий для нас вообразить невозможно. Даже вы должны это понимать!

— Ну да, — ответил Давос, — даже я. — Если у Станниса не будет сына, Драконий Камень и Штормовой Предел вследствие такого брака ко-

гда-нибудь перейдут к Томмену, что, несомненно, пришлось бы по вкусу лорду Тайвину. Кроме того, Ширен осталась бы заложницей Ланнистеров на случай, если Станнису вздумается поднять новый мятеж. — А что сказал его милость, когда вы изложили эти условия ему?

— При нем постоянно находится красная женщина, и он, боюсь… не совсем в здравом уме. Эти разговоры о каменном драконе — настоящее безумие. Неужели он ничему не научился на примере Эйериона Огненного, девяти магов и алхимиков? На примере Летнего Замка? Из всех этих грез о драконах никогда ничего доброго не выходило — я так и сказал Акселлу. Мой замысел лучше. Надежнее. Станнис дал мне свою печать и облек властью правителя. Десница говорит от имени короля.

— Не в таком деле. — Давос, не будучи придворным, даже не пытался смягчить прямоту своих слов. — Не в натуре Станниса сдаваться, пока он верит в справедливость своих требований. И он ни за что не отречется от того, что говорил о Джоффри, поскольку верит, что это правда. Что до брака, Томмен родился от того же кровосмешения, что и Джоффри, и его милость скорее позволит Ширен умереть, чем отдаст ее

подобному отродью.

На лбу Флорента пульсировала вздувшаяся вена.

— *У него нет иного выбора.*

— Ошибаетесь, милорд. Выбор у него есть: умереть королем.

— И прихватить с собой нас? Вы этого хотите, Луковый Рыцарь?

— Нет. Но я человек короля и не стану заключать мир без его согласия.

Лорд Алестер с беспомощным отчаянием посмотрел на него и залился слезами.

Джон

Последняя ночь выдалась безлунной, но небо в кои-то веки прояснилось.

— Я пойду на холм, поищу Призрака, — сказал Джон теннам около входа в пещеру, и они, проворчав что-то, пропустили его.

«Как много звезд», — думал он, поднимаясь по склону, заросшему соснами, елями и ясенями. В свое время мейстер Лювин учил его различать звезды. Джон заучил имена двенадцати небесных домов и их правителей, мог найти семь священных странников и навсегда подружился с Ледяным Драконом, Сумеречным Котом, Лунной Девой и Мечом Зари. Эти друзья у них с Игритт были общими, но остальные — нет. «Глядя на одни и те же звезды, мы видим совсем

разное». Королевская Корона для нее Колыбель, Жеребец — Рогатый Лорд; Красного Странника, которого септоны объявляют священной звездой Кузнеца, она называет Вором. Время, когда Вор находится в Лунной Деве, она считает благоприятным для похищения женщин. «В ту ночь, когда ты похитил меня, Вор светил ярко».

«Я не собирался тебя похищать, — возражал Джон. — Я даже не знал, что ты девушка, пока не приставил нож тебе к горлу».

«Если ты не собираешься убивать кого-то, но все-таки убиваешь, он от этого делается не менее мертвым», — стояла на своем Игритт. Джон никого еще не встречал упрямее ее, кроме разве что своей сестренки Арьи. «Если она мне по-прежнему сестра. Да и была ли она ею?» Он никогда не был настоящим Старком — только бастардом лорда Эдварда, не знающим своей матери, и мог называть Винтерфелл своим домом не с большим правом, чем Теон Грейджой. И даже этого дома он лишился. Когда брат Ночного Дозора произносит свою клятву, он порывает со старой семьей и приобретает новую, но и этих братьев Джон Сноу тоже потерял.

Призрака он, как и ожидал, нашел на вершине холма. Белый волк никогда не выл, но что-то тем

не менее тянуло его на высокие места. Он сидел и дышал белым паром, устремив красные глаза к звездам.

— У тебя для них тоже есть свои имена? — Джон опустился на одно колено рядом с волком и почесал густой белый мех у него на шее. — Заяц, Лань, Волчица? — Призрак лизнул шершавым мокрым языком струпья, оставшиеся на лице Джона от орлиных когтей. «Теперь этот орел пометил нас обоих». — Призрак, — тихо сказал Джон, — завтра мы будем перебираться на ту сторону. Там нет ступенек, нет подъемных клетей, и тебя я перетащить не смогу. Нам придется расстаться, понимаешь?

В темноте красные волчьи глаза казались черными. Он молча, как всегда, ткнулся мордой в шею Джона, дохнул горячим паром. Одичалые прозвали Джона варгом, но варг из него никудышный. Он не умеет влезать в волчью шкуру в отличие от того же Орелла, который перед смертью вошел в орла.

Однажды ему, правда, приснился сон, что он глазами Призрака смотрит с высоты на долину Молочной, где Манс собрал свое войско, и сон этот оказался вещим — но сейчас он не спит, и у него нет ничего, кроме слов.

— Тебе нельзя со мной. — Джон держал волчью голову в ладонях, заглядывая ему в глаза. — Ты должен пойти в Черный Замок, понимаешь? *Черный Замок*. Ты ведь сможешь найти его? Дом? Просто беги вдоль ледяной горы, на восток, на солнце, и ты найдешь. В Черном Замке тебя узнают, и твой приход, может быть, насторожит их. — Хорошо бы послать с Призраком записку, но у него нет ни чернил, ни пергамента, ни даже гусиного пера, да и риск разоблачения был бы слишком велик. — Мы с тобой встретимся там, в Черном Замке, но туда тебе придется добираться самому. Какое-то время нам придется охотиться поодиночке.

Лютоволк освободился из рук Джона, насторожив уши, и вдруг умчался прочь. Он пронесся по кустам, перескочил через кучу валежника и устремился вниз с холма, мелькая бледной тенью между деревьев. «Куда это он — в Черный Замок? Или гонится за зайцем?» Если бы знать. Да, оборотень из Джона, как видно, такой же плохой, как брат Дозора или шпион.

Ветер, пахнущий хвоей, шуршал в деревьях, теребя его выцветшую черную одежду. На юге высилась темная Стена — огромная тень, заслоняющая звезды. Холмистая местность заставляла

Джона предполагать, что они находятся где-то между Сумеречной Башней и Черным Замком, скорее всего ближе к Башне. Уже много дней они пробирались на юг между глубоких озер, тянущихся длинными тонкими пальцами по дну узких долин и окруженных кремнистыми, поросшими сосняком холмами. Быстро по таким местам не поскачешь, зато они облегчают задачу тем, кто хочет подобраться к Стене незамеченным.

«Разведчикам одичалых. Таким, как мы. Таким, как я».

Там, за Стеной, лежат Семь Королевств. Там сосредоточено все, что он поклялся защищать. Он произнес присягу, поклялся своей жизнью и честью, и сейчас ему полагалось бы нести караул там, наверху. Полагалось бы поднести к губам рог и призвать Ночной Дозор к оружию. Но рога у него нет. Он мог бы, пожалуй, стащить его у кого-нибудь из одичалых, но к чему бы это привело? Даже если он затрубил бы в рог, его бы никто не услышал. Стена простирается на сто лиг в длину, а людей в Дозоре прискорбно не хватает. Все его крепости, кроме трех, покинуты, и на сорок миль вокруг не найти, пожалуй, ни единого брата, кроме Джона. Если он все еще брат Дозора.

«Я должен был попытаться убить Манса там, на Кулаке, даже если это стоило бы мне жизни». Куорен Полурукий поступил бы именно так. Но Джон промедлил и упустил свой случай. На следующий день он уже выехал в поход вместе с магнаром Стиром, Ярлом и еще сотней человек — лучших разведчиков и теннов. Он говорил себе, что скрывается лишь до поры до времени, что в подходящий миг он убежит и поскачет в Черный Замок. Но подходящий миг так и не настал. На ночлег они большей частью останавливались в покинутых деревнях, и Стир всегда наряжал дюжину своих теннов караулить лошадей. Ярл подозрительно следил за Джоном, а Игритт не отходила от него ни днем, ни ночью.

«Два сердца, что бьются, как одно». Насмешливые слова Манса отдавали горечью. Джон редко когда чувствовал себя таким сбитым с толку. «У меня нет выбора, — сказал он себе в первый раз, когда она скользнула под его спальные шкуры. — Если я откажу ей, она поймет, что я предатель. Я играю роль, которую велел мне играть Полурукий».

Его тело исполняло роль достаточно охотно. Он прижался губами к ее рту, рука нашла ее грудь под замшевой рубашкой, мужское естество на-

пряглось, коснувшись ее бугорка сквозь одежду. «А как же клятва?» — подумал он, вспоминая рощу чардрев, где принес ее, круг из девяти огромных белых деревьев, красные лики на стволах, которые глядели на него и слушали. Но ее пальцы уже развязывали тесемки ее рубашки, ее язык проник ему в рот, ее рука вытащила его член из-под одежды, и он перестал думать о чардревах. Она укусила его за шею, а он зарылся носом в ее густые рыжие волосы. «Счастье, — думал он. — Она приносит счастье — ее поцеловал огонь». «Ну что, хорошо?» — прошептала она, направив его в себя. Внизу она была ужасно мокрая и уже не девушка, это ясно, но Джону было все равно. Его клятва, ее невинность — все это не имело значения, осталось только ее тепло, ее губы, ее пальцы, теребящие его сосок. «Сладко, правда? — спросила она снова. — Не так быстро, медленнее, вот так. Продолжай, вот так, вот тут, да, хорошо. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, но я тебя научу. Теперь сильнее. Да-а».

«Это только роль, — напомнил он себе потом, — роль, которую я играю. Я должен был это сделать, чтобы доказать, что нарушил свою клятву. И внушить Игритт доверие к себе». Больше это никогда не повторится. Он остается братом Ночного

Дозора и сыном Эддарда Старка. Он уже сделал то, что от него требовалось, и доказал, что должен был доказать.

Но доказывать было очень приятно, а потом Игритт уснула, положив голову ему на грудь, и это тоже имело свою сладость, опасную сладость. Он снова вспомнил о чардревах и о словах, которые произнес перед ними. «Это случилось только раз, и обойтись без этого нельзя было. Даже отец оступился однажды, когда нарушил свои брачные обеты и произвел на свет бастарда». Джон поклялся себе, что с ним этого больше никогда не случится.

В ту же ночь это случилось еще дважды и повторилось утром, когда Игритт, проснувшись, нашла его готовым. Одичалые к тому времени уже зашевелились и не могли не заметить того, что происходило под грудой шкур. Ярл велел им поторопиться, пока он не окатил их водой. «Как сношающихся собак», — подумал после Джон. Выходит, он превратился в кобеля? «Я — брат Ночного Дозора», — шептал тихий голос внутри, но с каждой ночью он становился все слабее, а когда Игритт целовала его уши или кусала шею, Джон и вовсе его не слышал. «Неужели и с отцом, когда он забыл о чести в постели моей матери,

происходило то же самое?»

Кто-то поднимался к нему на холм, и Джон на миг подумал, что это вернулся Призрак, но волк никогда не производил такого шума. Джон плавным движением извлек из ножен Длинный Коготь, но это оказался один из теннов, коренастый, в бронзовом шлеме.

— Сноу, иди, — сказал он. — Магнар зовет. — Тенны говорили на древнем языке, и мало кто знал на общем больше нескольких слов.

Джону было наплевать на зов магнара, но спорить с человеком, который едва его понимал, не имело смысла, и он вслед за тенном зашагал вниз.

Вход в пещеру представлял собой трещину в скале, куда едва могла пройти лошадь. Ее наполовину заслоняла гвардейская сосна. Пещера выходила на север, и зарево костров не могли заметить со Стены. Даже если этой ночью по Стене вдруг прошел бы караул, братья не увидели бы ничего, кроме холмов, сосен и ледяного блеска звезд на частично замерзшем озере. Манс хорошо обдумал свою вылазку.

Внутри скалы двадцатифутовый каменный коридор вел к пещере величиной с Великий Чертог Винтерфелла. Среди колонн горели костры, и дым

ложился копотью на потолок. У одной из стен, рядом с мелким прудом, стояли стреноженные лошади. Отверстие посередине пола выходило, пожалуй, в еще более просторную пещеру, но темнота мешала ее рассмотреть. Где-то там, внизу, шумел подземный поток.

Ярл находился рядом с магнаром. Манс назначил командирами их обоих, и Джон давно заметил, что Стиру это не по вкусу. Молодой Ярл, по выражению Манса, был «забавой» Вель, сестры его королевы Даллы, а стало быть, приходился Королю за Стеной чем-то вроде свояка. Магнара явно возмущало то, что он вынужден делить свою власть с другим. Он вел с собой сотню теннов, впятеро больше, чем Ярл, и часто вел себя как единственный командир. Однако Джон знал, что на ту сторону их будет переводить Ярл. Молодому воину было не больше двадцати, но он уже восемь лет ходил в набеги и с дюжину раз перебирался через Стену с такими вожаками, как Алфин Убийца Ворон и Плакальщик, а последнее время и с собственным отрядом.

Магнар не стал ходить вокруг да около.

— Ярл говорит, что там, наверху, иногда проходят вороны. Расскажи мне все, что ты знаешь об этих караулах.

Джон отметил про себя, что Магнар сказал «расскажи мне», а не «расскажи нам», хотя Ярл стоял возле него. Он охотно отказался бы отвечать, но он знал, что Стир убьет его при малейшем признаке неповиновения — и его, и Игритт, только за то, что она его женщина.

— В каждом карауле четверо человек, двое разведчиков и двое строителей. Строители должны замечать трещины, проталины и прочие неполадки, а разведчики высматривают врагов. Передвигаются они верхом на мулах.

— На мулах? — нахмурился безухий Стир. — Так ведь это медленно.

— Медленно, зато мулы лучше ходят по льду. Зачастую дозорные ходят по Стене, а дорожки подальше от Черного Замка давно уже не посыпались гравием. Мулов разводят в Восточном Дозоре и учат сохранять устойчивость на скользких дорогах.

– *Зачастую* ходят по Стене? То есть не всегда?

— Нет. Каждый четвертый караул проходит внизу, проверяя, нет ли у основания трещин или следов подкопа.

Магнар кивнул:

— Даже в далекой Теннии знают об Арсоне Ледовом Топоре и его туннеле.

Джон тоже знал эту легенду. Арсон Ледовый Топор успел прорубить путь до середины Стены, когда его обнаружили разведчики из Твердыни Ночи. Они не стали мешать ему в его работе, а просто замуровали выход камнем, льдом и снегом. Скорбный Эдд говорил, что если приложить ухо к Стене, до сих пор слышно, как Арсон рубит лед своим топором.

— Когда и как часто проходят эти караулы?

— Как когда, — пожал плечами Джон. — Я слышал, лорд-командующий Кворгил каждые три дня посылал их из Черного Замка до Восточного Дозора и каждые два — до Сумеречной Башни. Но тогда в Дозоре было больше людей. Лорд-командующий Мормонт предпочитает менять количество караулов и дни их отправления, чтобы чужие не знали, когда их ожидать. Иногда Старый Медведь посылает даже более многочисленные отряды в один из заброшенных замков на пару недель или на месяц. — Такую тактику изобрел дядя Джона — опять-таки для того, чтобы захватить врага врасплох.

— В Каменной Двери сейчас есть кто-нибудь? — спросил Ярл. — А в Сером Дозоре?

«Выходит, мы между этими двумя замками?» Джон не подал виду, что догадался.

— Когда я уходил со Стены, гарнизоны имелись только в Восточном Дозоре, Черном Замке и Сумеречной Башне. Не знаю, что Боуэн Марш или сир Денис предприняли с тех пор.

— Сколько ворон тогда оставалось в замках? — спросил Стир.

— В Черном Замке пятьсот, в Сумеречной Башне двести, в Восточном Дозоре около трехсот. — Триста человек Джон прибавил из головы. «Если бы и на деле все было так просто…»

Но Ярла ему провести не удалось.

— Он лжет, — сказал тот Стиру. — Или прибавляет тех, которые погибли на Кулаке.

— Не путай меня с Мансом, ворона, — предостерег Стир. — Если будешь лгать мне, я тебе язык отрежу.

— Я не ворона и не позволю обзывать себя лжецом. — Джон разогнул пальцы правой руки.

Магнар теннов пронизал его своими холодными серыми глазами.

— Скоро мы сами узнаем, сколько их, — помедлив, сказал он. — Ступай. Я пошлю за тобой, если захочу спросить еще о чем-то.

Джон сухо кивнул и пошел прочь. «Если бы все одичалые походили на Стира, их было бы легче предать». Но тенны не такие, как прочий воль-

ный народ. Их магнар объявляет себя последним из Первых Людей и правит ими железной рукой. Их маленькая страна Тенния — это высокогорная долина, затерянная между крайними северными вершинами Клыков Мороза и окруженная пещерными жителями, Рогоногими, великанами и людоедскими кланами вечно замерзших рек. Игритт говорила, что тенны свирепые бойцы и что магнар для них все равно что бог. Джон ей верил. Стир в отличие от Ярла, Хармы или Гремучей Рубашки требовал от своих людей полного повиновения — из-за этого Манс, несомненно, и выбрал его для похода на ту сторону Стены.

Джон прошел мимо теннов, сидящих вокруг костров на своих круглых бронзовых шлемах. «Куда это подевалась Игритт?» Ее вещи лежали рядом с его, но самой девушки и след простыл.

— Она взяла факел и пошла вон туда, — сказал Джону Кригг-Козел, показав на заднюю часть пещеры.

Джон отправился в указанную сторону и оказался в темном гроте среди целого лабиринта колонн и сталактитов. Он уже решил, что Игритт здесь быть не может, но тут услышал ее смех. Он пошел на звук, но через десять шагов уперся в сплошную стену из бело-розового камня. Опе-

шив, он вернулся назад и только тогда разглядел темную дыру под мокрым каменным козырьком. Джон встал на колени, вслушиваясь в отдаленное журчание воды.

— Игритт?

— Я тут, — отозвался ее голос, сопровождаемый слабым эхом.

Джон прополз на четвереньках около дюжины шагов и очутился в другой пещере. Некоторое время его глаза привыкали к темноте — кроме факела Игритт, другого света здесь не было. Она стояла у маленького водопада, стекающего из трещины в скале в большой темный пруд. Блики огня, оранжевые с желтым, плясали на бледно-зеленой воде.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джон.

— Я услышала, как вода журчит, и пошла посмотреть, насколько глубока эта пещера. Там есть проход, — она указала в ту сторону факелом, — который ведет еще ниже. Я прошла по нему шагов сто и вернулась.

— Значит, там тупик?

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Этому коридору конца нет. В этих холмах сотни пещер, и все они под землей связаны. Есть даже ход под вашу Стену — Ход Горна.

— Горн… — протянул Джон. — Был такой Король за Стеной.

— Ага, — ответила Игритт. — Он правил вместе со своим братом Генделом три тысячи лет назад. Они провели вольный народ через пещеры, а Дозору и невдомек было. Но когда они вышли наружу, волки из Винтерфелла набросились на них.

— Да, была такая битва, — вспомнил Джон. — Горн убил Короля Севера, но королевский сын подхватил отцовское знамя, надел его корону и, в свою очередь, убил Горна.

— А звон их мечей пробудил ворон на Стене, и те, вылетев черной тучей, обрушились на вольный народ сзади.

— Да. Гендел оказался между королем на юге, Амберами на востоке и Дозором на севере. Он тоже погиб.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Гендел не погиб. Он пробился через полчища ворон и повел свой народ обратно на север, а волки с воем бежали за ними по пятам. Но Гендел знал пещеры не так хорошо, как Горн, и заблудился. — Игритт повела факелом, и вокруг нее заплясали тени. — Они спускались все глубже и глубже, а когда попробовали повернуть назад, все знакомые с виду ходы упирались в камень. Их факелы стали гаснуть один за другим, и они оказались в кромешной тьме. Больше их никто не видел, но в тихие ночи до сих пор слышно, как плачут под холмами их прапраправнуки, ища путь наверх. Слышишь?

Джон слышал только плеск воды и слабое потрескивание пламени.

— А ход, ведущий под Стену? Кто-нибудь знает, где он?

— Его пробовали искать, но те, кто спускался слишком глубоко, встречали детей Гендела, а де-

ти Гендела всегда голодны. — Игритт, улыбаясь, вставила факел в расселину на стене пещеры и подошла к Джону. — Там, во тьме, нечего есть, кроме человечьего мяса, — зловеще прошептала она и куснула его за шею.

Джон уткнулся в ее волосы, и его ноздри наполнились ее запахом.

— Ты точь-в-точь как старая Нэн, когда она рассказывала Брану страшные сказки.

Игритт стукнула его кулаком в плечо.

— Так я, по-твоему, старуха?

— Ну, ты ведь старше меня.

— Старше и умнее. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, совсем ничего. — Она отодвинулась от него и скинула свой кроличий полушубок.

— Что ты делаешь?

— Показываю тебе, какая я старая. — Она расшнуровала и сняла верхнюю замшевую рубашку и стащила через голову все три нижние, шерстяные. — Хочу, чтобы ты поглядел на меня.

— Но нельзя же…

— Можно. — Переступая с ноги на ногу и покачивая грудями, она сняла один сапог, потом другой. Джон видел широкие розовые круги ее сосков. — Ты тоже, — приказала Игритт, рывком спустив свои овчинные штаны. — Хочешь

смотреть — покажи себя. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.

— Я знаю, что хочу тебя, — вымолвил он внезапно, забыв и клятвы свои, и честь. Она стояла перед ним в чем мать родила, и его мужской корень стал твердым, как скалы вокруг. Он брал Игритт уже с полсотни раз, но всегда под шкурами, в окружении других людей, и ни разу не видел, как она красива. Ноги у нее худые, но мускулистые, а рыжие волосы между ног еще ярче, чем на голове. «Может, это удваивает ее счастье?» Джон привлек ее к себе. — Я люблю твой запах. Люблю твои волосы. Люблю твой рот и люблю, как ты целуешься. Люблю твою улыбку. Люблю твои грудки. — И он поцеловал их, одну за другой. — Люблю твои ножки-палочки и то, что между ними. — Он стал на колени и поцеловал ее там, сначала легко, но Игритт слегка расставила ноги, и он увидел розовое внутри и поцеловал покрепче. Игритт тихонько ахнула.

— Если ты так любишь меня, почему ты до сих пор одет? Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, ниче… *о-ох!*

Потом, когда они лежали рядом на своей одежде, она спросила почти робко, насколько Игритт была свойственна робость:

— А то, что ты сделал… ртом… — она замялась, — это лорды так делают со своими леди там, на юге?

— Не думаю. — Джон понятия не имел, что лорды делают со своими леди. — Мне просто… захотелось поцеловать тебя там, вот и все. И тебе это, кажется, понравилось.

— Да… кажется. Так тебя этому никто не учил?

— Да у меня никого и не было, — признался он. — Не считая тебя.

— Я лишила тебя невинности, — поддразнила она. Он ущипнул ее за ближний к нему сосок.

— Я был братом Ночного Дозора. — *Был*. Он сам так сказал. Кто же он теперь? Джон не хотел об этом думать. — А ты?

Игритт приподнялась на локте.

— Мне девятнадцать лет, я копьеносица и отмечена поцелуем огня. Не могла же я до сих пор оставаться невинной!

— Кто это был?

— Один парень на пиру, пять лет назад. Он приехал к нам для мены вместе со своими братьями, и волосы у него были огненные, как у меня. Я думала, он счастливый, а он оказался слабаком. Когда он вернулся и хотел украсть меня, Длинное Копье сломал ему руку и прогнал его, а больше

он ни разу даже и не пытался.

— Так это был не Длинное Копье? — Джон испытал облегчение. Длинное Копье, неказистый и дружелюбный, нравился ему.

Игритт дала ему тумака.

— Скажешь тоже. Ты вот стал бы спать со своей сестрой?

— Длинное Копье тебе не брат.

— Мы из одной деревни. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Настоящий мужчина крадет женщину в чужих краях, чтобы клан был крепче. Женщины, которые спят с братьями, отцами и родичами, оскорбляют богов, и те наказывают их больными и слабыми детьми. Даже уродцами.

— Крастер берет своих дочерей в жены, — заметил Джон.

Игритт снова его стукнула.

— Крастер скорее ваш, чем наш. Его отец был вороной — он украл женщину из деревни Белое Древо, а потом бросил ее и улетел обратно на Стену. Однажды она пришла в Черный Замок, чтобы показать вороне сына, но ваши братья затрубили в свои рога и прогнали ее. У Крастера черная кровь, и на нем лежит проклятие. — Она провела пальцами по животу Джона. — Я боялась, что и ты улетишь от меня на Стену. Ты был прямо сам

не свой, когда украл меня.

Джон сел.

— Игритт, я тебя не крал.

— Еще как украл. Ты сиганул с горы, убил Орелла и приставил нож мне к горлу, не успела я схватиться за топор. Я думала, ты сейчас возьмешь меня или убьешь, или сделаешь и то и другое, но ты ничего не сделал. Потом я рассказала тебе сказку про Баэля-Барда, как он сорвал розу Винтерфелла, и думала, что уж теперь-то ты поступишь со мной таким же манером, а ты опять ничего. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Правда, теперь ты кое-чему научился, — застенчиво улыбнулась она.

Джон внезапно заметил, как сильно мигает пламя.

— Пора идти, факел почти догорел.

— Ворона боится детей Гендела? — ухмыльнулась Игритт. — Тут не так глубоко, и я с тобой еще не закончила. — Она снова потянула его вниз и уселась на него верхом. — Ты не хочешь…

— Что? — спросил он, глядя на слабеющее пламя.

— Сделать это еще раз? — выпалила Игритт. — Ну, как лорды целуют? Я погляжу, нравится это тебе или нет.

Факел погас, но Джону было уже все равно.

Чувство вины вернулось к нему потом, но уже слабее, чем прежде. «Если это так дурно, — думал он, — почему тогда боги сделали это таким приятным?»

В их гроте стояла темень, и свет едва пробивался к ним из другой пещеры, где горели костры. Одеваясь, они натыкались друг на друга. Игритт ступила в пруд и взвизгнула от холодной воды, а когда Джон стал смеяться, сдернула его туда же. Они долго боролись и плескались, а в конце концов поняли, что поторопились с одеванием.

— Джон Сноу, — сказала она, когда его семя излилось в нее, — побудь еще здесь, во мне, милый. Давай не будем возвращаться к Стиру и Ярлу. Давай пойдем вниз и будем жить вместе с детьми Гендела. Не хочу уходить из этой пещеры. Не хочу.

Дейенерис

– *Всех?* — с сомнением переспросила девочка-рабыня. — Верно ли эти недостойные уши расслышали вашу милость?

Прохладный зеленый свет сочился сквозь цветные, ромбами, стекла скошенных треугольных стен, и бриз, залетающий в двери, приносил аромат цветов и фруктов из сада.

— Твои уши расслышали верно, — сказала Дени. — Я хочу купить их всех. Скажи это добрым господам.

Сегодня она оделась по-квартийски. Густо-лиловый шелк подчеркивал цвет ее глаз. Голая левая грудь выглядывала из выреза платья. Пока добрые господа Астапора вполголоса совещались между собой, Дени пригубила терпкое вино из

хурмы в высоком серебряном кубке. Она не могла разобрать все, что они говорят, но поняла, что в них взыграла алчность.

Каждому из восьми купцов прислуживали двое-трое рабов, а Граздану, самому старшему, целых шесть. Поэтому Дени, чтобы не казаться нищенкой, привела с собой Ирри и Чхику в шароварах из песочного шелка и расписных безрукавках, захватила старика Белобородого, могучего Бельваса и своих кровных всадников. Сир Джорах стоял позади нее, потея в своем зеленом камзоле с черным медведем Мормонтов на груди. Запах его пота составлял здоровый противовес приторным духам, которыми поливали себя астапорцы.

— Всех, — проворчал Кразнис мо Наклоз, нынче благоухающий персиком. — Полных тысяч у нас восемь — она это имеет в виду, говоря «всех»? Есть еще шесть сотен, составляющих часть будущей девятой тысячи. Она их тоже возьмет?

— Да, — подтвердила Дени, когда ей перевели вопрос. — Восемь тысяч, шесть сотен… и тех, кто еще проходит обучение и не заслужил пока остроконечные шапки.

Кразнис обернулся к своим собратьям, и они снова начали совещаться. Переводчица назвала

Дени их имена, но трудно было запомнить всех с первого раза. Четверо из них, кажется, носили имя Граздан — видимо, в честь Граздана Великого, основавшего на заре времен древний Гис. Все эти дородные мужчины с янтарной кожей, широконосые и темноглазые походили друг на друга. Их жесткие курчавые волосы были черными, темно-рыжими или представляли собой свойственную только гискарцам смесь черного с рыжиной. Все они носили токары — одеяние, дозволенное только свободнорожденным мужчинам Астапора.

Статус каждого из них указывала кайма на токаре. Об этом Дени сказал капитан Гролео. В этой прохладной зеленой комнате на вершине пирамиды двое работорговцев имели на себе токары с серебряной каймой, пятеро — с золотой, а у старейшины Граздана кайма состояла из крупного белого жемчуга, тихо звеневшего при каждом движении купца.

— Мы не можем продавать недоучившихся мальчишек, — заявил один из Грандзанов с серебряной каймой.

— Можем, если у нее хватит золота, — возразил ему толстяк с золотой каймой.

— Они не могут считаться Безупречными. Они

еще не убили своих младенцев. Если они поведут себя недостойно на поле боя, мы будем опозорены. И даже если завтра мы кастрируем пять тысяч новых мальчиков, пройдет десять лет, прежде чем они сгодятся для продажи. Что мы скажем другим покупателям, которые захотят приобрести Безупречных?

— Скажем, что им придется подождать, — сказал толстяк. — Золото в моем кошельке лучше грядущего золота.

Дени, предоставляя им спорить, попивала вино из хурмы и делала вид, что ничего не понимает. «Я возьму всех, какой бы ни была цена», — сказала она себе. В этом городе около ста работорговцев, но те восемь, что сидят перед ней, — самые влиятельные. Они соперничают, торгуя рабами для постели и работы в поле, писцами, ремесленниками и наставниками, но еще их предки заключили между собой союз для создания и продажи Безупречных. «Из кирпича и крови выстроен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови».

Окончательное решение объявил Кразнис.

— Скажи ей, что она получит восемь тысяч, если золота хватит. И шесть сотен тоже. А за остальными двумя тысячами пусть возвращается

через год.

— Через год я буду уже в Вестеросе, — ответила Дени. — Они нужны мне сейчас. Многие из Безупречных, несмотря на свою выучку, падут в бою, и мне понадобятся мальчики, которые подберут уроненные ими мечи. — Она отставила кубок и наклонилась к маленькой переводчице. — Скажи добрым господам, что я возьму даже первогодков, еще сохранивших своих щенков. И заплачу за мальчика, кастрированного накануне, столько же, сколько за Безупречного в остроконечной шапке.

Девочка перевела это купцам, но они, как и прежде, ответили «нет».

Дени недовольно нахмурилась.

— Хорошо. Скажи, что я заплачу двойную цену, если они отдадут мне всех.

— Двойную? — Толстяк с золотой каймой только что слюну не пустил.

— Эта шлюшка просто дурочка, — сказал Кразнис. — С нее и втрое содрать можно. Она в такой крайности, что заплатит. Вдесятеро больше заплатит.

Высокий Граздан с острой бородкой говорил на общем языке, хотя и не так хорошо, как девочка.

— Ваша милость, — прогрохотал он. — Вестерос

богатый страна, но вы пока там не королева, и необязательно станешь королева. Даже Безупречные могут проигрывать битву жестоким стальным рыцарям из Семь Королевств. Напоминаю вам, что добрый господа Астапора не продают мясо в обмен на обещания. Хватит ли вам золото и товары, чтобы заплатить за все евнухи, который вы желаешь купить?

— Ответ вам известен лучше, нежели мне, добрый господин. Ваши люди побывали на моих кораблях и переписали каждую янтарную бусинку и каждый сосуд с шафраном. Итак, сколько у меня есть?

— Достаточно, чтобы купить одна тысяча, — с легкой презрительной улыбкой ответил работорговец. — Но вы сказали, что согласны заплатить двойная цена — значит, хватит только на пятьсот.

— За вашу красивую корону можно дать еще сотню, — добавил толстяк по-валирийски. — За корону с тремя драконами.

Дени дождалась, когда его слова переведут.

— Корона не продается. — В Визерисе, когда он продал корону их матери, не осталось ничего, кроме злобы. — Не стану я также продавать в рабство моих людей, отбирать у них коней и

другое имущество. Но вы можете взять себе мои корабли — большую барку «Балерион» и галеи «Вхагар» и «Мираксес». — Она предупредила Гролео и других капитанов, что до этого может дойти, хотя они яростно возражали против такого решения. — Три крепких корабля стоят больше, чем скопище жалких евнухов.

Толстый Граздан повернулся к остальным купцам, они посовещались вполголоса, и остробородый объявил:

— Две тысячи. Это много, но добрые господа великодушны и понимают, сколь велика ваша нужда.

Две тысячи — слишком мало для того, что ей предстоит. «Я должна получить всех». Дени знала, каким будет ее следующий шаг, но вкус этого был так горек, что даже вино из хурмы не могло помочь. Она долго и мучительно размышляла и не нашла другого выхода.

— Отдайте мне всех — и вы получите дракона.

Чхику позади нее ахнула. Кразнис улыбнулся другим купцам.

— Я же говорил! Она готова отдать все что угодно.

Потрясенный Арстан устремил на нее недоверчивый взгляд. Его рука, сжимавшая посох,

дрожала.

– *Нет.* — Он упал перед ней на одно колено. — Ваша милость, молю вас. Вы должны отвоевать свой трон с драконами, а не с рабами. Вы не должны…

— Не учи меня. Сир Джорах, выведи Белобородого вон.

Мормонт грубо схватил старика за локоть, поднял на ноги и вывел на террасу.

— Скажи добрым господам, что я сожалею об этом досадном происшествии и жду их ответа, — обратилась Дени к маленькой рабыне.

Она уже знала, что они ей ответят — она видела это по блеску их глаз и по улыбкам, которые они тщетно пытались скрыть. В Астапоре тысячи евнухов и еще больше малолетних рабов, ожидающих кастрации, но драконов во всем мире только трое. «Притом драконы — извечная мечта гискарцев. Как же иначе?» Пять раз, когда мир еще был молод, древний Гис вступал в войну с Валирией и пять раз терпел полное поражение, ибо у Валирии были драконы, а у империи — нет.

Старейший Граздан шевельнулся на сиденье, забренчав своим жемчугом.

— Дракона мы выберем сами, — тонким голосом заявил он. — Черный — самый большой и

сильный.

— Его зовут Дрогон, — кивнула Дени.

— К нам переходят все ваши товары, кроме короны и королевских одежд, которые мы вам оставляем, три корабля — и Дрогон.

— По рукам, — сказала она на общем языке.

— По рукам, — повторил старый Граздан на своем ломаном валирийском. Остальные хором поддержали его.

— По рукам, — переводила девочка, — по рукам, по рукам. Все восемь — по рукам.

— Безупречные выучат ваш варварский язык довольно быстро, — добавил Кразнис, — но до того времени вам понадобится толмач. Дарю вам эту девчонку в знак удачной сделки.

— Благодарю, — сказала Дени.

Девочка перевела то, что сказали они оба. Если она и чувствовала что-то по поводу того, что ее дарят, то ничем не проявляла своих чувств.

Арстан Белобородый, ожидавший Дени на террасе, тоже помалкивал. Он спускался с пирамиды в полном безмолвии, и только его посох стучал по красным кирпичам. Дени не винила его, зная, что поступила скверно. «Матерь Драконов продала самого сильного из своих детей». При одной мысли об этом ей делалось дурно.

Внизу, на раскаленном кирпиче площади Гордости, между пирамидой и казармами евнухов, Дени сказала старику:

— Белобородый, мне нужны твои советы, и ты не должен бояться высказывать свое мнение… пока мы одни. Но *никогда* не спорь со мной при посторонних, ты понял?

— Да, ваша милость, — с несчастным видом ответил он.

— Я не ребенок. Я королева.

— Даже королевы могут заблуждаться. Астапорцы обманули вас, ваша милость. Дракон стоит дороже любого войска. Эйегон доказал это триста лет назад на Огненном Поле.

— Я знаю, что Эйегон доказал это, и сама намерена кое-что доказать. — И Дени обратилась к девочке-рабыне, покорно стоящей рядом с ее носилками: — Есть у тебя имя или ты каждый день вытаскиваешь из бочонка новое?

— Это правило существует только для Безупречных. — Тут до девочки дошло, что Дени задала ей свой вопрос на валирийском, и она округлила глаза. — О-о.

— Тебя зовут «О»?

— Нет, ваша милость, простите недостойной это восклицание. Вашу рабу зовут Миссандея…

— Миссандея больше не раба. С этого мгновения я отпускаю тебя на волю. Садись в носилки, мне нужно поговорить с тобой. — Ракхаро помог им сесть, и Дени задернула занавески от пыли и зноя. — Если ты захочешь остаться со мной, то будешь моей служанкой, и я попрошу тебя переводить для меня, как ты делала это для Кразниса. Но ты можешь отказаться от службы у меня, если у тебя есть родители, к которым ты хотела бы вернуться.

— Раба останется. Ей… мне… некуда идти. Эта нед… я охотно буду служить вам.

— Я могу дать тебе свободу, но не безопасность, — предупредила Дени. — Мне надо пересечь полмира и выиграть войну. Со мной ты можешь испытать голод и болезни. Тебя могут убить.

– *Валар моргулис*, — на высоком валирийском сказала Миссандея.

— Это верно, все люди смертны — но нам еще рано умирать. — Дени откинулась на подушки и взяла девочку за руку. — Эти Безупречные в самом деле не знают страха?

— Да, ваша милость.

— Помни, что теперь ты служишь мне. Правда ли, что они не чувствуют боли?

— Вино мужества убивает в них способность чувствовать. Когда им приходит время убить своих младенцев, они пьют его уже много лет.

— И они в самом деле так послушны?

— Послушание — это все, что они знают. Если вы прикажете им не дышать, им это будет легче, чем не послушаться.

— А когда они станут не нужны мне?

— Простите, ваша милость?

— Когда я выиграю свою войну и займу отцовский трон, мои рыцари вложат мечи в ножны и вернутся в свои замки, к своим женам, детям и матерям… к своей жизни. Но у евнухов своей жизни нет. Что я буду делать с восемью тысячами евнухов, когда мне не нужно больше будет сражаться?

— Из Безупречных получаются отличные стражники, ваша милость. Притом вам нетрудно будет найти покупателя на столь отборных, закаленных в боях солдат.

— Говорят, что в Вестеросе людьми не торгуют.

— Но Безупречные не люди, с позволения вашей милости.

— И если я все-таки продам их, где уверенность, что их не используют против меня? — прямо спросила Дени. — Они ведь способны на это?

Сражаться *против* меня, причинить мне зло?

— Если их хозяин прикажет. Они не задают вопросов, ваша милость. Тех, кто склонен их задавать, убивают при обучении. Они повинуются. — На ее лице появилось несчастное выражение. — Когда… когда они перестанут быть нужны вашей милости, вы можете приказать им упасть на свои мечи.

— И они даже это исполнят?

— Да, ваша милость, — тихо ответила Миссандея. Дени сжала ее руку.

— Но ты не хотела бы, чтобы я отдавала им такой приказ, верно? Почему?

— Эта недостойная не… я… ваша милость…

— Скажи мне.

Девочка опустила глаза.

— Трое из них были раньше моими братьями, ваша милость.

«Остается надеяться, что твои братья такие же храбрые и умные, как и ты». Дени откинулась на подушки. Обратно на «Балерион», чтобы в последний раз навести порядок в своем мирке. «Обратно к Дрогону». Дени угрюмо стиснула рот.

День сменился долгой, темной, ветреной ночью. Дени покормила драконов, как всегда, но ей самой кусок не шел в горло. Она поплакала одна у себя в каюте и осушила слезы загодя, зная о том, что ей предстоит еще выслушивать препирательства Гролео.

— Магистра Иллирио здесь нет, — сказала она наконец, — и даже он не поколебал бы меня, если бы оказался с нами. Безупречные нужны мне больше, чем корабли, и больше я не желаю слышать об этом.

Гнев выжег из нее горе и страх — на несколько часов по крайней мере. Она вызвала к себе в каюту кровных всадников и сира Джораха — единственных, кому доверяла во всем.

После она хотела уснуть, чтобы как следует от-

дохнуть к завтрашнему дню, но, проворочавшись около часа, поняла, что это бесполезно. Агго за ее дверью натягивал новую тетиву на лук при свете висячего фонаря. Ракхаро сидел, подвернув ноги, рядом с ним и точил свой аракх. Дени велела им продолжать свое занятие и вышла на палубу дохнуть прохладным ночным воздухом. Матросы, занимаясь своими делами, не докучали ей, но скоро к ней подошел сир Джорах. «Он всегда поблизости, — подумала Дени. — Он прекрасно понимает, в каком я настроении».

— Вам бы надо поспать, кхалиси. Завтра нас ждет жаркий и тяжкий день. Вам понадобятся все ваши силы.

— Ты помнишь Ероих? — спросила его Дени.

— Девушку-лхазарянку?

— Я отняла ее у насильников и взяла под свою защиту. Но когда мое солнце и звезды умер, Маго забрал ее назад и убил. Агго сказал тогда, что это ее судьба.

— Я помню, — сказал сир Джорах.

— Я долго была одна, Джорах. Совсем одна, если не считать моего брата. Я была маленькая и всего боялась. Визерис должен был защищать меня, но вместо этого обижал и пугал еще больше. А ведь он был не только моим братом, но и моим коро-

лем. Зачем же боги создают королей и королев, если не для того, чтобы защищать тех, кто сам себя защитить не может?

— Некоторые короли создают себя сами — как Роберт.

— Разве это король? — презрительно бросила Дени. — Короли существуют, чтобы творить справедливость, а он поступал вопреки ей.

Сир Джорах ничего не ответил — только улыбнулся и легонько коснулся ее волос. Этого было достаточно.

В ту ночь ей приснилось, что она Рейегар, едущий на Трезубец, но под ней был не конь, а дракон. Мятежники узурпатора стояли за рекой, закованные в ледяную броню, но драконий огонь пахнул на них, и они растаяли, превратив Трезубец в бурный поток. Частью души Дени сознавала, что ей это снится, но другая ее часть ликовала. «Вот теперь все по-настоящему, а то, что было — лишь страшный сон, от которого я наконец пробудилась».

Проснулась она и в действительности, во мраке своей каюты, все еще торжествуя. «Балерион», казалось, пробудился вместе с ней. Она слышала поскрипывание дерева, плеск воды у борта, шаги у себя над головой — и что-то еще.

Кто-то был вместе с ней в каюте.

— Ирри? Чхику? Вы где? — Служанки не отвечали. В темноте она ничего не видела, но слышала их дыхание. — Джорах, это ты?

— Они спят, — сказал совсем близко женский голос. — Все спят. Даже драконы, и те должны спать.

«Она стоит прямо передо мной».

— Кто здесь? — Дени вглядывалась во мрак, и ей казалось, будто она различает едва уловимые очертания фигуры. — Чего тебе надо?

— Помни: чтобы попасть на север, ты должна отправиться на юг, чтобы попасть на запад — пойти на восток. Чтобы продвинуться вперед, ты должна вернуться назад, чтобы обрести свет — пройти через тень.

– *Куэйта?* — Дени соскочила с койки и распахнула дверь. Желтый свет фонаря хлынул в каюту, разбудив служанок.

— Кхалиси? — пробормотала Чхику, протирая глаза. Визерион тоже проснулся и дохнул огнем, осветив самые темные углы. Женщины в красной лакированной маске не было нигде. — Кхалиси нездоровится?

— Мне приснился сон, только и всего. Спи. Я тоже ложусь. — Но как Дени ни старалась, сон

больше не вернулся к ней.

«Если оглянусь — я пропала», — подумала она наутро, въезжая в Астапор через портовые ворота. Убедившись, как мало на самом деле у нее последователей, она лишится всякого мужества. Сегодня она ехала на своей серебристой лошадке, одетая в шаровары из конской шкуры, расписную кожаную безрукавку. Один пояс из бронзовых медальонов охватывал ее талию, еще два перекрещивались меж грудей. Ирри и Чхику заплели ей волосы и привесили к косе маленький серебряный колокольчик, поющий о Бессмертных Кварта, сгоревших в своем Дворце Праха.

Красные кирпичные улицы Астапора этим утром были почти многолюдны. Вдоль дороги толпились рабы и слуги, а рабовладельцы со своими женщинами, облачившись в токары, смотрели на процессию со ступенчатых пирамид. «Не так уж они в конце концов отличаются от квартийцев. Они тоже хотят посмотреть на драконов, чтобы потом рассказывать об этом своим детям и внукам». Но многие ли из них смогут завести детей?

Впереди нее шел Агго со своим большим дотракийским луком, справа — Силач Бельвас, слева — Миссандея, позади — сир Джорах в кольчуге и

камзоле, бросающий свирепые взгляды на всех, кто подходил слишком близко. Ракхаро и Чхого охраняли носилки, где сидели драконы. Верх Дени приказала снять. На драконов надели цепи, и с ними ехали Ирри и Чхику, чтобы успокаивать их, но Визерион все время мотал хвостом и сердито пускал дым из ноздрей. Рейегаль тоже чуял неладное и трижды пытался взлететь, но тяжелая цепь в руке Чхику удерживала его. Дрогон свернулся клубком, спрятав хвост и крылья, и только глаза говорили, что он не спит.

Далее следовали ее люди: Гролео и двое других капитанов со своими матросами, а за ними — восемьдесят три дотракийца, оставшихся ей от стотысячного кхаласара Дрого. Дени поместила в середину старых и слабых, кормящих и беременных женщин, маленьких девочек и мальчиков, еще не доросших до того, чтобы заплетать волосы в косы. Остальные — какие ни на есть воины — ехали по краям этого жалкого табуна из ста с небольшим отощавших лошадей, переживших красную пустыню и черное соленое море.

«Надо мне было сшить себе знамя», — думала Дени, ведя свое неказистое войско вдоль извилистой астапорской реки. Закрыв глаза, она нарисовала его в своем воображении: струящий-

ся черный шелк, а на нем красный трехглавый дракон Таргариенов, изрыгающий золотое пламя. «Такое знамя могло быть у Рейегара». Берега реки дышали странным покоем. Червь, как называют его астапорцы, медленно струился среди множества зеленых островков. На одном среди стройных мраморных статуй бегали дети, на другом в тени деревьев целовались любовники, стесняясь не больше, чем дотракийцы на свадьбе. Отсутствие одежды не позволяло Дени определить, рабы это или свободные люди.

Площадь Гордости с ее огромной бронзовой гарпией была слишком мала, чтобы вместить всех купленных Дени Безупречных, и их построили на площади Кары у главных ворот Астапора, чтобы затем сразу вывести из города. Вместо бронзовой статуи здесь стоял деревянный помост, где вешали и четвертовали мятежных рабов.

— Трупы добрые господа оставляют здесь, чтобы новые рабы первым делом увидели их, когда входят в город, — сказала Дени Миссандея.

С первого взгляда мертвецы показались Дени полосатыми, как зебры из Джогос Нхая, но, подъехав поближе, она увидела, что черные полосы на ободранном красном мясе шевелятся. «Мухи. Мухи и черви». С казненных сняли кожу, как

кожуру с яблок, — длинными тонкими витками. У одного вся рука от кисти до локтя была черна от мух, а под ними виднелось красно-белое месиво. Дени остановилась около него.

— В чем он провинился?

— Поднял руку на своего хозяина.

Дени замутило. Она повернула Серебрянку и поехала рысцой на середину площади, к армии, которую купила столь дорогой ценой. Они стояли ряд за рядом, ее каменные полулюди с кирпичными сердцами — восемь тысяч шестьсот в бронзовых остроконечных шлемах и еще пять с лишним тысяч с непокрытыми головами, однако при копьях и коротких мечах. Дени видела, что самые дальние совсем еще малы, но стоят так же ровно и неподвижно, как все остальные.

Кразнис мо Наклоз и его собратья присутствовали все до одного. Другие высокородные астапорцы собрались кучками позади них, попивая вино из серебряных бокалов. Среди них сновали рабы, разнося блюда с оливками, вишнями и фигами. Старейший Граздан восседал в кресле на плечах у четырех огромных меднокожих рабов. Полдюжины всадников с копьями разъезжали по краям площади, сдерживая толпу зевак. Медные диски, пришитые к их плащам, слепили глаза, но

Дени все же заметила, как беспокойно ведут себя их кони. «Боятся драконов и правильно боятся».

Раб Кразниса помог ей сойти с седла. Сам Кразнис одной рукой придерживал токар, а в другой держал нарядную плеть.

— Вот они, налицо, — сказал он Миссандее. — Скажи, что она может их забирать… если заплатит.

— Она заплатит, — сказала девочка.

По приказу сира Джораха вперед вынесли товары. Шесть тюков тигровых, триста рулонов тонкого шелка, сосуды с шафраном, миррой, перцем, карри и кардамоном, маску из оникса, двенадцать нефритовых обезьянок, бочонки черных, красных и зеленых чернил, ларец с редкими черными аметистами, ларец с жемчугом, бочонок начиненных личинками оливок, дюжину бочек маринованной пещерной рыбы, большой бронзовый гонг с молотом, семнадцать глаз из слоновой кости, огромный сундук с книгами на незнакомых Дени языках и еще много всего прочего. Ее люди складывали все это в кучу перед работорговцами.

Кразнис, приняв плату, соизволил проронить еще несколько слов относительно евнухов.

— Они еще зелены, — передал он через Мис-

сандею. — Скажи вестеросской шлюхе, чтобы поскорее послала их в бой. Между нами и ее страной полно маленьких городов, которые просто напрашиваются на разграбление. Все, что они там добудут, достанется ей одной — Безупречные равнодушны к золоту. А если она возьмет пленных, самой малой охраны хватит, чтобы препроводить их обратно в Астапор. Здоровых мы купим, и за хорошую цену. Возможно, кое-кто из мальчиков, которых она нам пришлет, лет через десять тоже станет Безупречным, и мы все останемся в выигрыше.

Товары наконец подошли к концу, дотракийцы снова сели на коней, и Дени сказала:

— Это все, что мы смогли привезти. Остальное — янтарь, вино и черный рис — ждет вас в корабельных трюмах. Сами корабли тоже переходят к вам. Остается только…

— …дракон, — закончил за нее Граздан с острой бородкой, говоривший на ломаном общем языке.

— И он ваш. — Сир Джорах и Бельвас подошли вместе с ней к носилкам, где грелись на солнце Дрогон и его братья. Чхику вручила ей цепь. Когда Дени дернула за нее, дракон поднял голову и зашипел, развернув свои черные с алым крылья. Кразнис заулыбался, когда его тень упала на них.

Дени вложила цепь Дрогона в его руку, а он в ответ подал ей плеть с рукоятью из черной, украшенной золотом драконовой кости. Плеть имела девять тонких кожаных хвостов с позолоченными когтями на концах. Золотой набалдашник изображал женскую голову с острыми костяными зубами.

— Пальцы гарпии, — сказал Кразнис.

Дени взяла плеть в руки. «Какая она легкая и какую тяжесть в себе заключает».

— Итак, дело сделано? Они мои?

— Ваши, — подтвердил он и дернул за цепь, чтобы стащить Дрогона с носилок.

Дени села на Серебрянку, чувствуя, как колотится в груди сердце. Ее одолевал страх. «Как поступил бы брат на моем месте?» Должно быть, принц Рейегар испытывал такое же волнение при виде стоящего за Трезубцем войска узурпатора с трепещущими на ветру знаменами.

Она привстала на стременах и подняла «пальцы гарпии» над головой так, чтобы видели все Безупречные.

– *ДЕЛО СДЕЛАНО!* — крикнула она во весь голос. — *ВЫ МОИ!* — И она поскакала вдоль первой шеренги, все так же высоко держа плеть. — *ТЕПЕРЬ ВЫ ПРИНАДЛЕЖИТЕ ДРАКОНУ! Я КУПИЛА*

ВАС! ДЕЛО СДЕЛАНО! ВЫ МОИ!

Старый Граздан вскинул свою седую голову, услышав, что она кричит по-валирийски. Другие работорговцы не слушали ее — они столпились вокруг носилок, давая Кразнису советы: Дрогон не желал двигаться с места, как тот ни дергал и ни тянул. Дракон пускал дым из пасти, извивал и выпрямлял свою длинную шею, оскаливая на работорговца зубы.

«Пора переходить Трезубец», — подумала Дени, поворачивая кобылу назад. Кровные всадники сомкнулись вокруг нее.

— Я вижу, у вас затруднения, — сказала она работорговцам.

— Он не хочет идти, — сказал Кразнис.

— Не хочет? Еще бы! Ведь он не раб. — И Дени со всего маху хлестнула плетью по лицу работорговца. Кразнис с воплем отшатнулся. Кровь окрасила его щеки и надушенную бороду. Один-единственный удар «пальцев гарпии» изуродовал его, но Дени не стала рассматривать, насколько велик нанесенный ею урон. — Дрогон, — пропела она громко и ласково, позабыв свой страх, — *дракарис!*

Черный дракон расправил крылья и заревел.

Струя клубящегося темного пламени ударила в лицо Кразнису. Глаза работорговца мгновенно лопнули и потекли по щекам, масло в волосах и бороде воспламенилось, увенчав его огненной короной. Смрад горелого мяса заглушил аромат духов, и все прочие звуки потонули в нечеловеческом вопле.

Вслед за этим на площади Кары воцарился кровавый хаос. Добрые господа визжали, спотыкались и толкали друг друга, путаясь в подолах своих токаров. Дрогон лениво взлетел, хлопая черными крыльями, и снова дохнул на Кразниса огнем. Ирри и Чхику спустили с цепей Визериона и Рейегаля, и теперь в воздухе парили сразу три дракона. Гордые демонические гвардейцы Астапора тщетно пытались справиться со свои-

ми обезумевшими конями, а некоторые во весь опор скакали прочь, сверкая медными дисками. Один удержался в седле достаточно долго, чтобы обнажить меч, но кнут Чхого обвился вокруг его шеи и пресек его крик. Другому аракх Ракхаро отрубил руку, и он ускакал, разбрызгивая кровь. Агго спокойно пускал свои стрелы, целя в каемчатые токары, золотые и серебряные без разбору. Силач Бельвас тоже вытащил аракх и крутил им над головой.

– *Копья вперед!* — заорал кто-то — Граздан, старый Граздан в обшитом жемчугом токаре. — *Безупречные!* Защищайте нас, защищайте своих господ! Копья вперед! Мечи наголо!

Агго пустил стрелу ему в рот, и рабы, державшие кресло, пустились наутек, бесцеремонно скинув своего хозяина наземь. Старик дополз до первого ряда евнухов, поливая кровью кирпичи. Безупречные даже не взглянули на него, стоя все так же неподвижно, ряд за рядом.

«Не шевельнулись. Боги услышали мою молитву».

– *Безупречные!* — Дени загарцевала перед ними, мотая своей серебристо-золотой косой и звеня колокольчиком. — Убивайте добрых господ, убивайте гвардейцев, убивайте всех, кто носит токар

или держит плеть, но не трогайте детей младше двенадцати лет и сбивайте цепи с каждого раба, которого встретите. — Она подняла плеть высоко в воздух — и отшвырнула прочь. — *Свобода! Дракарис! Дракарис!*

– *Дракарис!* — повторили хором они, и это было самое сладкое слово, которое она слышала. — *Дракарис! Дракарис!* — Вокруг метались, рыдали и умирали работорговцы, и пыльный воздух был полон копий и огня.

Санса

Ей обещали, что сегодня новое платье будет готово. Утром служанки наполнили ванну обжигающе горячей водой и отмыли Сансу дочиста с головы до ног. Личная горничная Серсеи подстригла ей ногти, расчесала и завила ее золотисто-рыжие волосы — теперь они спадали Сансе на спину мягкими локонами. Женщина также принесла ей на выбор дюжину флаконов с любимыми духами королевы. Санса выбрала резкий и сладкий цветочный запах с оттенком лимона, и горничная, чуть-чуть смочив палец, надушила ее за ушами, ниже подбородка и легонько тронула соски.

Сама Серсея пришла вместе с портнихой и стала смотреть, как Сансу одевают. Белье все было

шелковое, а платье — из особо плотного шелка и серебряной парчи, на серебристой атласной подкладке. Длинные заостренные рукава почти касались пола, когда Санса опускала руки. Да, это взрослое платье, а не девчоночье, сомнений нет. Вырез опущен чуть ли не до живота и прикрыт сизым мирийским кружевом. Юбки длинные и пышные, а талия так узка, что Сансе пришлось задержать дыхание, пока ее зашнуровывали. Ей принесли и новые туфельки из мягкой серой оленьей кожи, облегающие ногу, как перчатки.

— Вы просто красавица, миледи, — сказала портниха, закончив ее одевать.

— Правда? — хихикнула Санса и покружилась, раздувая юбки. — Да, очень красиво. — Она не могла дождаться, когда Уиллас увидит ее такой. «Он полюбит меня, непременно полюбит… он забудет о Винтерфелле, когда увидит меня, уж я об этом позабочусь».

Королева Серсея окинула ее зорким взглядом.

— Пожалуй, надо добавить немного драгоценностей. Те лунные камни, что подарил ей Джоффри.

— Сию минуту, ваша милость, — ответила горничная.

На Сансу надели серьги и ожерелье из лунных

камней, и королева кивнула.

— Да. Боги были добры к тебе, Санса. Ты прелестная девушка. Это почти непристойно — отдавать твою невинность и красоту такой горгулье.

— Какой горгулье? — Санса не поняла. Может быть, королева имеет в виду Уилласа? «Но откуда ей это известно?» Об этом никто не знает, кроме Сансы, Маргери и Королевы Шипов… — и еще Донтоса, но он не в счет.

— Плащ, — не отвечая ей, распорядилась Серсея, и женщины внесли его: длинный, из белого бархата, густо расшитый жемчугом. Посередине был вышит серебром свирепый лютоволк. — Цвета твоего отца, — заметила Серсея. Плащ накинули на Сансу и закрепили тонкой серебряной цепочкой.

«Свадебный плащ». Санса протянула руку к горлу, чтобы сбросить его с себя, но не посмела.

— С закрытым ртом ты красивее, Санса, — сказала Серсея. — Пойдем, септон уже ждет, и свадебные гости тоже.

— Нет, — крикнула Санса. — *Нет.*

— Да. Ты подопечная короны, и король заменяет тебе отца, поскольку брат твой — признанный изменник. Это значит, что он имеет полное право распоряжаться твоей рукой. Ты выходишь замуж

за моего брата Тириона.

«Мое наследство», — подумала одолеваемая тошнотой Санса. Донтос оказался совсем не таким уж дураком — он сразу разгадал правду. Санса попятилась прочь от королевы.

— Я не пойду за него. — «Я должна выйти за Уилласа и стать леди Хайгардена, нет, нет…»

— Понимаю твое нежелание. Я бы на твоем месте волосы на себе рвала. Поплачь, если хочешь. Он отвратительный маленький бес, спору нет, но его женой ты все равно станешь.

— Вы меня не заставите.

— Ошибаешься. Либо ты пойдешь в септу добром и произнесешь брачный обет, как подобает леди, либо будешь брыкаться, визжать и устроишь представление для челяди, но и в том и в другом случае тебя обвенчают и уложат с ним в постель. — Королева открыла дверь. За ней стояли сир Меррин Трант и сир Осмунд Кеттлблэк в своих белых чешуйчатых доспехах. — Проводите леди Сансу в септу, — приказала им Серсея. — Отнесите ее туда, если понадобится, только платье не порвите — оно очень дорогое.

Санса попыталась убежать, но горничная королевы тут же поймала ее. Взгляд сира Меррина заставил ее съежиться, но сир Осмунд сказал ей

почти ласково:

— Делай, как тебе велят, милочка. Не так уж это и страшно. Волки — храбрые звери, так ведь?

«Храбрые. — Санса сделала глубокий вдох. — Да, я Старк и должна быть храброй». Они все смотрели на нее, как в тот день во дворе, когда сир Борос Блаунт разорвал на ней платье. Тогда ее спас Бес, тот самый, кто теперь ждет ее в септе. «Не так уж он и плох — во всяком случае, лучше, чем все они», — сказала она себе.

— Хорошо, я пойду.

— Я знала, что ты послушаешься, — улыбнулась Серсея.

После Санса не могла вспомнить, как спустилась по лестнице и прошла через двор. Все ее внимание уходило только на то, чтобы переставлять ноги. Сир Меррин и сир Осмунд шли по бокам в таких же светлых, как у нее, плащах, только без жемчуга и вышивки. Джоффри сам встречал ее на ступенях замковой септы, великолепный в своем красном с золотом наряде и сияющей короне.

— Сегодня я твой отец, — объявил он.

— Ты мне не отец и никогда им не будешь, — вспылила Санса.

— Ошибаешься, — потемнел он. — Я твой отец и

могу выдать тебя за кого захочу. Если я прикажу, ты выйдешь за свинаря и будешь спать с ним в свинарнике. — Его зеленые глаза весело блеснули. — А может, ты предпочла бы Илина Пейна?

У нее упало сердце.

— Прошу вас, ваша милость, — взмолилась она, — если вы хоть когда-нибудь любили меня, не отдавайте меня вашему…

— …дяде? — подхватил Тирион Ланнистер, выйдя из септы. — Прошу вашу милость позволить мне переговорить наедине с леди Сансой.

Король хотел было отказать, но мать бросила ему выразительный взгляд, и все отошли немного в сторону.

На Тирионе был черный бархатный дублет с золотым тиснением и высокие сапоги, добавлявшие ему три дюйма росту. Шею украшала цепь из рубинов и львиных голов, но страшный рубец на лице и отсутствие половины носа сразу бросались в глаза.

— Какая ты красивая, Санса.

— Вы очень любезны, милорд. — Она не знала, что еще ему сказать. «Если я похвалю его собственную внешность, он сочтет меня дурочкой или лгуньей». Санса опустила глаза и ничего больше не добавила.

— Не таким образом вам бы следовало идти к венцу, миледи. Примите мои сожаления. Все произошло слишком уж поспешно и в слишком большой тайне. Мой лорд-отец счел это необходимым из государственных соображений, иначе я пришел бы к вам раньше, как и желал. — Он подошел поближе. — Я знаю, вы не хотели этого брака. Я тоже его не хочу. Но в случае моего отказа вас выдали бы за моего кузена Ланселя. Быть может, он вас больше устраивает? Он ближе к вам по возрасту, и смотреть на него приятнее. Если вам этого хочется, скажите, и я прекращу эту комедию.

«Я не хочу никого из Ланнистеров, — вертелось у нее на языке. — Я хочу выйти за Уилласа и жить в Хайгардене, где разводят собак и катаются на лодках. Хочу сыновей — Эддарда, Брана и Рикона». Но затем она вспомнила, что говорил ей Донтос в богороще. «Между Тиреллами и Ланнистерами разницы нет — им нужно мое наследство, а не я сама».

— Благодарю вас, милорд, — покорившись судьбе, сказала Санса, — но я подопечная короны, и мой долг — принять того мужа, которого мне выбрал король.

— Знаю, я не тот муж, о котором мечтают мо-

лодые девушки, Санса, — ответил он мягко, глядя на нее своими разномастными глазами, — но я и не Джоффри.

— Да, милорд. Вы были добры ко мне, я помню.

Тирион подал ей свою короткопалую руку.

— Что ж, пойдемте. Исполним свой долг.

И он повел ее к брачному алтарю, где между Матерью и Отцом ждал септон, готовый соединить их жизни. Донтос в своем шутовском наряде смотрел на Сансу округлившимися глазами. Из королевских гвардейцев присутствовали сир Бейлон Сванн и сир Борос Блаунт, но сира Лораса не было — как и никого из Тиреллов, внезапно поняла Санса. Впрочем, свидетелей и без них хватало: евнух Варис, сир Аддам Марбранд, лорд Филип Фут, сир Бронн, Джалабхар Ксо и еще дюжина человек. Лорд Джайлс кашлял, леди Эрмесанду держала на руках кормилица, беременная дочь леди Танды плакала непонятно отчего. «Пусть плачет, — подумала Санса. — Как бы и мне не пришлось сегодня плакать».

Церемония шла как во сне. Санса делала все, что от нее требовалось. Произносились молитвы и обеты, звучали песнопения, горели высокие свечи, и слезы на глазах Сансы превращали сотню пляшущих огоньков в тысячу. К счастью, никто

как будто не замечал ее слез — или делал вид, что не замечает. Ей казалось, что все совершается очень быстро — и вот настало время меняться плащами.

Джоффри, как ему и полагалось, исполнял обязанности посаженого отца. Санса стояла прямая как копье, пока он возился с застежкой ее плаща. Его рука, как бы невзначай, задела и слегка стиснула ее грудь. Затем пряжка расстегнулась, и Джофф широким жестом снял с нее плащ.

У его дяди дело пошло не столь гладко. Брачный плащ Тириона, большой и тяжелый, из красного бархата, был щедро украшен золотыми львами и обшит золотой атласной каймой с рубинами. Никто не додумался принести табурет, а жених между тем был на полтора фута ниже невесты. Санса почувствовала, как он дернул ее сзади за юбку. «Хочет, чтобы я встала на колени, — удрученно подумала она. — Все должно было происходить совсем иначе». Она тысячу раз представляла себе свою свадьбу и то, как жених, высокий и сильный, окутывает ее плащом и нежно целует в щеку, застегивая пряжку.

Тирион снова дернул ее за юбку, уже сильнее. Ну и пусть. «Не буду я вставать на колени. Почему я должна щадить его чувства, если моих чувств

никто не щадит?»

Карлик потянул ее за платье в третий раз, но она упрямо сжала губы и притворилась, что ничего не замечает. Позади кто-то хихикнул — королева, кажется, и все остальные засмеялись тоже, а Джоффри громче всех.

— А ну-ка, Донтос, стань на четвереньки, — приказал король. — Без помощи дяде на молодую не взобраться.

И лорд-муж Сансы облек ее в цвета дома Ланнистеров, стоя на спине дурака.

Когда Санса повернулась к нему, карлик смотрел на нее сердито, красный, как ее плащ, и ей вдруг стало стыдно своего упрямства. Она расправила юбки и опустилась на колени, чтобы их головы пришлись вровень.

— Этим поцелуем я клянусь тебе в любви и признаю тебя моим лордом и мужем.

— Этим поцелуем я клянусь тебе в любви, — хрипло ото-звался карлик, — и признаю тебя моей леди и женой. — Он наклонился вперед и их губы на миг соприкоснулись.

«Какой же он урод, — подумала Санса, видя его лицо вблизи. — Даже уродливее, чем Пес».

Септон высоко поднял свой кристалл, озарив новобрачных радужным светом.

— Пред ликами богов и людей торжественно объявляю Тириона из дома Ланнистеров и Сансу из дома Старков мужем и женой. Одна плоть, одно сердце, одна душа отныне и навеки, и да

будет проклят тот, кто станет между ними.

Санса прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

Свадебный пир устроили в малом чертоге, и на нем присутствовало около пятидесяти гостей, большей частью вассалы и союзники Ланнистеров. Здесь Санса увидела Тиреллов. Маргери послала ей печальный взгляд, а Королева Шипов, вошедшая в сопровождении Правого и Левого, даже на нее и не взглянула. Элинор, Элла и Мегга тоже делали вид, что ее не замечают. «Вот тебе и подруги», — с горечью подумала Санса.

Ее муж много пил и почти ничего не ел. Выслушивая здравицы в свою честь, он кивал в знак признательности, но в промежутках его лицо казалось каменным. Пир длился целую вечность, но Санса ни одного блюда так и не отведала. Она хотела, чтобы празднество поскорее закончилось, и в то же время она боялась этого мгновения. Ведь после пира начнется провожание. Мужчины отнесут ее на брачное ложе, раздевая по дороге и отпуская грубые шутки о том, что ее ждет, а женщины окажут такую же честь Тириону. Их бросят в постель нагими и лишь тогда оставят одних, но все равно будут подслушивать у дверей и выкрикивать разные непристойности. В детстве этот обычай чрезвычайно волновал воображе-

ние Сансы, представляясь чем-то одновременно порочным и чудесным, но сейчас, когда ей самой предстояло через это пройти, она испытывала только страх. Она не выдержит, когда с нее начнут срывать одежду, и расплачется при первой же вольной шутке.

Заиграла музыка. Санса робко тронула Тириона за руку.

— Милорд, разве мы не должны танцевать в первой паре?

Он скривил рот.

— Тебе не кажется, что мы уже достаточно повеселили их на сегодня?

— Как милорду будет угодно. — Она убрала руку.

Вместо них танец открыли Джоффри и Маргери. «Как может чудовище танцевать с такой грацией?» Она часто мечтала, как будет танцевать на своей свадьбе, и все взгляды будут устремлены на них с мужем. В ее мечтах все улыбались. «Но даже на лице мужа нет улыбки».

Гости начали становиться в пары вслед за королем. Элинор пошла со своим оруженосцем, Мегга с принцем Томменом. Леди Мерривезер, мирийская красавица, черноволосая и темноглазая, кружилась так задорно, что приковала

к себе взоры всех мужчин. Лорд и леди Тирелл танцевали более степенно. Сир Киван Ланнистер пригласил леди Янну Фоссовей, сестру лорда Тирелла. Кавалером Мерри Крейн стал Джалабхар Ксо в заморском наряде из перьев. Серсея прошлась сперва с лордом Редвином, потом с лордом Рованом и, наконец, со своим отцом, который держался неулыбчиво, но танцевать умел хорошо.

Санса сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на королеву, как та смеется и встряхивает своими золотыми локонами. «Она их всех очаровала, — думала Санса. — Ненавижу ее». Она отвела от Серсеи взгляд и стала смотреть, как Лунатик пляшет с Донтосом.

— Леди Санса. — Перед помостом стоял сир Гарлан Тирелл. — Прошу вас оказать мне честь, если ваш лорд согласен.

Бес сощурил разномастные глаза.

— Моя леди может танцевать, с кем пожелает.

Возможно, Сансе следовало остаться рядом с мужем, но ей так хотелось потанцевать… притом сир Гарлан брат Маргери, Уилласа и ее Рыцаря Цветов.

— Теперь я понимаю, почему вас называют Гарланом Галантным, сир, — сказала она, подавая ему руку.

— Миледи слишком любезна. Так прозвал меня мой брат Уиллас — в оборонительных целях.

— В оборонительных?

— В детстве я был толстым мальчуганом, а наш дядя Гарт носит прозвище Тучный. Вот Уиллас и принял свои меры — правда, сначала он предлагал имена «Гарлан-Гусак» и «Гарлан-Горгулья».

Это было так мило, хотя и глупо, что Санса рассмеялась, несмотря ни на что. И осталась благодарна Гарлану. Смех, хотя и ненадолго, оживил в ней надежду. С улыбкой на лице, она вся отдалась музыке, забылась, танцуя под звуки флейты, волынки и арфы, под мерное постукивание барабана… и в объятиях сира Гарлана, когда танец сводил их вместе.

— Моя леди-жена очень опечалена из-за вас, — сказал он тихо, когда они закружились вместе в очередной раз.

— Леди Леонетта слишком добра. Скажите ей, что я спокойна.

— Если новобрачная на собственной свадьбе всего лишь *спокойна*, этого мало, — мягко заметил сир Гарлан. — Притом мне кажется, что вы того и гляди расплачетесь.

— Это слезы радости, сир.

— Ваши глаза выдают, что язык ваш лжет. —

Сир Гарлан, продолжая танцевать, привлек Сансу к себе. — Я видел, миледи, как вы смотрели на моего брата. Лорас красив, отважен, и мы все очень его любим… но Бес будет для вас лучшим мужем, чем был бы он. Этот карлик больше, чем кажется с виду.

Танец разлучил их, прежде чем Санса успела придумать ответ. Теперь напротив нее оказался Мейс Тирелл, красный и потный, затем лорд Мерривезер, затем принц Томмен.

— Я тоже хочу жениться, — заявил этот пухлый девятилетний принц. — Я уже вырос выше, чем дядя!

— Это верно, — согласилась с ним Санса, и пары снова перемешались. Сир Киван сделал комплимент ее красоте, Джалабхар Ксо сказал что-то непонятное на языке своих островов, лорд Редвин пожелал ей много здоровых детишек и долгих лет радости. В конце концов она оказалась лицом к лицу с Джоффри.

От прикосновения его руки Санса помертвела, а король сжал пальцы и привлек ее поближе к себе.

— Не будь так печальна. Мой дядюшка, конечно, уродец, но у тебя по-прежнему есть я.

— Вы женитесь на Маргери!

— У короля могут быть и другие женщины. Шлюхи, как у моего отца и у одного из Эйегонов, не то третьего, не то четвертого. У них было много любовниц и много бастардов. — Делая пируэт, Джофф чмокнул ее. — Дядя сам приведет тебя ко мне в постель, стоит мне только приказать.

— Нет. Не приведет, — затрясла головой Санса.

— Приведет, иначе я отрублю ему голову. Король Эйегон имел всех женщин, которых желал, и замужних тоже.

Тут, к счастью, снова пришло время меняться. Однако ноги у Сансы стали как деревянные, поэтому лорд Рован, сир Таллад и оруженосец Элинор сочли ее, должно быть, очень посредственной танцовщицей. После она вернулась к сиру Гарлану, а скоро и танец наконец-то кончился.

Ее облегчение, впрочем, длилось недолго. Как только музыка смолкла, Джоффри сказал:

— Пора проводить их на ложе! Давайте-ка разденем ее и посмотрим, что может волчица предложить моему дяде! — Другие мужчины громко поддержали его.

Карлик, ее муж, медленно поднял глаза от винного кубка.

— Провожания не будет.

Джоффри схватил Сансу за руку.

— Будет, если я прикажу.

Бес всадил в стол свой кинжал.

— Тогда собственную жену ты будешь пользовать деревянным членом, потому что твой я сейчас отрежу.

Пораженные гости притихли. Санса попыталась вырваться, но Джоффри не отпустил ее, и у нее оторвался рукав. Этого, казалось, никто не заметил.

— Вы слышали, что он сказал? — воскликнула Серсея, обращаясь к отцу.

Лорд Тайвин встал с места.

— Я думаю, можно обойтись без провожания. Я уверен, Тирион, что ты угрожал августейшей особе короля только в шутку.

Санса увидела, как по лицу ее мужа прошла гримаса ярости.

— Я сболтнул лишнее, — сказал он. — Неудачная шутка, государь.

— Ты угрожал *кастрировать* меня! — взвизгнул Джоффри.

— Только потому, что я завидую вашему королевскому мужскому достоинству — ведь мое совсем маленькое и куцее. — Тирион осклабился. — И если вы лишите меня языка, то отнимете

у меня последнюю возможность доставить удовольствие прелестной жене, которую сами мне вручили.

Сир Осмунд прыснул, кто-то еще присоединился к нему — но Джофф не засмеялся, и лорд Тайвин тоже.

— Ваша милость, — сказал десница, — вы же видите, что сын мой пьян.

— Верно, пьян, — согласился Бес, — но не настолько, чтобы пропустить собственную брачную ночь. — Он соскочил с помоста и грубо облапил Сансу. — Пошли, жена, пора взломать твои ворота. Поиграем в игру «приди ко мне в замок».

Санса, вся красная, вышла с ним. «Что мне еще остается?» Тирион на ходу переваливался, особенно когда шел быстро, как теперь. По милости богов, ни Джоффри, ни все остальные за ними не последовали.

Для брачной ночи им предоставили просторную опочивальню в башне Десницы. Они вошли, и Тирион захлопнул ногой дверь.

— Там рядом с кроватью стоит хорошее золотое вино из Арбора. Будь добра, налей мне, Санса.

— Разумно ли это, милорд?

— Никогда еще не поступал более разумно. На самом деле я не пьян, но намерен напиться.

Санса налила и ему, и себе. «Будет легче, если я тоже напьюсь». Присев на край большой кровати под балдахином, она тремя глотками осушила половину кубка. Вино, несомненно, было прекрасное, но она слишком волновалась, чтобы распробовать его. Голова сразу закружилась.

— Мне раздеться, милорд?

— Тирион. Меня зовут Тирион, Санса.

— Да, Тирион. Снять мне платье или вы хотите сами раздеть меня? — Она сделала еще один глоток.

Бес отвернулся.

— На первой моей свадьбе были только мы да пьяный септон, а вместо свидетелей — свиньи. Одну мы съели на свадебном пиру. Тиша кормила меня шкварками, я слизывал жир с ее пальцев, а потом мы, хохоча, повалились в постель.

— Так вы уже были женаты? Я… я забыла.

— Ты не могла забыть, потому что не знала.

— Кто была ваша жена, милорд? — Сансе, вопреки всему, стало любопытно.

— Леди Тиша, — скривил рот Тирион. — Из дома Сребролюбивых. Их герб одна золотая монета и сто серебряных на окровавленной простыне. Это был короткий брак… как и подобает мужчине моего роста.

Санса потупилась и промолчала.

— Сколько тебе лет, Санса? — спросил Тирион.

— Когда луна сменится, будет тринадцать.

— Боги милостивые. — Тирион глотнул из своего кубка. — Ну что ж, от разговоров ты старше не станешь. Не приступить ли нам к делу, миледи?

— Как будет угодно моему лорду-мужу.

Это, как видно, рассердило его.

— Ты прячешься за учтивостью, как за крепостной стеной.

— Учтивость — доспехи дамы, — сказала Санса, как учила ее септа.

— Я твой муж — со мной тебе доспехи не нужны.

— А одежда?

— Она тоже не нужна, — он качнул кубком в ее сторону. — Мой лорд-отец приказал мне скрепить наш брак.

Санса дрожащими руками взялась за крючки и тесемки. Ей казалось, что обе руки у нее левые и на обеих переломаны пальцы, но кое-как она справилась и освободилась от плаща, платья, корсета, а потом и белья. Руки и ноги сразу покрылись мурашками. Она не смела поднять глаз, но все же подняла их и увидела, что он смотрит на нее. В его зеленом глазу ей чудился голод, а

в черном ярость, и она не знала, что пугает ее больше.

— Ты совсем еще дитя, — сказал он. Санса прикрыла груди руками.

— Я уже расцвела.

— Ты дитя, но я хочу тебя. Тебе страшно?

— Да.

— Мне тоже. Я знаю, что я урод…

— Нет, ми…

Тирион встал.

— Не лги мне, Санса. Я безобразный маленький человечек, но… — Санса видела, что он подбирает слова. — В постели, когда свечи погашены, я не хуже всякого другого мужчины. В темноте я все равно что Рыцарь Цветов. — Он выпил еще вина. — Я щедр, верен тем, кто верен мне, и доказал, что я не трус. А ума у меня больше, чем у многих других — это тоже чего-нибудь стоит. Я даже добрым могу быть. Ланнистерам, боюсь, доброта не присуща, но какие-то ее крохи во мне есть. Тебе… могло бы быть хорошо со мной.

«Он боится не меньше, чем я», — поняла Санса. Это, наверно, должно было пробудить в ней более теплое чувство к нему, однако не пробудило. Она чувствовала одну только жалость, а жалость убивает желание. Он смотрел на нее и ждал каких-то

слов, но слова изменили Сансе, и она стояла молча, дрожа всем телом.

Поняв, что ответа не дождется, Тирион залпом допил свое вино.

— Понимаю, — с горечью произнес он. — Ложись в постель, Санса. Исполним свой долг.

Она взобралась на перину, чувствуя на себе его взгляд. Рядом с кроватью горела душистая свеча, между простынями разбросали розовые лепестки. Санса хотела укрыться одеялом, но он сказал «нет».

Она, дрожа от холода, тем не менее подчинилась, закрыла глаза и стала ждать. Она слышала, как муж снимает с себя сапоги и раздевается. Когда он вспрыгнул на кровать и положил руку ей на грудь, Санса невольно содрогнулась. Она так и не открыла глаз, и каждый мускул в ее теле напрягся. Что он будет делать дальше? Снова прикоснется к ней? Поцелует? Может быть, ей уже следует раздвинуть ноги? Она не знала, что от нее требуется.

— Санса. — Он убрал руку. — Открой глаза.

Она дала обещание повиноваться ему и сделала, как он велел. Он сидел, голый, у ее ног. Под его животом из гущи жестких желтых волос торчал напряженный мужской стержень — единствен-

ное, что в нем было прямого.

— Миледи, вы прекрасны, в этом нет сомнений, но… я не могу. Пусть отец провалится в пекло со своим приказом. Мы подождем, месяц, год, зиму — сколько бы ни понадобилось. За это время ты узнаешь меня получше и, может быть, начнешь мне доверять. — Его улыбка должна была приободрить Сансу, но из-за покалеченного носа сделала его лицо еще более уродливым и жутким.

«Смотри на него, смотри, — говорила себе Санса. — Это твой муж. Септа Мордейн говорила, что все мужчины по-своему красивы — постарайся найти в нем красоту». Коротенькие ноги, безобразный выпуклый лоб, один глаз зеленый, другой черный, красный обрубок носа и розовый шрам, жесткая борода из спутанных черно-золотистых волос. Даже член у него уродливый, толстый и жилистый, с багровой головкой. «Нет, это просто нечестно — чем я согрешила перед богами, что они так наказывают меня?»

— Клянусь честью Ланнистера, — сказал Бес, — я не трону тебя, пока ты сама не захочешь.

Собрав все свое мужество, она посмотрела в его разные глаза и спросила:

— А что, если я никогда не захочу, милорд?

Его рот дернулся, как будто она дала ему пощечину.

— Никогда?

У Сансы перехватило горло, и она молча кивнула.

— Ну что ж, для бесов вроде меня боги создали шлюх. — Он сжал свои короткие пальцы в кулак и слез с кровати.

Арья

Каменная Септа была самым большим городом, который Арья видела после Королевской Гавани, и Харвин сказал ей, что здесь произошла битва, в которой одержал победу ее отец.

— Люди Безумного Короля охотились за Робертом, стараясь схватить его до того, как он соединится с вашим отцом, — рассказывал он, когда они въезжали в ворота. — Его ранили, и он отлеживался у своих друзей, а тогдашний десница лорд Коннингтон занял город с большим войском и стал обыскивать дом за домом. Но Роберта он найти не успел, потому что лорд Эддард и ваш дед подошли к городу и взяли приступом его стены. Лорд Коннингтон оказал им отчаянное сопротивление. Бои шли на улицах и даже на

крышах домов, и все септоны звонили в колокола, призывая горожан покрепче запереть свои двери. Услышав звон, Роберт вышел из укрытия и тоже вступил в бой. Говорят, что в тот день он убил шестерых человек, в том числе Майлса Мутона, знаменитого рыцаря, оруженосца принца Рейегара. Он и десницу убил бы, но им не довелось сойтись в битве. Коннингтон тогда ранил вашего деда Талли и убил сира Дениса Аррена, любимца всей Долины. Но, увидев, что битва проиграна, он улетучился с быстротой грифонов, которых носил на своем щите. Эту битву потом назвали Колокольной, и Роберт всегда говорил, что ее выиграл ваш отец, а не он.

По виду города Арья рассудила, что здесь и в последнее время не обошлось без битв. Городские ворота были новые, из сырого дерева, а от старых осталась только куча обгорелых досок.

Держали их на запоре, но капитан стражи, увидев приезжих и узнав их, открыл для них калитку.

— Как у вас с едой? — спросил его Том.

— Лучше, чем раньше. Охотник пригнал стадо овец, и через Черноводную ведется кое-какая торговля — к югу от реки урожай уцелел. Многие, конечно, точат зубы на наше добро — то волки,

то Скоморохи. Все чего-то хотят, не съестного, так золота или женщин, а не то подавай им Цареубийцу. Говорят, он ушел прямо из рук у лорда Эдмара.

– *Лорда* Эдмара? — нахмурился Лим. — Так лорд Хостер умер?

— Не умер, так скоро умрет. Думаете, Ланнистер пробирается к Черноводной? Охотник говорит, это самый короткий путь к Королевской Гавани. Он, Охотник, рыщет вокруг со своими псами, — продолжил капитан, не дожидаясь ответа. — Если сир Джейме где-то поблизости, они его найдут. Эти собачки медведя могут разорвать, я сам видел. Думаю, лев им тоже по вкусу придется!

— От растерзанного трупа пользы никому не будет, — сказал Лим, — и Охотник это понимает не хуже кого другого.

— Когда эти западники нагрянули, они изнасиловали его жену и сестру, сожгли его урожай и сожрали половину его овец, а другую половину прирезали просто так, назло. И бросили ему в колодец шестерых убитых собак. Я бы сказал, что его растерзанный труп очень бы даже устроил — как и меня.

— Ну и дурак, — сказал Лим. — А про Охотника скажу: будет лучше, если ничего такого не

случится.

Арья ехала между Харвином и Энгай по улицам, где когда-то сражался ее отец. На холме стояла септа, а под ней — крепость из серого камня, слишком маленькая для такого большого города. От каждого третьего дома на их пути остались только обугленные стены, и людей не было видно.

— Здесь что, всех жителей перебили?

— Нет, они просто стесняются чужих. — Энгай показал ей двух лучников на крыше, а в развалинах пивной рылись перепачканные сажей мальчишки. Чуть дальше булочник открыл ставни и поздоровался с Лимом. На звук его голоса из укрытий вышли еще люди, и Каменная Септа стала потихоньку оживать.

На рыночной площади фонтан в виде прыгающей форели лил воду в мелкий водоем, и женщины наполняли из него свои кувшины и ведра. Тут же рядом на скрипучих деревянных шестах висело с дюжину железных клеток. Арья знала, что они называются вороньими. Только вороны летали снаружи, плескались в фонтане и отдыхали на крышах, а в клетках сидели люди. Нахмуренный Лим натянул поводья.

— Это еще что?

— Правосудие, — ответила ему женщина у фонтана.

— Разве у вас все веревки вышли?

— Это сделано по приказу сира Вилберта? — присоединился к расспросам Том.

— Сира Вилберта львы убили еще год назад, — с горьким смехом ответил какой-то горожанин. — А сыновья его ушли с Молодым Волком и теперь нагуливают жир на западе. Думаешь, им есть дело до нас? А этих волков поймал Безумный Охотник.

«Волки. — Арья похолодела. — Люди Робба, люди моего отца». Ее словно что-то тянуло к этим клеткам. Они были такие тесные, что узники не могли ни сесть, ни повернуться — они стояли нагие, отданные на произвол солнцу, ветру и дождю. В трех первых клетках качались мертвецы. Вороны успели выклевать им глаза, но Арье казалось, что их пустые глазницы следят за ней. Человек в четвертой еще шевелился. В его косматой бороде, запекшейся от крови, кишели мухи. Когда он заговорил, они взлетели и стали жужжать над его головой.

– *Воды*, — прохрипел человек. — Пожалуйста…

Узник в соседней клетке открыл глаза, услышав его голос, и сказал:

— Сюда. Сюда. — Этот был стар, с седой бородой и лысым, в коричневых пятнах, черепом.

Клетку рядом со стариком занимал еще один мертвец, большой рыжеволосый мужчина с посеревшей повязкой вокруг левого уха. С нижней частью его туловища дело обстояло еще хуже — между ног у него ничего не осталось, кроме бурой дыры, где ползали черви. Дальше висел толстяк, которого непонятно каким образом запихнули в клетку. Прутья впились ему в живот, и тело складками выпирало между ними. Долгие дни на солнце сделали его красным как рак с ног до головы. Когда он переступал с ноги на ногу, клетка скрипела и раскачивалась. Арья разглядела белые полоски там, где прутья защищали его кожу от солнца.

— Чьими людьми вы были? — спросила она.

Толстяк открыл глаза. Из-за красных опухших век они походили на вареные яйца в кровяной подливке.

— Воды… пить…

— Чьи вы? — снова спросила Арья.

— Не заботься о них, мальчик, — сказал горожанин. — Не твое это дело. Проезжай.

— А что они сделали?

— Убили восемь человек у Падучего Водопада.

Они искали Цареубийцу, но его там не оказалось, и они принялись насиловать и убивать. — Он показал большим пальцем на мертвеца с дырой между ног. — Вот он, насильник. Ладно, проезжай.

— Один глоток, — крикнул толстяк. — Сжалься, мальчик. Один глоток. — Старик схватился рукой за прутья, раскачав свою клетку. Человек с мухами в бороде опять прохрипел:

— Воды.

Арья смотрела на них, грязных, косматых, с воспаленными глазами и сухими, растрескавшимися губами. «Волки, такие же, как и я. — Выходит, это ее стая? — Разве могут люди Робба быть такими?» Ей хотелось избить их или заплакать. Они все смотрели на нее, и живые и мертвые. Старик просунул три пальца сквозь прутья.

— Воды. Воды.

«Нечего их бояться — они еле живы». Арья спрыгнула с коня, достала из поклажи свою чашку и пошла к фонтану.

— Ты что это делаешь, мальчик? — рявкнул горожанин. — А ну-ка перестань. — Арья подставила чашку под рот форели, замочив пальцы и рукав. Набрав воды до краев, она собралась было вернуться к клеткам, но горожанин ее остано-

вил: — Не подходи к ним, мальчик…

— Это девочка, — сказал Харвин. — Отстань от нее.

— И то, — поддержал Лим. — Лорд Берик не подвешивает людей в клетках, чтобы они умирали от жажды. Почему вы не повесили их за шею, чинно и благородно?

— Можно подумать, они сами благородно себя вели у Полной Чаши, — огрызнулся горожанин.

Чашка была слишком широкая и не пролезала между прутьями, но Арья оперлась ногой на подставленные ковшом руки Харвина, потом стала на плечи Джендри и ухватилась за прутья на верхушке клетки. Толстяк запрокинул голову, и Арья стала лить воду ему в рот. Толстяк жадно глотал то, что не проливалось мимо, а потом присосался к мокрым прутьям и облизал бы Арье пальцы, если бы она их не отдернула. Таким же манером она напоила двух других. К этому времени на площади собралась целая толпа, и какой-то мужчина сказал:

— Безумному Охотнику это не понравится.

— Это ему понравится еще меньше. — Энгай натянул свой лук. Толстяк содрогнулся, когда стрела вошла между его жирными подбородками, но клетка не дала ему упасть. Еще две стрелы

прикончили двух других северян. В глубокой тишине на площади были слышны только плеск фонтана и жужжание мух.

«Валар моргулис», — подумала Арья.

На восточной стороне площади стояла скромная гостиница с белеными стенами и выбитыми окнами. Видно было, что ее крыша недавно горела, но дыру успели залатать. Над дверью висела деревянная вывеска в виде персика с надкушенным боком. Путники спешились у поставленной наискосок конюшни, и Зеленая Борода завопил, призывая конюхов.

К ним выбежала грудастая рыжеволосая хозяйка, бурно выражая свою радость и беспрестанно подкалывая разбойников.

— А Зеленая-то Борода вся поседела! Боги милосердные, когда это ты успел? А ты, Лим, все в том же плаще? Я знаю, ты никогда его не стираешь: боишься, что вся моча сойдет и все увидят, что ты на самом-то деле королевский гвардеец. Том-Семерка, старый ты козел! Никак сынка приехал навестить? Опоздал — он отправился с проклятым Охотником. Не говори только, что он не твой!

— Он не унаследовал моего голоса, — возразил Том.

— Зато твой нос унаследовал. И еще кое-что, если верить девушкам. — Заметив Джендри, женщина ущипнула его за щеку. — Экий славный молодой бычок — дай только Алиса увидит твои мускулы. И краснеет, как девушка! Ничего, мальчик, Алиса о тебе позаботится.

Арья никогда еще не видела Джендри таким багровым.

— Оставь Быка в покое, Гвоздика, он хороший парень, — сказал Том. — Все, что нам от тебя нужно, — это постели на ночь.

— Говори за себя, певец. — Энгай уже обнимал за талию молодую служаночку, такую же конопатую, как он сам.

— Постелей в «Персике» всегда хватало, только сначала вы залезете в лохань. В прошлый раз вы нам оставили своих блох на память. Твои, — она пихнула в бок Зеленую Бороду, — были зеленые. Есть хотите?

— Не откажемся, если у тебя найдется еда, — признался Том.

— Можно подумать, ты хоть раз от чего-то отказывался? Для твоих друзей я зажарю баранину, а для тебя — старую дохлую крысу. Это больше, чем ты заслуживаешь, но если ты прогнусавишь мне пару песен, я, может, и размякну. Блаженных

я всегда жалела. Кэсс, Ланна, ставьте котлы, а ты, Жизена, помоги мне собрать их тряпье — его тоже придется прокипятить.

Эта женщина осуществила все свои угрозы. Арья пыталась объяснить ей, что мылась в Желудях целых два раза каких-нибудь две недели назад, но рыжая и слушать не захотела. Две служанки препроводили Арью наверх, споря о том, девочка она или мальчик. Выиграла девушка по имени Хелли, поэтому другой пришлось таскать воду, и она в сердцах так отскребла Арью жесткой щеткой, что чуть кожу не содрала. Потом они унесли одежду, которую ей дала леди Смолвуд, и одели ее, как одну из кукол Сансы, в полотно с кружевами. Одно хорошо — после этого ей разрешили сойти вниз и поесть.

Сидя в общей комнате в своем дурацком девчоночьем платье, Арья вспомнила, как Сирио Форель учил ее смотреть своими глазами. Она усмотрела больше служанок, чем могло потребоваться даже самой большой гостинице, и почти все они были молодые и хорошенькие. А вечером в «Персик» зачастили мужчины. В общей комнате они не задерживались, хотя Том уже взял свою арфу и запел «Шесть юных дев в пруду». Деревянная лестница скрипела под их шагами,

когда они поднимались с девушками наверх.

— Спорю, что это бордель, — шепнула Арья Джендри.

— Ты хоть знаешь, что значит это слово?

— Конечно, знаю. Та же гостиница, только с девушками.

Он опять покраснел до ушей.

— А ты тогда что здесь делаешь? Бордель — не место для благородных девиц, это всем известно.

Одна из девушек села на скамью рядом с ним.

— Кто тут благородная девица — эта худышка? — Она оглядела Арью и засмеялась. — Ну а я королевская дочь.

— Врешь, — сказала Арья, решив, что над ней подшучивают.

— Как знать. — Девушка пожала плечами, и ее платье соскользнуло с одного. — Говорят, король Роберт спал с моей матерью, когда прятался здесь перед битвой. С другими он, конечно, тоже спал, но Леслин говорит, моя старушка ему нравилась больше всех.

«Девушка со своей гривой черных как смоль волос и правда походит на покойного короля, — подумала Арья. — Но это еще ничего не значит — вон у Джендри такие же волосы».

— Меня зовут Колла, — сказала она Джендри, —

в честь битвы. Я и в твой колокол могу позвонить, хочешь?

— Нет, — сумрачно ответил он.

— Бьюсь об заклад, что хочешь. — Она провела пальцами по его руке. — С друзей Тороса и лорда-молнии мы ничего не берем.

— Сказал, не хочу. — Джендри резко встал и вышел.

— Он что, девушек не любит? — спросила Колла у Арьи. Та пожала плечами.

— Дурак он, вот и все. Ковать мечи и начищать шлемы, вот что он любит.

— А-а. — Колла поправила платье и ушла к Джеку-Счастливчику. Скоро она уже сидела у него на коленях, хихикала и пила вино из его кубка. Зеленая Борода держал по девушке на каждом колене, Энгай исчез куда-то со своей конопатой. Том сидел у огня и пел: «Весной все девы расцветают». Арья пила разбавленное вино, которое налила ей рыжая, и слушала. На площади гнили в своих клетках мертвецы, но в «Персике» царило веселье. Ей только казалось, что иногда кто-то смеется чересчур громко, как бы через силу.

Сейчас ей представлялся удобный случай увести лошадь, но Арья не видела, чем это может ей помочь. «Тот капитан ни за что не выпустит

меня из города, а если и выпустит, за мной сразу погонится Харвин или этот Охотник со своими собаками». Жаль, что у нее больше нет карты — она бы посмотрела, далеко ли Каменная Септа от Риверрана.

Ее кубок опустел, и Арья стала зевать. Джендри так и не вернулся, Том пел «Два сердца бьются, как одно» и целовал новую девушку в конце каждого стиха. Лим и Харвин в углу у окна тихо толковали о чем-то с рыжей Ромашкой.

— …провела всю ночь у Джейме в темнице, — говорила женщина. — Она и та другая, которая убила Ренли. Да, втроем, а утром леди Кейтилин его и выпустила. — У Ромашки вырвался смешок.

«Неправда это, — подумала Арья. — Она никогда бы так не поступила». Гнев, грусть и одиночество навалились на Арью разом.

К ней подсел какой-то старик.

— Надо же, какой славненький маленький персик! — изо рта у него пахло почти так же мерзко, как от мертвецов в клетках, и поросячьи глазки шарили по ней. — А как этот персик зовут?

Арья не сразу нашлась с ответом. Никакой она, конечно, не персик, но не говорить же этому старому пьянчуге, что она Арья Старк.

— Я…

— Она моя сестра, — заявил Джендри, опустив тяжелую руку на плечо старику. — Не приставай к ней.

Тот повернулся, напрашиваясь на ссору, но, увидев Джендри, сразу раздумал.

— Сестра, говоришь? Хорош брат! Я бы свою сестру в «Персик» не привел. — Он встал и бормоча что-то под нос пошел искать себе другую подружку.

— Зачем ты это сказал? — Арья вскочила на ноги. — Я тебе не сестра.

— Ясное дело, — рассердился Джендри. — Где уж нам, маленьким людишкам, быть родней миледи.

Злоба в его голосе поразила Арью.

— Я не то хотела сказать.

— То самое. — Он сел, обхватив ладонями кубок с вином. — Уходи и дай мне выпить спокойно. А потом я, может, найду ту черненькую и позвоню в ее колокол.

— Но…

— Иди отсюда, я сказал. Миледи.

Арья повернулась и ушла. «Глупый бык, бастард несчастный». Пусть себе звонит в какие хочет колокола, ей-то что?

Их спальня помещалась наверху, под самой крышей. Может быть, кроватей в «Персике» и хватало, но здесь стояла только одна — правда, очень широкая, занимавшая почти всю комнату. На соломенном тюфяке могли, пожалуй, улечься все спутники Арьи, но пока постель находилась в ее полном распоряжении. Ее мальчишеский наряд висел на колышке, между одеждой Джендри и Лима. Арья сняла платье с кружевами, рубашку и залезла под одеяло.

— Королева Серсея, — прошептала она в подушку. — Король Джоффри, сир Клин, сир Меррин, Дансен, Рафф и Полливер. Щекотун, Пес, Гора. — Иногда она меняла порядок имен. Это помогало ей помнить, кто они такие и в чем провинились. «Может, кого-то из них уже нет в живых. Может, они висят в железных клетках, и вороны выклевывают им глаза».

Она заснула, как только закрыла глаза, и ей приснились волки. Они крались по мокрому лесу, где пахло дождем, гнилью и кровью. Во сне эти запахи казались ей приятными, и она знала, что бояться ей нечего. Она сильна, быстра и свирепа, и с ней ее стая, ее братья и сестры. Вместе они загнали испуганную лошадь, разорвали ей горло и насытились. А когда из туч показалась луна,

Арья запрокинула голову и задышала.

Утром ее разбудил собачий лай.

Арья села, зевая во весь рот. Слева от нее заворочался Джендри, справа громко храпел Лим, но лай заглушал все прочие звуки. «Собак, наверно, не меньше полусотни!» Она выбралась из-под одеяла и через Лима, Тома и Джека перелезла к окну. Когда она распахнула ставни, в комнату хлынули ветер, сырость и холод. День занялся серый, ненастный. Собаки на площади лаяли, бегали кругами, рычали и выли. Их была целая свора: большие черные мастифы, поджарые гончие, лохматые, белые с черным овчарки и зубастые зверюги неизвестной Арье породы. Между фонтаном и гостиницей сидели на конях около дюжины всадников, а горожане тем временем открывали клетку толстяка и вытаскивали раздувшийся труп наружу. Как только он вывалился, собаки накинулись на него и стали рвать на части.

— Вот тебе новый замок, ублюдок ланнистерский, — со смехом сказал один из всадников. — Тесноват будет, но мы тебя втиснем, будь спокоен. — Мрачный пленник сидел на коне рядом с ним, связанный веревкой. Горожане швыряли в него навозом, но он ни разу не шелохнулся. —

Тут ты и сгниешь, в этой клетке, — продолжал выкрикивать тот, кто взял его в плен. — Вороны выклюют тебе глаза, а мы потратим твое ланнистерское золотишко. Когда вороны насытятся, мы отправим то, что останется, твоему братцу, да только вряд ли он тебя узнает.

Шум разбудил половину «Персика». Джендри высунулся в окно рядом с Арьей. Том, в чем мать родила, пристроился сзади.

— Кто это там разоряется? — сердито осведомился с кровати Лим. — Поспать не дают человеку.

— Где Зеленая Борода? — спросил его Том.

— У Ромашки в постели, а что?

— Поди-ка сыщи его, и Лучника тоже. Безумный Охотник собрался посадить в клетку еще кого-то.

— Ланнистера, — сказала Арья. — Я слышала, он говорил *«Ланнистер»*.

— Может, они Цареубийцу поймали? — заволновался Джендри.

Брошенный кем-то камень угодил пленнику в щеку, и он повернул голову. «Нет, это не Цареубийца», — поняла она, увидев его лицо.

Джон

Когда одичалые вывели коней из пещеры, Призрака не было.

«Может, он понял, что я послал его в Черный Замок?» Джон вдохнул свежий утренний воздух и позволил себе надеяться. Небо на востоке окрасилось в розовые и светло-серые тона. Меч Зари еще висел на юге, и яркая белая звезда на его рукояти сверкала как алмаз, но черно-серый лес уже обретал зеленые, золотые, красные и рыжие краски. А над гвардейскими соснами, дубами, ясенями и страж-деревьями высилась Стена, мерцая льдом под пылью и грязью.

Магнар послал дюжину человек на запад и дюжину на восток. Они должны были занять самые высокие холмы и следить, не покажутся

ли разведчики в лесу или караульные на Стене. На случай тревоги у теннов имелись окованные бронзой рога. Остальные, в том числе Игритт и Джон, ехали за Ярлом. Для молодого атамана настал великий день.

Считается, что в Стене семьсот футов вышины, но Ярл нашел место, где она одновременно и выше, и ниже. Ледяная громада вставала над лесом, как чудовищный утес, и на глаз казалась не ниже восьмисот, а то и девятисот футов. Но Джон, подъехав поближе, понял, что это обман зрения. Брандон-Строитель старался по возможности закладывать основание Стены на высотах, а эта местность изобиловала особенно высокими и крутыми холмами.

Дядя Бенджен как-то говорил Джону, что Стена к востоку от Черного Замка — это меч, а к западу — змея. Теперь Джон видел это воочию. Стена взбиралась на огромный холм, спускалась в долину, тянулась около лиги вдоль гранитного хребта, снова падала вниз и продолжала карабкаться с холма на холм сколько видел глаз, до гористого западного горизонта.

Ярл выбрал для перехода отрезок, идущий вдоль хребта. Здесь Стена подымалась над уровнем лесной почвы на восемьсот футов, но добрую

треть этой высоты составляли земля и камень, а не лед. Склон был слишком крут для лошадей и почти так же труден для подъема, как Кулак Первых Людей, но преодолеть его все-таки было куда легче, чем отвесный лед самой Стены. Притом каменный кряж, густо обросший лесом, обеспечивал хорошее прикрытие. Когда-то братья Дозора каждый день выходили вырубать деревья вдоль Стены, но те времена давно минули, и лес подступил ко льду вплотную.

День обещал быть сырым и холодным, а у Стены, под неизмеримой тяжестью льда, было еще более сыро и холодно. Чем ближе она становилась, тем больше тенны норовили держаться позади. «Они ведь никогда раньше не видели Стену, даже их магнар не видел, — понял Джон, — и она их пугает». В Семи Королевствах говорят, что Стена — это край света. «Для одичалых она означает то же самое». Все дело в том, с чьей стороны смотреть.

«А на чьей стороне я?» Джон не знал. Чтобы остаться с Игритт, ему придется сделаться одичалым насовсем, душой и телом. Если он бросит ее, чтобы исполнить свой долг, магнар, очень возможно, вырежет ей сердце. А если он возьмет ее с собой… надо еще, чтобы она согласилась,

в чем он вовсе не был уверен… то все равно не сможет привести ее к братьям в Черный Замок и жить там с ней. Что же остается? Дезертир и одичалая нигде в Семи Королевствах не встретят радушного приема. «Надо было нам, пожалуй, пойти поискать детей Гендела, хотя те скорее съели бы нас, чем взяли к себе».

Разведчиков Ярла Стена не страшила — ведь им всем уже доводилось перебираться через нее. Они спешились под самыми скалами, и Ярл назвал по именам одиннадцать человек. Все они были молоды — старшему не больше двадцати

пяти, двоим меньше, чем Джону. Крепкие и жилистые, как на подбор, они напоминали Джону Каменного Змея, разведчика, которого Полурукий отправил домой пешком, когда Гремучая Рубашка охотился за ними.

Каждый из верхолазов перекинул через плечо свернутую кольцом веревку и обулся в башмаки из мягкой оленьей кожи, с шипами на подошвах. У Ярла и еще двоих шипы были железные, кое у кого бронзовые, но у большинства из зазубренной кости. На одном бедре у них висел каменный молоток, на другом — кожаный мешочек с кольями. Ледорубами служили заостренные оленьи рога, примотанные полосками кож к деревянным рукояткам. Двенадцать, вместе с Ярлом, верхолазов разбились на три четверки.

— Манс обещал мечи тем четверым, которые первыми доберутся до вершины, — объявил Ярл, дыша паром в холодном воздухе. — Настоящие южные мечи из кованной в замке стали. А еще он сложит об этом песню, в которую вставит ваши имена. Чего еще надо вольному человеку? Вперед, и пусть Иные возьмут отставших!

«Да хоть всех вас», — подумал Джон, глядя, как они карабкаются по крутому каменному склону, исчезая в лесу. Это не первый и даже не сотый

раз, когда одичалые взбираются на Стену. Караулы натыкаются на таких верхолазов пару раз в году, а разведчики порой находят внизу тела упавших. На восточном берегу одичалые чаще всего строят лодки и пробираются через Тюлений залив, на западе спускаются в черную бездну Теснины, чтобы обойти Сумеречную Башню. Но между этими двумя оконечностями Стену можно преодолеть, только перевалив через нее, и многим это удается. «Назад, правда, возвращаются не так много», — с сумрачной гордостью подумал Джон. Лошадей одичалые поневоле оставляют за Стеной, и неопытные новички часто берут себе первых же коней, которые попадутся им на той стороне. Поднимается шум, вороны летают с письмами туда-сюда, и зачастую Ночной Дозор перехватывает молодцов на обратном пути вместе со всей добычей и украденными женщинами, а там и вешает. Джон знал, что Ярл такой ошибки не совершит, а вот Стир? «Магнар — вождь, а не лазутчик, и вряд ли знает правила этой игры».

— Вон они, — сказала Игритт, и Джон увидел на верхушке дерева первого из верхолазов — Ярла. Тот нашел страж-дерево, растущее наклонно к Стене, и вел своих людей вверх по его стволу, чтобы легче начать. «Нельзя было допускать, что-

бы лес подошел так близко. Они уже поднялись на триста футов, даже не коснувшись льда».

Джон смотрел, как Ярл перебирается с дерева на Стену, вырубая своим роговым орудием опоры для рук. Веревка вокруг пояса связывала его со вторым человеком в ряду, еще сидевшим на дереве. Шаг за шагом Ярл поднимался все выше, врубаясь в лед шипастыми башмаками там, где не было естественных выемок. Поднявшись на десять футов над страж-деревом, он остановился на узком ледяном карнизе, снял с пояса молоток и вбил в трещину железный колышек. Второй человек перелез на Стену вслед за ним, а третий вскарабкался на верхушку дерева.

Две другие четверки не нашли столь удачно расположенных деревьев, и тенны уже стали гадать, не сорвались ли они со скалы. Четверка Ярла уже вся перебралась на Стену и опережала остальные на восемьдесят футов. На льду наконец показались два других головных верхолаза. Все трое отстояли на добрых двадцать ярдов друг от друга. Ярл со своими помещался в середине, четверку справа от него возглавлял Кригг-Козел, легко узнаваемый снизу по длинной светлой косе. Первым слева шел чрезвычайно тощий человек по имени Эррок.

— Еле ползут, — недовольно промолвил магнар. — А вдруг вороны налетят? Быстрее бы надо, пока нас всех не накрыли.

Джон с трудом удержал язык за зубами. Он слишком хорошо помнил Воющий перевал и то, как они с Каменным Змеем карабкались на скалу при лунном свете. В ту ночь он проглатывал свое сердце с полдюжины раз, руки и ноги у него одеревенели, а пальцы он чуть было не отморозил. «А ведь там был камень, не лед». Камень — вещь прочная, лед же коварен и в лучшие времена, а уж в такой день, когда Стена истекает слезами, тепла руки довольно, чтобы растопить его. Огромные ледяные кубы внутри тверды, как скала, но снаружи они скользкие, по ним стекает вода, и льдинки от них отваливаются. «Какими бы одичалые ни были, в смелости им не откажешь».

И все-таки Джон надеялся, что опасения Стира не окажутся напрасными. «Если боги справедливы, здесь пройдет караул и положит всему этому конец». «Ни одна стена сама по себе тебя не спасет, — сказал ему как-то отец, прохаживаясь с ним по крепостной стене Винтерфелла. — Стена сильна людьми, которые ее обороняют». У одичалых сто двадцать человек, но хватит и четырех защитников, чтобы отогнать их с помощью стрел

и камней.

Но защитники так и не появлялись — ни четверо, ни хотя бы один. Солнце поднималось по небу, а одичалые — по Стене. Четверка Ярла продолжала опережать других до полудня, но потом они наткнулись на участок талого льда. Ярл перекинул свою веревку через выступ, но тот вдруг обрушился, и Ярл полетел вниз вместе с ним. На трех остальных посыпались куски льда величиной с человеческую голову, но они удержались, а Ярл повис на конце веревки.

К тому времени, когда его четверка наверстала упущенное, Кригг-Козел почти поравнялся с ними. Эррок по-прежнему отставал. Его участок снизу казался совершенно гладким и влажно поблескивал на солнце. Полоса Кригга выглядела более темной, и очевидно более удобной: здесь неровно поставленные друг на друга ледяные кубы образовывали длинные выступы, встречались мелкие и крупные трещины, а кое-где на местах продольных стыков ветер и вода проделали просторные желоба, в которые мог поместиться человек.

Четверки Ярла и Кригга двигались почти бок о бок, Эррок оставался в пятидесяти дугах под ними. Роговые ледорубы вгрызались в Стену, и

блестящие осколки сыпались на деревья внизу. Каменные молотки вбивали в лед колья, служившие опорой для веревок. Железные колышки вышли еще до середины, и в ход пошли роговые и костяные. Шипы на башмаках долбили белую твердыню без передышки. «Должно быть, ноги у них совсем онемели, — подумал Джон к исходу четвертого часа. — Долго ли еще они смогут продержаться?» Теперь он волновался не меньше магнара, прислушиваясь, не трубят ли вдали рога теннов. Но рога молчали, и Ночной Дозор не давал о себе знать.

К шестому часу Ярл опять обогнал Кригга, и расстояние между ними стало расти.

— Похоже, любимчик Манса получит свой меч, — заметил Стир, заслонив рукой глаза. Солнце стояло высоко, и верхняя треть Стены сияла кристальной голубизной так ярко, что больно было смотреть. Четверки Ярла и Кригга терялись в этом сиянии, Эррок со своими пока оставался в тени. Отставшие, вместо того чтобы карабкаться вверх, сдвинулись футов на пятьсот вбок, где проходил желоб. Джон, следя за ними, услышал вдруг громкий треск, а следом тревожный крик. В воздухе замелькали осколки льда и падающие тела. Ледяная глыба площадью пятьдесят футов

и толщиной с фут отделилась от Стены и покатилась вниз, сметая все на своем пути. Отдельные ее куски достигли даже каменного склона внизу. Джон заслонил собой Игритт, а одному из теннов увесистая льдина сломала нос.

Когда они снова взглянули вверх, Ярл и трое его людей исчезли вместе с кольями и веревками. Там, где они только что цеплялись за Стену, осталась глубокая рана, гладкая и сверкающая, как отполированный мрамор. Лишь далеко внизу, где кто-то разбился о ледяной выступ, виднелось бледное красное пятно.

«Стена защищается», — подумал Джон, выпустив из объятий Игритт.

Ярла они нашли на дереве, проткнутого веткой. Веревка по-прежнему связывала его с тремя другими, которые, разбитые, лежали внизу. Один был еще жив, но переломал себе ноги, позвоночник и почти все ребра.

— Сжальтесь, — сказал он, когда они подошли, и кто-то из теннов размозжил ему голову каменной палицей. Остальные, по приказу магнара, стали собирать топливо для костра.

Пока мертвых сжигали, Кригг-Козел добрался до верха Стены, а когда к нему присоединился Эррок, от неудачливой четверки Ярла остались

только кости да пепел.

Солнце уже садилось, поэтому верхолазы не стали мешкать. Связав вместе свои веревки, они спустили один конец вниз. Джон ужаснулся при мысли, что ему предстоит лезть по этой веревке на высоту пятисот футов, но оказалось, что Манс и это предусмотрел. Лазутчики, оставленные Ярлом внизу, развернули огромную веревочную лестницу с перекладинами в руку толщиной и прикрепили ее к веревке. Люди Эррока и Криг-га совместными усилиями подняли ее наверх, прибили кольями и спустили веревку за второй. Всего лестниц было пять.

Когда все было готово, магнар выкрикнул приказ на древнем языке, и пятеро теннов полезли вверх. Взбираться было не так легко даже по лестницам.

— Ненавижу эту Стену, — тихо и гневно сказала Игритт, наблюдая за ними. — Чувствуешь, какая она холодная?

— Конечно, ведь она ледяная, — ответил Джон.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Она построена на крови.

И она, как видно, еще не напилась вдоволь. На закате двое теннов сорвались с лестниц и разбились насмерть, но это были последние погибшие.

Джон взобрался наверх около полуночи. На небе снова светили звезды, и Игритт вся дрожала после трудного подъема.

— Я чуть не упала, — сказала она со слезами на глазах. — Два раза. Нет, три. Стена хотела сбросить меня, я чувствовала. — Одна слезинка медленно сползла у нее по щеке.

— Худшее уже позади, — попытался ободрить ее Джон. — Не бойся.

Он хотел обнять ее за плечи, но она двинула его в грудь так, что он почувствовал это сквозь шерсть, кольчугу и вареную кожу.

— Я не боюсь. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.

— Отчего же ты плачешь?

— Только не из-за страха! — Она яростно топнула по льду каблуком, отколов кусок. — Я плачу потому, что мы так и не нашли Рог Зимы. Мы разрыли с полсотни могил и выпустили тамошних призраков на волю, но так и не нашли Рог Джорамуна, чтобы разрушить эту груду льда!

Джейме

Его рука горела.

До сих пор, когда факел, которым прижгли его культю, давно погас, много дней спустя, он все еще чувствовал, как огонь пожирает его руку, и как пальцы, которых у него больше нет, корчатся в пламени.

Он и раньше получал раны, но такого с ним еще не случалось. Он не знал, что бывает такая боль. Иногда с его губ невольно срывались забытые молитвы — молитвы, которые он заучивал ребенком и с тех пор ни разу не вспоминал, которые они с Серсеей читали, стоя рядом на коленях в септе Утеса Кастерли. Он даже плакал, пока не услышал, как Скоморохи над ним смеются. Тогда он приказал своим глазам стать сухими, а серд-

цу — мертвым. Горячечный жар помогал ему, осушая слезы. «Теперь я понимаю, что чувствует Тирион каждый раз, когда над ним смеются».

Когда он вторично выпал из седла, их с Бриенной снова посадили на одну лошадь и крепко привязали друг к другу. Однажды их связали не в затылок, как обычно, а лицом к лицу.

— Влюбленные, — громко вздыхал Шагвелл, — какая прелестная картина. Жестоко было бы разлучать рыцаря с его дамой. — Он залился своим визгливым смехом и добавил: — Вот только кто из них рыцарь, а кто дама?

«Будь моя рука на месте, ты бы узнал, кто из нас кто», — думал Джейме. Его конечности онемели от веревок, но он этого почти не замечал. Его мир сузился до очага боли на месте утраченной руки. Бриенна прижималась к нему, и он утешался тем, что она теплая, хотя пахло от нее не лучше, чем от него самого.

Отрубленную кисть руки Урсвик повесил ему на шею, и она ерзала по груди Бриенны, а Джейме то проваливался в забытье, то вновь приходил в себя. Правый глаз у него заплыл, рана, нанесенная ему Бриенной, воспалилась, но больше всего мучений доставляла рука. Кровь и гной сочились из культи, и ее дергало при каждом

шаге лошади.

В горле так саднило, что он не мог есть, но пил он все, что ему давали — и вино, и воду. Однажды, когда ему дали очередную чашу, он, содрогаясь, принялся жадно из нее пить. Скоморохи заржали так, что ушам стало больно.

— Ты пьешь лошадиную мочу, Цареубийца, — сказал Рорж, но Джейме мучила такая жажда, что он все равно допил до дна. Правда, потом выблевал все назад. Бриенну заставили смыть блевотину с его бороды и каждый раз заставляли обмывать его, когда ему случалось обмараться в седле.

В одно сырое холодное утро, когда ему немного полегчало, им овладело безумие. Он потянулся левой рукой к мечу дорнийца и выхватил его из ножен. «Пусть убьют, — думал он, — по крайней мере я умру в бою, с мечом в руке». Но из этой затеи ничего не вышло. Шагвелл перескакивал с ноги на ногу, уворачиваясь от его ударов. С трудом держащийся на ногах Джейме яростно махал мечом, пытаясь достать дурака, но тот крутился, приседал и отскакивал в сторону. Скоморохи ухахатывались над неуклюжестью Джейме. Наконец он споткнулся о камень и упал на колени, а дурак подскочил и чмокнул его в макушку.

Рорж вышиб меч пинком из его слабых пальцев.

— Это было жабавно, Шареубийша, — сказал Варго Хоут, — но больше так не делай. Иначе я отрублю тебе другую руку, а может, и ногу.

После Джейме долго лежал на спине, глядя в ночное небо и стараясь не думать о боли, которая обволакивала его правую руку при каждом движении. Ночь, как ни странно, была прекрасна. Тонкий месяц плыл по небу, и ему казалось, что он еще никогда не видел столько звезд. Королевская Корона стояла в зените, Жеребец дыбился, Лебедь плавно совершал свой путь. Лунная Дева, робкая как всегда, пряталась за сосной. «Как может эта ночь быть прекрасной? — спрашивал он себя. — Как звездам не противно смотреть на такого, как я?»

— Джейме, — прошептала Бриенна так тихо, что он подумал, будто это ему снится, — Джейме, что ты делаешь?

— Умираю, — прошептал он в ответ.

— Нет. Ты должен жить.

Он сделал попытку засмеяться.

— Хватит командовать, женщина. Захочу — так умру, тебя не спрошу.

— Выходит, ты трус?

Это слово потрясло его. Он, Джейме Ланнистер, рыцарь Королевской Гвардии, Цареубийца. Трусом его еще никто не называл. Как угодно: клятвопреступником, лжецом, убийцей, жестоким, бессердечным, вероломным, но не трусом.

— А что мне еще остается? — спросил он.

— Жить. Бороться. Мстить. — Бриенна произнесла это слишком громко. Рорж пришел, надавал ей пинков и велел держать язык за зубами, если она хочет его сохранить.

Бриенна старалась не стонать, а Джейме думал: «Трус? Неужели? Они отрубили мне правую руку — значит я весь заключался в ней? Боги, неужели это правда?»

Женщина права. Нельзя ему умирать. Серсея ждет его, нуждается в нем. И Тирион, его младший брат, любящий его непонятно за что. И враги тоже ждут: Молодой Волк, побивший его в Шепчущем лесу, Эдмар Талли, державший его в темнице закованным в цепи, и эти Бравые Ребята.

Наутро он заставил себя поесть. Ему давали дробленый овес, лошадиную еду, но он съел все подчистую, и вечером тоже. «Живи, — твердил он себе, когда овес застревал в горле. — Живи ради Серсеи, ради Тириона, ради мести. Ланнистеры

всегда платят свои долги. — Культю дергало, и от нее шел смрад. — В Королевской Гавани ты скуешь себе другую руку, золотую, и когда-нибудь разорвешь ею горло Варго Хоуту».

Дни и ночи сливались в тумане боли. Он дремал в седле, прижавшись к Бриенне, вдыхая смрад своей гниющей руки, а ночью просыпался на твердой земле от страшного сна. На ночь его привязывали к дереву, несмотря на его слабость, и он находил утешение в том, что они и теперь его боятся.

Бриенну всегда привязывали рядом с ним, и она лежала в своих путах, как дохлая корова, ни слова не говоря. «Женщина воздвигла крепость внутри себя. Рано или поздно они ее изнасилуют, но за крепостные стены им не пробиться». А вот его стены рухнули. Они отняли у него правую руку, которой он держал меч — без нее он ничто. От левой ему никакой пользы. В левой он с тех пор, как научился ходить, держал щит, и только. Это правая рука делала его рыцарем, правая рука делала его мужчиной.

Однажды он услышал, как Урсвик упомянул о Харренхолле, и вспомнил, что они едут туда. Это вызвало у него смех, за что Тимеон хлестнул его кнутом по лицу. Хлестнул больно, до крови, но из-

за руки Джейме почти ничего не почувствовал.

— Почему ты смеялся? — тихо спросила его ночью женщина.

— Свой белый плащ я получил как раз в Харренхолле, — прошептал он. — На большом турнире Уэнта. Он хотел показать всем, какой большой у него замок и какие великолепные сыновья, а я хотел показать себя. Мне было всего пятнадцать, но в тот день меня никто бы не побил — да только Эйерис не позволил мне участвовать. — Джейме снова засмеялся. — Он услал меня прочь, но теперь я возвращаюсь.

Его смех услышали, и этой ночью свою порцию пинков получил Джейме. Он их почти не чувствовал, но потом Рорж двинул сапогом по его культе, и он потерял сознание.

На следующую ночь они наконец явились, самые худшие из всей шайки: Шагвелл, безносый Рорж и толстый дотракиец Золло, отрубивший Джейме руку. Рорж и Золло заспорили, кто из них будет первым — дураку они заранее отвели последнюю очередь. Шагвелл предложил им действовать разом, взяв женщину спереди и сзади. Те двое это одобрили, но теперь встал вопрос, кто будет передним, а кто задним.

«Они и ее изувечат — только внутри, где нико-

му не видно».

— Женщина, — прошептал Джейме, пока Рорж и Золло ругались, — оставь им мясо, оставь им свою плоть и отстранись. Тогда все закончится быстрее, и они получат меньше удовольствия.

— Я им покажу удовольствие, — прошипела она в ответ.

«Глупая, упрямая, храбрая сука. — Она начнет драться, и ее убьют. — Ну и пусть, мне-то что? Если б не ее ослиное упрямство, я сохранил бы руку». Вместо этого он прошептал:

— Уйди внутрь, и пусть они делают, что хотят. — Он сам это сделал, когда у него на глазах умирали Старки. Лорд Рикард поджарился в своих доспехах, а его сын Брандон удавился, пытаясь спасти его. — Думай о Ренли, которого любила. Думай о Тарте, о горах, морях, водопадах и что там еще есть на твоем Сапфировом острове…

Рорж между тем закончил спор.

— Страшней тебя бабы я не видал, — заявил он, — но не думай, что тебя нельзя сделать еще страшнее. Хочешь нос, как у меня? Будешь драться — получишь такой же. Двух глаз тебе тоже многовато. Если заорешь, я вырву один и скормлю его тебе, а потом и твои сраные зубы повыдергаю, один за другим.

— Сделай это, Рорж, — заверещал Шагвелл. — Без зубов она станет совсем как моя старая матушка, а я всегда хотел поиметь старушку в задницу.

— А ты смешной дурак, — хмыкнул Джейме. — У меня есть загадка для тебя, Шагвелл. Почему вам не нужно, чтобы она кричала? Погодите, я знаю. — И он закричал во всю глотку: — *САПФИРЫ!*

Рорж, изрыгая ругань, снова ударил его ногой по культе. Джейме взвыл, успев подумать напоследок: «Не знал, что на свете существует такая боль». Он не знал, сколько провалялся без сознания, но когда тьма выплюнула его обратно, рядом стояли Урсвик и сам Варго Хоут.

— Не шметь ее трогать, — вопил козел, брызгая слюной на Золло. — Она должна оштатьшя девичей, дурачье! Жа нее нам дадут мешок шапфиров! — С той ночи Хоут всегда ставил к пленникам часового.

Две ночи они провели в молчании, и наконец женщина набралась смелости спросить:

— Джейме, зачем ты тогда закричал?

— Зачем я закричал «сапфиры»? Пошевели мозгами, женщина. Разве кого-нибудь из них проняло бы, закричи я «насилуют»?

— Ты мог бы не кричать вовсе.

— На тебя и с носом-то смотреть тяжко — и потом, я хотел услышать, как козел скажет «шапфиры». Твое счастье, что я умею врать, — хмыкнул он. — Честный человек выложил бы всю правду о Сапфировом острове.

— Все равно, благодарю тебя, сир.

Рука опять разболелась. Джейме скрипнул зубами.

— Ланнистеры всегда платят свои долги. Это тебе за реку и за камни, которые ты свалила на Робина Ригера.

Козел решил устроить торжественный въезд. В миле от ворот Харренхолла Джейме заставили спешиться и обвязали веревкой вокруг пояса. Бриенне связали запястья другой веревкой, а концы прикрепили к седлу Варго Хоута. Пленники, спотыкаясь, зашагали бок о бок за полосатой лошадью Квохорца.

Джейме удерживала на ногах только ярость. Повязка на его культе стала серой и зловонной от гноя, несуществующие пальцы ломило на каждом шагу. «Ничего, — говорил он себе, — я крепче, чем они думают. Я все еще Ланнистер и рыцарь Королевской Гвардии». Он доберется до Харренхолла, а там и до Королевской Гавани. Он выживет и уплатит свой долг сторицей.

Когда они приблизились к чудовищным сте-

нам замка Черного Харрена, Бриенна толкнула его локтем.

— Замок теперь в руках лорда Болтона, а Болтоны — знаменосцы Старков.

— Болтоны сдирают со своих врагов кожу. — Только это Джейме и помнил относительно лорда Дредфорта. Тирион наверняка знает о Болтоне все, но Тирион за тысячу лиг отсюда, и Серсея тоже. «Я не могу умереть, пока она жива, — подумал Джейме. — Мы с ней умрем вместе, как вместе родились».

Городок за стенами замка сожгли дотла, а на берегу озера, где лорд Уэнт в год ложной весны устроил свой турнир, недавно стояло лагерем большое количество людей и лошадей. Джейме пересек изрытое поле с горькой улыбкой на губах. На том самом месте, где он когда-то принес свой обет, преклонив колени перед королем, вырыли канаву для нечистот. «Тогда я не представлял, как быстро сладкое может обернуться кислым. Эйерис не дал мне даже ночи, чтобы порадоваться. Он оказал мне честь, а потом плюнул в лицо».

— Посмотри на знамена, — сказала ему Бриенна. — Ободранный человек и сдвоенные башни. Вассалы короля Робба. А вон и его лютоволк над воротами.

Джейме задрал голову.

— Вижу твоего треклятого лютоволка. А по бокам от него торчат головы.

Солдаты, слуги и маркитанты встретили пленных улюлюканьем, а пятнистая собака долго бежала за ними с лаем и воем. В конце концов один из лиснийцев насадил ее на копье и поскакал во главе колонны, потрясая мертвой собакой над головой Джейме и крича:

— Я несу знамя Цареубийцы!

Из-за небывалой толщины стен ворота Харренхолла представляли собой настоящий каменный туннель. Варго Хоут послал двух своих дотракийцев вперед, чтобы уведомить лорда Болтона об их прибытии, и во внешнем дворе толпились зеваки. Они расступились перед Джейме, который плелся, повинуясь рывкам веревки.

— Вручаю вам Шареубийшу, — торжественно и шепеляво произнес Варго Хоут. Чье-то копье кольнуло Джейме в поясницу, и он, падая, безотчетно выбросил руки вперед.

Когда он ударился культей о землю, боль ослепила его, но он все-таки умудрился привстать на одно колено. Перед ним широкие каменные ступени вели ко входу в одну из громадных круглых башен Харренхолла. Наверху стояли пятеро

рыцарей в панцирях и кольчугах, с двумя башнями на камзолах, а среди них — светлоглазый северянин, одетый в шерсть и меха.

— Сколько Фреев! — воскликнул Джейме. — Сир Данвел, сир Эйенис, сир Хостин. — Он знал в лицо всех сыновей лорда Уолдера — его тетка как-никак была замужем за одним из них. — Примите мои соболезнования.

— По поводу чего, сир? — спросил сир Данвел Фрей.

— По поводу вашего племянника сира Клеоса. Он был с нами, пока разбойники не нашпиговали его стрелами. Урсвик со своей шайкой взяли его имущество, а его самого бросили на съедение волкам.

– *Милорды!* — Бриенна вырвалась и вышла вперед. — Я видела ваши знамена. Выслушайте меня ради присяги, которую принесли!

— Это еще кто? — осведомился сир Эйенис Фрей.

— Ланништерова нянька.

— Я Бриенна Тарт, дочь лорда Сельвина Вечерняя Звезда, присягнувшая дому Старков, как и вы.

Сир Эйенис плюнул ей под ноги.

— Вот чего стоит твоя присяга! Мы поверили

слову Робба Старка, а он отплатил нам вероломством.

«Это что-то новое». Джейме оглянулся посмотреть, как воспримет это обвинение Бриенна, но женщина, упрямая как мул, гнула свое:

— Я не знаю, о каком вероломстве вы говорите. Леди Кейтилин приказала мне доставить Ланнистера к его брату в Королевскую Гавань.

— Когда мы нашли их, она пыталась его утопить, — перебил ее Урсвик.

Она покраснела.

— В гневе я забылась, но это не значит, что я могла бы убить его. Если он умрет, Ланнистеры предадут мечу дочерей моей леди.

— Какое нам до этого дело? — бесстрастно заметил сир Эйенис.

— Мы можем вернуть его в Ривeрран в обмен на выкуп, — возразил его брат.

— У Утеса Кастерли золота больше, — сказал другой.

— Убить его, и делу конец! — заявил третий. — Его голова за голову Неда Старка.

Шагвелл-Дурак в сером и розовом наряде, выписывая кульбиты, прискакал к лестнице и запел:

— *Однажды лев плясал с медведем, ля-ля, ля-ля…*

— Жаткнишь, дурак, — одернул его Хоут. — Этот Ланништер медведю не доштанетшя. Он мой.

— Если он умрет, то не достанется никому, — промолвил Русе Болтон, так тихо, что всем пришлось замолчать, чтобы расслышать его. — И не забывайте, милорд: вы станете хозяином Харренхолла не раньше, чем я выступлю на север.

Лихорадка путала мысли Джейме, делая его бесстрашным.

— Неужели это лорд Дредфорта? Насколько я слышал, мой отец так крепко вам всыпал, что вы бежали от него, поджав хвост. Когда же вы остановились?

Молчание Болтона было стократ страшнее, чем шепелявая брань Хоута. Его глаза, бледные, как утренний туман, скрывали больше, чем говорили. Джейме не любил светлых северных глаз. Они напоминали ему о том дне в Королевской Гавани, когда Нед Старк застал его на Железном Троне. В конце концов лорд Дредфорта поджал губы и произнес:

— Я вижу, вы потеряли руку.

— Я ее не терял. Вот она, у меня на шее.

Русе Болтон сошел вниз, оборвал бечевку на шее Джейме и швырнул руку Хоуту.

— Уберите. Подобное зрелище оскорбляет взор.

— Я пошлю ее его лорду-отшу. Пушть выкладывает што тышяч жолотых драконов, не то мы вернем ему Шареубийшу по кушкам. А когда получим жолото — отдадим шира Джейме лорду Карштарку и вожмем жаодно и девичу! — Бравые Ребята встретили его слова громким хохотом.

— Прекрасная мысль, — сказал Болтон тем же тоном, каким мог сказать своему сотрапезнику «прекрасное вино», — только лорд Карстарк не отдаст вам свою дочь. Король Робб лишил его головы за измену и смертоубийство. Что до лорда Тайвина, он сейчас в Королевской Гавани и останется там до нового года, чтобы отпраздновать свадьбу своего внука с дочерью Хайгардена.

— Вы хотели сказать «Винтерфелла», — поправила Бриенна. — Король Джоффри помолвлен с Сансой Старк.

— Уже нет. Все изменила битва на Черноводной. Лев соединился там с розой, чтобы разбить войско Станниса Баратеона и сжечь его флот.

«Я предупреждал тебя, Урсвик, — подумал Джейме, — и тебя тоже, козел. Когда ставишь против Ланнистеров, рискуешь не только кошельком».

— Что слышно о моей сестре? — спросил он.

— Она в добром здравии, как и ваш… племян-

ник. — Болтон чуть-чуть помедлил перед этим словом, как бы говоря: «Знаю, какой он тебе племянник». — Ваш брат тоже жив, хотя и получил рану в бою. — Он поманил к себе сурового северянина в кожаном нагруднике. — Проводи сира Джейме к Квиберну. И развяжи эту женщину. — Тот перерезал веревку на запястьях Бриенны, и Болтон сказал: — Прошу извинить нас, миледи. В столь бурные времена трудно отличить друзей от врагов.

Бриенна потерла израненные веревкой руки.

— Милорд, эти люди хотели меня изнасиловать.

— Вот как? — Лорд Болтон устремил светлые глаза на Варго Хоута. — Я недоволен вами — и по этой причине, и из-за руки сира Джейме.

На каждого из Скоморохов во дворе приходилось пятеро северян и столько же латников дома Фреев. Козел, быть может, и не блистал умом, но считать немного умел и потому промолчал.

— Они забрали мой меч и доспехи… — продолжала Бриенна.

— Здесь вам доспехи не нужны, миледи. В Харренхолле вы под моей защитой. Амабель, отведи леди Бриенне подобающие покои, а ты, Уолтон, позаботься о сире Джейме. — Болтон, не дожи-

даясь ответа, повернулся и зашагал вверх по ступеням, покачивая своим плащом с меховой оторочкой. Джейме едва успел переглянуться с Бриенной, прежде чем их разлучили.

В комнатах мейстера под вороньей вышкой седой, с отеческими манерами человек по имени Квиберн так и ахнул, срезав повязку с культи Джейме.

— Неужто так худо? Я умру?

Квиберн нажал на рану пальцем и сморщил нос, когда выступил гной.

— Нет. Но еще несколько дней, и… — Он отрезал у Джейме рукав. — Загнивание распространилось. Видите, как мягко? Придется все это удалить, а надежнее всего было бы совсем отнять руку.

— Тогда умрете *вы*, — заверил Джейме. — Почистите культю и зашейте ее. Рискнем.

— Я мог бы отнять вам руку по локоть, а остальное оставить, — нахмурился Квиберн, — но…

— Если отрежете хоть кусочек, рубите уж сразу и другую руку, иначе я вас удушу.

Квиберн посмотрел ему в глаза, и то, что он увидел там, заставило его умолкнуть.

— Хорошо. Я срежу только загнившие ткани. Попытаюсь остановить гниение кипящим вином, а также припарками из крапивы, горчичного

семени и хлебной плесени. Может быть, этого будет достаточно. Вам решать. Выпьете макового молока и…

— Нет. — Джейме не мог позволить, чтобы его усыпили. Проснешься и увидишь, что тебе оттяпали руку по плечо.

— Но это же больно, — опешил Квиберн.

— Значит, буду кричать.

— Очень больно.

— Я буду кричать громко.

— Ну а вина вы хотя бы выпьете?

— Спросите еще, молится ли когда-нибудь верховный септон.

— Я не уверен, что он это делает. Сейчас принесу вина. Ложитесь — руку придется привязать.

Квиберн чистил культю острым ножом, а Джейме глотал крепкое вино, выливая половину на себя. Левая рука с трудом отыскивала рот, но это имело свою хорошую сторону: винный запах от мокрой бороды заглушал смрад гноя.

Но когда пришло время резать больную плоть, даже вино перестало помогать. Джейме кричал и молотил по столу здоровым кулаком. Его крик стал еще громче, когда Квиберн залил обрубок кипящим вином, и Джейме, несмотря на свои намерения и страхи, лишился сознания. Когда

он пришел в себя, мейстер зашивал ему руку жильной нитью.

— Я оставил лоскут кожи вокруг запястья.

— Вижу, вам это не впервой, — пробормотал Джейме. Во рту чувствовался вкус крови — он прикусил себе язык.

— Для того, кто служит Варго Хоуту, обрубки не новость. Он оставляет их повсюду.

Квиберн со своей учтивостью и добрыми карими глазами совсем не походил на злодея, и Джейме спросил:

— Как это мейстера угораздило оказаться в шайке Бравых Ребят?

— Цитадель отобрала у меня цепь, — сказал Квиберн и спрятал иглу. — Раной над глазом тоже надо заняться. Она сильно воспалена.

Джейме закрыл глаза, предоставив вину и Квиберну делать свое дело.

— Расскажите мне о битве. — Квиберн как хранитель харренхоллских воронов все новости должен был узнавать первым.

— Лорд Станнис оказался между вашим отцом и огненной стеной. Говорят, будто Бес поджег саму реку.

Джейме представил себе, как зеленое пламя взвивается выше самых высоких башен, как

кричат на улицах горящие люди. «Когда-то я видел это во сне». Забавно — жаль, что эту шутку некому оценить.

— Откройте глаз. — Квиберн теплой водой смыл засохшую кровь. Веко опухло, но Джейме сумел приоткрыть его наполовину. Над ним плавало лицо Квиберна. — Как это вас угораздило?

— Подарок женщины.

— Вы слишком рьяно ухаживали за ней, милорд?

— Эта женщина больше меня и безобразнее вас. Займитесь заодно и ею — я ткнул ее в ногу, когда мы дрались, и она прихрамывает.

— Я позову ее к себе. Кто она вам?

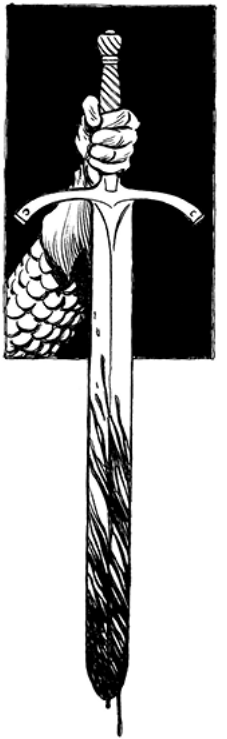
— Моя защитница. — И Джейме засмеялся, несмотря на боль.

— Я дам вам травы — будете пить их с вином от лихорадки. Приходите завтра, и я поставлю вам на веко пиявку, чтобы вытянуть дурную кровь.

— Пиявку? Чудесно.

— Лорд Болтон — большой ценитель пиявок.

— Еще бы.



Тирион

За Королевскими воротами не осталось ничего, кроме грязи, пепла и обгоревших костей, но одни люди уже селились в тени городских стен, а другие торговали рыбой из корзин и бочонков. Тирион, проезжая, чувствовал на себе их взгляды, холодные и недобрые. Впрочем, заговорить с ним или загородить ему дорогу никто не осмеливался: рядом ехал Бронн в черной намасленной кольчуге. «Будь я один, они, наверно, стащили бы меня с коня и размозжили голову булыжником, как Престону Гринфилду».

— Возвращаются быстрее, чем крысы, — посетовал Тирион. — Мы пожгли их норы, а им хоть бы что.

— Дай мне пару дюжин золотых плащей, и я их

всех перебью. Мертвые уж точно не вернутся.

— Так-то так, но их место займут другие. Пусть живут… но если они опять начнут лепить свои хибары к стене, ломай их немедленно. Война еще не закончена, что бы там ни думали эти дураки. — Впереди показались Грязные ворота. — На сегодня я достаточно насмотрелся. Вернемся завтра вместе с лидерами гильдий и послушаем, что скажут они. — Тирион вздохнул. «Ну что ж — жег я, мне и восстанавливать, это только справедливо».

Это дело, собственно, поручили его дяде, но солидный, надежный, неутомимый сир Киван Ланнистер стал другим человеком, когда из Риверрана прилетел ворон с известием об убийстве его сына. Близнец Виллема Мартин тоже находился в плену у Робба Старка, а их старший брат Лансель все еще лежал в постели, и его рана не желала заживать. Сира Кивана, у которого один сын погиб, а двум другим грозила смертельная опасность, одолевали горе и страх. Лорд Тайвин всегда полагался на своего брата, но теперь и ему не осталось ничего иного, как снова обратиться к своему сыну-карлику.

Восстановительные работы обойдутся им непомерно дорого, но делать нечего. Королевская

Гавань — главный порт государства, с которым может соперничать только Старомест. Реку нужно открыть, и чем скорее, тем лучше. «А денег где взять, пропади они пропадом?» Тирион почти что скучал по Мизинцу, отплывшему на север две недели назад. «Пока он спит с Лизой Аррен и управляет Долиной вместо нее, мне приходится разгребать грязь, которую он оставил». Зато отец по крайней мере доверил ему важное дело. «Наследником Утеса Кастерли он меня делать не желает, зато использует, где только возможно».

Капитан золотых плащей пропустил их в Грязные ворота. Три шлюхи все еще стояли на площади, но бездействовали, а камни и бочонки со смолой валялись вокруг. Требюшеты привлекали ребятишек. Похожие на маленьких, одетых в тряпье обезьянок, они весело улюлюкали, сидя на рычагах этих высоких деревянных махин.

— Напомни мне сказать сиру Аддаму, чтобы поставил здесь золотых плащей, — сказал Тирион Бронну. — Не то какой-нибудь сопляк сорвется и сломает себе хребет. — Сверху раздался крик, и перед ними шлепнулся навозный ком. Кобыла Тириона взвилась на дыбы, чуть не сбросив седока. — Хотя, если подумать, пусть себе падают, выродки.

Его мрачное настроение объяснялось не только тем, что уличный мальчишка запустил в него навозом. Его брак — вот что доставляло ему непрестанные мучения. Санса Старк оставалась девицей, и половина замка, похоже, знала об этом. Когда ему нынче седлали коня, он слышал смешки конюхов у себя за спиной. Удивительно, как еще лошади над ним не смеются. Он рисковал своей шкурой, чтобы избежать свадебного ритуала, и надеялся соблюсти уединение, но его надежда быстро рухнула. То ли у Сансы хватило глупости довериться одной из своих служанок, каждая из которых шпионит на Серсею, то ли постарались маленькие пташки Вариса.

Впрочем, какая разница? Над ним и раньше смеялись. Единственный человек в Красном Замке, кому женитьба Тириона не кажется забавной, — это его леди-жена.

Санса несчастна, и это становится все виднее с каждым днем. Тирион очень хотел бы пробиться сквозь стену ее учтивости и как-то утешить ее, но все без толку. Никакие слова не сделают его красавцем в ее глазах — и не заставят забыть, что он Ланнистер. Ее дали ему в жены на всю жизнь, а она его ненавидит.

Ночи, которые они проводят вместе в своей

большой кровати, — еще один источник мучений. Он не может больше спать голым, как привык. Жена его слишком хорошо воспитана и никогда не скажет ему худого слова, но молчаливого отвращения в ее глазах он выносить не в силах. Он и Сансе велел спать в ночной рубашке. «Я хочу ее, — понял он. — Я хочу Винтерфелл, да, но и ее тоже, кем бы она ни была — ребенком или женщиной. Я хочу утешить ее, услышать ее смех. Хочу, чтобы она пришла ко мне по доброй воле, не тая от меня своих радостей, горестей и желаний. — Рот Тириона скривился в горькой улыбке. — А еще я хочу стать высоким, как Джейме, и сильным, как сир Грегор-Гора — да только что проку?»

Его мысли помимо воли обратились к Шае. Тирион хотел сообщить ей новость сам и потому приказал Варису привести ее к нему в ночь перед свадьбой. Они снова встретились в комнатах евнуха, но когда Шая принялась развязывать его тесемки, он удержал ее руку.

— Погоди — я должен сказать тебе кое-что. Завтра я женюсь…

— На Сансе Старк, я знаю.

На миг он утратил дар речи. Даже Санса тогда еще не знала об этом.

— Откуда? Тебе Варис сказал?

— Один паж рассказывал об этом сиру Талладу, когда я водила Лоллис в септу. А ему рассказала служанка, которая слышала разговор сира Кивана с твоим отцом. — Шая освободилась от него и сняла через голову платье. Под ним она, как всегда, была голая. — Это ничего. Она еще маленькая. Ты сделаешь ей ребеночка и вернешься ко мне.

Он почему-то надеялся, что она будет к этому не столь равнодушна. «Что ж, понадеялся — и хватит. Любовь Шаи, какая ни на есть, — это все, что ты когда-либо получишь, карлик».

Солдаты и горожане на Грязном проезде расступались перед Бесом и его эскортом. Дети с ввалившимися глазами клянчили милостыню или просто смотрели с молчаливой мольбой. Тирион достал из кошелька горсть медяков и швырнул им. Удачливые смогут нынче купить себе краюху черствого хлеба. На рынках никогда еще не толпилось столько народу, и цены, несмотря на подвозимую Тиреллами провизию, оставались непомерно высокими. Шесть грошей за дыню, серебряный олень за бушель зерна, дракон за половину говяжьей туши или шесть тощих поросят. Между тем в покупателях недостатка не было. Изможденные мужчины и женщины

осаждали каждый лоток и каждую повозку, а еще более голодные угрюмо следили за ними из темных переулков.

— Нам сюда, если ты не передумал, — сказал Бронн у подножия Крюка.

— Нет, не передумал. — Набережная послужила Тириону удобным предлогом, на самом же деле он преследовал иную цель. Предстоящее дело не внушало ему восторга, тем не менее его следовало выполнить. От холма Эйегона они свернули в путаницу узких улочек вокруг холма Висеньи. Бронн показывал дорогу. Тирион пару раз оглянулся через плечо, проверяя, не следят ли за ними. Возница нахлестывал свою лошадь, старуха выливала из окна помои, двое мальчишек дрались на палках, трое золотых плащей вели арестанта… все они выглядели довольно невинно, но любой из них мог разоблачить его. У Вариса везде свои люди.

Они повернули за угол раз, потом другой и медленно проехали через толпу женщин у колодца. Бронн вел Тириона переулками, сквозь проемы сломанных ворот, через развалины сожженного дома и пологую каменную лестницу. Наконец он остановился у входа в тупик, такой узкий, что они не могли проехать туда бок о бок.

— Там всего две хибары. Погребок помещается во второй.

Тирион слез с коня.

— Проследи, чтобы никто не входил и не выходил, пока я не вернусь. Я скоро. — Он ощупал потайной карман плаща. Золото лежало там — тридцать драконов. «Целое состояние для таких, как он». Тирион быстро заковылял по переулку, спеша покончить с неприятной задачей.

Винный погребок, сырой и темный, с обросшими селитрой стенами, был так низок, что Бронну пришлось бы пригнуться, чтобы не стукнуться головой о потолок, но Тирион Ланнистер не знал подобных затруднений. Передняя комната в этот час была пуста, не считая женщины с мертвыми глазами, сидящей на табурете за дощатой стойкой. Она подала Тириону чашу кислого вина и сказала:

— На задах.

В задней комнате было еще темнее. На низком столе рядом с винным штофом тускло мерцала свечка. Человек за столом вряд ли представлял опасность. Маленького роста (хотя Тириону все казались высокими), с редкими каштановыми волосами, розовощекий и с брюшком, выпирающим из-под замшевого, с костяными пуговицами

камзола. Но двенадцатиструнная арфа, которую он держал в своих мягких руках, была опаснее длинного меча.

Тирион сел напротив него.

— Здравствуй, Саймон Серебряный Язык.

Человечек наклонил голову с плешью на макушке.

— Милорд десница.

— Ошибаешься. Десница — мой отец, а меня, боюсь, даже перстом нельзя назвать.

— Вы еще возвыситесь, я уверен. Такой уж вы человек. Прелестная леди Шая говорит, что вы недавно женились — если б вы послали за мной раньше, я имел бы честь петь у вас на свадьбе.

— Чего-чего, а новых песен моей жене не требуется. Что до Шаи, мы оба знаем, какая она леди, и я попросил бы тебя не произносить ее имени вслух.

— Как милорд десница прикажет.

При их последнем разговоре одного резкого слова было достаточно, чтобы певца прошиб пот, но с тех пор он как будто набрался смелости. Скорее всего он почерпнул ее из штофа, но, быть может, в этом есть вина самого Тириона. «Я угрожал ему, но не исполнил своей угрозы, вот он и обнаглел». Тирион вздохнул.

— О тебе говорят как об очень талантливом певце.

— Благодарю вас, милорд.

— Мне думается, приспело время показать свое искусство в Вольных городах, — улыбнулся Тирион. — В Браавосе, Пентосе и Лисе любят пение и щедры с теми, кто умеет им угодить. — Он попробовал вино — скверное, но крепкое. — Лучше всего будет совершить путешествие по всем девяти городам — зачем лишать кого-то радости услышать тебя. По году на каждый — вот и довольно. — Он полез в карман, где лежало золото. — Порт закрыт, и тебе придется сесть на корабль в Синем Доле, но мой Бронн найдет тебе лошадь, а я почту за честь оплатить твой проезд.

— Но, милорд, вы же сами ни разу не слышали, как я пою. Прошу вас, минуту внимания. — Пальцы Саймона забегали по струнам, наполняя погребок музыкой, и он запел:

Он в глухую ночь оседлал коня,
Он покинул замок тайком,
Он помчался по улицам городским,
Ненасытной страстью влеком.
Там жила она, его тайный клад,
Наслажденье его и позор,

И он отдал бы замок и цепь свою
За улыбку и нежный взор.

— Там еще много всего, — сказал он, прервав пение. — Особенно, как мне кажется, хорош припев: *«Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи...»*

— Довольно. — Тирион вынул руку из кармана, так ничего и не достав. — Я не желаю больше слышать эту песню. Никогда.

— Вот как? — Саймон отложил арфу и хлебнул вина. — Жаль. Ну что ж, у каждого своя песня, как говаривал мой старый учитель. Быть может, другим она понравится больше — например, королеве или вашему лорду-отцу.

Тирион потер рубец у себя на носу и сказал:

— У отца нет времени на песни, а сестра моя далеко не так щедра, как можно подумать. Молчанием умный человек мог бы заработать больше, чем пением. — Яснее он выразиться не мог, но Саймон, как видно, разгадал смысл его слов.

— Мою цену вы найдете умеренной, милорд.

— Приятно слышать. — Тирион стал подозревать, что тридцатью драконами дело не обойдется. — Назови ее.

— На свадьбе у короля Джоффри будет певче-

ский турнир.

— Там будут также жонглеры, шуты и пляшущие медведи.

— Медведь будет всего один, милорд, — поправил Саймон, который явно следил за приготовлениями Серсеи пристальнее, чем Тирион, — а вот певцов — семеро. Галейон из Кью, Бетани Быстрые Пальцы, Эйемон Костейн, Аларик Эйзенский, Хэмиш-Арфист, Коллио Кьянис и Орланд из Староместа будут состязаться за золотую арфу с серебряными струнами… однако того, кто превосходит их всех, почему-то не пригласили.

— Позволь мне угадать, кто это. Саймон Серебряный Язык?

— Я готов доказать свою правоту перед королем и всем двором, — со скромной улыбкой молвил певец. — Хэмиш стар и часто забывает, о чем поет, а о Коллио с его тирошийским акцентом и говорить нечего. Если вы поймете хоть одно слово из трех, считайте, что вам повезло.

— Празднеством распоряжается моя дражайшая сестра. Даже если я добуду тебе приглашение, это покажется странным. Семь королевств, семь обетов, семьдесят семь блюд… и *восемь* певцов? Что скажет верховный септон?

— Вы не показались мне благочестивым чело-

веком, милорд.

— Дело не в благочестии, а в правилах, которые следует соблюдать.

Саймон отхлебнул вина.

— Жизнь певца не лишена опасностей… Мы занимаемся своим ремеслом в пивных и винных погребах, среди буйных пьяниц. Если с кем-то из семерых избранников вашей сестрицы вдруг случится несчастье, я надеюсь занять его место, вот и все. — Саймон хитро улыбался, очень довольный собой.

— Шесть — число не менее несчастливое, чем восемь. Я наведу справки о здоровье певцов Серсеи. Если кто-то из них занеможет, Бронн тебя найдет.

— Превосходно, милорд. — Саймон мог бы остановиться на этом, но в порыве торжества добавил: — Так или этак, в свадебную ночь короля Джоффри я все равно буду петь. Если меня пригласят ко двору, я исполню перед королем свои лучшие песни, которые пел уже тысячу раз и которые, как я знаю, нравятся публике. Если же мне случится петь в каком-нибудь кабаке… я могу счесть это удобным случаем, чтобы испробовать нечто новое. *«Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи…»*

— В этом не будет нужды, даю тебе слово Ланнистера. Бронн скоро зайдет к тебе.

– *Превосходно*, милорд. — И певец снова взял свою арфу.

Бронн, ждавший с лошадьми у входа в переулок, помог Тириону сесть в седло.

— Когда мне надо будет отвезти его в Синий Дол?

— Никогда. Через три дня ты скажешь ему, что Хэмиш-Арфист сломал руку. Скажешь, что ему, Саймону, нужно заказать новый наряд, поскольку его теперешний для двора не годится. Тогда он пойдет с тобой без разговоров. — Тирион скорчил гримасу. — Можешь взять себе его язык — он, насколько я понимаю, серебряный. Остального найти не должны.

— Я знаю одну харчевню на Блошином Конце, где варят отменную бурую похлебку, — ухмыльнулся Бронн. — В ней какого только мяса не плавает.

— Позаботься о том, чтобы я там не ел. — Тирион перешел на рысь. Ему хотелось принять ванну, да погорячее.

Но даже в этом скромном удовольствии ему было отказано. Как только он вернулся к себе, Подрик Пейн доложил, что его вызывают в баш-

ню Десницы.

— Его милость хочет видеть вас. Десница. Лорд Тайвин.

— Я помню, кто у нас десница, Под. Я лишился носа, но не разума.

— Смотри не откуси парню голову, — засмеялся Бронн.

— Почему бы и нет? Он ею все равно не пользуется. — «Что же я сделал на этот раз, — подумал Тирион, — или, вернее, чего не сделал?» Вызов от лорда Тайвина ничего хорошего не сулил: отец никогда не посылал за ним, чтобы разделить с ним трапезу или чашу вина.

Войдя в отцовскую горницу, он услышал голос, говоривший:

— …ножны вишневого дерева, оплетенные красной кожей, с заклепками из чистого золота в виде львиных голов. Вместо глаз можно вставить гранаты…

— Рубины, — поправил лорд Тайвин. — В гранатах нет огня.

Тирион прочистил горло.

— Вы посылали за мной, милорд?

— Да. Взгляни-ка. — На столе лежала обертка из промасленной кожи, а лорд Тайвин держал в руке длинный меч. — Мой свадебный подарок

Джоффри. — При свете, льющемся через ромбы стекол, клинок мерцал чернью и багрянцем, а рукоять и эфес сверкали золотом. — После всех этих кривотолков о светящемся мече Станниса у Джоффри тоже должно быть нечто из ряда вон. Королю и меч нужен королевский.

— Великоват он для Джоффа, — заметил Тирион.

— Джофф еще подрастет. Вот, попробуй на вес. — И отец подал Тириону меч рукоятью вперед.

Меч оказался намного легче, чем он ожидал, и Тирион, повернув его в руке, понял, почему. Только один металл может быть так тонок и в то же время достаточно прочен, чтобы им сражаться — и эти разводы на клинке, показывающие, что сталь закаливалась и перековывалась несколько тысяч раз, тоже ни с чем не спутаешь.

— Валирийская сталь?

— Да, — с глубоким удовлетворением ответил лорд Тайвин.

«Дождался-таки, отец?» Валирийские клинки — редкость, и стоят они дорого, однако в мире их насчитывается несколько тысяч, в одних Семи Королевствах штук двести. Но дом Ланнистеров таковым не владел, и это не давало отцу покоя.

У старых королей Скалы был меч под названием Громовой Рев, но он пропал вместе с королем Томменом Вторым, когда тот предпринял свой сумасбродный поход в Валирию. Не вернулся назад и дядя Гери, самый младший и самый отчаянный из братьев лорда Тайвина, который отправился искать пропавший меч лет восемь назад.

Лорд Тайвин не меньше трех раз пытался купить валирийский меч у обедневших домов, но его предложения наотрез отвергались. Мелкие лорды охотно отдали бы Ланнистеру своих дочерей, но с фамильными клинками расставаться не желали.

Откуда же взялся этот? Кое-кто из мастеров-оружейников умел работать с валирийской сталью, однако секрет ее изготовления был утерян после гибели древней Валирии.

— Странные цвета, — заметил Тирион, подставив клинок солнечному свету. Валирийская сталь почти всегда бывает темно-серая, до черноты. Эта тоже такая, но при этом отливает густо-красным. Цвета не смешивались, и каждая извилина на стали выделялась четко, словно волны крови и тьмы накатывали на берег. — Как вы получили такой узор? Никогда не видел ничего подобного.

— Я тоже, милорд, — признался оружейник, —

и должен сказать, что это получилось помимо моей воли. Ваш лорд-отец поручил мне ввести в металл багрянец вашего дома, что я и сделал. Но валирийская сталь упряма. Говорят, будто эти старые мечи наделены памятью, и их не так легко изменить. Я много раз старался сделать красный цвет поярче, но он всегда темнел, словно клинок выпивал из него солнце. А местами, как видите, сталь не желала становиться красной вовсе. Если милорды Ланнистеры недовольны, я, конечно, попробую опять, только…

— Нет нужды, — сказал лорд Тайвин. — Пусть остается, как есть.

— Ярко-красный меч красиво сверкал бы на солнце, но мне больше нравятся эти цвета, — сказал Тирион. — В них есть своя зловещая красота, и они отличают этот меч от всех прочих. Другого такого, я думаю, на свете нет.

— Есть один. — Оружейник развернул кожу на столе, открыв второй длинный меч.

Тирион положил меч Джоффри и взял другой. Эти два были если не близнецами, то уж наверняка двоюродными братьями. Второй был потолще, потяжелее, на полдюйма шире и на три дюйма длиннее, но разделял с первым чистоту линий и тот же кроваво-ночной узор. По второму мечу

пролегали три глубоких желоба, по королевскому — только два. Поперечины эфеса Джоффри украшали львиные лапы с рубиновыми когтями, но сами эфесы, и тот и другой, имели вид золотых львиных голов, а обе рукояти облегала тонкая красная кожа.

— Великолепно. — Даже в столь неискусных, как у Тириона, руках клинок казался живым. — Никогда не встречал такого превосходного баланса.

— Он предназначен для моего сына.

Излишне спрашивать, для которого. Тирион положил меч Джейме на стол рядом с мечом Джоффри. Позволит ли Робб Старк его брату дожить до того, чтобы взять его в руки? «Отец, вероятно, надеется на лучшее — с чего бы иначе он велел выковать этот меч?»

— Ты хорошо поработал, мастер Мотт, — сказал лорд Тайвин оружейнику. — Мой управляющий уплатит тебе, сколько требуется. И не забудь: для ножен возьми рубины.

— Непременно, милорд. Покорно благодарю вас за щедрость. — Оружейник снова завернул мечи и опустился на одно колено. — Для меня честь служить деснице короля. Я доставлю мечи накануне свадьбы.

— Уж постарайся.

Мастер вышел, и Тирион взобрался на стул.

— Вот, значит, как: Джоффу меч, Джейме меч, а карлику даже кинжала не дали.

— Стали хватило только на два клинка. Если тебе нужен кинжал, возьми в оружейной. После Роберта их осталось не меньше сотни. Герион подарил ему на свадьбу позолоченный, с рукоятью

слоновой кости и сапфировым эфесом, и многие послы, прибывавшие ко двору, тоже подносили его величеству украшенные драгоценностями кинжалы и оправленные в серебро мечи.

— Лучше бы они привозили ему своих дочерей, — улыбнулся Тирион. — Ему бы это больше понравилось.

— Несомненно. Он всегда пользовался только одним клинком — охотничьим ножом, который ему в детстве подарил Джон Аррен. — И лорд Тайвин махнул рукой, как бы отстраняя от себя короля Роберта со всеми его кинжалами. — Что ты видел у реки?

— Грязь и некоторое количество мертвецов, которых никто не позаботился похоронить. Прежде чем открывать порт, нам придется очистить Черноводную, разломать затонувшие корабли или вытащить их на берег. Три четверти причалов нуждаются в ремонте, а некоторые надо будет снести и перестроить заново. Рыбный рынок сгорел, Речные и Королевские ворота разбиты таранами Станниса и нуждаются в замене. Я содрогаюсь при одной мысли о том, во что это обойдется. — «Если ты действительно испражняешься золотом, отец, неплохо бы наполнить пару горшков», — подумал Тирион, но вслух этого,

разумеется, не сказал.

— Ты найдешь необходимые средства.

— Найду? Это где же? Казна пуста — я вам уже говорил. Мы еще не расплатились с алхимиками за их дикий огонь и с кузнецами за мою цепь, а Серсея заявила, что половину расходов на свадьбу Джоффри возьмет на себя корона — считая семьдесят семь треклятых блюд, тысячу гостей, пирог с живыми голубями, певцов, жонглеров…

— Расточительность имеет свои преимущества. Мы должны показать всему государству мощь и богатство Утеса Кастерли.

— Пусть Утес Кастерли тогда и платит.

— Почему? Я видел книги Мизинца. Доходы короны возросли в десять раз со времен Эйериса.

— И расходы тоже. Роберт распоряжался своей монетой столь же щедро, как своим семенем. Мизинец занимал повсюду, в том числе и у вас. Доходы при всей своей внушительности едва покрывают проценты по его займам. Быть может, дом Ланнистеров простит долг короне?

— Не будь смешным.

— Тогда, возможно, лучше ограничиться семью блюдами и позвать триста гостей вместо тысячи. Без пляшущего медведя брачные узы тоже слабее не станут.

— Тиреллы сочтут нас скупцами. Свадьба сама по себе, работы на реке сами по себе. Если ты неспособен заплатить за то и другое, так и скажи, и я найду более способного мастера над монетой.

Тирион совсем не желал, чтобы его изгнали с позором после столь короткого срока.

— Хорошо. Я отыщу деньги.

— И отыщи заодно свое брачное ложе.

«Значит, слухи и до него дошли!»

— Уже нашел, спасибо. Это ведь такой предмет мебели между окном и очагом, с бархатным балдахином и периной, набитой пухом?

— Именно. Если оно тебе знакомо, постарайся познакомиться поближе и с женщиной, которая делит его с тобой.

«Какая там женщина! Дитя малое».

— Это Паук нашептал вам на ухо или мне следует благодарить свою дражайшую сестрицу? — Учитывая то, что происходит у самой Серсеи под одеялом, ей было бы приличнее не совать нос в чужие дела. — Скажите, почему все горничные Сансы служат Серсее? Мне надоело, что за мной шпионят в собственных покоях.

— Если служанки твоей жены тебя не устраивают, прогони их и набери новых. Это твое право. Меня заботит девичество твоей жены, а не ее

девушки. Твоя щепетильность просто поразительна. Спал же ты со шлюхами — разве твоя Старк устроена иначе?

— Какое вам дело до того, куда я сую свой член? Санса еще слишком мала.

— Она достаточно взрослая, чтобы стать леди Винтерфелла после смерти своего брата. Лишив ее невинности, ты станешь на шаг ближе к Северу, а сделав ей ребенка, ты, можно сказать, получишь свой трофей. Мне ли напоминать тебе, что неосуществленный брак всегда может быть отменен?

— Верховным септоном или Советом Веры. Наш нынешний верховный септон — это ученый тюлень, который отлично лает по приказу. Скорее уж Лунатик отменит мой брак, чем он.

— Возможно, мне следовало бы выдать Сансу Старк за Лунатика. Он бы знал, что с ней делать.

Тирион стиснул подлокотники своего стула.

— О девственности моей жены я наслушался достаточно. Раз уж речь о брачных делах, почему я ничего не слышу о будущем замужестве моей сестры? Насколько я помню…

— Мейс Тирелл отказался женить своего наследника Уилласа на Серсее, — оборвал его лорд Тайвин.

— Как? Он отверг нашу прелестную Серсею? — Это значительно поправило настроение Тириона.

— Когда я впервые заговорил с ним об этом союзе, он, казалось, склонялся к согласию, но день спустя все переменилось. Старухина работа. Она помыкает сыном, как мальчишкой. По уверению Вариса, она сказала ему, что Серсея чересчур стара и потаскана для ее драгоценного хромоногого внучка.

— Серсея, должно быть, в восторге, — рассмеялся Тирион.

Лорд Тайвин окинул сына холодным взглядом.

— Она ничего не знает и не должна знать. Будет лучше, если все мы сделаем вид, будто предложение вовсе не имело места. Запомни, Тирион: *предложения не было.*

— О каком предложении вы говорите? — Тирион подозревал, что лорд Тирелл еще пожалеет о своем отказе.

— Так или иначе, твоя сестра выйдет замуж. Вопрос в том, за кого? У меня есть кое-какие мысли… — Но тут в дверь постучали, и часовой доложил, что пришел великий мейстер Пицель. — Пусть войдет, — сказал лорд Тайвин.

Пицель вошел, опираясь на трость, и одарил

Тириона взглядом, от которого молоко могло свернуться. Холеная некогда белая борода, сбритая помимо его воли, отрастала жиденькой, открывая взору неприглядные розовые бородавки на шее.

— Милорд десница, — старик поклонился так низко, что чуть не клюнул носом, — из Черного Замка прилетела еще одна птица. Быть может, мы посовещаемся с глазу на глаз?

— Нет необходимости. — Лорд Тайвин знаком пригласил Пицеля сесть. — Тирион может остаться.

«Да неужели?» Тирион потер нос и стал ждать продолжения.

Пицель долго прочищал горло и наконец произнес:

— Это письмо, как и последнее, написал Боуэн Марш, кастелян. По его словам, лорд Мормонт прислал известие об одичалых, в огромном количестве идущих на юг.

— Это уже не новость — и земли за Стеной не могут прокормить огромного количества людей, — молвил лорд Тайвин.

— Последняя весть, которую Мормонт прислал из Зачарованного леса, гласит, что он подвергся нападению. После этого на Стену вернулись дру-

гие вороны — уже без писем. Этот Боуэн Марш опасается, что лорд Мормонт погиб вместе со всем своим отрядом.

Тирион проникся симпатией к старому Джиору Мормонту с его ворчливыми манерами и говорящей птицей.

— Достоверно ли это? — спросил он.

— Нет, — признал Пицель, — но никто из людей Мормонта пока не вернулся. Марш боится, что их убили одичалые и что вслед за этим нападению может подвергнуться сама Стена. — Он извлек из кармана пергамент. — Вот это письмо, милорд, обращенное ко всем пяти королям. Он просит послать ему людей, сколько будет возможно.

— Пять королей? — раздраженно повторил лорд Тайвин. — В Вестеросе один король, и если эти дурни в черном хотят, чтобы его милость внял их просьбе, пусть помнят, что он один. Упомяни в ответе, что Ренли мертв, а все остальные — изменники и самозванцы.

— Не сомневаюсь, что они будут рады узнать об этом, — закивал Пицель. — Стена — это край света, и новости туда приходят с опозданием. Но что мне ответить Маршу относительно людей, которых он просит? Быть может, собрать совет…

— Нет нужды. Ночной Дозор — это сборище

воров, убийц и незаконнорожденных детей, но с помощью дисциплины, пожалуй, с ними можно кое-что сделать. Коли Мормонт действительно убит, черным братьям следует выбрать нового лорда-командующего.

Пицель покосился на Тириона.

— Превосходная мысль, милорд. Я знаю подходящего человека — это Янос Слинт.

Тириону это замечание не понравилось.

— Черные братья сами выбирают себе командира, — напомнил он. — Лорд Слинт на Стене новичок — я сам послал его туда. Почему они должны предпочесть *его* дюжине куда более заслуженных людей?

— Потому, — терпеливо, словно полному простаку, ответил отец, — если они не выберут, кого им велят, Стена растает прежде, чем дождется новобранцев.

«Да, убедительно». Тирион подался вперед.

— Янос Слинт — не тот человек, отец. Нам бы лучше подошел командующий Сумеречной Башней или Восточным Дозором.

— В Сумеречной Башне командует Маллистер из Сигарда, а в Восточном Дозоре — островитянин. — Тон лорда Тайвина давал понять, что ни один из них его не устраивает.

— Янос Слинт — сын мясника, — напомнил отцу Тирион. — Вы сами мне говорили.

— Я помню, что говорил тебе, но Черный Замок — это не Харренхолл, а Ночной Дозор — не королевский совет. Для каждого дела есть свое орудие, и для каждого орудия — свое дело.

— Янос Слинт — это пустые доспехи, — вспылил Тирион. — Он продаст себя всякому, кто даст подороже.

— Это я причисляю к его достоинствам. Кто же даст ему больше нашего? Отправьте на Стену ворона, мейстер. Напишите, что король Джоффри глубоко опечален известием о смерти лорда Мормонта, но людей, к сожалению, пока не может выделить, поскольку мятежники и узурпаторы все еще угрожают ему. Намекните, что дело может обернуться по-иному, когда угроза для трона минует… при условии, если король будет полностью уверен в командующем Ночного Дозора. В заключение попросите передать наилучшие пожелания короля верному другу и слуге его милости, лорду Яносу Слинту.

— Будет исполнено, милорд, — снова закивал Пицель. — Я с величайшим удовольствием напишу то, что приказывает десница.

«Надо было откромсать ему голову, а не боро-

ду, — подумал Тирион. — А Слинта следовало отправить за борт вместе с его дружком Алларом Димом. Ну что ж, с Саймоном Серебряным Языком по крайней мере он этой оплошности не повторит». «Видишь, отец? — хотелось крикнуть ему. — Видишь, как быстро я усваиваю свои уроки?»

Сэмвел

Наверху, на полатях, рожала женщина, внизу у огня умирал мужчина, и Сэмвел Тарли не знал, что страшит его больше.

Беднягу Баннена укрыли целой грудой шкур и развели в очаге жаркий огонь, но он все жаловался:

— Холодно. Холодно. Согрейте меня. — Сэм пытался кормить его луковым супом, но тот не мог глотать, и суп стекал у него по подбородку.

— Этот все равно что подох, — равнодушно бросил Крастер, жуя колбасу. — По мне, милосерднее будет ткнуть его ножом в сердце, чем совать ложку ему в рот.

— Тебя не спросили, — огрызнулся Великан, или, по-настоящему, Бедвик — ростом не более

пяти футов, но свирепого нрава. — Смертоносный, ты разве спрашивал у Крастера совета?

Сэм поморщился, услышав свое новое прозвище, мотнул головой и снова попытался просунуть ложку Баннену в рот.

— Еда и огонь, больше мы у тебя ничего не просили, — продолжал Великан. — И то, еды от тебя не дождешься.

— Скажи спасибо, что дождался огня. — Крастер, и без того плотный, казался еще толще из-за вонючей овчины, которую не снимал ни днем, ни ночью. У него широкий и плоский нос, рот набок и одного уха недостает. В косматых волосах и бороде видна сильная проседь, но ручищи еще ого-го. — Вас, ворон, как ни корми, все мало. Не будь я набожным человеком, сразу бы выставил вас вон. Больно мне надо кормить такую ораву, да еще чтобы такие вот подыхали у меня на полу. Вороны, — плюнул одичалый. — Когда это черная птица приносила человеку добро? Да никогда.

Суп опять вылился у Баннена изо рта, и Сэм промокнул его рукавом. Глаза разведчика, хотя и широко раскрытые, не видели ничего.

— Холодно, — снова пожаловался он. Мейстер, может, и спас бы его, но у них нет мейстера. Кедж Белоглазый отнял Баннену загноившуюся ступню

девять дней назад, но было уже поздно. — Холодно, — еле слышно повторили бледные губы.

Около двадцати черных братьев, сидя на полу или на грубо сколоченных лавках, хлебали тот же жидкий суп и жевали черствый хлеб. Паре человек, судя по виду, приходилось еще хуже, чем Баннену. Форнио давно уже трепала лихорадка, из плеча сира Биама сочился густой желтый гной. Когда они уезжали из Черного Замка, Бурый Бернарр прихватил с собой мирийский огонь, горчичный бальзам, пижму, мак, чеснок, медь короля и прочие целебные травы. Даже «сладкий сон», позволяющий умереть без боли. Но Бурый Бернарр погиб на Кулаке, а о его поклаже никто и не вспомнил. Хейк, как повар, тоже знал толк в травах, но и Хейк они потеряли. Уцелевшие стюарды делают для раненых все, что могут, то есть очень мало. «Здесь хотя бы сухо и горит огонь — вот только еды бы побольше».

Им всем нужно побольше есть. Люди громко выражают свое недовольство. Колченогий Карл без конца толкует о тайной кладовой Крастера, и Гарт из Староместа вторит ему, когда лорд-командующий не слышит. Сэм хотел было попросить у хозяина что-нибудь более питательное для раненых, но так и не осмелился. Глаза у Крастера

холодные, недобрые, а руки при каждом взгляде на Сэма подергиваются, словно сейчас сожмутся в кулаки. «Может, Крастер знает, что я в прошлый раз говорил с Лилли? Может, она рассказала ему, что я обещал ее увезти, и он избил ее за это?»

— Холодно, — сказал Баннен. — Ох, как холодно.

Сэму самому было холодно, несмотря на жару и дым в Замке Крастера. «И я устал, ужасно устал». Поспать бы — но как только он закрывает глаза, ему снится метель, бредущие к нему мертвецы с черными руками и ярко-синими глазами.

Лилли на полатях издала крик, прокатившийся по всему длинному, без окон, дому.

— Тужься, — говорила ей одна из старших жен Крастера. — Сильнее. *Сильнее*. Кричи, если помогает. — И Лилли закричала опять, так громко, что Сэм сморщился.

— Эти вопли у меня уже в печенках! — заревел Крастер, бросив сердитый взгляд наверх. — Засунь ей тряпку в рот, не то я сейчас поднимусь и покажу ей, что к чему.

Сэм знал, что он на это способен. У Крастера девятнадцать жен, но ни одна не посмеет ему помешать, если он полезет на полати. Как не посмели и братья две ночи назад, когда он бил

кого-то из молоденьких. Все ворчали, и только. «Он убьет ее», — посетовал Гарт из Зеленополья, а Колченогий Карл засмеялся: «Если она ему не нужна, отдал бы лучше мне». Черный Бернарр ругался втихомолку, а Алан из Росби встал и вышел, чтобы ничего не слышать. «Его дом, его и порядки, — напомнил всем разведчик Роннел Харкли. — Крастер — друг Дозора».

«Это верно», — думал Сэм, слушая приглушенные вопли Лилли. Крастер жесток и правит своими женами и дочерьми железной рукой, однако он дал им убежище в своем доме. «Мерзлые вороны, — хмыкнул он, когда они ввалились к нему — те немногие, кто пережил метель, упырей и жестокий холод. — А стая-то меньше против той, что летела на север». Он дал им место на полу, крышу над головой, огонь, чтобы обсушиться, а его жены подавали братьям чаши с горячим вином. Он обзывает их «проклятыми воронами», однако кормит, хоть и скудно.

«Мы здесь гости, — напоминал себе Сэм, — а Лилли — его дочь и жена. Его дом, его и порядки».

В тот первый раз, когда они приехали в Замок Крастера, Лилли пришла к нему просить о помощи, а Сэм отправил ее к Джону Сноу, накинув на

нее свой черный плащ, чтобы спрятать большой живот. «Рыцарям полагается защищать женщин и детей». Среди братьев рыцарей немного, но все же… «Все мы произносили клятву, — думал Сэм. — Я — щит, оберегающий царство людей. — А женщина есть женщина, даже одичалая. — И ей нужно помочь. Нужно». Лилли боялась за своего ребенка — боялась, что он окажется мальчиком. Дочерей Крастер берет в жены, когда они подрастают, но ни мужчин, ни мальчиков в его доме нет. Лилли сказала, что сыновей он отдает богам. Сэм молился, чтобы боги по милости своей послали ей дочь.

Сверху снова донесся глухой крик.

— Так, так, — сказала женщина. — Потужься еще. Ох, я уже вижу его головку.

«*Ее*, — взмолился про себя Сэм. — Пусть это будет *она*».

— Холодно, — прошептал Баннен. — Холодно. — Сэм, отставив миску с ложкой, накинул на умирающего еще одну шкуру и подложил полено в огонь. Лилли вскрикивала, стонала и тяжело дышала. Крастер тем временем жевал твердую черную колбасу. С Дозором он колбасой не делился — говорил, запасы предназначены только для него и его жен.

— Вечно они орут, эти бабы, — посетовал он. — У меня раз свинья восемь поросят принесла и хоть бы раз хрюкнула. — Он презрительно прищурился, глядя на Сэма. — Жиру в ней было вроде как в тебе, парень. Смертоносный, — засмеялся он.

Этого Сэм вынести уже не мог. Он встал и побрел прочь от очага, переступая через спящих, сидящих и умирающих на твердом земляном полу людей. От дыма, криков и стонов ему сделалось дурно. Раздвинув оленьи шкуры, служившие Крастеру дверью, он вышел наружу.

День, хотя и ненастный, ослепил его после темноты в доме. Снег еще держался кое-где на деревьях и окрестных, рыжих с золотом холмах, но его становилось все меньше. Вьюга отбушевала, и около Замка Крастера было не то чтобы тепло, но и не холодно. С сосулек, что ледяной бородой свисали с края толстой дерновой крыши, падали капли. Сэм сделал глубокий вдох и огляделся.

В загоне на западной стороне Олло Культяпый и Тим Стоун раздавали корм и воду оставшимся лошадям.

Другие братья обдирали и разделывали ослабевших и забитых коней. Копейщики и лучники несли стражу вдоль земляного вала, единственной защиты Крастера от опасностей внешнего

мира. Из дюжины костровых ям поднимались столбы голубовато-серого дыма. Вдали, в лесу, стучали топоры — дровосеки запасали топливо, чтобы поддерживать костры всю ночь. Самое худшее время — это ночи, когда приходят тьма и холод.

За все время, проведенное у Крастера, ни мертвецы, ни Иные ни разу на них не напали. И не нападут, уверял Крастер. «Набожному человеку этой нечисти нечего бояться. Я и Мансу так сказал, когда он явился сюда разнюхивать. А он и слушать не стал, как и вы, вороны, со своими мечами и дурацкими кострами. Костры вам не помогут, когда белый холод придет. Одна надежда на богов — уладьте-ка лучше свои счеты с богами».

Лилли тоже говорила о белом холоде и рассказывала, какие жертвы приносит Крастер своим богам. Сэму тогда захотелось его убить, но он напомнил себе, что за Стеной законов нет, а Крастер — друг Дозора.

Из-за мазанки доносились чьи-то крики, и Сэм пошел посмотреть. Под ногами чавкала каша из талого снега и размякшей глины, которую Скорбный Эдд упорно называл крастеровым дерьмом, но почва была плотнее дерьма и норовила ста-

щить с Сэма сапоги.

За огородом и пустым овечьим загоном с десяток братьев упражнялись в стрельбе по мишени, сделанной из сена и соломы. Стройный белокурый стюард по прозвищу Милашка Доннел только что послал стрелу почти в самое яблочко с расстояния пятидесяти ярдов и сказал:

— Ну-ка, старик, попробуй сделай лучше.

— Сейчас. — Ульмер, сутулый, седобородый, с обвисшей кожей, вышел на позицию и достал стрелу из колчана на поясе. В молодости он был разбойником из знаменитого Братства Королевского леса и уверял, что однажды прострелил руку Белому Быку из Королевской Гвардии и сорвал поцелуй у дорнийской принцессы. Он забрал у нее драгоценности и сундук с золотом, но больше всего хвастал этим поцелуем.

Гладко, как летний шелк, он наложил стрелу, прицелился и выстрелил. Его стрела вонзилась в яблочко, в дюйме от стрелы Милашки Доннела.

— Ну как, парень, годится? — спросил Ульмер, отходя назад.

— Ничего, — ворчливо признал Доннел. — Это тебе ветер помог — когда я стрелял, он дул сильнее.

— Вот и взял бы его в расчет. Глаз у тебя верный

и рука твердая, но этого мало, чтобы побить стрелка из Королевского леса. Сам Дик Оперенный учил меня натягивать лук, а лучшего стрелка на свете еще не бывало. Я тебе про него рассказывал или нет?

— Раз триста. — В Черном Замке все слышали рассказы Ульмера о знаменитой разбойничьей шайке, о Саймоне Тойне, Улыбчивом Рыцаре, Освине Длинношеем, Трижды Повешенном, Венде Белой Лани, Дике Оперенном, Пузатом Бене и остальных. Доннел, желая отделаться от новой порции баек, огляделся и заметил застрявшего в грязи Сэма и крикнул: — Эй, Смертоносный, иди покажи, как ты убил Иного. — Он протянул Сэму свой длинный тисовый лук.

Сэм покраснел.

— Я это сделал не стрелой, — сказал он, — а кинжалом из драконова стекла… — Он знал, что случится, если он возьмет лук. Он промахнется, стрела уйдет поверх вала в лес, и над ним посмеются.

— Ничего, — сказал Алан из Росби, тоже хороший лучник. — Мы все хотим поглядеть, как Смертоносный стреляет, правда ведь, ребята?

Сэм этого не выносил: всех этих насмешек, грубых шуток, презрения в их взглядах. Он повернул

назад, но правая нога увязла в грязи, и сапог сполз с нее. Сэму пришлось вытаскивать его руками под их издевательский смех. Несмотря на несколько толстых носков, он промочил ногу насквозь. «Ни на что ты не годен, — с отчаянием подумал он, обратившись наконец в бегство. — Отец был прав. Тебе ли оставаться в живых, когда столько смелых мужчин погибло?»

Гренн присматривал за костровой ямой к северу от ворот и теперь, раздевшись до пояса, колол дрова. Он весь раскраснелся, и от потного тела валил пар. При виде ковыляющего к нему Сэма он ухмыльнулся.

— Иные забрали у тебя сапог, Смертоносный?

«И он туда же!»

— Я завяз в грязи. Пожалуйста, не называй меня так.

— Почему? — неподдельно удивился Гренн. — Это хорошее имя, и ты честно его заслужил.

Пип всегда говорил, что Гренн туп, как колода, и поэтому Сэм терпеливо объяснил ему:

— Это все равно что назвать меня трусом, только на другой лад. — Стоя на левой ноге, Сэм натянул залепленный грязью сапог. — Они смеются надо мной, как смеются над Бедвиком, называя его Великаном.

— Но он не великан, а Паул никогда не был малышом, разве что в младенческие годы. А вот ты в самом деле убил Иного, и потому это не одно и то же.

— Я не… я же… да я страшно перепугался!

— Не больше, чем я. Это только Пип говорит, будто я чересчур тупой, чтобы бояться. Я могу струхнуть не хуже кого другого. — Гренн бросил в огонь наколотые поленья. — Я и Джона боялся, когда мне приходилось с ним драться. Он двигался очень быстро, и мне каждый раз казалось, что он меня убьет. — Сырые дрова шипели в огне, пуская густой дым. — Просто я никому не говорил про это. Мне иногда сдается, что все только притворяются храбрыми, а настоящих храбрецов вовсе нет. Может, только так и можно стать храбрым — если притворяешься, не знаю. Пусть тебя называют Смертоносным, какая разница?

— Тебе ведь не нравилось, когда сир Аллисер называл тебя Зубром.

— Потому что он говорил, что я большой и тупой. — Гренн поскреб бороду. — А вот Пип может так меня называть, и ты тоже, и Джон. Зубр — зверь могучий и свирепый, ничего обидного тут нет, а я правда большой и еще больше стану. Разве Сэм Смертоносный не лучше, чем сир Хрюшка?

— Почему я не могу быть просто Сэмвелом Тарли? — Сэм плюхнулся на мокрый чурбан, еще не расколотый Гренном. — Его убило драконово стекло, а не я.

Он рассказал им. Рассказал все как было. Не все ему поверили, он знал это. Нож показал ему свой кинжал и заявил: «У меня железо есть, на кой мне стекло?» Черный Бернарр и трое Гартов дали понять, что сомневаются во всей его истории, а Ролли из Систертона бухнул напрямик: «Может, в кустах зашуршало что-то, ты и ткнул туда ножом, а там аккурат присел посрать Малыш Паул, вот ты эту сказку и выдумал».

Но Дайвен и Скорбный Эдд выслушали Сэма внимательно и велели им с Гренном рассказать все лорду-командующему. Мормонт хмурился и задавал дотошные вопросы, но он был слишком предусмотрителен, чтобы отмахиваться даже от такого сомнительного преимущества. Он потребовал все драконово стекло, которое Сэм носил в своей котомке, как ни мало его там было. Каждый раз, когда Сэм вспоминал о кладе, который Джон раскопал под Кулаком, ему хотелось плакать. Там были ножевые лезвия, наконечники для копий и не меньше трехсот наконечников для стрел. Джон сделал кинжалы себе, Сэму и лорду Мор-

монту, а Сэму еще подарил наконечник копья, старый сломанный рог и несколько наконечников для стрел. Гренн тоже получил пригоршню стеклянных наконечников — но это и все.

Теперь у них остался только кинжал Мормонта и тот, который Сэм отдал Гренну. Есть еще девятнадцать стрел и длинное копье с черным наконечником. Копье передается из одного караула в другой, стрелы Мормонт раздал самым сильным лучникам. Гугнивый Билл, Гарт Серое Перо, Роннел Харкли, Милашка Доннел Хилл и Алан из Росби получили по три штуки, а Ульмер — четыре. Но даже если они будут бить точно в цель, им очень скоро придется перейти на огненные стрелы, как и всем остальным. На Кулаке братья выпустили сотни огненных стрел, но мертвецов так и не остановили.

«К тому же, одними стрелами не обойдешься», — подумал Сэм. Пологие земляные палисады Крастера — не преграда для упырей, преодолевших куда более крутые склоны Кулака. Притом вместо трехсот братьев, встречавших их сомкнутыми рядами, мертвецы найдут потрепанное воинство в числе сорока одного человека, из которых девять тяжело ранены и драться не могут. К дому Крастера их вышло сорок четыре из

шестидесяти с лишним, пробившихся с Кулака. С тех пор трое умерли от ран, и Баннен скоро станет четвертым.

— Как по-твоему, упыри ушли насовсем? — спросил Сэм у Гренна. — Почему они не приходят, чтобы прикончить нас?

— Они приходят только вместе с холодом.

— Да, — согласился Сэм, — но вот что интересно: холод приводит упырей или они его приносят?

— Какая разница? — Из-под топора Гренна летели щепки. — Главное, что они приходят вместе. Слушай: может, теперь, когда мы узнали про драконово стекло, они совсем не придут? Может, они нас теперь боятся?

Сэму хотелось бы в это верить, но он предполагал, что мертвым страх столь же чужд, как боль, любовь или чувство долга. Он обхватил руками колени, потея в своей шерсти, мехах и вареной коже. Кинжал из драконова стекла заставил растаять то бледное существо в лесу, это верно… но Гренн говорит так, будто он и на мертвецов должен оказать такое же действие. «А ведь мы не знаем, так ли это, — думал Сэм. — Мы ничего не знаем наверняка. Жаль, что Джона здесь нет». Сэм любил Гренна, но не мог с ним разговаривать так же, как с Джоном. «Джон не стал бы называть

меня Смертоносным, и я посоветовался бы с ним насчет ребенка Лилли». Но Джон уехал с Куореном Полуруким, и с тех пор о нем ничего не слышно. «У него тоже есть кинжал из драконова стекла, но догадается ли Джон пустить его в ход? Быть может, он лежит мертвый и заледенелый в какой-нибудь расщелине… или, того хуже, стал одним из ходячих мертвецов».

Почему боги берут к себе таких, как Джон и Баннен, а его, труса и недотепу, оставляют жить? Ему следовало умереть еще на Кулаке, где он трижды обмочился и к тому же потерял меч. Или в лесу

— да он и умер бы, если б Малыш Паул не вызвался его нести. «Ах, если бы все это было сном!» Как было бы чудесно проснуться на Кулаке и увидеть, что все братья живы, а Джон и Призрак по-прежнему с ним. Еще лучше, если бы он проснулся в Черном Замке и попал в трапезную отведать густой манной каши Трехпалого Хобба, щедро сдобренной маслом и медом. При одной мысли об этом в пустом желудке Сэма заурчало.

— *Сноу!*

Сэм обернулся. Ворон лорда Мормонта кружил над костром, хлопая черными крыльями.

— *Сноу, Сноу. Снег.*

Там, где появлялся ворон, вскорости следовало ожидать и Мормонта. Лорд-командующий выехал из леса в сопровождении старого Дайвена и похожего на лиса Роннела Харкли, занявшего место Торена Смолвуда. Часовые у ворот окликнули их, и Старый Медведь ворчливо отозвался:

— Ну и кто, по-вашему, идет? Что у вас, Иные глаза вынули? — Он проехал между столбами ворот, на одном из которых торчал бараний череп, а на другом медвежий, остановил коня, поднял кулак и свистнул. Ворон резво полетел на его зов.

— Милорд, — сказал Роннел Харкли, — у нас всего двадцать две лошади, и едва ли половина

из них доберется до Стены.

— Знаю, — буркнул Мормонт, — но уходить все равно надо — Крастер не оставляет сомнений на этот счет. — Он посмотрел на запад, где гряда темных туч закрыла солнце. — Боги дали нам передышку, только надолго ли? — Мормонт снова подбросил ворона в воздух, заметил Сэма и гаркнул: — *Тарли!*

— Я? — Сэм неуклюже поднялся на ноги.

– *Я-а!* — Ворон сел на голову своему хозяину. — *Я-а!*

— Тебя не Тарли зовут или у тебя тут брат имеется? Ясное дело, ты. Закрой рот и ступай со мной.

— С вами? — неожиданно тонким голосом повторил Сэм. Лорд-командующий испепелил его взглядом.

— Ты брат Ночного Дозора. Постарайся не пачкать штаны всякий раз, как я к тебе обращаюсь. — Мормонт спешился и зашагал вперед, чмокая сапогами по грязи. Сэму стоило труда поспеть за ним. — Я все время думаю о твоем драконовом стекле.

— Оно не мое.

— Не твое, так Джона Сноу. Если нам нужны кинжалы из драконова стекла, почему их у нас только два? Ими следовало бы вооружать каждо-

го человека на Стене в день, когда он приносит присягу.

— Но мы ведь не знали…

— Не знали, не знали! Когда-то должны были знать. Ночной Дозор забыл о своем истинном назначении, Тарли. Никто не станет строить стену семисотфутовой вышины, чтобы помешать одетым в шкуры дикарям красть женщин. Стену поставили, чтобы *оберегать царство людей*… и не от других людей, а одичалые, если разобраться, все-таки люди. Слишком много лет прошло, Тарли, слишком много веков и тысячелетий. Мы забыли, кто наш истинный враг. И вот теперь он здесь, а мы не знаем, как с ним бороться. Это стекло в самом деле производят драконы, как верит простой народ?

— М-мейстеры думают иначе, — выдавил из себя Сэм. — Они говорят, что оно происходит от подземного огня, и называют его обсидианом.

— По мне, пусть хоть лимонным пирогом назовут, — фыркнул Мормонт. — Если оно убивает, как ты говоришь, мне его нужно как можно больше.

— Джон нашел на Кулаке сотни наконечников для стрел и копий.

— Много нам от этого проку теперь. Чтобы вер-

нуться на Кулак, нам требуется оружие, которого мы не получим, пока не вернемся на Кулак. А тут еще одичалые. Придется поискать драконово стекло где-нибудь еще.

За последнее время случилось столько всего, что Сэм почти забыл об одичалых.

— Клинками из него пользовались Дети Леса. Они бы знали, где найти обсидиан.

— Детей Леса больше нет. Первые Люди перебили половину из них бронзовыми мечами, а андалы завершили дело железом. Почему стеклянный кинжал должен…

Старый Медведь прервал свою речь, увидев выходящего из дома Крастера. Одичалый улыбался во весь рот, показывая гнилые бурые зубы.

— У меня сын!

– *Сын,* — каркнул ворон. — *Сын, сын.*

— Рад за тебя, — бесстрастно молвил лорд-командующий.

— Да ну? А я вот порадуюсь, когда ты со своими воронами уберешься отсюда. Давно пора.

— Как только наши раненые немного окрепнут…

— Лучше, чем теперь, им уже не станет, и мы оба это знаем, старая ворона. Умирающим надо перерезать глотки, и дело с концом. Если самому

духу не хватает, оставь их мне, и я с ними разделаюсь.

— Торен Смолвуд говорил, что ты друг Дозора… — взъерепенился Мормонт.

— Так и есть. Я дал вам все, что мог дать, но грядет зима, а девчонка наградила меня еще одним ртом.

— Мы можем взять его с собой… — пропищал чей-то голос.

Крастер повернул голову, прищурился и плюнул под ноги Сэму.

— Что ты сказал, Смертоносный?

— Я… я хотел только… — замямлил Сэм, — если для вас он лишний рот… и скоро зима… то мы могли бы взять его…

— Это мой сын. Моя кровь. Думаешь, я отдам его воронам?

— Я только хотел… — «Лилли говорила, что ты оставляешь своих сыновей в лесу — вот почему у тебя в доме одни только жены да девочки, которые станут твоими женами».

— Довольно, Сэм, — произнес лорд-командующий. — Ты и так уже наговорил лишнего. Ступай в дом.

— М-милорд…

– *Ступай,* я сказал!

Сэм, весь красный, распахнул оленьи шкуры и снова оказался в полутьме.

— Ну что ты за дурак такой? — сердито сказал Мормонт, войдя вслед за ним. — Даже если Крастер отдал бы нам ребенка, тот не дожил бы до Стены. Новорожденный младенец нам нужен, как еще один снегопад. Может, в твоих жирных титьках есть молоко для него? Или ты и мать хочешь прихватить?

— Она согласна. Она сама просила меня…

— Я ничего не желаю больше слушать, Тарли, — отмахнулся Мормонт. — Сколько раз повторять, чтобы вы держались подальше от жен Крастера?

— Она его дочь, — попытался вывернуться Сэм.

— Иди позаботься о Баннене, пока я не рассердился окончательно.

— Да, милорд. — Сэм шмыгнул прочь, весь дрожа, но когда он подошел к Баннену, Великан уже прикрыл тому лицо меховым плащом.

— Он все говорил, что ему холодно — надеюсь, теперь он попал куда-нибудь, где потеплее.

— С такой раной… — начал Сэм.

— Какая в жопу рана! — Нож ткнул умершего ногой. — Одному мужику из моей деревни тоже отняли ногу, так он до пятидесяти лет дожил.

— Его убил холод, — сказал Сэм. — Он никак не

мог согреться.

— Кормить его надо было как следует, вот что, — заявил Нож. — Этот ублюдок Крастер уморил его голодом.

Сэм беспокойно оглянулся. Хорошо, что Крастер еще не пришел со двора — ему очень не понравилось бы, что его назвали ублюдком, хотя разведчики говорят, что он и правда незаконнорожденный — мать прижила его от какой-то вороны.

— Крастеру своих женщин кормить надо, — заметил Великан. — Он поделился с нами, чем мог.

— Как же, рассказывай. Не успеем мы уйти, он вскроет бочонок с медом и будет запивать им ветчину. Еще и посмеется, что мы бредем голодные по снегу. Одичалый скот, вот он кто, а никакой не друг Дозора. — Нож снова пнул мертвого Баннена. — Спроси вот его, если мне не веришь.

Баннена сожгли на закате, на том самом костре, который поддерживал Гренн. Тим Стоун и Гарт из Староместа вынесли голый труп, раскачали и бросили в огонь. Его одежду, оружие, доспехи и прочие пожитки братья поделили между собой. В Черном Замке братьев хоронят со всеми подобающими обрядами — но здесь не Черный Замок, и сожженный не вернется к ним упырем.

— Его звали Баннен, — произнес лорд-командующий, когда пламя охватило покойника. — Он был храбрым человеком и хорошим разведчиком. Он пришел к нам… откуда он пришел?

— Откуда-то из-под Белой Гавани, — подсказал кто-то.

— Он пришел к нам из Белой Гавани и всегда исполнял свой долг на совесть. Он соблюдал свои обеты, как мог, ездил далеко, сражался отважно. Таких, как он, у нас больше не будет.

– *Теперь его дозор окончен,* — хором пропели черные братья.

— Теперь его дозор окончен, — повторил Мормонт.

– *Окончен,* — подтвердил его ворон. — *Окончен.*

Дым щипал Сэму глаза, и его тошнило. На миг ему померещилось, будто Баннен сел в огне и сжал кулаки, как бы отталкивая пожирающее его пламя, но дымовая завеса тут же скрыла его. Хуже всего, однако, был запах. Простое зловоние Сэм бы еще выдержал, но от горящего брата так вкусно пахло жареной свининой, что рот невольно наполнялся слюной. Это было так ужасно, что, как только ворон крикнул «окончен», Сэм побежал за дом, и его вырвало.

Скорбный Эдд нашел его стоящим на коленях в грязи.

— Что, Сэм, червей копаешь или тебя стошнило?

— Стошнило, — слабо подтвердил Сэм, вытирая рот. — Этот запах…

— Да, не знал, что Баннен может так хорошо

пахнуть, — уныло, как всегда, вымолвил Эдд. — Даже захотелось кусочек от него отрезать. Будь у нас яблочная подлива, я бы, может, и решился. По мне, свинина всего вкуснее с яблочной подливой. — Эдд развязал штаны и пустил желтую дымящуюся струю. — Ты смотри не умирай, Сэм, а то ведь я могу не устоять. Сала на тебе куда больше, чем на Баннене, а я всегда любил шкварки. — Он вздохнул. — Мы выступаем на рассвете, слыхал? Будь то солнце или снег, все равно уйдем — так сказал Старый Медведь.

«Солнце или снег?» Сэм с тревогой посмотрел на небо.

— Даже в снег? — пропищал он. — Выступаем? Все из нас?

— Ясное дело — кто верхом, а кто и пешком. — Эдд встряхнулся. — Дайвен говорит, что нам бы надо научиться ездить на дохлых лошадях, как Иные. Одного корму сколько бы сберегли — много ли дохлой лошади надо? — Эдд отряхнулся и завязал тесемки. — Но мне это как-то не по нутру. Как только они заставят работать дохлых лошадей, очередь будет за нами, и первым уж точно окажусь я. «Эдд, — скажут мне, — смерть больше не повод, чтобы лежать без дела — вставай-ка, бери копье да выходи ночью в караул». Ну да

ладно, не будем о мрачном. Может, мне повезет умереть до того, как они навострятся это делать.

«Может быть, мы все умрем скорее, чем нам хотелось бы», — подумал, тяжело поднимаясь, Сэм.

Крастер, узнав, что его непрошеные гости утром собираются уходить, сделался почти приветлив — насколько это было доступно его натуре.

— И давно пора — говорил же я, что вам тут не место. Однако напоследок я вам задам пир, как полагается. Только, чур, пополам. Мои жены поджарят вашу конину, а я выставлю пиво и хлеб. — Он расплылся в своей гнилозубой улыбке. — Ничего нет лучше пива с кониной. Если на лошадях нельзя больше ездить, надо их резать, и дело с концом.

Его жены и дочери, поставив скамейки и длинные столы, принялись стряпать и подавать — все, кроме Лилли. Сэм с трудом их различал. Постарше, помоложе и совсем девчонки, все они доводились Крастеру дочерьми и походили одна на другую. Работая, они тихо переговаривались между собой, но к мужчинам никогда не обращались.

Крастер в овчинной безрукавке занял единственный в доме стул. Его могучие руки поросли белым волосом, на одном запястье сверкал витой

золотой браслет. Лорд Мормонт сидел на верхнем конце правой скамьи, дальше впритирку теснились братья. Дюжина человек несла караул снаружи, у ворот и костров.

Сэм сидел между Гренном и Сироткой Оссом. В животе у него урчало. С конины, которую жены Крастера поджаривали на вертелах над очагом в полу, капал жир, от запаха рот наполнялся слюной, и это напоминало Сэму о Баннене. Он очень проголодался, но знал, что его вырвет, если он проглотит хоть кусок. Куда это годится — есть бедных преданных коняг, которые носили их, пока могли? Но на лук, который разносили женщины, он набросился с жадностью. Один бок луковицы подгнил, но Сэм срезал его кинжалом, а остальное сжевал. Хлеба принесли только две ковриги. Ульмер попросил еще, но женщина в ответ потрясла головой. Тут-то все и началось.

— Две ковриги? — вскричал Колченогий Карл. — Вы, бабы, совсем сдурели? Тащите еще!

Лорд Мормонт тяжело посмотрел на него.

— Ешь что дают и скажи спасибо. Может, тебе на снегу больше нравилось?

— Скоро я опять там окажусь. — Карла явно не страшил гнев Старого Медведя. — В кладовке у Крастера — вот где бы мне понравилось,

милорд.

— Вы меня и так уже объели, вороны, — сузил глаза Крастер. — Мне женщин кормить надо.

Нож поделил кинжалом кусок мяса.

— Ты сам признаешься, что у тебя кое-что припрятано — как бы вы иначе протянули зиму?

— Я человек набожный… — начал Крастер.

— Ты скупердяй и врун, — прервал его Карл.

— Окорока, — с благоговением произнес Гарт из Староместа. — В прошлый наш приезд у него были свиньи. Бьюсь об заклад, что окорока у него где-то поблизости. Копченые, соленые окорока, и сало тоже

— И колбасы, — подхватил Нож. — Длинные такие, черные — они как камни, годами могут храниться. У него их штук сто висит в погребе.

— Овес, зерно, ячмень, — добавил Олло Культяпый.

– *Зерно,* — захлопал крыльями ворон Мормонта. — *Зерно, зерно, зерно, зерно, зерно.*

– *Хватит!* — гаркнул, перекрывая его, лорд-командующий. — Уймитесь, вы все, и не сходите с ума.

— Яблоки, — подал голос Гарт из Зеленополья. — Целые бочки сочных осенних яблок. Тут есть яблони, я видел.

— Сушеные ягоды, капуста, кедровые орехи.

— *Зерно. Зерно. Зерно.*

— Соленая баранина. Видали овечий загон? У него где-то стоят бочки с солониной.

Крастер медленно закипал. Лорд Мормонт поднялся с места.

– *Довольно*. Не желаю больше слушать эту болтовню.

— Тогда залепи уши хлебом, старик. — Колченогий Карл тоже встал из-за стола. — Или ты уже слопал свои крохи?

Старый Медведь побагровел.

— Ты забыл, с кем разговариваешь? Сядь на место, ешь и молчи. Это приказ.

Настала полная тишина. Все застыли, глядя на лорда-командующего и здоровенного разведчика, сверлящих друг друга глазами через стол. Сэму показалось, что Карл вот-вот дрогнет и угрюмо подчинится приказу…

…Но тут встал Крастер.

В руке он держал черный стальной топор, подарок Мормонта.

— Нет, — заревел он, — так не пойдет. Ни один человек, обозвавший меня скупердяем, не будет спать под моим кровом и есть за моим столом. Пошел вон, калека. И ты тоже, и ты, и ты. — Он

ткнул топором в сторону Ножа и обоих Гартов. — Ступайте спать на холод с пустыми животами, не то…

– *Ах ты ублюдок!* — выругался кто-то из Гартов.

– *Кто посмел назвать меня ублюдком?!* — взревел Крастер. Левой рукой он смел со стола посуду, мясо и винные кубки, правой вскинул вверх топор.

— Ублюдок и есть — это всем известно, — сказал Карл.

Крастер с быстротой, показавшейся Сэму невероятной, перескочил через стол. Одна из женщин взвизгнула, Гарт из Зеленополья и Сиротка Осс выхватили ножи, Карл попятился назад и споткнулся о раненого сира Биама, лежащего на полу. Крастер, изрыгая проклятия, бросился на него, но тут Нож сгреб одичалого за волосы, запрокинул ему голову и одним резким движением располосовал горло от уха до уха. Потом отшвырнул его от себя, и Крастер упал на сира Биама лицом вниз. Биам завопил от боли, а Крастер, захлебываясь собственной кровью, выронил топор. Две его жены подняли вой, третья разразилась бранью, четвертая накинулась на Милашку Доннела, норовя выцарапать ему глаза. Доннел

отпихнул ее на пол. Лорд-командующий, мрачный как туча, встал над телом Крастера.

— Боги проклянут нас за это, — вскричал он. — Нет преступления более тяжкого, чем убийство человека, оказавшего тебе гостеприимство. По всем законам мы…

— За Стеной законов нет, старик, — забыл? — Нож сгреб за руку одну из женщин и приставил окровавленный кинжал к ее горлу. — Показывай, где он прятал еду, не то и с тобой будет то же самое.

— Отпусти ее. — Мормонт шагнул к ним. — Это будет стоить тебе головы, ты…

Гарт из Зеленополья и Олло Культяпый, оба с ножами в руках, заступили ему дорогу.

— Придержи язык, — буркнул Олло, дернув старика назад, но Мормонт тоже схватился за кинжал. У Олло была всего одна рука, но орудовал он ей ловко: вырвавшись из рук Мормонта, он вогнал свой нож старику в живот и выдернул обратно, уже окрашенный кровью. Затем началось сущее безумие.

Некоторое время спустя Сэм опомнился и обнаружил, что сидит на полу, держа на коленях голову Мормонта. Он не помнил, как здесь оказался, — он вообще плохо помнил то, что случилось,

когда Старого Медведя пырнули ножом. Гарт из Зеленополья непонятно за что убил Гарта из Староместа. Ролли из Систертона полез на полати позабавиться с женами Крастера, сверзился оттуда и сломал себе шею. Гренн…

Гренн кричал на Сэма и бил его по лицу, а потом ушел вместе с Великаном, Скорбным Эддом и еще несколькими братьями. Крастер так и лежал на сире Биаме, но раненый рыцарь не стонал больше. Четверо человек, сидя за столом, ели конину, Олло на том же столе совокуплялся с плачущей навзрыд женщиной.

— Тарли. — Пузырящаяся кровь выступила изо рта Старого Медведя и потекла по бороде. — Уходи, Тарли. *Уходи.*

— Куда, милорд? — с полным безразличием проронил Сэм. Он не боялся, и это было странное чувство. — Мне некуда идти.

— К Стене. Ступай к Стене. Сейчас же.

– *Ступай. Ступай.* — Ворон прошел по руке старика, стал ему на грудь и выдернул волос из его бороды.

— Ты должен. Должен рассказать им.

— О чем, милорд? — учтиво спросил Сэм.

— Обо всем. Кулак. Одичалые. Драконово стекло. Обо всем *этом.* — Мормонт едва дышал и

говорил с великим трудом. — Скажи моему сыну. Джораху. Пусть наденет черное. Мое желание. Предсмертное.

– *Желание?* — повторил ворон, блестя глазами, и потребовал: — *Зерно?*

— Нет зерна, — выговорил Мормонт. — Скажи Джораху — я его прощаю. Ступай.

— Это слишком далеко, милорд, мне не дойти. — Сэм очень устал. Ему хотелось одного: спать и никогда больше не просыпаться. Если он останется здесь, его желание сбудется достаточно скоро. Нож, Олло и Карл скоро на него обозлятся и прикончат забавы ради. — Лучше я останусь тут, с вами. Я больше не боюсь вас… ничего не боюсь.

— А зря, — произнес женский голос.

Над ними стояли три жены Крастера — две старухи, которых Сэм не знал, а между ними Лилли, вся закутанная и держащая на руках меховой сверток — должно быть, своего ребенка.

— Нам запрещено говорить с вами, — сказал им Сэм.

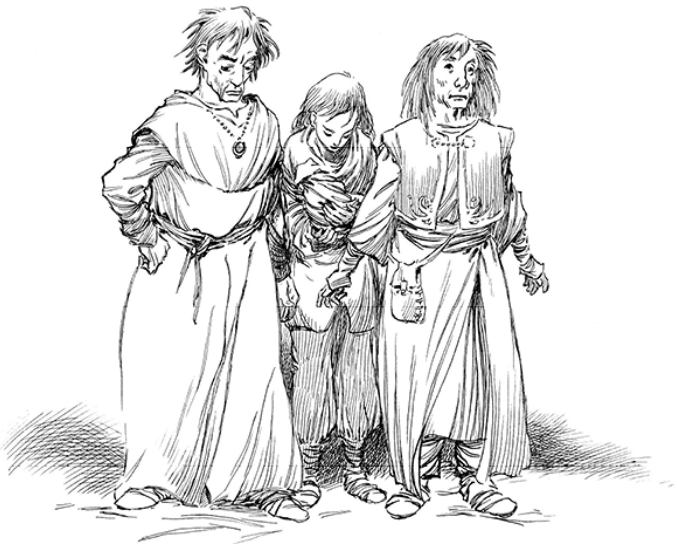
— Теперь уж можно, — сказала правая старуха.

— Самые черные из ворон теперь обжираются в погребе, — сказала левая, — или валяются на полатях с молодками. Тебе лучше уйти до того, как они вернутся. Ваши лошади разбежались, но

Дия поймала двух.

— Ты говорил, что можешь помочь, — напомнила Сэму Лилли.

— Я говорил, что Джон может помочь. Джон храбрый человек и хороший боец, но теперь он, наверно, умер. А я трусливый и толстый. Посмотрите, какой я толстый. Притом лорд Мормонт ранен. Разве вы не видите? Как я могу оставить своего лорда-командующего?



— Дитя, — сказала одна из старух, — старый ворона ушел, не дождавшись тебя. Посмотри.

Мормонт смотрел на Сэма остановившимися глазами, и губы его больше не шевелились. Ворон наклонил голову набок и сказал, обращаясь

к Сэму:

— *Зерно?*

— Нет у него зерна. — Сэм закрыл глаза Старому Медведю и попытался вспомнить какую-нибудь молитву, но единственное, что пришло ему в голову, было: — Матерь, помилуй нас. Матерь, помилуй нас. Матерь, помилуй нас.

— Твоя мать тебе не поможет, и этот старик тоже, — сказала левая старуха. — Бери его меч, бери его большой теплый плащ, бери его коня, если найдешь, и уезжай.

— Эта девочка не врет, — сказала старуха справа. — Она моя дочь, и я сызмальства выбила из нее охоту врать. Ты обещал ей помочь. Делай, как Ферни говорит: бери девочку и уходи поскорей.

– *Поскорей,* — подтвердил ворон. — *Поскорей, поскорей.*

— Но куда? — озадаченно спросил Сэм. — Куда я должен ее отвезти?

— Куда-нибудь, где тепло, — хором сказали обе старухи.

— Меня и малыша, — роняя слезы, сказала Лилли. — Пожалуйста. Я буду твоей женой, как была женой Крастера. Пожалуйста, сир ворона. Это мальчик, Нелла верно говорила. Если ты его не возьмешь, то заберут они.

— Они? — повторил Сэм, а ворон, кивая черной головой, ответил:

— *Они. Они. Они.*

— Братья этого мальчика, — сказала старуха слева. — Сыновья Крастера. Идет белый холод, ворона, — я его костями чувствую, а эти старые кости не лгут. Сыновья скоро будут здесь.

Арья

Ее глаза успели привыкнуть к темноте, и когда Харвин сдернул капюшон у нее с головы, Арья заморгала от красноватого света, точно сова.

Посреди полого холма горел в огромной яме костер, и его языки, потрескивая, тянулись к закопченному потолку. В стенах из земли и камня торчали извилистые белые корни, похожие на тысячу змей. Прямо на ее глазах из-за этих корней стали появляться люди, вылезая из каких-то трещин, расселин и черных пещер. По ту сторону костра корни образовали нечто вроде лестницы. Она вела к земляной впадине, где за побегами чардрева сидел какой-то человек.

Лим снял колпак с головы Джендри, и тот спросил:

— Что это за место?

— Древнее место, глубокое и тайное. Убежище, куда ни волки, ни львы не пролезут.

«Ни волки, ни львы». Арья вспомнила свой сон, в котором оторвала человеку руку, вспомнила вкус крови и вся покрылась мурашками.

Пещера, несмотря на большой костер, была еще больше — казалось, что у нее нет ни начала, ни конца. Дыры, в которых скрывались здешние жители, могли иметь глубину от двух футов до двух миль. Арья видела мужчин, женщин и детей, и все они смотрели на нее настороженно.

— Тут живет волшебник, белочка, — сказал Зеленая Борода, — уж он-то ответит на все твои вопросы. — Он указал на Тома-Семерку, который, стоя у огня, говорил с высоким худым человеком. Поверх своих выцветших розовых одежд незнакомец носил разрозненные части старых доспехов. «Неужели это Торос из Мира?» Арья помнила красного жреца толстым, с гладким лицом и блестящей лысой головой. У этого лицо обвисло и голова обросла седыми космами. Когда Том что-то сказал ему, он взглянул на Арью, и Арье показалось, что он сейчас к ней подойдет. Но тут Безумный Охотник вытолкнул на свет своего пленника, и про нее с Джендри все забыли.

Охотник оказался коренастым человеком в залатанной кожаной одежде, с плешивой головой, слабым подбородком и сварливым нравом. Арья думала, что Лима и Зеленую Бороду разорвут на куски, когда они, столкнувшись с ним у вороньих клеток, заявили, что его пленника нужно отвезти к лорду-молнии. Собаки метались вокруг них, лаяли и рычали, но Том успокоил их своей музыкой, Гвоздика подоспела с полным передником бараньих костей, а Лим показал на Энгай, который стоял в окне гостиницы с луком наготове. Охотник обозвал их всех холопами, но в конце концов согласился доставить схваченного им человека к лорду Берику на суд.

Ему связали руки веревкой, накинув петлю на шею, и натянули на голову мешок, но даже после этого чувствовалось, что он человек опасный. Арья ощущала это через всю пещеру. Торос, если это был Торос, вышел навстречу Охотнику с пленным и спросил:

— Как тебе удалось его взять?

— Собаки его учуяли. Он дрыхнул, пьяный, под ивой — хотите верьте, хотите нет.

— Выходит, его предали собственные родичи. — Торос сдернул мешок с головы пленника. — Добро пожаловать в наш скромный чертог, Пес. Он не

столь роскошен, как тронный зал Роберта, зато общество здесь приличнее.

Рыжие блики пламени, падая на обожженное лицо Сандора Клигана, делали его еще страшнее, чем при свете дня. Он напряг свои связанные запястья, и с веревки полетели чешуйки засохшей крови.

— Я тебя знаю, — скривив рот, сказал Торосу Пес.

— Вернее, знавал. В турнирных схватках ты клял мой пламенный меч, а я трижды побеждал тебя им.

— Торос из Мира. Только прежде ты брил себе голову.

— Я брил ее в знак смирения, но в сердце своем был тщеславен. Кроме того, я потерял свою бритву в лесу. Я стал меньше, чем был, — жрец похлопал себя по животу, — и в то же время больше. Год в глуши — и я постройнел. Если б еще найти портного, который ушил бы мне кожу, я бы снова стал молодым, и красивые девушки осыпали бы меня поцелуями.

— Разве что слепые, жрец.

Разбойники захохотали, а Торос громче всех.

— Может быть — но я уже не тот ложный жрец, которого ты знал. Владыка Света пробудился в

моем сердце. Многие силы, дремавшие долгое время, теперь просыпаются и ступают по земле. Я видел это в пламени.

Пса это не впечатлило.

— Пошел ты со своим пламенем. — Он огляделся. — Странная у тебя компания для святого.

— Они мои братья, — просто сказал Торос.

Лим вышел вперед. Только у него и Зеленой Бороды хватало роста, чтобы смотреть Псу прямо в глаза.

— Гавкай с разбором, собака. Твоя жизнь в наших руках.

— Тогда вытри дерьмо с пальцев, — засмеялся Пес. — И давно вы прячетесь в этой дыре?

При этом намеке на трусость Энгай-Лучник ощетинился.

— Спроси козла, как мы прячемся, Пес. Спроси своего брата. Спроси лорда-пиявку. Мы пускали кровь им всем.

— Это вы-то? Не смеши меня. Вы больше похожи на свинарей, чем на солдат.

— Среди нас в самом деле есть свинари, — сказал низкорослый человек, которого Арья не знала. — И дубильщики, и каменщики, и певцы. Только всем этим мы занимались, пока война не началась.

— Выступая из Королевской Гавани, мы были людьми Винтерфелла, людьми Дарри, людьми Черной Гавани, людьми Маллери и людьми Уайлда. Мы были рыцарями, оруженосцами и латниками, лордами и простолюдинами, объединенными только одним — нашей целью. — Голос, говоривший это, принадлежал человеку, сидящему в нише между корнями чардрева. — Мы выступили в числе ста двадцати человек, чтобы покарать твоего брата именем короля. — Говорящий начал спускаться по корням на пол пещеры. — Сто двадцать храбрых и честных людей, ведомых дураком в звездном плаще. — Из путаницы корней показалось пугало в рваном черном плаще, усеянном звездами, и в панцире, помятом в сотне сражений. Густые золотисто-рыжие волосы скрывали его лицо, но над левым ухом, где ему проломили голову, осталась плешь. — Мы потеряли более восьмидесяти человек из того нашего отряда, но другие подняли мечи, выпавшие из их рук. — Он спустился на пол, и разбойники расступились перед ним. На месте одного его глаза зияла пустая бугристая глазница, шею окружала черная полоса. — С их помощью мы продолжаем сражаться за Роберта и страну.

— За Роберта? — недоверчиво прохрипел Сан-

дор Клиган.

— Нас послал Нед Старк, — пояснил Джек-Счастливчик в круглом шлеме. — В это время он сидел на Железном Троне, поэтому мы по-настоящему не его люди, а люди Роберта.

— Роберт теперь — король червей. Вы поэтому, что ли, в землю зарылись?

— Король умер, — согласился похожий на пугало рыцарь, — но мы по-прежнему его люди, хотя наше королевское знамя пропало у Шутовского брода, когда на нас накинулись мясники твоего брата. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Роберт убит, но страна жива. Мы защищаем родную страну.

— Родную страну? — фыркнул Пес. — Можно подумать, страна — твоя родная мать или женушка, Дондаррион.

«Дондаррион?» Берик Дондаррион был красавцем. Подружка Сансы Джейни влюбилась в него, но этого человека даже Джейни Пуль не сочла бы привлекательным. Но это все же был он: присмотревшись внимательнее, Арья различила на растрескавшейся эмали его панциря остатки пурпурной молнии.

— Страна — это скалы, деревья и реки, — продолжал Пес. — Разве камни нуждаются в защите?

Роберт уж точно так не думал. Он признавал только то, что годилось для драки, постели или выпивки, а на остальное плевал, и на вас бы тоже плюнул… *бравые ребята.*

По пещере прокатился негодующий гул. Лим обнажил свой длинный меч.

— Назовешь нас так еще раз — проглотишь свой язык.

Пес ответил ему презрительным взглядом.

— Хорош храбрец — грозит оружием связанному пленнику. Развяжи меня, тогда посмотрим, какой ты смелый. — Пес оглянулся на Безумного Охотника. — А ты? Или ты без собак ни на что не годен?

— Мне следовало оставить тебя в вороньей клетке. — Охотник вытащил нож. — И это еще не поздно сделать.

Пес засмеялся ему в лицо.

— Мы все здесь братья, — провозгласил Торос из Мира. — Святое братство, присягнувшее нашей стране, нашему богу и друг другу.

— Братство без знамен, — добавил, дернув струну, Том-Семерка. — Рыцари полого холма.

– *Рыцари?* — насмешливо процедил Клиган. — Дондаррион, положим, в самом деле рыцарь, но остальные — просто сброд, разбойничья шайка.

Куча дерьма, вот вы кто.

— Любой рыцарь может посвятить в рыцари другого, — возразил похожий на пугало Берик Дондаррион, — и меч коснулся плеча каждого из тех, кого ты здесь видишь. Мы забытое братство.

— Дайте мне уйти, и я о вас тоже забуду, — пообещал Клиган. — Но если вы собрались меня убить, то не тяните. У меня забрали меч, коня и золото — берите вдобавок и жизнь… только избавь меня от своего праведного блеяния.

— Смерти тебе ждать недолго, Пес, — заверил его Торос, — но это будет не убийство, а праведный суд.

— Да, — подхватил Безумный Охотник, — и эта участь будет милосерднее той, которой заслуживаешь ты и тебе подобные. Вы называете себя львами, а сами в Шеррере и у Шутовского брода насиловали девочек шести и семи лет и разрубали надвое грудных младенцев на глазах у матерей. Ни один лев не проявляет такой жестокости.

— Меня не было ни в Шеррере, ни у Шутовского брода, — ответил Пес. — Ты складываешь своих убиенных младенцев не у той двери.

— Ты будешь отрицать, что дом Клиганов воздвигся на трупах детей? — спросил Торос. — Я видел, как принца Эйегона и принцессу Рейенис положили перед Железным Троном. Вам следовало бы взять эмблемой двух окровавленных младенцев вместо ваших гнусных собак.

— Ты принимаешь меня за моего брата? — Пес скривил рот. — Или называться Клиганом — уже преступление?

— Убийство — вот преступление.

— И кого же это я убил?

— Лорда Лотара Маллери и сира Глэддена Уайлда, — сказал Харвин.

— Моих братьев Листера и Леннокса, — сказал Джек-Счастливчик.

— Дядюшку Бека и мельникова сына Маджа из Доннелвуда, — сказала из темноты какая-то старуха.

— Вдову Мерримен, которая так сладко любила, — сказал Зеленая Борода.

— Септонов в деревне Тихий Пруд.

— Сира Эндри Карлтона. Его оруженосца Лукаса Рута. Мужчин, женщин и детей в Филдстоне и на Моздановой Мельнице.

— Богачей лорда и леди Деддинг.

— Элина из Винтерфелла, — продолжил счет Том, — Джота-Стрелка, Маленького Мэтта и его сестру Рэнду, Энвила Рина, сира Ормонда, сира Дадли, Пата из Мори, Пата из Лэнсвуда, Старого Пата и Пата из Шермеровой Рощи. Слепого Уила-Строгальщика, тетушку Мейри, Мейри Гулящую, Бекку-Пекариху. Сира Реймуна Дарри и лордов Дарри, старого и нового. Бастарда Бракена, Уилла Оперенного, Харсли, тетушку Ноллу…

– *Хватит!* — лицо Пса перекосило от злобы. — У меня уже в ушах звенит. Никогда не слышал

этих имен. Кто они такие?

— Люди, — сказал лорд Берик. — Люди, большие и малые, молодые и старые, хорошие и дурные, погибшие от мечей и копий Ланнистеров.

— Мой меч тут ни при чем, и тот, кто утверждает обратное, просто лжец.

— Ты служишь Ланнистерам из Утеса Кастерли, — заметил Торос.

— Служил раньше. Как сотни и тысячи других. Выходит, каждый из нас виновен в том, что совершили другие? Пожалуй, вы и в самом деле рыцари, — плюнул Клиган. — Лжете вы по-рыцарски — может, и убиваете не хуже их.

Лим и Джек-Счастливчик закричали на него, но Дондаррион поднял руку, требуя тишины.

— Что ты хочешь этим сказать, Клиган? Объясни.

— Рыцарь — это меч верхом на коне. Все прочее — обеты, помазание и поклонение прекрасным дамам — всего лишь ленточки, которые повязывают на этот меч. Может, эти ленточки делают меч красивее, но убивать они ему не мешают. Так что идите на хер со своими ленточками, а мечи засуньте себе в жопы. Я такой же, как вы. Вся разница в том, что я не вру по этому поводу. Можете меня убить, но не смейте называть убий-

цей, делая вид, что ваше собственное дерьмо не пахнет. *Слышите?*

Арья прошмыгнула мимо Зеленой Бороды и крикнула:

— Нет, ты убийца! Ты убил *Мику* — попробуй скажи, что не убивал!

Пес уставился на нее, не узнавая.

— А кто такой этот Мика, мальчуган?

— Я не мальчуган! А вот Мика был мальчик, подручный мясника, и ты убил его. Джори сказал, что ты разрубил его пополам, а у него даже меча не было. — Арья чувствовала, что на нее теперь смотрят все: женщины, дети и мужчины, называющие себя рыцарями полого холма.

— Это еще кто? — услышала она.

– *Седьмое пекло,* — медленно произнес Клиган. — Младшая сестра. Паршивка, которая закинула красивый меч Джоффа в реку. Тебе известно, что ты мертва? — со смехом спросил он.

— Это ты мертв, — бросила в ответ она.

Харвин взял ее за руку и оттащил назад, а лорд Берик сказал:

— Девочка обвиняет тебя в убийстве. Ты признаешь, что убил мальчика по имени Мика?

Пес пожал плечами.

— Я был телохранителем Джоффри, а этот маль-

чишка напал на наследного принца.

– *Ложь!* — крикнула Арья, вырвавшись от Харвина. — Это была я. *Я* ударила Джоффри и зашвырнула Львиную Лапу в реку. Мика просто убежал, как я ему велела.

— Ты видел, как мальчик напал на принца Джоффри? — спросил лорд Берик Клигана.

— Я слышал это от самого принца — не мог же я подвергать сомнению его слова. И ее родная сестра, — Клиган кивнул на Арью, — подтвердила это, когда ее поставили перед твоим драгоценным Робертом.

— Санса все наврала, — отрезала Арья, заново рассердившись на сестру. — Было совсем не так, как она сказала.

Торос отвел лорда Берика в сторону, и они стали вполголоса совещаться. Арья кипела от гнева, говоря себе: «Они должны его убить. Я сотни раз молилась о том, чтобы он умер».

Берик Дондаррион снова повернулся к Псу.

— Тебя обвиняют в убийстве, но никто здесь не знает, ложно это обвинение или истинно, поэтому не нам быть твоими судьями. Только Владыка Света может рассудить тебя. Я выношу тебе приговор: испытание боем.

Пес нахмурился, как бы не веря своим ушам.

— Ты дурак или сумасшедший?

— Ни то, ни другое. Я справедливый лорд. Докажи свою невиновность мечом, и будешь свободен.

— Нет, — крикнула Арья, прежде чем Харвин успел зажать ей рот. «Нельзя его отпускать! — С мечом против Пса никто не устоит, это все знают. — Он посмеется над ними, вот и всё».

Пес в самом деле рассмеялся, и его хриплый, полный презрения хохот отозвался эхом от стен пещеры.

— И кто же это будет? — он поглядел на Лима. — Храбрец в плаще цвета конской мочи? Нет? Может, ты, Охотник? Ты ведь бьешь своих собак — попробуй побить меня. Ты, тирошиец с зеленой бородищей, тоже здоров — давай выходи? А может, вы девчушку выставите на поединок? Ну же! — Он снова рассмеялся. — Кто хочет умереть?

— Ты будешь сражаться со мной, — сказал Берик Дондаррион.

Арья вспомнила все истории, которые слышала о нем. «Его невозможно убить», — подумала она в тщетной надежде.

Безумный Охотник разрезал веревку на руках Клигана.

— Мне понадобятся меч и доспехи. — Пес потер изодранные в кровь запястья.

— Ты получишь меч, — сказал лорд Берик, — но доспехами тебе должна послужить твоя невиновность.

— Моя невиновность против твоего панциря — так, что ли? — скривил рот Клиган.

— Нед, помоги мне снять панцирь.

Арья вздрогнула, услышав имя своего отца, но этот Нед оказался всего лишь мальчиком, светловолосым оруженосцем лет десяти-двенадцати. Он принялся быстро расстегивать помятый панцирь лорда-молнии. Стеганая подкладка, сопревшая от пота, отошла вместе с металлом, и Джендри ахнул:

— Матерь, помилуй нас.

Ребра лорда Берика сильно выпирали из-под кожи. Прямо над левым соском виднелась рубчатая впадина, а когда он повернулся, чтобы взять меч и щит, Арья увидела такой же шрам у него на спине. «Его проткнули копьем!» Пес это тоже видит — «Испугался он или нет?» Арье хотелось, чтобы Псу стало страшно перед смертью, так же страшно, как было Мике.

Нед подал лорду Берику пояс с мечом и длинный черный камзол, который предназначался

для носки поверх доспехов и свободно болтался на теле — зато на нем четко виднелась пурпурная молния Дондарриона. Лорд достал меч из ножен и вернул пояс оруженосцу.

Торос протянул Клигану его пояс, размышляя вслух:

— Разве Пес знает, что такое честь? Вдруг тебе вздумается пробиться на свободу силой или захватить ребенка в заложники? Энгай, Деннет, Кайл, стреляйте в него при любом неверном движении. — Трое стрелков наставили луки, и только тогда Торос отдал Клигану оружие.

Пес выхватил меч и отшвырнул ножны. Безумный Охотник отдал ему его дубовый щит с железными заклепками и тремя черными собаками Клиганов на желтом поле. Щит, который подал лорду Берику Нед, был до того изрублен, что молния и россыпь звезд на нем почти перестали быть видны.

Пес сделал шаг к своему противнику, но Торос остановил его.

— Сначала помолимся. — Жрец обратился лицом к огню и воздел руки. — Владыка Света, взгляни на нас.

– *Владыка Света, защити нас,* — хором отозвалось братство без знамен.

— Владыка Света, сохрани нас во тьме.

— *Владыка Света, обрати к нам свой лучезарный лик.*

— Пролей на нас свет свой, Рглор, — продолжал жрец. — Покажи нам, правду говорит этот человек или лжет. Покарай его, если он виновен, и дай силу его мечу, если он прав. Владыка Света, даруй нам мудрость.

– *Ибо ночь темна,* — возгласили хором остальные, в том числе Харвин и Энгай, — *и полна ужасов.*

— В этой пещере тоже темно, — сказал Пес, — но ужас здесь один: я. Надеюсь, твой бог милостив, Дондаррион, — ведь ты скоро с ним встретишься.

Лорд Берик, не ответив ему, медленно провел лезвием меча по левой ладони. Темная кровь, хлынув из разреза, омыла клинок — и меч загорелся.

Джендри стал шептать молитву.

— Гори в седьмом пекле. Гори вместе с Торосом, — выругался Пес и бросил взгляд на красного жреца. — Когда я с ним разделаюсь, ты будешь следующим, жрец.

— Каждый твой лай лишь обличает твою вину, — сказал Торос, а Лим, Зеленая Борода

и Джек-Счастливчик разразились бранью и угрозами. Сам лорд Берик ждал молча, спокойный, как вода, со щитом в левой руке и пылающим мечом в правой. «Убей его, — твердила про себя Арья, — прошу тебя, ты должен его убить». Лицо лорда, освещенное снизу, казалось маской, пустая глазница — красной воспаленной раной. Клинок пылал от острия до рукояти, но Дондаррион, видимо, не чувствовал жара — он стоял неподвижно, словно каменное изваяние.

Но когда Пес напал на него, он ожил.

Пылающий меч заступил путь холодному. Пламя струилось с него, как ленты, о которых говорил Пес. Сталь зазвенела о сталь. Как только противник отразил первый удар, Клиган тут же нанес следующий, но на этот раз лорд Берик подставил ему щит, от которого полетели щепки. Посыпался град мощных ударов, сверху и снизу, справа и слева, и все до единого Дондаррион отразил. Вокруг его меча вились языки пламени, оставляющие в воздухе красно-желтые росчерки. С каждым взмахом они распалялись все ярче, и наконец стало казаться, будто лорд-молния стоит в огненной клетке.

— Это дикий огонь? — спросила Арья у Дженри.

— Нет. Это другое. Это…

— …волшебство? — договорила она. Пес теперь пятился, а лорд Берик наступал, чертя в воздухе огненные узоры. Один из ударов обрушился на щит, и нарисованная собака лишилась головы. Клиган попытался достать Дондарриона ответным выпадом, но тот подставил свой щит и взмахнул пламенным мечом. Разбойничье братство вопило, подбадривая своего вожака.

– *Он твой!* — слышала Арья. — *Бей его! Бей!* — Пес отвел удар, метивший ему в голову, скривив лицо от ударившего в лицо жара. Рыча и ругаясь, он отшатнулся.

Лорд Берик не дал здоровяку передышки, и продолжил теснить его, без устали работая мечом. Клинки сходились, расходились и снова сходились, от щита с молнией летели щепки, собачьего щита уже трижды коснулось пламя. Пес отступал вправо, но Дондаррион резким движением преградил ему путь, заставив отшагнуть в противоположную сторону… прямо к излучающей тускло-красный свет костровой яме. Клиган пятился, пока не почувствовал жар за спиной — тогда он оглянулся через плечо, и это едва не стоило ему головы.

Сандор Клиган снова ринулся вперед, и Арья увидела белки его глаз. Три шага вперед, два назад, шаг влево, куда не пускал его лорд Берик, два вперед, один назад, лязг мечей. Дубовые щиты принимали на себя удар за ударом. Прямые темные волосы Пса прилипли к блестящему от пота лбу. «Винный пот», — подумала Арья, вспомнив, что его взяли пьяным. Ей казалось, что у него в глазах зарождается страх. «Ему конец», — ликующе думала она, глядя, как рубит огненный меч лорда Берика. Одним неистовым рывком лорд-молния лишил Пса всего отвоеванного пространства и загнал его на самый край огненной ямы. «Попался. Попался. Сейчас он умрет». Арья привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– *Ах ты ублюдок!* — завопил Пес, чувствуя, как огонь сзади лижет ему ноги. Он кинулся в атаку, бешено размахивая мечом, пытаясь сокрушить более мелкого противника грубой силой, сломать ему меч, раздробить щит или руку. Но Дондаррион отражал атаки, и языки пламени били Клигану в глаза. Отпрянув, Пес оступился и упал на одно колено. Меч лорда Берика со свистом обрушился вниз, рассеивая огненных змей. Задыхающийся Клиган едва успел прикрыться щитом, и по пещере пронесся треск расколотого дуба.

— У него щит загорелся, — тихо выговорил Джендри, но Арья уже сама это заметила. Пламя распространялось по облупленной желтой краске, поглощая трех черных собак.

Клиган кое-как поднялся и ринулся в контратаку. Он, казалось, не сразу понял, что пламя, ревущее у самого его лица, — это его собственный щит. Сообразив, в чем дело, он закричал и остервенело рубанул по щиту, довершая его уничтожение. Щит треснул, и отвалившийся кусок покатился в сторону, продолжая гореть. Другая половина упорно держалась на руке, и все попытки Пса стряхнуть ее с себя только раздували пламя. Огонь охватил рукав, а затем и левую руку.

– *Прикончи его!* — заорал Зеленая Борода, а другие голоса загремели: — *Виновен!*

– *Виновен!* — кричала со всеми Арья. — *Виновен, убей его, он виновен!*

Лорд Берик гладко, как летний шелк, приблизился, чтобы добить своего противника. Пес, испустив хриплый вопль, поднял меч обеими руками и обрушил вниз изо всех своих сил. Лорд Берик легко отразил удар…

– *Нееееееет!* — закричала Арья.

…но его пылающий меч переломился надвое,

и холодная сталь Пса рассекла его плоть между плечом и шеей, до самой грудины. Кровь хлынула горячей черной струей.

Охваченный огнем Сандор Клиган отшатнулся назад, сорвал и отшвырнул остаток щита и стал кататься по земле, гася горящую руку.

Лорд Берик медленно опустился на колени, словно для молитвы, но когда он раскрыл рот, оттуда полилась только кровь. С застрявшим в теле мечом Пса он ничком рухнул на пол, и земля впитала в себя его кровь. В полом холме настала тишина — только огонь потрескивал да Пес скулил, пытаясь подняться. Арья не могла думать ни о чем, кроме Мики и всех своих дурацких молитв за погибель Пса. «Если боги есть, почему лорд Берик не победил?» Она-то знала, что Пес виновен.

— Прошу вас, — хрипел Пес, прижимая к груди свою руку. — Я обжегся. Помогите мне кто-нибудь. — Он плакал. — Помогите. *Прошу.*

Арья смотрела на него с изумлением. «Плачет, как дитя малое!»

— Мелли, займись его ожогами, — сказал Торос. — Лим, Джек, помогите мне с лордом Бериком. И ты тоже, Нед. — Красный жрец вытащил меч Клигана из тела своего лорда и воткнул его в пропитанную кровью землю. Лим сильными руками подхватил Дондарриона под мышками, Джек-Счастливчик взял его за ноги. Они обошли со своей ношей вокруг костра и скрылись в одном

из темных ходов. Торос с Недом шли за ними.

Безумный Охотник плюнул.

— Считаю, нужно увезти его назад в Каменную Септу да посадить в воронью клетку, вот что.

— Правильно, — сказала Арья. — Он убил Мику. *Убил.*

— Какая злая белочка, — пробормотал Зеленая Борода.

— Рглор оправдал его, — вздохнул Харвин.

— Какой еще *Ругулор?*

— Владыка Света. Торос учил нас…

Арья не желала знать, чему учил их Торос. Она выхватила из ножен кинжал Зеленой Бороды и убежала, прежде чем он успел ее поймать. Дженри тоже попытался схватить ее, но Арья всегда была слишком проворной для него.

Том-Семиструнный с какой-то женщиной поднимали Пса на ноги. Увидев его руку — Арья остолбенела. Там, где пришлась лямка от щита, осталась полоска кожи, но выше и ниже ее, от локтя до запястья, виднелась обгоревшая до мяса плоть, сочащаяся кровью. Пес, встретившись глазами с Арьей, скривил рот.

— Ты так хочешь моей смерти? Что ж, волчонок, давай. Пырни меня ножом — это чище, чем огонь. — Клиган уже было встал, но от его обо-

жженной руки отвалился кусок плоти, и колени под ним опять подогнулись. Том удержал его, подхватив под здоровую руку.

«Ох, какая у него рука — и какое лицо». Но ведь это Пес — он заслуживает того, чтобы сгореть в аду. Кинжал казался Арье очень тяжелым, и она сжала его покрепче.

— Ты убил Мику, — повторила она. — Скажи им. Скажи, что ты это сделал.

— Сделал, сделал. — Теперь у него скривилось все лицо. — Я догнал его на коне, разрубил пополам и еще посмеялся. Я смотрел, как твою сестру избивали в кровь, смотрел, как твоему отцу отрубили голову.

Лим вывернул ей руку и отнял кинжал. Арья лягнула его, но без всякой пользы.

— Отправляйся в ад, Пес, — в бессильной ярости завизжала она. — Отправляйся в ад!

— Он уже побывал там, — сказал кто-то тихо, почти шепотом.

Арья оглянулась. Позади стоял лорд Берик Дондаррион, держась окровавленной рукой за плечо Тороса.

Кейтилин

«Пусть Короли Зимы покоятся в своей холодной подземной крипте, — думала Кейтилин. — Талли черпают силы из реки и в реку возвращаются, когда истекает их жизненный срок».

Лорда Хостера, одетого в серебристые доспехи, уложили в узкий челн. Он лежал на плаще, где синее сочеталось с красным, и те же цвета повторял его камзол. У его головы стоял высокий шлем, который венчала форель с чешуей из серебра и бронзы. На грудь ему положили раскрашенный деревянный меч и сомкнули его пальцы вокруг рукояти. В кольчужных перчатках его истаявшие руки казались по-прежнему сильными. Массивный, дубовый с железом щит поместили слева, охотничий рог — справа. Оставшееся свобод-

ным пространство лодки наполнили стружкой, щепой и клочками пергамента, а дно загрузили камнями. На носу развевалось знамя — скачущая форель Риверрана.

Погребальный челн спускали на воду семь человек, представляющие семь ликов бога. Первым был Робб, сюзерен лорда Хостера. Ему помогали лорд Бракен, лорд Блэквуд, лорды Вэнс и Маллистер, сир Марк Пайпер… и хромой Лотар Фрей, приехавший из Близнецов с ответом, которого они давно ожидали. Его эскорт из сорока латников возглавлял Уолдер Риверс, старший из бастардов лорда Уолдера, суровый, седовласый, прославленный воин. Их прибытие через несколько часов после кончины лорда Хостера привело Эдмара в ярость.

— Уолдер Фрей заслуживает, чтобы с него содрали кожу и четвертовали! — кричал он. — Он шлет на переговоры калеку и бастарда — по-твоему, это не оскорбление?

— Не сомневаюсь, что лорд Уолдер выбрал их своими посланниками не без задней мысли, — согласилась Кейтилин. — С его стороны это месть — мелочная и злобная, но не забывай, с кем мы имеем дело. Отец, бывало, называл его «покойный лорд Фрей». Он зол, завистлив и прежде

всего горд.

К счастью, сын ее проявил больше здравого смысла, чем брат. Робб принял Фреев со всевозможной учтивостью, предоставил помещение их латникам и попросил сира Десмонда Грелла уступить свое место Лотару, оказав ему честь проводить лорда Хостера в последний путь. «Жизнь сделала мальчика мудрым не по годам». Пусть дом Фреев расторг союз с Королем Севера, лорд Переправы по-прежнему оставался самым могущественным знаменосцем Риверрана, и Лотар представлял здесь его особу.

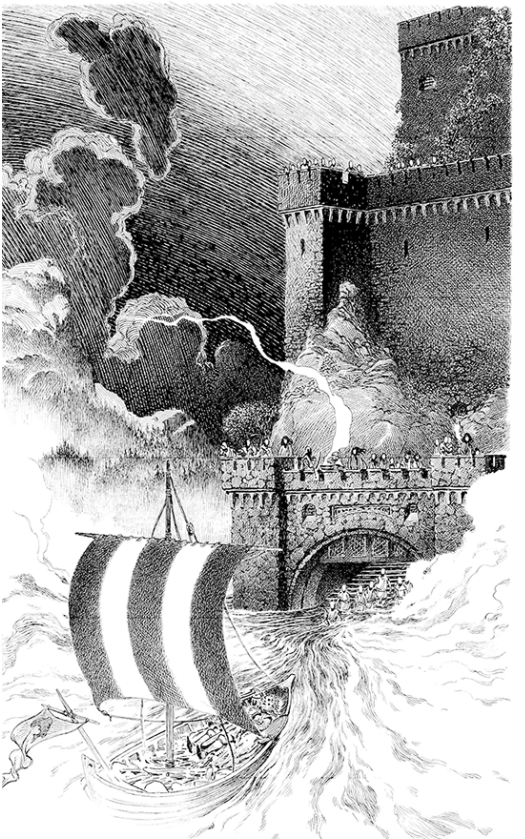
Когда семеро носильщиков спустились на нижние, затопленные ступени речной лестницы, решетку подняли. Лотар Фрей, тучный и мягкотелый, тяжело пыхтел, выталкивая лодку в реку. Джейсон Маллистер и Титос Блэквуд, державшие нос, стояли по грудь в воде, направляя челн.

Кейтилин стояла на крепостной стене, как стояла и ждала столько раз до этого дня. Внизу быстрая Камнегонка вонзалась копьем в бок широкого Красного Зубца, и ее голубовато-белые воды вливались в красное илистое русло большой реки. Над водой висел утренний туман, тонкий, как паутинка, нестойкий, как память.

«Бран и Рикон ждут его, — печально думала

Кейтилин, — как когда-то ждала я».

Узкий челн прошел через красный каменный проем Водных ворот. Там он попал в бурное течение Камнегонки и, набирая скорость, понесся к месту слияния. Когда лодка вышла из-под прикрытия высоких замковых стен, ее прямой парус наполнился ветром, и отцовский шлем блеснул на солнце. Лорд Хостер Талли правил верно, безмятежно плывя посередине реки навстречу восходящему солнцу.



— Пора, — сказал дядя, и Эдмар — теперь он по праву *лорд* Эдмар, и к этому еще предстоит привыкнуть — поднял свой лук. Его оруженосец поднес к стреле головню. Эдмар дождался, когда огонь займется, натянул тетиву и выстрелил. Стрела с легким гулом отправилась в полет. Кейтилин сопровождала ее взором и сердцем, но она с тихим шипением упала в воду, далеко за кормой челна.

Эдмар тихо выругался.

— Из-за ветра, — сказал он, вынимая вторую стрелу. — Еще раз. — Головня коснулась обмотанного промасленной ветошью наконечника, взметнув языки пламени. Эдмар поднял лук, натянул и выстрелил. Стрела полетела далеко — слишком далеко — и ушла в реку в дюжине ярдов перед челном, мгновенно погаснув. Шея Эдмара стала красной под цвет бороды. — Еще, — скомандовал он, доставая из колчана третью стрелу. «Он натянут, как его тетива», — подумала Кейтилин.

Сир Бринден, должно быть, тоже заметил это и предложил:

— Позвольте мне, милорд.

— Я сам, — настоял Эдмар. Он подождал, пока стрела займется, затем резко вскинул лук, глубоко вдохнул и натянул тетиву. Какое-то время

он медлил, и пламя уже начало лизать древко стрелы. Наконец, он выстрелил. Стрела круто пошла вверх, потом стала падать… и разминулась с развевающимся парусом.

Эдмар промахнулся не более чем на ладонь, но все же промахнулся.

— Провались ты к Иным! — выругался он. Лодка почти ушла за пределы выстрела и уже начала теряться в утреннем тумане. Эдмар молча сунул лук дяде.

— Быстрее. — Сир Бринден наложил стрелу, дождался огня и почти в тот же миг выстрелил… Кейтилин показалось, что стрела не успела загореться, но тут же увидела в воздухе ее бледно-оранжевый вымпел. Лодка скрылась в тумане, и стрела тоже исчезла в нем… но через мгновение ока там, как нежданно сбывшаяся надежда, расцвел красный цветок. Парус загорелся, осветив туман оранжево-розовым заревом. На мгновение Кейтилин удалось четко различить очертания охваченного пламенем челна.

«Смотри на меня, Котенок», — шепнул Кейтилин отцовский голос.

Она наугад протянула руку, ища брата, но Эдмар уже отошел и стоял один в самом высоком месте укреплений. Дядя Бринден взял Кейтилин

за руку вместо него, переплел свои сильные пальцы с ее. Они вместе смотрели, как горящий челн уходит вдаль, становясь все меньше и меньше.

И вот он исчез… Возможно, он плыл по течению и дальше, а возможно, распался и затонул. Тяжесть доспехов увлечет лорда Хостера на дно, в мягкий ил, и он навеки поселится в речных чертогах, где обитают все прежние Талли и несут службу рыбьи косяки.

Как только лодка пропала из виду, Эдмар сошел со стены. Кейтилин хотелось обнять его и посидеть с ним, разделяя их общее горе, сколько бы ни понадобилось — час, ночь или месяц. И в то же время она хорошо понимала: этому не бывать — теперь он лорд Риверрана, и к нему уже спешат его вассалы, чтобы выразить соболезнования и заверить его в своей преданности. Где уж тут найти время для таких мелочей, как сестра с ее горем. Эдмар выслушивал их с отсутствующим видом.

— Промах — не позор, — тихо сказал дядя. — Надо сказать об этом Эдмару. В тот день, когда наш лорд-отец уплыл вниз по реке, Хостер тоже промахнулся.

— Только первый раз. — Кейтилин была слишком мала, чтобы помнить об этом, но лорд Хостер часто рассказывал ей эту историю. — Вторая

стрела попала в парус. — Она вздохнула. Эдмар не так силен, как кажется. Смерть стала для отца счастливым избавлением, но Эдмар принял ее тяжело.

Прошлой ночью, подвыпив, он не выдержал и разрыдался, сожалея о том, чего не сделал и не сказал. Не нужно ему было уезжать и сражаться на бродах, со слезами говорил он сестре, — ему следовало остаться с отцом.

— Я должен был сидеть при нем неотлучно, как ты сидела. Он говорил обо мне перед кончиной? Скажи правду, Кет. Он спрашивал про меня?

Последним словом лорда Хостера было «Гвоздика», но у Кейтилин недостало духу сказать об этом брату.

— Он прошептал твое имя, — солгала она, а брат благодарно кивнул и поцеловал ей руку. «Если бы ночью он не пытался утопить свое горе и вину в кубке, утром его рука была бы тверже», — подумала Кейтилин, но и этого не посмела сказать вслух.

Черная Рыба проводил ее вниз, где стоял Робб со своими знаменосцами и молодой королевой. Увидев мать, он молча обнял ее.

— Благородством своего облика лорд Хостер не уступал королю, — тихо промолвила Жиенна. —

Мне жаль, что я не успела узнать его поближе.

— Я сожалею о том же, — сказал Робб.

— Он сказал бы то же самое, но Ривердан отделяет от Винтерфелла слишком много лиг. — «А между Ривердраном и Орлиным Гнездом, как видно, слишком много рек, гор и армий». Лиза так и не ответила на ее письмо.

И Королевская Гавань тоже молчит. Теперь уже можно надеяться, что Бриенна и сир Клеос тоже добрались до города со своим пленником. Быть может, Бриенна уже едет обратно вместе с девочками? «Сир Клеос поклялся, что заставит Беса послать ворона, когда обмен состоится. Поклялся!» Но вороны не всегда долетают до цели. Какой-нибудь лучник мог сбить птицу стрелой и зажарить себе на ужин. Быть может, письмо, которое успокоило бы ее сердце, лежит в пепле костра рядом с кучкой вороньих костей.

Многие желали выразить Роббу свои соболезнования, и Кейтилин терпеливо ждала, пока он разговаривал с лордом Джейсоном Маллистером, Большим Джоном и сиром Рольфом Спайсером. Затем приблизился Лотар Фрей, и Кейтилин дернула сына за рукав, чтобы привлечь его внимание. Робб повернулся и выжидающе посмотрел на Лотара.

— Ваша милость. — Лотар, лет тридцати пяти, был грузен, с близко посаженными глазами, острой бородкой и темными вьющимися волосами до плеч. Из-за ноги, вывихнутой при рождении, ему дали прозвище Лотар Хромой. Последний десяток лет он служил своему отцу как управляющий. — Нам не хотелось бы нарушать ваш траур, но, быть может, вы уделите нам немного времени вечером?

— Охотно, — ответил Робб. — В мои намерения никогда не входило сеять вражду между нами.

— Как и в мои — стать невольной ее причиной, — сказала королева Жиенна.

— Я понимаю, — улыбнулся Лотар, — и мой лорд-отец тоже понимает. Он поручил мне сказать, что тоже когда-то был молод и помнит, как побеждает сердца красота.

Кейтилин очень сомневалась, что лорд Уолдер сказал нечто подобное или что красота когда-нибудь завоевывала его сердце. Лорд Переправы пережил семь жен и был женат на восьмой, но он отзывался о них лишь как о подстилках и племенных кобылах. Но это было красиво сказано, и Кейтилин нечего было возразить против такого комплимента, как и Роббу.

— Ваш батюшка очень любезен, — сказал ко-

роль. — С нетерпением жду нашей вечерней беседы.

Лотар поцеловал королеве руку и откланялся. Вокруг к этому времени собралась еще дюжина человек. Робб каждого из них одарил улыбкой или благодарственным словом, и лишь отпустив всех, снова повернулся к Кейтилин.

— Нам нужно поговорить. Не угодно ли прогуляться со мной?

— Как прикажет ваша милость.

— Это не приказ, матушка.

— Что ж, с удовольствием. — Сын после своего возвращения в Ривердан был неизменно добр к ней, но почти не искал ее общества. Кейтилин не упрекала его за то, что он охотнее проводит время со своей молодой королевой. «Жиенна побуждает его улыбаться, а я ничего не могу предложить, кроме своего горя». Братья жены тоже, видимо, нравились Роббу — Роллам, его оруженосец, и сир Рейнальд, носивший его знамя. «Они заменяют ему тех, кого он потерял, — поняла Кейтилин, наблюдая за ними. — Роллам занял место Брана, а Рейнальд для Робба отчасти Теон, отчасти Джон Сноу». Только с Вестерлингами Робб способен смеяться как прежде, когда был мальчиком. Для других он Король Севера, и голова его клонится

под тяжестью короны, даже когда ее на нем нет.

Робб нежно поцеловал жену, пообещав скоро зайти в ее покои, и направился со своей леди-матерью к богороще.

— Лотар как будто приветлив, это хороший знак. Фреи нужны нам.

— Но это еще не значит, что они будут нашими.

Робб кивнул. Он держался так угрюмо и так сутулился, что у Кейтилин сжалось сердце. «Корона гнетет его. Он очень хочет быть хорошим королем, смелым, благородным и умным, но мальчику это не по силам». Робб делает все, что может, но удары продолжают сыпаться на него один за другим. Когда ему принесли весть о битве при Синем Доле, где лорд Рендилл Тарли разбил Робетта Гловера и сира Хелмана Толхарта, Робб не пришел в ярость, как можно было ожидать, а только уставился перед собой с тупым выражением и сказал: «Синий Дол — ведь это на Узком море? Зачем им понадобилось идти на Синий Дол? Я лишился трети своей пехоты из-за какого-то Синего Дола!»

— Мой замок в руках у Железных Людей, а теперь Ланнистеры взяли в плен моего брата, — с отчаянием сказал Галбарт Гловер. Робетт Гловер

пережил битву, но был захвачен близ Королевского тракта.

— Это ненадолго, — заверил его Робб. — Я предложу им обменять его на Мартина Ланнистера, и лорду Тайвину ради брата придется дать согласие. — Мартин был сыном сира Кивана и близнецом Виллема, убитого лордом Карстарком. После этого убийства Робб так и не оправился. Он приставил к Мартину тройную стражу, но не переставал опасаться за его жизнь.

— Надо было мне обменять Цареубийцу на Сансу, как только ты это предложила, — сказал Робб матери, когда они вошли в галерею. — Я мог бы выдать ее за Рыцаря Цветов, и тогда Тиреллы примкнули бы к нам, а не к Джоффри. Напрасно я об этом не подумал.

— Ты думал о своих битвах, и это понятно. Даже король не может думать обо всем сразу.

— Битвы, — проворчал Робб, входя в богорощу. — Я выиграл их все, но при этом почему-то проигрываю войну. — Он поднял глаза, как будто ожидая найти ответ на небе. — Винтерфелл и Ров Кайлин захвачены Железными Людьми. Отец, Бран и Рикон мертвы, Арья, возможно, тоже. А теперь и твой отец умер.

Кейтилин слишком хорошо изведала вкус

отчаяния и не могла позволить, чтобы и Робб предавался этому чувству.

— Отец давно уже находился при смерти, и ты здесь изменить ничего не мог. У тебя были ошибки, Робб, но какой король не совершал их? Нед гордился бы тобой.

— Матушка, я должен сказать тебе кое-что.

Ее сердце на миг остановилось. «Ему очень не хочется говорить мне это. Он боится это сказать». Кейтилин сразу подумала о Бриенне.

— Это касается Цареубийцы?

— Нет, Сансы.

«Значит, она мертва, — сразу подумала Кейтилин. — Бриенна не выполнила поручения, Джейме погиб, и Серсея в отместку убила мою девочку». Кейтилин не сразу обрела дар речи.

— Ее… больше нет, Робб?

— Что? Ты думаешь, она умерла? — ошарашенно спросил он. — Нет-нет, матушка, она жива, только… ночью прилетела птица, но я не хотел тебе говорить, пока ты не проводишь своего отца. — Робб взял мать за руку. — Они выдали ее за Тириона Ланнистера.

Кейтилин сжала его пальцы.

— За Беса.

— Да.

— Он дал клятву обменять ее на своего брата, — непослушными губами выговорила она. — Их обеих — Сансу и Арью. Он поклялся перед всем двором отдать их, если мы вернем его драгоценного Джейме. Как же он мог жениться на ней, дав такое слово перед богами и людьми?

— Он брат Цареубийцы. Клятвопреступление у них в крови. — Робб опустил руку на эфес меча. — Если бы я мог, я бы снес его мерзкую голову, и Санса стала бы вдовой. Иного выхода я не вижу. Они заставили ее произнести обеты перед септоном и надели на нее красный плащ.

Кейтилин хорошо помнила уродца-карлика, которого захватила в гостинице на перекрестке дорог и увезла в Орлиное Гнездо.

— Напрасно я не дала Лизе выбросить его через Лунную Дверь. Бедняжка моя Санса… и за что ей такая участь?

— Из-за Винтерфелла, — тут же ответил Робб. — Со смертью Брана и Рикона Санса стала моей наследницей. Если со мной что-то случится…

Кейтилин уцепилась за его руку.

— С тобой ничего не случится. *Ничего*. Я этого не вынесу. У меня отняли Неда и твоих милых братьев, Санса замужем, Арья пропала, отец умер… если еще и ты меня покинешь, я сойду с ума. Ты

— все, что у меня осталось. У меня и у Севера.

— Я пока еще жив, матушка.

Но Кейтилин уже овладел страх.

— Нет нужды вести войны до последней капли крови. — Она сама поражалась отчаянию, которое звучало в ее голосе. — Ты был бы не первым королем, преклонившим колено, и даже не первым Старком.

Робб поджал губы.

— Ни за что.

— В этом нет ничего позорного. Бейлон Грейджой склонил колено перед Робертом, когда его

мятеж был подавлен, а Торрхен Старк предпочел склониться перед Эйегоном Завоевателем, чтобы не послать свое войско в огонь.

— Эйегон не убивал отца короля Торрхена. — Робб отнял руку у матери. — Я сказал: этому не бывать.

«Сейчас он ведет себя как мальчик, не как король».

— Ланнистерам Север не нужен. Они потребуют присяги и заложников, не более того… а Санса останется с Бесом в любом случае: так что заложница у них уже есть. Островитяне — враг куда более непреклонный, уверяю тебя. Чтобы удержать за собой Север и заявлять на него какие-то права, Грейджоям придется истребить под корень весь дом Старков. Теон уже убил Брана и Рикона, и теперь им осталось убить одного тебя… и Жиенну. Лорд Бейлон не допустит, чтобы она жила и рожала тебе наследников.

Лицо Робба стало холодным.

— Ты для этого освободила Цареубийцу? Чтобы заключить мир с Ланнистерами?

— Я освободила его ради Сансы… и Арьи, если она еще жива. Ты сам знаешь. Но если я при этом питала и некоторую надежду на мир, что в этом дурного?

— Ланнистеры убили моего отца.

— По-твоему, я об этом забыла?

— Может статься, что и так.

Кейтилин ни разу не ударила в гневе никого из своих детей, но сейчас чуть не закатила Роббу пощечину. Ей стоило труда напомнить себе, каким напуганным и одиноким он должен себя чувствовать.

— Ты Король Севера, и выбор за тобой. Я только прошу тебя подумать над тем, что я сказала. Певцы любят повествовать о королях, павших на поле брани, но твоя жизнь стоит дороже песни — по крайней мере для меня, давшей ее тебе. — Она склонила голову. — Позвольте мне удалиться, ваша милость.

— Хорошо. — Он отвернулся и обнажил свой меч, непонятно зачем. Здесь нет ни единого врага, и сражаться не с кем — только он и она среди высоких деревьев и опавших листьев. «Есть битвы, которых мечом не выиграешь», — хотела сказать Кейтилин, но побоялась, что он останется глух к ее словам.

Она шила в своей опочивальне, когда маленький Роллам Вестерлинг прибежал, чтобы пригласить ее на ужин. «Это хорошо», — подумала она с облегчением. Она не была уверена, что

сын захочет видеть ее после их ссоры.

— Ты образцовый оруженосец, — сказала она Ролламу. «Бран был бы таким же…»

Робб за столом держал себя холодно, а Эдмар угрюмо, зато Лотар Хромой старался за них обоих. Служа образцом учтивости, он тепло отзывался о лорде Хостере, мягко соболезновал Кейтилин по поводу утраты Брана и Рикона, восхвалял Эдмара за победу на Каменной Мельнице, благодарил Робба за «скорый и правый суд» в деле Рикарда Карстарка. Его побочный брат Уолдер Риверс, с жестким и подозрительным, как у старого лорда Уолдера, лицом, в отличие от Лотара говорил мало и почти все внимание уделял мясу и меду.

Когда все положенные слова были сказаны, королева и другие Вестерлинги удалились, со столов убрали, и Лотар Фрей прочистил горло.

— Прежде чем перейти к цели нашего приезда, мы должны обсудить еще одно дело — и боюсь, что дело это невеселое, — мрачно произнес он. — Жаль, что именно мне выпало принести вам эту весть, но делать нечего. Мой лорд-отец получил письмо от своих внуков.

Кейтилин, поглощенная горем от утраты своих сыновей, почти забыла о двух Фреях, которых согласилась взять на воспитание. «Да помилует

нас Матерь, сколько еще ударов нам предстоит пережить?» Она предчувствовала, что последующие слова нанесут еще одну рану ее сердцу.

— От внуков из Винтерфелла? — через силу выговорила она. — Моих воспитанников?

— Да, от двух Уолдеров. Сейчас они находятся в Дредфорте. Как ни прискорбно мне говорить это, миледи, но в Винтерфелле произошло сражение, и замок сгорел.

– *Сгорел?!* — с недоверием повторил Робб.

— Ваши северные лорды попытались отбить его у островитян, и Теон Грейджой, поняв, что ему не удержать замка, предал его огню.

— Мы ни о каком сражении не слышали, — сказал сир Бринден.

— Мои племянники, конечно, еще малы, но они были при этом. Письмо написал Уолдер Большой, и его кузен тоже поставил свою подпись. По их словам, дело было кровавое. Ваш кастелян — сир Родрик, кажется? — убит.

— Сир Родрик Кассель, — промолвила пораженная Кейтилин. «Славный, храбрый, преданный старик». Она прямо-таки видела, как он теребит свои белые бакенбарды. — Что с остальными нашими людьми?

— Боюсь, что Железные Люди предали мечу

многих.

Робб в приступе ярости стукнул кулаком по столу и отвернулся, чтобы Фреи не видели его слез.

Но его мать их видела. «Тьма с каждым днем все непригляднее». Кейтилин думала о маленькой дочери сира Родрика Бет, о неутомимом мейстере Лювине и веселом септоне Шейли, о кузнеце Миккене, собачниках Фарлене и Палле, о старой Нэн и дурачке Ходоре.

— Только бы не всех.

— О нет, — заверил Лотар. — Женщины и дети, в том числе и мои племянники, во время боя сидели в укрытии, и после разрушения замка сын лорда Болтона увел уцелевших в Дредфорт.

– *Сын* Болтона? — с прежним недоверием переспросил Робб.

— Бастард, кажется, — вставил Уолдер Риверс.

— Разве у Русе Болтона были другие бастарды, кроме Рамси Сноу? — нахмурился Робб. — Этот Рамси был убийцей, настоящим чудовищем и погиб как трус — так мне по крайней мере передавали.

— На этот счет ничего сказать не могу. Всякая война сопровождается путаницей, и не всем известиям можно верить. Мои племянники пишут, что именно побочный сын Болтона спас женщин

и детей Винтерфелла. Все, кто остался жив, теперь в Дредфорте, вне опасности.

— А что Теон? — внезапно спросил Робб. — Убит?

— Не могу сказать, ваша милость, — развел руками Лотар. — Уолдеры о нем не упоминают. Возможно, лорд Болтон знает что-нибудь, если сын его уведомил.

— Мы не преминем спросить его об этом, — сказал сир Бринден.

— Я вижу, как вы все огорчены, и сожалею, что взвалил на ваши плечи новое горе. Возможно, нам следует повременить до утра — наше дело терпит.

— Нет, — сказал Робб, — я хочу уладить его немедля.

— Я тоже, — поддержал Эдмар. — Вы привезли нам ответ на мое предложение, милорд?

— Да, — улыбнулся Лотар. — Мой лорд-отец поручил мне передать вашей милости, что мы согласны на этот брачный союз между нашими домами и готовы вновь присягнуть Королю Севера, если его милость лично, собственной королевской персоной, извинится за оскорбление, которое нанес дому Фреев.

Извинение — не слишком дорогая цена, но

Кейтилин не понравилась подобная мелочность со стороны лорда Уолдера.

— Согласен, — сдержанно молвил Робб. — Я отнюдь не желал этого разрыва, Лотар. Фреи отважно сражались за меня, и я буду рад снова видеть их на своей стороне.

— Ваша милость слишком добры. Коль скоро вы принимаете наши условия, я уполномочен предложить лорду Талли руку моей сестры леди Рослин, девицы шестнадцати лет. Рослин — младшая дочь моего лорда-отца от леди Бетани из дома Росби, шестой его жены. У нее мягкий нрав и большие способности к музыке.

Эдмар поерзал на сиденье.

— Не лучше ли мне будет сперва познакомиться…

— Вы познакомитесь в день вашей свадьбы, — отрезал Уолдер Риверс, — или лорд Талли желает предварительно пересчитать ей зубы?

Эдмар сдержался.

— Относительно зубов я полагаюсь на ваше слово, но мне хотелось бы перед свадьбой взглянуть на ее лицо.

— Вы должны дать согласие незамедлительно, милорд, — ответил Уолдер Риверс, — иначе отец возьмет назад свое предложение.

Лотар развел руками.

— Мой брат выражается с солдатской прямотой, однако то, что он сказал, — правда. Мой лорд-отец желает, чтобы этот брак был заключен без промедления.

– *Без промедления?* — Огорчение в голосе Эдмара навело Кейтилин на недостойную мысль, что он, возможно, подумывал разорвать помолвку, когда война кончится.

— Надеюсь, лорд Уолдер не забыл, что мы ведем войну? — резко осведомился Бринден.

— Едва ли — потому он и настаивает, чтобы их поженили сразу. Мужчины на войне гибнут, даже молодые и сильные. Что станется с нашим союзом, если лорд Эдмар, паче чаяния, не доживет до свадьбы. Возраст отца также следует принять во внимание. Ему за девяносто, и вряд ли он увидит, чем закончится нынешний раздор. Его благородное сердце будет спокойно, если он выдаст свою дорогую Рослин замуж, прежде чем боги возьмут его к себе, и он отойдет с миром, зная, что отныне супруг будет лелеять ее и оберегать.

«Мы все желаем, чтобы лорд Уолдер отошел с миром». Кейтилин все меньше и меньше нравилась эта затея.

— Мой брат только что лишился собственного

отца и пребывает в трауре.

— Рослин — веселая девчушка, — сказал Лотар, — быть может, именно она и поможет лорду Эдмару рассеять его горе.

— Притом дед стал недолюбливать длительные помолвки, — вставил Уолдер Риверс. — Ума не приложу, с чего бы это.

— Я понял ваш намек, Риверс, — холодно сказал Робб. — Не угодно ли вам будет оставить нас одних?

— Как прикажет ваша милость. — Лотар встал и с помощью брата вышел из зала.

Эдмар кипел от гнева.

— Они дали нам понять, что мое слово ничего не стоит. И с какой стати старый хорек сам выбрал мне невесту? У лорда Уолдера есть и другие дочери, кроме этой Рослин, не говоря уж о внучках. Мне должны были предоставить выбор так же, как Роббу. Я его сюзерен, и он должен радоваться, что я хоть на *ком-то* из них женюсь.

— Мы нанесли удар его гордости, — заметила Кейтилин.

— Иные бы побрали его гордость! Я не позволю срамить себя в собственном доме. Я не согласен.

— В таком деле я тебе приказывать не стану, — устало сказал Робб. — Но если ты откажешься,

лорд Фрей воспримет это как новое оскорбление, и у нас не останется никакой надежды уладить эту ссору.

— Как знать, — стоял на своем Эдмар. — Фрей пытается навязать мне одну из своих дочек со дня моего появления на свет и не даст такому случаю ускользнуть из его загребущих пальцев. Отвезя ему наш ответ, Лотар скоро приковыляет обратно и согласится, чтобы я заключил помолвку… с той, кого выберу сам.

— Возможно, так и будет, — признал Бринден Черная Рыба, — только есть ли у нас время ждать, пока Лотар разъезжает взад-вперед?

Руки Робба сжались в кулаки.

— Я *должен* вернуться на Север. Мои братья мертвы, замок сожжен, мои люди преданы мечу… Одни боги знают, чем занят этот бастард Болтона. Может, Теон до сих пор жив и гуляет на воле? Не могу я сидеть и дожидаться свадьбы, которая то ли состоится, то ли нет.

— Она *должна* состояться, — неохотно произнесла Кейтилин. — Я не более склонна терпеть оскорбления и капризы Уолдера Фрея, чем ты, брат, но я не вижу выбора. Без этого брака дело Робба проиграно. Надо соглашаться, Эдмар.

— Надо соглашаться! — сварливо передразнил

он. — Ты сама что-то не изъявляешь желания стать девятой леди Фрей, Кет.

— Восьмая леди Фрей, насколько я знаю, жива и здравствует. — «К счастью. Иначе могло бы и до этого дойти».

— Я последний человек в Семи Королевствах, который стал бы советовать другому, на ком ему жениться, племянник, — сказал Бринден, — но ты сам говорил, что готов исправить вред, причиненный твоими действиями у бродов.

— Я имел в виду другое. Поединок с Цареубийцей. Семь лет скитаний в рубище нищего. Пересечение Закатного моря вплавь со связанными ногами. — Видя, что никто не улыбается, Эдмар беспомощно воздел руки. — Иные бы вас всех побрали! Ладно, женюсь. Чтобы исправить причиненный мною вред.

Давос

Лорд Алестер вскинул голову.

— Голоса. Слышишь, Давос? Сюда идут.

— Это Угорь, — сказал Давос. — Время ужинать. — В прошлый раз Угорь принес им полпирога с говядиной и салом и кувшин меду. У Давоса в животе урчало при одном воспоминании.

— Нет, там больше одного.

«Ведь он прав». Давос слышал по меньшей мере два голоса и приближающиеся шаги. Он встал и подошел к решетке.

Лорд Алестер стряхивал с себя солому.

— Это король послал за мной. Или королева. Селиса не оставит родную кровь гнить в тюрьме.

Показался Угорь со связкой ключей, а следом сир Акселл Флорент и четверо стражников. Они

остановились под факелом, пока Угорь искал нужный ключ.

— Акселл, — сказал лорд Алестер. — Боги праведные! Кто послал за мной — король или королева?

— За тобой, изменник, никто не посылал.

Лорд Алестер отшатнулся, как будто ему дали пощечину.

— Клянусь тебе: я не совершал измены. Почему меня не хотят выслушать? Если бы его милость позволил мне объясниться…

Угорь сунул и провернул в замке большой железный ключ. Ржавые петли протестующе взвизгнули, и дверь камеры распахнулась.

— Ты, — сказал он Давосу, — выходи.

— Зачем? — обратился Давос к сиру Акселлу. — Скажите правду, сир, меня хотят сжечь?

— За тобой послали. Ты можешь идти?

— Могу. — Он вышел, а лорд Алестер вскрикнул в отчаянии, когда Угорь снова захлопнул дверь.

— Забери факел, — приказал сир Акселл тюремщику. — Пусть изменник посидит в темноте.

— Нет, — взмолился его брат. — Акселл, пожалуйста, не уноси свет… боги, смилуйтесь…

— Какие еще боги? Есть только Рглор и Иной. — По знаку сира Акселла один из стражников вынул

факел из гнезда и зашагал обратно к лестнице.

— Вы ведете меня к Мелисандре? — спросил Давос.

— Она тоже там будет, — сказал сир Акселл. — Она никогда не отходит далеко от его милости… но за тобой послал сам король.

Давос поднял руку к груди, где раньше висела в кожаной ладанке его удача. Теперь ее больше нет, но у него хватит пальцев, чтобы схватить женщину за горло — благо шея у нее тонкая.

Они поднимались гуськом по винтовой лестнице. Грубо отесанные стены на ощупь были холодными. Они следовали за светом от факелов, а за ними следовали их тени. На третьем повороте они миновали открытую во мрак железную дверь, на пятом еще одну. Давос рассудил, что они уже близятся к выходу из подземелья или даже вышли из него. Следующая дверь, мимо которой они прошли, была деревянная, но они продолжали подниматься по лестнице. В стенах появились бойницы, но солнечные лучи не проникали сквозь них — снаружи стояла ночь.

У Давоса разболелись ноги, но тут сир Акселл открыл наконец тяжелую дверь и сделал ему знак пройти вперед. За дверью начинался сводчатый каменный мост, тянущийся сквозь пустоту к

центральной башне под названием Каменный Барабан. В держащих кровлю арках без устали свистел ветер, и он почувствовал соленый морской запах. Давос глубоко вздохнул, наполнив легкие холодным чистым воздухом. «Море и ветер, придайте мне сил», — молился он. Внизу во дворе горел огромный костер, отгоняя ужасы ночи, и люди королевы вокруг него пели молитвы, обращенные к их новому красному богу.

На середине моста сир Акселл внезапно остановился и дал своим солдатам время уйти далеко вперед.

— Будь моя воля, я сжег бы тебя вместе со своим братцем, — сказал он. — Вы оба изменники.

— Говорите что хотите, но я никогда не предавал короля Станниса.

— Значит, еще предашь. Я вижу это на твоем лице и видел то же самое в пламени. Рглор благословил меня этим даром. Он показывает мне будущее, как леди Мелисандре. Станнис Баратеон взойдет на Железный Трон — я это видел и знаю, что нужно делать. Его милость должен назначить меня своим десницей вместо моего изменника-брата, и ты ему об этом скажешь.

«Вот значит как?» Давос промолчал.

— Королева за меня, — продолжал сир Акселл, — и даже твой старый приятель из Лиса, пират Саан, меня поддерживает. У нас с ним

есть один план, но его милость ничего не предпринимает. Поражение гложет его душу, как черный червь. Мы, те, кто любит его, должны подсказать ему нужный образ действий. Если ты вправду предан его делу так, как говоришь, контрабандист, ты присоединишь свой голос к нашим. Скажи королю, что я тот самый десница, который ему нужен. Скажи, и я позабочусь, чтобы ты получил новый корабль, когда мы отплывем.

«Корабль…» Давос всматривался в лицо своего собеседника. У сира Акселла большие флорентовские уши, как и у королевы. Из них растут жесткие волосы, такие же волосы торчат из ушей и щетинятся под двойным подбородком, нос у него широкий, лоб насуплен, близко посаженные глаза смотрят враждебно. «Он сам сказал, что охотнее наградил бы меня костром, чем дал мне корабль, но если я окажу ему эту услугу…»

— Если же тебе вздумается предать меня, то вспомни, что я был кастеляном Драконьего Камня достаточно долго и здешний гарнизон в моих руках. Сжечь тебя без согласия короля я, быть может, и не смогу — но что, если ты вдруг упадешь? — Сир Акселл положил свою мясистую руку Давосу на затылок и толкнул его к доходящим до пояса перилам моста, а затем, сильно

надавив, заставил перегнуться через перила и посмотреть на раскинувшийся внизу двор. — Ты понял меня?

— Понял. — «И он еще смеет называть меня изменником!»

— Вот и хорошо. — Сир Акселл отпустил его и улыбнулся. — Не будем же заставлять его милость ждать.

Станниса Баратеона они нашли на самой вершине Каменного Барабана, в круглой комнате, именуемой Палатой Расписного Стола. Король стоял у стола, давшего название комнате. Это была массивная плита из дерева, вырезанная и раскрашенная в виде Вестероса времен Эйегона Завоевателя. На жаровне рядом с королем тлели красные угли. Четыре высоких остроконечных окна выходили на все стороны света. За ними виднелось звездное небо. Давос слышал свист ветра и слабый шум моря.

— Ваша милость, с вашего позволения я привел вам Лукового Рыцаря, — сказал сир Акселл.

— Вижу. — Станнис был одет в серый шерстяной камзол и темно-красную мантию. На простом поясе из черной кожи висели меч и кинжал, голову венчала корона червонного золота с зубцами в виде языков пламени. Его вид поразил Давоса.

Станнис казался на десять лет старше того человека, которого Давос видел в Штормовом Пределе перед своим отплытием на Черноводную. Коротко подстриженную бороду пронизывали седые нити, и он потерял около двух стоунов веса. Станнис и прежде не был упитанным, а теперь его кости, казалось, вот-вот прорвут кожу. Даже корона стала ему велика. Голубые глаза прятались в глубоких впадинах, и сквозь кожу лица просвечивал череп.

Но при виде Давоса его губы тронула слабая улыбка.

— Стало быть, море вернуло мне моего рыцаря рыбы и лука.

— Да, ваша милость. — «Знает ли он, что я сидел у него в темнице?» Давос преклонил колено.

— Встань, сир Давос. Мне недоставало тебя. Мне нужен добрый совет, а ты мне никогда в этом не отказывал. Скажи мне, какая кара полагается за измену?

Последнее слово повисло в воздухе. «Жуткое слово», — подумал Давос. Итак, от него требуют, чтобы он вынес приговор своему товарищу по заключению, а быть может, и самому себе? «Короли лучше кого бы то ни было знают, чем карается измена».

— За измену? — тихо повторил Давос.

— Как иначе назвать отречение от своего короля и попытку лишить его законно причитающегося ему трона? Спрашиваю тебя еще раз: какую кару предусматривает закон за измену?

— Смерть, — поневоле ответил Давос. — Измена карается смертью, ваша милость.

— И так было всегда. Я не… я не жестокий человек, сир Давос. Ты меня знаешь, и знаешь давно. Не я принял этот закон. Так было всегда, и при Эйегоне, и до него. Дейемон Черное Пламя, братья Тойн, Король-Стервятник, великий мейстер Гарет… изменников всегда предавали смерти. Даже Рейенира Таргариен, дочь одного короля и мать двух других, умерла позорной смертью за то, что пыталась отнять корону у своего брата. Таков закон, Давос. *Закон*. Жестокость тут ни при чем.

— Да, ваша милость. — Давос понял, что король говорит не о нем, и пожалел о своем товарище, оставшемся во мраке подземелья. Он знал, что лучше промолчать, но он устал, на душе у него было скверно, и Давос неожиданно для себя сказал: — Государь, лорд Флорент не замышлял измены.

— А что, у контрабандистов это называется как-то по-другому? Я сделал его моим десницей,

а он собрался продать мои права за миску гороховой каши. Он даже Ширен вознамерился им отдать. Выдать мое единственное дитя за бастарда, рожденного от кровосмешения. — В голосе короля звучал едва сдерживаемый гнев. — Мой брат имел дар внушать преданность даже своим врагам. В Летнем Замке он выиграл три сражения за один день, а лордов Грандисона и Кафферена привез в Штормовой Предел. Их знамена он вывесил в своем чертоге как трофеи. Белые лани Кафферена были забрызганы кровью, спящий лев Грандисона разорван чуть ли не пополам, но они оба сидели под этими знаменами и пировали с Робертом. Он даже взял их с собой на охоту. «Эти двое собирались доставить тебя к Эйерису для сожжения, — сказал я ему, увидев, как они бросают в цель топоры во дворе. — Напрасно ты даешь им в руки оружие». Роберт только посмеялся. Я бросил бы Грандисона и Кафферена в темницу, а он сделал их своими друзьями. Лорд Кафферен погиб в замке Эшфорд от руки Рендилла Тарли, сражаясь на стороне Роберта. Лорд Грандисон получил рану на Трезубце и умер от нее год спустя. Мой брат внушал любовь, а я, как видно, внушаю только желание изменить мне. Даже родичам. Брат, дед, кузены, дядюшка…

— Ваша милость, — сказал сир Акселл, — молю вас, позвольте мне доказать вам, что не все Флоренты столь малодушны.

— Сир Акселл хочет, чтобы я возобновил военные действия, — сказал король Давосу. — Ланнистеры думают, что со мной покончено, и чуть ли не все мои вассалы отреклись от меня. Даже лорд Эстермонт, мой родной дед с материнской стороны, склонил колено перед Джоффри, и те немногие, кто остался мне верен, теряют мужество. Они проводят свои дни за игрой и выпивкой, зализывая раны, как побитые собаки.

— Война снова зажжет их сердца, ваша милость, — сказал сир Акселл. — Победа — лучшее лекарство от поражения.

— Победа победе рознь, сир, — скривил рот король. — Изложите, однако, свой план сиру Давосу. Я хочу услышать его мнение на этот счет.

Сир Акселл повернулся к Давосу с выражением, которое могло быть на лице у гордого лорда Бельграва, когда король Бейелор Благословенный приказал ему омыть покрытые язвами ноги нищего. Тем не менее ослушаться он не мог.

План, который они составили вместе с Салладором Сааном, был прост. В нескольких часах от Драконьего Камня лежит Коготь-Остров, древ-

няя твердыня дома Селтигаров. Лорд Ардриан Селтигар сражался под огненным сердцем на Черноводной, но, попав в плен, сразу перешел к Джоффри и до сих пор оставался в Королевской Гавани.

— Он слишком боится гнева его милости, чтобы приближаться к Драконьему Камню, — утверждал сир Акселл. — И правильно боится. Этот человек предал своего законного короля.

Сир Акселл предлагал воспользоваться флотом Салладора Саана и уцелевшими после битвы солдатами (у Станниса на Драконьем Камне их осталось около полутора тысяч, и больше половины из них составляли Флоренты), чтобы нагрянуть на остров и покарать лорда Селтигара за его измену. Гарнизон на Коготь-Острове невелик, а замок, по слухам, набит мирийскими коврами, волантинским стеклом, золотой и серебряной посудой и драгоценностями. Есть там еще великолепные охотничьи соколы, топор из валирийской стали, рог, способный вызывать подводных чудовищ, а вин столько, что их и за сто лет не выпить. Селтигар на людях держится как скупец, но себе ни в чем не отказывает.

— Я стою за то, чтобы предать его замок огню, а людей мечу, — завершил сир Акселл. — Коготь-

Остров должен стать пепелищем и послужить уроком тем, кто ложится в постель с Ланнистерами.

Станнис слушал его молча, слегка поскрипывая зубами, а затем сказал:

— Это можно осуществить без особого риска. У Джоффри нет сил на море и не будет, пока лорд Редвин не приведет из Бора свой флот, а взятая на острове добыча на время купит нам верность этого пирата, Саана. Сам по себе Коготь-Остров бесполезен, но его судьба может доказать лорду Тайвину, что дело мое еще не проиграно. Говори правду, сир: что ты думаешь о предложении сира Акселла?

«Говори правду, сир». Давос вспомнил темницу, которую делил с лордом Алестером, вспомнил Угря, Овсянку и то, что обещал ему сир Акселл на ведущем через двор мосту. Похоже, придется выбирать между кораблем или падением с высоты… но Станнис велел ему говорить правду.

— Я бы назвал это безумием, государь… — медленно произнес Давос, — и трусостью.

– *Трусостью?* — чуть ли не в голос вскричал сир Акселл. — Никто не смеет называть меня трусом перед моим королем!

— Помолчите, — приказал ему Станнис. — Го-

вори, сир Давос. Я хочу выслушать твои доводы.

Давос повернулся лицом к сиру Акселлу.

— Вы говорите, мы должны доказать всем, что еще не побеждены. Нанести удар. Возобновить войну… вот только с кем? На Коготь-Острове Ланнистеров нет.

— Там есть предатели… — ответил сир Акселл. — Впрочем, их можно найти и поближе. В этой самой комнате.

Давос пропустил это мимо ушей.

— Меня не удивляет, что лорд Селтигар склонил колено перед Джоффри. Он старый человек и хочет одного: закончить свои дни в собственном замке, попивая тонкие вина из дорогих кубков. Однако он явился на зов вашей милости и привел с собой мечи и корабли. Он был с вами в Штормовом Пределе, когда нам грозил лорд Рент, и его корабли шли с нами вверх по Черноводной. Его люди сражались за вас, убивали за вас, горели заживо ради вас. Да, Коготь-Остров слаб. Там остались только женщины, дети и старики — а почему? Да потому, что их мужья, сыновья и отцы погибли на Черноводной. Погибли на веслах или с мечами в руках, сражаясь под вашими стягами. А сир Акселл предлагает нам разорять их дома, насиловать их вдов и предавать мечу их детей.

Эти простые люди никому не изменяли…

— Нет, *изменяли,* — упорствовал сир Акселл. — Не все люди Селтигара погибли на Черноводной. Несколько сотен попали в плен вместе с ним и тоже перешли на сторону врага.

— Вместе с ним, — повторил Давос. — Они присягнули своему лорду — что им еще оставалось?

— Выбор есть у каждого. Они могли отказаться присягать врагу. Некоторые действительно отказались и поплатились за это жизнью, но остались честными и верными людьми.

— Не все способны на подобную самоотверженность. — Давос сознавал, что это слабый довод. Станнис Баратеон — человек с железной волей, не понимающий и не прощающий слабости в других. «Плохи мои дела», — с отчаянием подумал Луковый Рыцарь.

— Долг каждого человека — хранить верность своему законному королю, даже если его лорд оказался предателем, — заявил Станнис тоном, не допускающим возражений.

Давосом овладела отвага, граничащая с безумием.

— А сами вы остались верны королю Эйерису, когда ваш брат поднял свои знамена? — брякнул он.

После мгновения мертвой тишины сир Акселл вскричал:

– *Измена!* — и выхватил из ножен свой кинжал. — Он смеет высказывать подобную крамолу в лицо вашей милости!

Станнис снова скрипнул зубами, и на лбу у него вздулась синяя жила. Они с Давосом встретились глазами.

— Спрячьте свой кинжал, сир Акселл, и оставьте нас.

— Если вашей милости угодно…

— Мне угодно, чтобы вы удалились. Покиньте

нас и пришлите сюда Мелисандру.

— Слушаюсь. — Сир Акселл спрятал кинжал, поклонился и вышел, сердито стуча сапогами.

— Ты всегда злоупотреблял моим терпением, — заметил король Давосу, когда они остались одни. — Я могу укоротить тебе язык с той же легкостью, как укоротил тебе пальцы.

— Я ваш, государь, и язык мой тоже — поступайте с ним, как вам будет угодно.

— Мне угодно, чтобы он продолжал говорить мне правду, — уже спокойнее сказал Станнис, — хотя она порой бывает горька. *Эйерис!* Знал бы ты, какой тяжелый это был выбор. Родная кровь или сюзерен. Мой брат или мой король. — Он состроил гримасу. — Видел ты когда-нибудь Железный Трон? Шипы, полосы скрученной стали, лезвия мечей, перепутанные и сплавленные вместе? Это сиденье не из удобных, сир. Эйерис ранил себя так часто, что его прозвали Королем Струпьев, а Мейегор Жестокий умер на этом троне — если верить слухам, трон его и убил. На этаком седалище нельзя чувствовать себя спокойно. Я часто спрашиваю себя, почему мои братья так стремились его занять.

— А почему этого хотите вы?

— Вопрос не в том, чего я хочу. Трон принадле-

жит мне как наследнику Роберта. Таков закон. А после меня он перейдет к моей дочери, если Селиса так и не родит мне сына. — Станнис провел пальцами по лакированной, потемневшей от времени поверхности стола. — Хочу я того или нет, я король. На мне лежит долг перед моей дочерью, перед государством и даже перед Робертом. Я знаю, он мало меня любил, и все же он был моим братом. Ланнистерша наставила ему рога и сделала его шутом. Быть может, она и убила его, как убила Джона Аррена и Неда Старка. Подобные преступления нельзя оставлять безнаказанными. Начать следует с Серсеи и ее выродков, но это будет только начало. Я очищу этот двор, как следовало сделать Роберту сразу после Трезубца. Сир Барристан говорил мне, что вся гниль при Эйерисе началась с Вариса. Этого евнуха нельзя было миловать, и Цареубийцу тоже. Роберт по меньшей мере должен был сорвать с Джейме белый плащ и отправить его на Стену, как и предлагал лорд Старк. Но Роберт послушался не его, а Джона Аррена. Я тогда сидел, осажденный, в Штормовом Пределе, и со мной никто не советовался. — Король внезапно впился в Давоса пронзительным взглядом. — А теперь правду: почему ты хотел убить леди Мелисандру?

«Стало быть, он знает». Давос не мог ему лгать.

— Четверо моих сыновей сгорели на Черноводной, и это она отдала их огню.

— Ты несправедлив к ней. Тот огонь — не ее рук дело. Вини Беса, вини пиромантов, вини дурака Флорента, который завел мой флот в ловушку. Вини меня за мои упрямство и гордость, побудившие меня отослать Мелисандру прочь, когда я больше всего в ней нуждался, — но не ее. Она остается верной моей слугой.

— Верным вашим слугой был мейстер Крессен, а она убила его, и сира Кортни Пенроза, и вашего брата Ренли.

— Не выставляй себя дураком, — упрекнул его король. — Да, она видела конец Ренли в пламени, но причастна к его смерти не больше, чем я. В то время она была со мной — спроси своего Девана, если мне не веришь. Она пощадила бы Ренли, если б могла. Это Мелисандра уговорила меня встретиться с ним и дать ему последнюю возможность раскаяться в своей измене. И Мелисандра же попросила меня послать за тобой, когда сир Акселл вознамерился отдать тебя Рглору. Я вижу, тебя это удивляет? — слегка улыбнулся Станнис.

— Да. Она знает, что я не друг ей и ее красному богу.

— Но *мне* ты друг, и она это тоже знает. — Король сделал Давосу знак подойти поближе. — Мальчик болен. Мейстер Пилос ставит ему пиявки.

— Мальчик? — Давос сразу подумал о Деване, королевском оруженосце. — Мой сын?

— Деван? Он славный мальчуган и пошел в тебя. Нет, болен бастард Роберта — мальчик, которого мы взяли в Штормовом Пределе.

«Эдрик Шторм…»

— Я разговаривал с ним в Саду Эйегона.

— Это она устроила. Она и это видела. — Станнис вздохнул. — Мальчик очаровал тебя, верно? Такой у него дар — с отцовской кровью унаследовал. Он знает, что он сын короля, но при этом забывает, что он бастард. И поклоняется Роберту, как Ренли поклонялся в юности. Мой царственный брат, наезжая в Штормовой Предел, разыгрывал любящего отца. Мальчик получал подарки — пони, меч, плащ с меховой оторочкой, — да только делал их евнух, мальчик слал в Красный Замок благодарственные письма, а Роберт смеялся и спрашивал Вариса, что тот подарил на этот раз. Ренли был не лучше. Он предоставил воспитание мальчика кастелянам и мейстерам, и все они пали жертвой обаяния этого отрока. Пенроз предпочел умереть, лишь

бы не выдать его. — Король скрипнул зубами. — Я до сих пор сердит на него за это. Как он мог подумать, что я способен причинить мальчику вред? Я ведь выбрал Роберта, так или нет? В час испытаний я предпочел родную кровь чести.

«Он ни разу не назвал мальчика по имени». От этого Давосу сделалось не по себе.

— Надеюсь, юный Эдрик скоро поправится.

Станнис пренебрежительно махнул рукой.

— Простуда, только и всего. Он кашляет, его лихорадит. Мейстер Пилос скоро поставит его на ноги. Сам по себе этот мальчик, конечно, ничего не значит, но в нем течет кровь моего брата. Она говорит, что в королевской крови заключена большая сила.

Давосу не нужно было спрашивать, кто такая *«она».*

— Взгляни сюда, Луковый Рыцарь. — Король указал на Расписной Стол. — Это моя по праву страна. Мой Вестерос. «Семь Королевств» — неправильное название. Эйегон понимал это еще триста лет назад, стоя на этом самом месте. Эту карту сделали по его приказу. На ней отмечены реки и заливы, холмы и горы, замки, большие и малые города, леса, озера и болота… но границ на ней нет. Это одна страна, и править ею должен

один король.

— Да, — согласился Давос. — Когда король один, в стране царит мир.

— При мне в Вестеросе настанет справедливость — то, в чем сир Акселл смыслит столь же мало, как и в войне. Коготь-Остров ничего мне не дал бы… и это дурное дело, ты верно сказал. Селтигар должен расплатиться за свою измену собственной шкурой — и расплатится, когда я взойду на престол. Каждый тогда пожнет то, что посеял, — от первого лорда до последней уличной крысы. И некоторые лишатся не только пальцев, можешь быть уверен. Из-за них в моем королевстве пролилась кровь, и я этого не забуду. — Король отвернулся от стола. — На колени, Луковый Рыцарь.

— Ваша милость?

— За твои рыбу и лук я сделал тебя рыцарем, теперь я хочу сделать тебя лордом.

«За что?» Давос растерялся.

— Я охотно останусь вашим рыцарем, государь. Лордом я быть не умею.

— Вот и хорошо, что не умеешь. Все лорды лгут — я убедился в этом на собственном опыте. *На колени!* Это приказ твоего короля.

Давос преклонил колени, и Станнис обнажил

свой длинный меч — Светозарный, как нарекла его Мелисандра, красный меч героев, извлеченный из огня, на котором сожгли семерых богов. В комнате стало светлее, когда он вышел из ножен. Сталь переливалась желтым, оранжевым и красным светом, воздух вокруг мерцал. Даже бриллиант померк бы рядом с этом мечом. Но когда Станнис коснулся им плеча Давоса, тот не ощутил никакого жара, словно это был самый обыкновенный меч.

— Сир Давос из дома Сивортов, пребываешь ли ты верным моим вассалом отныне и навеки?

— Да, ваша милость.

— Клянешься ли ты служить мне верно до конца своих дней, давать мне честные советы и беспрекословно повиноваться, защищать мои права и мое государство во всех битвах, великих и малых, хранить мой народ и карать моих врагов?

— Клянусь, ваша милость.

— Встань же, Давос Сиворт, — встань лордом Дождливого Леса, адмиралом Узкого моря и десницей короля.

Давос был слишком ошарашен, чтобы двинуться с места. «Не далее как этим утром я проснулся в темнице».

— Ваша милость, так нельзя… я не гожусь быть десницей.

— Годишься как нельзя лучше. — Станнис спрятал Светозарный в ножны, протянул Давосу руку и помог ему встать.

— Я низкого рода, — напомнил ему Давос. — Выскочка, контрабандист. Никогда ваши лорды не будут мне подчиняться.

— Тогда мы заведем новых лордов.

— Но… я не умею ни читать, ни писать.

— На то у тебя есть мейстер Пилос. Один мой десница уже дописался до плахи — довольно. Я прошу от тебя только то, чем ты и прежде служил мне: честности, верности и послушания.

— Уж верно есть кто-нибудь получше меня… какой-нибудь знатный лорд…

— Кто? — фыркнул Станнис. — Этот мальчишка Бар-Эммон? Мой вероломный дед? Селтигар меня предал, новому Велариону всего шесть лет, новый Сангласс отплыл в Волантис, когда я сжег его брата, — он гневно махнул рукой. — Да, сторонников у меня мало, не скрою. Сир Гилберт Фарринг все еще держит для меня Штормовой Предел с двумя сотнями людей. Есть еще лорд Морриген, Бастард Найтсонгский, молодой Читтеринг, мой кузен Эндрю… но никому из них я не

доверяю так, как тебе, лорд Дождливого Леса. Ты будешь моим десницей, и я хочу, чтобы в битве ты был рядом со мной.

«Еще одна битва станет для нас концом — в этом лорд Алестер прав».

— Ваша милость просили меня советовать честно. Так вот, если говорить честно, у нас недостаточно сил для еще одной битвы с Ланнистерами.

— Его милость говорит о другой битве — о великой, — произнес женский голос с сильным восточным акцентом. На пороге стояла Мелисандра в своих красных шелках, держа закрытое серебряное блюдо. — Эти мелкие войны — всего лишь детские потасовки по сравнению с тем, что нам предстоит. Тот, чье имя нельзя называть, собирает свое войско, и нет предела силе его и злу. Грядет великий холод и ночь, которой нет конца. — Женщина поставила блюдо на Расписной Стол. — Они настанут, если верные люди не найдут в себе мужества сразиться с ними — люди, в чьих сердцах горит огонь.

Станнис устремил взгляд на серебряное блюдо.

— Она показывала мне это, лорд Давос. В пламени.

— Вы вправду это видели? — Станнис Баратеон,

уж конечно, не стал бы лгать в подобных вещах.

— Собственными глазами. После битвы, когда меня снедало отчаяние, леди Мелисандра сказала, чтобы я посмотрел в пламя очага. Тяга была сильная, и хлопья пепла летели вверх. Я смотрел на них, чувствуя себя дураком, но она сказала, чтобы я вгляделся получше, и вот пепел сделался белым и летел уже не вверх, а вниз. Это снег, подумал я. Искры превратились в кольцо факелов, и я понял, что смотрю сквозь огонь на какой-то холм в лесу. Угли стали одетыми в черное людьми, и в снегу зашевелились какие-то фигуры. Несмотря на жар от огня, я ощутил пронизывающий холод, и картина вдруг пропала. Готов поставить на кон свое королевство — то, что я видел, было правдой.

— Королевство уже на кону, — сказала Мелисандра.

Убежденность в голосе короля пронзила Давоса страхом.

— Холм в лесу? Фигуры в снегу? Я не по…

— Это значит, что битва началась, — сказала Мелисандра. — Песок в часах бежит быстро, и время человека на этой земле почти сочтено. Мы должны действовать смело, иначе не останется вовсе никакой надежды. Вестерос должен объеди-

ниться под началом одного, истинного короля, принца, который был обещан, лорда Драконьего Камня, избранника Рглора…

— Рглор сделал странный выбор. — Станнис скривился, словно в рот ему попало что-то скверное. — Почему я, а не мои братья? Ренли со своим персиком. Во сне я вижу, как сок течет у него изо рта, а кровь из горла. Если бы он исполнил свой долг по отношению к брату, мы с ним разбили бы лорда Тайвина. Даже Роберт гордился бы такой победой. Роберт… — Станнис скрежетнул зубами. — Он мне тоже снится. Он смеется, пьет и хвастается. Это у него лучше всего получалось. И драться он тоже умел — я никогда и ни в чем не мог его превзойти. Владыке Света следовало выбрать своим бойцом Роберта. Почему я?

— Потому что вы — праведник, — сказала Мелисандра.

— Хорош праведник. — Станнис дотронулся до крышки серебряного блюда. — С пиявками.

— Да, — ответила Мелисандра. — Но я снова предупреждаю вас: этот способ не годится.

— Ты клялась, что это сработает, — рассердился король.

— Сработает… но не до конца.

— Но все-таки сработает?

— И да, и нет.

— О чем ты говоришь?

— О том и о другом.

— Говори вразумительно, женщина.

— Когда пламя выскажется яснее, выскажусь и я. Пламя показывает правду, но разглядеть ее непросто. — Рубин у нее на шее вбирал в себя огонь жаровни. — Отдайте мне мальчика, ваша милость. Это более верный путь. Самый лучший. Отдайте мне мальчика, и я разбужу каменного дракона.

— Я уже сказал тебе: нет.

— Один незаконнорожденный ребенок против всех мальчиков и девочек Вестероса. Против детей всего света, которым еще предстоит родиться.

— Это невинный мальчик.

— Он осквернил ваше брачное ложе. Если бы не он, у вас были бы свои сыновья. Он вас опозорил.

— Это сделал Роберт. Мальчик тут ни при чем. Моя дочь привязалась к нему, и в нем течет моя кровь.

— Кровь вашего брата. Королевская кровь. Только королевская кровь способна пробудить каменного дракона.

Станнис скрипнул зубами.

— Я не желаю больше слышать об этом. Драконов больше нет. Таргариены с полдюжины раз пытались оживить их и в итоге становились либо дураками, либо трупами. Нам на этой проклятой скале, кроме Пестряка, дураков не надо. У тебя есть пиявки — довольствуйся ими.

— Как будет угодно моему королю. — Мелисандра чопорно склонила голову, достала из левого рукава горсть какого-то порошка и бросила его на жаровню. Над углями заплясало бледное пламя, и женщина, поднеся королю серебряное блюдо, сняла с него крышку. На блюде лежали три большие, черные, напитанные кровью пиявки.

«Кровь мальчика, — понял Давос. — Королевская кровь».

Станнис взял в руку одну из пиявок.

— Назовите имя, — велела ему Мелисандра.

Пиявка извивалась, пытаясь присосаться к пальцам Станниса.

— Узурпатор Джоффри Баратеон, — произнес король и бросил пиявку в огонь. Она скорчилась на углях, как осенний лист, и тут же сгорела.

Станнис взял вторую и произнес чуть погромче:

— Узурпатор Бейлон Грейджой. — Пиявка, упав на жаровню, лопнула, и кровь зашипела на углях,

выбрасывая струйки дыма.

Станнис взял третью. Посмотрев некоторое время, как она извивается между его пальцев, он, наконец, произнес:

— Узурпатор Робб Старк. — И бросил ее в огонь.

Джейме

В бане Харренхолла, полутемной, с низким потолком, клубился пар и стояли большие каменные ванны. Когда туда привели Джейме, Бриенна сидела в одной из них и почти со злостью терла себе руку.

— Полегче, женщина, — сказал Джейме. — Кожу сдерешь. — Она бросила щетку и прикрыла груди своими ручищами, здоровенными, как у Грегора Клигана. Бутончики, которые она так старалась спрятать, казались бы уместнее на хрупкой фигурке девочки-подростка, чем на ее плотном мускулистом теле.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она.

— Лорд Болтон пригласил меня на ужин, но позабыл пригласить моих блох. — Джейме ткнул

левой рукой сопровождавшего его стражника. — Помоги мне снять это вонючее тряпье. — Одной рукой он даже штаны не мог развязать. Стражник, хоть и с неохотой, повиновался. — А теперь оставь нас, — приказал Джейме. — Миледи Тарт не желает, чтобы такие, как ты, глазели на ее титьки. — Он указал своей культей на остролицую женщину, прислуживавшую Бриенне. — Ты тоже подожди снаружи. Дверь тут только одна, а в трубу эта женщина не пролезет.

Привычка повиноваться укоренилась в служанке слишком глубоко, и она последовала за стражником. В здешних ваннах могли мыться сразу шесть или семь человек, по обычаю Вольных городов, поэтому Джейме залез к женщине. Он смотрел теперь двумя глазами, хотя опухоль на правом не совсем еще сошла, несмотря на пиявки Квиберна. Джейме, хотя он и чувствовал себя стодевятилетним старцем, стало намного лучше по сравнению с днем его прибытия в Харренхолл.

Бриенна отшатнулась от него.

— Здесь есть другие ванны.

— Мне и эта подойдет. — Джейме осторожно погрузился до подбородка в горячую воду. — Не бойся, женщина. Ляжки у тебя все в синяках, а

то, что между ними, меня не волнует. — Правую руку он положил на край ванны: Квиберн не велел ему мочить повязку. Мускулы ног блаженно расслабились, зато закружилась голова. — Коли мне станет дурно, вытащи меня. Ни один Ланнистер еще не тонул в ванне, и я не собираюсь быть первым.

— Какое мне дело до того, как ты умрешь?

— Ты давала священную клятву. — Он улыбнулся, видя, как ползет багрянец по ее толстой шее. Она повернулась к нему спиной. — Все еще строишь из себя робкую деву? Ты думаешь, я раньше ничего этого не видел? — Он взял брошенную ею щетку и стал себя тереть. Даже это давалось ему с трудом. «Левая рука ни на что не годна».

Но грязь все-таки сходила с него, судя по тому, как темнела вода. Женщина так и сидела спиной к нему, и он видел, как напряжены мускулы ее широких плеч.

— Не можешь выносить вида моей культи? — спросил он. — Это зрелище должно быть тебе приятно. Ведь я потерял ту самую руку, которой убил короля. Ту самую руку, которой я сбросил с башни маленького Старка. Ту самую руку, которой я ласкал свою сестру между ног. — Джейме сунул обрубок ей в лицо. — Неудивительно, что

Ренли погиб, раз его охраняла ты.

Она вскочила на ноги, как будто он ее ударил, и по ванне прокатилась горячая волна. Пока она вылезала, Джейме успел заметить густую светлую поросль у нее на лобке. У нее там гораздо больше волос, чем у Серсеи. Как бы нелепо это ни было, но он почувствовал, как под водой шевельнулся его член. «Определенно, я пробыл в разлуке с сестрой слишком долго». Джейме отвел глаза, смущенный поведением своего тела, и пробормотал:

— Это было недостойно. Я калека и потому зол. Прости меня, женщина. Ты защищала меня не хуже любого мужчины и даже получше многих.

Она завернулась в полотенце.

— Ты смеешься надо мной?

Это рассердило его заново.

— Неужели ты настолько тупа? Это извинение. Мне надоело с тобой драться. Может, заключим перемирие?

— Перемирия строятся на доверии. Ты хочешь, чтобы я доверилась…

— Цареубийце, о да. Клятвопреступнику, убившему бедного Эйериса Таргариена. — Джейме фыркнул. — Я раскаиваюсь, но не за Эйериса, а за Роберта. «Я слыхал, тебя прозвали Царе-

убийцей, — сказал он мне на пиру в честь своей коронации. — Смотри, чтобы это не вошло у тебя в привычку». И засмеялся. Почему Роберта никто не называет клятвопреступником? Он разодрал страну на части, а дерьмо вместо чести почему-то у меня.

— Роберт все это сделал ради любви. — По ногам Бриенны стекала вода, образуя лужицу на полу.

— Роберт все это сделал ради гордыни, похоти и смазливого личика. — Джейме сжал бы кулак, будь у него рука. Боль прострелила его до плеча, жестокая, как смех.

— Он начал войну, чтобы спасти государство, — настаивала Бриенна.

«Чтобы спасти государство…»

— Ты знаешь, что мой брат поджег реку? Дикий огонь горит и на воде. Эйерис купался бы в нем, если б у него достало смелости. Все Таргариены были помешаны на огне. — У Джейме кружилась голова. «Это все духота, яд в крови и остатки лихорадки. Я сам не свой». Опустившись еще глубже в воду, он сказал: — Я замарал свой белый плащ. В тот день я был в своих золотых доспехах, но…

— В золотых доспехах? — донесся, как будто издалека, ее голос.

Он плавал в горячей памяти.

— Когда пляшущие грифоны проиграли Колокольную битву, Эйерис отправил десницу в изгнание. — «Зачем я все рассказываю этой безобразной девчонке?» — Он убедился наконец, что Роберт не какой-нибудь разбойничий атаман, которого можно раздавить одним пальцем, а самая большая угроза, с которой сталкивался дом Таргариенов со времен Дейемона Черное Пламя. Король без церемоний напомнил Ливену Мартеллу, что Элия находится в его, Эйериса, руках, и отправил его во главе десяти тысяч дорнийцев по Королевскому тракту. Джон Дарри и Барристан Селми отправились в Каменную Септу собирать остатки разбитого войска лорда грифонов. Принц Рейегар, вернувшись с юга, убедил своего отца спрятать гордость в карман и призвать на помощь моего отца. Но ни один ворон, посланный в Утес Кастерли, обратно не прилетел, и король перепугался еще сильнее. Ему повсюду виделись изменники, а Варис усердно указывал ему на тех, кого он пропустил. Поэтому его милость приказал своим алхимикам устроить тайные хранилища дикого огня по всей Королевской Гавани. Под септой Бейелора, в трущобах Блошиного Конца, под конюшнями и кладовыми, у всех семи ворот и даже в подвалах самого Красного Замка.

Все это совершалось в строжайшей тайне кучкой мастеров-пиромантов. Они не доверяли никому, даже собственным ученикам. Королева давно уже ничего не видела, принц Рейегар был занят тем, что сколачивал армию. Однако новый королевский десница, лорд палицы и кинжала, был не совсем глуп и, видя, что Россарт, Белис и Гаригус день и ночь занимаются какой-то кипучей деятельностью, начал что-то подозревать. Челстед, вот как его звали — лорд Челстед. Я всегда считал его трусом, но однажды он внезапно обрел мужество и явился к Эйерису. Он сделал все, чтобы отговорить короля: убеждал, шутил, грозил и в конце концов стал умолять. Видя, что потерпел неудачу, он сорвал с себя цепь десницы и швырнул на пол. За это Эйерис сжег его заживо, а цепь повесил на шею Россарту, своему любимому пироманту — тому самому, который поджарил лорда Рикарда Старка в собственных доспехах. А я все это время стоял у подножия Железного Трона в своих белых латах, недвижный как мертвец, охраняя своего сюзерена и его очаровательные тайны.

Видишь ли, все мои названые братья разъехались, но меня Эйерис не отпускал от себя. Я был сыном своего отца, и король не доверял мне.

Он желал, чтобы я днем и ночью находился под надзором Вариса. Поэтому я слышал все. — Джейме помнил, как блестели глаза Россарта, когда тот разворачивал свои планы, показывая, где будет спрятана «субстанция». Гаригус и Белис хлопотали не меньше него. — Рейегар встретился с Робертом на Трезубце, и тебе известно, что там произошло. Когда весть об этом достигла двора, Эйерис отправил королеву с принцем Визерисом на Драконий Камень. Принцесса Элия тоже уехала бы, но он ее не пустил. Ему почему-то взбрело в голову, что принц Ливен предал Рейегара на Трезубце, и он надеялся обеспечить верность Дорна, удерживая Элию и Эйегона при себе. «Изменники хотят заполучить мой город, — сказал он при мне Россарту, — но им не достанется ничего, кроме пепла. Пусть Роберт царствует над кучей костей и горелого мяса». Таргариены не хоронили своих покойников, а сжигали, и Эйерис собирался устроить такой погребальный костер, какого свет еще не видел. Хотя я, по правде сказать, не верил, что он в самом деле готовился к смерти. Эйерис, как некогда Эйерион Огненный, думал, что огонь преобразит его в дракона и он, возродившись, обратит своих врагов в пепел.

Нед Старк ускоренным порядком двигался на

юг с авангардом Роберта, но войско моего отца подошло к городу первым. Пицель внушил королю, что Хранитель Запада пришел защитить его, и Эйерис открыл ворота. Это был именно тот случай, когда ему следовало послушать Вариса, но он не послушал. Отец до сих пор держался в стороне от войны — несмотря на все зло, которое причинил ему Эйерис, он полагал, что дом Ланнистеров должен быть на стороне победителя. Трезубец побудил его к действию.

Оборонять Красный Замок выпало мне, но я знал, что дело наше проиграно. Я послал к Эйерису, прося его разрешения договориться с противником о мире. «Если ты не изменник, принеси мне голову своего отца», — ответил Эйерис. Мой гонец сказал, что при короле находится лорд Россарт, и я понял, что это значит.

Когда я разыскал Россарта, он, одетый простым латником, спешил к боковой калитке. Сперва я убил его, потом Эйериса, пока тот не послал к пиромантам еще кого-нибудь. В последующие дни я выследил и поубивал остальных мастеров. Белис предлагал мне золото, Гаригус, рыдая, молил о милосердии. Что ж, меч милосерднее огня, но не думаю, что Гаригус оценил милость, которую я ему оказал.

Вода остыла. Открыв глаза, Джейме увидел перед собой обрубок своей правой руки. «Та самая рука, которая сделала меня Цареубийцей. — Козел лишил его разом и славы, и позора. — И что мне осталось? Кто я теперь?»

Женщина смотрелась нелепо, укутав свои мелкие титьки в полотенце, из-под которого торчали толстые белые ноги.

— Мой рассказ лишил тебя дара речи? Сделай хоть что-нибудь. Обругай меня, поцелуй или назови лжецом.

— Если это правда, почему об этом никто не знает?

— Рыцари Королевской Гвардии дают клятву хранить секреты короля. По-твоему, нужно было ее нарушить? — засмеялся Джейме. — Думаешь, благородный лорд Винтерфелла стал бы слушать мои оправдания? Он ведь человек чести. Ему хватило одного взгляда, чтобы признать меня виновным. — Джейме встал в ванне. — Есть ли у волка право судить льва? Кто дал ему такое право? — Джейме передернуло, и он, вылезая из ванны, ударился культей о ее край.

Все вокруг закружилось, но Бриенна подхватила его, не дав упасть. Ее руки покрылись мурашками, но они были сильные и гораздо неж-

нее, чем он мог подумать. «Нежнее, чем у Серсеи». Ноги вихлялись, словно дряблый член. Бриенна помогла ему выйти из ванны и крикнула:

– *Стража, сюда!* Цареубийца!

«Джейме, — успел подумать он, — меня зовут Джейме».

Очнулся он на мокром полу, а над ним с озабоченными лицами толпились стражники, женщина и Квиберн. Бриенна была голая, но, как видно, забыла об этом.

— Это от горячей ванны, — говорил мейстер Квиберн. «Нет, он не мейстер — ведь цепь у него отобрали». — Притом его кровь еще не совсем очистилась от яда, и он истощен. Чем его кормили последнее время?

— Червями, дерьмом и блевотиной, — ответил Джейме.

— Сухарями, водой и овсянкой, — возразил стражник. — Только он почти ничего не ел. Что нам с ним делать?

— Вымойте его, оденьте и отнесите в Королевский Костер, если сам идти не сможет. Он нынче ужинает с лордом Болтоном, и время почти на исходе.

— Принесите мне чистую одежду, и я сама им займусь, — сказала Бриенна.

Стражники охотно предоставили ей заботу о Джейме. Его посадили на каменную скамью у стены. Бриенна снова завернулась в полотенце и жесткой щеткой отмыла его дочиста. Один из стражников дал ей бритву, чтобы подровнять Джейме бороду. Квиберн принес холщовые подштанники, чистые бриджи из черной шерсти, просторную зеленую рубаху и кожаный камзол со шнуровкой на груди. Джейме к тому времени полегчало, и он с помощью женщины надел это на себя.

— Теперь бы еще в зеркало посмотреться.

Кровавый Мейстер и Бриенне принес одежду — полотняную сорочку и порядком запачканное платье из розового атласа.

— Простите, миледи, но мы больше ничего не нашли по вашей мерке.

Платье, как сразу стало ясно, шилось на женщину, у которой руки были тоньше, ноги короче, а грудь намного полнее. Тонкое мирийское кружево не могло скрыть синяков на теле Бриенны. Вид у женщины в этом наряде был откровенно нелепый. «Плечи у нее шире, чем у меня, и шея толще — неудивительно, что она предпочитает носить кольчугу», — подумал он. Розовое ей тоже не очень-то шло. В голову Джейме пришло

с полдюжины ехидных шуточек, но он в кои-то веки оставил их при себе. Лучше ее не злить: однорукий он с ней не сладит.

Разжалованный мейстер подал Джейме какую-то фляжку, и он спросил:

— Что здесь?

— Уксусная настойка лакрицы с медом и гвоздикой. Она придаст вам сил и освежит голову.

— Принеси мне снадобье, от которого руки отрастают — другого мне не надо.

— Пей, — без улыбки сказала Бриенна, и он выпил.

Полчаса спустя он почувствовал себя достаточно крепким, чтобы встать. Свежий воздух после банной парной сырости сразу взбодрил его.

— Милорд, должно быть, уже ждет их, — сказал стражник Квиберну. — Может, его отнести?

— Ничего, я сам дойду. Дай мне руку, Бриенна.

Держась за нее, Джейме перешел через двор к огромному, полному сквозняков чертогу — больше тронного зала Королевской Гавани. Вдоль стен тянулись бесчисленные очаги шириной футов с десять, но огня в них не было, и холод пробирал до костей. Дюжина копейщиков в меховых плащах охраняли дверь и лестницу, ведущую на две верхние галереи. В середине этого пустого про-

странства, за козельным столом, окруженным необозримым полем гладкого грифельного пола, сидел лорд Дредфорта. Всю прислугу составлял один его паж.

— Милорд, — произнесла Бриенна, когда они предстали перед ним.

Русе Болтон, с глазами светлее камня, но темнее молока, прошелестел паучьи-тихим голосом:

— Я рад, что вы окрепли достаточно, чтобы посетить меня, сир. Прошу вас, миледи, присядьте. — Он обвел рукой стол, где стояли сыры, хлеб, холодное мясо и фрукты. — Что будете пить — красное или белое? Боюсь, похвалиться мне нечем. Сир Амори осушил погреба леди Уэнт почти полностью.

— Надеюсь, он поплатился за это жизнью. — Джейме быстро уселся на предложенное ему место, чтобы Болтон не заметил, как он слаб. — Белое — это для Старков. Я буду пить красное, как подобает Ланнистеру.

— Я попрошу воды, — сказала Бриенна.

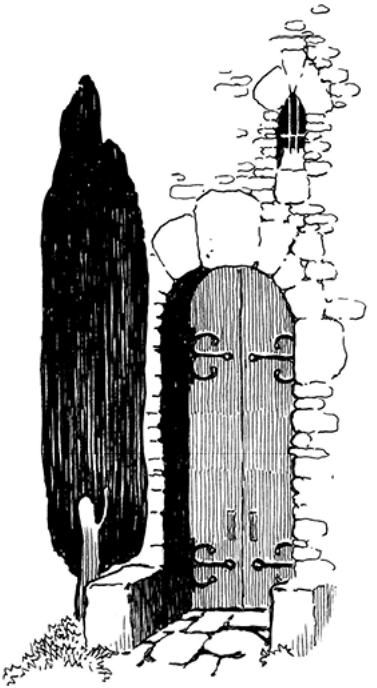
— Элмар, красного сиру Джейме, воды леди Бриенне и вина с пряностями мне. — Болтон махнул рукой, отпуская стражников, и те удалились.

Джейме по привычке потянулся к вину правой рукой. Культя опрокинула кубок, забрызгав чи-

стую льняную повязку ярко-красными каплями. Джейме едва успел подхватить кубок левой рукой, но Болтон сделал вид, будто не замечает его неуклюжести. Северянин взял сливу и стал есть ее, откусывая понемногу.

— Отведайте их, сир Джейме. Очень сладкие и способствуют пищеварению. Лорд Варго взял их из гостиницы, которую потом сжег.

— Пищеварение у меня отменное, козел никакой не лорд, и ваши сливы занимают меня куда меньше, чем ваши намерения.



— Относительно вас? — Губы Болтона тронула слабая улыбка. — Вы опасный трофей, сир. Вы сеете раздор всюду, где бы ни появились. Даже здесь, в моих счастливых Харренхоллских чертогах. — Его голос звучал чуть-чуть громче шепота. — Как видно, то же самое произошло и в Ривеpране. Вы

знаете, что Эдмар Талли обещал тысячу золотых драконов тому, кто вас вернет?

«Только-то?»

— Моя сестра заплатит вдесятеро больше.

— Неужели? — Улыбка снова мелькнула на лице Болтона и пропала. — Десять тысяч драконов — сумма баснословная. Надо, конечно, принять в расчет и лорда Карстарка — он обещал за вашу голову руку своей дочери.

— Похоже, ваш козел все перепутал, — сказал Джейме.

Болтон издал тихий смешок.

— Известно ли вам, что Харрион Карстарк находился здесь в плену, когда мы взяли замок? Я отдал ему всех людей Кархолда, которые еще оставались при мне, и отправил его с Гловером. Надеюсь, у Синего Дола с ним ничего худого не случилось… иначе из всего потомства лорда Рикарда останется только Алис Карстарк. — Болтон выбрал себе еще одну сливу. — К счастью для вас, мне жена не требуется. Я женился на леди Уолде Фрей во время своего пребывания в Близнецах.

— На Уолде Прекрасной? — Джейме, придерживая культей ковригу хлеба, пытался левой рукой отломить от нее кусок.

— На Уолде Толстой. Милорд Фрей предложил в

приданое за невесту столько серебра, сколько она весит, и это решило мой выбор. Элмар, отломи хлеба сиру Джейме.

Мальчик оторвал кусок с кулак величиной. Бриенна, тоже отломив себе, спросила:

— Правда ли, милорд, что вы собираетесь отдать Харренхолл Варго Хоуту?

— Такова цена, которую он запросил. Ланнистеры не единственные, кто платит свои долги. Мне в любом случае придется скоро уехать. Эдмар Талли женится в Близнецах на леди Рослин, и мой король приказал мне присутствовать на свадьбе.

– *Эдмар?* — удивился Джейме. — Не Робб Старк?

— Его милость король Робб уже вступил в брак. — Болтон положил на стол сливовую косточку. — С девицей Вестерлинг из Скалы по имени Жиенна. Вы должны знать ее, сир, ведь ее отец — знаменосец вашего.

— У моего отца много знаменосцев, и почти у всех из них есть дочери. — Джейме взял кубок левой рукой, стараясь припомнить эту Жиенну. Вестерлинги — древний род, но гордости у них больше, чем власти.

— Не может быть, — воскликнула Бриенна. — Король Робб дал слово жениться на девице из

дома Фреев. Он никогда не нарушил бы своей клятвы, он…

— Его милости всего шестнадцать лет, — мягко заметил Болтон, — и будьте любезны, не подвергайте сомнению мои слова, миледи.

Джейме стало почти что жаль Робба Старка. «Он выигрывает войну на ратном поле и проигрывает в спальне, дурачок».

— Как отнесся лорд Уолдер к тому, что ему подсунули форель вместо волка? — спросил он.

— Форель — недурное блюдо, но мой бедный Элмар, — Болтон указал бледным пальцем на своего пажа, — очень расстроен. Его собирались женить на Арье Старк, но моему доброму тестю Фрею пришлось расторгнуть эту помолвку, когда король Робб его предал.

— Об Арье что-нибудь слышно? — Бриенна подалась вперед. — Леди Кейтилин боится, что… жива ли она?

— Без сомнения, — заверил лорд Дредфорта.

— Вы знаете это наверняка, милорд?

— Арья Старк пропала на некоторое время, это верно, — пожал плечами Болтон, — но теперь она нашлась, и я позабочусь о том, чтобы ее возвратили на Север.

— И ее сестру тоже, — сказала Бриенна. — Ти-

рион Ланнистер обещал вернуть обеих девочек в обмен на своего брата.

Болтона это явно позабавило.

— Разве вам никто не говорил, миледи, что Ланнистерам свойственно лгать?

— Вы оскорбляете честь моего дома? — Джейме взял левой рукой нож для сыра. — Хоть нож тупой и закругленный, но в глаз его воткнуть можно. — На лбу у Джейме выступил пот, и ему хотелось надеяться, что он выглядит не таким слабым, как себя чувствует.

Губы Болтона снова посетила мимолетная улыбка.

— Смелые речи для человека, который даже хлеб без чужой помощи разломить не может. Напоминаю — здесь повсюду стража.

— Повсюду, но в полулиге от нас. Пока они сюда доберутся, вы будете мертвым, как Эйерис.

— Вряд ли это по-рыцарски — угрожать хозяину дома над его же сыром и оливками. У нас на Севере законы гостеприимства по-прежнему священны.

— Я здесь пленник, а не гость, и ваш козел отрубил мне руку. Если вы полагаете, что пара слив заставит меня забыть об этом, то вы сильно заблуждаетесь.

Болтона это покоробило.

— Очень может быть. Возможно, мне следует преподнести вас Эдмару Талли в качестве свадебного подарка… или отрубить вам голову, как поступила ваша сестра с Эддардом Старком.

— Я бы вам не советовал. У Утеса Кастерли долгая память.

— Между моими стенами и вашей скалой лежит тысяча лиг — горы, моря и болота. Враждебность Ланнистеров для Болтона мало что значит.

— Зато дружба с Ланнистерами может значить очень много. — Джейме, кажется, понял, какую игру они ведут. «Но понимает ли это женщина?» Он не осмеливался взглянуть на нее.

— Я не уверен, что вы те друзья, которые нужны умному человеку. Элмар, отрежь мяса нашим гостям.

Бриенне подали первой, но она не спешила приступить к еде.

— Милорд, сира Джейме следует обменять на дочерей леди Кейтилин. Освободите нас, чтобы мы могли продолжать свой путь.

— В письме, которое ворон принес из Риверрана, говорится о бегстве, а не о законном обмене. И если вы помогли этому узнику бежать, то вы повинны в измене, миледи.

Женщина поднялась из-за стола.

— Я служу леди Старк.

— А я — Королю Севера. Или Королю, Потерявшему Север, как его стали теперь называть. А он никогда не желал возвращать сира Джейме Ланнистерам.

— Сядь и поешь, Бриенна, — сказал Джейме. Элмар и перед ним поставил ломоть сочного мяса с кровью. — Если бы Болтон хотел умертвить нас, он не стал бы потчевать нас своими сливами — зачем же тратить впустую столь полезные для пищеварения плоды. — Глядя на мясо, он понимал, что одной рукой нипочем его не нарежет. «Теперь я стою меньше, чем девчонка. Козел сделал обмен честным, хотя леди Кейтилин вряд ли поблагодарит его, когда Серсея вернет ей дочурок в таком же виде. — При этой мысли он скорчил гримасу. — Бьюсь об заклад, вину за это повесят опять-таки на меня».

Болтон резал свое мясо аккуратно, размазывая кровь по тарелке.

— Леди Бриенна, вы согласитесь сесть, если я скажу вам, что хочу поступить с сиром Джейме в точности так, как желали вы с леди Старк?

— Значит, вы… отпустите нас? — Женщина произнесла это недоверчиво, однако села. — Это

очень хорошо, милорд.

— Не спорю, но лорд Варго несколько… затруднил для меня это дело. — Болтон перевел свои бледные глаза на Джейме. — Вы знаете, почему Хоут отрубил вам руку?

— Потому что ему нравится это делать. — Повязка Джейме окрасилась вином и кровью. — Он и ноги тоже рубит. Мне думается, причина ему для этого не нужна.

— Тем не менее она у него есть. Хоут хитрее, чем кажется. Никто не может командовать долго такой шайкой, как Бравые Ребята, не имея некоторой смекалки. — Болтон подцепил кинжалом кусочек мяса, положил в рот и стал жевать. — Лорд Варго изменил Ланнистерам потому, что я предложил ему Харренхолл — награду в тысячу раз больше той, которую он мог надеяться получить от лорда Тайвина. Он в Вестеросе чужой и не знает, что эта награда содержит в себе яд.

— Проклятие Харрена Черного? — усмехнулся Джейме.

— Проклятие Тайвина Ланнистера. — Болтон подставил Элмару кубок, и паж молча наполнил его. — Нашему козлу следовало бы посоветоваться с Тарбеками или Рейнами. Они рассказали бы ему, как ваш лорд-отец расправляется с преда-

телями.

— Тарбеков и Рейнов больше нет.

— В том-то и суть. Лорд Варго, без сомнения, надеялся, что лорд Станнис одержит верх в Королевской Гавани и утвердит его во владении этим замком в благодарность за участие в низвержении дома Ланнистеров. Боюсь, что он и о Станнисе Баратеоне мало что знает, — с сухим смешком молвил Болтон. — Станнис, быть может, и отдал бы ему Харренхолл в награду за службу… но присовокупил бы к этому петлю за его злодеяния.

— Петля — это милосердие по сравнению с тем, что он получит от моего отца.

— Теперь он, очевидно, пришел к такому же выводу. Станнис разбит, Ренли мертв, и только победа Старка может спасти его от возмездия лорда Тайвина, но вероятность этого стремительно тает.

— Король Робб выигрывал все сражения, в которые вступал, — упорствовала Бриенна, непоколебимо верная и на словах, и на деле.

— Теряя при этом Фреев, Карстарков, Винтерфелл и, наконец, весь Север. Жаль, что наш волк так молод. Шестнадцатилетние юноши думают, что они бессмертны и непобедимы. Человек

постарше, полагаю, на его месте уже склонил бы колено. После войны всегда наступает мир, а мир сопровождается помилованием… но Старков могут помиловать, а Хоутов нет. Обе стороны использовали его почем зря, но ни одна даже слезинки не прольет, когда его не станет. Бравые Ребята, можно сказать, пали в битве на Черноводной, хотя и не участвовали в ней.

— Вы уж простите, но я о них скорбеть не стану.

— Вам не жаль нашего несчастного обреченного козлика? А вот боги, должно быть, сжалились над ним, иначе они не позволили бы вам попасть к нему в руки. — Болтон прожевал и проглотил еще кусочек мяса. — Кархолд меньше и беднее Харренхолла, зато львиным когтям до него не достать. Женившись на Алис Карстарк, Хоут мог бы стать настоящим лордом. Если он получит сколько-нибудь золота от вашего отца, он окажется в еще большем выигрыше, но сколько бы ему не заплатил лорд Тайвин, он все равно отдаст вас лорду Рикарду. В награду он получит невесту и безопасное убежище.

Но чтобы продать вас, он должен был вас сохранить, а на речных землях это теперь задача не из легких. Гловер и Толхарт потерпели поражение

при Синем Доле, но остатки их войска все еще бродят в этих краях, и Гора добивает отставших. К югу и востоку от Риверрана рыщет около тысячи людей Карстарка, выслеживая вас. Добавьте к ним людей Дарри, оставшихся без лорда и без закона, стаи настоящих, четвероногих волков и разбойничьи шайки лорда-молнии. Дондаррион охотно повесил бы вас с козлом на одном дереве. — Болтон подобрал кровяную подливку кусочком хлеба. — Харренхолл — единственное место, где лорд Варго может сберечь вас, но здесь моих людей и Фреев сира Эйениса намного больше, чем его Бравых Ребят. Он, безусловно, опасался, что я верну вас сиру Эдмару в Риверран… или, хуже того, отошлю вас к вашему отцу.

Искалечив вас, он отвел от себя угрозу вашего меча, запасся зловещей посылкой для вашего отца и понизил вашу ценность в моих глазах. Он мой человек, а я человек короля Робба, поэтому лорд Тайвин может приписать его преступление мне. Вот в этом и состоит мое затруднение. — Он выжидающе уставился на Джейме бледными, холодными, немигающими глазами.

«Все ясно».

— Вы хотите, чтобы я очистил вас от вины. Сказал отцу, что этот обрубок — не ваших рук

дело. — Джейме засмеялся. — Отправьте меня к Серсее, милорд, и я пропою сладкозвучную песню о том, как хорошо вы со мной обращались. — Он понимал, что в случае любого другого ответа Болтон отдаст его козлу. — Будь у меня рука, я изложил бы то же самое письменно. Как меня искалечил наемник, которого сам же отец привез в Вестерос, и как благородный лорд Болтон меня спас.

— Полагаюсь на ваше слово, сир.

«Нечасто мне доводится такое слышать».

— Как скоро нам разрешат уехать? И как вы намерены уберечь меня от всех этих волков, разбойников и людей Карстарка?

— Вы уедете, как только Квиберн сочтет вас достаточно окрепшим, с сильным эскортом отборных солдат под командованием моего капитана, Уолтона Железные Икры. Это человек поистине железный, и он благополучно доставит вас в Королевскую Гавань.

— Дочерей леди Кейтилин тоже нужно доставить домой в целости и сохранности, — вмешалась женщина. — Мы охотно примем помощь вашего Уолтона, милорд, но за девочек отвечаю я.

Болтон бросил на нее безразличный взгляд.

— Девочки — больше не ваша забота, миледи. Леди Санса теперь замужем за карликом, и одни только боги могут разлучить их.

— Замужем? — опешила Бриенна. — За Бесом? Но ведь он клялся перед всем своим двором, перед лицом богов и людей…

«До чего же она наивна. — Джейме, по правде сказать, был удивлен не меньше ее, но лучше скрывал это. — Санса Старк… Должно быть у Тириона сейчас улыбка с лица не сходит». Джейме помнил, как счастлив был брат со своей крестьяночкой… целых две недели.

— Вряд ли клятвы Беса что-то значат теперь, — сказал Болтон. — Во всяком случае, для вас. — На лице женщины отразилась тревога — видимо, она почувствовала наконец, как защелкнулись стальные челюсти капкана. Болтон подозвал к себе стражников. — Сир Джейме продолжит свой путь в Королевскую Гавань, но о вас, как вы могли заметить, речи не было. Я поступил бы бессовестно, лишив лорда Варго обоих его трофеев. — Болтон взял с блюда еще одну сливу. — На вашем месте, миледи, я перестал бы беспокоиться о Старках и подумал бы о сапфирах.

Тирион

Позади нетерпеливо заржал конь одного из золотых плащей, выстроившихся поперек дороги. Слышно было также, как кашляет лорд Джайлс. Тирион не хотел брать ни его, ни сира Аддама, ни Джалабхара Ксо и всех прочих, но его лорд-отец подумал, что Доран Мартелл может обидеться, если встречать его на том берегу Черноводной вышлют одного только карлика.

Джоффри следовало бы встретить дорнийцев самому, но он, чего доброго, мог бы все испортить. За последнее время король понабрался у латников Мейса Тирелла много всяких шуточек, касающихся дорнийцев. «Сколько нужно дорнийцев, чтобы подковать лошадь? Девять. Один кует, а восемь держат лошадь на руках».

Тирион сомневался, что Доран Мартелл сочтет это забавным.

Он уже видел знамена гостей, которые выезжали из зеленого леса длинной и пыльной колонной. С этого места до самой реки зелени больше нет — лес после битвы стоит черный, обугленный. «Что-то этих знамен слишком много, — угрюмо подумал Тирион, глядя, как летит пепел из-под конских копыт. Вот так же он клубился, должно быть, когда авангард Тирелла ударил Станнису во фланг. — Судя по всему, Мартелл ведет с собой половину дорнийских лордов». Тирион попытался найти в этом хорошую сторону, но у него ничего не вышло.

— Сколько знамен ты насчитал? — спросил он у Бронна.

— Восемь… нет, девять, — заслонив рукой глаза, ответил наемник.

Тирион повернулся в седле.

— Иди-ка сюда, Под. Называй мне эмблемы, которые ты видишь, и говори, какие дома они представляют.

Подрик Пейн тронул своего мерина вперед. Он держал королевский штандарт, оленя в паре со львом, и ему было тяжело. Бронн вез личное знамя Тириона, золотого ланнистерского льва на

красном поле.

«А он растет, — сказал себе Тирион, когда Под привстал на стременах, чтобы лучше видеть. — Скоро будет возвышаться надо мной, как все остальные». По приказанию Тириона мальчик заучил дорнийскую геральдику наизусть, но теперь, как всегда, оробел.

— Я ничего не вижу. Они развеваются на ветру.

— Бронн, говори парню, что видишь ты.

Бронн выглядел настоящим рыцарем в новом дублете и плаще, с пылающей цепью через грудь.

— Красное солнце на оранжевом поле, проткну-

тое копьем, — доложил он.

— Мартеллы, — с явным облегчением отрапортовал Подрик Пейн. — Дом Мартеллов из Солнечного Копья, милорд. Принц Дорнийский.

— Это даже моему коню известно, — сухо молвил Тирион. — Давай дальше, Бронн.

— Вижу пурпурный флаг с какими-то желтыми шарами.

— С лимонами? — подсказал Под. — Пурпурное поле, усеянное лимонами? Это, должно быть, дом Дальтов. Из… из Лимонной Рощи.

— Вероятно. Есть еще большая черная птица на желтом, а в когтях у нее что-то не то белое, не то розовое — с этим ветром не разберешь.

— Стервятник с младенцем в когтях. Дом Блэкмонтов из Блэкмонта, сир.

— Ишь начитался, — засмеялся Бронн. — Книги портят глазомер, парень. Череп на черном поле.

— Коронованный череп дома Манвуди, кость и золото на черном. — Под обретал уверенность с каждым правильным ответом. — Манвуди из Королевской Гробницы.

— Три черных паука.

— Это скорпионы, сир. Дом Кворгилов из Песчаника, три черных скорпиона на красном.

— Красно-желтое знамя с зубчатой линией

посередине.

— Пламя Адова Холма. Дом Уллеров.

«Этот парень совсем не так глуп, когда у него язык развязывается», — признал Тирион.

— Продолжай, Под. Если назовешь всех, я тебе кое-что подарю.

— Красные с чернью ломти пирога с золотой рукой посередке, — сказал Бронн.

— Дом Аллирионов из Дара Богов.

— Что-то вроде красной курицы, клюющей змею.

— Гаргалены с Соленого Берега. Это не курица. Прошу прощения. Сир. Это василиск. Красный, с черной змеей в клюве.

— Отлично! — воскликнул Тирион. — Дальше.

Бронн вгляделся в ряды дорнийцев.

— Осталось последнее: золотое перо на поле из зеленых клеток.

— Джордейны из Тора, сир.

— Итого девять! Молодец, — засмеялся Тирион. — Я бы и сам всех не назвал. — Тут он покривил душой, но мальчику нужно было дать повод для гордости — тот очень в этом нуждался.

«Мартелл собрал себе внушительную свиту». Ни один из домов, названных Подом, нельзя счесть мелким или незначительным. Девять

знатнейших лордов Дорна или их наследники едут по Королевскому тракту, и вряд ли они проделали весь этот путь, чтобы поглядеть на пляшущего медведя. В этом заключалось определенное послание. «И мне не нравится его смысл». Быть может, он совершил ошибку, отправив Мирцеллу в Солнечное Копье.

— Милорд, — застенчиво заметил Под, — а носилок-то нет.

Тирион повернул голову к кавалькаде дорнийцев. Мальчик был прав.

— Доран Мартелл всегда путешествует в носилках, — продолжал Под. — В резном паланкине с шелковыми занавесками с солнцами на них.

Тирион тоже это слышал. Принцу Дорану за пятьдесят, и он страдает подагрой. «Быть может, он пожелал ехать побыстрее. Или счел свои носилки слишком приметной мишенью для разбойников. Или они показались ему слишком громоздкими для перевалов Костяного Пути. Или подагра его отпустила».

Отчего же у него, Тириона, столь дурное предчувствие по этому поводу?

Ожидание становилось невыносимым.

— Знамена вперед, — гаркнул он. — Поедем им навстречу. — Он пришпорил коня. Бронн

и Под скакали по обе стороны от него. Дорнийцы, видя их приближение, тоже прибавили ходу. На их нарядных седлах висели излюбленные ими круглые металлические щиты, и многие везли с собой связки коротких метательных копий или дорнийские луки с двойным изгибом, которые хорошо бьют на скаку.

Король Дейерон Первый заметил, что дорнийцы бывают трех родов: соленые, живущие на побережье, песчаные, обитатели пустыни и длинных речных долин, и каменные, гнездящиеся на перевалах и вершинах Красных гор. Ройнарской крови больше всего в соленых дорнийцах и меньше всего в каменных.

В свите Дорана были представлены все три рода. Соленые дорнийцы, худощавые, с гладкой оливковой кожей и длинными черными волосами, вьющимися по ветру. Песчаные дорнийцы, еще смуглее, обожженные жарким дорнийским солнцем, с длинными яркими шарфами на шлемах, оберегающими от солнечного удара. И, наконец, каменные, самые крупные и светлые, потомки андалов и Первых Людей, каштановые или белокурые. Они от солнца не смуглеют, а делаются красными или покрываются веснушками.

На лордах были богатые одежды из шелка и атласа с широкими рукавами и дорогими камнями на поясах. Покрытые эмалью доспехи сверкали начищенной медью, серебром и мягким червонным золотом. Они ехали на рыжих, золотистых или белых как снег конях, поджарых и быстрых, с длинными шеями и красивыми узкими головами. Прославленные песчаные скакуны Дорна мельче обычных боевых коней и не могут нести столько металла, как они, зато, как говорят, способны бежать без устали около полутора суток.

Предводитель дорнийцев скакал на черном, как сам грех, жеребце с огненными хвостом и гривой. Высокий, гибкий и грациозный, он держался в седле так, словно родился в нем. На его плечах развевался бледно-красный плащ; медные диски, нашитые на рубаху, сверкали, как тысяча новых монет. Во лбу высокого золоченого шлема блистало медное солнце, на отполированном круглом щите виднелось пробитое копьем солнце дома Мартеллов.

«Мартелл, но на десять лет моложе, чем следует, — подумал Тирион, останавливая коня. — При этом слишком ловок и слишком свиреп. — Тирион понял, с кем ему предстоит иметь дело. — Сколько нужно дорнийцев, чтобы начать войну?

Всего один».

— Доброго вам здоровья, милорды. Мы услышали о вашем приближении, и его милость король Джоффри поручил мне встретить вас от его имени. Мой лорд-отец, десница короля, также шлет вам свой привет. — Тирион разыграл радостное смущение. — Но кто же из вас принц Доран?

— Здоровье не позволило моему брату покинуть Солнечное Копье. — Мартелл снял свой шлем, открыв угрюмое лицо с глубокими складками, тонкими выгнутыми бровями и большими глазами, черными и блестящими, как угольное масло. Густые черные волосы с едва заметной проседью падали назад от вдовьего мыса на лбу, острого, как его нос. «Этот из соленых, сразу видно». — Принц Доран послал меня занять его место в королевском совете, если на то будет воля его милости.

— Его милость почтет за честь пользоваться советами столь прославленного воина, как принц Оберин Дорнийский, — заверил Тирион, а про себя подумал: «Ох и побежит кровь по сточным канавам». — Мы рады также видеть ваших благородных спутников.

— Позвольте мне представить их вам, милорд Ланнистер. Сир Дэзиел Дальт из Лимонной Рощи.

Лорд Тремонд Гаргален. Лорд Хармен Уллер и его брат сир Ульвик. Сир Раэн Аллирион и его внебрачный сын сир Дейемон Сэнд, бастард из Дара Богов. Лорд Дагос Манвуди, его брат сир Мильс и сыновья Морс и Дикон. Сир Эррон Кворгил. И пусть вам не покажется, что я пренебрегаю дамами. Мирия Джордейн, наследница Тора. Леди Ларра Блэкмонт, ее дочь Жинесса и сын Перрос. — Принц протянул руку к черноволосой всаднице, делая ей знак приблизиться. — А это Эллария Сэнд, моя возлюбленная.

Тириону стоило труда подавить стон. «Любовница и к тому же незаконнорожденная. У Серсеи будет припадок, если он приведет ее на свадьбу». Если сестра посадит эту женщину в дальнем углу, Красный Змей придет в бешенство, если она пригласит ее за высокий стол, все другие дамы на помосте почтут себя оскорбленными. «Можно подумать, что принц Доран намеренно напрашивается на ссору».

Принц Оберин повернулся лицом к своим дорнийцам.

— Эллария, лорды, леди и сиры! Посмотрите, как любит нас король Джоффри. Он шлет нам навстречу не кого-нибудь, а собственного дядю Беса.

Бронн подавил смех, и Тирион тоже сделал вид, что ему весело.

— Не меня одного, милорды. Это было бы непосильной задачей для такого маленького человечка, как я. — Теперь настал его черед называть имена. — Сир Флемент Бракс, наследник Хорнваля. Лорд Джайлс из Росби. Сир Аддам Марбранд, лорд-командующий городской стражей. Джалабхар Ксо, принц долины Красных Цветов. Сир Харис Свифт, тесть моего дяди Кивана. Сир Мерлон Крейкхолл. Сир Филип Фут и сир Бронн Черноводный, два героя недавней битвы с мятежником Станнисом Баратеоном. И, наконец, мой оруженосец, юный Подрик из дома Пейнов. — Все эти имена звучали громко, но их носители своей знатностью и весом даже близко не могли сравниться со спутниками принца Оберина, что они оба прекрасно понимали.

— Милорд Ланнистер, — сказала леди Блэкмонт, — мы проделали долгий пыльный путь и очень хотели бы отдохнуть и освежиться. Быть может, отправимся в город?

— Сей же час, миледи. — Тирион повернул коня и сделал знак сиру Аддаму Марбранду. Золотые плащи, составлявшие основную часть его почетного караула, по команде сира Аддама тоже

развернулись, и вся процессия двинулась к реке, за которой стояла Королевская Гавань.

«Оберин Нимерис Мартелл, — твердил про себя Тирион, следуя бок о бок с ним. — Красный Змей Дорна. Что же мне с ним делать, седьмое пекло?»

Он знал этого человека только понаслышке, но репутацией тот обладал устрашающей. Шестнадцати лет от роду принца Оберина застали в постели с любовницей старого лорда Айронвуда, человека громадного, свирепого и вспыльчивого. Назначили поединок — до первой крови, ввиду молодости и родовитости принца. Оба противника получили мелкие раны, и честь была удовлетворена. Однако принц Оберин скоро поправился, а раны лорда Айронвуда воспалились и свели его в могилу. Пошли слухи, что принц сражался отравленным мечом, и впоследствии как друзья, так и недруги стали называть его Красным Змеем.

Все это случилось много лет назад. Тогдашнему юноше теперь перевалило за сорок, и его слава с годами стала еще более темной. Он путешествовал по Вольным городам, изучая яды, а быть может, и еще более опасные науки. Он учился в Цитадели и успел выковать шесть звеньев мейстерской цепи, но потом это наскучило ему.

Он служил наемником на Спорных Землях за Узким морем и некоторое время состоял в отряде Младших Сыновей, пока не собрал собственную дружину. Турниры, битвы, поединки, лошади, любовные приключения… говорили, будто он предается любви и с женщинами, и с мужчинами и наводнил Дорн своими внебрачными дочерьми, которых прозвали «песчаными змейками». Сыновей, насколько знал Тирион, у принца Оберина не было.

Кроме того, он изувечил наследника дома Тиреллов.

«Нет другого человека в Семи Королевствах, которого Тирелл меньше хотел бы видеть на свадьбе своей дочери», — думал Тирион. Посылать принца Оберина в Королевскую Гавань, когда в городе находятся лорд Мейс Тирелл, двое его сыновей и несколько тысяч его латников, — значит создавать ситуацию не менее опасную, чем сам принц Оберин. «Неверное слово, неосторожная шутка, косой взгляд — и благородные союзники дома Ланнистеров вцепятся друг другу в глотки».

— А мы ведь уже встречались, — заметил дорнийский принц, двигаясь вместе с Тирионом мимо испепеленных полей и превращенных в скелеты деревьев. — Не думаю, правда, что вы

это помните. Вы были тогда еще меньше, чем теперь.

Насмешка в его голосе раздражала Тириона, но он не собирался позволить дорнийцу вывести его из себя.

— Когда же это было, милорд? — осведомился он с учтивой заинтересованностью.

— Давно, когда в Дорне правила моя мать, а ваш лорд-отец был десницей другого короля.

«Эти короли не столь различны, как ты думаешь», — заметил про себя Тирион.

— В то время я посетил Утес Кастерли со своей матерью, ее супругом и моей сестрой Элией. Мне было тогда лет четырнадцать-пятнадцать, а Элии на год больше. Вашим брату и сестре было, помнится, восемь или девять, а вы только-только появились на свет.

«Странное время для визита». Мать Тириона умерла, рожая его, и Мартеллы должны были найти Утес в глубоком трауре. Особенно отца. Лорд Тайвин редко говорил о своей жене, но Тирион слышал от дядей, что они очень любили друг друга. В то время отец был десницей Эйериса, и люди говорили, что государством правит лорд Тайвин, а лордом Тайвином — леди Джоанна. «После ее смерти он стал другим человеком, Бес, — сказал

как-то ему дядя Гери. — Лучшая его часть умерла вместе с ней». Герион был самым младшим из четырех сыновей лорда Титоса Ланнистера, и Тирион любил его больше других своих дядей.

Но он пропал где-то за морем, а причиной смерти леди Джоанны стал сам Тирион.

— Как вам понравился Утес Кастерли, милорд?

— Не слишком. Ваш отец не уделял нам никакого внимания, предоставив сиру Кивану нас занимать. В клетушке, которую отвели мне, имелась пуховая перина и на полу лежал мирийский ковер, но окна не было — я, помнится, заявил Элии, что это настоящая темница. Небеса у вас чересчур серые, вина чересчур сладкие, женщины чересчур добродетельные, еда чересчур пресная… а больше всего меня разочаровали вы.

— Я ведь только что родился — чего вы могли от меня ожидать?

— Немыслимого ужаса. Вы были малы, но слава о вас разнеслась далеко. Когда вы родились, мы находились в Староместе, и весь город толковал о чудовище, которое произвел на свет королевский десница, и о том, какие это беды сулит всему государству.

— Голод, чуму и войну, — невесело усмехнулся Тирион. — Это всегда входит в перечень. Ах да,

еще зиму и ночь, которой нет конца.

— Все эти бедствия действительно упоминались, и к ним причислялось падение вашего отца. Лорд Тайвин вознес себя выше короля Эйериса, как вещал один нищенствующий брат, а между тем выше короля может стоять один только бог. Вы объявлялись его проклятием, карой, посланной богами, чтобы напомнить ему, что он ничем не лучше прочих смертных.

— Я напоминаю, как только могу, но он отказывается понимать, — вздохнул Тирион. — Однако продолжайте — люблю слушать занимательные истории.

— Тогда вы сами были занимательной историей: говорили, что у вас есть хвост — маленький загнутый хвостик, как у свиньи. Говорили также, что голова у вас больше туловища, густые черные волосы, борода, дурной глаз и львиные когти, зубы такие длинные, что нельзя закрыть рот, а признаки пола двоякие — и мужские, и женские.

— Это очень упростило бы мне жизнь — не пришлось бы спать с женщинами. Бывало пару раз, когда клыки и когти тоже могли бы мне пригодиться. Однако я начинаю понимать причину вашего недовольства.

Бронн не выдержал и хохотнул, но Оберин

лишь слегка улыбнулся.

— Мы бы и вовсе вас не увидели, если бы не ваша сестрица. Вас никогда не выносили на люди, только по ночам мы порой слышали, как где-то в недрах Утеса плачет ребенок. Голос у вас был поистине чудовищный, воздаю вам должное. Вы могли кричать часами, и вас могла успокоить только женская грудь.

— Это и до сих пор так.

На этот раз принц Оберин рассмеялся.

— Здесь наши вкусы сходятся. Лорд Гаргален сказал как-то, что надеется умереть с мечом в руке, а я на это ответил, что предпочел бы в этот миг держаться за пышную грудь.

Тирион вежливо улыбнулся.

— Вы говорили о моей сестре?

— Серсея пообещала Элии, что покажет вас нам. Накануне нашего отплытия, когда наша мать беседовала наедине с вашим отцом, они с Джейме провели нас в вашу детскую. Ваша кормилица хотела прогнать нас, но Серсея этого не позволила. «Он мой, — заявила она, — а ты просто дойная корова и не смеешь мне указывать. Замолчи, не то я скажу отцу, и он отрежет тебе язык. Корове язык не нужен, только вымя».

— Ее милость с ранних лет умела чаровать сердца. — Тириона позабавило, что сестра объявила его своим. Позже она, видят боги, никаких прав на него не предъявляла.

— Она даже распеленала вас, чтобы нам было лучше видно, — продолжал дорниец. — Глаз у вас в самом деле оказался дурной, и голову покрывал черный пушок, да и сама голова, пожалуй, была больше, чем у обыкновенных младенцев, но хвост и борода отсутствовали, равно как когти и зубы, а между ног торчал только крошечный розовый отросток. После всех леденящих кровь слухов проклятие лорда Тайвина оказалось уродливым красным младенцем с короткими ножками. Элия даже заворковала над вами, как всегда делают молодые девушки при виде грудных детей, котят и щенят. Ей, по-моему, даже

понянчить вас захотелось, несмотря на ваше безобразие. На мое замечание о том, что чудовище из вас никудышное, ваша сестрица сказала: «Он убил мою мать», и дернула вас за член — я уж думал, она его оторвет. Вы завопили, но Серсея отпустила вас, только когда Джейме сказал: «Перестань, ему больно». «Ничего, — заметила она при этом, — все говорят, что он все равно скоро умрет. Удивительно, как он еще жив до сих пор».

В небе ярко светило солнце, и день для осени был приятно теплым, но Тириона Ланнистера проняло холодом. «Милая моя сестрица. — Он почесал рубец на носу и попотчевал дорнийца своим «дурным глазом». — С чего ему вздумалось рассказать мне об этом? Испытывает меня или просто дергает мой член, как Серсея, чтобы услышать мой крик?»

— Непременно расскажите это моему отцу. Он будет в восторге так же, как и я. Особенно ему понравится та часть, где говорится о хвосте. Он у меня был, но отец велел его отрезать.

— С той нашей встречи вы стали намного забавнее, — усмехнулся Оберин.

— Жаль, что я при этом не стал чуть повыше.

— Кстати, о забавах. Управляющий лорда Баклера уверяет, будто вы ввели налог на женские

прелести.

— Это налог на шлюх. — Тирион заново испытал раздражение. «Идея моего дражайшего отца». — Всего один грош за каждое… э-э… соитие. Десница полагает, что это улучшит городские нравы. — «И поможет оплатить свадьбу Джоффри». Во всем, разумеется, обвинили Тириона как мастера над монетой. Бронн говорит, что этот налог прозвали «карликовым грошем». «Раздвинь-ка ноги для Полумужа», — кричат теперь во всех борделях, если верить наемнику.

— Надо будет набрать в кошелек побольше медяков. Даже принц обязан платить налоги.

— Зачем вам нужны наши шлюхи? — Тирион оглянулся назад, где ехала с другими дамами Эллария Сэнд. — Ваша любовница успела надоесть вам в дороге?

— О нет. У нас слишком много общего. Но вот красивой белокурой женщины у нас еще не было, и Элларии любопытно. Не знаете ли вы подходящей красотки?

— Я теперь женат. — «Хотя и не сплю с женой». — И больше не хожу по шлюхам. — «Если только не хочу, чтобы их повесили».

Оберин внезапно переменил разговор.

— Говорят, будто на свадьбе у короля будет

подано семьдесят семь блюд?

— Вы голодны, мой принц?

— Да, я изголодался, но не по еде. Скажите мне, когда к столу подадут правосудие?

— Правосудие… — «Вот зачем он приехал. Можно было сразу догадаться». — Вы дружили со своей сестрой?

— Детьми мы были неразлучны, почти как ваши брат и сестра.

«О боги. Надеюсь, что все-таки не так».

— Битвы и свадьбы поглощали все наше время, принц Оберин. Боюсь, нам было недосуг заниматься убийством шестнадцатилетней давности при всей гнусности этого злодеяния. Мы, разумеется, сделаем это, как только сможем. И всякая помощь Дорна, способствующая восстановлению мира в государстве, безусловно, ускорит расследование моего лорда-отца.

— Карлик, — тон Красного Змея стал значительно менее сердечным, — избавь меня от своих ланнистерских уверток. За кого вы нас принимаете — за овец или за дураков? Мой брат — человек не кровожадный, но эти шестнадцать лет он не сидел сложа руки. Джон Аррен приезжал в Солнечное Копье через год после восшествия Роберта на трон, и будь уверен, его там усердно допроси-

ли — его и еще сто человек. Я приехал не затем, чтобы смотреть комедию под названием «расследование». Я приехал, чтобы покарать убийц Элии и ее детей, и это будет сделано. Начнем мы с этого буйвола, Грегора Клигана… но думаю, что им дело не кончится. Перед смертью Гора расскажет мне, от кого получил приказ — уверьте в этом вашего лорда-отца. — Оберин улыбнулся. — Один старый септон сказал, что я — живое доказательство благости богов. А знаешь почему, Бес?

— Нет, — настороженно признался Тирион.

— Если бы боги были жестоки, они сделали бы меня старшим сыном, а Дорана — младшим. Я в отличие от него кровожаден. И вам придется иметь дело со мной, а не с моим терпеливым, благоразумным, подагрическим братом.

Впереди в полумиле от них уже сверкала на солнце Черноводная, а за рекой виднелись стены, башни и холмы Королевской Гавани. Тирион оглянулся на следующую за ними блестящую процессию.

— Вы говорите, как человек во главе большого войска, но за вами только триста человек. Видите тот город к северу от реки?

— Ту навозную кучу, что зовется Королевской Гаванью?

— Она самая.

— Я ее не только вижу, но, кажется, и чую.

— Ну так принюхайтесь хорошенько, милорд. Наполните этим запахом свои ноздри. Вы убедитесь, что пятьсот тысяч человек пахнут сильнее, чем триста. Чувствуете аромат золотых плащей? Их у нас около пяти тысяч. Прибавьте к ним людей моего отца — вот вам еще двадцать тысяч. А тут еще розы — не правда ли, великолепный запах? Особенно когда их так много. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч роз в городе и за его стенами. Не могу сказать в точности, сколько их, но пересчитать всех поголовно было бы затруднительно.

Мартелл пожал плечами.

— В Дорне до того, как мы поженились с Дейероном, говаривали, что все цветы склоняются перед солнцем. Если розы попытаются мне помешать, я растопчу их, только и всего.

— Как растоптали Уилласа Тирелла?

Дорниец ответил не так, как он ожидал.

— Я получил от Уилласа письмо не более полугода назад. Мы оба с ним коневоды. Он никогда не держал на меня зла за то, что случилось на том турнире. Я честно ударил его в грудь, но он, падая, зацепился ногой за стремя, и конь упал на него.

Я послал к нему мейстера, но тот сумел только спасти юноше ногу, больше ничего. Колено излечению не поддавалось. Если уж винить кого-то, так только его дурака-отца. Уиллас Тирелл был зелен, как его камзол, и совершенно напрасно полез сражаться с такими соперниками. Жирный Розан начал выпускать его на турниры в слишком нежном возрасте, так же как двух других. Он хотел получить второго Лео Длинного Шипа, а получил калеку.

— Кое-кто говорит, что сир Лорас превосходит Лео Длинного Шипа во всем, — сказал Тирион.

— Розочка Ренли Баратеона? Сомневаюсь.

— Сомневайтесь сколько угодно, но сир Лорас победил многих знаменитых рыцарей, в том числе моего брата Джейме.

— Говоря *«победил»*, вы хотите сказать, что он *вышиб* их из седла на турнире. Если вы хотите меня напугать, назовите тех, кого он убил в бою.

— Сира Робара Ройса и сира Эммона Кью, для начала. А на Черноводной он, как говорят, совершал чудеса храбрости, сражаясь рядом с призраком лорда Ренли.

— Стало быть, те, кто видел эти чудеса храбрости, видели также и призрак? — Дорниец засмеялся.

Тирион пристально посмотрел на него.

— У Катаи на Шелковой улице есть несколько девушек, которые могли бы вам подойти. У Данси волосы медового цвета, у Мареи бледно-золотистые. Кого бы вы ни выбрали, я советовал бы вам не отпускать ее от себя, милорд.

— Не отпускать от себя? — Оберин вскинул тонкую черную бровь. — Отчего так, мой добрый Бес?

— Оттого, что вы хотите умереть, держась за женскую грудь. — И Тирион рысью проехал вперед, где ждали готовые для переправы паромы. Он не желал больше служить мишенью для дорнийского остроумия. «Лучше бы отец послал Джоффри. Тот спросил бы Оберина, чем дорниец отличается от коровьей лепешки». Тирион невольно усмехнулся. Надо непременно поприсутствовать при том, как Красный Змей будет представляться королю.

Арья

Человек на крыше умер первым. Он сидел за трубой в двухстах ярдах от них, почти невидимый в предрассветных сумерках, но когда небо начало светлеть, он встал и потянулся. Стрела Энгай попала ему в грудь. Он мешком съехал по крутому грифельному скату и упал у дверей септрия.

Скоморохи поставили там двух часовых, но свет факела слепил им глаза, и разбойники в темноте подобрались совсем близко. Кайл и Нотч выстрелили разом, и один караульный рухнул со стрелой в горле, а другой в животе. При этом он выронил факел, огонь охватил его одежду, он закричал и тем предупредил своих об опасности. Торос, уже не скрываясь, отдал приказ, и разбойники пошли в атаку.

Арья, сидя на коне, наблюдала за ними с вершины лесистого холма. Оттуда открывался широкий вид на септрий с его мельницей, пивоварней и конюшнями, на буйные сорные травы и сожженные деревья вокруг. Лес почти совсем осыпался, и немногие бурые листья, еще державшиеся на ветвях, почти не заслоняли картины. Лорд Берик оставил Безусого Дика и Маджа охранять их. Арью возмущало, что ее держат в тылу, как малого ребенка, но Джендри тоже в бой не взяли. Она даже спорить не стала — в бою надо подчиняться приказам.

На востоке занималась розовая с золотом заря, вверху сквозь редкие облака проглядывал месяц. Дул холодный ветер, и Арья слышала, как шумит вода и скрипит деревянное колесо на мельнице. В воздухе пахло влагой, но дождя не было. Стрелы, таща за собой бледные огненные ленты, пронизывали утренний туман и вонзались в деревянные стены септрия. Несколько стрел влетело внутрь через разбитые ставни, и из дома скоро потянулись тонкие струйки дыма.

Двое Скоморохов бок о бок выскочили наружу с топорами в руках. Энгай и другие лучники только того и ждали. Один упал сразу, другой пригнулся, и стрела проткнула ему плечо. Он сделал еще

несколько шагов, но еще две стрелы ударили в него почти одновременно, пробив панцирь так, словно тот был шелковым, а не стальным. Наемник рухнул. У Энгай есть стрелы не только с широкими, но и с шильными наконечниками, а такие пробивают даже тяжелые доспехи. «Надо будет поучиться стрелять», — подумала Арья. Фехтование ей нравилось больше, но от стрел, как она убедилась, тоже бывает большая польза.

Пламя охватывало западную стену септрия, и в выбитые окна валил густой дым. Мириец с арбалетом высунулся из окошка, где дыма не было, выстрелил и нырнул обратно, чтобы перезарядить. На конюшне тоже шел бой — оттуда слышались крики, ржание лошадей и лязг стали. «Их надо всех убить. Всех до единого».

Арбалетчик появился снова, но мимо него тут же пролетели три стрелы. Одна чиркнула ему по шлему, и он сразу исчез. Огонь уже показался в нескольких окнах верхнего этажа. Воздух наполняли черно-белые клубы дыма и тумана. Энгай и другие лучники подкрадывались поближе, чтобы лучше целить.

Потом весь септрий вспыхнул разом, и Скоморохи повалили оттуда, как рассерженные муравьи. Из двери выскочили двое иббенийцев,

прикрываясь косматыми щитами, следом бежал дотракиец с кривым аракхом и колокольчиками в косе, за ним трое татуированных волантинцев. Другие прыгали на землю из окон. Один, перекинув ногу через подоконник, получил в грудь стрелу и с криком упал. Дым сгущался. Стрелы из луков и арбалетов летали туда-сюда. Уотти повалился, выронив лук. Кайлу, не успевшему наложить новую стрелу, человек в черной кольчуге проткнул копьем живот. Раздался голос лорда Берика. По его команде из канав, из-за кустов и деревьев хлынули остальные разбойники с мечами в руках. Лим, мелькая своим желтым плащом, смял конем человека, убившего Кайла. Торос и лорд Берик с горящими мечами поспевали везде. Красный жрец разрубил обтянутый шкурами щит, а его конь ударил копытами в лицо иббенийца. Дотракиец с воплем ринулся на лорда-молнию, и его аракх встретился с пылающим мечом. После краткого обмена ударами у дотракийца загорелись волосы, и миг спустя он был мертв. Арья и Неда видела — он сражался рядом с лордом-молнией. «Так нечестно. Он ненамного старше меня — мне тоже должны были позволить сразиться».

Бой длился недолго. Оставшиеся Бравые Ребята

либо погибли, либо побросали свои мечи. Двое дотракийцев сумели сесть на коней и ускакать, но только потому, что лорд Берик им это позволил.

— Пусть отвезут дурную весть в Харренхолл, — с пылающим мечом в руке сказал он. — Это доставит лорду-пиявке и его козлу пару бессонных ночей.

Джек-Счастливчик, Харвин и Меррит из Лунного города отважно бросились в горящий септрий, надеясь взять пленных. Вскоре они снова возникли из огня и дыма с восемью бурыми братьями. Один был так слаб, что Меррит нес его, перекинув через плечо. С ними был и септон, сутулый и лысый, но в черной кольчуге поверх серой рясы.

— Он прятался под лестницей, ведущей в подвал, — откашливаясь, сказал Джек.

— Да это же Утт, — заулыбался Торос.

— Септон Утт. Божий человек.

— Какому богу нужны такие служители? — громыхнул Лим.

— О да, я согрешил, тяжко согрешил, — заныл септон. — Прости меня, Отец, ибо грехи мои тяжелы.

Арья помнила септона Утта по Харренхоллу. Шагвелл-Дурак говорил, что тот всегда плачет и молится о прощении, убивая очередного маль-

чика. Иногда он даже просил других Скоморохов бить его плетьми. Они все находили это очень забавным.

Лорд Берик вернул меч в ножны, погасив пламя.

— Окажите умирающим последнюю милость, а остальных свяжите по рукам и ногам для суда, — приказал он.

Суд был скорым. Разбойники свидетельствовали о делах Бравых Ребят: о разоренных городах и деревнях, сожженных полях, поруганных и убитых женщинах, подвергнутых мукам и увечью мужчинах. Упоминалось и о мальчиках, убитых септоном Уттом, а он все это время плакал и молился.

— Я слабый тростник, — сказал он лорду Берику. — Я молю Воина о силе, но боги создали меня слабым. Сжальтесь же надо мной. Эти милые мальчики… я совсем не хотел обижать их…

Вскоре он, голый, в чем мать родила, закачался на высоком вязе, и все прочие Бравые Ребята поодиночке последовали за ним. Некоторые из них боролись и брыкались, когда им накидывали петлю на шею. Один арбалетчик кричал с сильным мирийским акцентом: «Я солдат, я солдат», другой обещал показать, где спрятано золото,

третий расписывал, какой хороший разбойник из него выйдет. Но всех их раздели и вздернули, одного за другим. Том Семиструнный играл им погребальный мотив на своей арфе, а Торос призывал Владыку Света послать их души в адский огонь до конца времен.

«Скоморошье дерево», — думала Арья, глядя, как они болтаются — белые при тускло-красном зареве горящего септрия. Вороны уже слетались на мертвечину. Они перекликались между собой, и Арье было любопытно, о чем они говорят. Септона Утта она боялась не так, как Роржа, Кусаку и некоторых других, оставшихся в Харренхолле, но все равно радовалась, что его повесили. «Надо им было и Пса повесить тоже или отрубить ему голову». Вместо этого разбойники, к ее возмущению, перевязали Сандору Клигану ожоги, вернули ему меч, коня и доспехи и выпустили на волю в нескольких милях от полого холма. Только его золото они забрали себе.

Стены септрия рухнули в реве огня и клубах дыма. Восемь бурых братьев взирали на это с покорностью. Только они и остались из всей братии, объяснил старейший из них. На шее у него висел железный молоточек, указывающий, что он поклоняется Кузнецу.

— До войны нас было сорок четыре человека, и наш септрий процветал. Мы держали дюжину коров и быка, сотню ульев, обрабатывали виноградник и яблоневый сад. Но львы забрали у нас все вино, молоко и мед, зарезали коров и сожгли виноградник. А после этого нашим гостям и счету не стало. Этот ложный септон был последним. Один оказался настоящим чудовищем… мы отдали ему все наше серебро, но он думал, что у нас где-то спрятано золото, и его люди убивали нас одного за другим, чтобы заставить старца заговорить.

— Как же вам восьмерым удалось выжить? — спросил Энгай.

— Это моя вина, — сказал старик с молоточком. — Мне очень стыдно. Когда пришел мой черед умирать, я рассказал им, где спрятано золото.

— Брат мой, — сказал Торос, — тебе должно быть стыдно только за то, что ты не сказал этого сразу.

На ночь разбойники устроились в пивоварне у речки. У хозяев под полом конюшни сохранился запас съестного, и они все вместе поужинали овсяным хлебом, луком и жидким капустным супом с легким привкусом чеснока. Арья нашла

в своей миске кусочек морковки и сочла, что ей повезло. Братья не спрашивали у разбойников, как кого зовут. «Они и так знают», — подумала Арья. У лорда Берика на панцире, щите и плаще изображена молния, на Торосе сохранились лохмотья красных одежд. Один из монахов, молодой послушник, имел смелость попросить красного жреца не молиться своему ложному богу, пока он находится под их кровом.

— Ты это брось, — сказал Лим. — Он и наш бог тоже, а вы нам обязаны своей разнесчастной жизнью. И какой же он ложный? Ваш Кузнец чинит сломанные мечи, но сможет ли он починить человека?

— Перестань, Лим, — одернул его лорд Берик. — Пока мы у них, будем соблюдать их правила.

— Если мы пропустим пару молитв, солнце светить не перестанет, — согласился Торос. — Уж я-то знаю.

Лорд Берик ничего не ел. Арья ни разу не видела, как он ест, но иногда он выпивал чашу вина. Казалось, что он и не спит никогда. Его единственный глаз часто закрывался, словно от усталости, но стоило с ним заговорить, и глаз тут же распахивался опять. Он никогда не снимал своего потрепанного черного плаща и помятого панциря с облупленной эмалевой молнией. Даже спал он в доспехах. Тусклая черная сталь скрывала страшную рану, которую нанес ему Клиган, а толстый шерстяной шарф — темную борозду на шее. Но ничто не могло скрыть его проломленного виска, и красной ямы на месте глаза, и выступающих под кожей лица черепных костей.

Арья смотрела на него с опаской, припоминая все истории, слышанные ею в Харренхолле. Лорд Берик, словно почувствовав ее страх, повернул голову и поманил Арью к себе.

— Ты боишься меня, дитя?

— Нет. — Арья прикусила губу. — Только… я думала, что Пес вас убил, а…

— Рана была серьезная, — вставил Лим. — Очень серьезная, но Торос исцелил ее. Свет еще

не видел лучшего целителя.

Лорд Берик странно посмотрел на Лима своим единственным глазом.

— Это верно, не видел, — устало согласился он. — Мне сдается, Лим, что караулы пора сменить. Займись этим, будь так добр.

— Да, милорд. — Лим вышел в ночь, и ветер тут же начал трепать его желтый плащ.

— Даже храбрые люди притворяются порой слепыми, боясь что-то увидеть, — сказал лорд Берик. — Торос, сколько раз ты возвращал меня назад?

— Это Рглор возвращает вас назад, милорд, — склонил голову жрец. — Владыка Света. Я всего лишь его орудие.

— И все-таки, сколько?

— Шесть, — неохотно ответил Торос. — И с каждым разом это все труднее. Вы совсем не бережетесь, милорд. Неужто смерть так сладка?

— Сладка? Нет, дружище. Ничего сладостного в ней нет.

— Тогда не заигрывайте с ней. Лорд Тайвин командует сражениями из задних рядов, и лорд Станнис тоже. Последуйте их мудрому примеру. Седьмая смерть может стать концом для нас обоих.

Лорд Берик потрогал вдавленный висок над левым ухом.

— Вот здесь сир Бертон Крейкхолл проломил мне шлем и голову своей палицей. — Он размотал шарф на шее. — А это знак, который оставил на мне мантикор у Бурливого водопада. Он схватил бедного пасечника с женой, думая, что они мои люди, и распустил повсюду слух, что повесит их, если я сам к нему не явлюсь. Я пришел, но он все равно их повесил, а меня вздернул между ними. — Он потрогал яму на месте глаза. — Здесь Гора пробил кинжалом забрало моего шлема. — Усталая улыбка тронула его губы. — Я уже трижды умирал от рук дома Клиганов — пора бы извлечь из этого урок.

Арья понимала, что он шутит, но Торос не засмеялся, а положил руку ему на плечо.

— Лучше не задумываться над этим.

— Можно ли задумываться над тем, что едва помнишь? Когда-то у меня был замок на Марках и женщина, на которой я обещал жениться, но теперь я не сумел бы найти свой замок или сказать, какие у этой женщины волосы. Кто посвятил меня в рыцари, дружище? Каким было мое любимое блюдо? Все меркнет. Порой мне кажется, что я родился на кровавой траве в той ясеневой роще,

со вкусом огня во рту и дырой в груди. И что моя мать — это ты, Торос.

Арья во все глаза смотрела на мирийского жреца, на его косматые волосы, розовые лохмотья, разрозненные доспехи и отвисшую кожу ниже подбородка. Нельзя сказать, чтобы он походил на волшебников из сказок старой Нэн, но все же…

— А вы могли бы вернуть назад человека, которому отрубили голову? — спросила она. — Не шесть раз, всего один. Могли бы?

— Я не маг, дитя, — у меня есть только молитва. В тот первый раз его милость продырявили насквозь, изо рта у него шла кровь, и я знал, что надежды нет. И когда его израненная грудь перестала вздыматься, я дал ему поцелуй бога, чтобы проводить его в последний путь. Я наполнил свой рот огнем и вдохнул пламя в его легкие, сердце и душу. Это называется «последний поцелуй», и я много раз видел, как старые жрецы проделывали это с отходящими, да и сам делал это пару раз. Но я никогда не чувствовал, как покойник, пронизанный огнем, содрогается, и его глаза никогда не открывались. Не я воскресил его, миледи, — это Рглор пока не намеревался взять его к себе. Жизнь — это тепло, а тепло — это огонь, а огонь исходит от бога и только от него.

Глаза Арьи наполнились слезами. Торос произнес много слов, но все они в конечном счете означали «нет».

— Твой отец был хороший человек, — сказал лорд Берик. — Харвин много рассказывал мне о нем. Ради его памяти я охотно отказался бы от выкупа за тебя, но мы слишком нуждаемся в этом золоте.

Арья прикусила губу. «Да, это, наверно, правда». Золото Пса он отдал Зеленой Бороде и Охотнику, чтобы закупить провизию к югу от Мандера.

— Последний урожай сгорел, этот гниет на корню, а зима между тем на носу, — сказал он, отсылая их. — Крестьяне нуждаются в зерне и семенах, а мы — в мечах и конях. Слишком много наших людей ездят на ломовых лошадях и мулах, в то время как враги гарцуют на боевых скакунах.

Все это так, но Арья не знала, сколько заплатит за нее Робб. Он теперь король, а не тот мальчик со снегом на волосах, с которым она простилась в Винтерфелле. И если бы он знал о конюшонке, часовом в Харренхолле и прочих ее делах…

— А что, если мой брат не захочет платить выкуп?

— Почему ты так думаешь? — спросил лорд

Берик.

— Ну-у… я лохматая, и ногти у меня грязные, и ноги все в мозолях. — Роббу-то, положим, это все равно, а вот матери — нет. Леди Кейтилин всегда хотела, чтобы она была как Санса — пела, танцевала, шила и помнила о своих манерах. При одной мысли об этом Арья запустила пальцы в волосы, чтобы расчесать их, но они так перепутались, что она только вырвала клок. — Я испортила платье, которое дала мне леди Смолвуд, и шью я не больно хорошо. — Она прикусила губу. — Не очень хорошо. Септа Мордейн говорила, что у меня руки, как у кузнеца.

— Твои-то ручонки? — фыркнул Джендри. — Да ты ими даже молот не поднимешь.

— Захочу, так подниму! — огрызнулась она.

— Твой брат заплатит, дитя, — усмехнулся Торос. — Можешь на этот счет не бояться.

— А вдруг не заплатит, что тогда?

— Тогда я отправлю тебя на время к леди Смолвуд, — вздохнул лорд Берик, — или даже в свой собственный замок в Черной Гавани. Но в этом не будет нужды, я уверен. Вернуть твоего отца не в моих силах, как и не в силах Тороса, но я по крайней мере могу вернуть тебя в объятия матери.

— Вы клянетесь? — спросила Арья. Йорен тоже

обещал отвезти ее домой, а сам дал себя убить.

— Клянусь своей рыцарской честью, — торжественно произнес лорд-молния.

Пошел дождь — они поняли это по Лиму, который вернулся ругаясь и весь мокрый. Вода стекала с его желтого плаща на пол. Энгай и Джек-Счастливчик играли около двери в кости, и Счастливчику все время не везло. Том перетянул струну на арфе и спел «Материнские слезы»,

«У Бена бабенка блудлива была», «Лорд Харт отправился в путь под дождем», а потом запел «Рейны из Кастамере»:

Да кто ты такой, вопрошал гордый лорд,
Чтоб я шел к тебе на поклон?
Ты всего лишь кот, только шерстью желт
И гривой густой наделен.
Ты зовешься львом и с большой горы
Смотришь грозно на всех остальных,
Но если когти твои остры,
То мои не тупее твоих.
О, как он был горд, этот знатный лорд,
Как могуч он был и богат,
Но те дни позади, и о нем лишь дожди
Средь руин его замка скорбят.

Наконец у Тома кончились все песни, где говорилось о дождях, и он отложил арфу, но неутомимый дождь все стучал по крыше пивоварни. Игроки бросили метать кости, Арья стояла то на одной ноге, то на другой, а Меррит жаловался, что его лошадь потеряла подкову.

— Я могу подковать ее, если хочешь, — сказал вдруг Джендри. — Я был только подмастерьем, но мой мастер говорил, что рука у меня прямо создана, чтобы держать молот. Я умею ковать лошадей, заделывать прорехи в кольчугах и распрямлять вмятины на панцирях. Бьюсь об заклад, что и меч мог бы выковать.

— О чем это ты толкуешь, парень? — сказал Харвин.

— Я буду у вас кузнецом. — Джендри опустился на одно колено перед лордом Бериком. — Если вы примете меня к себе, милорд, я вам пригожусь. Я умею делать разные инструменты и ножи, а однажды даже шлем неплохой выковал. Его отнял у меня один из людей Горы, когда мы попали в плен.

Арья прикусила губу. «Теперь и он собрался меня бросить».

— Тебе будет лучше у лорда Талли в Риверране, — сказал лорд Берик. — Я не могу платить тебе за работу.

— А мне пока еще никто и не платил. Мне нужна кузня, еда и какой-нибудь угол, где спать, — больше ничего, милорд.

— Кузнец почти везде найдет радушный прием, а хороший оружейник и подавно. Зачем тебе

оставаться с нами?

Джендри набычился — Арья знала, что так с ним бывает всегда, когда он думает.

— В полом холме вы сказали, что вы все люди короля Роберта и братья, и мне это понравилось. Еще мне понравилось, как вы судили Пса. Лорд Болтон только вешал и рубил головы, и лорд Тайвин с сиром Амори делали то же самое. Лучше я буду работать на вас.

— У нас много кольчуг нуждается в починке, милорд, — напомнил Джек. — Мы их почти все поснимали с мертвецов, и в них полно дыр.

— Ты, парень, видать, полоумный, — сказал Лим. — Мы ведь разбойники — сброд, подонки все до одного, кроме его милости. Не думай, что все будет, как в дурацких песнях Тома. Тебе не доведется целовать принцесс и въезжать на турниры в снятых с кого-то доспехах. Кончится все тем, что тебя вздернут на виселицу или воткнут твою голову над воротами замка.

— Но ведь и вас ждет то же самое, — сказал Джендри.

— Это верно, — весело согласился Джек-Счастливчик. — Рано или поздно мы все пойдем на корм воронью. Милорд, мне сдается, он храбрый парень, и нам нужны его услуги. Я за то, чтобы

его взять.

— И поспешите, — с усмешкой добавил Харвин, — пока у него горячка не прошла и он не очухался.

— Торос, — с легкой улыбкой молвил лорд Берик, — подай мне мой меч. — На этот раз лорд-молния не стал зажигать клинок, а только коснулся им плеча Джендри.

— Клянешься ли ты, Джендри, перед лицом богов и людей защищать тех, кто сам себя защитить не может, особенно женщин и детей, повиноваться своим капитанам, своему сюзерену и своему королю, храбро сражаться в случае нужды и выполнять другие свои обязанности, какими бы трудными, незавидными и опасными они ни были?

— Клянусь, милорд.

Лорд-молния перенес меч с правого плеча на левое.

— Встань же, сир Джендри, рыцарь полого холма, и добро пожаловать в наше братство.

От двери послышался грубый, хриплый смех.

С вошедшего ручьями стекала вода. Обожженная рука, обернутая в листья и забинтованная, висела на веревочной перевязи, но более старые ожоги на лице резко выделялись при свете огня.

— Делаешь себе новых рыцарей, Дондаррион? — прорычал незваный гость. — За это тебя следовало бы убить еще раз.

— Я надеялся, что больше не увижу тебя, Клиган, — холодно ответил лорд Берик. — Как ты

нас нашел?

— Это было нетрудно. Ты так надымил, что и в Староместе, наверно, видно.

— Что ты сделал с моими часовыми?

— Ты про тех двух слепцов? — скривил рот Клиган. — Может статься, я их вообще убил. Что вы мне за это сделаете?

Энгай натянул свой лук, Нотч тоже.

— Тебе так хочется умереть, Сандор? — спросил Торос. — Ты, верно, пьян или безумен, что увязался за нами.

— Пьян? От дождя, что ли? Вы не оставили мне денег даже на чашу вина, сукины дети.

Энгай достал стрелу.

— Мы разбойники, а разбойникам положено грабить. Так и в песнях поется — если попросишь, Том споет тебе одну. Скажи спасибо, что мы тебя не убили.

— Еще не поздно, Лучник. Давай попробуй. Иначе я отберу твой колчан и затолкаю стрелы в твою тощую конопатую задницу.

Энгай поднял свой лук, но лорд Берик остановил его.

— Зачем ты пришел, Клиган?

— Чтобы забрать то, что принадлежит мне.

— Твое золото?

— Что же еще? Ты думал, я пришел на тебя полюбоваться? Ты теперь еще страшнее, чем я, Дондаррион. Не говоря уж о том, что ты стал рыцарем с большой дороги.

— Я дал тебе расписку, — спокойно ответил лорд Берик. — Ты получишь все сполна, когда война кончится.

— Что мне, задницу подтереть твоей распиской? Отдавай мне золото.

— У нас его нет. Я дал его Зеленой Бороде и Охотнику на покупку зерна и семян за Мандером.

— Чтобы накормить тех, чей урожай вы сожгли, — добавил Джендри.

— Вот оно как? — засмеялся Клиган. — Я намеревался распорядиться им в точности так же. Накормить кучу корявого мужичья с их вшивым отродьем.

— Ты лжешь, — сказал Джендри.

— Я вижу, парень за словом в карман не лезет, а? Почему же им ты веришь, а мне нет? Неужели все дело в моем лице? — Клиган посмотрел на Арью. — Может, ты и ее посвятишь в рыцари, Дондаррион? Пусть она станет первым восьмилетним рыцарем женского пола.

— Мне *двенадцать*, — соврала Арья, — и я стала бы рыцарем, если бы захотела. Я бы убила тебя

тогда, только Лим отнял у меня нож. — Она все еще злилась, вспоминая об этом.

— Значит, винить надо Лима, а не меня. Подожми-ка хвостик и беги. Знаешь, что собаки делают с волками?

— В следующий раз я тебя убью. И брата твоего тоже!

— Ну уж нет, — прищурив глаз сказал Пес и снова обратился к лорду Берику: — Знаешь что, посвяти в рыцари моего коня. Он это заслужил: он никогда не срет в доме и лягается не больше других. Или ты и его хочешь забрать?

— Садись-ка ты на него да проваливай отсюда, — посоветовал Лим.

— Без золота не уеду. Ваш бог сам очистил меня от вины…

— Владыка Света даровал тебе жизнь, — вмешался Торос, — но он не объявлял тебя новым Бейелором Благословенным. — Жрец обнажил меч, и Джек с Мерритом последовали его примеру. Лорд Берик все еще держал в руке свой, которым посвятил в рыцари Джендри.

«Может быть, на этот раз они его убьют», — подумала Арья.

— Вы шайка воров, да и только, — снова скривил рот Клиган.

— Твои львы приезжают в деревню, — разозлился Лим, — выгребают подчистую все съестное и ценное и называют это *фуражировкой*. Волки делают то же самое, так почему бы и нам не делать? Тебя никто не грабил, Пес, — это была *фуражировка*.

Клиган оглядел их всех по очереди, как будто запоминая, повернулся и не сказав ни слова снова вышел в дождливую ночь, из которой пришел. Разбойники остались в полном недоумении.

— Пойду погляжу, что он сделал с часовыми, — сказал Харвин и выглянул за дверь, проверяя, не затаился ли Пес поблизости.

— Откуда, собственно, этот ублюдок взял столько золота? — дал себе волю Лим.

— Он выиграл турнир десницы в Королевской Гавани, — пояснил Энгай. — Я и сам там зашиб недурную деньгу, — ухмыльнулся он, — но потом встретил Данси, Джейду и Алаяйю. Они потчевали меня жареными лебедями и купали в борском вине.

— Неужто ты все просрал? — засмеялся Харвин.

— Не все. Я купил себе вот эти сапоги и этот славный кинжал.

— Ты мог бы купить себе кусок земли и сде-

лать одну из девиц, что кормили тебя лебедями, честной женщиной, — заметил Джек-Счастливчик. — Выращивал бы там репу и воспитывал сыновей.

— Да сохранит меня Воин! Это было бы расточительством — превратить мое золото в репу.

— А я репку люблю, — грустно молвил Джек. — Я бы и теперь ее поел, пареную.

— Пес лишился не только монеты, вот в чем беда, — задумчиво произнес Торос, не обращая внимания на воцарившееся веселье. — Он потерял к тому же хозяина и конуру. К Ланнистерам он вернуться не может, Молодой Волк его нипочем не примет, брат тоже к себе не возьмет. Мне сдается, это золото было всем, что у него оставалось.

— Седьмое пекло, — сказал Уотти-Мельник. — Как бы он не пришел опять и не зарезал нас, пока мы спим.

— Нет. — Лорд Берик спрятал меч в ножны. — Сандор Клиган охотно убил бы нас всех, только не спящих. Энгай, завтра ты поедешь замыкающим вместе с Безусым Диком. Если увидите, что Клиган опять тащится за нами, убейте его коня.

— Жалко — конь у него хорош, — возразил Энгай.

— Верно, — поддержал его Лим. — Всадника — вот кого надо убить, а конь нам самим пригодится.

— Я тоже за это, — сказал Нотч. — Воткнем в него пару стрел, и он перестанет нас беспокоить.

Лорд Берик покачал головой:

— Клиган отвоевал себе жизнь в полом холме, и я не стану отбирать ее у него.

— Милорд говорит мудро, — сказал Торос. — Испытание боем священно, братья. Вы слышали, как я просил Рглора рассудить их, и видели, как его огненный перст переломил меч лорда Берика, не дав прикончить Клигана. Как видно, пес короля Джоффри пока еще нужен Владыке Света.

Вскоре вернулся Харвин.

— Кисель дрых, целый и невредимый.

— Недолго ему быть целым, — посулил Лим. — Скоро я сделаю еще одну дырку в его жопе. Нас всех могли поубивать из-за него.

В эту ночь им не пришлось спать спокойно — все они помнили, что Клиган рыщет где-то неподалеку. Арья свернулась у огня, но и ей не спалось. Она достала монету, которую дал ей Якен Хгар, и зажала ее в кулаке. Это делало ее сильной, напоминая о том, как она была призраком Харренхолла. Тогда ей стоило прошептать одно

слово, чтобы убить человека.

Но Якен ушел. Бросил ее. «И Пирожок тоже бросил, а теперь вот и Джендри». Ломми умер, Йорен умер, Сирио Форель умер, отец — и тот умер, а Якен дал ей дурацкую железную монетку и был таков.

– *Валар моргулис*, — прошептала она, сжимая монету так, что она врезалась в ладонь. — Сир Грегор, Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес. Сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея. — Арья попыталась представить их мертвыми, но не смогла вспомнить их лица. Пса она видела ясно, как и его брата Гору, и Джоффри с его матерью она тоже никогда не забудет… но Рафф, Дансен, Полливер и даже Щекотун, внешне очень неприметный, расплывались в памяти.

Сон пришел наконец, но среди ночи Арья проснулась опять. Огонь прогорел до углей, Мадж стоял у двери, снаружи расхаживал еще один часовой. Дождь перестал, и где-то выли волки. «Как близко — и как их много». Можно подумать, что они окружили дом — несколько десятков, а то и сотен. «Хорошо бы они съели Пса». Арье запомнились его слова про волков и собак.

Утром септон Утт все еще качался на дереве,

но бурые братья вышли с лопатами под дождь и вырыли мелкие могилы для других мертвецов. Лорд Берик поблагодарил их за приют и за угощение и дал им мешок серебра, чтобы отстроиться заново. Харвин, Люк-Любезник и Уотти-Мельник отправились на разведку, но ни волков, ни собак не нашли.

Когда Арья затягивала подпруги, Джендри подошел к ней сказать, что он сожалеет. Она вставила ногу в стремя и села в седло, чтобы смотреть на него сверху, а не снизу. «Ты мог бы ковать мечи в Ривердане для моего брата», — подумала она, но вслух сказала:

— Если ты хочешь быть разбойником, чтобы тебя повесили, мне-то что? Меня выкупят, и я буду жить в Ривердане вместе с братом.

Дождя в тот день, к счастью, не было, и они против обыкновения проехали хороший кусок дороги.

Бран

Башня стояла на острове, отражаясь в тихой голубой воде. Когда дул ветер, мелкие волны бежали по озеру одна за другой, как будто играли в пятнашки. На берегу густо росли дубы с россыпью желудей под ними, а дальше стояла деревня — или то, что от нее осталось.

Это была первая деревня, которую они видели после предгорий. Мира совершила разведку, чтобы убедиться, что в развалинах никто не прячется. Рыская среди дубов и яблонь, она спугнула трех красных оленей, и они убежали в лес. Лето тут же пустился за ними в погоню. Глядя на бегущего лютоволка, Брану жгуче захотелось влезть в его шкуру и побежать вместе с ним, но Мира уже махала им рукой, подзывая к себе. Бран неохотно

отвернулся от Лета и направил Ходора в деревню. Жойен шагал рядом.

Бран знал, что отсюда до самой Стены тянутся луга: залежные поля, низкие покатые холмы, сенокосы и торфяные болотца. Идти по ним гораздо легче, чем по горам, но Мира открытых мест опасалась.

— Я здесь чувствую себя голой, — призналась она. — Негде спрятаться.

— Чьи это земли? — спросил Жойен у Брана.

— Ночного Дозора. Они называются «Дар». Это Новый Дар, а севернее будет Брандонов Дар. — Брана всему этому учил мейстер Лювин. — Брандон-Строитель отдал черным братьям всю землю на двадцать пять лиг к югу от Стены. Чтобы… чтобы *обеспечить их продовольственными запасами*. — Он гордился тем, что так хорошо все запомнил. — Некоторые мейстеры говорят, что это был другой Брандон, не Строитель, но земля все равно называется Брандонов Дар. Несколько тысяч лет спустя добрая королева Алисанна посетила Стену верхом на своем драконе Среброкрылом и прониклась таким уважением к братьям Дозора, что убедила Старого Короля увеличить их земли до пятидесяти лиг. Поэтому все это, — он повел рукой вокруг, — Новый Дар.

Он видел, что в деревне давно уже никто не живет. Все дома и даже гостиница сильно разрушились. Гостиница и раньше была не из важных, а теперь от нее осталась только каменная труба и две стены, торчащие среди дюжины яблонь. Пол бывшей общей комнаты усеивали палые листья и гнилые яблоки. От них исходил густой приторный запах, напоминающий сидр. Он едва ли не валил с ног. Мира поворошила яблоки острогой, ища съедобные, но они все были бурые и червивые.

Несмотря на мирную и приятную для глаз картину, пустая гостиница показалась Брану печальным местом. Ходор, видимо, был того же мнения, потому что все время растерянно повторял: «Ходор? Ходор?»

— Хорошая здесь земля. — Жойен взял ее в горсть и растер между пальцами. — Деревня, гостиница, яблони, крепость на озере… но где же люди, Бран? Почему они ушли из такого места?

— Из-за одичалых. Одичалые перебираются через Стену или через горы, грабят деревни и крадут женщин. А из наших с тобой черепов они бы сделали чаши, чтобы пить из них кровь — так старая Нэн говорила. Ночной Дозор теперь не так силен, как во времена Брандона или королевы

Алисанны, вот они и лезут. Земли рядом со Стеной грабили так часто, что местный народ стал перебираться на юг, в горы или на земли Амберов к востоку от Королевского тракта. Одичалые их и там беспокоят, но не так, как прежних жителей Дара.

Жойен медленно повернул голову, вслушиваясь в музыку, доступную ему одному.

— Нам придется заночевать здесь. Близится буря — очень сильная.

Бран посмотрел на небо. Ясный осенний день был солнечным и почти теплым, но на западе в самом деле собирались темные тучи, и ветер как будто крепчал.

— Тут нет крыши и только две стены, — заметил он. — Надо идти в башню.

— Ходор, — сказал Ходор — видимо, в знак согласия.

— Но у нас нет лодки, Бран. — Мира рассеянно ворошила острогой листья под ногами.

— Там есть дорожка — каменная, укрытая под водой. По ней мы и пройдем. — Вернее, Риды пройдут, а он сам переедет на Ходоре — зато по крайней мере ног не промочит.

Брат с сестрой переглянулись, и Жойен спросил:

— Откуда ты знаешь? Ты уже бывал здесь, мой принц?

— Нет, мне старая Нэн рассказывала. Видите на башне золотую корону? — На ее зубцах и вправду поблескивала облупленная позолота. — Здесь ночевала королева Алисанна, и зубцы позолотили в ее честь.

— Дорожка, говоришь? — сомневался Жойен, поглядывая на озеро. — Ты уверен?

— Уверен.

Мира довольно быстро отыскала начало этой дорожки — трех футов шириной, она вела прямо в озеро. Мира шла первой, шаг за шагом, нащупывая путь острогой. Хорошо был виден также

конец дорожки и короткая каменная лестница, ведущая к двери в башню.

Заключительный отрезок, ступени и дверь располагались по прямой линии, и поэтому казалось, что сама дорожка тоже прямая, но это было не так. Она извивалась под водой из стороны в сторону — сначала обходила треть окружности острова, а потом поворачивала назад. Тех, кто по ней шел, можно было вдоволь и не спеша обстреливать из башни. Ходор дважды оступался на скользких камнях и вскрикивал: «ХОДОР!», но потом снова обретал равновесие. На второй раз Бран сильно испугался. Если он рухнет в озеро вместе с Ходором и своей корзиной, то свободно может утонуть, особенно если Ходор в панике забудет о его существовании, чему уже бывали примеры. «Может, нам и правда лучше было остаться в гостинице под яблоней, но теперь уже поздно».

К счастью, третьего раза не случилось, и вода не поднималась Ходору выше пояса, хотя Риды брели в ней по грудь. Но вскоре они уже добрались до острова и поднялись по ступенькам к башне. Дверь, еще довольно крепкая, не закрывалась до конца: ее дубовые плахи покоробились от времени. Мира распахнула ее во всю ширь, и ржавые

петли завизжали. Перемычка была низкая.

— Пригнись, Ходор, — сказал Бран. Тот послушался, но Бран все-таки стукнулся головой и пожаловался: — Больно же.

— Ходор, — сказал Ходор, выпрямляясь.

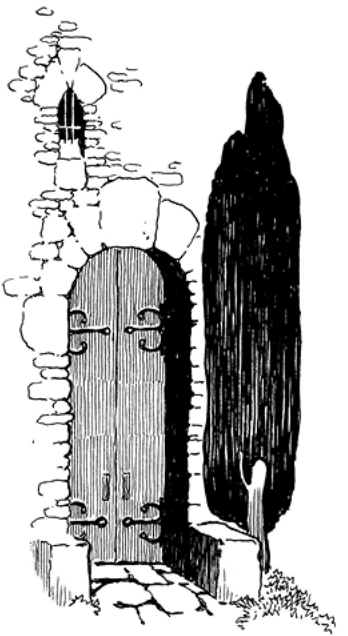
Они очутились в темном помещении, где было тесно даже им четверым. Лестница слева от них вела наверх, справа — вниз. С обеих сторон ее отгораживали сетчатые двери. Такую же решетку Бран увидел прямо у себя над головой. «Бойница». Хорошо, что теперь некому лить оттуда кипящее масло.

Обе двери были заперты, но их прутья совсем проржавели. Ходор схватился за ручку двери слева и, натужно кряхтя, потянул на себя. Дверь не поддалась. Тогда он ее толкнул, и тоже безуспешно. Ходор попробовал все, что мог — расшатывал прутья, пытался выбить их ногами и плечом, выламывал петли, стуча по ним огромными кулаками. Вскоре воздух наполнился клубами ржавой пыли, но дверь не уступала. Не большего успеха он добился и с нижней.

— Как видно, внутрь нам не пройти, — пожала плечами Мира.

Прямо над головой Брана располагалась бойница. Он потянулся к ней из своей корзины, тряхнул

решетку, и она вывалилась, вызвав обвал ржавчины и камня.



– *ХОДОР!* — завопил Ходор. Решетка стукнула Брана по голове и свалилась Жойену под ноги.

— Выходит, ты сильнее Ходора, мой принц? — засмеялась Мира, и Бран покраснел.

Ходор подсадил Миру и Жойена наверх через образовавшуюся дыру, а потом они под мышки втащили Брана. С Ходором дело застопорилось — он был слишком тяжел для Ридов. В конце концов Бран велел ему поискать большие камни. На острове в таких недостатка не было. Скоро Ходор нагромоздил под бойницей целую кучу и взобрался наверх.

— Ходор, — удовлетворенно молвил он, отдуваясь и ухмыляясь им всем.

Теперь они оказались в целом лабиринте мелких клетушек, но Мира через некоторое время вывела их к лестнице. Чем выше они поднимались, тем светлее становилось. На третьем этаже в толстых стенах появились амбразуры, на четвертом — настоящие окна. Пятый, самый верхний, весь состоял из одной большой круглой комнаты, из которой двери с трех сторон выходили на маленькие каменные балконы. В четвертой находилось отхожее место, откуда нечистоты стекали по трубе прямо в озеро.

Когда, они вышли на крышу, небо совсем затянуло, и на западе стало черным-черно. Плащ Брана полоскался и щелкал на сильном ветру.

— Ходор, — отозвался на это Ходор.

Мира прошлась по кругу.

— Я чувствую себя великаншей, стоя так высоко над миром.

— На Перешейке есть деревья вдвое выше этой башни, — напомнил ей брат.

— Да, но вокруг них растут такие же высокие деревья. На Перешейке мир тесен, и небо намного меньше. А здесь… чувствуешь этот ветер, брат? Ну посмотри, каким огромным сделался мир.

Отсюда и правда было далеко видно. На юге за холмами вздымались серые и зеленые горы, а на три другие стороны, сколько видел глаз, тянулись холмистые равнины Нового Дара.

— Я надеялся увидеть отсюда Стену, — сказал разочарованный Бран. — Глупо, конечно, — до нее, наверно, еще лиг пятьдесят. — От одних этих слов он почувствовал себя усталым и сразу замерз. — Жойен, а что мы будем делать, когда дойдем до Стены? Дядя всегда говорил, что она очень большая. Вышиной она семьсот футов и такая толстая, что ворота в ней больше похожи на ледяные туннели. Как нам перебраться на ту сторону, чтобы найти трехглазую ворону?

— Я слышал, вдоль всей Стены стоят заброшенные замки, — ответил Жойен. — Крепости, построенные Ночным Дозором, но теперь пустующие. Мы пройдем через один из них.

Старая Нэн называла их «призрачными замками», а мейстер Лювин однажды заставил Брана заучить все их названия наизусть. Это далось ему нелегко: всего замков девятнадцать, хотя заселенными даже в лучшие времена бывали не больше семнадцати. На пиру в честь приезда короля Роберта Бран перечислил их все дяде Бенджену — сначала с востока на запад, потом с запада на восток. Бенджен Старк тогда засмеялся и сказал: «Ты знаешь их лучше, чем я, Бран. Пожалуй, Первым Разведчиком следует назначить тебя, а я останусь здесь». Это было еще до того, как Бран упал и сломался. Когда он очнулся и увидел, что стал калекой, дядя уже вернулся в Черный Замок.

— Дядя говорил, что когда замок покидают, его ворота запечатывают льдом и камнем.

— Значит, нам придется открыть их заново, — сказала Мира.

— Нет, этого нельзя делать, — обеспокоился Бран. — Мало ли что может пройти через них с той стороны. Надо идти в Черный Замок и попросить лорда-командующего, чтобы он пропустил нас.

— Черного Замка мы должны избегать так же, как избегали Королевского тракта, — возразил

Жойен. — Там живут несколько сотен человек.

— Так ведь это же братья Ночного Дозора. Они дают клятву не участвовать в войнах.

— Это так, но хватит и одного клятвопреступника, чтобы выдать тебя островитянам или Болтонскому Бастарду. Кроме того, у нас нет уверенности, что Дозор позволит нам пройти. Они могут задержать нас или отослать обратно.

— Но мой отец был другом Дозора, а мой дядя — Первый Разведчик. Может, он знает, где живет трехглазая ворона. И Джон теперь тоже в Черном Замке. — Бран очень надеялся повидаться с Джоном и с дядей. Последние черные братья, посетившие Винтерфелл, говорили, что Бенджен Старк ушел в разведку и пропал, но теперь он уже, конечно, нашелся. — Может быть, нам даже лошадей дадут.

— Тихо. — Жойен, заслонив глаза рукой, смотрел в сторону заходящего солнца. — Там что-то движется… вроде бы всадник. Видите?

Бран тоже заслонил глаза и вдобавок прищурился. Сначала он не видел ничего, потом ему показалось, что это бегущий Лето. Но нет, это и правда был человек верхом на коне — слишком далеко, чтобы разглядеть еще что-нибудь.

— Ходор? — Ходор тоже держал руку над глаза-

ми, но смотрел не в ту сторону. — Ходор?

— Он не спешит, — сказала Мира, — но едет, по-моему, сюда, в деревню.

— Пойдемте-ка внутрь, пока он нас не увидел, — сказал Жойен.

— Лето должен быть где-то поблизости, — забеспокоился Бран.

— С Лето ничего не случится, — успокоила его Мира. — Этот человек одинок, и конь у него устал.

Они сошли вниз, и в этот самый миг на камень плюхнулись первые увесистые капли, а вскоре дождь полил вовсю. Даже сквозь толстые стены было слышно, как он лупит по озеру. Они сидели на полу в круглой комнате, а вокруг быстро темнело. Северный балкон выходил на деревню, и Мира выползла туда на животе, чтобы посмотреть, куда девался всадник.

— Он укрылся в разрушенной гостинице, — доложила она, вернувшись. — И, кажется, разводит огонь в очаге.

— Вот бы и нам развести огонь, — сказал Бран. — Я замерз. Под лестницей лежит поломанная мебель, я видел. Ходор может порубить ее, и мы согреемся.

Ходору понравилась эта мысль, и он с надеждой

произнес:

— Ходор.

— Огонь — это дым, — возразил Жойен, — а дым с этой башни виден далеко.

— Кто его здесь увидит? — заспорила с ним сестра.

— В деревне человек.

— Всего один.

— Довольно и одного, чтобы выдать Брана его врагам. У нас еще осталась половина вчерашней утки. Давайте поедим и отдохнем. Утром тот человек поедет своей дорогой, а мы пойдем своей.

Жойен, как всегда, настоял на своем, и Мира поделила утку на четверых. Вчера она поймала птицу сетью, когда та хотела взлететь со своего болотца. Холодная утка была не такая вкусная, как свежезажаренная, но голод они все-таки утолили. Бран и Мира ели грудку, Жойен — бедро, Ходор обглодал крыло и ножку, бормоча «Ходор» и облизывая пальцы. Сегодня была очередь Брана рассказывать, и он рассказал о другом Брандоне Старке, Корабельщике, который отправился за Закатное море.

Когда утка и рассказ подошли к концу, собрались сумерки. Дождь продолжал лить. Бран думал о том, где бродит Лето и удалось ли ему

поймать оленя.

Серый сумрак, наполнивший башню, постепенно сменялся тьмой. Ходор, не находя себе места, ходил кругами вдоль стен и каждый раз заглядывал в отхожее место, словно не мог запомнить, что там такое. Жойен, скрываясь во мраке, стоял у северного балкона и смотрел наружу. Далеко на севере сверкнула молния, на миг осветив башню. Ходор подскочил и замычал в испуге. Гром раздался, когда Бран сосчитал до восьми, и Ходор крикнул:

— *Ходор!*

«Хоть бы Лето не испугался. — Собаки в Винтерфелле боялись грозы, как и Ходор. — Надо бы выйти, поискать его, успокоить…»

Молния сверкнула снова, и теперь гром загремел на счет шесть.

— Ходор! — снова завел великан. — ХОДОР! ХОДОР! — И схватил свой меч, словно собираясь сразиться с бурей.

— Успокойся, Ходор, — сказал Жойен. — Бран, скажи ему, чтобы он не кричал. Ты можешь забрать у него меч, Мира?

— Попробую.

— Ходор, *тихо*, — сказал Бран. — Успокойся. Хватит тебе ходорить. Сядь.

— Ходор? — Конюх послушно отдал меч Мире, но вид у него был растерянный.

Жойен снова вгляделся во мрак и вдруг ахнул.

— Что случилось? — спросила Мира.

— В деревне люди.

— Кроме того, которого мы видели?

— Да. Вооруженные. Я видел у них топоры и копья. — Никогда еще голос Жойена не звучал так по-ребячьи. — Когда сверкнула молния, я увидел их под деревьями.

— Сколько их?

— Много. Не могу сосчитать.

— Конные?

— Нет, пешие.

— Ходор, — испуганно сказал Ходор. — Ходор. Ходор.

Бран и сам немного испугался, но не хотел показывать этого перед Мирой.

— А вдруг они придут сюда?

— Не придут. — Мира села рядом с ним. — Зачем им это надо?

— Чтобы укрыться, — мрачно сказал Жойен. — Если буря не утихнет. Мира, ты не могла бы спуститься и запереть дверь?

— Я ее даже закрыть не смогу, так она перекосилась. Через решетку им все равно не пройти.

— Кто знает. Они могут сломать замок или петли или пролезут через бойницу, как мы.

Молния прорезала небо, Ходор заскулил, и над озером прокатился гром.

— ХОДОР! — взревел он, зажав уши, и заковылял по кругу в темноте. — ХОДОР! ХОДОР! ХОДОР!

– *НЕТ!* — заорал на него Бран. — ПЕРЕСТАНЬ ХОДОРИТЬ!

Но все было без толку.

— ХОООООДОР! — стонал Ходор. Мира попыталась поймать его и успокоить, но он отшвырнул ее в сторону. — ХОООООООДОООООООР! — завопил

конюх, когда вновь сверкнула молния, а затем заорал уже Жойен, требуя, чтобы Мира и Бран угомонили Ходора.

— Да *тихо ты!* — испуганно взвизгнул Бран, безуспешно пытаясь ухватить Ходора за ногу. Тот пробежал мимо, но Бран все тянулся, тянулся…

Ходор споткнулся и внезапно умолк. Мотая головой, он уселся на пол и даже не обратил внимания на очередной раскат грома. Трое остальных едва осмеливались дышать.

— Бран, что ты с ним сделал? — прошептала Мира.

— Ничего. — Бран покачал головой. — Я не знаю. — Но он знал. «Я проник в него, так же, как и в Лето». На долю мгновения он стал Ходором. Бран испугался.

— Там, на берегу, что-то происходит, — сказал Жойен. — Кажется, я видел, как кто-то из них показывает на башню.

«Не стану я бояться», — сказал себе Бран. Он принц Винтерфелла, сын Эддарда Старка, почти что взрослый мужчина и к тому же варг, а не какой-нибудь малыш вроде Рикона. «Лето не стал бы бояться».

— Это скорее всего люди Амберов, — сказал он. — Или Кнотты, или Норри, или Флинты с гор,

а может, даже братья Ночного Дозора. Какие на них плащи, Жойен, — черные?

— Ночью все плащи черные, мой принц. Молния слишком быстро гаснет, чтобы рассмотреть, что на них надето.

— Черные братья были бы конные, разве нет? — насторожилась Мира. Брану в голову пришла еще одна мысль.

— Не важно, кто они. Сюда они все равно не доберутся, если у них нет лодки и они не знают про дорожку.

— Про дорожку? — Мира взъерошила Брану волосы и поцеловала его в лоб. — Милый ты наш принц! А ведь он прав, Жойен: про дорожку они не знают. А если б и знали, то все равно не нашли бы ее ночью и в дождь.

— Ночь когда-нибудь да кончится. Если они останутся тут до утра… — Жойен помолчал и сказал: — Они раздувают огонь, который разжег тот, первый. — Снова вспыхнула молния, наполнив башню светом и четкими тенями. Ходор раскачивался, бормоча что-то себе под нос.

В этот яркий миг Бран почувствовал страх Лета. Он закрыл два глаза, открыл третий, человечья кожа сползла с него, как плащ, он оставил башню позади…

...И очутился под дождем с набитым олениной брюхом. Он затаился в кустах, а небо над ним сверкало и гремело. Запах гнилых яблок и мокрых листьев почти заглушал человечий дух, но и он тоже чувствовался. Люди двигались под деревьями, позвякивая своими твердыми шкурами. Мимо прошагал человек с палкой — натянутая на голову шкура делала его слепым и глухим. Волк обошел его, прокравшись за мокрым терновым кустом и под голыми ветками яблони. Он слышал людские разговоры, и сквозь запахи дождя, листьев и лошади пробивался резкий красный смрад страха...

Джон

Под ногами расстилался буро-зеленый ковер из палых листьев и сосновых игл, еще сырой после недавних дождей и чмокающий во время ходьбы. Вокруг стояли огромные голые дубы, высокие страж-деревья и целые полчища гвардейских сосен. На холме виднелась еще одна заброшенная башня, почти до самой вершины заросшая толстым зеленым мхом.

— Кто построил эти каменные штуки — какой-нибудь король? — спросила Игритт.

— Нет, простые люди, которые здесь жили.

— Куда же они все подевались?

— Умерли или ушли отсюда. — Земли Брандонова Дара обрабатывались несколько тысяч лет, но теперь в захиревшем Дозоре не стало рук,

чтобы распахивать поля, разводить пчел и ухаживать за садами, и дикая природа отвоевывала назад возделанные угодья и человеческие жилища. Здесь, на Новом Даре, прежде было много деревень, чьи жители платили Дозору оброк или работали на него, но и они почти все опустели.

— Дураки же они были, что бросили такой замок, — сказала Игритт.

— Это всего лишь башня, и жил в ней какой-то мелкий лорд со своей семьей и немногими домочадцами. Во время набегов он зажигал сигнальный костер у себя на крыше. Винтерфелльские башни втрое выше, чем эта.

Игритт взглянула на Джона с явным недоверием.

— Как могут люди строить такие высокие здания без помощи великанов?

По легенде, великаны действительно помогали Брандону-Строителю возводить Винтерфелл, но Джону не хотелось упоминать об этом.

— Очень даже могут. В Староместе есть башня, которая выше Стены. — Джон видел, что Игритт ему не верит. «Вот если бы показать ей Винтерфелл… сорвать ей цветок в его теплицах, пригласить на пир в Великий Чертог, сводить ее к каменным королям на своих тронах. Они вы-

купались бы с ней в горячих прудах и предались любви под сердце-деревом, под взором старых богов».

Заманчивая мечта, но Винтерфелл — не его дом, чтобы привозить туда кого-то. Замок принадлежит его брату, Королю Севера, а он всего лишь Сноу, а не Старк. «Бастард, клятвопреступник и предатель».

— Мы могли бы потом вернуться и поселиться в этой башне. Хочешь, Джон Сноу? После?

«После. — Это слово пронзало его, как копье. — После войны. После победы. После того, как одичалые проломят Стену».

Его лорд-отец говорил, что надо бы создать новых лордов и расселить их в заброшенных крепостях, чтобы они служили щитом против одичалых. Чтобы осуществить это, Дозору пришлось бы уступить значительную часть Дара, но дядя Бенджен полагал, что лорда-командующего можно будет уговорить, если новые лорды будут платить подати Черному Замку, а не Винтерфеллу. «Но с этим придется подождать до

весны, — сказал лорд Эддард. — Людей даже землями и титулами не заманишь на Север, когда зима близко».

«Если бы зима пришла и ушла раньше, то весной я мог бы занять одну из этих башен от имени моего лорда-отца». Но лорд Эддард мертв, его брат Бенджен пропал без вести, и щит, о котором они мечтали, никогда не будет выкован.

— Эта земля принадлежит Дозору, — сказал Джон.

Игритт сердито раздула ноздри.

— Но здесь никто не живет.

— Потому что ваши одичалые всех разогнали.

— Значит, здесь жили одни трусы. Если твоя земля тебе дорога, за нее надо сражаться.

— Может, им надоело сражаться. Надоело каждый раз запирать двери на ночь и бояться, как бы кто-нибудь вроде Гремучей Рубашки не выломал их и не увез твою жену. Надоело, что у них забирают весь урожай и все добро, какое есть. Проще уйти туда, где разбойники тебя не достанут. — «Но если Стена падет, от разбойников на всем Севере не станет покоя».

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Крадут только дочерей, а не жен. И это *вы* воры, а не мы. Вы захапали себе весь мир и поставили Стену,

чтобы отгородиться от вольного народа.

— Да ну? — Иногда Джон забывал, до чего она дикая, но Игритт ему быстро напоминала. — Как же это так получилось?

— Боги создали землю для всех людей, но потом пришли короли с коронами и стальными мечами и потребовали ее себе. «Мои деревья, — говорили они, — не ешьте с них яблок. Мой ручей — не ловите в нем рыбу. Моя земля, мой замок, моя дочь, уберите руки, не то я отрублю их, но если вы поклонитесь мне, я, может, и дам вам понюхать». Вы обзываете нас ворами, но вор хотя бы должен быть храбрым, умным и ловким, а поклонщик только и умеет, что кланяться.

— Харма и Мешок Костей приходят не за рыбой и яблоками. Они берут мечи и топоры, пряности, шелк и меха. Они хватают каждую монету и каждое колечко, какие им попадутся, бочки с вином летом и бочки с солониной зимой, а женщин забирают во всякое время и тащат все это за Стену.

— Ну и что? Пусть бы меня лучше украл сильный мужчина, чем отец отдал бы какому-нибудь слабаку.

— Хорошо тебе говорить. А если бы тот, кто тебя украл, был тебе противен?

— Если он сумел меня украсть, значит, он про-

ворный, хитрый и храбрый, и сыновья от него родятся такие же. Почему он должен быть мне противен?

— Может, он никогда не моется, и от него разит, как от медведя.

— Тогда я спихнула бы его в ручей или водой бы окатила. Да от мужчин и не должно пахнуть цветами.

— Что в них плохого, в цветах?

— Ничего — для пчелки. Мне подавай вот это. — Рука Игритт метнулась к его ширинке, но Джон перехватил ее.

— А если бы мужчина, укравший тебя, оказался пьяницей? Если бы он был жестоким? — Джон стиснул пальцы, чтобы до Игритт лучше дошло. — Что если бы он был сильнее тебя, и ему нравилось бы избивать тебя в кровь?

— Я бы перерезала ему глотку, пока он спал. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. — И она вывернулась от него, как угорь.

«Я знаю одно: ты дикая душой и телом». Об этом легко забыть, когда они смеются или целуются, но потом кто-нибудь непременно говорит или делает то, что напоминает им о стене между их мирами.

— Либо женщина, либо нож — и то и другое

мужчина иметь не может. Наши матери сызмальства учат этому дочек. — Игритт с вызовом тряхнула своей рыжей гривой. — И землей человек владеть не может, как не может владеть морем или небом. Твои поклонщики думают иначе, но Манс покажет вам, что вы ошибаетесь.

Красиво сказано, да только пустые это слова. Джон оглянулся, чтобы убедиться, что магнар их не слышит. Эррок, Чирей и Пеньковый Дан шли в нескольких ярдах за ними, но не обращали на них внимания. Чирей, как обычно, жаловался на свою задницу.

— Игритт, — сказал Джон вполголоса, — Манс не сможет выиграть эту войну.

— Сможет! — возразила она. — Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Ты еще не видел, как сражается вольный народ!

Одичалые дерутся как герои или как демоны, в зависимости от того, кто говорит, но кончается это всегда одним и тем же. «Они дерутся с бесшабашной отвагой, и каждый сам себе голова».

— Я не сомневаюсь, что все вы храбрецы, но в битве дисциплина всегда берет верх над доблестью. Рано или поздно Манс потерпит поражение, как все Короли за Стеной до него. И когда это случится, ты умрешь. Вы все умрете.

Игритт посмотрела на него с такой злобой, как будто хотела его ударить.

— Не *вы*, а *мы*. Ты тоже. Ты больше не ворона, Джон Сноу. Я поклялась в этом, и ты лучше меня не подводи. — Она прижала его к дереву и поцеловала прямо в губы у всех на виду. Кригг-Козел стал подзадоривать ее, кто-то еще засмеялся. Джон, несмотря на все это, поцеловал ее в ответ. Когда они наконец оторвались друг от друга, Игритт пылала румянцем. — Ты мой, — шепнула она. — Ты мой, а я твоя. Умирать так умирать, Джон Сноу, — все когда-нибудь умирают. Но сначала мы поживем.

— Да. — У него перехватило горло. — Сначала поживем.

На это она усмехнулась, показав кривые зубы, которые он успел полюбить. «Дикая душой и телом», — с едкой печалью, снова подумал он. Пальцы его правой руки привычно согнулись и разогнулись. Что сделала бы Игритт, если бы знала, что у него на сердце? Как бы она поступила, если бы он усадил ее рядом с собой и признался, что остается сыном Неда Старка и братом Ночного Дозора? Выдала бы его? Он надеялся, что нет, но рисковать не смел. Слишком много жизней зависит от того, доберется ли он до Черного Зам-

ка раньше магнара… и сумеет ли он сбежать от одичалых.

Они спустились на южную сторону Стены у Серого Дозора, покинутого двести лет назад. Один пролет его огромной каменной лестницы уже сто лет как обвалился, но спускаться все равно было куда легче, чем подниматься. Оттуда Стир сразу увел их в глубину Дара, чтобы избежать караулов дозора. Кригг-Козел обходил стороной немногие населенные деревни, еще оставшиеся в этих краях. Не считая нескольких круглых башен, торчавших в небе, как каменные пальцы, они не видели никаких следов человека. Никем не замеченные, они шли по мокрым холмам и продутым ветром равнинам.

«Ты не должен колебаться, что бы от тебя ни потребовали, — сказал Джону Полурукий. — Дели с ними дорогу, еду, сражайся с ними рядом, сколько будет нужно». Джон проехал с ними много лиг и еще больше прошел пешком, делил с ними хлеб и соль, а с Игритт даже спал под одним одеялом, но они ему по-прежнему не доверяли. Тенны следили за ним днем и ночью, и он не мог уйти. Еще немного — и будет поздно.

«Сражайся с ними рядом», — сказал Куорен, прежде чем погиб от Длинного Когтя… но до этого

пока еще не дошло. Если Джон прольет братскую кровь, он пропал, и не будет ему места по эту сторону Стены.

После каждого дневного перехода магнар требовал его к себе и спрашивал о Черном Замке, его гарнизоне и мерах защиты. Джон лгал, когда хватало смелости, и прикидывался незнающим, когда мог, но Кригг-Козел и Эррок тоже присутствовали при этом. Им было известно довольно много, и приходилось соблюдать осторожность. Слишком откровенная ложь могла выдать его.

Правда, однако, была ужасна. Черный Замок ничем не защищен, кроме самой Стены. Там нет даже деревянного палисада или земляного вала. Так называемый «замок» — всего лишь кучка башен и прочих строений, две трети которых совсем развалилось. Что до гарнизона, Старый Медведь увел с собой двести человек, и Джон не знал, вернулись они или нет. В замке осталось около четырех сотен, но почти все они строители или стюарды, а не разведчики.

Тенны — закаленные воины, более дисциплинированные, чем большинство одичалых; поэтому Манс, несомненно, их и выбрал. А среди защитников Черного Замка будут слепой мейстер Эйемон и его подслеповатый стюард

Клидас, однорукий Донал Нойе, вечно пьяный септон Селладор, Глухой Дик Фоллард, трехпалый повар Хобб, старый сир Уинтон Стаут, а также Халдер, Жаба, Пип, Албетт и другие мальчишки, проходившие обучение вместе с Джоном. Командует ими Боуэн Марш, краснолицый и толстый Первый Стюард, которого лорд Мормонт назначил кастеляном в свое отсутствие. Скорбный Эдд прозвал его Старым Гранатом, и это подходило Маршу так же, как Мормонту — «Старый Медведь». «Он как раз тот человек, кого надо выставить вперед, когда враги показались в поле, — говорил Эдд своим обычным унылым голосом. — Он их мигом всех пересчитает. В счете он настоящий демон».

«Если магнар застанет Черный Замок врасплох, там будет кровавая бойня. Ребят перебьют прямо в постелях — они не успеют даже сообразить, что произошло». Надо предупредить их, но как? Джона никогда не посылают на фуражировку или на охоту, даже в караул одного не выставляют. Кроме того, он боялся за Игритт. С собой ее брать нельзя, а если он ее бросит, магнар заставит ее ответить за его предательство. «Два сердца, что бьются, как одно».

Они каждую ночь спали под одними шкурами,

и он привык, что ее голова лежит у него на груди и рыжие волосы щекочут ему подбородок. Ее запах стал частью его самого. Ее кривые зубки, ее грудь в его ладони, вкус ее губ… все это было его радостью и отчаянием. Может быть, его лорд-отец чувствовал то же самое к его матери, кем бы она ни была? «Игритт — это западня, в которую меня загнал Манс Налетчик».

Каждый день, проведенный им с одичалыми, делал предстоящее еще тяжелее. Он должен придумать, как ему предать этих людей, и когда он предаст их, они погибнут. Он не хотел их дружбы, как не хотел любви Игритт, и все-таки… тенны говорили на древнем языке и редко обменивались с ним хотя бы словом, но с разведчиками Ярла дело обстояло иначе. Джону помимо воли пришлось узнать их поближе: тощего тихого Эррока и общительного Кригга-Козла, юных Кворта и Боджера, Пенькового Дана, изготовителя веревок. Хуже всех был Дел, ровесник Джона; он постоянно мечтал вслух о девушке-одичалой, которую задумал украсть. «Она счастливая, как твоя Игритт. Ее тоже поцеловал огонь».

Джон каждый раз прикусывал язык. Он не хотел ничего знать ни о девушке Дела, ни о матери Боджера, ни о приморской деревне, где родился Хенк-Шлем, ни о желании Кригга навестить зеленых людей на Острове Ликов, ни о том, как лось загнал Недотепу на дерево. Он не хотел слышать о чирьях на заднице Чирея, о том, сколько может выпить Камнепалый и как младший братишка Кворта упрашивал его не ходить с Ярлом. Кворту не могло быть больше четырнадцати, но он уже украл себе жену, и она ожидала ребенка. «Может, он у нас родится в каком-нибудь замке, — загадывал парень, — прямо как лорд!» «Замки», под которыми он разумел сторожевые башни, произвели на него сильное впечатление.

Джон гадал, где теперь Призрак. Отправился

в Черный Замок или бегает с волчьей стаей в лесу? Джон не чувствовал его даже во сне, и ему казалось, что он лишился части себя. Ему было одиноко, несмотря на спящую рядом Игритт, и он не хотел умирать в одиночестве.

В этот день деревья стали редеть, и они вышли на холмистую равнину. Трава доходила им до пояса, и ветер, налетая порой, качал колосья дикой пшеницы, но в целом день был теплый и ясный. Однако к закату на западе стали собираться тучи. Вскоре они закрыли оранжевое вечернее солнце, и Ленн предсказал, что будет буря. Его мать была лесной ведьмой, и все разведчики признавали за ним дар предсказывать погоду.

— Тут поблизости есть деревня, — сказал магнару Кригг-Козел. — Милях в двух или трех. Грозу можно переждать там. — Стир тут же дал согласие.

Уже давно стемнело, и гроза бушевала вовсю, когда они добрались до места. Деревня стояла у озера, и жители покинули ее так давно, что большинство домов разрушилось. Даже маленькая бревенчатая гостиница, когда-то, наверно, являвшая отрадное зрелище для глаз путника, осталась без крыши. «Незавидное убежище», — мрачно подумал Джон. При вспышках молнии он разглядел

на островке посреди озера круглую каменную башню, но без лодки до нее было не добраться.

Эррок и Дел, отправившись вперед, обшарили развалины, но Дел почти тотчас же вернулся. Стир остановил колонну и выслал на подмогу дюжину своих теннов с копьями. Теперь и Джон заметил красное зарево над гостиничной трубой. «Значит, мы здесь не одни». Страх свернулся в нем кольцами, как змея. Послышалось ржание лошади, потом крики. «Дели с ними дорогу и еду и сражайся с ними рядом», — сказал Куорен.

Однако и на этот раз обошлось без боя.

— Там только один человек, — доложил Эррок. — Старик с лошадью.

Магнар выкрикнул приказ на древнем языке, и двадцать теннов расположились кольцом вокруг деревни, а остальные принялись обыскивать дома, чтобы убедиться, что там больше никто не прячется. Лазутчики Ярла ввалились в лишенную крыши гостиницу, толкая друг друга, чтобы подойти поближе к очагу. Ветки, которые наломал старик, давали больше дыма, чем тепла, но в такую дождливую ночь любое тепло было желанным. Двое теннов бросили старика наземь и обыскали. Еще один держал его лошадь, и трое рылись в седельных сумках.

Джон отошел. Под ногой чавкнуло гнилое яблоко. «Стир убьет старика». В Сером Дозоре магнар заявил, что все поклонщики, которые им встретятся, будут тут же преданы смерти, чтобы не подняли тревогу. «Дели с ними дорогу и еду, сражайся с ними рядом». Значит ли это, что он должен молчать, когда старику перережут горло?

На краю деревни Джон столкнулся с одним из выставленных Стиром часовых. Тенн проворчал что-то на древнем языке и ткнул копьем в сторону гостиницы: ступай, мол, туда, где твое место. «Только вот где оно, мое место?»

Он пошел к озеру и нашел почти сухое место под покосившейся глинобитной стеной полуразрушенного дома. Там и нашла его Игритт — он сидел и смотрел на рябящее под дождем озеро.

— Я знаю это место, — сказал он ей, когда она села рядом. — Эта башня… погляди на ее верхушку, когда будет молния, и скажи мне, что видишь.

— Ладно. Тенны говорят, что слышали оттуда шум — будто кричал кто-то.

— Это гром.

— Нет, они говорят — кричали. Может, там привидения водятся.

Башня, чернеющая под дождем на своем каме-

нистом острове, и впрямь напоминала обитель призраков.

— Пошли посмотрим, — предложил Джон. — Больше, чем теперь, мы все равно не промокнем.

— Это вплавь-то? В грозу? — засмеялась Игритт. — Ты это придумал, чтобы я разделась, Джон Сноу?

— Для этого и придумывать ничего не надо, — поддразнил ее он. — Может, ты просто плавать не умеешь? — Сам Джон плавал хорошо — он обучался этому в большом рву Винтерфелла.

Игритт дала ему тумака.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Я плаваю как рыба. Сам увидишь.

— Рыба, горная коза, лошадка… слишком много в тебе всякой живности, Игритт. Но если это то самое место, что я думаю, плыть нам не придется. Мы перейдем туда на ногах.

— По воде? — воззрилась на него Игритт. — Это какое-то южное колдовство?

— Нет… — начал он, но тут прямо в озеро ударила молния, и на миг все стало видно, как днем. Вслед за этим громыхнуло так оглушительно, что Игритт зажала уши.

— Ну что, видела? — спросил ее Джон, когда гром откатился прочь и ночь снова сделалась

черной.

— Там что-то желтеет, — сказала она. — Ты про это? Камни, которые торчат у нее на верхушке, желтые.

— Они называются крепостными зубцами. Когда-то давно их позолотили — это Корона Королевы.

Башня на озере снова едва виднелась во мраке.

— В ней жила королева? — спросила Игритт.

— Только ночевала. — Ему рассказывала эту историю старая Нэн, но мейстер Лювин подтвердил, что это правда. — Алисанна, жена Джейехейриса Умиротворителя. Его прозвали Старым Королем, потому что он долго правил, но на Железный Трон он взошел молодым. В те дни он вознамерился объехать все свое государство. В Винтерфелл он прибыл со своей королевой, шестью драконами и половиной своего двора. Пока король обсуждал дела с Хранителем Севера, Алисанне стало скучно, поэтому она села на своего дракона Среброкрылого и полетела на север, посмотреть Стену. Эта деревня — одно из мест, где она останавливалась. После этого здешние жители позолотили верхушку своей башни в память о короне королевы, которая провела у них ночь.

— Я никогда не видела дракона, — сказала

Игритт.

— Их никто не видел. Последний дракон умер лет сто назад. Но королева побывала здесь намного раньше.

— Ты говоришь, ее звали Алисанна?

— Да. Добрая королева Алисанна, как ее теперь называют. Один из замков Стены тоже назван в ее честь: Врата Королевы. До ее посещения он назывался «Снежные Врата».

— Будь она доброй, она снесла бы эту Стену.

«Ну уж нет, — подумал Джон. — Стена защищает государство от Иных… и от таких, как ты, моя милая».

— У меня был один друг, который мечтал о драконах. Карлик. Он…

– *ДЖОН СНОУ!* — Перед ними вырос один из теннов. — Магнар зовет. — Тенн, кажется, был тот самый, который нашел Джона в лесу у пещеры в ночь накануне подъема на Стену, но Джон не был в этом уверен. Игритт отправилась с ним. Стир каждый раз хмурился при виде ее, но когда он пытался отослать ее прочь, она напоминала ему, что она вольная женщина, а не какая-нибудь поклонщица. Захочет — уйдет, захочет — придет.

Магнар стоял под деревом, росшим внутри бывшей гостиницы. Его пленник стоял на коленях

у очага, в окружении копий и бронзовых мечей. Глядя на вошедших, он не произнес ни слова. Дождь стекал по стенам и поливал последние удержавшиеся на дереве листья, от огня густо валил дым.

— Он должен умереть, — сказал Стир. — Сделай это, ворона.

Старик, окруженный одичалыми, молча смотрел на Джона. Среди дождя и дыма, при тусклом свете огня, он вряд ли мог рассмотреть, что Джон одет в черное, не считая овчинного плаща. «Или все-таки мог?»

Джон вынул из ножен Длинный Коготь. Дождь омыл сталь, и огонь прочертил по краю оранжевую линию. «Какой-то жалкий огонек стоил человеку жизни». Джон вспомнил, что сказал Куорен Полурукий, когда они увидели костер на Воющем перевале. «Огонь там наверху — это жизнь, но может стать и смертью». Но это было высоко в Клыках Мороза, за Стеной, где нет никаких законов, а здесь Дар, находящийся под защитой Ночного Дозора и Винтерфелла. Здесь человек имеет право развести костер, не опасаясь умереть за это.

— Почему ты медлишь? — спросил Стир. — Убей его, и покончим с этим.

Пленник и теперь промолчал. «Сжальтесь», — мог бы сказать он, или: «Вы забрали у меня лошадь, деньги и провизию — оставьте хотя бы жизнь», или: «Нет, прошу вас, я ведь ничего вам не сделал». Он мог бы сказать тысячу разных вещей, или заплакать, или воззвать к своим богам. Впрочем, никакие слова не спасли бы его теперь, и он, наверно, это знал. Поэтому он не говорил ничего и только смотрел на Джона обвиняющим и в то же время просящим взглядом.

«Ты не должен колебаться, что бы от тебя ни потребовали. Дели с ними дорогу и еду, сражайся с ними рядом...» Но этот старик не оказывал сопротивления. Ему не повезло, вот и все. Кто он, откуда ехал и куда направлялся на этой своей вислозадой кляче — все это больше не имело значения.

«Он стар, — говорил себе Джон. — Ему все пятьдесят, а то и шестьдесят. Он жил дольше многих других. Тенны все равно его убьют, мне его не спасти». Длинный Коготь казался тяжелым, как свинец, неподъемным. Старик все смотрел на него глазами большими и черными, как два колодца. «Сейчас я провалюсь в них и утону». Магнар тоже смотрел на него, и Джон явственно чувствовал его недоверие. Этот человек — покой-

ник. Какая разница, от чьей руки он умрет, от моей или от чужой? Довольно будет одного удара, скорого и чистого. Длинный Коготь выкован из валирийской стали. «Как и Лёд». Джон вспомнил другую смерть, стоящего на коленях дезертира, голову, скатившуюся у него с плеч, яркую кровь на снегу… отцовский меч, отцовские слова, отцовское лицо…

— Сделай это, Джон Сноу, — поторопила Игритт. — Так надо. Это всем докажет, что ты не ворона, а вольный человек.

— Старик виноват только в том, что сидел у костра.

— Орелл тоже сидел у костра, однако его ты убил не задумываясь. — Взгляд Игритт, устремленный на него, был тяжел. — И меня хотел убить — пока не увидел, что я женщина — спящую.

— Это другое. Вы были воины… часовые.

— Верно, а вы, вороны, не хотели, чтобы вас видели. Вот и мы не хотим. Это одно и то же. Убей его.

Джон повернулся к старику спиной.

— Нет.

Магнар приблизился к нему, высокий, холодный и грозный.

— Да. Я приказываю.

— Ты командуешь теннами, а не вольным народом, — сказал ему Джон.

— Я не вижу здесь вольных людей — только ворону и его жену.

— Я не воронья жена! — Игритт выхватила из ножен свой нож. Сделав три быстрых шага, она сгребла старика за волосы, запрокинула ему голову и перерезала горло от уха до уха. Он и умер молча, не вскрикнув. — Ничего, *ничего* ты не знаешь, Джон Сноу! — крикнула Игритт и швырнула ему под ноги окровавленный нож.

Магнар сказал что-то на древнем языке — должно быть, приказал своим теннам убить Джона, но Джону не довелось узнать, так ли это. Молния разодрала небо, ударив в вершину башни на озере. Они ощутили всю мощь этого удара, а последовавший раскат грома поколебал самую ночь.

Еще миг — и в их круг ворвалась смерть.

Молния ослепила Джона, но он все-таки увидел эту верткую тень, прежде чем услышал первый вопль. Первый тенн умер, как и старик, с разодранным горлом. Свет померк, тень с рычанием метнулась в другую сторону, и второй тенн рухнул наземь. Слышались проклятия, крики, вопли боли. Чирей шарахнулся назад, сбив с ног

трех человек у себя за спиной. «Призрак, — на один безумный миг подумал Джон. — Призрак перебрался через Стену». Но молния опять превратила ночь в день, и он увидел волка, стоящего с окровавленной мордой на груди у Дела. «Серый. Он серый».

Тьма вновь обрушилась на них с ударом грома. Тенны тыкали копьями в снующего туда-сюда волка. Кобыла старика, обезумев от запаха крови, встала на дыбы, молотя копытами в воздухе. Длинный Коготь все еще оставался в руке у Джона, и он понял, что лучшего случая у него не будет.

Он зарубил первого, кто ему подвернулся, отшвырнул в сторону второго, замахнулся на третьего. Кто-то выкрикнул его имя, но он не разобрал кто — Игритт или магнар. Тенну, державшему лошадь, было не до того, чтобы смотреть по сторонам. Легким как перышко Длинным Когтем Джон ударил его сзади по ноге, и клинок вошел до кости. Одичалый упал. Джон успел словить лошадь за гриву левой рукой и вскочил ей на спину. Кто-то схватил его за лодыжку. Он рубанул сверху вниз и увидел залившееся кровью лицо Боджера. Лошадь взвилась на дыбы, молотя копытами воздух. Один из ударов попал тенну в

висок, размозжив тому голову.

В следующий миг они уже неслись прочь. Джон не пытался править лошадью — ему стоило больших усилий удержаться на ней во время этой бешеной скачки. Мокрая трава хлестнула его по лицу, чье-то копье пролетело у самого уха. «Если лошадь сломает ногу, меня догонят и убьют», — думал он, но старые боги сопутствовали ему, и лошадь не упала. Молния снова пронзила черный купол неба, гром прокатился по равнине, и крики затихли вдали.

Долгое время спустя дождь перестал. Джон оказался один среди моря высокой черной травы. В правом бедре пульсировала боль, и он с удивлением увидел торчащую там стрелу. Когда же это случилось? Он ухватился за древко и потянул, но наконечник засел глубоко в мякоти, и попытка вытащить его вызвала мучительную боль. Джон попытался вспомнить то, что произошло в гостинице, но в памяти остался только зверь, серый, поджарый и страшный. «Он слишком велик для обычного волка — значит это лютоволк». Никогда еще Джон не видел, чтобы зверь двигался с такой быстротой. «Словно серый ветер…» Что, если Робб вернулся на Север?

Джон потряс головой. Нет, это слишком тяжело

— думать… о волке, о старике, об Игритт, обо всем…

Он кое-как слез с кобылы. Раненая нога подогнулась, и он с трудом сдержал крик. «Ох и намучаюсь же я». Но стрелу надо вытащить, и медлить с этим нет смысла. Джон зажал оперение в кулаке, набрал воздуху и протолкнул стрелу вперед. Боль была такая, что он тут же остановился, кряхтя и ругаясь. «Крови как из резаной свиньи», — подумал он, но с этим пока ничего нельзя было поделать. Джон попробовал еще раз… и снова остановился, весь дрожа. «Еще…» На этот раз он заорал, но наконечник вышел с той стороны бедра. Джон прижал к телу окровавленные штаны, сморщился и медленно вытянул стрелу из ноги. Он так и не понял, как ему удалось сделать это, не потеряв сознания.

Он долго лежал на земле, сжимая в руке свой трофей и истекая кровью, слишком слабый, чтобы шевелиться. Потом до него дошло, что он умрет, если чего-нибудь не предпримет. Джон подполз к мелкому ручью, из которого пила его лошадь, промыл ногу холодной водой и завязал полоской, оторванной от подкладки плаща. Стрелу он тоже вымыл. Какое на ней оперение — серое или белое? Игритт оперяла свои стрелы

бледно-серыми гусиными перьями. «Не она ли выстрелила в меня, когда я умчался прочь?» Джон не винил ее. Он хотел бы только знать, в него она целила или в лошадь. Если бы подбили кобылу, ему пришел бы конец.

— К счастью, стрела попала в меня, — пробормотал он.

Он отдохнул немного, дав лошади попастись. Далеко она не отходила, и это был добрый знак. С больной ногой он бы ее нипочем не поймал. Все, на что его хватило, — это встать и взобраться на нее. «Как я мог скакать на ней раньше, без седла и стремян, с мечом в одной руке?» Это осталось для него загадкой.

Вдалеке прокатился гром, но тучи над головой понемногу рассеивались. Джон отыскал на небе Ледяного Дракона и повернул лошадь на север, к Стене и Черному Замку. Морщась от боли в бедре, он подгонял кобылу пятками. «Я еду домой», — говорил он себе. Но если это правда, почему у него на душе так пусто?

Он ехал до рассвета, и звезды смотрели на него, как глаза.

